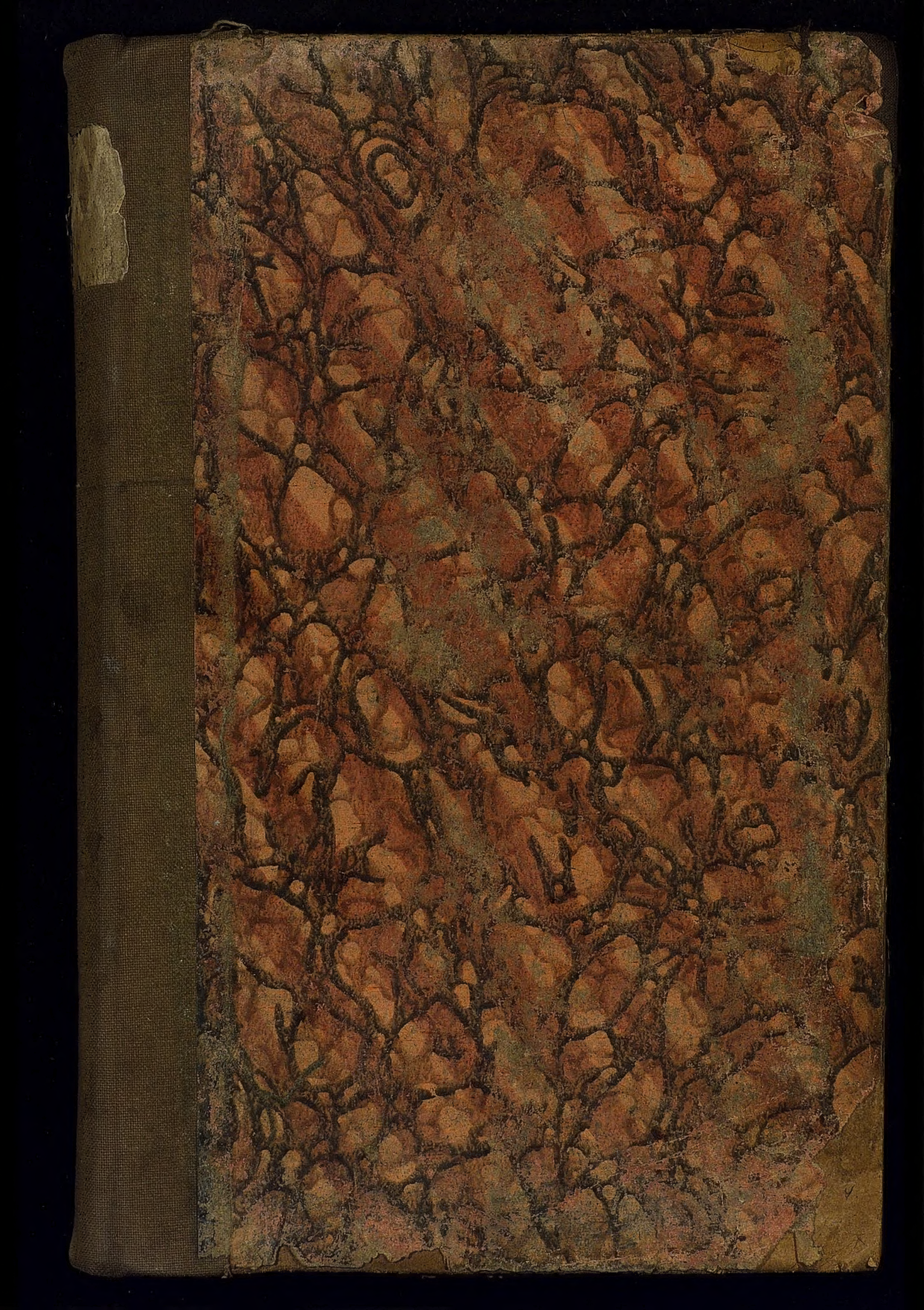

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ.

Редакцiя и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе". Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ. — НОЯБРЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: Д. Д. Гримма — по средамъ отъ 3 до 4 ч., по субботамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч., по субботамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря — по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ПСЕВДОНИМЫ.

(Окончаніе [1]).

X.

...Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ я не прикасался къ своимъ запискамъ. Многое постигъ я за это время на собственной шкурѣ; много безднъ открылось моему оторопѣлому взору. Главное, я на себѣ самомъ узналъ, какъ падаетъ человѣкъ, узналъ, что онъ на все способенъ... при случаѣ, конечно, что возможны самыя невозможныя и невѣроятныя метаморфозы.

Мы съ Чабановымъ сдѣлались пріятелями. Насъ сблизила общая ненависть къ Лецкой, которая, какъ мы старались увѣрить себя и другъ друга, надругалась надъ нашими лучшими чувствами. Я уже не скрывалъ передъ Чабановымъ своего прежняго чувства къ ней, потому что теперь мы оба съ нимъ были одинаково обмануты и возмущены. Но такъ какъ моя ненависть первое время еще немножко сомнѣвалась, спотыкалась, а Чабановъ, какъ цѣльная натура, ненавидѣлъ и негодовалъ всей утробой, то онъ скоро взялъ верхъ надо мной и далъ тонъ нашимъ отношеніямъ къ Лецкой.

Я утратилъ способность не только работать, но и думать о чемъ-либо, кромѣ скандала съ Лецкой, а сидѣть дома въ томительной праздности былъ совершенно не въ силахъ. Поэтому повадился шататься съ Чабановымъ по ресторанамъ и загороднымъ садамъ. Первое время я колебался, вспоминая тошнотное ощущеніе моего рестораннаго дебюта, такъ какъ я совершенно не привыкъ къ ресторанамъ и выпивкамъ и больше всего на свѣтѣ дорожилъ трезвой мыслью. Однако, проведя два-три вечера съ Чабановымъ за бутылками, я успѣлъ не только привыкнуть, но даже войти во вкусъ и начиналъ уже съ нетерпѣніемъ ожидать часа, когда Кузьма Лонговичъ заѣдетъ за мной въ своемъ автомобилѣ.

---

[1] См. октябрь, стр. 5.

Ничто, кажется, не даетъ такой неисчерпаемой пищи для общенія, какъ ненависть, сплетня, злословіе. Я просиживалъ порой съ Чабановымъ до утра сначала въ одномъ ресторанѣ, потомъ въ другомъ, и мнѣ уже было скучно. Мы занимались тѣмъ, что распаляли другъ въ другѣ ненависть, презрѣніе къ женщинѣ вообще и къ Лецкой въ частности, къ этому „снадобью", какъ величалъ ее Чабановъ. Впервые я позналъ, что есть какое-то затягивающее сладострастіе въ самомъ необузданномъ цинизмѣ, въ обнаженіи отвратительной изнанки жизни, въ оплевываніи красоты, поэзіи.

Однажды Чабановъ затащилъ меня къ себѣ и выложилъ передо мной ворохъ записочекъ и писемъ, адресованныхъ къ Лецкой.

— Она, изволите видѣть, такъ спѣшила на свиданіе съ своимъ милымъ другомъ, что даже забыла замести слѣды. Тутъ есть прелюбопытные, я вамъ скажу, документики...

Очевидно, Лецкая уѣхала экспромптомъ, иначе она, конечно, сожгла бы или увезла съ собой весь этотъ бумажный ворохъ. Быть можетъ, она хотѣла только проводить Асторина до „Сосенокъ" и потомъ вернуться домой?

— Гдѣ вы нашли эти письма?

— У нея въ столѣ. Само собой — хранились подъ замкомъ... Позвалъ слесаря, — чикъ! и готово... Думалъ, тамъ у нея деньги запрятаны, а вдругъ оказывается... Это, дорогой мой, поинтереснѣе всякихъ денегъ будетъ. Вотъ почитайте-ка... Или я вамъ прочту, а вы поприслушайте.

Я успѣлъ уже до такой степени развратиться, что меня не покоробило похищеніе со взломомъ чужихъ писемъ, и хотя я отказался читать, но отъ „поприслушиванія" не уклонился. Тутъ былъ рядъ записокъ, нерѣдко пошлыхъ и безграмотныхъ, гдѣ авторы обращались къ Лецкой съ комплиментами, изъясненіями своихъ восторженныхъ чувствъ; воспѣвались ея глаза, голосъ, ея „безграничная женственность", ея плечи, формы и т. д. Такія записочки накапливаются у всякой красивой актрисы; большею частью онѣ присылаются поклонниками по почтѣ или за кулисы черезъ капельдинера. Въ другое время я бы, просто, посмѣялся надъ этой любовной чепухой, но мы съ Чабановымъ были такъ настроены, что во всемъ видѣли измѣну, продажность и грязь. Особенно возмутили меня записки Асторина, написанныя бѣгло и небрежно.

Тамъ онъ обращался къ ней въ шутливомъ тонѣ, подсмѣивался добродушно надъ ея экзальтаціей, называлъ ее

„неопалимой“, что вѣчно горитъ и не сгараетъ; въ одномъ изъ писемъ изумлялся ея „неожиданнымъ пламеннымъ протуберанцемъ“. Послѣдняго слова Чабановъ не понималъ.

— Все хотѣлъ спросить васъ: что, собственно, означаетъ это „проту... проту“... Пертурбація, что ли, какая?

Когда я объяснилъ ему, онъ глубокомысленно пожевалъ губами, потомъ заговорилъ въ припадкѣ какого-то злобнаго восхищенія...

— Такъ-такъ!.. Огненные языки? Обжигаетъ, стало быть?.. Жарче дня и огня?.. Текъ-съ... Очень даже понимаемъ. Видали и мы эти туберанцы.

И онъ сообщилъ мнѣ по секрету, какъ своего рода военную тайну, дѣйствіе нѣкоторыхъ ликеровъ на женщинъ, „въ особенности говоря, на непьющихъ“.

— Тутъ, батенька, бываютъ такіе туберанцы... ха-ха!

Онъ даже причмокнулъ языкомъ и прищелкнулъ пальцами отъ страннаго удовольствія при мысли, что намъ, наконецъ, удалось вывести его „снадобье“ на свѣжую воду.

— То-то вашъ господинъ Асторинъ зажился тогда въ столицѣ и даже насъ, грѣшныхъ, удостоилъ навѣстить. Теперь мы все до донышка понимаемъ... Что жъ, за такіе туберанцы можно и разсказъ дать, коль скоро за него получаешь и деньгами, и натурой. Они, стало быть, съ моей бельфамъ давно спѣлись... и сыгрались... ха-ха!

Попадись мнѣ эти записки Асторина къ Лецкой въ другой моментъ, я бы не увидалъ въ нихъ ничего, кромѣ его подтруниванія надъ ея экзальтаціей, надъ ея пристрастіемъ къ сценѣ вообще и къ драматическимъ ролямъ въ частности, ко всему тому, что онъ называлъ „ходулями, бенгальскими огнями и фальшфейерами“. Но теперь все представилось мнѣ вдругъ въ совершенно иномъ свѣтѣ: такова власть момента надъ человѣкомъ!

Я вспомнилъ, какъ Лецкая однажды среди разговора упомянула о томъ, что Асторинъ знавалъ ее еще давно, когда она только что поступила на драматическіе курсы, а онъ только начиналъ входить въ славу. Встали въ памяти полузабытыя сплетни, будто Асторинъ былъ тогда неравнодушенъ къ Калеріи Николаевнѣ, а она отвергла его исканія, потому что жила исключительно мечтой о сценѣ, и ничто другое не волновало ея сердца. Позже она уже ни разу не говорила мнѣ о своемъ знакомствѣ съ Асторинымъ, но зато съ какимъ обожаніемъ отзывалась всегда о его личности и произведе-

ніяхъ! А я, дуракъ, думалъ, что этимъ она обязана мнѣ, моему вліянію, такъ какъ я всегда былъ его восторженнымъ поклонникомъ.

Когда зашла рѣчь о привлеченіи его въ сотрудники, она смѣло вызвалась съѣздить къ нему въ „Сосенки" и долго дулась на меня за то, что я одинъ отправился къ нему. Теперь я былъ почти увѣренъ, что они давно состояли въ перепискѣ, а здѣсь, въ столицѣ, видѣлись гораздо чаще, чѣмъ этого требовали дѣловыя сношенія. Да иначе и быть не можетъ: вѣдь между ними на раутѣ обнаружилась дружеская интимность, какая не создается у людей послѣ двухъ-трехъ дѣловыхъ свиданій... особенно, у такого замкнутаго въ себѣ нелюдима, какъ Асторинъ. А главное: Лецкая мнѣ объ этомъ ни полслова. Это всего подозрительнѣе.

Я не удержался, чтобы не сообщить Чабанову своихъ предположеній. Они привели его въ неописуемый ражъ. Шея налилась кровью; казалось, апоплексія виситъ надъ нимъ...

— А, что я вамъ говорилъ? — кричалъ онъ, дубася кулакомъ по столу, отчего коньячные графинчики танцовали на подносѣ. — Они давно снюхались... безусловно! Брала у меня деньги, а сама проводила время съ любовникомъ. Вотъ такъ снадобье! Да помилуйте, даже промежду жуликовъ есть своя, жульническая, честь, а тутъ... прямо, ни дна, ни покрышки. Я называю это, сударь мой, подловатостью... да-съ!

Съ того момента плотина окончательно прорвалась, и для меня исчезла послѣдняя сдержка. Я съ какимъ-то истерическимъ злорадствомъ повѣдалъ Чабанову о нашихъ свиданіяхъ съ Лецкой, когда она пріѣзжала ко мнѣ мирить насъ; надѣлялъ ее эпитетами, столь же неблагозвучными, какъ и Чабановскіе, и временами, помню, пускалъ столь же нелѣпый мелодраматическій смѣшокъ, даже барабанилъ кулакомъ по столу и наносилъ себѣ яростные удары въ грудь. Опомнился немножко только тогда, когда Чабановъ, сосавшій все время коньякъ, шлепнулъ меня самымъ амикошонскимъ маneромъ по животу и, ухмыляясь, сказалъ:

— Ну, красавчикъ, сваляли мы съ вами дураковъ! Я-то, положимъ, на мѣдныя деньги учился, а вы вѣдь, можно сказать, ученый... во всѣ науки вгрызались, на всѣ четыре языка образованы, какъ же это вы-то такъ обмишулились? Такой лобастый... прямо, съ позволенія сказать, головастикъ, — а вотъ поди жъ ты!..

XI.

Съ тѣхъ поръ въ обращеніи Чабанова со мной появилась какая-то фамильярно-презрительная нотка. Я понялъ это лишь впослѣдствіи, тогда же только смутно чувствовалъ что-то неладное и изрѣдка огрызался, какъ прирученное животное, если его черезчуръ дразнятъ.

Довольно было Чабанову узнать изъ моихъ собственныхъ устъ, какого я „дурака свалялъ", чтобы онъ окончательно убѣдился въ ничтожествѣ всѣхъ наукъ, въ которыя я „вгрызался". Теперь я былъ въ его глазахъ только жалкимъ и смѣшнымъ существомъ, обманутымъ его наложницей, а всѣ мы, интеллигенты, писатели, Асторины, Фризы, сдѣлались уже окончательно такими же, какъ и всѣ остальные — маленькими и жадными людишками, выхватывающими другъ у друга лакомые куски. Въ немъ давно уже сложилось такое представленіе о насъ, и только Асторинъ да я какъ будто противорѣчили на его взглядъ этому мнѣнію. Не хватало послѣдняго штриха для цѣльности картины; теперь появился и этотъ штрихъ, и Чабановъ торжествуюше гоготалъ.

На другой день послѣ описаннаго вечера онъ пріѣхалъ ко мнѣ раньше обыкновеннаго, поздоровался, какъ показалось, довольно небрежно и, развалясь на диванѣ, заявилъ ни съ того, ни съ сего:

— Вѣдь вотъ посмотришь на иного, — думаешь: „что-то особенное въ немъ... кладезь, такъ сказать... въ головѣ — цѣлая химія"; а на повѣрку выходитъ, что онъ испеченъ изъ такого же тѣста... даже, можетъ, много похуже. Такъ-то-съ, сударь мой!.. Ну-съ, а теперь одѣвайтесь и поѣдемъ: познакомлю васъ съ новой звѣздочкой. Вотъ ужъ это, можно сказать, настоящая этуаль! Поторопитесь, синьоръ, а то неловко, если она раньше насъ пріѣдетъ: все-таки дама.

Этуалью оказалась фарсовая актриса Горская, которая была однажды на журфиксѣ у Чабанова и увеселяла насъ опереточными куплетами. Только мы расположились на нашемъ насиженномъ мѣстѣ, т. е. въ отдѣльномъ кабинетѣ хорошо знакомаго ресторана, какъ раздался стукъ въ дверь, и на порогѣ появилась статная и довольно плотная фигура, съ золотисто-рыжими волосами. Изъ-подъ огромнаго навѣса шляпки выглядывали красивые глаза, подведенные опытной рукой. Немножко шальные, немножко пронырливые, они быстро обѣжали взглядомъ насъ обоихъ съ Чабановымъ и всю ком-

нату, какъ бы опредѣляя положеніе крѣпости, которую предстоитъ взять приступомъ.

Эти глаза рѣзнули меня еще на журфиксѣ своей назойливой беззастѣнчивостью. Они лѣзли къ вамъ какъ будто не въ душу, а въ карманъ и не скрывали этого. Если бываютъ врожденныя проститутки, то Горская принадлежала къ ихъ числу: такъ мысленно рѣшилъ я еще тогда, при первой встрѣчѣ...

— Рекомендую!.. — сказалъ Чабановъ, галантно поцѣловавъ у Горской руку, — вотъ наша звѣздочка!

Горская игриво прищурилась и возразила тѣмъ двусмысленнымъ тономъ, который такъ культивируется въ фарсѣ и опереткѣ:

— Звѣздочка? Можетъ быть, падучая?

— А что жъ? Это тоже хорошо... Ну, падайте скорѣй въ мои объятья!

Онъ сгребъ ее по-медвѣжьи, усадилъ въ кресло и сталъ откалывать длинную булавку, снимать гигантскую шляпу. Отъ Горской разлился по всему кабинету запахъ крѣпчайшихъ духовъ...

Она изображала собою усталаго и избалованнаго ребенка, который ничего не можетъ. Откинулась на спинку кресла, протянула ноги въ ажурныхъ чулкахъ и даже свѣсила руки, говоря всей фигурой: „Дѣлайте со мной, что хотите, — я совершенно безпомощна!“

— Погодите: мы съ камрадомъ создадимъ вамъ карьеру. Вы у насъ заблестите ярче тропическаго солнца! — говорилъ Чабановъ, обнюхивая по-собачьи шляпу. Потомъ обратился ко мнѣ съ видомъ знатока-мецената:

— Она еще у насъ обыграется. Это, знаете, все одно, что скрипка. Надо ее на драму переводить, то есть, на комедію. Эта звѣздочка заткнетъ за поясъ Лецкую. Та была „полпорціи“, а эта станетъ у насъ цѣлой порціей, въ полномъ, такъ сказать, комплектѣ...

Ему такъ понравился этотъ каламбуръ, что съ тѣхъ поръ онъ не называлъ Лецкую иначе, какъ „полпорціи“, намекая на то, что она „Лецкой“ стала вмѣсто „Гумилецкой“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ окончательно повеселѣлъ и чувствовалъ себя, по его собственному выраженію, „какъ боги на Олимпѣ“. Все чаще твердилъ:

— Нѣтъ, это, знаете, она умственно сдѣлала, что освободила меня отъ своей персоны. Понаскучила она мнѣ, при-

знаться, порядкомъ. Какъ въ пищѣ, такъ и во всемъ прочемъ мы любимъ разнообразное меню. Вѣдь я, ежели хотите знать, султанъ по натурѣ... магометанинъ, такъ сказать. Впрочемъ, я это вамъ на ушко...

Кажется, если бы Лецкая вернулась, то ликовало бы только его самолюбіе, а самъ онъ поморщился бы; самолюбивый червякъ такъ сильно глодалъ его, что онъ не могъ простить Лецкой и безпрестанно вспоминалъ ее, стараясь унизить всѣми способами. Однимъ изъ такихъ способовъ было: замѣнить въ театрѣ Лецкую Горской, которую Калерія Николаевна считала „образцовой бездарностью", и устроить такъ, чтобы о Горской говорили, писали, шумѣли.

Съ этой цѣлью они оба усиленно ухаживали за мной. Горская называла меня „миленькимъ", гипнотизировала своими маслянистыми глазами и ослѣпительными зубами. Чабановъ говорилъ, указывая на меня великолѣпнымъ жестомъ:

— Вотъ, въ кого я былъ всегда влюбленъ! Не въ женщину, а именно въ него, въ моего обожаемаго головастика.

Какъ низко я ни упалъ, но, очевидно, не опустился еще до такой степени, чтобы писать о Горской хвалебныя статьи; а можетъ быть, я просто утратилъ всякое желаніе и способность писать, живя въ состояніи хроническаго дурмана. Мы даже однажды поссорились съ Чабановымъ изъ-за этого. Я назвалъ его „театральнымъ кухмистеромъ" и схватилъ шляпу, чтобы уйти, хотѣлъ вторично отрясти прахъ и уже навѣки, но Горская, которая какъ-то незамѣтно переселилась къ нему и заняла половину Лецкой, отняла шляпу, стала цѣловать меня, потомъ сѣла ко мнѣ на колѣни и потребовала, чтобы я выпилъ съ ней и съ „Кузенькой" на брудершафтъ. Чабановъ, поерошивъ яростно волосы, побѣжалъ за шампанскимъ, налилъ всѣмъ по бокалу и обратился ко мнѣ съ прочувствованной рѣчью, гдѣ доказывалъ, что я правъ, всегда правъ, во всемъ правъ, а что онъ, Чабановъ, дѣйствительно кухмистеръ и что у него, просто, болитъ печенка, а потому „выпьемъ, закадычный другъ, на ты!" Кончилось тѣмъ, что мы выпили, перецѣловались и опять выпили. Горская сдѣлала серьезное лицо, отчего стала похожа на одинъ изъ тѣхъ женскихъ манекеновъ, что смотрятъ на васъ съ такимъ тупымъ глубокомысліемъ изъ витринъ модныхъ магазиновъ.

— Жалко мнѣ тебя, Шурикъ! Вижу, что ты до сихъ поръ страдаешь по Лецкой. Это у тебя, миленькій, тихое помѣшательство. Ты все еще продолжаешь видѣть въ ней

ангела, хоть и падшаго. А если бы ты зналъ всѣ ея похожденія! Объ этомъ знаемъ только мы, закулисные люди, а вы, писатели и разные фантазеры, привыкли смотрѣть на нее, какъ на невинность. Да вѣдь это потому только, что она холодна, какъ лягушка. Другихъ увлекаетъ, а сама никогда не увлекается. Вонъ Кузеньку моего, дурачка, увлекла, потому что онъ богатъ, а развѣ съ ея стороны была страсть?

— М... да, случалось, что и туберанцы бывали; но говоря вообще, Лецкая это — студень говяжій, не болѣе.

— Вотъ то-то и есть! А этотъ ея новый предметъ... какъ его? Больной, старый — что въ немъ для женщины? Конечно, она сцапала его только потому, что на него теперь мода и всѣ за нимъ гоняются. А вотъ послушай-ка, душечка, что она продѣлывала на нашихъ глазахъ...

И Горская разсказала мнѣ цѣлую серію похожденій, самыхъ невѣроятныхъ по своимъ циническимъ деталямъ. Ясно, что эта самозванная актриса, слѣпо ненавидѣвшая Лецкую, которая не пустила ее въ Чабановскій театръ, безбожно клеветала на нее, давая полный просторъ своему разнузданному воображенію. И тѣмъ не менѣе ядъ клеветы и цинизма невольно отравлялъ меня, такъ что отъ моего прежняго представленія о Лецкой не оставалось уже камня на камнѣ. Особенно подѣйствовало на меня замѣчаніе Горской, что Лецкая избѣгаетъ вольнаго обращенія со стороны мужчинъ единственно потому, что боится щекотки.

— А если бы не было щекотки, такъ тутъ бы...

И Горская присвистнула такъ залихватски, что привела нашего хозяина въ телячій восторгъ.

— Вотъ это женщина! — вопіялъ онъ, указывая на Горскую. — Не то что какая-нибудь Лецкая. Вы знаете, чѣмъ обольстила меня госпожа „полпорція“? Своимъ голубинымъ видомъ... ей-ей! А на кой прахъ, спрошу я тебя, намъ это голубиное? Нѣтъ, моя Лелька — вотъ это я понимаю. Въ ней сорокъ тысячъ женщинъ, и въ каждой еще по семи бѣсовъ, да такихъ, что самъ бы Заратустра твой отъ нея на стѣну полѣзъ — да... Ну-ка, компанія, выпьемъ за семь бѣсовъ!

XII.

Въ ту ночь я возвращался домой, стараясь всѣми силами вызвать въ себѣ презрѣніе къ Лецкой, къ которому, казалось, былъ такъ близокъ. Только бы ощутить опредѣленно это

презрѣніе, и я буду опять свободенъ, опять вернусь къ прежней жизни и къ прерванной работѣ. Вынуть изъ сердца занозу, отшвырнуть отъ себя прошлое — и успокоиться... да-да!

Въ самомъ дѣлѣ, что за человѣкъ Лецкая? Вѣдь она, въ концѣ концовъ, ни добра, ни зла, ни умна, ни глупа; она, — просто никакая, полное ничтожество, полный ноль. Поманитъ ее пальцемъ капиталъ, — она бѣжитъ, какъ собачонка; кивнетъ ей головой какая-нибудь знаменитость, — и вотъ она уже мчится на зовъ. Какъ нѣкогда потянуло ее къ Чабанову, такъ теперь — къ Асторину, — а что между этими двумя господами общаго? Вѣдь это все равно, что любой безпринципный обыватель, который каждую минуту можетъ и поправѣть, и полѣвѣть, и погнуться въ любую сторону; или какъ торгашъ, признающій только одну цѣну: рыночную...

О, теперь для меня становится понятенъ ея психическій параллелизмъ, въ которомъ я видѣлъ прежде что-то глубоко-загадочное, трагическое. Дѣло гораздо проще: холодная безличная, вся внутренне пустая, она ничего опредѣленно не любитъ, не ненавидитъ, никуда ее органически не тянетъ, а потому ей, въ глубинѣ души, безразлично, какъ жить, съ кѣмъ жить, служить ли Богу, или маммонѣ. Полнѣйшее нравственное ничтожество, которому, за неимѣніемъ собственнаго свѣта, надо непремѣнно свѣтиться чьимъ-нибудь чужимъ; вотъ почему она, какъ ночная бабочка, неудержимо летитъ на блескъ, откуда бы онъ ни исходилъ...

Такую можно только презирать, но этого-то я и не могъ. Находилъ въ себѣ презрѣніе къ Горской, къ Чабанову, минутами даже къ самому себѣ, но не къ Лецкой. Едва вспоминалъ про нее, какъ что-то больно щипало за сердце. Вѣдь она разбила во мнѣ прекрасную иллюзію, пошатнула вѣру въ женщину, въ человѣка, и за это я ненавижу ее всѣми силами своей помраченной и изгаженной души!..

На письменномъ столѣ у себя нашелъ телеграмму: „Очень прошу пріѣхать въ Сосенки крайне важно Асторинъ". Въ Сосенки?! Такъ, значитъ, онъ съ Лецкой не въ Крыму? Значитъ?

Въ первую минуту я обомлѣлъ, потомъ совершенно растерялся. Асторинъ зоветъ меня! Мнѣ, мнѣ ѣхать къ Асто-

рину? Зачѣмъ? Что такое „крайне важно"? Какъ и о чемъ могу я съ нимъ теперь разговаривать, послѣ того какъ прожилъ столько времени въ какомъ-то кошмарѣ или столбнякѣ? Вѣдь меня, Фриза, больше нѣтъ теперь и ничего прежняго нѣтъ: остались однѣ безформенныя руины...

Всю ночь проворочался безъ сна. Тоскливая тревога, похожая на недоброе предчувствіе, все глубже заползала въ душу. Должно быть, я сильно повредилъ свои некрѣпкіе нервы коньяками, ликерами, ресторанами и бесѣдами съ Чабановымъ. По его образному выраженію, я „окончательно вывихнулъ себѣ нутро".

Впервые сознавалъ, до чего ослабла во мнѣ воля. Мнѣ не хотѣлось ѣхать къ Асторину, казалось ненужнымъ и нелѣпымъ, даже какъ будто унизительнымъ; а въ то же время я чувствовалъ, что непремѣнно поѣду, не могу не поѣхать. Я злился, что кто-то посторонній распоряжается моей волей, выписываетъ меня, какъ книгу или газету, но вмѣстѣ съ тѣмъ это странно льстило мнѣ и какъ будто выводило меня изъ тупика. „Конечно, не надо ѣхать. Они устроились тамъ съ Лецкой, — ну, и пусть ихъ! Какое мнѣ до нихъ дѣло? Мнѣ, вообще, ни до чего теперь нѣтъ дѣла. Я разорвалъ со всѣми и никуда больше не поѣду, не пойду: ни къ Асторину, ни къ Чабанову. Пора, пора бросить всѣ эти вздоры!"

XIII.

Конечно, я поѣхалъ съ первымъ же поѣздомъ. Всю дорогу нарочно растравлялъ себя: „долженъ же я, наконецъ, снять съ нихъ маску, разоблачить, пригвоздить къ позорному столбу!" Былъ увѣренъ, что ѣду въ качествѣ какой-то карательной экспедиціи, старался живо представить себѣ, какъ смутится Лецкая при встрѣчѣ со мной, какъ будетъ поеживаться Асторинъ, являясь передо мной въ неожиданной и не въ очень возвышенной роли донъ-Жуана. Интересно знать, какъ-то они вывернутся и объяснятъ мнѣ свое поведеніе? Вѣдь тутъ отмолчаться нельзя, было бы какъ-то ужъ слишкомъ глупо...

Во мнѣ закипало по временамъ злорадство, какое бываетъ у человѣка, не надѣлавшаго глупостей, по отношенію къ людямъ, скомпрометировавшимъ себя чѣмъ-нибудь безтактнымъ или некрасивымъ. Я до извѣстной степени торжествовалъ, чувствуя себя въ роли судьи. Во всякомъ случаѣ,

я нахожусь теперь въ положенiи болѣе выгодномъ, болѣе высокомъ, чѣмъ они оба...

Но вся эта злорадная воинственность только плавала по поверхности моей души, какъ накипь, образовавшаяся отъ праздной, нездоровой и нетрезвой жизни. Подъ этой накипью таилось главное, что гнало меня въ „Сосенки" и что не имѣло ничего общаго съ злорадствомъ: страстное желанiе увидѣть Лецкую. Сколько времени я настойчиво подавлялъ въ себѣ это желанiе, не позволялъ себѣ даже останавливаться мыслью на немъ, но оно, запрятанное глубоко, загнанное въ темное подполье моимъ оскорбленнымъ чувствомъ, уязвленнымъ самолюбiемъ, цинизмомъ, коньячной батареей, Чабановымъ и Горской, продолжало расти въ глубинѣ и незамѣтно захватывало все мое существо. Возможно, что и безъ телеграммы я бы не вытерпѣлъ и, раньше или позже, отправился бы въ „Сосенки". У меня даже одно время былъ придуманъ предлогъ для поѣздки: явиться къ Асторину за обѣщаннымъ разсказомъ...

Боже, до чего зависятъ наши мысли и настроенiя отъ обстановки!

Когда я вылѣзъ изъ вагона и очутился въ тарантасѣ въ полѣ, когда повѣялъ мнѣ въ лицо вѣтерокъ, такой мягкiй, ласкающiй, и принесъ съ собой изъ ближняго бора теплый ароматъ хвои, до моего сознанiя впервые дошло, что уже настало лѣто, что на свѣтѣ существуютъ не одни рестораны и Чабановы, но и рощи, и поля, и серьезная, вдумчивая тишина деревни. Тутъ только впервые ощутилъ я со всей силой пережитый мною невѣроятный кошмаръ, то противоестественное, въ которомъ я такъ долго жилъ и маялся.

Впервые заглянулъ въ глубину своего паденiя и оторопѣлъ. Разомъ вспомнилъ и почувствовалъ всѣ свои позоры: начиная съ того, что я все время угощался на счетъ Чабанова, и кончая Горской, чье горячее тѣло ощущалъ у себя на колѣняхъ. Я даже простоналъ сквозь зубы отъ внезапнаго мучительнаго стыда, такъ что возница мой попридержалъ лошадь, подумавъ, вѣроятно, что я страдаю отъ толчковъ по неровной дорогѣ...

Но вотъ и „Сосенки". Я издали узналъ знакомый и столь памятный мнѣ особнякъ надъ обрывомъ, поросшимъ вѣковыми соснами. Узналъ даже сосну, сраженную молнiей: она все еще висѣла на своихъ мощныхъ корняхъ надъ крутымъ спускомъ, какъ богатырь, получившiй жестокiй ударъ, но все еще полный жизни и силы...

По узенькой, отчетливо выдѣлявшейся тропкѣ спускалась съ обрыва женская фигура. Она шла мнѣ навстрѣчу, вся освѣщенная блескомъ заходящаго солнца, и пристально всматривалась въ меня изъ-подъ руки.

Минута, — и я узналъ ее: то была Калерія Николаевна. Она шла безъ шляпы, въ простенькомъ сѣромъ платьѣ, и походка ея казалась какою-то новой, до странности не похожей на прежнюю. Прежде походка была томной, граціозной, нѣсколько разслабленной, какъ бываетъ иногда у женщинъ, непривыкшихъ къ движенію, особенно на свѣжемъ воздухѣ; теперь въ ней было что-то летящее, стремительное, точно у рѣзвой дѣвочки, вырвавшейся послѣ долгаго сидѣнья на волю.

Она все прибавляла шагу. Дойдя до послѣдняго пригорка, быстро сбѣжала внизъ и вдругъ, какъ будто разглядѣвъ меня, замерла на мѣстѣ. Я спрыгнулъ съ тарантаса, расплатился съ извозчикомъ и повернулъ къ ней. Она продолжала стоять, какъ неподвижная статуя. Когда я былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, она сдѣлала инстинктивное движеніе, какъ бы желая убѣжать, но я уже взялъ ее за руку.

— Калерія Николаевна!

Она взглянула на меня съ недоумѣніемъ, почти съ испугомъ.

— Вы не знали, что я долженъ пріѣхать, не ждали меня?

— Я думала: это... это... Понимаю! — вдругъ прибавила она сдавленнымъ голосомъ, торопливо повернулась и пошла обратно въ гору.

Я нагналъ ее и шелъ рядомъ, силясь заглянуть ей въ лицо, которое она все отвертывала отъ меня.

— Вамъ непріятенъ мой визитъ? Да?

— Понимаю... — вымолвила она черезъ силу и ускорила шагъ.

— Зато я ничего не понимаю. Вѣдь я думалъ, и всѣ мы такъ и порѣшили, что вы съ Григоріемъ Павловичемъ давно въ Крыму.

Мы были уже на верху обрыва, возлѣ полукруглой скамейки, уютно пріютившейся подъ огромной косматой сосной. Тяжело дыша, Калерія Николаевна почти упала на скамейку, свѣсила безсильно руки; имѣла видъ человѣка, взбѣжавшаго стремглавъ на крутую гору и чуть дышащаго отъ изнеможенія. Продолжая упорно отворачиваться отъ меня, она спросила едва слышно:

— Это онъ вызвалъ васъ сюда? Такъ вѣдь?

— А развѣ вы не знаете? Да гдѣ онъ сейчасъ?

— Его нѣтъ..!

— Какъ?!

— Онъ убѣжалъ отъ меня. Давно собирался и вотъ наконецъ...

Спазмы не дали ей договорить. Она приложила руку къ губамъ, видимо боясь разрыдаться. Плечи ея вздрагивали. Я былъ такъ ошеломленъ, что мгновенно растерялъ всѣ мысли, всѣ слова.

Одно жгучее ощущеніе залило вдругъ мою душу; когда я услыхалъ ея сохлый голосъ, увидѣлъ вздрагивающія плечи, я понялъ, что мы съ Чабановымъ и Горской все время били лежачаго, бросали грязью въ чистую, измученную женскую душу, которая всѣми силами души рвалась прочь отъ этой нашей грязи. Все, все говорило, кричало объ этомъ; ея осунувшійся профиль, блѣдная рука съ просвѣчивающими синими жилками, лежавшая какъ-то безпомощно на колѣняхъ, ея скромное, старенькое платье, и сломанная сосна, и обрывъ, и разстилающееся подъ нимъ поле, и далекій боръ на горизонтѣ. Вся эта природа, всѣ пейзажи, съ которыми я еще давно-давно былъ знакомъ по произведеніямъ Асторина, самый воздухъ „Сосенокъ", которымъ какъ будто надышались его читатели, — все безмолвно и властно говорило, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть мѣста тѣмъ гнусностямъ, какія источали мы съ Чабановымъ и Горской тамъ, въ столицѣ, захватанной всевозможными грязными лапами.

А когда Лецкая повернулась, наконецъ, ко мнѣ и я однимъ жаднымъ взглядомъ разсмотрѣлъ всѣ черты ея лица, во мнѣ исчезла послѣдняя тѣнь сомнѣнія, и я мысленно назвалъ себя и Чабанова съ К° „клеветниками и подлецами". Глаза Лецкой какъ будто успѣли втянуть въ себя все ея тѣло и душу; въ нихъ горѣлъ какой-то странный экстазъ, восторженный и скорбный. Было видно, что ее переполняетъ огромное чувство, котораго еще не можетъ вполнѣ осмыслить и вмѣстить ея потрясенная душа, что это чувство пожираетъ ея силы и нервы, какъ огонь сухую солому...

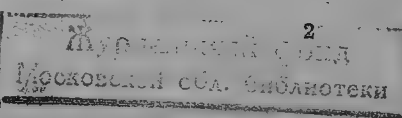
— Давно ли онъ уѣхалъ?

— Третьяго дня.

— Куда?

— Не знаю.

— Что же онъ вамъ, однако, сказалъ?

— Сказалъ, что ѣдетъ дня на два по дѣламъ, что у него какія-то хлопоты. Вы знаете: онъ вообще не любитъ разговаривать, въ особенности со мной.

Горькая усмѣшка искривила ея блѣдныя губы и уже не покидала ихъ. При видѣ ея, я подумалъ, что она, должно быть, привыкла жить съ такой усмѣшкой. Очевидно, тутъ совершается что-то, чего намъ съ Чабановымъ и въ голову не приходило.

— Почему же вамъ кажется, что онъ „убѣжалъ“ отъ васъ? Почему вы думаете, что онъ не вернется?

— Я поняла это, какъ только увидала васъ.

— При чемъ же здѣсь я?

— Вѣдь это онъ пригласилъ васъ?

— Ну да. По какому-то дѣлу.

— А самъ уѣхалъ.

— Это для меня непонятно.

— Онъ вамъ письмо прислалъ?

— Нѣтъ, телеграмму. Вотъ она.

Калерія Николаевна пробѣжала ее глазами, потомъ повернула, посмотрѣла, откуда она дана, и залилась какимъ-то страннымъ смѣхомъ, тихимъ, горькимъ и какъ будто мертвымъ.

— Ну, конечно... Все такъ и есть, какъ я думала: онъ послалъ вамъ телеграмму съ дороги, и даже съ очень дальней. Видите?

Въ самомъ дѣлѣ, пунктъ, откуда Асторинъ телеграфировалъ мнѣ, отстоялъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ „Сосенокъ“. И какъ я самъ до сихъ поръ не обратилъ на это вниманія?

— Ну, такъ я рѣшительно не понимаю, зачѣмъ онъ вызвалъ меня.

— Очень просто: онъ вызвалъ васъ... ко мнѣ. Да-да! Вѣдь онъ такъ заботится о моемъ счастьи.

И опять тотъ же тихій, мертвый смѣхъ, отъ котораго у меня мурашки забѣгали по спинѣ.

— Меня — къ вамъ? Что вы хотите этимъ сказать?

— Васъ выписалъ сюда для моего утѣшенія... Ну, разумѣется!.. Вѣдь онъ помнитъ, что я въ трудныя минуты обращалась прежде всего къ вамъ... Исполняйте же свой дружескій долгъ, утѣшайте меня!

— Но слушайте, Калерія Николаевна. Все это слишкомъ похоже на насмѣшку. Объясните же мнѣ, ради Бога.

Но она продолжала беззвучно смѣяться, мѣрно раскачи-

ваясь на скамейкѣ, какъ какой-нибудь дервишъ или сомнамбула. Опасаясь, какъ бы это не кончилось истерикой, я побѣжалъ въ усадьбу за водой.

XIV.

Вернувшись со стаканомъ воды и склянкой одеколона, я не засталъ Калеріи Николаевны на скамейкѣ. Искалъ ее кругомъ, окликалъ, — все напрасно.

Встревоженный, возвратился въ усадьбу и сообщилъ старому Антону объ исчезновеніи Калеріи Николаевны. Старикъ успокоилъ меня:

— Онѣ это частенько такъ пропадаютъ. Какъ разстроятся такъ ровно скрозь землю уйдутъ: тутъ ихъ и не найдешь, и не дозовешься. Ничего: потомъ пообмякнутъ и сами воротятся. А вы бы вотъ пока закусили съ дороги-то да чайку.

Антонъ у Асторина — единственный близкій, „свой" человѣкъ. По словамъ Григорія Павловича, онъ цѣнитъ въ старикѣ, во-первыхъ, то, что Антонъ книжекъ не читаетъ и никакой литературы не признаетъ, а во-вторыхъ, что у него есть на все свои опредѣленные и незыблемые взгляды: купецъ долженъ торговать, ибо онъ — купецъ, палачъ долженъ вѣшать, ибо онъ — палачъ, писатель долженъ писать, такъ какъ онъ — писатель; а зачѣмъ торгуютъ, вѣшаютъ и пишутъ, это намъ все равно: объ этомъ знаетъ одинъ Господь Богъ, лучше насъ освѣдомленный, что и для чего нужно. Самая его манера говорить, неторопливая, никогда не сомнѣвающаяся въ себѣ, дѣйствуетъ на собесѣдника, по выраженію Асторина, „какъ хорошій пріемъ брома".

Такъ подѣйствовала и на меня его медленно журчащая рѣчь, которую онъ велъ, устраивая закуску и самоваръ. Мало-по-малу я увѣрился, что Лецкая погуляетъ и, „обмякнувъ", вернется и что вообще во всемъ этомъ нѣтъ пока ничего зловѣщаго или трагическаго. „Просто, она обидѣлась на Асторина за то, что тотъ имѣетъ отъ нея какіе-то секреты. Онъ вернется домой не нынче — завтра, и все объяснится".

Я высказалъ свои предположенія Антону: вѣдь объ Асторинѣ лучше всего говорить именно съ нимъ, потому что онъ одинъ во всемъ мірѣ знаетъ его, какъ человѣка. Старикъ раздумчиво покачалъ головой.

— Нѣтъ, не воротится теперь Григорій Палычъ... развѣ что зимой.

— Какъ такъ? Почему?

— А такъ... Не подходящее это для него дѣло.

— Какое дѣло?

— Да вотъ, скажемъ, женскій полъ. Ему бы, пожалуй, этакую домоправительницу, которая бы все устроила, присмотрѣла: вѣдь онъ у меня все одно, что дитё малое. Пока еще меня ноги таскаютъ, все ничего; а вотъ свалюсь я, что онъ будетъ дѣлать?

— Такъ развѣ Калерія Николаевна не заботится о немъ?

— Очень даже заботится, да молода она, не умѣетъ. Тутъ надо сдѣлать такъ, чтобы онъ ничего не замѣчалъ, а главное — его не касаться. Такъ развѣ можетъ это молоденькая? Ей и поговорить нужно, и все тому подобное, — ну, а ему это въ тягость. Вѣдь дѣло-то его такое, что только думать да писать, а разговоры для него — ножъ вострый... Эхъ, надо бы ему какую ни на есть солидную старушку!

— Старушку?

— Ну да, какую-нибудь попечительную, чтобы оберегала его, а то вѣдь Григорія Палыча со всѣхъ сторонъ обираютъ разные проходимцы, да и здоровьемъ онъ у меня хволый. Какъ разстроятъ его, такъ и пошелъ кашлять, и ослабъ весь. Нѣтъ, не вернется онъ. Въ Крымъ уѣхалъ. Велѣлъ кланяться вамъ. Очень извиняются и благодарятъ.

— Да что вы говорите?! Въ Крымъ?.. Извиняется, благодаритъ? Да за что, наконецъ? Въ чемъ же дѣло?

Антонъ между тѣмъ, запустивъ чуть не по локоть руку въ бездонный карманъ своего затасканнаго сюртука, вытащилъ оттуда письмо и молвилъ таинственно:

— Вотъ прочитайте-ка, благо Калеріи Николаевны нѣтъ.

Да, такъ вотъ что: тутъ цѣлый заговоръ противъ Лецкой, и я попадаю, противъ воли, въ станъ заговорщиковъ! Признаюсь, во мнѣ шевельнулось на мигъ чувство злого удовлетворенія: „А, Калерія Николаевна, вы рѣшили устроиться тайкомъ отъ меня, забыли мою преданность вамъ, столько разъ доказанную? Видите, теперь сама судьба предоставляетъ мнѣ развязать Гордіевъ узелъ!“

Торопливо, трепетными руками вскрылъ я письмо Асторина, такое длинное, какого онъ, можетъ быть, никогда еще никому не писалъ. Это опять польстило мнѣ, и опять шевельнулось злорадное чувство: „Да, господа, видно, вамъ безъ Фриза не обойтись“.

Антонъ, ради приличія, вышелъ къ себѣ въ комнату, а я, непомѣрно волнуясь и оглядываясь на балконную дверь,

откуда могла появиться Калерія Николаевна, прочиталъ слѣдующія строки, которыя и привожу здѣсь почти цѣликомъ.

XV.

„Милый Александръ Петровичъ!“ — („А, теперь сталъ „милымъ“!“). Простите мнѣ, ради Бога, мое невѣжество: зову васъ, а самъ уѣзжаю. Но когда вы прочтете мое письмо, увидите, что я не могъ поступить иначе: ничего бы не вышло, вы бы напрасно проѣздили.

Въ лѣвомъ ящикѣ моего письменнаго стола (ключъ — у Антона) вы найдете контрактъ, присланный на мое имя для Калеріи Николаевны. Антрепренеръ Волгинъ — мой старый пріятель. Я списался съ нимъ, и онъ, самъ хорошо зная артистку Лецкую, предлагаетъ ей, какъ вы увидите, очень почетныя условія. Прошу васъ: возьмите на свою совѣсть грѣхъ, — скажите, что это вы устроили для нея ангажементъ и привезли съ собой контрактъ, иначе я предвижу обиду.

Ради Бога, уговорите ее ѣхать на гастроли: въ этомъ ея спасеніе. Предусматриваю вашъ негодующій вопросъ: „Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ онъ оторвалъ ее отъ сцены и привезъ въ глушь?“ На это скажу вамъ: К. Н. сама бросила театръ, сама привезла себя въ мою пустыню. Она поѣхала проводить меня, такъ какъ меня сильно лихорадило, и, пріѣхавъ, осталась здѣсь, хотя я предостерегалъ ее. Впрочемъ, мнѣ трудно писать объ этомъ. Пусть лучше сама К. Н. передастъ вамъ, какъ было дѣло.

Увѣренъ, что она станетъ всячески оправдывать меня, чтобы не набросить тѣнь на мое „славное“ имя. Но я считаю долгомъ признаться, что во многомъ виноватъ я самъ, что я остро чувствую свою вину. Она состоитъ въ томъ, что я не заставилъ ее тотчасъ же уѣхать, не сказалъ ей прямо и опредѣленно, что я абсолютно не гожусь ни для любви, ни для нѣжной дружбы.

Каюсь чистосердечно въ своемъ пагубномъ малодушіи. Вѣдь такъ хотѣлось повѣрить, что для меня еще возможны любовь и счастіе! Какъ престарѣлый царь Давидъ, прикладывая къ своему хладѣющему тѣлу молодую дѣвушку, надѣялся почерпнуть отъ нея новый притокъ жизни, такъ и я пошелъ, очертя голову, навстрѣчу молодому чувству и, конечно, обманулся, какъ Псалмопѣвецъ. Да, это было съ моей стороны непростительнымъ легкомысліемъ.

Когда-то, въ древнѣйшія времена, я питалъ къ ней нѣжныя чувства, а теперь... Не то, чтобы я разлюбилъ ее, охладѣлъ къ ней, а просто, за этотъ долгій періодъ изнурительной одинокой работы я весь перегорѣлъ, истратилъ цѣликомъ капиталъ непосредственнаго чувства и, незамѣтно для себя самого, сталъ въ области сердца банкротомъ. Я знаю прекрасную душу К. Н., я высоко цѣню ее, но я не чувствую ея, и это создаетъ и для нея, и для меня источникъ мучительнѣйшихъ недоразумѣній.

Въ свое извиненіе могу привести только то, что моя полная неприспособленность къ жизни и надорванное здоровье невольно заставляли меня въ послѣднее время искать преданной души. Особенно — въ тѣ періоды, когда я утрачиваю желаніе и способность работать, а съ лѣтами такіе періоды повторяются все чаще и тянутся все дольше. Если бъ вы знали, какимъ жалкимъ существомъ становлюсь я въ это время! Чувствую себя, какъ ребенокъ, отъ котораго родители внезапно уѣхали, при чемъ поручили его заботамъ весь домъ. Или скорѣй, — какъ пьяница, для котораго, послѣ долгихъ возліяній и всякихъ размаховъ, вдругъ наступаетъ мутное похмелье: нервы падаютъ, руки трясутся, во всемъ существѣ какая-то противная потягота. Въ такія междутворческія полосы я начинаю ощущать, до какой степени я усталъ и боленъ. Мнѣ все кажется, что я лечу въ темную, холодную бездну и не за что уцѣпиться. Какая-то огромная, оголтѣлая пустопорожность. Въ такой-то, именно, періодъ я и увидалъ у себя К. Н. и инстинктивно потянулся къ женщинѣ, которую, какъ мнѣ казалось, еще любилъ по старой памяти.

Моя вина въ томъ, что я не подумалъ объ этой женщинѣ, а ощущалъ только свою сиротливость. Но едва вернулись ко мнѣ жажда творчества и работоспособность, какъ для меня умерло все остальное; я почувствовалъ, что К. Н. не только не нужна мнѣ, но прямо мѣшаетъ. Вы опять спросите съ негодующимъ изумленіемъ: „Да чѣмъ же мѣшаетъ вамъ любящая, заботливая женщина?" Тѣмъ, что живетъ со мной, смотритъ на меня, разговариваетъ, чего-то ждетъ отъ меня; тѣмъ, что я долженъ думать о ней, чувствовать ея настроенія, давать ей что-то. Поймите: я до ужаса дикій человѣкъ. Куда ни обернусь, всюду встрѣчаю ея ласковый взглядъ, а вѣдь это для меня — какіе-то свивальники. Когда во мнѣ пробуждается жажда творчества, нѣкая точка вдругъ словно загорается съ страшной силой внутри и непреодолимо стягиваетъ къ себѣ

всѣ мои душевныя силы, всѣ запасы мысли, чувства, воображенія. Вы сами пробовали заниматься творчествомъ, — вы знаете, какъ это засасываетъ. Меня это деспотически захватываетъ всего цѣликомъ, — понимаете? Не оставляетъ ни на что другое даже малѣйшей крупинки души. Я раскалываюсь надвое; одна половина ѣстъ, пьетъ, гуляетъ, смотритъ, слушаетъ, подаетъ реплики, но она ничего не замѣчаетъ, а дѣйствуетъ, какъ лунатикъ: другая живетъ въ это время въ какомъ-то особенномъ мірѣ — пожалуй, тоже какъ лунатикъ; и здѣсь живу, думаю, чувствую какъ будто не я, Григорій Асторинъ, а кто-то за меня переживаетъ настроенія, не поддающіяся словамъ. Точно волна подхватитъ вдругъ тебя и поволочетъ. Не я владѣю своими мыслями и чувствами, а они — мною. Разница между первой половиной и второй та, что первая не знаетъ, куда идти, чего желать, что дѣлать; а вторая всегда безсознательно знаетъ и не допускаетъ никакихъ уклоненій. Повторяю: это — какъ лунатикъ, который, не колеблясь и не разсчитывая, можетъ влѣзть по жолобу на третій этажъ, пройти благополучно по канату, по проволокѣ, потому что такъ хочетъ таинственное оно. Вотъ это-то „оно" заступаетъ ваше мѣсто, начинаетъ жить за васъ, и никакими усиліями сознанія и воли вы не можете помѣшать этому.

Я распространился такъ потому, что тутъ-то именно и лежитъ корень зла, разгадка всѣхъ странностей и противорѣчій. Я не золъ и не жестокъ, но я способенъ возненавидѣть лучшаго друга за одно то, что мнѣ приходится видѣть его каждый день передъ собою, отрываться для него отъ картинъ, создаваемыхъ моимъ собственнымъ воображеніемъ. Вѣдь я — паукъ, что ткетъ неустанно свою паутину и боязливо косится на все, способное порвать ее или, просто, затормозить работу. Знаю, что, съ точки зрѣнія обычной морали и психологіи, это — психопатія, уродство, вопіющая нелѣпость, но... я живу этой нелѣпостью. Что тутъ подѣлаешь?

Зимніе узоры на деревьяхъ бываютъ для меня интереснѣе, дороже самихъ деревьевъ и домовъ и тѣхъ, кто живетъ въ этихъ домахъ. Дѣйствительность задѣваетъ меня гораздо меньше, чѣмъ то, что грезится мнѣ за кулисами этой дѣйствительности. Все равно, какъ математику нѣтъ дѣла до реальныхъ круговъ и шаровъ: ему нуженъ идеально правильный геометрическій чертежъ, какого не существуетъ въ природѣ.

Вы видите, что я, какъ верблюдъ, кормлюсь собствен-

нымъ горбомъ. Правда, бываютъ полосы, когда отъ моего горба ничего не остается, и я волей-неволей ищу пищи на сторонѣ; но чуть отрастаетъ горбъ, какъ я опять начинаю питаться самимъ собой, живу въ себѣ, какъ устрица въ раковинѣ, самъ съ собой размышляю, фантазирую, даже разговариваю, точь-въ-точь какъ встарь дѣйствующія лица на сценѣ.

Чужія слова и мысли кажутся мнѣ въ это время невыносимо прѣсными, банальными, топорными. Еще въ бытность въ университетѣ я никогда ни одной лекціи не могъ дослушать до конца, ибо каждый разъ въ шеренгу профессорскихъ мыслей врывался потокъ моихъ собственныхъ размышленій и образовъ, передъ которыми рѣчь лектора становилась въ моихъ глазахъ блѣдной, мало оригинальной, не глубокой и не красочной... Съ К. Н. мнѣ стоило иной разъ большихъ усилій, чтобы скрыть отъ нея отвращеніе, какое возбуждали во мнѣ молодые порывы ея мысли и чувства, такіе свѣжіе, искренніе и — такіе шаблонные, звучавшіе въ моихъ ушахъ, какъ общія, избитыя фразы, какъ старые, давно надоѣвшіе перепѣвы. Бываютъ минуты, когда я органически не выношу ея, какъ иные не перевариваютъ маленькихъ дѣтей, хотя бы они были похожи на ангеловъ.

Я измучился, — скажу больше: я форменно заболѣлъ отъ необходимости вѣчно лгать и притворяться изъ приличія или сострраданія къ этой чудесной женщинѣ съ такимъ большимъ, горячимъ сердцемъ. Обыкновенно я, сославшись на необходимость работать, запирался у себя въ кабинетѣ и тамъ „бралъ эстетическую ванну“, т. е. сидѣлъ, сложа руки, и созерцалъ продукты своего воображенія. Случалось, просиживалъ такъ цѣлые дни и вечера, довольный тѣмъ, что могу не разговаривать и не слышать разговоровъ. А что она, бѣдная, дѣлала въ это время? Бродила одна-одинешенька по пустымъ комнатамъ? Можетъ быть, тосковала, терзалась разными обидными и мрачными мыслями?

Нѣтъ, я не могу больше жить такъ. Не позволяетъ совѣсть, — вѣрнѣе: мой эстетическій эгоизмъ, сдѣлавшій изъ меня такого отвратительнаго, безчеловѣчнаго недотрогу. Разъ я способенъ переносить человѣка только на извѣстномъ разстояніи, разъ моя психика устроена такъ, что не задерживаетъ въ себѣ теплыхъ лучей чувства, а они какъ будто проходятъ сквозь нее, не оставляя слѣда, — я не долженъ ни съ кѣмъ сближаться, не имѣю на это нравственнаго права.

Я обязанъ помнить непрестанно о своемъ изъянѣ и не допускать къ себѣ молодого существа, жаждущаго жить, любить, дѣлить съ любимымъ горе и радость...

Умоляю васъ: убѣдите ее оставить меня, вернуться къ своему привычному дѣлу. Хоть она и говоритъ, что охладѣла къ театру и ко всему на свѣтѣ, что ей нужна только моя особа, но вы не вѣрьте этому, какъ и я не вѣрю. Не можетъ молодая женщина, да еще вкусившая сценическаго наркоза, любить такого набальзамированнаго, каковъ я. Ее обманываетъ пылкое воображеніе, которое строитъ иногда надъ нами недобрыя шутки. Держу пари; довольно ей опять очутиться на подмосткахъ, увидѣть публику, услышать аплодисменты, и она мигомъ забудетъ Асторина, этого страннаго „человѣка-особняка“, всю жизнь плетущаго свою эстетическую паутину.

Я не разъ силился доказать ей это, но она такъ прочно сжилась съ своимъ воображаемымъ чувствомъ, такъ успѣла загипнотизировать себя, что всѣ мои доводы оказались тщетными. Поэтому остался одинъ исходъ: уѣхать тайкомъ и просить уважаемаго Александра Петровича вступиться въ это дѣло.

Скажу вамъ откровенно: у меня, просто, не хватило бы духа проститься съ ней и видѣть, какъ она уѣзжаетъ. До чего больно вырывать изъ себя послѣдній кусочекъ живого человѣческаго сердца, который иногда еще шевелится во мнѣ! Но я долженъ это сдѣлать, такъ какъ — подумайте: что ожидаетъ ее, если она отстанетъ совсѣмъ отъ сцены и вдругъ увидитъ себя среди голой пустыни? Я глубоко убѣжденъ, что человѣкъ можетъ жить только тогда, если у него есть любимое дѣло, какой-нибудь живой неисчерпаемый интересъ...

Ругайте меня, проклинайте, презирайте, но только помогите ей выбраться изъ этого патологическаго тупика. Если найдете возможнымъ, проводите ее къ антрепренеру, побудьте съ ней первое время, чтобы не оставлять ее глазъ на глазъ съ своимъ больнымъ воображеніемъ. Вѣдь оно толкнуло ее нѣкогда къ Чабанову, потомъ — къ Асторину. Одинъ Богъ знаетъ, куда еще оно можетъ толкнуть ее?..

Вы помните, какъ въ сказкѣ Андерсена „Платье короля“ всѣ восхищаются королевскимъ одѣяніемъ, пока ребенокъ не восклицаетъ простодушно: „Посмотрите, король-то — голый!“ Будьте и вы такимъ мудрымъ ребенкомъ, разсѣйте гипнозъ

К. Н., покажите ей Асторина въ истинномъ свѣтѣ. Толпа видитъ въ Асториныхъ нѣчто сверхъестественное, К. Н. тоже смотритъ на меня, какъ на высшее существо. А между тѣмъ, съ біологической точки зрѣнія, я, не умѣющій жить, бороться, наслаждаться, далекій отъ реальной природы и отъ реальныхъ людей, которымъ предпочитаю ихъ художественныя отраженія, очевидно, представляю собою низшій или испорченный типъ. Толпу поражаетъ какой-нибудь „человѣкъ-змѣя", акробатъ безъ костей, способный складываться вчетверо; точно такъ же поражаетъ и какой-нибудь диковинный „человѣкъ-особнякъ", умѣющій жить безъ такихъ необходимыхъ органовъ, какъ сердце. Рѣшительно не понимаю, почему людямъ кажется гораздо возвышеннѣе и заманчивѣе жить какими-то отраженіями, чѣмъ живыми чувствами, порывами? Вѣдь это все равно, что предпочитать бутафорскую колбасу настоящей, съѣдобной. Я знаю, что въ жизни встрѣчаются разныя аномаліи. Онѣ могутъ возбуждать любопытство, изумленіе; но велика ли ихъ жизненная цѣнность, какая въ нихъ надобность? Мы, Асторины, скорѣй вредны, чѣмъ полезны, потому что отбиваемъ людей отъ здоровой, непосредственной, живой жизни и переносимъ въ какую-то искусственную, лабораторную.

Да, мы — испорченные и вредные субъекты. Толпа цѣнитъ насъ, какъ рѣдкія драгоцѣнности, но вѣдь капля росы, сверкающая на солнцѣ, или какой-нибудь іюньскій свѣтлякъ не менѣе красивы, чѣмъ дорого стоящіе бриллiанты. Разница только въ томъ, что роса нужна, полезна, а бриллiанты ни на что не нужны, развѣ рѣзать стекло.

Если бы не то захватывающее, что я чувствую въ творчествѣ, то я былъ бы самымъ мизерабельнымъ существомъ. Никакая слава, никакіе гонорары не могутъ возмѣстить той громадной бреши, какую мы носимъ въ себѣ. Повѣрьте, что я живу только тогда, когда творю; а какъ только кончаю, тотчасъ же становлюсь полутрупомъ, и все остальное воспринимаю по мертвому. Что касается славы, то можетъ ли величаться телеграфная проволока, черезъ которую проходятъ даже дѣйствительно важныя и интересныя сообщенія? А вѣдь мы — не что иное, какъ проволока и телеграфные столбы. Слава это — иллюзія для очень зеленыхъ писателей или для такихъ, которые ухитряются чуть не до ста лѣтъ сохранять свою зеленость. Я же, какъ вамъ извѣстно, къ таковымъ не принадлежу.

Если я такъ крѣпко держусь за свое творчество, то вовсе не потому, что считаю его чѣмъ-то ужасно важнымъ, даже священнымъ, а просто потому, что оно засасываетъ и дѣлаетъ меня одержимымъ. Я дорожу имъ за то, что оно не даетъ мнѣ чувствовать своего ничтожнаго, анемичнаго „я“, а вмѣсто него заставляетъ жить чѣмъ-то другимъ, „не моимъ“. Нормальный человѣкъ лѣзетъ въ воду только для того, чтобы искупаться и вылѣзть потомъ на берегъ, а я, въ качествѣ ходячей аномаліи, провожу все время подъ водой и лишь изрѣдка, да и то съ большой натугой, дѣлаю вылазки на воздухъ, т. е. въ стихію, свойственную нормальному организму. Зачѣмъ же я потащу за собой человѣка, не одержимаго, подобно мнѣ, творческимъ зудомъ?

Съ шаблонной точки зрѣнія, мы, Асторины, — какіе-то жрецы, избранники, геніи, а въ сущности — мы, просто-напросто, маньяки, любопытный матеріалъ для изученія психическихъ уродствъ, искаженій, искривленій. Но если въ Асториныхъ искажена природа, испорчено самое нутро, то у Лецкихъ, Фризовъ и имъ подобныхъ вывернуты на изнанку понятія, вкусы, оцѣнки. Да, дорогой мой Александръ Петровичъ, мы съ вами можемъ подать другъ другу руки, такъ какъ всѣ мы оказываемся своего рода „псевдонимами“, какъ вашъ покойный бѣднякъ Отважный, который на дѣлѣ не былъ вовсе таковымъ. Мы — псевдонимы для самихъ себя, другъ для друга и для публики. Псевдонимы — потому, что всѣ насъ принимаютъ, и мы сами принимаемъ себя совсѣмъ не за то, что мы есть въ дѣйствительности.

Вы вотъ всю жизнь мечтали о борьбѣ съ капиталомъ, а кончили тѣмъ, что поступили на службу къ нему. Я мечталъ о счастіи съ любимой женщиной, а когда оно пришло, почувствовалъ себя въ положеніи рака, котораго внезапно выхватили изъ воды и ввергли въ кастрюлю съ кипяткомъ. К. Н. мечтала найти во мнѣ удовлетвореніе своимъ высшимъ запросамъ, а натолкнулась на капризнаго брюзгу, который не знаетъ, что дѣлать съ собой, еще меньше знаетъ, что дѣлать съ ней и ея чувствомъ и, въ концѣ концовъ, постыдно бѣжитъ, на манеръ Подколесина. К. Н., конечно, тяжело съ Асторинымъ, но псевдонимъ обязываетъ ее упрямо увѣрять себя, что она совершенно счастлива... Однако, какъ я безбожно расписался! Вотъ, что значитъ намолчаться до смерти... Вижу изъ этого, что не умерла еще во мнѣ по-

требность высказываться. Да и какъ можетъ быть иначе? Вѣдь и пѣтухи перекликаются"...

XVI.

К. Н. застала меня за чтеніемъ этого необъятнаго письма. Позабывъ о просьбѣ Асторина не посвящать ея въ тайну контракта, я передалъ ей посланіе и, какъ Антонъ, вышелъ изъ приличія на террасу. Не столько, пожалуй, ради приличія, сколько потому, что я былъ черезчуръ огорошенъ откровенными признаніями Асторина. Они клиномъ врѣзались въ привычный строй моихъ мыслей, пошатнули всѣ основы... Не то, чтобы Асторинъ открылъ мнѣ новую истину. Нѣтъ, онъ сдѣлалъ больше: онъ перемѣстилъ въ моихъ глазахъ жизнь и мою собственную особу на иную, неожиданную для меня плоскость.

Страннѣе всего то, что многія изъ мыслей, высказанныхъ въ письмѣ, приходили мнѣ не разъ въ голову, да, навѣрное, и не мнѣ одному. Онѣ порой даже волновали меня, глубоко, но смутно: мнѣ, дѣйствительно, казалось, что всѣ мы — какіе то псевдонимы, что во всѣхъ насъ есть что-то вывихнутое, нездоровое, не подлинное; наши цѣнности и увлеченія представлялись мнѣ порой иллюзорными, дутыми, въ родѣ красивыхъ, но эфемерныхъ мыльныхъ пузырей; случалось, я такъ живо ощущалъ въ себѣ самомъ и во всей нашей братіи отсутствіе силы, цѣльности и какой-то заправской, настоящей жизни. Часто, при видѣ мечтательныхъ глазъ К. Н., ловилъ себя на мысли: „А вѣдь она, право, живетъ призраками, да, пожалуй, и мы всѣ", а глядя на Асторина, думалъ: „Развѣ могутъ быть такіе счастливы и мудры?"

Да, я пережилъ все это тамъ гдѣ-то, на своемъ душевномъ днѣ, и тѣмъ не менѣе оно поразило меня, ошеломляющей новизной, какъ что-то небывалое, неслыханное. Но именно потому, что я самъ не разъ былъ близокъ къ такимъ мыслямъ и настроеніямъ, они сразу и захватили меня до такой степени. Въ раздумьѣ, поглотившемъ все мое существо, я спустился съ балкона къ знакомой скамейкѣ, посидѣлъ на ней, потомъ пошелъ дальше, куда глаза глядятъ, достигъ до опушки бора и брелъ по ней, какъ пьяный, до тѣхъ поръ, пока не стемнѣло и звѣзды не зажглись надъ головой. Тутъ только я вспомнилъ, что меня ждетъ К. Н., и изумился, какъ я могъ забыть про это? Должно быть, мысли засасываютъ

меня такъ же, какъ Асторина засасываетъ его творческая работа?

Еще больше изумился, когда, воротясь, нашелъ К. Н., сидящей въ потемкахъ все на томъ же мѣстѣ, у холоднаго самовара. Очевидно, и ее засосало... Тутъ же мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, и Асторинъ, заполненный сейчасъ картинами своего творческаго воображенія, позабылъ и о „Сосенкахъ“, и о К. Н., и обо мнѣ?

Я зажегъ лампу и при свѣтѣ ея увидѣлъ профиль К. Н., который показался мнѣ обострившимся, какъ у покойницы. Оцѣпенѣлая отъ своихъ думъ, она неподвижно сидѣла, свѣсивъ руки на колѣни, и казалась привидѣніемъ. Возлѣ нея лежали листки письма, разбросанные по столу. Я собралъ ихъ, спряталъ въ карманъ.

— Прочитали?

Она молчала. Я повторилъ вопросъ. Она слегка пошевелилась, какъ просыпающійся человѣкъ, но опять ничего не отвѣтила.

— Я бы посовѣтовалъ вамъ принять предложеніе Волгина и отправиться къ нему... Если вы ничего не имѣете противъ, я провожу васъ...

— Что жъ, поѣдемъ...

Голосъ у нея былъ, какъ у испорченнаго фонографа и, казалось, прозвучалъ откуда-то издали. Сразу было замѣтно, что она сейчасъ не думаетъ ни о Волгинѣ, ни обо мнѣ, ни о томъ, что сама говоритъ.

Въ этотъ вечеръ я не могъ никакими силами вызвать ее на разговоръ. Она твердила только: „Что жъ, ѣхать, такъ ѣхать“... Рѣшено было отправиться съ утреннимъ поѣздомъ и по дорогѣ дать Волгину телеграмму.

Когда мы расходились по своимъ комнатамъ, она протянула мнѣ руку, холодную, какъ ледъ, и сказала:

— Итакъ, я возвращаюсь къ разбитому корыту. А теперь надо спать...

И, не взглянувъ на меня, ушла.

Я отправился въ кабинетъ Асторина, гдѣ Антонъ приготовилъ для меня постель, и долго не могъ заснуть. Все то, что мнѣ такъ хотѣлось высказать Калеріи Николаевнѣ и чего я не сказалъ, тѣснило грудь. Вѣдь я цѣлый вечеръ порывался признаться Калеріи Николаевнѣ въ своемъ паденіи, въ

томъ, какъ я глупо и грязно проводилъ время съ Чабановымъ и Горской, а послѣ письма Асторина, гдѣ онъ такъ открыто и смѣло обнажилъ передо мной свое интимное, потребность въ такомъ же самообнаженіи еще больше обострилась во мнѣ. Но Калерія Николаевна даже не спросила меня, какъ я жилъ и что чувствовалъ, не обмолвилась ни однимъ словомъ и о Чабановѣ, точно все это давнымъ-давно умерло для нея и похоронено.

Сначала такое равнодушіе больно уязвляло мои чувства и самолюбіе, но потомъ это смѣнилось тревогой за Калерію Николаевну. Вѣдь такъ равнодушны и разсѣянны могутъ быть только люди, покончившіе свои счеты съ жизнью.

Среди болѣзненной безсонницы лѣзли со всѣхъ сторонъ кошмары. То чудилось, что Калерія уже отравилась и теперь лежитъ въ своей комнатѣ въ предсмертной агоніи; то мерещилось, будто она пробирается къ пруду съ намѣреніемъ утопиться, какъ утопилась въ прошломъ году одна молоденькая актриса, тоже такая экзальтированная и тоже покинутая. Я даже вставалъ съ постели, прикладывалъ ухо къ двери и тревожно ловилъ каждый звукъ. Но все было тихо, какъ въ могилѣ... да, какъ въ могилѣ!

Я готовъ былъ пойти къ Калеріи, окликнуть ее: до того меня обуялъ кошмарный страхъ. И уже пошелъ было на цыпочкахъ, но мысль о неприличіи моего поступка („мало ли, что ей можетъ придти въ голову?“) остановила меня.

XVII.

Утромъ она встрѣтила меня въ столовой, оживленная, неузнаваемая, и я отъ души порадовался, что не сдѣлалъ неловкости. Такъ какъ я заснулъ только подъ утро, то проспалъ до 10-ти часовъ. Калерія объявила мнѣ, что черезъ полчаса надо ѣхать, что лошади уже готовы. „Пейте скорѣй кофе — и поѣдемъ!“

Я давно привыкъ къ головокружительной смѣнѣ ея настроеній, но метаморфоза, постигшая ее за ночь, привела меня въ полное недоумѣніе. Въ ней не было и тѣни подавленности, унынія, даже задумчивости. Вся искрилась какою-то новой жизнью, казалась внезапно и вполнѣ выздоровѣвшею. Наканунѣ такая молчаливая, угнетенная, она была теперь на диво разговорчива: можно подумать, что она поклялась наболтать съ три короба всякой всячины, только бы не дать мнѣ

выговорить слова. На нее, какъ на Асторина въ минуты вдохновенія, тоже, должно быть, налетѣла какая-то волна и стремительно потащила за собой, не давая опомниться, остановиться...

Я слушалъ ея нескончаемый монологъ и думалъ: „Ей казалось, что она не можетъ жить безъ Асторина, а на самомъ дѣлѣ она встосковалась съ нимъ и теперь, очутившись вдругъ на просторѣ, почувствовала радость жизни; послѣ томительной праздности въ „сосенкахъ“, послѣ этого добровольнаго заточенія въ глуши, все въ ней сразу всколыхнулось при одной мысли о сценѣ, о публикѣ. Встрепенулась вся, какъ полковая лошадь, заслышавшая звуки марша. Асторинъ правъ, какъ всегда: довольно ей снова нюхнуть закулисной атмосферы, и она мигомъ позабудетъ о сосенскомъ чудакѣ... какъ и обо всѣхъ насъ“. Калерія снова падала въ моихъ глазахъ, снова начинала казаться женщиной, жадной лишь до ощущеній: ради нихъ она пошла, по первому слову, за Чабановымъ, ради нихъ же увязалась потомъ за Асторинымъ, — а теперь вотъ новое мѣсто, новая антреприза, новая публика... Опять, какъ въ „Чабановскій періодъ“, я ощущалъ къ ней нѣчто въ родѣ презрѣнія, только оно было теперь гораздо мягче и снисходительнѣе: „Таковы, значитъ, женщины, таковы актрисы, и вольтерьянцы напрасно говорятъ противъ этого“... Какъ видите, я сталъ настраиваться даже на шутливый ладъ; этому способствовало яркое, веселое солнце, заливавшее столовую, бурное до смѣшного оживленіе Калеріи и мысль о томъ, до чего курьезны были всѣ мои прежнія трагическія настроенія. „Дѣйствительность всегда оказывается проще и площе, чѣмъ мы воображаемъ“.

Пропало всякое желаніе подѣлиться съ Калеріей тѣмъ, что я пережилъ. „Да оно и лучше: не за чѣмъ растравлять раны, ворошить прошлое“. Незамѣтно я уже отождествлялъ ее съ актриссой Горской. Мнѣ казалось, что обнажать передъ Лецкой душу все равно, что откровенничать съ Чабановымъ и К°. Вотъ если бъ повидать Асторина, — ему бы я все повѣдалъ: онъ — единственный, способный заглянуть въ глубину. Асторинъ, разорвавшій съ Лецкой, представлялся мнѣ теперь истинно мудрымъ: „Мы всѣ ничего не понимаемъ, обманываемъ себя самихъ и другъ друга, а онъ понимаетъ... только онъ одинъ! Да, я и Лецкая и всѣ мы — не больше, какъ жалкіе псевдонимы; онъ одинъ умѣетъ быть самимъ собой“. И я завидовалъ его творчеству, способному до краевъ

наполнить его жизнь, его особнячеству, пріучившему его быть всегда въ компаніи дѣйствительно умнаго и оригинальнаго человѣка: Григорія Асторина. Столько въ этомъ настоящей искренности, собственнаго достоинства, уваженія къ своему завѣтному... даже къ собственнымъ слабостямъ и аномаліямъ! Онъ хочетъ быть только Асторинымъ, и никѣмъ больше. Въ этомъ есть, право же, что-то великое...

Вспоминаю весь нашъ длинный путь до Волгина, и у меня такое впечатлѣніе, что Калерія болтала безъ умолку всю дорогу. Временами я переставалъ ее слушать и начиналъ думать о своемъ: чего ради я провожаю ее? Она прекрасно доѣхала бы и одна; познакомилась бы съ кѣмъ-нибудь въ дорогѣ и произнесла передъ нимъ свой безконечный монологъ съ такимъ же удобствомъ, съ какимъ говоритъ его мнѣ. Асторинъ напрасно боится ея фатальнаго воображенія: никуда оно не можетъ толкнуть ее теперь, кромѣ какъ на гастроли у Волгина, предложившаго ей такія заманчивыя условія. Просто онъ перемудрилъ, передипломатилъ: пожилъ съ Лецкой, — вотъ и ему стало мерещиться что-то фатальное. А въ сущности, все тутъ рѣшается окладомъ, бенефисомъ, успѣхомъ, а Фризъ и даже самъ Асторинъ не играютъ никакой роли.

Тотъ упрощенно-циничный взглядъ на человѣка вообще и на женщину въ частности, который мы Чабановымъ такъ разработали и утвердили въ себѣ, я теперь, какъ кажется, окончательно усвоилъ и исповѣдовалъ съ спокойной увѣренностью. У меня уже не было, какъ прежде, желанія „въ лицо ей бросить стихъ, облитый горечью и злостью", а хотѣлось только отвезти ее поскорѣй къ мѣсту назначенія, устроить и распрощаться навѣки. Не ощущалъ я также во всемъ этомъ „пассажѣ" никакого драматизма, а просто, говорилъ себѣ, что надо быть впередъ умнѣе, заниматься усердно своимъ дѣломъ и „не заглядываться на актрисъ".

Вѣдь онѣ играютъ не только на сценѣ, но и въ жизни, не только передъ публикой, но и передъ самими собой. Вчера Лецкая играла трагическую роль покинутой, сегодня взялась за какую-то другую роль и разыгрываетъ ее столь же искусно. О, она годится, какъ видно, на всевозможныя амплуа! Для нея не важно, что играть, все дѣло въ томъ, какъ играть. Живя у Чабанова, она щеголяла изящными, дорого стоящими

костюмами; поселившись у Асторина, стала предпочитать простенькія платья, скромный стиль: каждая новая роль требуетъ новаго костюма. Увѣренъ, что, пріѣхавъ къ Волгину, она опять защеголяетъ. Костюмъ ея зависитъ отъ роли, а психика — отъ костюма. Надѣнетъ трауръ, — сейчасъ же почувствуетъ склонность къ грусти; перерядится въ костюмъ невѣсты, — и тотчасъ явится откуда-то жизнерадостность. А мы-то, наивные глупцы, воображаемъ, подобно простодушному зрителю, что, играя драму, актриса страдаетъ въсерьезъ. Сущность подлинной, прирожденной актрисы — въ томъ, что у нея нѣтъ собственной души, а есть пестрая вереница чужихъ душъ, чужихъ настроеній. Это — какая-то грифельная доска: написала мѣломъ, стерла, опять написала. Горская пишетъ то, что ей диктуютъ богатые покровители, и ей глубоко безразлично, какія письмена она пишетъ, лишь бы хорошо платили; а Лецкая выше сортомъ; ей все хочется что-то самой написать, только она не знаетъ, что именно, и потому поминутно стираетъ написанное. Общимъ же между ними остается то, что обѣ гоняются исключительно за пріятными ощущеніями и обѣ совершенно равнодушны къ ихъ моральной цѣнности, только для одной требуется примитивно чувственное, а для другой — слегка подкрашенное идеей...

Съ такими мыслями подъѣзжалъ я къ городу, которому предстояло наслаждаться игрой артистки Лецкой. Она заглянула въ окно, мимо котораго мелькали заборы съ саженными рекламами: „шоколадъ... рябиновая... табакъ... самая большая въ мірѣ... во всѣхъ магазинахъ“... Въ отдаленіи возвышалась бѣлая громада городского собора...

— Да, такъ вотъ куда онъ меня спровадилъ, — сказала Калерія Николаевна.

Я былъ такъ плотно затянутъ густымъ облакомъ собственныхъ мыслей, что нескончаемыя рѣчи Калеріи Николаевны лишь едва-едва пробивались сквозь эту толщу. Можно сказать, что я слышалъ все время ея голосъ, какъ слышишь иногда по цѣлымъ часамъ журчаніе ручейка, однообразный стукъ дятла или кваканіе лягушекъ, вовсе не считая нужнымъ реагировать какъ-нибудь на эти звуки. Да и она, повидимому, совсѣмъ не ждала отъ меня репликъ, а просто говорила, чтобы говорить. Раза два-три я пробовалъ прерывать ея словесный потокъ своими репликами, но онъ не останавливался и нисколько не мѣнялъ своего направленія, какъ будто бы я ни о чемъ и не спрашивалъ, ничего не говорилъ. Тогда я окон

чательно замолчалъ и весь предался своимъ думамъ, какъ Лецкая — своимъ рѣчамъ.

Но теперь ея коротенькое замѣчаніе заставило меня вдругъ всего насторожиться. Въ тонѣ ея мое ухо уловило что-то совершенно особенное, такъ мало похожее на тонъ всѣхъ ея сегодняшнихъ рѣчей. Тутъ слышалась и насмѣшка, и какая-то злая радость, или угроза, и что-то невыразимо горькое, какъ у Кронова, когда онъ говорилъ мнѣ „Тянули, тянули мы съ тобой, Лизочка, — не вытянули!“

Прислонясь лбомъ къ вагонному стеклу, она заговорила объ Асторинѣ. Казалось, она вспоминаетъ давно прошедшее, что успѣло быльемъ порасти, излагаетъ передъ публикой свои мемуары, точно на вечерѣ въ память почившаго писателя Асторина. Впрочемъ, для публичнаго вечера ея изложеніе совсѣмъ не годилось: до того оно было безсвязно и не литературно.

— Да, онъ всегда былъ такой недотрогой. „Человѣкъ съ ободранной кожей“ — такъ онъ самъ называлъ себя. На людяхъ онъ еще владѣлъ собой, хоть это было для него страшно трудно, — оттого-то онъ и избѣгалъ общества, но наединѣ... Боже мой, я никогда еще, ни въ комъ не встрѣчала такой нервности!.. По утрамъ всѣ и самъ онъ казались ему такими грубыми, грязными, пошлыми, а вечеромъ настроится, бывало, и начинаетъ видѣть что-то интересное въ жизни, какую-то красоту. Но чуть повернешься не такъ или скажешь что-нибудь обыкновенное, „обывательское“, у него сразу пропадаетъ настроеніе. Иногда довольно спросить у него: „О чемъ вы думаете?“ — какъ онъ весь сморщится, сразу засукчаетъ, завянетъ... И потомъ — онъ весь былъ какой-то несовременный. Новости никогда не занимали его, а скорѣй раздражали, точно онѣ загораживали для него красоту... какъ вонъ та фабрика загораживаетъ отъ насъ видъ на красивое предмѣстье города...

Калерія Николаевна вдругъ начала смѣяться тихимъ, равнодушнымъ, какимъ-то автоматическимъ смѣхомъ, который мѣшалъ ей говорить. Казалось, кто-то посторонній, безучастный къ ней и къ ея мемуарамъ, мѣшаетъ ей своимъ безцеремоннымъ смѣхомъ: до такой степени онъ диссонировалъ со смысломъ ея рѣчей.

— У него всегда были такіе сухіе, холодные пальцы. Да и взглядъ... Бывало, разговариваемъ такъ хорошо... Это — еще въ самомъ началѣ... Вдругъ онъ начинаетъ такъ

странно смотрѣть, точно видитъ тебя въ первый разъ, точно вдругъ сдѣлалъ въ тебѣ, въ твоемъ лицѣ какое-то открытіе. Сейчасъ же догадаешься, что онъ не слушалъ тебя вовсе, — можетъ быть, даже и не видѣлъ, а созерцалъ что-то свое, жилъ чѣмъ-то своимъ, чего никто и не пойметъ... Это — какъ Зевсъ: смертная хочетъ обнять его — и вдругъ видитъ на его мѣстѣ облако... Ха-ха!.. Вонъ, смотрите, зданіе: должно быть, театръ? Странно, что на свѣтѣ еще есть театры. Какъ это я буду опять „ходить на ходуляхъ“? Ха-ха!.. Вѣдь это будетъ смѣшно... да и не безопасно... Не правда ли?

Меня все непріятнѣе волновалъ ея странный смѣшокъ. Я попробовалъ перевести рѣчь на театръ, на Волгина...

— Да-да... Когда я говорила, что не хочу больше лѣзть на подмостки, онъ такъ смѣшно поднималъ брови. „Это, говоритъ, все равно, что барышня, которая клянется, будто никогда не выйдетъ замужъ“. Вы знаете: вѣдь онъ ничему не вѣрилъ, всякіе разговоры выслушивалъ, какъ сказку про бѣлаго бычка... Ха-ха! Онъ всѣхъ презиралъ — честное слово! Не то, что какъ-нибудь зло презиралъ, а просто... все казалось ему такимъ неумнымъ, неоригинальнымъ, вульгарнымъ. Да и мнѣ тоже всѣ передъ нимъ казались вульгарными. Вѣдь онъ — аристократъ. Ха-ха! Вѣдь правда? Холодная, кристальная красота... Только не дотрагивайтесь до нея: она слишкомъ брезглива... ха-ха! Онъ терпитъ васъ, пока вы нужны ему для настроенія, для какого-нибудь лишняго художественнаго штриха, — а потомъ... Не считайте его, пожалуйста, какимъ-то человѣконенавистникомъ. Честное слово, онъ такъ всѣхъ жалѣетъ, никого не осуждаетъ... Всякому готовъ помочь, только не надоѣдайте ему своей особой... Онъ ссудитъ васъ деньгами, дастъ вамъ рекомендательное письмо, сдѣлаетъ какое угодно пожертвованіе, но при одномъ условіи: чтобы вы немедленно оставили его въ покоѣ... Да и понятно: онъ сразу исчерпаетъ васъ всего цѣликомъ и потомъ перестаетъ замѣчать, какъ что-то, извѣданное до дна и успѣвшее надоѣсть... Вспомните только, какіе у него были глаза; мягкіе, даже ласковые, но бездушные... не такъ ли? Проницательные — и, вмѣстѣ, не видящіе васъ, не желающіе видѣть. Онъ всегда смотрѣлъ сквозь васъ, словно видѣлъ за вашей спиной что-то несравненно болѣе интересное, чѣмъ ваша личность... Вотъ почему всѣ — мужчины и женщины — были для него только какимъ-то гарниромъ,

приправой къ пищѣ, которая единственно была ему нужна. Иногда ему хотѣлось сахару, или перцу, или горчицы, и тогда онъ шелъ къ людямъ, но чуть переложитъ невзначай сахару, или горчицы, какъ его начинаетъ тошнить... ха-ха! Вотъ мы, слава Богу, и пріѣхали... Носильщикъ, носильщикъ!.. Вы, Александръ Петровичъ, идите пока за носильщикомъ въ залъ I класса и подождите меня тамъ, а я пойду, найму извозчика...

Пока мы съ ней продирались въ толпѣ вслѣдъ за носильщикомъ, она какъ-то истерически спѣшила договорить свой монологъ. Казалось, она не замѣчала ни шума, ни толчковъ, которыми награждала насъ суматошная публика; какъ будто забыла даже, куда и зачѣмъ пріѣхала, вся была въ прошломъ, въ своихъ мемуарахъ. Говорила что-то о странностяхъ Асторина: въ немъ абсолютно нѣтъ никакой потребности въ дружбѣ, въ любви; это — нѣчто неслыханное, противоестественное! Она, Лецкая, тоже всегда любила красоту, тоже жадно стремилась къ ней; искала ее сначала на сценѣ, потомъ нашла въ Асторинѣ. Но она никогда не думала, что можно любить только какую-то не живую, не человѣческую красоту... А онъ — какъ разъ наоборотъ: едва красота начинаетъ оживать, становиться осязательнѣе, наполняться теплой кровью, какъ онъ уже пятится отъ нея, видитъ въ ней что-то грубое, тяжеловѣсное, негодное для его воздушныхъ замковъ. Потому-то для насъ, людей съ плотью и кровью, онъ навсегда останется далекимъ, недосягаемымъ, какъ звѣзда на небѣ: сколько ни приближайся къ ней, она будетъ все такъ же далека отъ насъ, все такъ же будетъ сіять, но не грѣть. Но, Боже мой, вѣдь онъ — не только художникъ, а и человѣкъ. Онъ можетъ грустить, хворать, уставать; ему нужна иногда забота, ласка, нужно какое-нибудь живое, преданное существо. Завелъ же онъ себѣ однажды комнатную собаку, даже привязался къ ней; а потомъ говоритъ: „Несносно, что она вѣчно слѣдитъ за мной глазами, тычется мордой въ колѣни, все проситъ приласкать ее; пойдешь гулять, — увяжется за тобой, встрѣчаетъ, — радостно визжитъ; все это какъ-то связываетъ меня и, кромѣ того, — блохи"... ха-ха! Такъ и отдалъ ее сосѣду, съ которымъ тоже давно знакомъ, какъ со своимъ Волгинымъ... ха-ха! Ну, значитъ, вы подождете меня въ буфетѣ I класса? Я сейчасъ, сейчасъ...

И она, стремительно юркнувъ, скрылась отъ меня въ толпѣ. Я видѣлъ, какъ она вышла съ вокзала, направляясь, очевидно, къ извозчикамъ.

XVIII.

Публика давно схлынула; слышно было, что и извозчики, одинъ за другимъ, разъѣхались отъ вокзала, — а Калеріи Николаевны все не было.

Пришелъ еще поѣздъ, пріѣхала къ станціи новая партія извозчиковъ, а Лецкой все нѣтъ и нѣтъ. Я сидѣлъ въ залѣ I класса, охраняя корзину и какія-то коробки. Мнѣ впервые пришло въ голову: откуда взялись у Лецкой вещи? Вѣдь она ушла отъ Чабанова налегкѣ, въ такомъ видѣ очутилась въ „Сосенкахъ" и, повидимому, никуда не выѣзжала оттуда. Вдругъ вспомнилъ рядъ ея отрывочныхъ фразъ, на которыя я не обратилъ вниманія, даже почти не вслушался. Это она говорила мнѣ, когда вещи были только что положены въ экипажъ и мы тронулись изъ „Сосенокъ": Асторинъ давно уже уговаривалъ вернуться на сцену, доказывалъ ей, что „гардеробъ есть половина актрисы", дважды съѣздилъ въ городъ и накупилъ тамъ для нея разныхъ вещей. Она не посмѣла не принять ихъ: боялась, что онъ серьезно обидится. Мысленно рѣшилась расплатиться съ нимъ, такъ какъ у нея въ банкѣ были свои деньги, но Григорію Павловичу ни слова не сказала объ этомъ. Поблагодарила и взяла; думала, что его подарки и заботы помогутъ ихъ сближенію. „А заботы, какъ видите, клонились къ тому, чтобы отправить меня вмѣстѣ съ гардеробомъ куда-нибудь подальше отъ него. Какъ вамъ нравится такая его предусмотрительность? Онъ, значитъ, тогда еще рѣшилъ, что выхлопочетъ мнѣ ангажементъ: слѣдовательно, нужно, чтобы и гардеробъ былъ наготовѣ, а то, не дай Богъ, задержка выйдетъ". Теперь эти саркастическія слова отчетливо звучали въ моихъ ушахъ, и я, поглядывая на коробки съ туалетами, начиналъ чувствовать, что во всемъ этомъ есть, пожалуй, что-то не совсѣмъ ладное...

Схлынула публика и со второго поѣзда, и когда въ залѣ сдѣлалось такъ тихо, пустынно, по спинѣ моей пробѣжалъ вдругъ холодокъ неопредѣленнаго страха. „Да куда же она дѣвалась? Не можетъ же она уѣхать одна, безъ меня и безъ вещей. Развѣ пошла за извозчикомъ и заблудилась?"

Попросивъ буфетчика присмотрѣть за вещами, я вышелъ съ вокзала на мощеную площадь. Ни возлѣ станціи, ни на площади не было замѣтно ни одного экипажа.

Я пересѣкъ по діагонали площадь, заглянулъ направо на Дворянскую улицу, налѣво — въ какой-то кривой и тѣсный

переулокъ, полное безлюдье и тишь, только издали, изъ центра, доносился глухой шумъ колесъ. Холодъ все больше разбѣгался у меня мурашками по спинѣ, а безконечный монологъ Калеріи Николаевны звучалъ отчетливо въ моихъ ушахъ, какъ зловѣщее предостереженіе. Теперь я былъ далекъ отъ мысли, что все въ жизни происходитъ такъ просто, плоско, вульгарно; наоборотъ, отовсюду выглядывали на меня какіе-то безпокойные, загадочные призраки.

Я вернулся къ вокзалу, сталъ разспрашивать сторожа съ бляхой и пожилую женщину, сидѣвшую на ступенькѣ станціи съ узломъ и, видимо, кого-то поджидавшую. Сторожъ не видалъ никакой дамы съ ридикюлемъ, а женщина сказала, что она сидитъ тутъ „цѣльный часъ“ и помнитъ, какъ барыня словно бы прошла туда въ палисадникъ. — „Давно ужъ, — еще къ всенощной трезвонили“.

Не зная, гдѣ еще искать, я отправился, по указанію женщины, въ станціонный палисадникъ, густо заросшій акаціями. Должно быть, я былъ очень разстроенъ, потому что палисадникъ показался мнѣ невыразимо грустнымъ. Я даже подумалъ, что эти станціонные палисадники, отданные на жертву пыли и паровозной копоти, устраиваются нарочно для тоски. Кто ходитъ по этимъ унылымъ дорожкамъ? Даже станціонныя барышни, изнемогающія отъ праздности, не заглядываютъ въ него, предпочитая фланировать по перрону. Что-то оброшенное, какая-то пародія на природу, на зелень! И поѣзда, и люди проходятъ мимо, не обращая вниманія на эти жалкія подобія парковъ. Развѣ какой-нибудь пассажиръ, опоздавшій къ поѣзду и принужденный часами ждать слѣдующаго, забредетъ отъ нечего дѣлать на пустынныя дорожки палисадника; да и то сначала закуситъ раза два въ буфетѣ отъ скуки, напьется, не спѣша, чаю, перечитаетъ всѣ объявленія на стѣнахъ — и только потомъ ужъ, убѣдившись, что больше рѣшительно нечѣмъ убить время, съ отчаянія поинтересуется казеннымъ чахлымъ садишкой...

Въ самомъ элегическомъ настроеніи бродилъ я между пыльныхъ акацій, машинально читалъ надписи, вырѣзанныя ножомъ на скамейкахъ и, наконецъ, достигъ забора. Здѣсь, среди буйно разросшихся крапивы, лопуха и репейника, затерялась крошечная, покосившаяся на бокъ бесѣдка, способная однимъ своимъ руиннымъ видомъ возбудить самыя траурныя мысли о тлѣнности всего земного.

Ради законченности, направился къ бесѣдкѣ, какъ-то во-

ровски схоронившейся за кустами акацiи и бузины. Мѣсто это казалось отъ вѣка заброшеннымъ, вымороченнымъ, трудно было представить себѣ, что въ сотнѣ шаговъ отъ этой развалины находится вокзалъ, временами чрезвычайно шумный и людный, снуютъ въ горячечной торопливости всякаго рода люди, поѣзда привозятъ и увозятъ тысячи пассажировъ...

Живо помню ощущенiе, поразившее меня при видѣ сиротливо и безмолвно стоящей бесѣдки. Въ ней грезился мнѣ какой-то искони задеревенѣвшiй символъ, старый, какъ мiръ. Казалось, кругомъ насъ и въ насъ самихъ жизнь несмолкаемо кричитъ безпокойнымъ хоромъ возбужденныхъ голосовъ, и мы за этимъ шумомъ и гамомъ уже не слышимъ звука безмолвiя, того фатальнаго голоса, который властно распоряжается нашими судьбами. Мнѣ чудилось, будто та жизнь, что кипитъ въ ста шагахъ отъ меня — свистки паровозовъ, громыханiе колесъ, призывные звонки, стукъ ножей въ буфетѣ, бѣготня лакеевъ, суматоха публики и вся эта дорожная хлопотня и спѣшка — только рядъ тревожныхъ, быстро смѣняющихся сновидѣнiй, или марево, какое мерещится порой путешественникамъ въ знойной пустынѣ; въ дѣйствительности же существуетъ лишь вотъ это глубоко задумавшееся безмолвiе, эта мертвая тишина, чуждая всему и всѣмъ, всецѣло ушедшая въ себя. Вѣдь всякiй задоръ устаетъ, всякiй шумъ затихаетъ, всякое стремленiе прекращается — остается одна неподвижная тишь, которая никогда не устаетъ. Жизнь пробѣгаетъ по ней, какъ кратковременная рябь, и, уйдя, оставляетъ ее такою же, какой она всегда была.

Я почти физически чувствовалъ, какъ пульсъ жизни замираетъ во мнѣ, волны ея движутся все медленнѣе, все неохотнѣе, становятся, наконецъ, чуть замѣтной рябью. Засасываемый раздумьемъ, я машинально присѣлъ на продавленную ступень скамейки. Небо было еще не темное, но здѣсь, внизу, за оградой акацiй, начинали уже сгущаться сумерки.

Я опять переживалъ одинъ изъ тѣхъ пароксизмовъ всепоглощающей задумчивости, которые постигали меня въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ разсѣиваться длительный кошмаръ и я началъ выходить изъ-подъ гипноза Чабанова и Горской. Вчера я, оставивъ Калерiю съ письмомъ Асторина, бродилъ, какъ хмельной, по окрестностямъ и въ это время ухитрился забыть о ея существованiи; сегодня съ утра слышалъ весь день ея возбужденное щебетанiе, а самъ думалъ о своемъ, и ея слова только слегка скользили по поверхности моего,

мозга. Вотъ теперь я какъ будто забылъ, что отправился на поиски. Иной идетъ куда-нибудь по важному дѣлу, по дорогѣ натыкается случайно на нѣчто, еще болѣе важное и настоятельное и, занявшись имъ, забываетъ, зачѣмъ, собственно, шелъ.

Мнѣ показалось вдругъ, что за всѣми переживаніями Лецкой, Асторина, Фриза, давно уже, — быть можетъ, съ самаго начала и даже раньше всякаго начала — скрывается что-то похожее на древній рокъ, разгадка котораго ускользаетъ отъ всѣхъ насъ. Если не рокъ, то какая-то неумолимая жизненная истина или логика, опутавшая насъ по рукамъ и ногамъ своими невидимыми, неощутимыми нитями. Маріонеткой въ ея рукахъ перестаетъ быть только тотъ, кто сумѣетъ нащупать эти нити и порвать ихъ. Иногда мы ихъ нащупываемъ, но вмѣсто того, чтобы порвать, запутываемся въ нихъ еще больше, какъ муха въ паутинѣ или звѣрь въ тенетахъ.

Но я рѣшительно не хочу быть маріонеткой. Меня это бѣситъ, возмущаетъ! Асторинъ умѣлъ порвать тенета и освободиться, а вотъ я боюсь, что не въ силахъ буду вырваться, застряну въ этомъ городѣ возлѣ Лецкой, стану томиться, какъ встарь, ждать чего-то, презирать себя, проклинать Калерію, потомъ благословлять ее... быть можетъ, мечтать вмѣстѣ съ ней о невозможномъ, несбыточномъ. Сколько разъ я говорилъ себѣ, что надо, наконецъ, стать умнѣе — и до сихъ поръ не поумнѣлъ!

Нѣтъ-нѣтъ, пора покончить съ этимъ. Если Асторинъ могъ уѣхать тайкомъ и предоставить мнѣ утѣшать Лецкую, если Лецкая могла скрыться отъ меня, предоставляя мнѣ охранять багажъ, то я поступлю такъ же—махну рукой на Лецкую съ ея коробками и уѣду съ первымъ же поѣздомъ во-свояси. Такимъ образомъ, я разомъ „сожгу то, чему поклонялся", выброшу за бортъ прошлое, „а они тамъ пусть, какъ хотятъ!"

Но позвольте: что, если это рѣшаю не я, а все та же невидимая рука, дергающая маріонетку за нить, къ которой она привязана? Нѣтъ, слуга покорный: не желаю быть маріонеткой, протестую противъ этого всѣмъ, что еще осталось во мнѣ живого, свободнаго, смѣлаго. Я поступлю такъ, какъ хочетъ Фризъ, самъ Фризъ. Но чтобы узнать его подлинную волю, я долженъ понять что-то, не совсѣмъ еще ясное для меня, додумать или дочувствовать. Въ этомъ скрытъ корень всего, здѣсь лежитъ разгадка...

И я сидѣлъ недвижно, словно завороженный, силясь раз-

смотрѣть внутри себя концы таинственныхъ нитей, правящихъ моей волей. Совершенно не замѣчалъ теченія времени, не могъ отдать себѣ отчета, просидѣлъ ли я такъ полчаса, или нѣсколько часовъ. Меня вывелъ изъ оцѣпенѣнія паровозный свистокъ, рѣзнувшій вдругъ по ушамъ.

Я вскочилъ и почему-то страшно заторопился, заволновался. Было уже настолько темно, что я не могъ разглядѣть часовой стрѣлки. Это меня еще больше перепугало. — „Да что же, я съ ума сошелъ, что ли?"

Казалось, будто я опоздалъ куда-то или прозѣвалъ что-то страшно важное. Зажегъ спичку, взглянулъ на часы: четверть одиннадцатаго! „Нѣтъ, я, положительно становлюсь ненормальнымъ".

Машинально освѣтилъ внутренность бесѣдки — и обмеръ: тамъ на полу, бокомъ, лицомъ ко мнѣ, лежала Калерія Николаевна. Она была бездыханна. Наклонившись къ ея лицу, я тотчасъ почуялъ знакомый мнѣ запахъ синильной кислоты. Ею отравился въ позапрошломъ году мой кузенъ, провизоръ Храмцовъ, и съ тѣхъ поръ специфическій запахъ этого яда врѣзался навѣки мнѣ въ память...

Къ рукаву была приколота булавкой написанная карандашомъ коротенькая записка: „Я сама сдѣлала это. Никто не виноватъ.

К. Гумплецкая".

XIX.

Когда все это было?

Если судить по календарю, съ тѣхъ поръ прошло около двухъ лѣтъ. Но я-то чувствую, что прошло не два года, а какъ будто два десятилѣтія... даже больше, несравненно больше! Для времени не существуетъ никакой общей, опредѣленной мѣры: для одного прошелъ только мѣсяцъ, для другого — годъ, для третьяго — чуть не цѣлый вѣкъ. Недаромъ Асторинъ говоритъ шутя, что онъ за свои сорокъ пять лѣтъ прожилъ лѣтъ четыреста и что, вообще, среди насъ до сей поры встрѣчаются изрѣдка легендарные „Маѳусаилы". Я постигъ истину этого по собственному опыту: метрика гласитъ, что мнѣ теперь 30 лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ-то мнѣ сорокъ... пятьдесятъ... шестьдесятъ...

Говорю это въ высшей степени серьезно. Два года отдѣлили меня бездной отъ прежняго Фриза: я только припоминаю его, но не узнаю. Между Фризомъ и мной образовалась глубокая расщелина, — ея нельзя перейти, да и нѣтъ ни малѣй-

шаго желанія. Оглядываюсь на этого страннаго Фриза, оставшагося по ту сторону расщелины, и не понимаю ни его наивнаго обожанія Лецкой, ни мелодраматической ненависти къ капитализму. То есть, теоретически я все это, конечно, понимаю, но совершенно не представляю себѣ, какъ можно было жить этими чувствами? Что-то странное, удивительное, ненормальное.

Внезапная трагическая кончина Лецкой жестоко потрясла Асторина. Уѣхавъ отъ нея, онъ готовъ былъ „выть отъ тоски прямо по-собачьи" и даже собирался написать ей съ дороги, чтобы она ѣхала къ нему въ Крымъ, „иначе онъ исчахнетъ". Однако мысль о томъ, что онъ вторично отобьетъ ее отъ ея любимаго дѣла, остановила его. Теперь онъ считаетъ себя „форменнымъ глупцомъ и негодяемъ": глупцомъ — потому, что, мѣряя всѣхъ на свой аршинъ, считалъ и другихъ способными обходиться безъ такого необходимаго органа, какъ сердце, тогда какъ Калерія „вся соткана изъ одного сердца"; негодяемъ — потому, что, не будучи профессіональнымъ палачемъ, онъ все же поднялъ руку на живого человѣка и совершилъ надъ нимъ казнь, и это „низко, гнусно, безчеловѣчно". Въ заключеніе, онъ объявлялъ мнѣ, что навсегда бросаетъ литературу. „Всѣ эти повѣсти и разсказы опротивѣли мнѣ, потому что безпрестанно напоминаютъ мнѣ о моемъ позорѣ и бездушіи. Вся моя художественная паутина не стоитъ одного мизинца Калеріи, не можетъ выкупить ни единаго волоса съ ея головы. Какъ я буду заниматься дѣломъ, которое не только не возбуждаетъ отвращенія къ палачеству, но даже, какъ видите, толкаетъ на него? Какъ это я буду изображать человѣческую душу, рисовать жизнь, если я ихъ до такой степени не знаю, не чувствую, если способенъ, въ своемъ невѣжествѣ, на такія преступныя ошибки? Это все равно, что хирургъ, который рѣжетъ до смерти своихъ паціентовъ, или судья, осуждающій на смертную казнь невинныхъ... Нѣтъ, къ чорту всѣ эти очерки, разсказы и разныя повѣстушки! Надо быть идіотически самодовольнымъ, слѣпымъ и глухимъ ко всему, кромѣ этихъ повѣстушекъ, чтобы писать ихъ и облизываться".

Асторинъ, дѣйствительно, провелъ всю зиму въ томительной праздности, скучая, тоскуя, хворая и изводя Антона своими больными капризами. Но весной онъ написалъ для „Поэзіи" чудесный разсказъ, весь обвѣянный какою-то небывалой еще элегической красотой и глубокой грустной нѣжностью. Разсказъ произвелъ въ литературныхъ кругахъ сен-

сацію и сталъ „гвоздемъ“ сезона, что побудило Чабанова снова проникнуться уваженіемъ къ „Поэзіи“ и снова просить меня стать во главѣ ея редакціи на самыхъ лестныхъ для меня условіяхъ.

А-на дняхъ Асторинъ прислалъ намъ свою новую повѣсть, такую большую по размѣрамъ и значительную по содержанію, какой онъ еще никогда не писалъ. Именно это-то глубокое, яркое и на диво правдивое произведеніе и заставило меня вновь приняться за свои записки. Асторинскій шедевръ такъ сильно всколыхнулъ во мнѣ все пережитое, что оно всплыло на поверхность и, вопреки моему желанію, принудило оглянуться на себя.

Въ повѣсти я встрѣтилъ отзвуки пережитой трагедіи; но какъ мало были они похожи на то, что пережилъ авторъ вскорѣ послѣ смерти Калеріи! Не было и въ поминѣ прежней боли сердца и, вообще, уже не было человѣка, а остался только художникъ, успѣвшій за это время еще больше вырасти и углубиться. Въ катастрофѣ, которая вышибла его два года назадъ изъ художественной колеи и заставила горько каяться въ своемъ преступномъ заблужденіи, Асторину грезилось теперь что-то эстетически прекрасное, трогательное; даже въ самыхъ конвульсіяхъ мучительно мечущейся женской души онъ ухитрился найти какую-то красоту, гармонію. Все это выражено такъ ярко и убѣдительно, что даже мнѣ, свидѣтелю ужаснаго событія, оно представилось въ совершенно новомъ освѣщеніи: мягкомъ, примирительномъ, почти величавомъ.

Вотъ онѣ, всесильныя чары творчества! Если тутъ въ Асторинѣ дѣйствовало художественное лицемѣріе, то оно въ высшей степени искренно, ибо онъ, какъ художникъ, именно такъ воспринимаетъ жизнь; оно и заражаетъ насъ столь властно потому, что оно насквозь искренно: вѣдь всякая безусловная искренность, пускай это будетъ даже искреннимъ лицемѣріемъ, дѣйствуетъ неотразимо на наше чувство и воображеніе, какъ дѣтски искренній смѣхъ невольно заставляетъ насъ улыбаться, а непритворный испугъ — вздрагивать. Лицемѣріе же это потому, что Асторинъ, какъ человѣкъ, не можетъ чувствовать такъ.

Читая повѣсть, я размышлялъ о безграничныхъ возможностяхъ творческихъ достиженій. Мнѣ казалось, что дѣйствительность, какъ таковая, есть нѣчто абсолютно безразличное: ни большое, ни малое, ни прекрасное, ни безобразное. Все дѣло въ томъ, что внесетъ въ нее наше творчество, какими

лучами освѣтитъ все это нашъ созидающій духъ, творецъ дѣйствительности. Отъ него и только отъ него зависитъ сдѣлать ничтожное великимъ, тѣсное — просторнымъ, неприглядное — уютнымъ, мусоръ — золотомъ.

Въ этомъ духѣ я написалъ Асторину, выясняя передъ нимъ глубокій философскій смыслъ его послѣдней повѣсти, а вчера получилъ отъ него отвѣтъ въ его обычномъ шутливомъ и, вмѣстѣ, глубоко серьезномъ тонѣ: „Вамъ вездѣ мерещится философія, а я, просто, належалъ пролежни на одномъ боку и повернулся на другой; мнѣ надоѣло болѣть, ныть, каяться — вотъ и все. А когда же вы, мыслитель, належите, наконецъ, пролежни на своемъ философскомъ боку и тоже перевернетесь? Вѣроятно, этого никогда не случится, вѣдь, вы — врожденный философъ и будете все глубже погружаться въ пучины философіи, пока совершенно не скроетесь отъ глазъ простыхъ смертныхъ. Впрочемъ, я ни за что не ручаюсь, такъ какъ теперь повсюду псевдонимы, и самъ квартальный не разберется въ нихъ; вы же — псевдонимъ въ квадратѣ, въ кубѣ: всю жизнь посвящаете публицистикѣ, критикѣ, всю жизнь увлекаетесь прекрасными женскими натурами, но у меня такое впечатлѣніе, что все это для васъ — „пока только“, а самое цѣнное свое, самое глубокое вы постоянно откладываете въ неопредѣленное будущее. Васъ интересуетъ не дѣйствительность, а тѣ мысли, которыя возникаютъ у васъ по поводу нея, — все равно, какъ меня интересуютъ не люди, а особенности въ чертахъ ихъ лицъ, въ ихъ походкѣ, манерахъ, психикѣ. Мы оба не терпимъ дѣйствительности, только я прячусь отъ нея за ея отраженія въ искусствѣ и переношу ее лишь въ такомъ преломленномъ видѣ, а вы спѣшите отгородиться отъ нея баррикадами, построенными изъ собственныхъ мыслей, идей и разныхъ обобщеній. Какъ я, уставъ отъ дѣйствительности, спѣшу принять эстетическую ванну, такъ вы торопитесь принять умственную. И какъ я, умиравшій съ тоски по бѣдной К. Н., успокоился, въ концѣ концовъ, на художественныхъ образахъ, для которыхъ не опасны никакія разлуки, обиды и отравы, такъ и вы, дорогой мой Александръ Петровичъ, нашли свою цѣлительную нирвану въ высокихъ сферахъ философіи; острая привязанность и крушеніе ея пронеслись надъ вашей мудрой головой, какъ быстро-стремительный вихрь, и на прояснившемся небѣ снова засіяло для васъ солнце мысли. Изъ сей басни слѣдуетъ, что жизнь, увлеченіе, любовь и все то личное, чѣмъ живутъ, такъ называемые, не-

посредственные люди, для насъ съ вами — только подножіе для какой-то иной жизни, болѣе совершенной на нашъ взглядъ".

Какой я мыслитель, какой философъ? Я не написалъ ни одной диссертаціи, не создалъ никакой системы. Правда, я люблю принять иной разъ „умственную ванну"; мнѣ нравится посидѣть одному въ тишинѣ кабинета и, не спѣша, осмыслить какую-нибудь идею, меня тянетъ вглядываться въ глубь жизни, докапываться до какихъ-то корней, но, вѣдь, все это — какое-то любительство, дилетантизмъ, съ которымъ далеко не уѣдешь.

Впрочемъ, Асторинъ правъ: это можетъ засасывать Я хорошо помню, какъ, вернувшись послѣ смерти Калеріи домой, я былъ въ полномъ отчаяніи и подумывалъ серьезно о самоубійствѣ. Меня спасло только то, что, начавъ писать предсмертное письмо, я увлекся и просидѣлъ всю ночь за работой; къ утру оказалась исписанной цѣлая толстая тетрадь, я почувствовалъ облегченіе, даже нѣкоторое удовлетвореніе. Передъ огромными вопросами, захватившими меня цѣликомъ въ ту памятную ночь, все остальное, въ томъ числѣ личность и судьба Калеріи представилось мнѣ утромъ вовсе ужъ не такимъ важнымъ, значительнымъ: такъ послѣ громадныхъ сибирскихъ рѣкъ даже Волга и Ока кажутся мало замѣтными рѣчонками; такъ передъ космическими разстояніями самый дальній земной путь сокращается до размѣровъ точки. Да, мысль въ моихъ глазахъ есть дивное существо, легкое, крылатое, вѣчно подвижное, не боящееся никакихъ тупиковъ. Оно способно унести меня въ безконечное, въ міръ безстрастнаго покоя, чистаго, безкорыстнаго созерцанія... далеко-далеко отъ всего личнаго, больного, ноющаго. И когда все покинетъ меня, оно останется со мною, какъ вѣрный другъ: оно выведетъ меня изъ душной темницы мелкихъ личныхъ переживаній на необъятный просторъ, предъ величавымъ ликомъ котораго разсѣется все мутное, отравляющее, какъ испаряется туманъ подъ мощными лучами солнца.

Я думаю иногда, что ради пріобрѣтенія одной крупицы истины стоитъ, пожалуй, если это необходимо, пройти черезъ всѣ бездны, отравиться всѣми ядами жизни, ибо нѣтъ ничего драгоцѣннѣе чистаго золота истины. Мнѣ даже кажется порой, что все, кромѣ истины, есть, просто шлакъ, значеніе котораго сводится къ тому, чтобы выдѣлить изъ себя цѣнную крупицу. Отъ всѣхъ нашихъ переживаній остаются одни без-

жизненные отбросы, и только мысль продолжаетъ жить, искать, творить все новыя и новыя цѣнности.

Я благословляю эту добрую фею, вѣрю только въ нее, молюсь только ей. Да, да, Асторинъ глубоко правъ, какъ всегда: пусть я не философъ, но я смѣло могу назвать себя вѣрнымъ жрецомъ мысли, безстрастной, безликой. Какія бы гримасы ни дѣлала намъ жизнь, въ какія бы противорѣчія ни запутывала наше чувство, истина всегда останется истиной, и дважды два всегда будетъ четыре. Это единственное, чего не смоетъ никакой потокъ жизни, уносящій съ собой все живое, даже самое воспоминаніе о немъ. Бѣдная человѣческая душа можетъ успокоиться только на этомъ: иной точки опоры не существуетъ!

Завтра ѣду къ Асторину.

XX.

Нѣтъ, видно, никакой точки опоры не существуетъ, и человѣческій духъ не можетъ ни на чемъ успокоиться.

Намъ предстояло пропустить скорый поѣздъ, и мы цѣлыхъ сорокъ минутъ стояли возлѣ какой-то плохонькой станціи. Я вышелъ изъ вагона, подефилировалъ по платформѣ заглянулъ въ грязный микроскопическій буфетъ, выпилъ отъ скуки стаканъ жиденькаго чаю, опять пошелъ слоняться по платформѣ и машинально забрелъ въ палисадникъ при станціи.

Едва очутился на пустынной дорожкѣ, посреди акацій, безъ которыхъ здѣсь не обходится, кажется, ни одинъ палисадникъ, какъ воспоминанія облѣпили меня, подобно внезапно поднявшемуся рою осъ. Не успѣлъ опомниться, какъ они принялись жалить меня прямо въ сердце. Передо мной вдругъ всталъ съ рѣжущей ясностью тотъ палисадникъ и бесѣдка и въ ней молодое тѣло, уже бездыханное, уже похолодѣвшее. Меня пронзило... буквально, пронзило острое чувство боли за погибшую жизнь. Сколько угасло этихъ огоньковъ жизни! Какая длинная вереница загубленныхъ, скомканныхъ, раздавленныхъ! Передо мной вдругъ встали тѣла безвременно ушедшихъ, и вспомнился знакомый священникъ, который видѣлъ въ галлюцинаціяхъ всѣхъ покойниковъ, когда-либо отпѣтыхъ имъ. Мнѣ тоже мерещилась и Лиза Орѣшкина, и ея несчастный отецъ, ставшій живымъ трупомъ, и, главное, Отважный: вѣдь онъ такъ же, какъ и Гумилецкая, покончилъ съ собой у желѣзнодорожнаго вокзала...

Что можетъ сдѣлать тутъ моя добрая фея? Въ силахъ ли она зажечь погасшій огонь, вызвать къ жизни хоть малѣйшую искру? Она способна только разсуждать глубокомысленно о тщетѣ и бренности всего земного да восхищаться, скрѣпя сердце, такими нетлѣнными истинами, какъ дважды два — четыре. О, конечно, Гумилецкую похоронили, а дважды два продолжаютъ стоять фертомъ и остаются неизмѣнно равны четыремъ, но, вѣдь, мнѣ-то, моему-то сердцу нѣтъ ровно никакого дѣла ни до двухъ, ни до четырехъ, ни до всей таблицы умноженія.

Художественные образы, эстетическое созерцаніе? Нѣтъ-съ, позвольте, любезный мой Григорій Павловичъ, вы не обманете ни себя, ни меня. Можно утѣшаться, пока сидишь въ своемъ кабинетѣ или любуешься „узорами на деревьяхъ", но когда передъ вашими эстетическими очами встанутъ вдругъ тотъ палисадникъ, та бесѣдка, вы содрогнетесь отъ холода Какъ бы живо и ярко ни представляли вы себѣ теплую шубу, вы не согрѣетесь отъ этого, а останетесь голымъ на морозѣ. Сознайтесь лучше, что мы съ вами, какъ раненые звѣри, только зализываемъ свои раны, а кровь продолжаетъ течь, и жизнь продолжаетъ выходить изъ насъ. Голени у насъ съ вами перебиты, дорогой Григорій Павловичъ, и мы ковыляемъ съ грѣхомъ пополамъ на трехъ лапахъ.

Какіе, скажите, художественные образы въ состояніи затмить передо мной ту бесѣдку, тотъ трупъ? Въ то время, какъ жизнь создаетъ цѣлые эпопеи и трагедіи, мы съ вами успѣваемъ едва-едва написать одно заглавіе, да и то — требующее большихъ поправокъ. Жизнь достигаетъ, творитъ, а намъ дана только жажда творчества, смутное стремленіе къ чему-то ... и безсиліе. Наша планета представляетъ собой шаръ, и потому мы обречены дѣлать круги: какъ бы далеко ни хватали, въ концѣ концовъ, неизбѣжно вернемся къ исходной точкѣ. „Стремиться" — вотъ высшій предѣлъ, доступный человѣку, а за этимъ предѣломъ слѣдуетъ непереходимая, заповѣдная грань...

Конечно, мы можемъ придвинуть ладонь къ самому лицу и заслонить ею передъ собой гигантское солнце и весь необъятный міръ, но, вѣдь, этому міру нѣтъ никакого дѣла до нашей ладони и до нашего „я". Онъ, просто, не замѣчаетъ ихъ и остается совершенно такимъ же, какимъ былъ и до нашей ладони. А если замѣтитъ, то ему станетъ только смѣшно отъ нашихъ ребяческихъ иллюзій и претензій что-то творить,

чѣмъ-то распоряжаться, заслонять собой природу и жизнь... Нѣтъ, прочь эти художественныя и идейныя бирюльки, разлетающіяся отъ самаго слабаго дуновенія жизни!

Умерла Лиза, умерло вслѣдъ за Гумилецкой мое молодое чувство, умерло въ Асторинѣ живое человѣческое, умерла душа Кронова-Орѣшкина вмѣстѣ съ его ненаглядной Лизочкой. Все трупы, трупы! А что мы поставимъ на ихъ мѣсто?

Я устраиваю теперь у себя литературныя вечеринки. Обсуждаемъ на нихъ „вопросы", споримъ, горячимся, углубляемся, силимся „объять необъятное", — но уходятъ посѣтители, и отъ всей нашей идейной шумихи въ комнатѣ остаются лишь облака табачнаго дыма. Открылъ форточку, — и дымъ разсѣялся безслѣдно.

Въ тишину вдругъ нагло ворвался нетерпѣливый, пронзительный свистокъ, потомъ пыхтѣніе локомотива. Мой поѣздъ ушелъ. Ну, и отлично! Зачѣмъ я поѣду къ Асторину? Мы не поймемъ другъ друга, да намъ, собственно, теперь и не о чемъ разговаривать. Вы-то, глубокоуважаемый, повидимому, нашли таки себя, а я вотъ не нашелъ.

Единственно, что я такъ ясно чувствую въ себѣ, что горитъ въ моемъ сердцѣ злымъ огнемъ, это — ненависть къ своей собственной особѣ. Ненавижу себя за то, что такъ мало и плохо любилъ и такъ много и охотно обманывалъ себя, за то, что такъ скоро успокоился, такъ легко повѣрилъ всѣмъ философскимъ и художественнымъ бреднямъ; за то, что во мнѣ, какъ и въ васъ, мой геніальный другъ, нѣтъ живого нерва, живого Бога; за то, что я — Фризъ, что я — псевдонимъ.

Но позвольте, позвольте... Вѣдь и вы, обожаемый Григорій Павловичъ, пожалуй, — тоже псевдонимъ? И всѣ мы, всѣ!... Это не моя мысль: она принадлежитъ Асторину. Я прибавлю только отъ себя, что въ душѣ, рядомъ съ жилыми комнатами, гдѣ все знакомо и привычно, есть еще какіе-то потайные ходы, коридоры, подземелья, подвалы. Тамъ царятъ вѣчныя сумерки, снуютъ жуткія тѣни...

Не такъ ли, Григорій Павловичъ?

Н. Тимковскій.

ИЗЪ В. ГЮГО.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

I.

Черна на небѣ ночь. Избушка, въ тьмѣ ныряя,
Закрылась наглухо, ненастья не впуская.
Но сердцемъ чуется, что въ сумракѣ ночномъ
Тамъ свѣтится любовь привѣтливымъ лучомъ.
Въ углу рыбачья сѣть. Посуда кой-какая
На полочкѣ блеститъ, и занавѣсь большая
Скрываетъ чистую двухспальную кровать,
А рядомъ улеглись малютки. Цѣлыхъ пять
Лежитъ на тюфякѣ: гнѣздо, гдѣ души зрѣютъ.
Почти погасла печь; лучи огня блѣднѣютъ
На красномъ потолкѣ. Надъ сонными дѣтьми
Склонилась мать. Отецъ ушелъ. А за дверьми
Суровый океанъ, въ смущеньи небываломъ,
И тьмѣ, и небесамъ, и берегу, и скаламъ
Со злобой яростной, отъ пѣны побѣлѣвъ,
Ввѣряетъ грозный вопль и шлетъ сердитый ревъ.

II.

Пустился въ море мужъ. — Привыкъ онъ съ малолѣтства
Съ отвагой добывать у моря къ жизни средства,
И — дождь иль ураганъ — на ловлю онъ спѣшитъ:
Безъ ловли вѣдь никто въ семьѣ не будетъ сытъ.
А волны, какъ толпа зелено-мокрыхъ змѣй,
О барку хлещутся, а вѣтеръ все сильнѣй,
И море вспѣнилось... Но дома, вѣрно, Жанна
Ужъ молится о немъ. Онъ тоже изъ тумана
И вьюги всей душой стремится къ ней туда, —
И въ небѣ радостно встрѣчаются тогда

Ихъ мысли, средь ночей ненастныхъ и глубокихъ,
Какъ птицы-вѣстницы отъ двухъ сердецъ далекихъ.
Въ тѣ дни, когда приливъ, онъ къ ночи уплываетъ
И лодкой парусной безстрашно управляетъ
Одинъ, безъ помощи. А вѣрная жена
Весь день работаетъ. Заботливо она
И парусъ вычинитъ, и въ печь уху поставитъ,
И сѣти ветхія, дырявыя поправитъ,
И Богу молится, когда уложитъ спать
Шумливыхъ дѣточекъ. А мужу воевать
Приходится съ пучиною задорной. —
Тяжелый трудъ! Впотьмахъ нестись по безднѣ черной...
Ни свѣта, ни тепла... Все холодно кругомъ.
Невѣдомы мѣста, гдѣ можно поплавкомъ
Прельстить случайно рыбъ. На морѣ безконечномъ
Такъ мало этихъ мѣстъ. Да и волненьемъ вѣчнымъ
Капризно и легко смѣняются они, —
И гдѣ узнаешь ихъ въ текучей глубинѣ?
Какъ нужно взвѣшивать приливъ и направленья
Вѣтровъ обманчивыхъ, и сколько ухищренья
Стихіи требуютъ отъ бѣдныхъ рыбаковъ,
Чтобъ могъ добычу имъ послать опасный ловъ!

III.

Она все молится, а море все грозитъ,
И чайка въ вышинѣ насмѣшливо кричитъ,
И тѣни разныя толпою прихотливой,
Проносятся надъ ней, тревожа умъ пугливый:
Вотъ темный океанъ, вдали отъ береговъ,
Вотъ волны гнѣвныя, залившія пловцовъ...
А тутъ, какъ въ жилѣ кровь, стучатъ часы въ футлярѣ,
И сердце чувствуетъ, что въ каждомъ ихъ ударѣ
Скрывается судьбы невѣдомая цѣль:
Тому таится гробъ, другому — колыбель.
Задумалась она. „А дѣтки дорогія?
И въ стужу и въ метель — всегда они босыя.
Лепешки изъ одной ячменной лишь муки
Ѣдятъ, какъ лакомство, малютки-бѣдняки!
А вѣтеръ? Боже мой, какъ дуетъ! Что за сила!
Онъ дышитъ, будто мѣхъ! Какъ искры изъ горнила,
Сдается, съ вихрями созвѣздія летятъ...

И волны молотомъ по берегу стучатъ,
И полночь рѣзвая, отдавшись дикой пляскѣ,
Смѣется сквозь очки густой атласной маски...
Порою полночь та, какъ яростный злодѣй,
Съ вѣтрами на челѣ, подъ свистъ и шумъ дождей,
Хватаетъ моряка изъ сумрака и мглы —
И бьетъ его о зубъ невидимой скалы.
И тонетъ человѣкъ! И волны заглушаютъ
Его безсильный крикъ, и въ памяти мелькаютъ
Предъ нимъ: очагъ, его семья, жены его лицо
И въ мирной пристани желѣзное кольцо!..“
Такъ думаетъ она, и молится, и плачетъ...
А ночь таинственно вдали родного прячетъ.

VI.

Пора ей брать фонарь, накинуть капюшонъ
И выйти поглядѣть: виднѣется ли онъ
Вдали? Свѣтаетъ ли? Темно ль на океанѣ?
И ясно ли горитъ маякъ теперь въ туманѣ?
И вотъ она идетъ. Все мутно на дворѣ,
И льетъ рѣкою дождь. Какъ выглядитъ угрюмо
Предъ утромъ дождь! Наводитъ онъ на думу,
Что день колеблется разсѣять ночи мракъ,
И слезы льетъ заря. Младенецъ плачетъ такъ,
Встрѣчая здѣшній міръ, о томъ, что онъ родится..
А Жанна все идетъ, — ненастья не боится
И вдругъ она во тьмѣ, разыскивая путь,
Наткнулась на шалашъ. Стѣснило что-то грудь
Ея тотчасъ... Какой разрушенный, забытый
Имѣло видъ жилье! Дождями весь размытый
Уродливо торчалъ на крышѣ очерётъ.
Ни свѣта, ни огня, а вѣтеръ злобно рветъ
Затворенную дверь. — Тутъ Жанна пріуныла:
„Постойте! А вѣдь я вдову совсѣмъ забыла!
Недавно мужъ нашелъ несчастную больной...
Едва ль ей справиться съ ребятами одной...
Зайду да погляжу, не легче ли несчастной?..“
Она стучится въ дверь. Молчанье. Вихрь ненастный
Ее всю холодомъ и дрожью обдаетъ.
„Больна! А дѣточки — кто пищу имъ найдетъ?
Положимъ, двое ихъ, но нѣтъ у бѣдной мужа!“

Она кричитъ: „Сосѣдка!" Злится стужа,
А все жъ изъ хижины отвѣта не слыхать.
О Боже праведный, какъ надо ей кричать!..
„Должно быть, спитъ"... И Жанна бъ не добилась,
Быть можетъ, ничего. Но вдругъ сама открылась
Предъ нею дверь, какъ будто бы порой
И вещи могутъ намъ сочувствовать душой.

V.

Она вошла. Темно. Фонарь ея уныло
Ей сумракъ освѣтилъ, гдѣ будто все остыло
Предъ ночью бурною въ покорной тишинѣ.
Сквозь крышу капалъ дождь, — и въ темной глубинѣ
Видѣнье страшное въ той хижинѣ забытой
Предстало Жаннѣ.
Тамъ лежала непокрытой
Худая женщина, откинувшись назадъ.
Она была боса. Потухъ навѣки взглядъ
Съ печатью ужаса. Не двигалась больная.
То былъ уже мертвецъ — когда-то молодая
Работница и мать. Тѣ страшныя черты —
То были грозные остатки нищеты —
Одинъ несчастный слѣдъ борьбы ея тяжелой.
На клочьяхъ скомканныхъ одной соломы голой
Лежитъ покойница; рука ее виситъ,
Покрывшись зеленью, и ротъ ея открытъ,
Откуда вылетѣлъ предъ смертью крикъ печали,
Которому вѣка въ безмолвіи внимали...
А рядомъ колыбель; малютки въ ней лежатъ.
Сиротокъ двое тамъ: они сестра и братъ.
И сонъ ихъ, кажется, безпеченъ и глубокъ.
Имъ мать набросила на ножки свой платокъ
И милыя тѣльца́ одеждою покрыла.
Такъ, чуя свой конецъ, она ихъ защитила,
Чтобъ имъ не чувствовать въ ея послѣдній часъ
Сырого холода, который входитъ въ насъ,
Когда кончины тѣнь таинственно нахлынетъ, —
Чтобъ было имъ тепло, когда ихъ мать остынетъ.

VI.

Малютки жалкія безгорестно лежатъ.
Дыханье ихъ легко, они съ улыбкой спятъ,

И кажется, что ихъ отъ нѣги усыпленья
Не можетъ пробудить въ день Божія сужденья
И грозная труба воззваніемъ своимъ:
За ними нѣтъ вины, — и Судъ не страшенъ имъ.
А дождь надъ кровлею неистово шумитъ
И мочитъ ту кровать, гдѣ мертвая лежитъ.
Вотъ падаетъ на лобъ ей капля дождевая
И льется по щекѣ, слезу изображая...
А волны за стѣной какъ будто бьютъ въ набатъ...
Покойница глядитъ, но мутенъ странный взглядъ...
Увы! Когда душа изъ тѣла улетаетъ,
Нашъ взоръ имѣетъ видъ, что разумъ призываетъ
И гдѣ-то ищетъ духъ. Тогда уста и взоръ
Какъ будто межъ собой вступаютъ въ разговоръ:
„Гдѣ, очи, прежній блескъ?“ — „А гдѣ, уста, дыханье?..“
Стремитесь же вкушать земли очарованье,
Веселье и любовь, и все, чѣмъ міръ богатъ!
Какъ въ темный океанъ рѣчонки всѣ спѣшатъ,
Такъ цѣль даетъ одну Судьба всему на свѣтѣ,
И все туда идетъ: и матери, и дѣти,
И пиръ, и поцѣлуй — обычной чередой —
Въ забвеніе вѣковъ, на сумрачный покой!

VII.

Покинувъ мертвую, вотъ Жанна тамъ идетъ...
Но что же подъ плащемъ она теперь несетъ?
Что прячетъ тамъ она? Зачѣмъ глядитъ тревожно?
И кроется впотьмахъ такъ робко, осторожно?
Куда и отъ кого уйти она спѣшитъ,
И сердце трепетно зачѣмъ у ней стучитъ?
И что за пологомъ своей постели скрыла?
Какой она предметъ у нищенки стащила?..

VIII.

Когда она пришла домой, уже бѣлѣла
Скала надъ берегомъ... Въ углу она присѣла,
Склонила голову безсильно на кровать
И стала про себя о чемъ-то горевать,
Несвязнымъ шопотомъ съ собою разсуждая,
Какъ будто бы упрекъ отъ сердца отгоняя:

„О, что я сдѣлада?!. Мой бѣдный, бѣдный мужъ!
На шеѣ пять дѣтей! Работы тьма! Ему жъ
Теперь я новую обузу навалила...
Зачѣмъ я этихъ двухъ съ собою захватила?
И такъ невыносимъ его тяжелый трудъ!..“
— Не онъ ли, Боже мой?.. Вотъ, кажется, идутъ!..“
Нѣтъ!.. Все равно: пускай прибьетъ. — „За дѣло“.
Отвѣчу я ему... Не онъ ли?.. — Поблѣднѣла
Отъ трусости... Но нѣтъ... — А онъ-то и не ждетъ,
Бѣдняга, что меня невольный страхъ беретъ,
Какъ вспомню я о немъ... — И тутъ она глубоко
Въ тоскѣ задумалась и такъ ушла далеко
Въ заботы мрачныя о бѣдности своей,
Въ душевную печаль, что не былъ слышенъ ей
Ни близкій вѣстникъ дня — наружный шумъ и звонъ —
Ни плескъ прибрежныхъ волнъ, ни крикъ морскихъ воронъ...
Но вдругъ открылась дверь пространно и свѣтло.
Лучами съ воздуха въ избушку полило,
И съ сѣтью, мокрый весь, но съ радостью во взорѣ,
Рыбакъ, войдя, сказалъ: „Во-на, что значитъ море!“

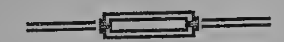
IX.

— Ахъ, милый, это ты! — вскричала Жанна, вмигъ
Обнявъ его. И онъ съ любовью къ ней приникъ,
Цѣлуя ей лицо. И Жанна цѣловала
Его сырой жилетъ, и лаской осыпала
Его, а онъ твердилъ съ улыбкой: — Вотъ и я! —
Любуясь заревомъ очажнаго огня.
— Погода какова? — Плоха. — А ловля? — Гадость,
Но вижу я тебя — и то большая радость.
Я рыбы не нашелъ и сѣть свою порвалъ.
Самъ дьяволъ въ эту ночь за вѣтромъ поддувалъ.
Творилась страшная на морѣ суматоха,
Была минуточка — я ждалъ, что будетъ плохо,
И самъ не знаю, какъ я съ баркой уцѣлѣлъ,
А ты что дѣлала? — Одинъ вѣдь мой удѣлъ:
Работала весь день. Тревожили сомнѣнья
Мнѣ сердце въ эту ночь: пугалась я волненья,
Жалѣла я тебя подъ стужею и тьмой.
Да, сладить тяжело съ теперешней зимой!..

Тутъ, какъ виновница, въ душѣ тревожась тайно,
Она замолвила: — Да! Кстати. Я случайно
Узнала, что въ ту ночь сосѣдка умерла.
Не мало горестей она перенесла
И жизнь окончила средь бѣдности ужасной.
Остались сынъ и дочь у матери несчастной!
Сынъ ползаетъ едва, а дочь едва лепечетъ.
Ну, кто теперь сиротъ голодныхъ обезпечитъ?
Затылокъ почесавъ, рыбакъ сперва молчалъ,
Но вдругъ, швырнувъ картузъ на лавку, отвѣчалъ:
— Ахъ, чортъ возьми совсѣмъ, исторія какая!
У насъ вѣдь пять дѣтей — и такъ народу много.
Теперь ужъ будетъ семь. А помнишь какъ убого
Недавно жили мы въ одинъ суровый годъ?
Семья безъ ужина, бывало, спать идетъ...
Ну, дѣлать нечего. На то Господня воля!
Порой подумаешь; за что такая доля
Малюткамъ выпала?.. Какъ странно отнимать
У дѣтокъ слабенькихъ одну опору — мать?
Мудреныя дѣла! Придется намъ не мало
Возиться съ крошками. Легко ихъ понимала
Одна покойница. Ну, пусть у насъ живутъ:
Ихъ мать стучится къ намъ, — откроемъ имъ пріютъ.
Ступай-ка ты, жена, возьми сиротъ. Вѣдь имъ
Невесело лежать съ покойницей однимъ,
Смѣшаемъ всѣхъ дѣтей. Въ свободный часъ заката.
Вползутъ къ намъ на руки забавные ребята,
Когда увидитъ Богъ, что надо ихъ кормить,
Онъ рыбки мнѣ пошлетъ побольше половить,
Стѣснимся кое въ чемъ. Ступай. Я такъ рѣшилъ.
Что жъ медлишь? Иль тебя я этимъ разсердилъ?
Я знаю, ты добра... Зачѣмъ глядишь такъ странно?
— Смотри — они ужъ здѣсь! — въ отвѣтъ сказала Жанна.

С. Андреевскій.

1877 г.

* * *

Какъ въ чистой водѣ отражается ландышъ прибрежный,
Какъ зеркало водъ его обликъ вмѣщаетъ въ себѣ, —
Такъ вы отразились въ душѣ, — и образъ вашъ нѣжный
Остался навѣки, какъ врѣзанъ. Покорны судьбѣ,
И годы промчались, и вязкою жизненной тиной
Души моей дно засорилось, — но тамъ, въ глубинѣ,
Подъ самой далекой, прозрачной, нетающей льдиной
Вашъ образъ далекій остался со мной и во мнѣ.

В. Тарховъ.

ПЕТРАШЕВЦЫ А. П. БЕКЛЕМИШЕВЪ И К. И. ТИМКОВСКІЙ.

(По неизданнымъ источникамъ.)

Въ сношеніяхъ съ петрашевцами находились два лица, жившія по своимъ служебнымъ обязанностямъ въ Ревелѣ: К. И. Тимковскій и А. П. Беклемишевъ. Изъ найденныхъ у Дебу I, члена фурьеристскаго кружка Кашкина, рукописей Беклемишева видно, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ фурьеристовъ и, слѣдовательно, знакомство его съ Петрашевскимъ и хотя бы заочная духовная связь съ кружкомъ Кашкина вполнѣ естественны.

Александръ Петровичъ Беклемишевъ родился въ 1824 году, и въ іюнѣ 1849 г. ему было 24 года и 11 мѣсяцевъ. Отецъ его, отставной поручикъ Петръ Дмитріевичъ, жилъ въ своемъ имѣніи Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи. Первоначально А. П. Беклемишевъ воспитывался въ московскомъ дворянскомъ институтѣ, а затѣмъ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ принятъ на казенный счетъ въ лицей, гдѣ окончилъ курсъ 1841 г. и поступилъ на службу въ почтовый департаментъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ переведенъ по его желанію въ министерство внутреннихъ дѣлъ и назначенъ въ помощь чиновнику особыхъ порученій, отправленному на ревизію въ Лифляндскую губернію; въ 1845 г. былъ назначенъ въ рижскую ревизіонную комиссію, и ему предписано было состоять въ распоряженіи мѣстнаго генералъ-губернатора, а въ 1848 г. онъ былъ командированъ въ Эстляндскую губернію для изслѣдованій по городскому хозяйству. По смерти матери Беклемишеву досталось вмѣстѣ съ тремя малолѣтними братьями и сестрою имѣніе (100 душъ съ небольшимъ) въ Одоевскомъ уѣздѣ, Тульской губ.[1]. Онъ былъ

[1] По смерти отца и матери у А. П. Беклемишева было въ нераздѣльномъ имѣніи съ братьями и сестрою въ Тульской и Новгородской губ 2.700 десятинъ земли, населенныхъ крестьянами.

женатъ [1]), имѣлъ двухъ дочерей и, кромѣ того, воспитывалъ у себя двухъ братьевъ и сестру; кромѣ жалованія, онъ получалъ еще нѣкоторыя средства отъ отца.

Эстляндскій гражданскій губернаторъ А. Салтыковъ далъ самый лучшій отзывъ о Беклемишевѣ: „По должности" онъ „оказывалъ всегда усердіе, а по степени образованія и по знаніямъ своимъ былъ весьма полезнымъ; нравственности онъ безукоризненной и, находясь нѣсколько лѣтъ въ супружествѣ, съ женою своею жилъ кротко и въ совершенномъ согласіи; былъ не только нѣжнымъ отцомъ дѣтямъ, но и младшимъ братьямъ своимъ, которыхъ воспитывалъ у себя и которые доселѣ посѣщаютъ въ Ревелѣ училищныя заведенія; по образованному обхожденію, которое обличало въ немъ благовоспитаннаго человѣка, по весьма привлекательной наружности, равно и по легкости, съ которою онъ умѣлъ выражаться на разныхъ иностранныхъ языкахъ, Беклемишевъ былъ принятъ въ разныхъ кругахъ общества и повсюду любимъ; впрочемъ, онъ имѣлъ, кажется, нѣкоторую наклонность къ идеямъ соціализма".

Хотя Беклемишевъ, такъ же, какъ Петрашевскій и Спѣшневъ, воспитывался въ лицеѣ, но тамъ, по его словамъ, онъ совсѣмъ ихъ не зналъ, потому что оба они покинули лицей ранѣе его [2]), и затѣмъ онъ будто бы не слыхалъ о нихъ до своей поѣзки въ Петербургъ въ февралѣ 1848 г. Здѣсь онъ жилъ у своего лицейскаго товарища, Пальчикова, и увидѣлся у него съ Плещеевымъ, котораго знавалъ еще будучи лицеистомъ. Отъ Плещеева, давняго знакомаго Петрашевскаго, онъ могъ получить, конечно, вполнѣ точныя свѣдѣнія о пятницахъ этого послѣдняго и ихъ истинномъ значеніи.

Въ тотъ вечеръ, когда Беклемишевъ былъ у Петрашевскаго, Н. Я. Данилевскій излагалъ ученіе Фурье. На этой пятницѣ присутствовалъ и Плещеевъ. Петрашевскій сообщилъ Беклемишеву о предложеніяхъ, которыя незадолго передъ тѣмъ онъ хотѣлъ сдѣлать на дворянскихъ выборахъ въ Петербургѣ по крестьянскому дѣлу [3]), и о томъ, что онъ жаловался сенату на министра внутреннихъ дѣлъ и предполагаетъ жаловаться на губернскаго предводителя дворянства, потому что ему не было дозволено сдѣлать предложенія о

[1]) На дочери лектора дерптскаго университета Пезе-де-Корваля.

[2]) Петрашевскій окончилъ курсъ въ 1839 г., Спѣшневъ вышелъ изъ лицея, не окончивъ ученія, въ этомъ же году.

[3]) См. „Голосъ Минувшаго", 1913 г., № 4, стр. 100—102.

дворянскихъ имѣніяхъ, связаннаго съ крестьянскимъ вопросомъ. А. Беклемишевъ сказалъ Петрашевскому, что онъ самъ занимается крестьянскимъ вопросомъ. Очевидно, послѣ этого Беклемишевъ передалъ или прислалъ Петрашевскому свою записку подъ заглавіемъ „Письмо помѣщика ...ской губ. объ обращеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ свободныхъ земледѣльцевъ", которая была прочитана на одной изъ пятницъ, причемъ настоящее имя автора названо не было[1]). Въ запискѣ этой Беклемишевъ доказывалъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли было бы опасно даже для самихъ помѣщиковъ, такъ какъ вызвало бы грабежи и убійства, и предлагалъ обратить землю, находившуюся въ пользованіи крестьянъ, въ ихъ собственность съ тѣмъ, чтобы они приняли на себя ту часть казеннаго долга, которая, соотвѣтственно количеству данной имъ земли, придется на ихъ долю, и уплатили бы еще разницу между оцѣнкою и дѣйствительною стоимостью земли; а если имѣніе не заложено, то крестьяне должны уплатить всю сумму помѣщику или разомъ, или съ разсрочкою на 26 лѣтъ съ уплатою $5^0/_0$ и, кромѣ того, $2^0/_0$ погашенія долга[2]).

Извѣстнаго петрашевца, коммуниста Спѣшнева, Беклемишевъ, по его словамъ, видѣлъ только одинъ разъ у Плещеева, при чемъ Спѣшневъ будто бы говорилъ исключительно о нѣмецкой философіи.

Съ соціализмомъ („съ существованіемъ, такъ называемыхъ, соціальныхъ школъ") Беклемишевъ, по его показанію, познакомился изъ сочиненія Л. Штейна „Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs" (1842). „Я сталъ изучать его, говоритъ онъ въ своемъ показаніи, какъ изучалъ въ то же время политическую экономію и юриспруденцію. Соціализмъ поразилъ меня новостью взглядовъ. Но такъ какъ я не принадлежу къ числу людей, легко увлекающихся новизной, то долго не могъ составить себѣ о немъ положительнаго мнѣнія". Въ концѣ концовъ, онъ рѣзко отрицательно отнесся къ коммунизму „во всѣхъ видахъ его". Въ системѣ Сенъ-Симона онъ „нашелъ *одну*[3]) справедливую мысль, а именно, что періодъ труда военнаго прошелъ и что теперь

---

[1]) Петрашевскій назвалъ на допросахъ авторомъ записки Ушакова, а одинъ изъ посѣтителей его пятницъ приписывалъ ее Андрееву.

[2]) Подробное изложеніе записки Беклемишева см. въ моей статьѣ „Петрашевцы и крестьянскій вопросъ" въ изд. „Великая реформа" подъ ред. А. К. Дживилегова и С. П. Мельгунова. III, 212—213.

[3]) Курсивъ подлинника.

наступаетъ періодъ труда мирнаго"; ученіе же учениковъ Сенъ-Симона показалось ему еще вреднѣе коммунизма (быть можетъ, онъ имѣлъ тутъ въ виду взгляды Анфантена на отношенія между полами). Въ ученіи Фурье Беклемишевъ считалъ полезнымъ „его предположенія о преобразованіи различныхъ отраслей промышленности" и „особенно понравилось ему то, что онъ возстаетъ противъ всякихъ политическихъ переворотовъ [1]". Возможно, что эти послѣднія слова Беклемишева были не совсѣмъ искренни, но, несомнѣнно, неискренно было заявленіе, что свои убѣжденія онъ не сообщалъ никому, „храня ихъ для себя", а только иногда представлялъ „на обсужденіе высшаго начальства плоды" своихъ „размышленій", какъ сдѣлалъ это съ двумя записками, представленными имъ министру внутреннихъ дѣлъ: мы увидимъ, что, кромѣ оффиціальныхъ записокъ, онъ писалъ и такія, которыя, очевидно, назначались для пропаганды его взглядовъ, — объ одной изъ нихъ (по крестьянскому вопросу) я уже упомянулъ, о другихъ, посвященныхъ популяризаціи нѣкоторыхъ сторонъ ученія Фурье, буду говорить ниже. Министру же внутреннихъ дѣлъ онъ представилъ двѣ записки: 1) О гипотечной системѣ и 2) Объ ограниченіи дробленія имѣній.

Содержаніе первой записки неизвѣстно; сохранилось только оффиціальное письмо (19 августа 1846 г.) кого-то изъ начальниковъ Беклемишева, который сообщилъ ему, что министръ внутреннихъ дѣлъ, Л. А. Перовскій, приказалъ изъявить ему „особенное удовольствіе и благодарность за столь полезный трудъ, который заслуживаетъ и по цѣли, и по самому исполненію полнаго одобренія", записка его будетъ „пріобщена къ прочимъ заготовленнымъ по этому предмету матеріаламъ и въ свое время будетъ принята въ соображеніе". Авторъ письма, съ своей стороны, прибавилъ, что онъ высоко цѣнитъ полезную службу Беклемишева и ожидаетъ отъ нея „самыхъ благихъ результатовъ".

Другой проектъ, представленный Беклемишевымъ министру внутреннихъ дѣлъ, — „Объ ограниченіи дробленія имѣній" — сохранился. Считая зломъ безграничное дробленіе имѣній, онъ, однако, полагалъ, что несправедливо и вредно для земледѣлія учрежденіе майоратовъ. „Недостаточно удобрить поля, осушить болота, получить обильную жатву и

[1]) На основаніи показанія Н. Я. Данилевскаго можно заключить, что онъ содѣйствовалъ увлеченію Беклемишева ученіемъ Фурье.

продать по высокой цѣнѣ хлѣбъ, — нѣтъ! нужно изучить подробно всѣ обстоятельства края, изучить потребности, нужды и средства крестьянъ, нужно дойти до убѣжденія, что каждый помѣщикъ только тогда законный владѣлецъ, когда онъ принесетъ пользу государству въ своемъ кругу дѣйствія и что какъ скоро онъ не только вреденъ, но даже безполезенъ, то онъ совершаетъ преступленіе противъ отечества своего". А между тѣмъ старшій сынъ можетъ имѣть мало расположенія къ сельскому хозяйству, а второй, очень способный къ нему, при майоратѣ будетъ лишенъ имѣнія. Беклемишевъ полагаетъ, что „майораты, которые могутъ быть полезны въ политическомъ отношеніи въ такомъ государствѣ, гдѣ принципъ правленія есть чисто аристократическій (?)[1]), вредны вездѣ для сельскаго хозяйства, такъ какъ они сосредоточиваютъ его въ рукахъ людей, которые уже по самому богатству своему почитаютъ себя призванными къ занятію высшихъ мѣстъ въ государствѣ и обществѣ и по этому самому не хотятъ посвятить себя непосредственному занятію имѣніями своими". Авторъ записки понимаетъ, что въ обширномъ имѣніи хозяйство можетъ быть въ лучшемъ состояніи, но только въ томъ случаѣ, если помѣщикъ самъ старательно имъ занимается, такъ какъ управляющіе думаютъ лишь о томъ, чтобы набить свой карманъ, „а крестьяне не имѣютъ никакой выгоды отъ увеличенія доходовъ помѣщика. Уже давно было замѣчено, что система майоратовъ, ограничивая число земледѣльцевъ, вредно дѣйствуетъ на земледѣліе", но Беклемишевъ указываетъ на то, что вредно и слишкомъ большое дробленіе земли, а потому онъ также противъ неограниченнаго права продажи и завѣщанія имѣній. Но и въ майоратахъ, и въ дробленіи имѣній онъ видитъ, однако, свои хорошія стороны — въ первыхъ „сосредоточеніе рабочихъ силъ", т. е. веденіе хозяйствъ въ крупномъ размѣрѣ, во второмъ — „улучшеніе хозяйства для извлеченія большихъ доходовъ". На этихъ двухъ принципахъ онъ желаетъ основать предлагаемую имъ „систему дробленія имѣній, ограниченнаго возможностью разумнаго хозяйства". Онъ полагаетъ, что имѣнія не должны дробиться менѣе 100 душъ, такъ какъ владѣлецъ такого имѣнія можетъ жить безбѣдно, но

[1]) Быть можетъ, тутъ сказалось вліяніе взгляда, высказаннаго проф. Порошинымъ въ его актовой рѣчи въ петербургскомъ университетѣ „О земледѣліи въ политико-экономическомъ отношеніи" (1846 г.).

только если самъ будетъ заниматься хозяйствомъ. Поэтому Беклемишевъ предлагаетъ установить закономъ, что 100 душъ или 400 дес. земли являются наименьшимъ допустимымъ размѣромъ дробленія при переходѣ какъ по наслѣдству, такъ и путемъ даренія и продажи [1]). Для того, чтобы избѣгнуть большаго дробленія при переходѣ имѣній по наслѣдству, оно можетъ быть или продано для раздѣленія между наслѣдниками вырученной суммы, или принято въ управленіе однимъ изъ наслѣдниковъ съ уплатою остальнымъ приходящейся на ихъ долю части по оцѣнкѣ, но съ вычетомъ при этомъ изъ оцѣночной суммы, такъ называемаго, „помѣстнаго капитала“, т. е. того, „проценты съ котораго необходимы для содержанія имѣнія“ и который поэтому долженъ принадлежать лицу, становящемуся его владѣльцемъ. По мнѣнію Беклемишева, этотъ капиталъ долженъ составлять $^1/_5$ всей цѣны имѣнія. Онъ полагаетъ, что при осуществленіи предложенныхъ имъ мѣръ земледѣліе улучшится, такъ какъ владѣльцы будутъ имѣть достаточно земли для производства улучшеній и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовать необходимость ихъ производить; очень важно и то, что уменьшится число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, которые, представляя нѣчто среднее между помѣщиками и крестьянами, „соединяютъ съ невѣжествомъ желаніе повелѣвать и господствовать и тѣмъ сильно вредятъ земледѣлію“. Тутъ, очевидно, Беклемишевъ руководствовался тою же мыслью, какъ и Петръ, который, вводя единонаслѣдіе, полагалъ, что вслѣдствіе этого положеніе крестьянъ улучшится. Беклемишевъ предлагалъ также постановить, чтобы дворяне послѣ выборовъ всегда представляли министру внутреннихъ дѣлъ подробный отчетъ о состояніи земледѣлія, о положеніи крестьянъ, о замѣченныхъ недостаткахъ и необходимыхъ улучшеніяхъ (тутъ можно вспомнить о предложеніи представлять подобные отчеты въ запискѣ Н. И. Тургенева 1819—20 г., представленной чрезъ Милорадовича Александру I). Беклемишевъ надѣялся, что, такимъ образомъ, дворянство объединилось бы на обсужденіи вопросовъ сельскаго хозяйства, а это содѣйствовало бы и улучшенію земледѣлія въ отдѣльныхъ имѣніяхъ [2]).

[1]) Вопросъ объ ограниченіи дробленія помѣщичьихъ имѣній разсматривался еще въ комитетѣ 6 декабря 1826 г., но выработанный имъ проектъ осуществленъ не былъ. См. „Сборн. Имп. Ист. Общ.“ т. 90.

[2]) Проектъ этотъ едва ли встрѣтилъ бы сочувствіе въ дворянствѣ. По крайней мѣрѣ, Владиміръ Норовъ, которому отецъ Беклемишева сооб-

Очень естественно, что въ этой запискѣ, представленной министру внутреннихъ дѣлъ, нѣтъ и тѣни соціализма, но все же ясно желаніе улучшить положеніе крестьянъ.

Находясь въ Ревелѣ, Беклемишевъ написалъ четыре записки подъ общимъ заглавіемъ „Изъ переписки двухъ помѣщиковъ", изъ нихъ двѣ были найдены у Дебу I. По поводу этихъ своихъ трудовъ Беклемишевъ на допросѣ показалъ: „Написанныя мною въ формѣ писемъ четыре записки, заключающія въ себѣ мысли о положеніи помѣщиковъ и крестьянъ въ Россіи, дѣйствительно заключаютъ въ себѣ много мыслей, заимствованныхъ мною изъ системы Фурье, хотя многое было уже предлагаемо мною прежде, чѣмъ я что-либо зналъ о системѣ Фурье, а именно о гипотечной системѣ и объ ограниченіи дробленія имѣній, о чемъ я представлялъ нѣкогда г. министру внутреннихъ дѣлъ. При составленіи ихъ я не имѣлъ другой цѣли, какъ, во-первыхъ, выразить для самого себя тѣ мысли, которыя были во мнѣ порождены изученіемъ соціализма и которыя я считалъ по совѣсти полезными для государства, а во-вторыхъ, узнать о нихъ мнѣніе человѣка спеціальнаго и болѣе опытнаго, съ чѣмъ, естественно, соединялось и желаніе, чтобъ мысли эти были имъ найдены справедливыми. Говоря о человѣкѣ спеціальномъ, я не имѣлъ въ виду кого-либо именно, но вообще опытнаго помѣщика..." Письма эти „были посланы мною отправлявшемуся въ Москву Плещееву именно съ просьбой сообщить ихъ кому-либо изъ помѣщиковъ. Посланы они были мною на первой недѣлѣ поста" (1849 г.).

Изъ дошедшихъ до насъ трудовъ Беклемишева (если не считать записки объ освобожденіи крестьянъ, прочитанной на одной изъ пятницъ Петрашевскаго) наиболѣе интересенъ тотъ, который имѣетъ слѣдующее заглавіе: „О выгодахъ сообщенія (sic) сравнительно съ дробленіемъ по разнымъ отраслямъ труда". На немъ, очевидно съ цѣлью скрыть имя автора, стоитъ помѣта — Черниговъ, хронологическая же дата (17 октября 1848 г.), вѣроятно, указываетъ дѣйствительное время ея написанія. Такъ какъ записка эта была, слѣдовательно, написана послѣ свиданія ея автора въ Петербургѣ въ февралѣ или мартѣ 1848 г. съ Петрашевскимъ и Спѣшне-

---

щилъ этотъ проектъ своего сына, возвращая его изъ Тулы 29 іюня 1849 г. (когда А. П. Беклемишевъ былъ уже арестованъ), ни однимъ словомъ не обмолвился въ похвалу записки.

вымъ, то весьма вѣроятно, что она явилась слѣдствіемъ толковъ петрашевцевъ о необходимости не одной устной пропаганды. Письмо это считалось третьимъ въ серіи писемъ. Упомянувъ о томъ, что, какъ было имъ показано, въ предшествующемъ письмѣ, „первое условіе устройства труда, а слѣдовательно, и всего общества, заключается въ увеличеніи общественнаго богатства", авторъ говоритъ, что прежде всего „нужно открыть самую лучшую систему устройства труда". По его словамъ, уже въ первомъ письмѣ (отъ 27 сентября) онъ показалъ „нѣкоторыя выгоды собщенія": этимъ нѣсколько неуклюжимъ словомъ авторъ, очевидно, хотѣлъ замѣнить иностранный терминъ „ассоціація". Въ настоящемъ, третьемъ письмѣ, онъ поставилъ себѣ задачею ближе разсмотрѣть „выгоды собщенія" относительно различныхъ отраслей труда.

„Прежде всего замѣтьте,—говоритъ онъ,—сколько выгодъ представитъ собщеніе относительно помѣщенія... Дѣти жили бы, конечно, всѣ вмѣстѣ въ большихъ свѣтлыхъ комнатахъ, — въ одной — грудныя, въ другой — двухъ и трехлѣтнія, въ третьей — отъ 3 до 6 и т. д., отдѣляя мальчиковъ и дѣвочекъ. Разочтите теперь, какъ уменьшится число лицъ, всегда, даже между бѣдными крестьянами, теряющихъ время для надзора за дѣтьми... Вмѣсто 200 избъ — одно строеніе, вмѣсто 200 сараевъ, хлѣвовъ, амбаровъ и т. д. — одинъ сарай, одинъ хлѣвъ, одинъ амбаръ. Сравните теперь слѣдствія обѣихъ системъ: дробленія и собщенія въ этомъ случаѣ. Гдѣ будетъ больше экономіи труда, издержекъ матеріаловъ? Гдѣ люди будутъ жить съ большимъ удобствомъ? Гдѣ, наконецъ, земледѣліе въ обширномъ смыслѣ найдетъ болѣе выгодъ, болѣе условій процвѣтанія и улучшенія?... Для того, чтобы въ умѣ вашемъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ положительнаго вреда дробленія и положительной, не относительной, пользы собщенія, я при каждой отрасли труда буду сравнивать результаты обѣихъ системъ.

„1) Относительно труда домашняго... Вы скажете, быть можетъ, что это совершенно побочный вопросъ, что столъ, мытье бѣлья и тому подобныя мелочи не составляютъ счастья. Однако домашній трудъ производится во всякомъ семействѣ, т. е. у насъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ десяти или двѣнадцати милліонахъ семействъ, между тѣмъ какъ другія отрасли труда не составляютъ занятія каждаго семейства, оттого-то я и началъ съ него, такъ какъ, улучшивши этотъ

трудъ, вы во сколько-нибудь улучшите положеніе всѣхъ семействъ, т. е. всего народа! Что же выгоднѣе для каждаго семейства — производство домашняго хозяйства въ разобщеніи или въ соединеніи многихъ семействъ: вотъ въ чемъ заключается весь вопросъ... Для кухни нужны кастрюли, котлы, квашни, разная посуда, которую каждое семейство должно необходимо имѣть; тогда какъ при собщеніи достаточно будетъ по 4 или 5 посудинъ большого размѣра. Чтобъ готовить кушанья для 200 семействъ, нужно непремѣнно 200 кухарокъ или поваровъ, — для 200 же собщенныхъ семействъ, конечно, будетъ довольно 5 или 6. Наконецъ, покупка припасовъ въ большомъ количествѣ обходится дешевле, чѣмъ покупка по мелочи. Конечно, крестьяне мало покупаютъ припасовъ, но разобщеніе ихъ не позволяетъ имъ даже пользоваться своими собственными произведеніями... Отчего крестьяне наши не дѣлаютъ сыра? Потому что отдѣльному бѣдному семейству нельзя завести всего, что нужно для этого производства, и издержки не покрылись бы доходомъ. Но собщите эти семейства, и они, не увеличивая расходовъ, будутъ дѣлать сыръ и ѣсть и продавать его. При настоящихъ обстоятельствахъ крестьянинъ ѣстъ шесть дней въ недѣлю черствый хлѣбъ. Почему? Потому, что онъ не можетъ печь каждый день для двухъ-трехъ человѣкъ; при собщеніи же хлѣбъ печется каждый день...

„Какъ моется бѣлье въ настоящее время? Взгляните на бѣдныхъ крестьянокъ, отправляющихся иногда въ дождь, иногда въ морозъ на рѣчку. Посмотрите, какъ эти несчастныя существа, поднявъ платья по колѣна, съ босыми ногами въ водѣ, согнувшись до земли, полощутъ въ холодной водѣ грязное тряпье, а потомъ выколачиваютъ его на плоту. Посмотрите, какъ красны и грубы ихъ ноги и руки, какъ трескается кожа, и потомъ вспомните, сколько воспаленій, простудъ и другихъ болѣзней почти всякая прачка приноситъ съ собою въ домъ... Чтобъ мыть бѣлье 200 семействъ, нужно имѣть 200 прачекъ; вымоютъ ли онѣ бѣлье лучше, чѣмъ 10 хорошихъ, опытныхъ прачекъ? Опять опытъ доказываетъ противное. Представьте себѣ помѣщеніе собщеннаго села; двѣ-три комнаты назначены для прачекъ; въ одной стоятъ большіе чаны для бѣлья тонкаго, средняго и грубаго; вода проводится туда насосами, и нѣтъ болѣе никакой нужды ходить на рѣчку; въ другой комнатѣ бѣлье, уже вымытое, развѣшивается и сушится; въ третьей — оно гладится, — роскошь, которая до сихъ поръ неизвѣстна 9/10 русскаго народа. Для

прачешной въ этомъ случаѣ потребуется много что 10 прачекъ, работающихъ часа по два въ недѣлю. Такимъ образомъ, можно сберечь въ этомъ отношеніи $^{19}/_{20}$ рабочихъ силъ.

2) Относительно труда земледѣльческаго... Дробленіе истощаетъ землю, умножаетъ число работъ, относительно безполезныхъ, препятствуетъ улучшенію породъ животныхъ и по недостатку капиталовъ не позволяетъ введенія усовершенствованныхъ способовъ обработки, устройства машинъ и пріобрѣтенія новыхъ, болѣе удобныхъ орудій.

„Вообразите, что общество учреждено, что все пространство земли, до тѣхъ поръ раздробленное на сотню участковъ, соединено въ одно и сдѣлалось общимъ владѣніемъ общины, какъ бы одного человѣка. Но не думайте, что частная собственность совершенно уничтожилась. Нисколько! Она, напротивъ, сохранена и обезпечена общимъ владѣніемъ, т. е. каждый совладѣлецъ получилъ, положимъ, хотя акцію на сумму, въ которую былъ оцѣненъ участокъ земли, ему принадлежавшій. Разочтите, сколько чрезъ такое собщеніе уничтожится издержекъ. Не нужно... огромнаго числа строеній, не нужно заборовъ, канавъ и межъ для разграниченія участковъ, не нужно сторожей у полей, засѣянныхъ картофелемъ и горохомъ, у садовъ и огородовъ, потому что воровство не можетъ больше существовать...

„Опытъ доказалъ и доказываетъ намъ ежеминутно, что помѣщики, т. е. владѣльцы, и лучшіе — вѣрнѣйшіе защитники порядка и враги смутъ; собщите помѣщиковъ и крестьянъ, — довольно наивно предлагаетъ авторъ, — и тогда всѣ безъ исключеній будутъ враги безпорядковъ. Тогда помѣщики не будутъ болѣе, какъ нынѣ, дрожать ежеминутно за жизнь свою, — они будутъ спокойно ложиться спать. Отчего? Оттого, что не будетъ больше рабовъ, порою потрясающихъ самое твердое иго, не будетъ больше нищихъ въ вѣчной борьбѣ съ обществомъ, отказывающимъ имъ въ насущномъ хлѣбѣ, не будетъ пролетаріевъ, не будетъ отверженцевъ... Собщество въ трудѣ земледѣльческомъ, какъ и во всякомъ другомъ, употребляетъ 10 рукъ тамъ, гдѣ при дробленіи требуется 100, а между тѣмъ эти 10 рукъ работаютъ лучше, чѣмъ нынче 100.

3) Относительно труда мануфактурнаго. Это, можетъ быть, единственный трудъ, сдѣлавшій вообще уже много успѣховъ; но въ настоящемъ мірѣ каждое усовершенствованіе, каждое улучшеніе сопряжено съ вредомъ для нѣкоторыхъ членовъ общества. Такимъ образомъ, введеніе машины ли-

шаетъ работы сотни и тысячи работниковъ, и часто случается, особенно въ государствахъ, наполненныхъ пролетаріями, какъ Франція, что не смѣютъ уменьшить число рукъ, занятыхъ на фабрикѣ, страшась возстанія работниковъ. Да и въ самомъ дѣлѣ машины въ государствахъ промышленныхъ составляютъ гибель для бѣдныхъ, лишая ихъ работы. На это геніальные гг. политико-экономы отвѣтятъ вамъ, что чрезъ введеніе машинъ, напротивъ, выигрываютъ сами бѣдные, потому что они могутъ получать дешевле мануфактурныя издѣлія. Не трудно доказать, что это безсмысленный софизмъ; что выиграетъ бѣдный, работавшій на зеркальномъ заводѣ и замѣненный машиною, чрезъ пониженіе цѣнъ на зеркала, которыя, конечно, никогда не украшаютъ его бѣдной лачуги?

„Учрежденіе желѣзныхъ дорогъ, безъ сомнѣнія, весьма полезно; паровая машина замѣняетъ сотни лошадей, 2—3 машиниста — сотни извозчиковъ. Но посмотрите, даже у насъ въ Россіи, государствѣ малонаселенномъ, гдѣ поэтому недостаетъ еще рукъ для работы, а не работы для рукъ, какой паническій страхъ постройка Петербургско-Московской желѣзной дороги навела на извозчиковъ. И они правы. Желѣзная дорога уничтожитъ ихъ благосостояніе, лишитъ ихъ средствъ, заработка. На это опять гг. политико-экономы, вѣроятно, скажутъ: „Но учрежденіе желѣзной дороги откроетъ имъ, съ другой стороны, впослѣдствіи другія средства заработка“. Откроетъ впослѣдствіи! прекрасно, а до тѣхъ поръ что они будутъ дѣлать? Такимъ образомъ, въ нашемъ отвратительномъ обществѣ всякое улучшеніе въ какой бы ни было отрасли промышленности влечетъ за собою обѣднѣніе какого-нибудь класса, выгоды общества всегда противны выгодамъ частныхъ лицъ и наоборотъ.

„Перенеситесь теперь мыслью въ общество 200 или болѣе семействъ и вообразите, что дробленіе болѣе не существуетъ въ цѣлой области; найдете ли вы и тамъ ту же борьбу? Нѣтъ. Изобрѣтеніе и введеніе новой машины облегчаетъ трудъ всѣхъ и каждаго, увеличивая въ то же время доходъ всѣхъ и каждаго. Почему? Потому что никто въ обществѣ не работаетъ поденно, но всякій, будучи совладѣльцемъ, получаетъ вознагражденіе за капиталъ, трудъ и знанія сообразно съ общимъ доходомъ“.

4. Относительно труда торговаго... „Всѣ коммерческіе обороты“ („въ обществѣ“) „будутъ производиться совѣтомъ его, безъ посредства нынѣшнихъ купцовъ. Совѣтъ

этотъ будетъ сноситься съ совѣтомъ другихъ обществъ, городскихъ и сельскихъ, доставляя имъ тѣ произведенія, въ которыхъ они нуждаются, и покупая у нихъ тѣ, которыми они изобилуютъ. Сколько тогда рукъ, вовсе не занятыхъ, возвратятся къ производительному труду, во сколько увеличится доходъ производителей и сократятся издержки потребителей".

Изъ приведенныхъ выдержекъ, составляющихъ около половины этой записки Беклемишева, видно, что у него были способности популяризатора и что онъ могъ бы своими трудами содѣйствовать пропагандѣ ученія Фурье.

Четвертая записка въ серіи „Изъ переписки двухъ помѣщиковъ" озаглавлена такъ: „О страстяхъ и о возможности сдѣлать трудъ привлекательнымъ". Въ началѣ ея онъ говоритъ: „Соображая все, что было мною сказано до сихъ поръ, вы уже могли убѣдиться, что собщеніе развиваетъ богатство тамъ, гдѣ раздробленіе производитъ только нищету. И въ томъ нѣтъ ничего страннаго, ничего непонятнаго: собщеніе, а не раздробленіе есть истинное назначеніе человѣка".

Переходя къ вопросу о страстяхъ, Беклемишевъ утверждаетъ, что „дурныхъ гибельныхъ страстей" нѣтъ, а есть только „вредныя *проявленія*[1]) страстей, происходящія отъ ложнаго устройства общества". Страстями онъ называетъ „врожденныя *наклонности человѣка*[1]), влекущія его ко всему, отъ чего онъ ожидаетъ себѣ счастья, и отталкивающія его отъ всего, въ чемъ онъ видитъ непріятность". Побужденія, произведенныя врожденными наклонностями, требуютъ достиженія трехъ цѣлей: 1) *роскоши*[1]) внутренней и внѣшней, т. е. здоровья и богатства; 2) собщества съ подобными себѣ, т. е. образованія группъ и рядовъ группъ, и 3) *механизма*[1]) страстей и характеровъ, т. е. совокупнаго противоположеннаго или попеременнаго ихъ дѣйствія... Группы или основные способы сношеній между людьми могутъ быть четырехъ родовъ: группа дружбы, честолюбія, любви, семейственности. „Въ дѣтствѣ увлекаетъ группа дружбы, въ юности — группа любви, въ возрастѣ полной силы человѣка — группа любви и честолюбія, въ зрѣломъ возрастѣ — группа честолюбія, въ старости — группа семейственности". Что касается „механизма страстей и характеровъ", то тутъ есть три *распредѣляющія* страсти: соперничество или соревнованіе, потреб-

---

[1]) Курсивъ подлинника.

ность въ согласіи и стремленіе къ разнообразію. Объясняя потребность „въ согласіи“, Беклемишевъ говоритъ: „Союзныя, дружественныя группы, которыя на насъ смотрятъ, огромное собраніе людей, сочувствующее нашимъ усиліямъ, порождаетъ въ насъ восторгъ, но восторгъ безсознательный, затмевающій въ насъ разсудокъ, побуждающій насъ къ подвигамъ мужества, самоотверженія, которые были бы невозможны, если бы мы дѣйствовали хладнокровно“. При теперешнемъ устройствѣ общества всѣ страсти приносятъ въ тысячу разъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, но онѣ могутъ быть употреблены „на пользу и удовольствіе человѣчества“, т. е. на всѣ отрасли человѣческой дѣятельности.

„Соображаясь съ чувственными страстями, т. е. съ потребностями роскоши, въ рабочихъ (помѣщеніяхъ?) должна быть соединена чистота съ удобствомъ и изящностью. Каждое мѣсто производства какой-либо отрасли труда должно быть убрано съ роскошью, совмѣстною съ трудомъ. Какъ обращеніе, такъ и одежда сотрудниковъ должны быть таковы, чтобы они не оскорбляли ни одной изъ чувственныхъ страстей. Наконецъ, вознагражденіе за трудъ должно быть достаточно велико, чтобъ дать возможность трудящемуся пользоваться всѣми произведеніями его труда.

„Согласно второму разряду страстей, т. е. склонности къ группамъ, человѣкъ во время труда долженъ пользоваться сообществомъ людей, съ которыми ему пріятно встрѣчаться по какому бы то ни было отношенію... Не нужно большой проницательности и многихъ наблюденій, чтобы убѣдиться, что при настоящихъ обстоятельствахъ чувственныя и душевныя страсти человѣка безпрестанно оскорбляются. Взгляните на фабрики и заводы, взгляните на сельскія работы, что увидите вы? Грязное помѣщеніе, лохмотья, излишній жаръ или холодъ, люди работаютъ подъ дождемъ и подъ снѣгомъ, зарабатывая обыкновенно едва необходимое на хлѣбъ насущный и потому никогда не имѣя надежды пользоваться произведеніями своего труда. Недаромъ говорятъ: сапожникъ всегда безъ сапогъ! Эта пословица очень хорошо выражаетъ трудъ нашего общества, въ которомъ работникъ почти никогда не пользуется своими собственными произведеніями... При настоящемъ устройствѣ труда люди также или уединены, или находятся съ людьми не по собственному выбору, но по требованію обстоятельствъ или по

принужденію... Только въ собществѣ могутъ быть удовлетворены страсти чувственныя и душевныя.

„Менѣе всего умѣетъ общество пользоваться самыми важными изъ страстей, — тѣми, которыя я назвалъ распредѣляющими. Примѣняя ихъ къ дѣлу, вы увидите, что для удовлетворенія ихъ трудъ долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы между трудящимися было соревнованіе, которое совершенствуетъ качество произведеній, чтобъ трудящіеся могли, когда хотятъ, перемѣнять занятія и избирать такое, которое имъ въ ту минуту нравится и, наконецъ, чтобъ они могли избирать ту отрасль, тотъ оттѣнокъ или ту часть труда, которые доставляютъ имъ большее удовольствіе и могутъ возбудить въ нихъ нѣкотораго рода восторгъ.. Трудъ долженъ при такихъ обстоятельствахъ сдѣлаться не непріятнымъ, но, напротивъ, привлекательнымъ... Охота, напримѣръ, такъ же утомительна, какъ работа косаря, сѣятеля или жнеца, но первая, если она является развлеченіемъ, производится безъ принужденія, а вторая по необходимости..."

Далѣе Беклемишевъ входитъ въ нѣкоторыя подробности устройства труда при иномъ общественномъ строѣ и дѣлаетъ выводъ, что „собщество доставляетъ средства къ удовлетворенію страстей чувственныхъ, образованіе группъ" трудящихся „даетъ пищу страстямъ душевнымъ" и, наконецъ, устройство труда „въ собществѣ" рядами „удовлетворяетъ страсти распредѣляющія" и, такимъ образомъ, трудъ дѣлается привлекательнымъ, а это усилитъ производство и улучшитъ произведенія. Беклемишевъ сознаетъ неполноту своего изложенія, но желаетъ только заинтересовать „теоріею собщенія" и обѣщаетъ въ другомъ письмѣ назвать необходимыя для этого книги. На возраженіе, что есть занятія, которыя по существу своему не могутъ сдѣлаться привлекательными, Беклемишевъ отвѣчаетъ, что „чувство чести" заставляетъ воиновъ подвергать опасности даже свою жизнь, что во время войны всегда являются добровольцы. „Неужели же не легче было бы сдѣлать стыдомъ для человѣка бѣжать отъ работы". Въ слѣдующемъ письмѣ Беклемишевъ обѣщалъ поговорить о „распредѣленіи дохода между членами собщества" соотвѣтственно капиталу, труду и знаніямъ каждаго, но написать это письмо ему не удалось. Держась ученія Фурье при изложеніи теоріи страстей, Беклемишевъ не называетъ, однако, его имени[1]).

---

[1]) О теоріи страстей и организаціи производства по ученію Фурье ср. Bourgin Fourier, p. 277—282, 307—316; Н. В. Водовозовъ „Шарль Фурье", въ его книгѣ „Экономическіе этюды", изд. 2, Спб., 1907 г. стр. 53—56.

Помощникомъ у Беклемишева по службѣ въ Ревелѣ былъ Константинъ Ивановичъ Тимковскій. Во время поѣздки въ Петербургъ (въ 1848 г.)[1]) онъ сблизился со Спѣшневымъ и затѣмъ пытался завязать съ нимъ переписку. Въ бумагахъ Спѣшнева найдено было три письма къ нему Тимковскаго: отъ 21 декабря 1848 г., 11 января и 8 марта 1849 года. Атеистическіе взгляды Петрашевскаго, Спѣшнева и нѣкоторыхъ петрашевцевъ произвели на Тимковскаго очень сильное впечатлѣніе и подорвали его прежнюю религіозность. Въ первомъ письмѣ къ Спѣшневу Тимковскій, между прочимъ, писалъ, что по возвращеніи изъ Петербурга на предложеніе жены[2]) вмѣстѣ говѣть въ великомъ посту, онъ отвѣчалъ, что „не понимаетъ, зачѣмъ ему говѣть, и не видитъ въ томъ никакой необходимости". Жену это очень удивило, она потребовала объясненій, и тогда онъ откровенно высказалъ ей свои религіозныя мнѣнія, чѣмъ чрезвычайно огорчилъ ее. Описывая свои страданія вслѣдствіе уничтоженія своего семейнаго счастья, Тимковскій прибавляетъ, что „все это можетъ служить для Спѣшнева мѣриломъ довѣрія, которое онъ можетъ оказывать ему, имѣвшему варварскую рѣшимость пожертвовать столь драгоцѣннымъ для него сердцемъ любви своей къ истинѣ". Въ заключеніе этого письма онъ сообщилъ, что „занимается, много работаетъ и не теряетъ времени, равно какъ и Беклемишевъ, который былъ очень радъ тому, что онъ разсказалъ ему про Петербургъ". Во второмъ письмѣ Тимковскій, не получая отвѣта отъ Спѣшнева, высказываетъ предположеніе, не задержано ли письмо на почтѣ, и пишетъ по адресу своего брата съ передачею Спѣшневу. Затѣмъ онъ увѣдомляетъ, что работаетъ, хотя это трудно при недостаткѣ книгъ, и проситъ приготовить ихъ ему, какъ было обѣщано. „Мнѣ

[1]) Объ его выступленіи на пятницахъ Петрашевскаго и возраженіхъ ему въ письмѣ Петрашевскаго см. „Голосъ Минувшаго", 1913 г. № 4, стр. 112—120. К. И. Тимковскій былъ сынъ цензора и директора училищъ Петербургской губерніи, а затѣмъ предсѣдателя комиссіи для печатанія Полнаго Собранія Законовъ и Свода Законовъ, умершаго въ 1837 г. Мать Тимковскаго была дочерью извѣстнаго мореплавателя Шелехова († въ 1848 г.). К. И. Тимковскій началъ служить во флотѣ, совершилъ кругосвѣтное плаваніе и проѣхалъ черезъ Сибирь, въ 1845 г. вышелъ въ отставку, но затѣмъ вновь поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и въ 1848 г. былъ командированъ въ Эстляндскую губернію для изслѣдованія городского хозяйства.

[2]) Въ 1845 г. Тимковскій женился на Еленѣ Григор. Бутовской, сестрѣ писателя Бутовскаго, и имѣлъ отъ этого брака двухъ дѣтей — сына Ивана и дочь Елену.

было бы желательно узнать", продолжаетъ Тимковскій, „знаете ли вы что-нибудь про знаменитое письмо (одно и единственное), которое мнѣ написалъ Петрашевскій [1]). Жаль, что я не могу ни вамъ его сообщить, ни ему отвѣчать по почтѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ, однакоже, я поговорю съ вами о немъ побольше. Я думаю, впрочемъ, что вы о немъ вовсе ничего не знаете; или въ случаѣ, если вамъ было извѣстно его содержаніе, то вы допустили къ тому этихъ господъ съ тою цѣлью, чтобы показать мнѣ, какъ мало можно на нихъ полагаться, но что вы не раздѣляете ихъ мнѣніе". Въ третьемъ письмѣ Тимковскій пишетъ: „Я удивляюсь и весьма сожалѣю о томъ, что не получаю отъ васъ ни одного слова въ отвѣтъ на мои къ вамъ письма... Что у васъ дѣлается? Не уменьшается ли апатія? Пріѣхалъ ли Данилевскій? Въ ожиданіи ни я, ни Беклемишевъ не теряемъ нашего времени. Онъ написалъ рядъ писемъ къ помѣщику; я же съ своей стороны оканчиваю переводъ Le fou [2]) и первый томъ Destinée sociale (Консидерана). Сверхъ того я устроилъ здѣсь два кружка, въ которыхъ, надѣюсь, что изученіе также процвѣтаетъ. Изъ сего вы можете усмотрѣть, что я здѣсь не нахожусь въ бездѣйствіи; я изучаю самъ сверхъ всего этого. Я у васъ спрашивалъ когда-то, не извѣстно ли вамъ объ огромномъ и мало понятномъ письмѣ, полученномъ мною отъ Петрашевскаго. Вы не сказали мнѣ объ ономъ вашего мнѣнія, а мнѣ было бы очень интересно знать его. Поистинѣ я не могу объяснить себѣ вашего молчанія. Да напишите же мнѣ нѣсколько строкъ, на кого жъ полагаться, если мы не можемъ положиться на насъ троихъ" (Тимковскій имѣлъ въ виду еще Н. Я. Данилевскаго), „а теперь на двухъ. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ лѣта я пріѣду на нѣсколько дней въ Петербургъ. Всѣ меня оставляютъ, а вы въ особенности. О проклятая почта! Всегда опасно ввѣряться бумагѣ". Однако, Тимковскій такъ и не дождался отвѣта отъ Спѣшнева.

Обращенія Тимковскаго къ Спѣшневу объясняются тѣмъ, что тотъ выразилъ ему сочувствіе послѣ его чтеній у Петрашевскаго, которому, какъ большинству слушателей, эти чтенія не понравились. Въ своемъ показаніи во время слѣдствія

---

[1]) См. „Голосъ Минувшаго", 1913 г., № 4, стр. 115—120. Въ письмѣ Петрашевскій рѣзко возражалъ на рѣчь, произнесенную на одномъ изъ его вечеровъ Тимковскимъ, и, между прочимъ, порицалъ его колебаніе между фурьеризмомъ и коммунизмомъ, между религіею и атеизмомъ.

[2]) Сочиненіе Кантагреля „Le fou du Palais Royal", P. 1841.

Тимковскій говоритъ: „На другой день утромъ“ (послѣ послѣдняго чтенія у Петрашевскаго) „я видѣлся со Спѣшневымъ на его квартирѣ. Я сѣтовалъ передъ нимъ на то, что такъ ошибся въ этихъ людяхъ, и оба мы сказали другъ другу почти въ одно время, что, кажется, отъ нихъ нельзя ожидать ничего путнаго. Тогда мы положили съ Спѣшневымъ, что я совершенно прекращу всякія сношенія съ кругомъ Петрашевскаго до возвращенія моего изъ Ревеля“ (Тимковскій собирался перейти на службу въ Петербургъ), „а тогда, смотря по ихъ дѣйствіямъ и образу мыслей, увижу, должно ли съ ними сближаться или нѣтъ. Тутъ же мы приняли съ нимъ и другое рѣшеніе, которое состояло въ томъ, что когда, я возвращусь изъ Ревеля, а Данилевскій [1]) (котораго я, впрочемъ, никогда не видалъ) изъ деревни, то мы втроемъ (Спѣшневъ, Данилевскій и я) составимъ особый кругъ и будемъ дѣйствовать такъ, какъ я предлагалъ у Петрашевскаго. Спѣшневъ ручался мнѣ за Данилевскаго, что онъ такой же чистый фурьеристъ, какъ и я. Я сказалъ также, что между тѣмъ въ Ревелѣ, при случаѣ, я буду проповѣдывать ученіе Фурье, а Спѣшневъ — въ Петербургѣ“. Данилевскій показалъ, что не только не изъявлялъ согласія на такое предположеніе, но что Спѣшневъ и не сообщилъ ему о немъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ Спѣшневу Тимковскій упомянулъ, что оканчиваетъ переводъ „Fou“. Авторъ этого сочиненія („Le fou du Palais Royal“) одинъ изъ послѣдователей Фурье, Кантагрель. Книга эта появилась въ Парижѣ въ 1841 г. и была посвящена авторомъ его другу Консидерану. Она представляетъ изложеніе ученія Фурье въ формѣ бесѣдъ въ саду Пале-Рояля между лицомъ, котораго иные, въ виду смѣлости и парадоксальности высказываемыхъ имъ идей, считаютъ немного помѣшаннымъ, и разными лицами изъ общества и народа. Тутъ фигурируютъ земледѣлецъ, промышленникъ, художникъ, актеръ, драматургъ, докторъ, философъ, архитекторъ, адвокатъ, механикъ и др. Одна глава изложена въ формѣ рѣчи въ палатѣ депутатовъ. Часть перевода этой книги Тимковскій читалъ еще въ Петербургѣ на собраніи у Спѣшнева въ присутствіи Ханыкова, братьевъ Дебу и Момбелли, при чемъ много спорили о вѣрности перевода вообще и особенно передачи терминовъ, такъ какъ Тимковскій упо-

---

[1]) Н. Я. Данилевскій, извѣстный впослѣдствіи теоретикъ націонализма.

треблялъ много словъ собственнаго изобрѣтенія (это приходилось дѣлать и Беклемишеву при изложеніи ученія Фурье). Уѣзжая изъ Петербурга, Тимковскій просилъ Спѣшнева давать книги его брату, морскому офицеру, чтобы тотъ могъ учиться.

По поводу упоминанія Тимковскаго въ письмѣ къ Спѣшневу, что онъ основалъ въ Ревелѣ два кружка, Беклемишевъ показалъ, что считаетъ это просто хвастовствомъ. „По знанію моему мѣстныхъ обстоятельствъ, — говоритъ Беклемишевъ, — я смѣло могу сказать, что существованіе тайныхъ обществъ въ Ревелѣ невозможно: весь городъ зналъ бы о томъ менѣе, чѣмъ въ три дня“; при этомъ Беклемишевъ выразилъ предположеніе, что, можетъ быть, Тимковскій называетъ устройствомъ кружковъ свои посѣщенія фонъ-деръ-Ховена и моряковъ, но прибавилъ, что самъ ни въ какихъ кружкахъ не участвовалъ. Тимковскій же далъ такое показаніе о своихъ дѣйствіяхъ въ Ревелѣ по возвращеніи изъ Петербурга: „Я пытался въ разныя времена, въ разныхъ домахъ, болѣе всего въ обществахъ флотскихъ офицеровъ, между которыми есть много моихъ прежнихъ товарищей по флотской службѣ, говорить о фурьеризмѣ; но все это было отрывочно, съ первыхъ словъ завязывался споръ, и мнѣ никогда, нигдѣ не удавалось изложить полной теоріи. Это меня огорчало... Легко понять мою радость, когда послѣ этого вдругъ въ одинъ день въ двухъ домахъ меня слушали со вниманіемъ, не прерывая до тѣхъ поръ, пока разговоръ долженъ былъ самъ собою перемѣниться при входѣ новыхъ лицъ. Возвратясь домой, я былъ внѣ себя отъ радости; я невольно замечтался, мнѣ казалось, что тутъ успѣхъ несомнѣненъ, завтра меня будутъ слушать еще, потомъ въ тѣхъ домахъ соберется цѣлый кружокъ слушателей, и наука пріобрѣтетъ новыхъ послѣдователей. Вотъ въ какую минуту я писалъ къ Спѣшневу: j'ai organisé ici deux cercles, où l'étude prospérera. Въ болѣе хладнокровномъ состояніи я написалъ бы: je suis en train, или j'espère organiser ici deux noyaux de cercles, слово étude я подчеркнулъ, чтобы означить черезъ то l'étude de Fourierisme. Но и тутъ моя надежда не сбылась. Въ обоихъ этихъ домахъ слушали меня со вниманіемъ для того, чтобъ потомъ лучше меня оспаривать и даже смѣяться надъ моей фурьеристской проповѣдью, какъ оказалось впослѣдствіи. Но таково было мое ослѣпленіе въ то время, что я все надѣялся выйти побѣдителемъ изъ этого спора и убѣдить мо-

ихъ противниковъ“ [1]). Тимковскій утверждалъ въ своемъ показаніи, что „постоянная неудача“ его „пропаганды“, насмѣшки, которыми осыпали его любимую теорію и молчаніе Спѣшнева охладили его прежній жаръ, и онъ пересталъ переводить сочиненія Кантагреля и Консидерана.

Едва ли слѣдуетъ считать вполнѣ истинными показанія Тимковскаго и Беклемишева относительно пропаганды въ Ревелѣ ученія Фурье. Никакого тайнаго общества тамъ, конечно, не было, но если не Беклемишевъ, какъ болѣе осторожный, то Тимковскій могъ основать тамъ два кружка для изученія фурьеризма, особенно среди моряковъ, наиболѣе интеллигентныхъ военныхъ людей въ Россіи, съ которыми къ тому же его сближала прежняя служба во флотѣ. На вопросъ Тимковскому во время слѣдствія, для чего онъ переводилъ книгу Консидерана „Destinée sociale“, онъ прямо отвѣчалъ: „для пропаганды“.

Тимковскій перевелъ съ испанскаго двѣ драмы Кальдерона и напечаталъ этотъ переводъ въ 1843 г. [2]). Тимковскій показалъ, что съ поступленіемъ на службу содержалъ себя, кромѣ жалованія и пособія отъ родителей, „отчасти работою въ журналахъ“. Въ апрѣлѣ 1848 г. онъ подалъ наслѣднику цесаревичу докладную записку, въ которой просилъ его ходатайствовать о разрѣшеніи ему издавать журналъ „для народнаго чтенія“ и въ видѣ образца приложилъ къ этой запискѣ какую-то статью. По этому же поводу онъ обращался съ письмомъ на французскомъ языкѣ къ Татьянѣ Борис. Потемкиной, женѣ петербургскаго предводителя дворянства.

Что у Тимковскаго были литературныя связи, видно изъ письма его зятя Бутовскаго [3]), автора сочиненія „Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи“ (напе-

---

[1]) Позднѣе Тимковскій заявилъ, что въ Ревелѣ „никогда и нигдѣ не собирались съ цѣлью распространенія фурьеризма“.

[2]) Сохранился договоръ Тимковскаго (1843 г.) съ книгопродавцемъ Ивановымъ, по которому тотъ печатаетъ на свой счетъ изданіе подъ названіемъ „Испанскій театръ“ въ 1200 экземплярахъ (оно должно было выходить ежемѣсячно выпусками въ теченіе года), а продажу этого изданія (по 75 коп за выпускъ) предоставляетъ исключительно Иванову въ его книжномъ магазинѣ при конторѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Дальше перваго выпуска изданіе не пошло.

[3]) Александръ Ив. Бутовскій (род. въ 1817 г.), родной братъ жены К. И. Тимковскаго, служилъ въ Парижѣ агентомъ министерства финансовъ. Умеръ въ званіи сенатора въ 1890 г. См. Венгеровъ „Критико-біограф. словарь рус. пис. и ученыхъ“, 1915 г.

чатано въ 1847 г. въ трехъ томахъ на счетъ министерства финансовъ), о которомъ Вл. Алексѣев. Милютинъ помѣстилъ большія статьи въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ [1]).

Беклемишевъ въ своемъ показаніи сообщилъ относительно К. И. Тимковскаго, что до назначенія его помощникомъ къ нему въ Ревель въ маѣ 1848 г. (безъ его вѣдома) онъ вовсе не зналъ Тимковскаго. Ему было извѣстно, что онъ пріѣхалъ для лѣченія больной жены и намѣревается осенью возвратиться въ Петербургъ. Беклемишевъ до августа почти не занималъ его дѣлами ревизіи и потому очень рѣдко видался съ нимъ [2]). Будучи моложе его, по крайней мѣрѣ, десятью годами, несмотря на то, занимая мѣсто его начальника и не чувствуя къ нему личной симпатіи, Беклемишевъ не могъ

---

[1]) „Парижъ, дек., 1847 г. Любезный другъ Костя... Вотъ проектъ разбора“ (т. е. отвѣта на критику) „моего сочиненія, написанный на французскомъ языкѣ. Переложи его на свой родной со всею тебѣ свойственною оригинальностью — распространяй, сокращай, увеличивай или уменьшай, даже измѣняй выдержки — все это вполнѣ тебѣ предоставляется, сохрани только мысли и смыслъ. Ты не твердъ въ наукѣ и можешь сбиться, если начнешь о ней толковать по собственному сужденію. Изъ послѣдняго письма ко мнѣ Платона вижу, что разборъ „Современника“ еще не кончился въ ноябрьской книжкѣ; много чести; вѣрно, не такъ легко одолѣть; что въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появилась опять какая брань“, (критическія статьи на книгу Бутовскаго въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ написаны В. А. Милютинымъ), „но что въ „Библіотекѣ для чтенія“ помѣщенъ разборъ полублагопріятный, полухулительный. Сдѣлайте милость, перешлите мнѣ всю эту полемику... Я отвѣчу всѣмъ заразъ. Но разборъ, мною посылаемый, поторопись помѣстить въ „Сынѣ Отечества“, если же тамъ нельзя, то просто отдай (В. В.) Григорьеву для „Сѣвернаго Вѣстника“ (т. е. „Сѣвернаго Обозрѣнія“)... „Что твои дѣла съ журналомъ?.. Съ моей стороны, приступаю къ исторіи коммунизма и соціализма. Выискиваются охотники перевесть мою п. э. (политическую экономію) на французскій языкъ, — можетъ быть воспользуюсь.

Вмѣстѣ со своимъ зятемъ Бутовскимъ, Тимковскій воспитывался въ пансіонѣ Курнанда и потомъ въ петербургскомъ университетѣ. Вѣроятно, содержатель этого пансіона былъ и учителемъ Достоевскихъ въ инженерномъ училищѣ. Іосифъ Антоновичъ Курнандъ былъ и профессоромъ французской словесности въ Императорскомъ лицеѣ и, слѣдовательно, учителемъ многихъ петрашевцевъ. Мною было высказано предположеніе, что онъ, со своими двумя братьями, содержавшими пансіонъ въ Петербургѣ уже въ 1825 году, были сыновьями того аббата Антуана де Курнана (1747—1814), которымъ, по мнѣнію Олара, написана была брошюра о собственности, близкая по выводамъ на аграрный вопросъ со взглядами Пестеля. См. мою книгу „Политич. и обществ. идеи декабристовъ“, Спб., 1909, стр. 536.

[2]) Тимковскій часто бывалъ у директора балтійскихъ маяковъ, ген.-майора Баранова, у нѣкоторыхъ моряковъ и отставного полковника фонъ-деръ-Ховена.

съ нимъ подружиться, и ихъ разговоры въ это время ограничивались разсказами Тимковскаго объ его путешествіи вокругъ свѣта и черезъ Сибирь (между прочимъ, онъ былъ въ Калифорніи и бесѣдовалъ о ней со Спѣшневымъ и Черносвитовымъ, пріѣхавшимъ изъ Сибири). Осенью Беклемишевъ поручилъ ему нѣкоторыя служебныя работы и сталъ чаще видаться съ нимъ: обыкновенно тотъ разъ или два въ недѣлю приходилъ къ нему обѣдать. Въ это время они впервые заговорили о соціализмѣ по поводу того, что Тимковскій читалъ тогда романъ Сю, друга Консидерана, Martin l'enfant trouvé (переводъ котораго печатался въ „Отечественныхъ Запискахъ") и сказалъ, что находитъ въ немъ „много интересныхъ и чрезвычайно важныхъ вопросовъ". Беклемишевъ согласился съ нимъ, но замѣтилъ, что у Сю — „коммунистическое направленіе" и что въ этомъ произведеніи онъ находитъ смѣшеніе противорѣчивыхъ идей. Въ октябрѣ 1848 г. Тимковскій, получивъ отпускъ, уѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста. Въ концѣ декабря онъ возвратился и объявилъ, что переходитъ въ военное министерство. Онъ сказалъ, что познакомился въ Петербургѣ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ, что Спѣшневъ ему очень понравился и онъ часто бывалъ у него, что у Петрашевскаго собираются отъ 30 до 50 человѣкъ, что онъ, Тимковскій, говорилъ на этихъ собраніяхъ рѣчь, „которая произвела большой эффектъ" [1]). У Петрашевскаго „говорили и о соціальныхъ вопросахъ, но больше о философіи и о религіи". По этому поводу Тимковскій заявилъ, что былъ нѣкогда „фанатически религіознымъ" человѣкомъ, но что уже года два измѣнилъ свои взгляды и что по возвращеніи изъ Петербурга не имѣлъ уже болѣе силъ лицемѣрить. Иногда Тимковскій говорилъ Беклемишеву о своихъ взглядахъ на религію, Священное Писаніе, неоплатонизмъ, кабалистику, но тотъ въ религіозные диспуты никогда, по его словамъ, не вступалъ, такъ какъ признавалъ за каждымъ право „имѣть какія онъ хочетъ мысли о вѣрѣ". По возвращеніи Тимковскаго изъ Петербурга они довольно часто въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1849 г. говорили о соціализмѣ, „но не иначе какъ съ глазу на глазъ". Однажды Беклемишевъ показалъ ему свои „Письма къ помѣщику", которыя тогда писалъ, а Тимковскій далъ прочесть ему обширное письмо къ нему Петрашевскаго. „Сколько я могъ замѣтить", говоритъ Беклеми-

[1]) Въ дѣйствительности она многимъ не понравилась.

шевъ, „мнѣнія Тимковскаго о соціализмѣ были неопредѣленны и, если можно такъ выразиться, мистическія; онъ смѣшивалъ соціализмъ, религію, магнетизмъ [1]) и кабалистику. Политикой онъ вовсе не интересовался и былъ въ ней довольно несвѣдущъ... „Я всегда видѣлъ въ немъ, продолжаетъ Беклемишевъ, въ высшей степени суетнаго и самолюбиваго человѣка, а по тому, что онъ разсказывалъ о чудесахъ, производимыхъ магнетизмомъ, и о необычайной способности его къ языкамъ, о томъ, какъ онъ ребенкомъ выучился читать и едва ли и не писать въ два урока, можно было счесть его и хвастливымъ. Впрочемъ, всѣ, которымъ случалось его видѣть, замѣчали въ немъ эти недостатки. Вообще же онъ былъ обыкновенно молчаливъ и, казалось, жилъ въ какомъ-то отвлеченномъ мірѣ".

Въ показаніи Спѣшнева есть относительно Тимковскаго нѣкоторыя сходныя черты со словами Беклемишева. Спѣшневъ заявилъ, что „Тимковскій человѣкъ горячій, восторженный, съ разстроенными нервами, совершенно откровенный и религіозный. По мнѣнію его, онъ былъ уже однажды очень близокъ къ сумасшествію; онъ вѣритъ сильно въ магнетизмъ, а по тѣмъ фактамъ, которые онъ ему разсказывалъ о томъ, что съ нимъ было, когда одна изъ сестеръ его пошла въ монастырь, какія онъ видѣлъ видѣнія, Спѣшневъ заключаетъ, что онъ тогда временно былъ помѣшаннымъ. Средствъ у него, кромѣ своего языка и пера, нѣтъ никакихъ. Онъ очень добросовѣстный фурьеристъ — никакого политическаго переворота, ни реформы и близко не замышляетъ. Желаетъ распространенія фурьеризма... О составленіи какого-нибудь тайнаго общества пропагаторовъ у него, Спѣшнева, съ Тимковскимъ и разговора не было. Тимковскій не только былъ совершенно убѣжденъ въ непредосудительности мыслей Фурье, но считалъ, что онѣ совпадаютъ съ законнымъ направленіемъ, что онѣ полезны потому, что отвлекаютъ отъ либеральныхъ затѣй. Его убѣжденія въ этомъ простирались до того, что онъ сбирался перевести Консидерана или Фурье и представить ихъ въ цензурный комитетъ, увѣряя, что „всякій, кто прочтетъ Фурье непремѣнно убѣдится въ его непредосудительности". Тимков-

---

[1]) Изъ посѣтителей пятницъ Петрашевскаго магнетизмомъ интересовался еще чиновникъ Ольдекопъ. Какую-то рукопись „Магнетическіе сеансы" Рудакова послалъ изъ Ростова (въ маѣ, 1848 г.) Влад. Ив. Кайдановъ своему брату Ник. Ив., жившему въ Петербургѣ и посѣщавшему вечера Петрашевскаго.

скій говорилъ, что ему приходила мысль поѣхать просто къ какому-нибудь банкиру, напримѣръ къ Штиглицу, разсчитать ему всю выгоду, которую онъ получитъ, если обратитъ часть своихъ капиталовъ на эту спекуляцію, что зовется у фурьеристовъ „фалангой" [1]). Онъ возставалъ противъ всякихъ бунтовъ и революцій, бранилъ тѣхъ же соціалистовъ, которые въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года участвовали въ парижскомъ возстаніи, говорилъ, что они отступились отъ своихъ убѣжденій, считалъ, что для всякаго, кто соціалистъ, или того, кто знаетъ соціальныя теоріи, есть обязанность стараться разрушить предубѣжденіе, которое въ глазахъ многихъ накинуто на разнородныя соціальныя теоріи, потому что въ Парижѣ толпа вздумала бунтовать и грабить".

Можно усомниться въ столь большой умѣренности взглядовъ Тимковскаго, если принять во вниманіе то, что показалъ о его рѣчи у Петрашевскаго Толь [2]). Если тутъ и была правда, то, во всякомъ случаѣ, не вся правда, Дебу II о рѣчахъ Тимковскаго у Петрашевскаго показалъ, что первая его рѣчь была совершенно противоположна второй: „Первый разъ онъ говорилъ о вредѣ революцій и о томъ, что онъ былъ огорченъ, когда услышалъ, что во Франціи революція. Но потомъ онъ измѣнилъ свой образъ мыслей и говорилъ о кружкахъ, которые распространяли бы извѣстное направленіе". Эти слова Дебу даютъ объясненіе разногласіямъ посѣтителей пятницъ Петрашевскаго въ ихъ показаніяхъ о рѣчахъ Тимковскаго: одни говорили о содержаніи одной рѣчи, иные о другой.

Противорѣчія во взглядахъ Тимковскаго отразились и въ отзывѣ о немъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сообщивъ объ увлеченіи Тимковскаго ученіемъ Фурье, Достоевскій говоритъ: „Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Тимковскій показался мнѣ совершенно консерваторомъ и вовсе не вольнодумцемъ. Онъ религіозенъ и въ идеяхъ самодержавія. Извѣстно, что система Фурье не отрицаетъ самодержавнаго образа правленія. Что же касается до личнаго характера Тимковскаго, то я могу сказать одно: онъ показался мнѣ очень самолюбивымъ... Рѣчь была написана горячо; видно, что Тимковскій работалъ

---

[1]) „Фаланга" или „соціетарная коммуна", по ученію Фурье, есть ассоціація, которая можетъ содержать въ себѣ до 2000 лицъ и владѣть пространствомъ земли, равнымъ приблизительно квадратному лье (кв. лье равняется 1808 десятинамъ). Fourier, Bourgin, P. 1905, p. 287.

[2]) „Голосъ Минувшаго", 1913 г., № 4, стр. 114.

надъ слогомъ и старался угодить на всѣ вкусы. Но направленіе Тимковскаго, по моему мнѣнію, не серьезно. Несмотря на свои лѣта, онъ еще въ первомъ періодѣ своего фурьеризма, который случайно попалъ на его дорогу въ глуши провинціальной жизни. Недостатокъ внѣшней жизни, избытокъ внутренняго жара, врожденное чувство изящнаго, требовавшее пищи и, главное, недостатокъ прочнаго, серьезнаго образованія — вотъ, по моему мнѣнію, что сдѣлало его фурьеристомъ. Въ его же лѣтахъ все принимается нѣсколько глубже, чѣмъ въ первой молодости. На мой взглядъ онъ можетъ отказаться отъ многихъ изъ своихъ фурьеристическихъ убѣжденій, такъ что отъ системы Фурье ему останется только то, что въ ней есть полезнаго, ибо умъ его, жаждущій познаній, безпрерывно требуетъ пищи, а образованіе — самое лучше лѣкарство противъ всѣхъ заблужденій".

18 мая 1849 г. наслѣдникъ цесаревичъ, по докладу слѣдственной комиссіи, изъявилъ согласіе на арестъ Тимковскаго и взятіе его бумагъ. На вечерѣ у одного адмирала въ Ревелѣ какой-то флотскій офицеръ сказалъ Тимковскому, что у военнаго губернарора гр. Гейдена говорили объ открытіи въ Петербургѣ тайнаго общества, объ арестахъ, называли нѣкоторыя имена и, между прочимъ, Петрашевскаго и брата Тимковскаго, моряка, бывавшаго на пятницахъ Петрашевскаго. По показанію Беклемишева, еще недѣли за четыре до ареста Тимковскаго, одинъ его знакомый просилъ предупредить его, чтобы онъ былъ осторожнѣе, „а то языкъ можетъ надѣлать ему много вреда". Беклемишевъ передалъ ему это, но Тимковскій отвѣчалъ, что то, что онъ говоритъ, не можетъ ему повредить. По полученіи извѣстія объ арестѣ его брата, онъ сказалъ Беклемишеву, что „чего добраго, можетъ быть", и его возьмутъ за посѣщенія Петрашевскаго и рѣчь у него, хотя онъ „ничего не говорилъ противъ правительства". Беклемишеву сказали утромъ въ день ареста Тимковскаго, что его арестуютъ не за связи съ Петербургомъ, а за „вольнодумные разговоры въ Ревелѣ", а вечеромъ онъ услышалъ, будто бы Тимковскаго обвиняютъ въ томъ, что онъ сказалъ: „100 человѣкъ въ Петербургѣ взяли, а 800 осталось". На другое утро былъ арестованъ и Беклемишевъ (повелѣніе государя объ отправленіи жандармскаго офицера для ареста Беклемишева, по представленію слѣдственной комиссіи, было дано 20 мая). Тимковскій въ своемъ показаніи заявилъ, что, узнавъ объ арестахъ въ Петербургѣ, подумалъ: „если прави-

тельство преслѣдуетъ соціализмъ во всѣхъ его видахъ", то и его „потребуютъ въ Петербургъ". При этомъ онъ сталъ разсчитывать, сколько человѣкъ можетъ при этомъ погибнуть, и вспомнилъ одинъ разговоръ у Петрашевскаго, что въ Петербургѣ соціалистовъ человѣкъ до двухсотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ Москвѣ и въ другихъ городахъ наберется человѣкъ до 700—800. Онъ получилъ письмо отъ неизвѣстнаго безъ подписи съ извѣщеніемъ, что взятъ Спѣшневъ, котораго онъ, Тимковскій, „любилъ какъ честнаго и благороднаго человѣка"; онъ скорбѣлъ и объ арестѣ брата, считая себя повиннымъ въ этой бѣдѣ, такъ какъ онъ самъ ввелъ его къ Петрашевскому.

Въ тотъ самый день, какъ былъ арестованъ Тимковскій, Дубельтъ доставилъ въ слѣдственную комиссію записку находящагося въ Эстляндской губ. жандармскаго полковника Грессера II, въ которой тотъ писалъ, что просившій не называть его имени родственникъ Тимковскаго заявилъ слѣдующее: Тимковскій „нѣсколько разъ ѣздилъ въ Петербургъ и всегда казался подозрительнымъ по его разговорамъ. Нынѣ, 14 мая, придя домой, засталъ онъ по обыкновенію у себя въ домѣ Тимковскаго, который показался ему еще угрюмѣе и разсѣяннѣе обыкновеннаго и на спросъ его, не получилъ ли онъ письма изъ С.-Петербурга отъ родственниковъ или брата, Тимковскій отвѣчалъ — нѣтъ, а потомъ вполголоса сказалъ: „Братъ мой взятъ". На вопросъ, почему и за что, онъ сказалъ: „Какъ за что? и я ожидаю ежеминутно, что и меня возьмутъ туда же... У насъ были тамъ... собранія, сходились отъ 200 до 300 человѣкъ, и мы рѣчи говорили". На замѣчаніе его собесѣдника, что „у насъ собранія, правительствомъ не позволенныя, существовать не могутъ и потому вѣрно накажутъ", Тимковскій отвѣчалъ: „Такъ что жъ — ну, взяли 100 человѣкъ, а ихъ, что я знаю, 800 человѣкъ, — осталось 700, и все же будетъ то же".

Тимковскому предъявили на допросѣ его слова въ другой формѣ: „Мой братъ взятъ, такъ что жъ? Я жду, что и меня возьмутъ, взяли 100, а осталось 700; будетъ еще хуже". Онъ отвѣчалъ, что въ болѣзненномъ волненіи вслѣдствіе слуховъ объ арестахъ „могъ говорить многое, чего не думалъ" и могъ сказать „такъ что жъ", потому что надѣялся быть оправданнымъ. Тимковскій показалъ также, что желавшіе „разъяснить себѣ, въ какомъ положеніи находится соціализмъ въ Россіи" и сколько въ ней соціалистовъ, полагали одни, что

ихъ 400, другіе, что 500 и болѣе, „и такъ доходили до 700" (въ другомъ показаніи до 800), но на чемъ они при этомъ основывались, онъ не знаетъ; говорили это Петрашевскій, Спѣшневъ и Ханыковъ, именъ другихъ не помнитъ [1]). Онъ пояснилъ, что доноситель, говоря, что онъ, Беклемишевъ, бывалъ въ собраніяхъ въ 200—300 человѣкъ, вѣроятно, заключилъ это по недоразумѣнію изъ его словъ о всемъ числѣ соціалистовъ въ Россіи.

При арестѣ Тимковскаго у него не нашли ничего, относящагося къ дѣлу петрашевцевъ; взяли только приведенное выше письмо его зятя Бутовскаго и двѣ запрещенныя книги: Vidal, „De la répartition des richesses, ou de la justice distributive en économie sociale, ouvrage contenant l'examen critique des théories exposées, soit par les économistes, soit par les socialistes" (P., 1845), и „Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet von Strauss". При арестѣ Беклемишева 23 мая ничего подозрительнаго въ его бумагахъ найдено не было. На допросѣ Тимковскій косвенно призналъ, что Беклемишевъ былъ соціалистомъ, выразившись такимъ образомъ: „Я не зналъ въ Ревелѣ ни одного соціалиста и ни объ одномъ не слыхалъ. Не упоминаю о Беклемишевѣ, потому что онъ находился въ Ревелѣ только временно".

При допросахъ Беклемишева большое значеніе было придано его „Письмамъ къ помѣщику". Онъ далъ показаніе, что имъ „было написано всего четыре записки въ формѣ писемъ о различныхъ перемѣнахъ въ производствѣ сельской промышленности. Къ несчастью, первыхъ двухъ, тѣхъ именно, которыя должны доказать, что я человѣкъ вполнѣ благомыслящій и врагъ всякихъ переворотовъ и смутъ, не достаетъ. Я надѣюсь, что они, или по крайней мѣрѣ первое изъ нихъ, будетъ найдено отцомъ моимъ и представлено въ комиссію". Тутъ онъ подмѣняетъ письмо къ помѣщику запискою, представленною министру внутреннихъ дѣлъ, которая и была дѣйствительно прислана отцомъ Беклемишева въ слѣдственную комиссію (см. выше). „Довольно упомянуть только, — продолжаетъ Беклемишевъ, — какого рода былъ планъ

---

[1]) Спрошенный по этому поводу Петрашевскій отвѣчалъ, что такихъ исчисленій у него на собраніяхъ никогда не дѣлалось, и онъ не знаетъ, на чемъ основывается „такое опредѣленіе числа соціалистовъ". По словамъ Берви-Флеровскаго въ его воспоминаніяхъ, въ кружкахъ фурьеристовъ тогда „на всю Россію насчитывали какую-нибудь тысячу человѣкъ". „Голосъ Минувшаго", 1915, № 3, стр. 139.

изложенія моихъ мыслей, чтобъ убѣдиться, что нельзя судить о всемъ сочиненіи по тѣмъ двумъ письмамъ, которыя находятся здѣсь. А именно первое письмо подъ заглавіемъ: „Нѣсколько мыслей о положеніи помѣщиковъ въ Россіи" составляетъ одно цѣлое; послѣдующія же три составляютъ отвѣты на сдѣланныя будто бы на первое возраженія, и потому суть лишь дополненія его. Въ этомъ первомъ письмѣ, говоря объ упадкѣ благосостоянія помѣщиковъ, я приписывалъ его тремъ главнымъ причинамъ: дробленію безграничному поземельной собственности, рабочихъ силъ и капитала, — крѣпостному состоянію и зависимости отъ капиталистовъ и спекуляторовъ.

Говоря о вредѣ крѣпостного состоянія для самихъ помѣщиковъ и сказавъ, что, кромѣ того, по моему убѣжденію, онъ стыдъ для русскаго дворянства, я прибавляю, вы, можетъ быть, скажете: это напыщенныя восклицанія либерала! О нѣтъ, повѣрьте, я не либералъ, не приверженецъ конституцій — ни монархическихъ, ни республиканскихъ, дарованныхъ или завоеванныхъ. По моему мнѣнію, можно быть свободнымъ въ монархіи, рабство часто господствуетъ въ республикѣ. Когда-нибудь я скажу вамъ мое мнѣніе о свободѣ, и вы увидите, что моя свобода не можетъ быть опасна ни для какой формы правленія. Теперь же я говорю только о свободѣ личной".

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Беклемишевъ пишетъ здѣсь то, чего не было въ его запискѣ, лишь для мистификаціи слѣдственной комиссіи. Онъ утверждаетъ также, что письмо это должно было быть показано одному „помѣщику". На основаніи его словъ въ одной изъ записокъ о „собщеніи" помѣщиковъ съ крестьянами его заподозрили въ томъ, что онъ хочетъ устроить для нихъ общія жилища. По этому поводу Беклемишевъ говоритъ: „Я никогда не полагалъ, чтобъ помѣщики помѣстились въ одномъ зданіи съ крестьянами; напротивъ, я упомянулъ, и то только мимоходомъ..., что помѣщикамъ близлежащихъ деревень было бы выгодно и удобно построить себѣ для двухъ-трехъ семействъ одинъ хорошій барскій домъ, и въ доказательство возможности приводилъ дома въ городахъ. Письмо это оканчивается слѣдующими словами: „Чувство собственности есть лучшая гарантія общественнаго порядка; потому кто любитъ истинную, а не мнимую свободу, кто хочетъ порядка, тотъ не можетъ не согласиться, какъ выгодно... возвести всю массу народо-

населенія въ какомъ-либо масштабѣ совладѣльцевъ поземельной собственности и тѣмъ заинтересовать ихъ въ охраненіи общественнаго спокойствія (или порядка). Во второмъ письмѣ подъ заглавіемъ „О трудѣ“ — разсматриваются систематически различныя отрасли промышленности. Говоря о ложныхъ взглядахъ разнаго рода философовъ, между прочимъ, сказано:... „И они (философы) дерзнули сказать: нѣтъ Бога, но оставимъ философовъ, этихъ высокомѣрныхъ, напыщенныхъ болтуновъ; положимся лучше на сердце наше, оно насъ не обманетъ. О деревѣ нужно судить по плодамъ его, а каковы же плоды философіи? Война, революціи, нищета... Исчисляя различныя отрасли труда, я говорю: „Наконецъ, здѣсь слѣдовало бы упомянуть и о трудѣ административномъ (правительственномъ); но я съ намѣреніемъ пропускаю его (или не разсматриваю его), чтобы вы не смѣшали меня съ толпою политиковъ, наводняющихъ землю и приносящихъ болѣе вреда, чѣмъ пользы своими умствованіями, потому что, нападая всегда и всюду съ толкомъ и безъ толку на правительства, они довели ихъ до того, что они должны опасаться всякаго нововведенія, даже полезнаго имъ самимъ“. Потомъ говорится: „Да и можетъ ли быть какая польза отъ политическихъ реформъ? Правительство есть всегда болѣе или менѣе вѣрное выраженіе нуждъ и потребностей или общественныхъ отношеній (состоянія) народа; слѣдовательно, оно есть результатъ, котораго логически нельзя измѣнить. Но улучшите состояніе (или общественныя отношенія) народа, и тогда правительство, если оно дурно, измѣнится и улучшится само собою“. Эту послѣднюю фразу я не помню слово въ слово, но мысль выражена вѣрно“.

Мы видѣли, что, говоря о трудѣ административномъ или правительственномъ, Беклемишевъ не говорилъ ничего такого, что цитировалъ яко бы изъ своихъ „Писемъ къ помѣщику“ въ своемъ показаніи: очевидно, онъ просто мистифицировалъ комиссію. Въ заключеніе своего показанія онъ заявляетъ: „Такъ какъ комиссіи извѣстно, кто могъ читать упомянутыя письма, то ей легко будетъ убѣдиться въ истинѣ словъ моихъ. Смѣю надѣяться, что факты, мною приводимые, послужатъ доказательствомъ, что я занимался изученіемъ общественныхъ вопросовъ изъ любознанія и пламеннаго желанія пріобрѣсти знанія, которыя могли бы быть полезны моей родинѣ; что я во всемъ оставался вѣрнымъ правиламъ честнаго гражданина и вѣрноподданнаго, что я — врагъ всякихъ смутъ, и что я

могу быть виновенъ въ ошибкахъ, но никогда въ преступныхъ умыслахъ".

Слѣдственной комиссіи показались подозрительными слова: „Къ дѣлу, къ дѣлу!" въ одномъ изъ „Писемъ къ помѣщику"; она нашла, что они „представляютъ видъ воззванія", и потребовала объясненія. Беклемишевъ отвѣчалъ: „Когда я писалъ эти слова, то не имѣлъ намѣренія сдѣлать ихъ воззваніемъ, но, чувствуя отсутствіе полноты и недостатокъ внутренняго достоинства въ изложеніи моемъ, я какъ бы хотѣлъ замѣнить его достоинствомъ наружнымъ, нѣкотораго рода блестящей фразой. Впрочемъ, и тутъ ее не должно принимать въ прямомъ смыслѣ, но лишь въ томъ, что нужно создать общественную науку. Я желалъ, чтобъ какой-нибудь человѣкъ, имѣющій авторитетъ въ дѣлѣ сельской промышленности, раздѣлилъ мои мнѣнія, но какимъ образомъ письма эти попали въ кругъ Петрашевскаго, — не знаю, такъ какъ ихъ былъ одинъ экземпляръ у меня". Плещеевъ же показалъ, что рукопись „Писемъ къ помѣщику" была ему доставлена въ январѣ или февралѣ 1849 г. отъ Беклемишева черезъ его брата, который проѣздомъ былъ въ Петербургѣ, и авторъ въ письмѣ просилъ передать ее кому-нибудь изъ занимающихся хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ. „Зная, что у Спѣшнева много крестьянъ, говоритъ Плещеевъ, и что онъ часто ѣздитъ въ свои деревни, я ему и передалъ ее на другой же день по полученіи". Понятно, однако, что рукопись Беклемишева предназначалась для пропаганды фурьеристскихъ идей.

Слѣдственная комиссія признала относительно Беклемишева наличность обстоятельствъ, которыя могутъ облегчить его участь, и по ея докладу въ половинѣ сентября 1849 г. государь повелѣлъ не предавать Беклемишева военному суду и освободить его. Неизмѣримо печальнѣе была судьба К. И. Тимковскаго.

Въ первомъ своемъ показаніи онъ изложилъ свой взглядъ на соціализмъ:

„Соціализмъ раздѣляется на множество системъ. Есть система Луи-Блана, система Сенъ-Симона, Роберта Овена, Кабе, Прудона, коммунистовъ и другія. Всѣ (sic!) эти системы болѣе, или менѣе не полны, мечтательны, неудобопримѣнимы и даже гибельны [1]), потому что уничтожаютъ собственность, семействен-

---

[1]) Съ сочиненіями Сенъ-Симона Тимковскій, повидимому, былъ плохо знакомъ; впрочемъ, онъ, вѣроятно, разумѣетъ тутъ взгляды сенъ-симонистовъ.

ность, даже личность людей, требуютъ невозможнаго равенства между всѣми членами общества и готовы вводить свои преобразованія хотя бы цѣною крови и революцій (?). Поэтому многіе смѣшиваютъ понятіе о соціализмѣ съ понятіемъ о республиканизмѣ. Можетъ быть, они и правы, когда дѣло идетъ о поименованныхъ мною системахъ.

„Но... система Шарля Фурье не заслуживаетъ этихъ упрековъ. Она свято сохраняетъ собственность каждаго, не только не допускаетъ всеобщаго равенства между людьми, но, напротивъ, основываетъ всю гармонію общественнаго устройства на неравенствахъ состояній, сословій (?), іерархіи способностей, заслугъ. Фурье предлагаетъ особые, открытые имъ способы, устроить трудъ такимъ образомъ, чтобъ онъ былъ привлекателенъ и прибыленъ. Онъ подробно излагаетъ эти способы въ своихъ обширныхъ сочиненіяхъ и доказываетъ, что если бы они были осуществлены въ какомъ-либо государствѣ, то тамъ всѣ члены общества трудились бы охотно, съ наслажденіемъ; не было бы тунеядцевъ и праздныхъ; масса богатства народнаго постоянно бы увеличивалась и распредѣлялась бы по самой строгой справедливости между всѣми сословіями и отдѣльными лицами, не поровну, но соразмѣрно труду, таланту и капиталу, вносимому каждымъ въ общество, разливала бы повсемѣстное изобиліе и довольство. Нынѣшніе неимущіе получали бы много, а имущіе еще увеличили бы свое достояніе. Не было бы недовольныхъ, каждый дорожилъ бы спокойствіемъ общественнымъ, слѣдовательно, пресѣклись бы всѣ причины къ смутамъ и революціямъ, и правительство утвердилось бы крѣпче и незыблемѣе, чѣмъ когда-либо. Эта система представляетъ собою цѣлую науку обширную и полную. Изученіе ея тѣмъ болѣе заманчиво для человѣка съ сердцемъ, что, предлагая реформы не въ правительствѣ, но въ обществѣ [2]), въ тѣхъ элементахъ общественныхъ, которые по законамъ всѣхъ государствъ предоставлены произволу гражданъ, она достигаетъ своихъ цѣлей путемъ мира, безъ смутъ, безъ насильственныхъ потрясеній, при какой бы то ни было формѣ правленія, даже требуя непремѣннымъ условіемъ, чтобы правительство стояло твердо и прочно на своемъ основаніи. Другая особенность ученія Фурье есть та, что ни онъ самъ и никто изъ его послѣдователей не желалъ, чтобъ его система даже съ содѣйствіемъ правительства была примѣнена гдѣ-либо къ цѣлому государству вдругъ; несмотря на личную полную увѣренность въ истинѣ этой системы, какъ теоріи, еще не испытанной на практикѣ, никто изъ нихъ не рѣшился бы взять на свою совѣсть такую огромную отвѣтственность въ случаѣ неудачи. Фурьеристы желаютъ, чтобъ ихъ система была предварительно испытана на дѣлѣ въ маломъ размѣрѣ, т. е. чтобъ имъ позволено было составить мануфактурно-земледѣльческое общество или товарищество въ 1800 человѣкъ, которое жило бы все вмѣстѣ, владѣя пространствомъ земли въ 8 кв. верстъ

---

[2]) См. Bourgin. Fourier, 243—245.

и завѣдывало бы само, по извѣстнымъ положеніямъ науки, своимъ внутреннимъ домашнимъ управленіемъ, не освобождаясь, однако, отъ подчиненности общимъ государственнымъ законамъ. Если бы такое общество состоялось, и правительство увидѣло бы на дѣлѣ отъ него пользу и исполненіе обѣщанныхъ имъ цѣлей, т. е. достиженіе общаго благосостоянія всѣхъ его членовъ, то оно, безъ сомнѣнія, положило бы (начало) учрежденію другихъ подобныхъ же обществъ, и, такимъ образомъ, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время преобразовалось бы цѣлое государство. Въ случаѣ же неудачи перваго опыта, пробное общество разошлось бы, и фурьеристы первые сознались бы въ ошибочности своего ученія.

„Удивительно ли, мудрено ли и неужели мнѣ будетъ вмѣнено въ преступленіе неизгладимое, что я увлекся подобнымъ ученіемъ, предался ему со всѣмъ пыломъ, со всѣмъ энтузіазмомъ, готовъ былъ проповѣдывать его на крышахъ и на перекресткахъ. Я считалъ это дѣломъ благимъ; я могъ заблуждаться, но безъ злого умысла. Ни одинъ фурьеристъ не былъ заговорщикомъ или революціонеромъ, даже во Франціи, этомъ отечествѣ и гнѣздѣ смутъ и революцій[1]): никто изъ нихъ не участвовалъ въ февральскомъ переворотѣ, ни въ баррикадахъ іюньскихъ, хотя школа Фурье насчитываетъ въ одномъ Парижѣ до 30 тысячъ своихъ послѣдователей[2]).

„Итакъ, когда мнѣ отвѣчали у Петрашевскаго, что цѣль ихъ есть осуществленіе реформъ соціальныхъ, а ближайшее средство — пропаганда, я ухватился за эту мысль, надѣясь, что пропаганда будетъ распространяема въ духѣ ученія Фурье, какъ самаго добросовѣстнаго и благонамѣреннаго изъ всѣхъ основателей соціальныхъ школъ, единственнаго истиннаго соціалиста“.

Военный судъ нашелъ, что Тимковскій, познакомившись съ Петрашевскимъ въ октябрѣ 1848 г., бывалъ у него на 6-ти собраніяхъ, на коихъ происходили преступныя сужденія о религіи и правительствѣ. Самъ онъ на одномъ изъ собраній считалъ рѣчь въ похвалу коммунистскихъ и соціальныхъ системъ, совѣтовалъ изучать эти системы для достиженія возможности примѣненія оныхъ къ Россіи, приглашалъ всѣхъ дѣйствовать и распространять ихъ, въ особенности ученіе

---

1) Однако, Консидеранъ уже 12 февраля 1848 г. въ своей газетѣ „Démocratie pacifique“ писалъ: „Мирный путь закрытъ для развитія Франціи“, 16 онъ апплодировалъ торжеству народа и введенію всеобщаго избирательнаго права, а 25-го присоединился къ крикамъ: „Да здравствуетъ республика“. О дѣятельности Консидерана въ званіи депутата см. M-me Coignet „Victor Considérant, sa vie et son oeuvre“. P. 1895, p. 41—68. см. Bourgin, V. Considérant. Son oeuyre. P. 1909, p. 91—110. Послѣ манифестаціи 13 іюня 1849 г. ему пришлось бѣжать въ Брюссель.

2) Въ 1846 г. было продано болѣе 22.000 экземпляровъ книги „Almanach phalanstérien“. Газета „La démocratie pacifique“ въ апрѣлѣ 1847 г. имѣла почти 2.000 подписчиковъ. Bourgin. Fourier, p. 496.

Фурье, во всѣхъ обществахъ высшаго круга, предлагалъ солидарность (взаимно-отвѣтственное товарищество), чтобы подвигать другъ друга впередъ общими силами и, достигнувъ значительныхъ мѣстъ по службѣ, имѣть желаемое вліяніе на правительство къ осуществленію своихъ намѣреній. Въ заключеніе же совѣтовалъ устроить кружки для пропаганды соціализма, съ тѣмъ, чтобы хозяева сихъ кружковъ составляли свой особый кругъ для руководства прочихъ и распоряженія пропагандой. Дѣйствуя вообще въ духѣ фурьеризма, подсудимый Тимковскій въ декабрѣ того же года, отправившись въ Ревель, гдѣ онъ находился на службѣ, покушался и тамъ говорить объ ученіи Фурье нѣкоторымъ знакомымъ ему лицамъ и съ цѣлью распространить это ученіе началъ переводить соціальныя сочиненія на русскій языкъ. Но, встрѣтивъ со всѣхъ сторонъ возраженія и убѣдившись въ лживости того ученія, оставилъ мысль распространенія онаго и прекратилъ начатые переводы.

„При слѣдствіи Тимковскій, принося чистосердечное раскаяніе въ уклоненіи отъ пути истины, объяснилъ, что все это произошло по вліянію собраній Петрашевскаго и что тамъ онъ былъ доведенъ даже до отрицанія самаго Бога, но потомъ, убѣдившись во вредности этого ученія..., прекратилъ свои дѣйствія".

„Хотя въ отношеніи означенной рѣчи Тимковскаго трое изъ другихъ подсудимыхъ, Момбелли, Львовъ и Толь, показали, что Тимковскій въ рѣчи своей дѣлалъ возмутительныя предложенія, а Толь объяснилъ, что Тимковскій требовалъ безотлагательнаго исполненія своихъ предположеній къ возмущенію, но самъ Тимковскій, отвергая это, объяснилъ, что онъ говорилъ въ смыслѣ возможности постепеннаго преобразованія государства по системѣ Фурье и неоднократно повторялъ, чтобы идти путемъ мира и убѣжденія. Самой же рѣчи не осталось на письмѣ въ рукахъ слушателей и въ бумагахъ его не найдено. При томъ показанія Тимковскаго подтверждаютъ отчасти подсудимые Спѣшневъ и Достоевскій, изъ коихъ первый показалъ, что хотя форма рѣчи, читанной Тимковскимъ, была нѣсколько горяча, но онъ положительно и добросовѣстно отклонялъ въ ней отъ всякаго политическаго переворота и уговаривалъ каждаго словесно распространять свои мысли и убѣжденія. Достоевскій объясняетъ, что Тимковскій, хотя отзывался въ своей рѣчи съ большимъ уваженіемъ о Фурье и желалъ успѣха системѣ его, но вмѣстѣ съ

тѣмъ убѣждался въ невозможности немедленнаго примѣненія оной и, увѣщевая быть согласными въ идеяхъ, оговаривалъ, что зоветъ не на бунтъ и не желаетъ тайнаго общества. Равнымъ образомъ и изъ прочихъ подсудимыхъ никто не показалъ, чтобы рѣчь Тимковскаго была въ возмутительномъ духѣ въ томъ смыслѣ, какъ объяснили Момбелли, Львовъ и Толь".

Военный судъ „за умыселъ составить общество съ цѣлью измѣнить общественное устройство посредствомъ неуказанныхъ и недозволенныхъ дѣйствій" приговорилъ К. И. Тимковскаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а въ склоненіи имъ къ возмущенію за неимѣніемъ доказательствъ оставилъ лишь въ подозрѣніи. Генералъ-аудиторіатъ отнесся къ нему гораздо снисходительнѣе: принявъ во вниманіе, что онъ „увлекся зловредною системою Фурье по легкомыслію и изъявилъ въ поступкахъ своихъ раскаяніе", предложилъ вмѣнить ему въ наказаніе бытность подъ слѣдствіемъ и судомъ и семимѣсячное содержаніе въ крѣпости въ казематѣ и выслать на жительство въ Олонецкъ". Однако, имп. Николай положилъ такую резолюцію: „Тимковскаго на 6 лѣтъ въ арестантскія роты".

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ у Тимковскаго не было никакого состоянія, а между тѣмъ онъ оставилъ въ Петербургѣ жену и двоихъ дѣтей, жившихъ въ квартирѣ его зятя Бутовскаго, въ зданіи Смольнаго монастыря. Имп. Николай повелѣлъ выдавать женѣ Тимковскаго ежегодно негласное пособіе по 300 рублей въ годъ.

23 декабря 1849 г. Тимковскаго отправили въ крѣпость Свартгольмъ. Въ 1851 г. вслѣдствіе ея упраздненія онъ былъ переведенъ на время въ Выборгъ, а затѣмъ государь приказалъ отправить его, по усмотрѣнію инспектора по инженерной части, въ арестантскія роты, въ одну изъ отдаленныхъ отъ столицъ крѣпостей внутри имперіи. Вслѣдствіе этого инженеръ генералъ Денъ приказалъ отправить его въ крѣпость Бобруйскъ для зачисленія въ одну изъ арестанскихъ ротъ, „въ которыхъ не состоитъ никто изъ преступниковъ, прикосновенныхъ къ одному съ нимъ уголовному дѣлу" [1]).

---

[1]) К. И. Тимковскій ввелъ на пятницы Петрашевскаго своего брата, морского офицера, кап.-лейт. Алексѣя Ивановича. На допросахъ его называютъ уже уволеннымъ отъ службы. Онъ показалъ, что посѣщалъ Петрашевскаго „довольно часто; если ничто не мѣшало, то почти каждую пятницу". Дѣйствительно Антонелли замѣтилъ его у Петрашевскаго 11, 18, 25 марта, 8 и 15 апрѣля. Посѣщенія имъ пятницъ упоминаются и нѣ-

Есть не мало данныхъ о послѣдующей дѣятельности Александра Петровича Беклемишева. Привлеченіе къ слѣдствію по дѣлу петрашевцевъ нисколько не повредило его служебной карьерѣ. Уже въ 1849—50 гг. онъ былъ назначенъ членомъ двухъ комиссій въ Ригѣ: 1) для устройства торговой части въ Остзейскомъ краѣ и 2) для составленія проекта общественнаго устройства г. Риги; осенью 1850 г. онъ былъ командированъ въ Эстляндскую губернію для собранія различныхъ свѣдѣній по крестьянскому дѣлу. Въ мартѣ 1851 г. Беклемишевъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ іюлѣ слѣдующаго года сдѣланъ курляндскимъ вице-губернаторомъ (губернаторомъ этой губерніи въ 1853 г. былъ назначенъ П. А. Валуевъ) [1].

Повидимому, изъ Митавы въ 1855 или 1856 г. Беклемишевъ прислалъ министру внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскому, записку подъ заглавіемъ „Нѣсколько мыслей о средствахъ улучшить положеніе сословія дворянъ-помѣщиковъ“, въ которой отчасти повторялъ нѣкоторыя предположенія, высказанныя въ своей прежней, пока не найденной запискѣ, представленной министру внутреннихъ дѣлъ въ 1840-хъ годахъ „Объ ограниченіи дробленія имѣній“. Въ новой запискѣ авторъ высказываетъ мысль, что „обѣднѣніе помѣщиковъ лишило крѣпостное состояніе того патріархальнаго оттѣнка, который дѣлалъ существованіе“ его „возможнымъ“. „Бѣдность породила невѣжество“ и создала „классъ грубыхъ, закоснѣлыхъ въ предразсудкахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ“; земледѣліе не сдѣлало никакихъ значительныхъ успѣховъ. Причины неудовлетвори-

---

которыми другими знакомыми Петрашевскаго, но онъ ничѣмъ не выдался на этихъ собраніяхъ и, повидимому, былъ изъ молчаливыхъ гостей. Поэтому по докладу слѣдственной комиссіи государь 3 іюля 1849 г. велѣлъ освободить его безъ какихъ бы то ни было послѣдствій для его будущей службы, но при этомъ его обязали подпиской, что онъ будетъ содержать въ строгой тайнѣ всѣ разспросы комиссіи, впредь никогда не будетъ „распространять какимъ бы то ни было образомъ преступныхъ идей соціальныхъ и коммунистскихъ и вообще либеральныхъ (и въ томъ числѣ ученіе Фурье)“. Его велѣно было подвергнуть, кромѣ того, секретному надзору, о чемъ дано было знать начальнику штаба корпуса жандармовъ. При освобожденіи съ него взяли также обязательство не выѣзжать изъ Петербурга безъ разрѣшенія слѣдственной комиссіи. Архивъ главнаго военно-суднаго управленія, дѣла о Беклемишевѣ и К. И. и А. И. Тимковскихъ.

[1] Общій архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣло департамента общихъ дѣлъ, 1868 г., № 96.

тельнаго положенія и помѣщиковъ, и крестьянъ, по мнѣнію Беклемишева, заключаются: во-первыхъ, въ недостаточности кредита помѣщикамъ, и, во-вторыхъ, въ безграничномъ дробленіи имѣній. Для облегченія кредита онъ предлагаетъ введеніе гипотечной системы, которая дала возможность владѣльцамъ недвижимой собственности въ прибалтійскихъ губерніяхъ заключать займы за шесть, пять и даже менѣе процентовъ, такъ какъ при этомъ капиталисты, имѣющіе свободныя деньги, всегда могутъ навести справку въ гипотечной книгѣ о количествѣ долговъ, лежащихъ на имѣніи, и, слѣдовательно, считать менѣе рискованнымъ кредитованіе земледѣльцевъ. Теперь же русскимъ помѣщикамъ приходится платить за занятыя деньги около 10%. Что касается дробленія имѣній, то оно, по мнѣнію Беклемишева, „быть можетъ, выгоднѣе системы майоратовъ", потому что при этомъ бываетъ меньше дворянъ-пролетаріевъ, но „дробленіе безусловное, безграничное" онъ считаетъ вреднымъ и для дворянъ, и для крестьянъ, и для земледѣлія. Поэтому онъ предлагаетъ установить: 1) чтобы имѣнія не дѣлились впредь на участки менѣе 100 душъ крестьянъ (какъ и въ запискѣ 40-хъ годовъ) и менѣе 500 десятинъ земли (въ прежней запискѣ — менѣе 400 десятинъ); 2) если въ имѣніи менѣе 200 душъ крестьянъ и 1000 десятинъ земли, то старшій сынъ, или тотъ, кому онъ уступитъ свое право, наслѣдуетъ все имѣніе, уплачивая остальнымъ наслѣдникамъ причитающуюся на ихъ долю часть наслѣдства; 3) чтобы часть стоимости имѣнія, а именно та, проценты съ которой необходимы на издержки по управленію имѣніемъ ($^1/_5$ или $^1/_6$ часть), составляла неотчуждаемый помѣстный капиталъ. Беклемишевъ полагаетъ, что таким образомъ будетъ положенъ предѣлъ увеличенію мелкопомѣстнаго класса дворянъ и возникнетъ классъ помѣщиковъ средняго состоянія, „посвящающихъ себя вполнѣ земледѣлію, классъ, подобный существующему въ Англіи подъ названіемъ gentlemen-farmers. Только при улучшеніи, вслѣдствіе предложенныхъ имъ мѣръ, положенія дворянства можно будетъ, по его мнѣнію, „принять мѣры къ измѣненію или, лучше сказать, къ болѣе правильному опредѣленію отношеній между помѣщиками и крестьянами, т. е. къ уничтоженію крѣпостного состоянія... Нужно только при этомъ избѣгать всякаго подражанія прежде бывшимъ эманципаціямъ, нужно сохранить въ полной силѣ основные русскіе элементы — власть семейства надъ отдѣльными членами семейства, власть общины надъ семействами, составляющими оную. Эти два элемента

столь развитые въ нашей простонародной жизни, значительно облегчатъ эманципацію и не дозволятъ возникнуть сословію пролетаріевъ". Такимъ образомъ, авторъ опредѣленно выговариваетъ, что нужно стремиться „къ уничтоженію крѣпостного состоянія", энергично возражаетъ противъ допущенной при Александрѣ I въ остзейскихъ губерніяхъ системы освобожденія крестьянъ безъ земли и, наконецъ, требуетъ сохраненія общиннаго землевладѣнія и недопущенія (или, быть можетъ, ограниченія) семейныхъ раздѣловъ, ведущихъ, по его мнѣнію, къ возникновенію пролетаріата.

Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ Беклемишевъ высказываетъ убѣжденіе, что „вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ настоящее время еще" не настолько зрѣло обсужденъ, чтобы возможно было его немедленное разрѣшеніе. Поэтому авторъ записки предлагаетъ принять лишь немногія частныя мѣры, а именно: 1) запретить обращать крестьянъ въ дворовые, 2) дозволить всѣмъ дворовымъ откупаться на волю за опредѣленную плату, 3) постановить, что число тяголъ въ имѣніи не можетъ впредь увеличиваться иначе, какъ подъ условіемъ отвода на каждое новое тягло „особаго участка" изъ господской земли, равнаго прочимъ тягловымъ участкамъ, крестьяне же, оставшіеся безъ тяголъ за недостаткомъ земли, не обязаны ни исполнять барщины, ни платить оброкъ помѣщику [1]).

Въ августѣ 1856 г. Беклемишевъ написалъ другую записку — „О крѣпостномъ состояніи" [2]). Онъ прежде всего указываетъ въ ней на то, что хотя „продавать дворовыхъ отдѣльными семьями безъ земли закономъ запрещено, но позволено дарить ихъ", и замѣчаетъ, что „относительно дворовыхъ крѣпостное состояніе превратилось въ личное рабство". Авторъ считаетъ необходимымъ совершенно уничтожить крѣпостное состояніе. По его словамъ, „всѣ крестьяне знаютъ, что правительство занимается улучшеніемъ ихъ участи и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ окончательнаго приговора" [3]).

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Проекты и записки разныхъ лицъ 1856—57 гг., т. I, № 85, л. 645—657.

[2]) Повидимому, въ это время онъ былъ въ Петербургѣ (см. Записки А. И. Левшина. „Русск. Арх.", 1885 г., № 8, стр. 481). Онъ вызванъ былъ, чтобы помогать тов. мин. внутр. дѣлъ Левшину при составленіи для государя краткаго историческаго очерка крѣпостного права въ Россіи.

[3]) Беклемишеву было, конечно, извѣстно, что имп. Александръ II заявилъ въ Москвѣ предводителямъ дворянства о своемъ намѣреніи уничтожить крѣпостное право. См. А. З. Попельницкій. „Рѣчь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московскимъ предводителямъ дворянства". „Голосъ Минувш.", 1916 г., № 5—6.

Беклемишевъ предлагаетъ учредить при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое отдѣленіе или департаментъ крестьянскихъ дѣлъ, и чиновники, къ нему причисленные, должны будутъ изучить крѣпостное состояніе въ Россіи по различнымъ ея округамъ и составить о немъ статистическій очеркъ. Затѣмъ слѣдуетъ учредить секретный крестьянскій комитетъ, который, истребовавъ мнѣнія предводителей дворянства, долженъ будетъ выработать главныя начала уничтоженія крѣпостного состоянія по округамъ или губерніямъ и свои предположенія сообщить на заключеніе предводителей дворянства. По обсужденіи ихъ комитетомъ должны быть окончательно опредѣлены главныя начала, на основаніи которыхъ отдѣленіе, учрежденное при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, должно будетъ составить полный проектъ крестьянскаго положенія. И въ этой запискѣ авторъ предлагаетъ принять предварительныя мѣры для уменьшенія числа дворовыхъ людей, а именно поставить, чтобы помѣщики уплачивали подати за дворовыхъ, состоящихъ у нихъ въ услуженіи или отпущенныхъ на оброкъ, запретить обращать крестьянъ въ дворовыхъ, или брать во дворъ крестьянскихъ дѣтей и, наконецъ, дозволить дворовымъ выкупаться на волю за сумму, составляющую капитализированный изъ 6% оброкъ (слѣдовательно, напримѣръ, при оброкѣ въ 20 р. сер. за 300 р. сер.). Затѣмъ онъ повторяетъ предложеніе, сдѣланное въ первой запискѣ — объ опредѣленіи числа тяголъ и, наконецъ, предлагаетъ запретить продажу крестьянъ безъ земли посредствомъ дарственныхъ записей.

Переходя къ тому, какъ и на какихъ основаніяхъ можетъ быть уничтожено крѣпостное состояніе, Беклемишевъ говоритъ, что уже нѣсколько лѣтъ занимается этимъ вопросомъ и имѣлъ возможность ознакомиться съ бытомъ крестьянъ во многихъ губерніяхъ. Прежде всего онъ считаетъ необходимымъ замѣтить, что „всѣ предположенія основанныя, на огромныхъ пожертвованіяхъ правительства, на всеобщемъ выкупѣ крѣпостныхъ, — подобно тому, какъ англійское правительство выкупило невольниковъ негровъ, — отчасти не сбыточны, отчасти не соотвѣтствуютъ существующимъ обстоятельствамъ“. Крѣпостные крестьяне, говоритъ Беклемишевъ, не могутъ считаться рабами-невольниками“, и только дворовые въ нѣкоторомъ отношеніи походятъ на нихъ; поэтому только за дворовыхъ, по мнѣнію автора, помѣщики будутъ имѣть право требовать вознагражденія, но и въ этомъ случаѣ „убытокъ ихъ будетъ весьма незначительный и кратковременный“, такъ какъ

при вольномъ трудѣ потребуется гораздо менѣе людей для услуженія и работъ по хозяйству: опытъ прибалтійскихъ губерній показалъ, что окажется нужнымъ вдвое менѣе людей. Освобожденныхъ крестьянъ авторъ предлагаетъ назвать не вольными, а „обязанными“, такъ какъ „вольные хлѣбопашцы“ — „собственники владѣемой ими земли“. Помѣщичьимъ же крестьянамъ нужно будетъ при освобожденіи внушить „убѣжденіе, что земля, имъ отведенная, находится въ потомственномъ пользованіи ихъ подъ извѣстными условіями, и что они могутъ быть лишены оной только въ случаѣ нарушенія ими самими тѣхъ условій. Уничтоженіе права крестьянъ на обрабатываемую ими землю и поставленіе ихъ въ этомъ отношеніи въ совершенную зависимость отъ произвола собственниковъ земли имѣло бы послѣдствія самыя гибельныя; оно возбудило бы всеобщее неудовольствіе крестьянъ, отвлекло бы ихъ отъ занятія земледѣліемъ и произвело бы страшные соціальные перевороты“.

Относительно дворовыхъ авторъ полагаетъ, что при дозволеніи имъ выкупаться на волю въ теченіе 3—4 лѣтъ значительная часть ихъ сдѣлается вольными. При отпускѣ на волю остальныхъ достаточно будетъ опредѣлить вознагражденіе за дворовыхъ по 70 рублей за ревизскую душу и уплатить ихъ помѣщику въ незаложенныхъ имѣніяхъ деньгами, въ заложенныхъ же вычетомъ изъ долга опекунскому совѣту, а выкупленныхъ дворовыхъ обязать уплатить эти деньги казнѣ въ 10—15 лѣтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Беклемишевъ предлагаетъ разрѣшить помѣщикамъ сохранить у себя тѣхъ дворовыхъ, какихъ пожелаютъ, на 5—6 лѣтъ, не разлучая семей, съ условіемъ назначить имъ жалованье, которое за все время было бы не менѣе суммы, употребленной правительствомъ на выкупъ этихъ людей и которая должна быть возмѣщена казнѣ.

Относительно крестьянъ авторъ предлагаетъ управленіе дѣлами крестьянскаго общества поручить, подъ надзоромъ и руководствомъ помѣщика, выборнымъ изъ хозяевъ, сохранивъ полицейскую власть помѣщика надъ обязанными крестьянами. Другія условія освобожденія состоятъ въ слѣдующемъ: 1) „Вся земля составляетъ собственность помѣщика, но раздѣляется на господскую, которою помѣщикъ распоряжается безъ всякаго ограниченія, и крестьянскую, которая предоставляется въ потомственное пользованіе всякаго крестьянскаго общества за плату оброка или отправленіе барщины. 2) По уничтоженіи крѣпостного состоянія обязанные крестьяне въ продолженіе

примѣрно 9 лѣтъ подлежатъ особымъ ограниченіямъ. Въ продолженіе этого переходнаго состоянія помѣщики не имѣютъ права увеличивать ни барщины, ни оброка иначе, какъ если заключатъ установленный договоръ съ обществомъ. Они не имѣютъ также права увеличивать число тяголъ безъ согласія общества и подлежащихъ семействъ, крестьяне же обязываются безпрекословно исполнять прежнюю барщину и платить прежній оброкъ. Въ продолженіе перваго трехлѣтія обязанные крестьяне не имѣютъ права переходить въ другія общества иначе какъ съ согласія помѣщика, внося притомъ съ тягла по 50 р. с., изъ которыхъ 25 р. поступаютъ въ пользу помѣщика, а 25 р. въ міровую казну... Во время второго трехлѣтія крестьяне могутъ, съ согласія общества, переходить въ другія крестьянскія общества той же губерніи... По наступленіи третьяго трехлѣтія обязанные крестьяне пріобрѣтаютъ право перехода во всѣ другія губерніи и сословія, однако, не иначе, какъ съ разрѣшенія общества... По миновании переходнаго состоянія крестьяне могутъ переходить во всѣ общества и сословія безъ ограниченія, всегда, однако, съ согласія главы семейства и общества, которое можетъ отказать лишь въ случаѣ недостаточнаго числа работниковъ. 3) Въ теченіе этихъ 9 лѣтъ помѣщики обязаны заключить договоръ съ обществами относительно отправленія барщины или платы оброка за отведенную имъ землю; въ противномъ случаѣ, договоры эти заключаются по распоряженію правительства. 4) Договоры относительно, такъ называемой, крестьянской земли должны быть заключаемы не съ отдѣльными крестьянами, а съ цѣлыми обществами, которыя принимаютъ на себя круговую поруку. 5) Договоры должны быть заключаемы однажды навсегда, при чемъ, однако, не запрещается опредѣлять заранѣе условія замѣны барщины денежнымъ оброкомъ или сроковъ возвышенія или пониженія оброка, смотря по обстоятельствамъ. 6) Раздѣлъ земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, между отдѣльными членами „предоставляется самимъ обществамъ съ тѣмъ, однако, чтобы для предупрежденія излишняго дробленія тягловые участки не составляли менѣе 1 десятины запашки въ полѣ“.

Установленіе 9-лѣтняго переходнаго періода при освобожденіи крестьянъ Беклемишевъ предложилъ, очевидно, по примѣру губерній Прибалтійскаго края (въ Лифляндской губерніи этотъ періодъ былъ назначенъ при освобожденіи крестьянъ въ 1819 г. — въ 13 лѣтъ); оттуда же заимствовалъ онъ и

ограниченія права передвиженія [1]). Слѣдовательно, сравнительно съ Лифляндіею Беклемишевъ установилъ нѣсколько болѣе льготные сроки ограниченія передвиженія крестьянъ, но главное отличіе его проекта заключается въ освобожденіи крестьянъ съ землею. Въ тѣхъ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ величина оброка превышаетъ обычный поземельный оброкъ за землю той губерніи, его должно было понизить до этого послѣдняго размѣра, а помѣщики могли быть вознаграждены пониженіемъ въ продолженіе 37 лѣтъ процентовъ, платимыхъ Опекунскому совѣту [2]).

Еще 20 декабря 1856 г. Ланской поднесъ государю записку Левшина по исторіи крѣпостного состоянія въ Россіи вмѣстѣ съ составленнымъ имъ же докладомъ, гдѣ предлагалось учредить постоянный верховный комитетъ для выясненія вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Вслѣдствіе этого былъ учрежденъ секретный комитетъ (подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Орлова). 26 іюля 1857 г. Ланской внесъ въ него записку Левшина, въ которой высказывалась мысль, что помѣщику безспорно принадлежитъ право и на землю, и на личность крестьянъ. Личное „рабство нигдѣ не было выкупаемо правительствомъ“; отъ него добровольно и безвозмездно отказались и остзейскіе дворяне, но можно заставить крестьянъ выкупать жилище и усадебную землю, и въ нечерноземныхъ губерніяхъ „количество усадебной земли можно увеличивать и стоимость ея вмѣстѣ съ строеніями довести до того, чтобы помѣщикъ могъ быть достаточно вознагражденъ за потерю крестьянъ, составляющихъ его главный капиталъ“. Такимъ образомъ, Левшинъ былъ изобрѣтателемъ того способа, съ помощью котораго позднѣе губернскіе комитеты, назначая чрезмѣрно повышенное вознагражденіе за усадьбы, давали помѣщикамъ возможность получать выкупъ съ крестьянъ и за ихъ личное освобожденіе. За землю же, оставленную въ услов-

---

[1]) Въ Лифляндіи по закону 1819 г. разрѣшалось освобожденнымъ крестьянамъ и рабочимъ заключать договоры на аренду или работу въ другомъ мѣстѣ въ первые 3 года въ предѣлахъ того же прихода, въ слѣдующіе 3 года въ болѣе обширномъ районѣ, а по прошествіи 6 лѣтъ они могли жить во всей губерніи; переселеніе же въ другія губерніи имъ было запрещено. Тобинъ. „Лифл. аграр. законод.“. Рига, 1900 г., т. I, 371. Относительно освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, см. Axel v. Gernet. Geschichte u. System des bäuerlichen Agrarechts in Estland. Reval. 1901. S. 155.

[2]) Арх. Госуд. Сов. Главн. Комит. по крест. дѣлу. Проекты и записки разныхъ лицъ, 1855—57 г., т. I, № 85, л. 794—813.

помъ пользованіи крестьянъ, они должны были, какъ предлагалось въ запискѣ Левшина, уплачивать деньгами или работою, и лишь со временемъ, по его мнѣнію, можно будетъ подумать о предоставленіи имъ права выкупать ее [1]).

Еще во время коронаціи въ Москвѣ, въ августѣ 1856 г. виленскому генералъ-губернатору Назимову было поручено, воспользовавшись тѣмъ, что вопросъ объ измѣненіи инвентарныхъ правилъ въ сѣверо-западной Россіи не былъ окончательно рѣшенъ, собрать предводителей дворянства трехъ сѣверо-западныхъ губерній и объявить имъ, чтобы они указали мѣры, необходимыя для улучшенія быта крестьянъ, не стѣсняясь прежними постановленіями. Болѣе опредѣленно поручено было Назимову заняться вопросомъ при помощи инвентарныхъ комитетовъ въ ноябрѣ 1856 г. Ихъ отзывы, представленные Назимовымъ въ октябрѣ слѣдующаго года, были довольно неопредѣленны, но они изъявили готовность положить конецъ „крѣпостному состоянію", замѣнивъ его добровольными соглашеніями съ крестьянами. Назимовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и требовалъ, чтобы ему даны были наставленія, какъ дѣйствовать. Услышавъ отъ него не разъ, что ему не дано еще отвѣта, государь приказалъ секретному комитету рѣшить вопросъ въ теченіе 8 дней, а комитетъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ составить въ теченіе 3-хъ дней рескриптъ Назимову съ указаніемъ тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ онъ долженъ былъ приступить къ дѣлу. Ланской передалъ это порученіе Левшину; тотъ протестовалъ было противъ поспѣшности въ такомъ дѣлѣ великой важности, но Ланской указалъ ему, что повелѣніе государя должно быть исполнено, и что въ помощь ему, Левшину, будутъ присланы два чиновника: одинъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ — это былъ именно А. П. Беклемишевъ, другой — отъ министерства государственныхъ имуществъ — Эдуардъ Ег. Лоде. Левшинъ хотѣлъ было передать имъ всю работу по составленію рескрипта, но они увлекли въ это дѣло и самого Левшина. Составленъ былъ обзоръ основаній, на которыхъ долженъ быть написанъ рескриптъ; онъ былъ представленъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ Ланскому и государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьеву, которые сдѣлали „свои замѣчанія, указанія, исправленія". 6 ноября 1857 г. была внесена въ секретный комитетъ записка, приводимая Левшинымъ въ его воспоминаніяхъ.

[1]) „Русск. Арх.", 1885 г., № 8, стр. 503—513.

Не излагая ея содержанія полностью [1]), отмѣчу только тѣ пункты ея, которые болѣе или менѣе сходны съ запискою Беклемишева, представленною въ августѣ 1856 г. При уничтоженіи крѣпостного состоянія устанавливается переходный періодъ не болѣе 8—12 лѣтъ (п. 2). Вся земля, кромѣ усадебной, которую крестьяне могутъ пріобрѣтать посредствомъ выкупа [2]), должна быть раздѣлена на господскую и отведенную въ пользованіе крестьянъ. Послѣдняя не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ, но должна оставаться въ постоянномъ, неотъемлемомъ пользованіи крестьянъ за барщину или оброкъ (п. 5—6). Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, а также переселеніе ихъ противъ воли въ другія имѣнія должны быть прекращены (п. 7). „Отправленію барщины или платѣ оброка могутъ подлежать лишь крестьяне, надѣленные землей; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне раздѣляются на хозяевъ и безземельныхъ работниковъ, эти послѣдніе не могутъ быть требуемы на работы иначе, какъ за опредѣленную плату" (п. 8) [3]). Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ „общинное устройство", слѣдуетъ сохранить его, предоставляя каждому семейству право на надѣлъ землею (п. 12). Обращеніе крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ прекратить и вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ постоянному уменьшенію, а впослѣдствіи и къ уничтоженію этого класса людей *посредствомъ обращенія ихъ въ крестьянъ съ надѣломъ землей* [4]), или перечисленія ихъ въ свободныя состоянія за взносъ опредѣленнаго выкупа или за службу въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ (п. 13). Завѣдываніе мірскими дѣлами и мірскую расправу слѣдуетъ предоставлять мірскимъ сходамъ или мірскимъ судамъ подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ (п. 18). Обязанности вотчиной полиціи необходимо предоставить помѣщику (п. 21).

Изъ этого видно, что взгляды Беклемишева на крестьянскій вопросъ, высказанные имъ еще въ августѣ 1856 г., благодаря его участію въ выработкѣ записки, представленной въ

---

[1]) См. тамъ же, стр. 529—532. Ср. „Архивъ Госуд. Совѣта. Журналы секрет. и главн. комитетовъ по крест. дѣлу". Петр. 1915, I, 29—31.

[2]) О выкупѣ усадебной земли Беклемишевъ ничего не говоритъ въ своей запискѣ.

[3]) Левшинъ поясняетъ, что „этотъ пунктъ предложенъ Беклемишевымъ, долго жившимъ въ Курляндіи, которой желали подражать многіе западные помѣщики". Но, очевидно, вліяніе Беклемишева сказалось не въ этомъ только пунктѣ записки.

[4]) Этого послѣдняго Беклемишевъ не предлагалъ.

секретный комитетъ 6 ноября 1857 г., могли имѣть вліяніе на формулированіе основныхъ началъ, изложенныхъ въ этой запискѣ. И послѣ того, какъ записка министра внутреннихъ дѣлъ прошла чрезъ секретный комитетъ и легла въ основаніе рескрипта имп. Александра II Назимову и дополнительнаго къ нему циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, вліяніе идей Беклемишева сохранилось. Правда, изъ указанныхъ выше чертъ записки министра внутреннихъ дѣлъ мы находимъ въ рескриптѣ лишь сохраненіе за крестьянами внѣусадебной земли за работу или оброкъ и предоставленіе помѣщику вотчинной полиціи, но въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ перечислены остальныя, указанныя выше, правила: назначеніе переходного періода не долѣе 12 лѣтъ, отдѣленіе господской земли отъ отведенной крестьянамъ, которая не должна быть присоединяема къ господскимъ полямъ, сохраненіе „общиннаго устройства“ тамъ, гдѣ оно существуетъ, отбываніе работъ или уплата оброка только тѣми крестьянами, которые надѣлены землею, распредѣленіе крестьянъ на сельскія общества, прекращеніе всякаго отчужденія крестьянъ безъ земли, прекращеніе обращенія крестьянъ въ дворовые и принятіе мѣръ для совершеннаго уничтоженія этого класса людей [1]. Левшинъ свидѣтельствуетъ, что тѣми же лицами, т. е. Беклемишевымъ и Лоде, была составлена и другая записка о томъ какъ учредить губернскіе комитеты и центральную комиссію для трехъ сѣверо-западныхъ губерній.

Такимъ образомъ, петрашевцу Беклемишеву, первый проектъ котораго по крестьянскому дѣлу обсуждался еще на вечерахъ Петрашевскаго, удалось оказать правительству весьма существенное содѣйствіе при выработкѣ перваго рѣшительнаго узаконенія по крестьянскому дѣлу. Затѣмъ онъ былъ опять отправленъ въ Митаву, какъ курляндскій вице-губернаторъ.

Въ началѣ января 1857 г. Беклемишевъ получилъ отпускъ, но по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ былъ оставленъ на нѣкоторое время въ Петербургѣ по дѣламъ службы и къ прежней своей должности уже не возвратился, такъ какъ въ ноябрѣ того же года былъ назначенъ исправляющимъ должность могилевскаго гражданскаго губернатора, а въ декабрѣ 1858 г. утвержденъ въ этой должности.

---

[1]) А. Скребицкій. „Крестьянское дѣло въ царств. имп. Александра II“ т. I, стр. I—IX.

При немъ было введено Положеніе 19 февраля, при немъ началось и окончилось польское возстаніе, охватившее и часть Могилевской губерніи, преимущественно уѣзды Горецкій, Рогачевскій и Оршанскій. Въ это время Беклемишевъ былъ единственный гражданскій губернаторъ изъ всѣхъ шести губернаторовъ сѣверо-западнаго края, подчиненныхъ Муравьеву. Служившій въ Могилевской губерніи мировымъ посредникомъ Захарьинъ отзывается о Беклемишевѣ какъ о „честномъ, добромъ и выдающемся по уму человѣкѣ", какъ „объ одномъ изъ честнѣйшихъ и образованнѣйшихъ губернаторовъ въ Россіи". Онъ говорилъ, что и во время возстанія онъ распоряжался „энергически и умѣло", но такъ какъ онъ былъ окруженъ чиновниками-поляками, то всѣ распоряженія его тотчасъ же сообщались въ банды повстанцевъ и, благодаря этому, отряду Жвирждовскаго (То́пора) удалось взять и разграбить уѣздный городъ Горки, при чемъ сгорѣло около 70 домовъ, несмотря на противодѣйствіе всему этому вождя польскаго отряда.

Полонофильскимъ настроеніемъ Беклемишева и его близкими отношеніями съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ Захарьинъ объясняетъ то, что въ Могилевскую губернію не были назначены, такъ называемыя, „повѣрочныя комиссіи", дѣйствовавшія въ трехъ литовскихъ губерніяхъ, въ Минской и въ нѣсколькихъ уѣздахъ Витебской. „Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса и окончательное земельное устройство крестьянъ, говоритъ Захарьинъ, было возложено здѣсь на обыкновенные съѣзды мировыхъ посредниковъ; посредники, каждый въ своемъ участкѣ, дѣлали повѣрку уставныхъ грамотъ, составленныхъ ранѣе польскими мировыми посредниками, и затѣмъ обращали эти грамоты въ выкупные акты. Такимъ образомъ, какъ назначеніе служащихъ лицъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, такъ и самое дѣло это было непосредственно подчинено здѣсь губернатору — не то, что въ повѣрочныхъ комиссіяхъ, имѣвшихъ въ своемъ составѣ особыхъ членовъ отъ министерства финансовъ и очень мало зависѣвшихъ отъ начальниковъ губерній".

Захарьинъ утверждаетъ также, что распространеніе на Могилевскую губернію указа 1 марта 1863 г. объ обязательномъ выкупѣ было принято здѣсь вопреки желанію Беклемишева, съ которымъ соглашался въ то время и министръ внутреннихъ дѣлъ. По словамъ Захарьина, „обязательный

выкупъ крестьянскихъ земель въ этой губерніи совершился лишь по инціативѣ и настоянію генералъ-губернатора Муравьева, и только благодаря ему крестьяне несчастной Могилевской губерніи освободились тогда же отъ обязательныхъ отношеній къ своимъ панамъ". Захарьинъ объясняетъ это тѣмъ, что Беклемишевъ настолько подчинился вліянію окружавшей его польской среды, что его „миролюбивые и оптимистическіе взгляды на польскій вопросъ" не были поколеблены даже открытымъ возстаніемъ. Такъ говоритъ Захарьинъ, напечатавшій первоначально свои воспоминанія въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1884 г., что еще болѣе подчеркиваетъ „полонофобское направленіе" его записокъ[1]), но не подрываетъ вѣры въ то, что ихъ авторъ желалъ работать на пользу крестьянъ. Однако, тотъ же Захарьинъ признаетъ, что Беклемишевъ „любилъ крестьянъ и желалъ имъ добра" и своимъ личнымъ вмѣшательствомъ устранялъ препятствія, создаваемыя для дѣйствій мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ со стороны губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ въ 1865 г. преобладали польскія вліянія. Въ началѣ 1866 г., вслѣдствіе назначенія членомъ могилевскаго присутствія подполковника С. И. Носовича, дѣла, по словамъ Захарьина, „пошли лучше", и вліяніе польскихъ помѣщиковъ ослабѣло.

Однако, Носовичъ въ неизданной части своего дневника[2]) (1 мая 1866 г.) говоритъ: „Занимаясь 3 мѣсяца крестьянскимъ дѣломъ цѣлой губерніи, — чѣмъ болѣе я изучаю усвоенное здѣсь направленіе, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждаюсь, что дѣло это преимущественно терпитъ отъ выбора лицъ, составляющихъ здѣшній мировой институтъ. Выборъ лицъ много зависитъ отъ преобладанія фаворитизма, вслѣдствіе чего здѣсь не выработалась столь необходимая прочность, а также самостоятельность взгляда и убѣжденій въ самихъ мѣстныхъ дѣятеляхъ, которые здѣсь стремятся только къ тому, какъ бы оправдать сдѣланный имъ (sic) выборъ, т. е. удовлетворить, по наружности, взгляду на дѣло лица, ихъ выбравшаго. Словомъ, тутъ служатъ не дѣлу, а лицу губернатора, къ которому всѣ обращаются и который, собственно, и есть руководящая сила. Но такъ какъ такое громадное дѣло нельзя вести единолично, не впадая въ частыя

---

[1]) См. отдѣльное ихъ изданіе въ книгѣ: И. Н. Захарьинъ (Якунинъ) „Тѣни прошлаго". Спб., 1885 г.

[2]) Рукопись моей библіотеки.

ошибки, съ другой стороны, такъ какъ Александръ Петровичъ (Беклемишевъ) при всемъ просвѣщенномъ и благонамѣренномъ взглядѣ своемъ на вопросъ, стоитъ, косвеннымъ образомъ, не внѣ постороннихъ вліяній, вовсе не сочувствующимъ крестьянскому дѣлу, то выходитъ, что въ здѣшней губерніи многое приняло совершенно неправильное направленіе, вовсе не въ пользу прочнаго улучшенія быта крестьянъ [1]). Кромѣ того, такъ какъ большинство мѣстныхъ дѣятелей — туземцы-помѣщики, взятые не изъ той среды дворянъ, которые по своему образованію и независимому положенію стоятъ въ уровень съ призваніемъ мирового института, и такъ какъ многіе изъ пришлыхъ дѣятелей (чиновниковъ) подпали подъ туземное вліяніе панской партіи, то выходитъ, что самое хорошее направленіе руководителя всего дѣла часто искажается, а онъ не можетъ знать, съ должною подробностью, насколько не выполняется самый его взглядъ".

Изъ этого видно, какъ многое въ недостаткахъ веденія крестьянскаго дѣла въ Могилевской губерніи слѣдуетъ отнести не къ винѣ Беклемишева, а обусловливается поведеніемъ наѣзжихъ русскихъ чиновниковъ-дворянъ, для которыхъ интересы помѣщиковъ-поляковъ могли быть ближе интересовъ крестьянъ.

„Понятна послѣ этого, говоритъ Носовичъ, очевидно, о себѣ, вся трудность задачи человѣка, имѣющаго самостоятельный взглядъ на крестьянскій вопросъ, стоящаго внѣ вліяній непотизма, понимающаго неправильность направленія дѣла и желающаго вывести его на добрый путь. Удастся ли все это выполнить, неизвѣстно; вѣрно только то, что невыносимо тяжело жить и дѣйствовать въ подобной средѣ и бороться постоянно; хорошо еще, если будетъ успѣхъ".

Обстоятельства помѣшали продолженію дѣятельности автора только что цитированныхъ записокъ: по словамъ Захарьина-Якунина, „свѣтлая и энергичная личность Носовича оказалась одинокимъ воиномъ въ полѣ", — и его, въ концѣ

[1]) Дѣйствительно, слѣдуетъ замѣтить, что въ то время какъ въ нѣкоторыхъ другихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ количество крестьянской земли послѣ крестьянской реформы значительно возросло (въ Виленской губ. на 42,4%, въ Ковенской на 44,9%, въ Гродненской даже на 53,7%), въ Могилевской оно осталось почти неизмѣннымъ. Впрочемъ, и въ Витебской увеличеніе было только на 3,7%, въ Минской же на 18,3%. „Великая реформа" подъ ред. А. К. Дживилегова и С. П. Мельгунова, т. VI, стр. 92—93 (статья В. И. Анисимова „Надѣлы").

того же 1866 г., по доносу жандармскаго полковника Коцебу, уволили отъ должности, заподозривъ въ соцiализмѣ.

А въ маѣ 1868 г. былъ уволенъ отъ должности губернатора (хотя и по прошенiю) и Беклемишевъ съ причисленiемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. При этомъ онъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ могилевскаго городского общества, — слѣдовательно, пользовался расположенiемъ мѣстныхъ жителей. Въ декабрѣ 1870 г. Беклемишевъ былъ сдѣланъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Умеръ онъ 1 августа 1877 г. „До конца жизни", по словамъ Захарьина-Якунина, Беклемишевъ оставался „идеалистомъ въ лучшемъ значенiи этого слова, съ безконечною и всегдашнею вѣрою въ людей, въ силу Россiи и ея будущее..., ничего не оставивъ своей большой семьѣ" [1]).

В. Семевскiй.

[1]) У Беклемишева было два сына и двѣ дочери.

ВЪ ДАЧНОМЪ ПОѢЗДѢ.

Ѣду я дорогою недальней...
По краямъ отцвѣтшія поля...
Нѣтъ вокругъ прозрачности зеркальной,
Плачутъ лѣсъ и сонная земля.

И глядятъ въ заплаканныя окна
Золотисто блеклые кусты...
На душѣ — туманныя волокна,
На душѣ — осенніе цвѣты.

Небеса и горестны, и новы.
Кажется далекимъ краткій путь...
Мнѣ слышны таинственные зовы,
И на сердцѣ тихо зрѣетъ жуть.

Были ярки грезы королевы...
Жизнь, какъ поѣздъ, мчится... Погоди!..
О, мои надежды, гдѣ вы, гдѣ вы?..
Васъ ли я не грѣла на груди?...

Зинаида Ц.

ЧУЖОЙ БЕРЕГЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Парохода ждали на пристани вечеромъ, ходили взадъ и впередъ, томились. Онъ гдѣ-то замѣшкался, затерся. Съ рѣки задымила сырость, потянуло холодкомъ, кое-кто сталъ сморкаться и кашлять. Степины родители пожались, посмотрѣли на толпу мужиковъ да бабъ и рѣшили вернуться домой. За часъ ожиданія успѣли и помолчать и поговорить, т. е. больше молчали, а говорили о томъ, что дѣлаетъ дома котъ Бѣлый. Богъ знаетъ, когда прибѣжитъ пароходъ, и не мерзнуть же старикамъ тутъ на пристани.

— Ну, Степанъ, — сказалъ первымъ отецъ, — ждать намъ больше нечего; съ пристани на пароходъ не на рукахъ тебя нести — и самъ пройдешь. Намъ, старикамъ, пора и на боковую. Ужъ стало поздно, да, признаться, на рѣкѣ точно на ледникѣ.

Степина мать всплакнула и потерла платкомъ глаза. Степа взглянулъ на нее, сдвинулъ брови.

— Прощайте, — проговорилъ онъ, — придется еще не разъ не два пождать мнѣ на берегахъ. Я не люблю, когда надо мной дежурятъ да плачутъ, какъ надъ покойникомъ.

Послѣ объятій, вздоховъ и крестныхъ знаменій они разстались. Степѣ удалось пристроиться на чей-то узелъ. Степа и не взглянулъ, какъ родители сошли на берегъ и вечеръ спряталъ ихъ подъ занавѣску темноты. Насмотрѣлись другъ на друга, теперь конецъ. Дремота подкралась къ Степѣ сзади и точно флеромъ затянула ему глаза. Проснулся онъ отъ толчка въ бокъ и призыва:

— Поднимайся, тетеря, пароходъ подваливаетъ.

Гдѣ-то заплакалъ ребенокъ, женскій голосъ прикрикнулъ на него: „Ну, не плачь ты, комуха“, толпа загудѣла, зашевелилась, понесла узлы, приподняла Степу и опустила его внизъ, въ яму на подмостки, втянула въ тѣснину между

каютами, кольцами канатовъ и тѣлами спящихъ. Степу подхватило, какъ щепку ручейкомъ, онъ перестал чувствовать подъ ногами почву и оглядывался въ поискахъ, чтобы куда-нибудь присѣсть. Ноги у него поламывало не то отъ холода, не то отъ желѣза подъ ними, не то отъ ожиданія, когда двинется пароходъ. Ѣхать на пароходѣ Степѣ приходилось впервые въ жизни, но онъ зналъ, гдѣ его сердцевина, перенесъ свой ящичекъ и узелокъ къ машинному люку и рѣшилъ ждать, когда зашевелится машина и застучитъ въ тепломъ нутрѣ парохода. Машина блестѣла сталью своихъ кулаковъ. Эти кулаки, свѣтъ электрической лампочки, масленщикъ, какъ жукъ, ползающій среди цилиндровъ и валовъ, шипѣніе пара въ трубахъ, вздохи двигателя создавали обстановку, отъ которой Степа не могъ оторваться. Послѣ родного домика, комнатокъ съ потолками, которые можно достать ладонью, оконецъ, гераній, кота Бѣлаго на лежанкѣ, пароходъ, сверканіе машины подъ масломъ, суетня матросовъ, далеко отходили отъ обыденщины, заставляли Степу впитывать новыя впечатлѣнія. Были и непріятности. Прохожіе затирали Степу, надо было смотрѣть за своимъ сундучкомъ и подушкой и беречь свои пальцы на ногахъ, но терпѣть, такъ ужъ терпѣть до конца. Не мало прошло времени, когда надъ головой во всю свою мѣдную глотку заоралъ свистокъ, первый, второй и третій, и, наконецъ, не то къ ужасу, не то къ наслажденію Степы въ машинѣ прямо на него потянулся изъ кадушки одинъ изъ кулаковъ. Полъ дрогнулъ. Степа схватился рукой за бортикъ. Вотъ они стальные кулаки. Они оторвали его отъ берега и въ темнотѣ ночи понесли вдаль. Что она дастъ, гдѣ она кончится? Вотъ вопросы... Пароходъ потерся бокомъ о пристань и отошелъ.

Цилиндры въ ямѣ вдругъ закланялись другъ другу, выдвигая свои руки. Снаружи надъ водой затрепетали колеса, точно крылья, несущія пароходъ въ ночной тучѣ. Въ машинѣ поднялась толчея, какъ будто всѣ ея стержни перепутались, куда-то торопятся, обгоняютъ друга друга. Эта борьба стальныхъ и мѣдныхъ кругляковъ и вздрагиваніе всего парохода начинаютъ дѣйствовать на Степу — въ головѣ сумбуръ, хочется спать, а на пароходѣ всѣ уголки забиты тѣлами спящихъ, вездѣ торчатъ колѣни, локти, мѣстами бороды, но узлы и тряпки повсюду.

Степинъ билетъ третьяго класса давалъ мало правъ. Тепло и свѣтъ, лившіеся изъ рубки перваго класса, существовали

не для Степы. Предстояла задача пробраться мимо кухни и ея запаховъ на корму парохода, подъ тентъ, гдѣ спали третьеклассные пассажиры на нарахъ, отыскать хоть какую-нибудь скамейку или полку. Но найти мѣсто въ темнотѣ среди груды тѣлъ, узловъ и тряпья оказалось для Степы не по силамъ и не по возрасту. Онъ спросилъ широкоплечаго матроса:

— Мѣстечко бы мнѣ? Соснуть хочется.

— А вонъ ложись на ящикъ, — воскликнулъ матросъ и подтолкнулъ Степу за плечо къ ящику около стѣны при каютѣ.

Электрическія лампочки у потолка краснѣли и вспыхивали, точно стыдились своего убогаго свѣта. А мракъ на желѣзномъ полу не замѣчалъ ихъ, мѣстами чернѣлъ, какъ яма безъ дна и стѣнокъ. Ящикъ ютился въ сторонѣ въ тѣни. Никому въ голову не пришло воспользоваться имъ, какъ кроватью. Судьба покровительствовала одному Степѣ. Онъ украсилъ ящикъ своей подушкой, сюда же поставилъ сундучекъ, разостлалъ одѣяло. Отъ удачи у него и сонъ прошелъ, и Степа пробрался къ борту еще разъ взглянуть на рѣку.

Ночь накинула пологъ на берега и рѣку, само небо скрывалось подъ нимъ, точно боясь простудиться. Накрапывалъ дождикъ, отъ всего шелъ запахъ росы, воды, испареній. Мѣстами, какъ глазъ волка, мигалъ огонекъ въ деревушкѣ. Вода подъ колесами кипѣла, бурлила, жаловалась ночи. Пароходъ рѣжетъ ея воды. Не нравится ей бѣгъ этого выскочки, вода разступается передъ нимъ, и рѣка бурлитъ, дуется, брыжжетъ и плещетъ въ темнотѣ. Степа легъ грудью на бортъ парохода. Вздрагиванія и толчки исходили изъ нѣдръ, отъ машины, пароходъ не то гудѣлъ, не то встряхивался, точно его сила рвалась вонъ, наружу. Степа смотрѣлъ въ бархатные глаза ночи.

— Что это сонъ или явь? — спрашивалъ онъ. — Гдѣ бродитъ душа, ничего не узнаешь.

А спать хочется до смерти, голова идетъ кругомъ, сундукъ кажется раемъ. Еле ноги донесли Степу къ сундуку. Еще разъ подправлено одѣяло, пристроена подушка, и молодая голова, казалось, сразу должна была броситься въ пропасть сна.

Но вздрагиванія передавались на сундукъ. Степа не спалъ, а дремалъ съ перерывами. Все тряслось подъ нимъ,

будто валъ машины и ея стальные кулаки ворочались не подъ поломъ, а въ серединѣ сундука. Уснуть какъ слѣдуетъ не удавалось. Картины вечера, рѣки, будущаго, мысли роемъ проносились въ головѣ, и надъ ними господствовало постукиваніе, и въ сундукѣ, и подъ поломъ, и во всемъ пароходѣ.

Съ полуночи Степа и не замѣтилъ, какъ къ нему въ ноги подсѣла женщина, окутанная шалью, съ ребенкомъ около груди.

— Чей ты мальчикъ, какъ тебя звать-то? — спросила она, и глаза ея, огромные въ темнотѣ, всматривались въ Степу.

— Моя фамилія Семичовъ, Степанъ, ѣду въ Россію, учиться.

— Дома-то, на вашей сторонѣ, развѣ нѣтъ училища?

— Такихъ, какое мнѣ требуется, нѣтъ.

— А ты не подвинешься, ребенка бы мнѣ положить. Всѣ руки мнѣ оттянуло, болѣть стали.

Степа подвинулся. Женщина вынула изъ-подъ шали свертокъ съ ребенкомъ, тотъ зашевелился и чихнулъ, точно струна въ немъ зазвенѣла. Запахло комнатой, молокомъ, творогомъ.

— Еще, еще подвинься. Я тебя на пристани видѣла. Ты на моемъ же узлѣ сидѣлъ, дремалъ, небось отдохнуть успѣлъ, — говорила женщина. — Я тебя не трогала, помогла, пожалѣла, теперь и ты меня пожалѣй.

Степа припомнилъ женщину — лучи ея глазъ наблюдали на пристани за его родителями въ минуту прощанья, когда отецъ поднимался, мать плакала и все же отъ разставанья тянуло холодкомъ.

— Пожалуй, прилягте сами, отдохните, а я по пароходу похожу, — согласился Степа.

Женщина засмѣялась:

— У тебя ножки молоденькія, ходить-то ими веселѣе, чѣмъ лежать. Да и ребенка на рукахъ нѣтъ, — прибавила она.

Степу притягивали машина и ея люкъ. Кулаки въ ямѣ безъ устали поднимались съ ожесточеніемъ и замирали. Ничего страшнаго не происходило, и они снова проваливались въ яму, точно испытывали разочарованіе, накапливали силу и снова поднимались съ угрозой. Въ глазахъ начинало рябить отъ блеска стали, но Степа смотрѣлъ въ яму со стержнями, какъ на сцену въ театрѣ, точно происходило пред-

ставленіе не съ живыми, а со стальными персонажами. Однако изъ-за кулисъ появилось и нѣчто живое — это былъ масленщикъ, подмазывавшій машину на ходу. Долго Степа смотрѣлъ, какъ носокъ масленки то тутъ, то тамъ поднималъ мѣдныя крышки и масло сверкало подъ огнемъ лампочки. Масленщикъ кончилъ работу. Степа побрелъ къ сундуку, взглянуть спитъ ли женщина. Къ удивленію своему онъ засталъ сундукъ опустѣвшимъ, а около него на полу свой ящичекъ, подушку и одѣяло. Степа вознамѣрился было устроиться попрежнему, но изъ-за угла вышелъ матросъ, незнакомый, съ повязкой изъ марли на шеѣ, и запретилъ:

— Здѣсь нельзя спать. Въ сундукѣ стоитъ гробъ съ покойникомъ, а вы койку налаживаете. Нельзя. Капитанъ не велитъ. Помощникъ капитана проходилъ мимо, увидѣлъ какую-то бабу съ ребенкомъ, приказалъ согнать. Не велѣно на гробахъ ночевать.

Степа покосился на сундукъ — онъ былъ громаденъ, прочной работы, на каждомъ концѣ висѣло по двѣ желѣзныхъ скобы. Но почему нельзя лечь на его просторной крышкѣ, когда глаза слипаются, голова, какъ камень, и такъ хочется спать, Степа не могъ уяснить себѣ и пошелъ снова бродить по пароходу.

Родители снарядили его въ дорогу въ обрѣзъ. На Степѣ висѣло драповое пальтецо, перелицованное изъ стараго салопа, оно ужъ успѣло позеленѣть отъ дождей, невзгодъ, моль поработала надъ нимъ. Грѣть сколько-нибудь оно отказывалось. Холмы же и кусты задымились туманомъ. Отъ рѣки полѣзъ кверху крѣпкій холодъ. Степа зябкой тѣнью бродилъ по пароходу, натыкался на кольца канатовъ, на тѣла мужиковъ, на выступы трюмныхъ люковъ и, чтобы согрѣться, пряталъ ладони въ рукава.

Иногда онъ присаживался куда-нибудь въ уголокъ подремать, и въ головѣ у него проходили картины, далекія отъ этого затоптаннаго парохода, его лихорадки и вздрагиваній. Вспомнишь о домикѣ со ставнями, полами подъ воскомъ, гроздьями гераней и трелью канарейки. Въ эту ночь на чужой сторонѣ всѣхъ ихъ жалко: и рябины передъ окномъ, коня „Сѣраго“, кота „Бѣлаго“, голубей, товарищей. Жилось сытно, игралось весело: въ арестанты, городки и чехарду. А теперь что: темнѣетъ и переливается гладь рѣки, да на горизонтѣ неровными пятнами плывутъ мимо кусты, бездомные, печальные, мокрые отъ тумана.

Пароходъ шлепалъ колесами по водѣ. Ритмической стукотней работа ихъ отзывалась чуть не въ каждомъ Степиномъ суставчикѣ. Это жужжаніе колесъ, какъ на мельницѣ, среди кустовъ и сырости наводило скуку и совсѣмъ не отвѣчало мечтаніямъ Степы. Онъ ожидалъ отъ поѣздки солнца, свѣта, феерій. Путешестіе на пароходѣ представлялось ему съ точки зрѣнія увеселительной прогулки лѣтомъ при оркестрѣ и толпѣ нарядныхъ пассажировъ. Самъ онъ въ такой прогулкѣ не участвовалъ, но вмѣстѣ съ товарищами однажды провожалъ съ пристани расцвѣченный флагами пароходъ и плакалъ отъ зависти къ счастливцамъ, усѣявшимъ его палубу. То была мечта. А теперь Степа переживалъ дѣйствительность. Въ пальтишкѣ, гдѣ можно было сосчитать каждую нитку, онъ ходилъ и хватался за перила, сидѣлъ на жесткихъ пластинкахъ дивана, въ двухъ шагахъ отъ кухни и третьеклассныхъ пассажировъ - мучениковъ, валяющихся повсемѣстно, забывшихся въ полуснѣ и полузабытьи.

День развертывался надъ рѣкой и показывалъ свое блѣдное лицо. Кучи облаковъ, вѣтеръ, безлюдье, кусты, вода въ этой пустынѣ щемили сердце. Надъ кустами валилъ дымъ не то изъ трубы не то отъ пожара. Песчаная коса врѣзывалась въ воду. Къ берегу спускался чей - то огородъ. Воткнуты колья. Въ воду смотрятъ мостки — на нихъ ведра съ коромысломъ. Въ зеркалѣ водъ сверкнулъ кусокъ блѣднаго мѣсяца. По пароходу пошли слухи. Говорили, будто рѣка обманетъ всю публику, пароходъ остановится на полдорогѣ и высадитъ всѣхъ въ I. Кому ѣхать въ Россію до желѣзнодорожной станціи въ Т. останется полтораста верстъ, изволь ихъ преодолѣть на лошадяхъ, пѣшкомъ или какъ знаешь. Степа началъ думать о грядущемъ банкротствѣ. Денегъ ему дали въ обрѣзъ добраться до П. при счастливыхъ обстоятельствахъ, покупая пароходные и желѣзнодорожные билеты. Лошади не предвидѣлись разсчетами, и передъ Степой развернулась перспектива: осмотрѣвъ татарскую деревушку, вернуться вспять въ свой богоспаемый Т.

Чего только не ожидалъ отъ рѣки Степа и береговъ въ тридцать сажень крутизны, и камней, и лѣсовъ, и лосей, переплывающихъ рѣку. Пока же только кусты на обоихъ берегахъ, смотрѣвшіе прямо въ воду, навѣвали скуку, и отъ нихъ начинало тошнить. За цѣлое утро пароходъ лишь

однажды привалилъ къ берегу набрать дровъ. Берегъ показался сначала пустыннымъ. Надъ глинистымъ обрывомъ вился бордюръ изъ травы. Однако изъ-за кустовъ и изъ ложбинки вынырнули татары. Ихъ аракчины и рубахи съ длинными рукавами замелькали около дровъ и сходенъ, сброшенныхъ съ парохода прямо на глину. Пассажиры изъ первоклассныхъ, которымъ наскучило сидѣть или лежать въ каютахъ, высыпали на палубу, и Степа разглядѣлъ среди нихъ тощую фигуру архитектора Козловскаго. Архитектора знали всѣ въ городѣ въ особенности гимназисты — онъ былъ отцомъ очень миловидной барышни, въ которую были влюблены старшіе классы мужской гимназіи. Отъ фигуры Козловскаго и его фуражки на Степу повѣяло родными мѣстами. На берегу пощелкивали полѣнья. Татары не спѣшили. На пароходѣ тоже соблюдалась медлительность. Даже, когда татары прикончили съ дровами и разсѣлись на берегу курить трубочки, пароходъ не двигался. Будто онъ поджидалъ пріѣзда какого-нибудь пассажира изъ знатныхъ, не то исправника, не то губернатора, котораго нужно принять на бортъ съ почестями. Никто, однако, не подъѣхалъ, и пароходъ, посвиставъ, зашлепалъ колесами, и въ его бульканьи по водѣ послышалось разочарованіе. Потянулись берега съ прутьями шелюги, росшими прямо изъ воды, какъ ѳсока. Степѣ наскучило бродить среди узловъ, онъ набрался смѣлости и приблизился къ чистой публикѣ, къ рубкѣ перваго класса. Зеркальныя окна предоставляли каждому смотрѣть сколько угодно. Степа надѣялся увидѣть вмѣстѣ съ Козловскимъ и его дочку, но въ рубкѣ сидѣли рыбопромышленники и рѣзались въ карты. Поднимались пухлыя руки съ кольцами, а карты, какъ видно, ложились на столъ съ извѣстнымъ каждому плотнымъ трескомъ. Около рубки лѣсенка вела на верхнюю палубу. Днемъ солнце смягчилось, подобрѣло, прибавило лучей, и палуба украсилась даже дамами въ газовыхъ шарфахъ. Степа подошелъ къ штурвальнымъ двумъ рябымъ матросамъ. Губы у нихъ были сжаты, глаза смотрѣли строго, а колесо вертѣлось въ рукахъ и вело пароходъ по плесу рѣки. Барышни Козловской Степа нигдѣ не видѣлъ.

Въ I. пароходъ привалилъ днемъ въ обѣденное время прямо къ берегу. Слухи оправдались. Всѣхъ пассажировъ выдворили на берегъ. Пусть они дѣлаютъ, что желаютъ. Дальше пароходъ идти не рѣшался по причинѣ мелководья.

Препятствовали какіе-то пустяки — одинъ-два переката. Во время дождей пароходъ проходилъ, а въ погожее время нѣтъ. Степа поднялъ свой сундучекъ и подушку, перевязанную бичевкой, и выбрался на берегъ слѣдомъ за другими. Это самое I. въ пароходномъ расписаніи названо пристанью, а ничего похожаго на пристань никто не видѣлъ. Только избы деревушки чернѣли издали въ кустахъ, какъ грибы въ травѣ, да позвякивали колокольчики ямщиковъ, ожидавшихъ парохода. Впервые Степа вступилъ ногой на чужую почву и до слезъ остро почувствовалъ себя одинокимъ, покинутымъ и несчастнымъ. Берегъ всталъ передъ нимъ препятствіемъ для будущаго, и мелькнула въ головѣ мысль: да не взять ли обратный билетъ. Но пассажиры сзади нажимали на людской потокъ, выталкивали его на берегъ, оставалось исполнять велѣнія минуты.

На берегу какой-то паренекъ среди пассажировъ кричалъ, хрипѣлъ отъ злости и бранился по адресу пароходовладѣльцевъ. Сѣдой благообразный господинъ сталъ съ нимъ спорить, появился откуда-то билетикъ изъ картона — оказалось и билеты были выданы не до Т., куда почти всѣ стремились, а до этой пустыни въ I.

Надъ сходнями заколыхался сундукъ — около десятка матросовъ вытащили его на плечахъ. Путь для него, очевидно, былъ приготовленъ заблаговременно. Тройка лошадей стояла на берегу, позвякивали бубенчиками, лошади кивали головами, готовились принять печальный грузъ. Сундукъ шевелился, какъ живой, когда его взваливали на телѣгу, и привлекалъ вниманіе. Кучка женщинъ обступила его. Степа увидѣлъ знакомый сундукъ, но боялся за свои вещи и не отходилъ отъ нихъ. Когда ящикъ легъ, наконецъ, на мѣсто къ телѣгѣ приблизился Козловскій съ дамой. Очевидно, онъ былъ хозяиномъ сундука. Вдругъ передъ Степой всталъ образъ дочери Козловскаго, какой онъ видѣлъ ее на балу въ гимназіи съ локонами и щечками. Она танцовала, прихлопывала въ ладоши, а глаза у нея искрились и блестѣли, какъ двѣ вишни. Но у жены Козловскаго была еще мать, и кто лежалъ этомъ сундукѣ бабушка или внучка — неизвѣстно.

Матросы и ямщики въ чапанахъ ходили вокругъ сундука, опутывали и перетягивали его веревками. Архитекторъ съ дамой и сундукомъ заняли двѣ тройки. Онѣ тихо прошли мимо Степы, колокольчики и бубенчики заливались подъ ду-

гами, и Степа замѣтилъ на щекахъ спутницы Козловскаго потоки слезъ. Дама взглянула въ сторону Степы. Она была удивлена видомъ мальчика лѣтъ тринадцати съ острымъ носикомъ, сидящаго одиноко на сундучкѣ на берегу. Можетъ быть, ее поразилъ печальный обликъ мальчика, потому что она нѣсколько разъ оглянулась. Поплыло облако пыли, и тройки исчезли въ немъ.

Пассажиры разбрелись по берегу, на немъ запестрѣли армяки рубахи, а шляпа Степы желтѣла, какъ подсолнечникъ.

„Что теперь дѣлать, — шевелилось у Степы въ головѣ, — ѣхать дальше или возвращаться на томъ же пароходѣ въ свой городъ".

Такое малодушіе, впрочемъ, не могло сулить ему радостей — Степа видѣлъ передъ собою глаза отца со льдинками, улыбку матери, а въ ней не то укоръ не то сожалѣніе. Чувствовались, точно шипѣніе змѣй, усмѣшечки знакомыхъ и прямое издѣвательство товарищей. Стремиться впередъ, пробивать путь грудью, идти хотя пѣшкомъ, вотъ что слѣдовало дѣлать. Но сундучекъ, подушка, горизонтъ съ его далью и разстояніями и задерживали Степу мелочностью и угнетали величіемъ, онъ сидѣлъ на берегу, озирался, тоска сжимала сердце, и хотѣлось плакать. Къ счастью, многіе пассажиры раздѣлями его судьбу. На берегу раскинулся таборъ, и пришли изъ деревни торговки съ корчагами и туесами. Степа купилъ ватрушекъ изъ картофеля и выпилъ кружку горячаго до злости сбитня, бурлившаго въ самоварѣ.

Степа согрѣлся и забылъ о своихъ печаляхъ. Берегъ теперь потерялъ для него черныя краски. Пароходъ все еще держался около берега, постукивали полѣнья. Труба бѣлѣла, и изъ нея струился дымокъ. Корпусъ парохода, его каюты, стекла, тентъ,—среди ивняка и глины,—кидались въ глаза, какъ дворецъ среди пустыни, травы, избушекъ и неба съ кучами и завитками облаковъ, которыя были разбросаны по небу, какъ комья хлопчатой бумаги. Въ придорожной пыли купался воробей, а хвостъ торчалъ у него палочкой. Мало провелъ времени Степа на пароходѣ, но успѣлъ привыкнуть и къ палубѣ съ диваномъ, и къ стуку колесъ, къ теплу, которымъ дышала яма съ машиной, а главное — къ укладу жизни. Не чувствовалось никакихъ заботъ, никакой поспѣшности, все несъ на себѣ пароходъ, а его пассажиры

до безчувствія были сдавлены стѣнками палубы и не помышляли ни о какой свободѣ, какъ птицы въ клѣткѣ — все было для нихъ готово, и будущее не существовало. Совсѣмъ другое, когда пассажировъ выпустили на берегъ, и они оказались на свободѣ — пришлось подумать. По двое и по трое сообща они стали нанимать ямщиковъ. Степа увидѣлъ среди нихъ и знакомую женщину съ ребенкомъ. Она подошла и сказала:

— Не убивайся, Степанъ Семичовъ, подумали и о тебѣ добрые люди, я походила по берегу, поспрашивала кой кого, есть тутъ и для тебя компанія изъ хорошихъ господъ. Такое тебѣ счастье, можетъ, и даромъ проѣдешь и платить не надо, — наклонилась она надъ нимъ и прошептала чуть слышно.

Слова женщины воскресили Степу — что же теперь слезами давиться, когда счастье въ руки идетъ. Степа подбодрился:

— Благодарю васъ, только обо мнѣ маленькая забота, я одинъ, а вы вотъ съ ребеночкомъ. Какъ вамъ-то сидѣть на берегу.

— А за мной мужъ пріѣдетъ. Онъ у меня псаломщикомъ, верстъ сорокъ отсюда. Своя лошадь есть. Мнѣ спокойно, я здѣсь, какъ у себя дома, а за тобой, вонъ видишь, идутъ по берегу два господина. Ты съ ними и поѣзжай.

Два господина приблизились къ женщинѣ и Степѣ:

— Про этого хлопчика вы говорили? Да онъ совсѣмъ младенецъ. Мы и спорить не будемъ, возьмемъ его, — сказалъ одинъ изъ нихъ въ пылевикѣ съ капошономъ изъ холста, съ костяными пуговицами. — Сколько же тебѣ лѣтъ? — спросилъ онъ у Степы.

Узнавъ, что Степѣ 13 лѣтъ, онъ хлопнулъ себя ладонями по бедрамъ:

— Батюшки мои, да тебѣ еще соску въ губахъ держать надо, а не путешествовать поперекъ Россіи. Ты знаешь, что такое Россія?.. Океанъ,—въ ней и утонуть можно, захлебнуться! — воскликнулъ онъ.

Степа нахмурился, глазами и носикомъ онъ уставился въ землю.

— Я не младенецъ, — сказалъ онъ, — а мальчикъ. Въ Америкѣ такіе мальчики хлѣбъ зарабатываютъ. Эдиссонъ въ мои годы газету печаталъ.

— Э, да въ мальцѣ живчикъ сидитъ. Мозги въ головѣ

пляшутъ. Садись съ нами, поѣзжай, Эдиссонъ. Мы тебя выучимъ доброму, хотя бы вино пить, — пообѣщалъ второй господинъ, съ характерной окраской носа, говорившей о тяготѣніи ка спиртному.

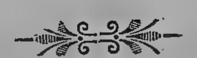
— Гдѣ еще вино? — воскликнулъ господинъ съ капюшономъ, — до него тридцать верстъ скакать. Будемъ говорить ближе къ дѣлу. Давай, хлопче, твои багажи да пойдемъ въ тарантасъ, — и оба господина завладѣли Степиными пожитками, а самъ онъ поплелся за попутчиками. Онъ не успѣлъ даже поблагодарить псаломщицу, проститься съ ней. А хорошо бы узнать адресъ благодѣтельницы и написать ей какое-нибудь трогательное посланіе.

На берегу, около кустовъ, ихъ ожидала пара лошадей, помахивающихъ головами и хвостами. Одна изъ нихъ, бурая, смотрѣла на клочокъ сѣна на задкѣ чьей-то телѣги съ пріятностью, чолка у нея была на бокъ, и глаза добрые. Тарантасъ былъ безъ рессоръ, на орясинахъ. Багажъ уложили и перевязали по всѣмъ направленіямъ, будто ѣхать предстояло почти въ Австралію. Степины спутники поспорили, кому первому заносить ногу въ тарантасъ. Господинъ съ краснымъ носомъ уступилъ, онъ сѣлъ первымъ, за нимъ взобрался господинъ съ капюшономъ и рукой подхватилъ Степу. Его усадили въ середину, и сразу почувствовалось, что первый господинъ мягокъ, точно изъ дутой резины сдѣланъ, а второй господинъ въ капюшонѣ твердый и состоялъ весь изъ костей.

Лошади взяли, и Степу закачало. Берега, кусты, деревья, изгороди изъ палокъ затанцовали передъ глазами. Степа пристроился къ мягкому попутчику и по возможности задремалъ, но любой камешекъ, щепка, ямка на дорогѣ встряхивали и будили его. Глаза открывались, и передъ ними шли другъ за другомъ кусты, и небо съ кучами облаковъ, и его бездонные просвѣты изъ лазури. Дулъ южакъ, березки рябили своими листочками. Въ ушахъ стоялъ грохотъ колесъ, трель колокольчика. Говорить нельзя было: подбрасывало такъ, что и языкъ откусишь. И кучеръ и пассажиры задумались, только лошади отколачивали тактъ восемью ногами на клубахъ пыли по дорогѣ, мимо кустовъ и изгородей. Ѣхать на лошадяхъ всерьезъ Степѣ приходилось тоже впервые. Казалось, будто подвергали его хотя и не мучительной, но зато непрерывной пыткѣ. Голова налилась и отяжелѣла, а шея была точно надорвана и держалась на

одной ниткѣ. Лошади трусили рысью, мѣстами перебивались въ шагъ, но впечатлѣніе тряски выматывало и выколачивало всю душу. Шагомъ кони шли только по самой отчаянной дорогѣ изъ кочекъ и выбоинъ. Путниковъ перекидывало другъ на друга, а Степа пропадалъ между ними, какъ мышенокъ. Только однажды его охватило неизъяснимое наслажденіе покоя, и показалось, будто его посадили въ теплую ванну. Отъ изумленія онъ открылъ глаза. Лошади стояли. Впереди чернѣли экипажи Козловскаго. Что-то приключилось съ сундукомъ, и оба ямщика бѣгали вокругъ, размахивали кнутами. Не то ось лопнула, не то веревки развязались. Супруга Козловскаго сидѣла блѣдная, безучастная, губы у нея были сомкнуты, по лицу пошли морщинки, запудренныя пылью. Пришлось обойти экипажи Козловскаго, и снова пара лошадей загремѣла подковами по дорогѣ, а колокольчикъ... Колокольчикъ запѣлъ свою пѣсню, скучную, однотонную, будто вся жизнь въ ней отражалась.

Р. О. Дигановъ.

ПѢСНЬ ЛЮБВИ.

Тихо во мглѣ мы идемъ,
Я и моя дорогая.
Изрѣдка руку сожмемъ,
Тихо и страстно вздыхая.

Тихо кругомъ. Все молчитъ,
Свѣжей окутано мглою,
Лишь иногда шелеститъ
Тополь своею листвою.

На небѣ мѣсяцъ глядитъ.
Мракъ, насъ обнявшій, не страшенъ.
Городъ, какъ въ сказкѣ, стоитъ,
Тихою ночью украшенъ.

Кажется мнѣ, что идемъ
Мы средь волшебнаго сада.
Дивный дворецъ мы найдемъ
Тамъ, за зеленой оградой.

Сладко фонтаны журчатъ,
Нѣжно такъ вѣтра дыханье,
Полные страсти звучатъ
Тамъ голоса и лобзанья.

Обликъ уродливый мой
Съ грязью дневной пропадаетъ:
Дивный красавецъ младой
Съ юной царевной гуляетъ.

Тихо я съ ней говорю,
Вѣтеръ насъ нѣжно голубитъ.
О, какъ ее я люблю,
Ахъ, какъ она меня любитъ.

Олегъ Ярославичъ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПРИРОДѢ И ПРОГРЕССѢ МОРАЛИ.

I.

МОРАЛЬ И РЕЛИГІЯ.

Нѣкогда, въ глубокой древности, онѣ составляли одно нераздѣльное цѣлое: религіозныя предписанія и запреты въ то же время, eo ipso, были и моральными, и другой морали, за предѣлами религіи, не было. Это наблюдается и сейчасъ у племенъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ культурнаго развитія, у такъ называемыхъ „дикарей“ и „варваровъ“.

Прогрессъ религіи и морали обнаруживается съ момента ихъ обособленія, когда онѣ начинаютъ превращаться въ самостоятельныя и самодовлѣющія функціи человѣческой психики. Съ теченіемъ времени отчетливѣе выясняются пути ихъ дальнѣйшаго развитія. Эти пути идутъ въ противоположномъ направленіи: человѣчество, въ своемъ религіозномъ развитіи, стремится къ полнотѣ религіозной терпимости, между тѣмъ какъ въ прогрессѣ нравственности явственно намѣчается тенденція къ возможно-послѣдовательной моральной непримиримости.

Каждый изъ насъ можетъ провѣрить эту формулу на себѣ, помощью простого самонаблюденія.

Не только мусульманину или буддисту, но и язычнику мы не отказываемъ въ признаніи ихъ религіозности настоящею религіозностью; мы можемъ ставить ихъ вѣроученіе ниже нашего или считать его „ложнымъ“, но ихъ религіозное сознаніе и чувство остаются въ нашихъ глазахъ подлинно-религіозными: мы не скажемъ, что они „безбожники“ и лишены способности къ религіознымъ переживаніямъ.

Иначе обстоитъ дѣло въ области морали. Теоретически мы знаемъ, что и дикари имѣютъ свою „нравственность“, но

на практикѣ, т. е. психологически, мы никакъ не можемъ относиться къ ней снисходительно и терпимо: для насъ она все равно, что безнравственность. И мы склонны, вслѣдъ за Ломброзо, приравнивать ее къ аморализму нашихъ преступниковъ. Чѣмъ выше и тоньше нравственное чувство, тѣмъ оно строже и взыскательнѣе.

Религію и миѳологію глубокой древности и современныхъ дикарей мы изучаемъ съ безстрастіемъ естествоиспытателя и объективно „пріемлемъ" всѣ чудовищно-нелѣпые обряды культа и грубѣйшія миѳологическія представленія, находя для нихъ достаточное оправданіе въ перспективѣ человѣческой эволюціи. Но когда мы встрѣчаемъ такія явленія, какъ морально-узаконенное истребленіе стариковъ и дѣтей, канибализмъ и т. п., тогда покой безстрастнаго познанія нарушается нравственнымъ отвращеніемъ. Здѣсь неизбѣжна моральная оцѣнка явленія, которому въ перспективѣ человѣческой эволюціи нѣтъ оправданія, а есть только объясненіе. Въ сферѣ морали понять не всегда значитъ простить. Не трудно видѣть, что моральная оцѣнка, какъ отрицательная, такъ и положительная, необходима также и въ интересахъ объективнаго изученія, и П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій напрасно превратили ее въ „субъективный методъ въ соціологіи": это вовсе не методъ, не пріемъ изслѣдованія, а только неизбѣжная и необходимая реакція нравственнаго чувства изслѣдователя на данное явленіе изъ области морали, — родъ компаса, помогающаго намъ разбираться въ хаосѣ фактовъ и уяснять себѣ, откуда и куда въ области моральной эволюціи идетъ многогрѣшное человѣчество.

Различіе, по существу, между религіей и моралью, какъ и расхожденіе ихъ путей, обнаруживается также въ слѣдующемъ.

Извѣстно, что религіозныя ученія и культы сравнительно легко поддаются пропагандѣ и могутъ переходить отъ одного народа къ другому, даже при условіяхъ, казалось бы, отнюдь не благопріятныхъ для такой „рецепціи". Достаточно вспомнить о переходѣ буддизма изъ Индіи въ Тибетъ, Китай и Сибирь, распространеніе христіанства изъ Палестины по всему греко-римскому міру, принятіе христіанства варварами (германскими и славянскими племенами), широкій разливъ мусульманства среди народовъ различнаго происхожденія и различной культуры — отъ цивилизованныхъ иранцевъ и индусовъ до монголовъ-кочевниковъ. Подобно миѳамъ, сказкамъ, легендамъ, —

религіи передаются и перенимаются. Само собой разумѣется, онѣ претерпѣваютъ при этомъ болѣе или менѣе значительныя искаженія, приноровляясь къ новой средѣ и впитывая въ себя элементы вытѣсняемыхъ ими религіозныхъ представленій и культовъ. Конечно, буддизмъ нашихъ сибирскихъ инородцевъ уже далеко не тотъ — подлинный — буддизмъ старой Индіи, какимъ онъ былъ за пять вѣковъ до Р. Хр. Средневѣковое христіанство не совпадало съ первобытнымъ, апостольскимъ. Значительно видоизмѣнилось, конечно, и мусульманство. Но, при всемъ томъ, многое и, пожалуй, существенное все-таки остается — какъ отъ „буквы", такъ и отъ духа религіи. Измѣняется, искажается или совсѣмъ отпадаетъ въ этомъ процессѣ прежде всего мораль. Обратить варваровъ въ христіанство оказалось возможнымъ, но нельзя было заставить ихъ замѣнить свою варварскую мораль нравственнымъ ученіемъ Евангелія.

Моральныя ученія можно проповѣдывать, но сама мораль, въ нихъ выраженная, не поддается передачѣ. Чтобы на самомъ дѣлѣ принять тотъ или иной укладъ нравственныхъ отношеній, надо находиться на соотвѣтственномъ ему уровнѣ развитія. Но въ такомъ случаѣ не за чѣмъ его и проповѣдывать: люди сами дойдутъ до него, если уже не дошли. Нѣтъ ничего безплоднѣе моральной пропаганды.

Пластичность человѣческой психики, столь ярко проявляющаяся въ другихъ ея функціяхъ, исчезаетъ тамъ, гдѣ начинается мораль. Оттуда и безнадежность чисто-нравственнаго воспитанія, въ противоположность, напримѣръ, религіозному.

Ребенка можно воспитать въ духѣ и формахъ той или другой религіи, но внѣдрить въ его душу мораль, ему психологически чуждую и не согласующуюся съ моралью его среды, никакъ нельзя. Нормальный, нравственно-здравый ребенокъ, родившійся и растущій въ современной культурной средѣ, не усвоитъ себѣ ни морали античной древности, ни нравственныхъ началъ средневѣковья, сколько бы его ни „просвѣщали" въ этомъ направленіи, какъ, съ другой стороны, онъ не восприметъ и мораль Евангелія, если въ его душѣ нѣтъ струнъ, ей созвучныхъ.

Не будетъ ошибкой сказать, что въ области морали не дано человѣку, по собственному или чужому произволенію, искусственно или нарочито, подыматься на большую высоту надъ даннымъ въ его средѣ и въ его эпоху уровнемъ нрав-

ственности, какъ не дано и опускаться очень низко. Во всѣхъ другихъ областяхъ не рѣдкость встрѣтить людей, значительно опередившихъ свое время или отставшихъ отъ него. И только въ области морали тѣ и другіе являются исключеніемъ и опредѣляются — первые — какъ святые или „блаженные", а вторые — какъ выродки и нравственные уроды.

Прогрессъ въ нравственной сферѣ чрезвычайно тягучъ и труденъ, но зато столь же затруднительно, а часто и совсѣмъ невозможно обратное, регрессивное, движеніе. Достиженія въ морали — самыя прочныя изо всѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній...

Всякій изъ насъ непроизвольно чувствуетъ, что нравственное начало въ человѣкѣ, его совѣсть, есть важнѣйшее и величайшее благо, съ потерей котораго утрачивается образъ человѣческій. И, повинуясь инстинкту моральнаго самосохраненія, мы чрезвычайно дорожимъ этимъ сокровищемъ души. Оттуда и консерватизмъ нравственнаго чувства и моральной догмы. Мы цѣпко держимся за „данное" въ этой сферѣ, за наличное моральное достояніе, боимся моральныхъ новшествъ, въ безотчетномъ предположеніи, что они внесутъ разладъ и смуту въ нравственный строй души и, пожалуй, — приведутъ къ аморализму. Отъ добра добра не ищутъ, — лучше не рисковать и сохранить нерушимо старое, испытанное моральное благо. Новыя слова морали, можетъ быть, и хорошо звучатъ, но, Богъ вѣсть, справится ли съ ними наша совѣсть, привыкшая къ старой догмѣ.

Какъ существо моральное (homo ethicus), человѣкъ — консерваторъ по преимуществу, и чѣмъ онъ культурнѣе, тѣмъ онъ консервативнѣе, какъ въ отношеніи къ прогрессу морали, такъ и въ виду возможности ея регресса. Моральный рискъ въ томъ и другомъ направленіи труднѣе и опаснѣе всякаго иного риска.

Религіи, смѣняя одна другую, падая и возрождаясь, дробясь на секты, являютъ яркое, оживленное зрѣлище разнообразныхъ вѣроученій и способовъ богопочитанія. И, прогрессируя, онѣ все болѣе разнообразятся, становясь индивидуальнымъ достояніемъ личности, которая считаетъ себя въ правѣ имѣть свою собственную религію и, если она перестанетъ удовлетворять, — искать или создать себѣ другую. Это то, что покойный Джемсъ такъ удачно обозначилъ выраженіемъ „многообразіе религіознаго опыта". На этомъ пути человѣкъ, кромѣ „своей" религіи, пріобрѣтаетъ еще одно культурное благо:

религіозную терпимость, съ психологическою необходимостью приходя къ признанію и за другими тѣхъ же правъ искать и находить удовлетворяющую ихъ систему религіозныхъ идей.

Мораль, развиваясь крайне медленно, измѣняясь постепенно и частично, кристаллизуется въ устойчивыхъ формахъ нравственнаго сознанія и являетъ зрѣлище относительнаго единообразія моральнаго опыта.

Здѣсь нѣтъ рѣзкихъ перемѣнъ, радикальныхъ реформъ и революцій, какихъ было такъ много въ религіозной исторіи человѣчества. Въ затяжномъ прогрессивномъ развитіи морали крѣпнетъ духъ нравственной сдержанности, осторожности и непримиримости. Не переставая быть индивидуальнымъ достояніемъ личности, мораль не подчиняется ея произволу и съ тѣмъ вмѣстѣ расцѣнивается какъ общее достояніе, съ которымъ надлежитъ обращаться бережно и осмотрительно.

Утрата религіи, безрелигіозность, не почитается бѣдствіемъ и не влечетъ за собою потери человѣческаго достоинства. Люди религіозные и безрелигіозные привыкаютъ къ взаимной терпимости и избѣгаютъ споровъ, обидъ и осужденій.

Утрата нравственнаго чувства, аморальность, справедливо считается величайшимъ бѣдствіемъ, — она равносильна потерѣ человѣческаго достоинства. Деморализація разныхъ видовъ и ступеней признается великимъ зломъ, какъ съ личной, такъ и съ общественной точки зрѣнія. И люди нравственно-здравые не могутъ и не должны проявлять равнодушіе и психологическую терпимость къ субъектамъ аморальнымъ или нравственно отсталымъ. Такая терпимость означала бы атрофію нравственнаго чувства, моральную дряблость.

Такъ разошлись и все болѣе расходятся пути религіи и морали...

II.

МОРАЛЬ И ПРАВО.

На раннихъ ступеняхъ развитія культуры чувство нравственной отвѣтственности находится еще въ зачаточномъ состояніи и сбивается на чувство отвѣтственности передъ обществомъ за нарушеніе того или другого предписанія, правила, обряда, обычая. Моральный грѣхъ еще не отличается отъ юридическаго преступленія. Надо при этомъ имѣть въ виду,

что и въ самомъ правѣ еще не было тогда ясно выраженнаго различія между уголовнымъ преступленіемъ и гражданскимъ правонарушеніемъ.

Огромнымъ шагомъ впередъ явилось зарожденіе, въ правовомъ и моральномъ сознаніи, идеи уголовнаго преступленія, по существу отличнаго отъ другихъ, — какъ грѣха по преимуществу. Категорическіе запреты: „не убивай", „не кради", „не прелюбодѣйствуй" и т. д., получившіе религіозную санкцію, огражденные угрозою человѣческаго и божескаго возмездія, были выраженіемъ возникавшаго сознанія личной моральной отвѣтственности — въ противоположность коллективной отвѣтственности рода (круговой поруки). Оттуда уже не такъ далеко до чувства нравственнаго грѣха, — возникало и выдѣлялось третье начало — индивидуальная совѣсть, и „страхъ Божій", какъ у грековъ ужасъ передъ эриніями, постепенно становился выраженіемъ ея мукъ.

Съ этого момента мораль и право, несмотря на постоянство религіозной санкціи, начинаютъ жить своею жизнью и идти своимъ путемъ, уже независимо отъ путей религіи. Они растутъ вмѣстѣ съ общимъ ростомъ культуры и, все явственнѣе размежевывая свои области, движутся въ направленіи къ общей, все еще очень далекой цѣли, опредѣляемой понятіями справедливости и гуманности.

По мѣрѣ приближенія къ этой цѣли, съ каждымъ шагомъ впередъ, отчетливѣе выступаютъ ихъ отличительныя черты, въ силу которыхъ мораль становится самостоятельною, независимою отъ права дѣятельностью человѣческаго духа. Въ психологію морали входитъ рядъ чувствъ высшаго порядка, чуждыхъ психологической природѣ права и, такъ сказать, не включенныхъ въ его програму, каковы любовь къ ближнему, сострадание, жалость. Мораль, какъ культурное благо, гораздо сложнѣе и богаче содержаніемъ, чѣмъ право. Человѣческая личность въ сферѣ правовыхъ отношеній проявляется лишь частично и односторонне. Праву нѣтъ никакого дѣла до ея интимной жизни. Человѣкъ, какъ субъектъ права, утрачиваетъ свою индивидуальность, примѣрно, такъ, какъ предметы, становясь математическими величинами, теряютъ свой конкретный обликъ и превращаются въ цифру.

Какъ существо моральное (homo ethicus), человѣкъ обнаруживается цѣликомъ, со всѣми его индивидуальными чер-

тами, съ его характеромъ, страстями, пороками, достоинствами, наконецъ, съ его психологическою наслѣдственностью. Наука морали, этика, есть ученіе столько же о грѣхахъ и порокахъ, сколько о добродѣтеляхъ, — и изъ всѣхъ юридическихъ дисциплинъ всего ближе къ ней уголовное право въ той его постановкѣ и обработкѣ, которыя оно получаетъ въ „антропологической школѣ криминалистовъ", съ одной стороны, и въ клиническихъ изслѣдованіяхъ психіатровъ — съ другой.

Постараемся, по возможности, точнѣе опредѣлить и освѣтить важнѣйшія проявленія, которыми, въ порядкѣ эволюціи, мораль, отдѣляясь отъ права, обособилась въ самобытную функцію человѣческаго духа.

1) Повидимому, однимъ изъ раннихъ проявленій этого рода было распространеніе чувства отвѣтственности изъ области поступковъ на область помысловъ, желаній, стремленій, страстей. Когда „законодатель" (т. е. выразитель правового сознанія), вмѣсто того, чтобы сказать: „не похищай ни жены ближняго, ни вола его, ни осла его и т. д.", выразился иначе: „не пожелай жены ближняго, ни вола его и т. д., тогда онъ заговорилъ уже языкомъ моралиста. Съ точки зрѣнія права, человѣкъ, который не похитилъ чужого, а только пожелалъ похитить, — не виновенъ; но онъ уже грѣшенъ съ моральной точки зрѣнія. Это былъ, несомнѣнно, большой шагъ впередъ, несмотря на грубое понятіе о женѣ, какъ о вещи, какъ о предметѣ собственности, на ряду съ воломъ, осломъ и всѣмъ, что „принадлежитъ" человѣку.

2) На извѣстной высотѣ культуры чувства жалости, состраданія, любви къ близкимъ по крови (дѣтямъ, родителямъ и т. д.), въ теченіе долгихъ тысячелѣтій не имѣвшія моральной силы, наконецъ пріобрѣтаютъ ее и диктуютъ тотъ или иной запретъ, требуютъ соотвѣтственнаго поведенія, часто противорѣчащаго установившемуся обычаю. Возникаютъ конфликты между моралью и правомъ, — и, въ концѣ концовъ, послѣ ряда компромиссовъ, право принуждено уступить требованіямъ морали. При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, обнаруживается, въ противоположность утилитарному характеру правовыхъ нормъ, присущая морали независимость отъ соображеній пользы или вреда. Убивать дряхлыхъ стариковъ или бросать ихъ на произволъ судьбы было полезно для кочующаго человѣческаго стада, въ которомъ они являлись лишнею обузою, но этому жестокому и безнравственному

обычаю, вѣками закрѣпленному, былъ положенъ конецъ протестомъ чувства жалости и сознаніемъ нравственныхъ обязательствъ. Истребленіе новорожденныхъ дѣвочекъ было узаконено, какъ дѣяніе весьма полезное для общества, въ которомъ избытокъ женщинъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, былъ нежелателенъ, — и свирѣпый обычай практиковался въ теченіе долгихъ вѣковъ, пока, наконецъ, чувства любви и жалости и нравственное отвращеніе не упразднили его. Скажутъ, пожалуй, что тутъ могла вліять другая причина: измѣнились условія жизни, избытокъ женщинъ уже не былъ вреденъ, а скорѣе сталъ полезнымъ. Но этотъ „экономическій факторъ“, если онъ и былъ, отнюдь не исключалъ этическаго и едва ли, безъ этого послѣдняго, могъ бы своевременно устранить многовѣковое зло: вѣдь достаточно извѣстно, съ какимъ усердіемъ дикари исполняютъ стародавніе обычаи, вопреки явной вредоносности ихъ. У всѣхъ культурныхъ народовъ, въ глубокой древности, существовали человѣческія жертвоприношенія, какъ существуютъ они у современныхъ дикарей. Этотъ обрядъ, одновременно религіозный и правовой, и самъ по себѣ достаточно жестокій, осложнялся еще канибализмомъ, какъ это практикуется и дикарями. Вкушая, вмѣстѣ съ богами, отъ мяса жертвы, люди пріобщались къ чудодѣйственной силѣ, въ ней заключенной, а кромѣ того, въ нихъ переходили и индивидуальныя качества человѣка, принесеннаго въ жертву, напр., его храбрость, хитрость и т. п. Обычай признавался не только чрезвычайно полезнымъ, но и безусловно необходимымъ для блага общества. У культурныхъ народовъ это дикое безуміе было упразднено уже въ отдаленной древности и, конечно, — не въ силу „экономическаго фактора“, который тутъ не при чемъ, а просто потому, что созрѣвшее нравственное чувство не могло уже мириться съ этимъ ужасомъ. Но, какъ и всегда, обычай исчезъ не цѣликомъ и не сразу: сперва отпалъ канибализмъ, а самое жертвоприношеніе людей (въ томъ числѣ и дѣтей) еще долго сохранялось, пока не было вытѣснено издавна существовавшимъ жертвоприношеніемъ животныхъ.

3) Чувства любви къ „своимъ“, состраданія, жалости, симпатіи возникли и развивались задолго до появленія древнѣйшихъ моральныхъ догмъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ они не были моральными: они оставались просто фактами или проявленіями психологіи чувствъ первобытнаго человѣчества. Чтобы они могли стать моральными, нужна была

предварительная выработка категоріи „морально-должнаго“. Эта категорія потенціально заключалась въ категоріяхъ религіозно-обязательнаго и обычаемъ утвержденнаго въ правовомъ сознаніи. Когда она стала обособляться, т. е., когда рядомъ съ религіозно-правовыми предписаніями и запретами появились и тѣ, которые диктуются внутреннимъ чувствомъ должнаго, тогда вышеуказанный порядокъ чувства и влеченій получилъ моральную санкцію; чисто-психологическіе факты становились моральными. Процессъ, крайне медленный и трудный, растянулся на вѣка, въ теченіе которыхъ строгость и прочность религіозно-правовыхъ предписаній представляла вопіющій контрастъ слабости и скудности моральнаго сознанія. Это и есть то, что мы называемъ аморализмомъ дикаря, который, какъ смертнаго грѣха, боится нарушить какую-нибудь формальность обычая или какое-нибудь нелѣпое „табу“, давно ставшее непонятнымъ, и, въ то же время, можетъ, въ порывѣ гнѣва, убить своего ребенка и не чувствовать настоящихъ угрызеній совѣсти, какія для культурнаго человѣка, въ аналогичномъ случаѣ, были бы невыносимы.

Отвѣтственность передъ своею совѣстью для дикаря — дѣло непривычное и психологически чуждое. Она становится необходимою функціею духа только на извѣстной высотѣ культуры, когда обособленіе морали отъ права и обычая открываетъ человѣчеству перспективу дальнѣйшихъ успѣховъ чистой человѣчности.

III.

СВЕРХСОЦІАЛЬНОЕ ВЪ МОРАЛИ.

Въ мірѣ человѣческомъ есть явленія, которыя, имѣя чисто соціальное происхожденіе, въ своемъ дальнѣйшемъ прогрессивномъ развитіи обнаруживаютъ стремленіе подняться выше соціальной сферы. Такова, прежде всего, религія, а затѣмъ сюда принадлежатъ различныя вѣтви человѣческаго творчества, въ особенности философія, искусство и наука. Къ порядку такихъ явленій относится и мораль.

Во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо точнѣе опредѣлить понятіе „сверхсоціальнаго“.

Религія, какъ организованное богопочитаніе, какъ религіозная община, возникла, развивалась и остается въ предѣлахъ человѣческой соціальности. Но религіозная мысль и ре-

лигіозное чувство въ ихъ высшихъ формахъ превращаются въ самодовлѣющій психическій процессъ, не имѣющій никакого отношенія къ порядку явленій въ тѣсномъ смыслѣ соціальныхъ. Они, во-первыхъ, рѣзко-индивидуальны, а во-вторыхъ, они — „не отъ міра сего". Это — особыя „состоянія сознанія", переживаемыя челевѣкомъ не какъ существомъ общественнымъ, или гражданиномъ, — вообще не какъ субъектомъ соціальныхъ взаимоотношеній; все соціальное, все „земное" устраняется — въ моментъ религіознаго подъема — изъ сферы сознанія и самочувствія человѣка. Религіозный процессъ становится самоцѣлью и самоцѣнностью. Далеко не всегда поддается онъ оглашенію: онъ — секретъ души, интимное достояніе личности.

То же самое наблюдается и въ процессахъ творчества, — все равно какого, — философскаго, художественнаго, научнаго.

Давно извѣстно, что мыслитель, художникъ, ученый творятъ — въ психологическомъ смыслѣ — „для себя", и что ихъ творчество въ высокой степени интимно и „стыдливо" [1]). И здѣсь, какъ и въ религіи, процессъ становится самоцѣнностью и самоцѣлью. Его результаты, конечно, подлежатъ обнародованію и могутъ получить общее значеніе, даже стать соціальной силой. Но самый-то процессъ творчества протекаетъ въ той интимной сферѣ человѣческаго духа, психологія которой образуетъ рѣзкую противоположность психологіи соціальныхъ отношеній личности. Только въ этомъ смыслѣ и оправдываются понятія „чистой науки" и „искусства для искусства", которыя въ прежнее время вызывалп у насъ столько споровъ и недоразумѣній.

Изъ приведенныхъ примѣровъ уже видно, что „сверхсоціальное" возникаетъ въ нѣдрахъ соціальности вмѣстѣ съ психологической автономіей личности. Оно есть достояніе индивидуальнаго „я", въ извѣстной мѣрѣ освобождающагося отъ соціальнаго „мы".

Въ обширномъ смыслѣ все человѣческое — соціально. Но позволительно различать, съ одной стороны, явленія соціальныя въ тѣсномъ смыслѣ (экономическія, правовыя и т. д.), гдѣ господствуетъ категорія „мы", а съ другой — тѣ психическіе процессы, гдѣ автономно проявляется категорія „я".

---

[1]) Выраженіе Потебни (см. „Изъ записокъ по теоріи словесности", главу „Стыдливость творчества").

Человѣческая личность, путемъ долгой эволюціи, возникла въ нѣдрахъ человѣческой общественности, — категорія „я" вышла изъ категоріи „мы". Въ этомъ генетическомъ смыслѣ человѣческое „я" есть явленіе соціальное. Но разъ оно обособилось и въ немъ образовался цѣлый міръ интимныхъ переживаній, не подводимыхъ подъ понятіе соціальныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, — мы уже имѣемъ дѣло съ особой разновидностью человѣческихъ функцій, которымъ приличествуетъ наименованіе „сверхсоціальныхъ".

Въ первобытномъ обществѣ и на раннихъ ступеняхъ культуры ихъ нѣтъ: тамъ все человѣческое соціально въ тѣсномъ смыслѣ, тамъ всецѣло господствуетъ категорія „мы" индивидуальнаго „я" еще нѣтъ, есть только особи, спаянныя въ компактную массу узами соціальныхъ отношеній.

Первые всходы „сверхсоціальнаго" появляются только на извѣстной высотѣ культуры — вмѣстѣ съ обособленіемъ личности, съ развитіемъ индивидуальнаго самочувствія и самосознанія.

Такъ вотъ, и мораль, явленіе искони соціальное въ тѣсномъ смыслѣ, уже въ старину проявляло, въ противоположность, напр., явленіямъ правовымъ и экономическимъ, стремленіе подыматься надъ уровнемъ соціальности и изъ сферы „мы" переходить въ сферу „я".

Этотъ процессъ тѣсно связанъ или, точнѣе, совпадаетъ съ тѣмъ процессомъ обособленія морали отъ религіи, права, обычая, о которомъ я говорилъ выше.

„Сверхсоціальное" въ морали состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что критерій добра и зла человѣческаго превращается въ интимное достояніе или прерогативу индивидуальной совѣсти, а во-вторыхъ, еще въ томъ, что поступки, помыслы, чувства и т. д. опредѣляются — одни, какъ нравственные, другіе — какъ безнравственные не съ точки зрѣнія интересовъ общественности, а совсѣмъ по другимъ — не утилитарнымъ — основаніямъ.

Моральный человѣкъ — это не тотъ, кто только пріемлетъ общепринятыя понятія о нравственномъ и безнравственномъ и не нарушаетъ правилъ добропорядочнаго поведенія, а тотъ, чья совѣсть, независимо отъ его воли и часто вопреки господствующимъ понятіямъ, различаетъ нравственное отъ безнравственнаго, моральное добро отъ моральнаго зла.

Моральное добро, конечно, является вмѣстѣ съ тѣмъ и благомъ общественнымъ. Но въ нравственномъ сознаніи и

чувствѣ оно оцѣнивается только какъ моральное и оставалось бы таковымъ даже въ томъ случаѣ, если бы оно и не было общественнымъ благомъ. Моральное зло есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общественное бѣдствіе. Но нравственное сознаніе и чувство отвергаютъ его только какъ моральное зло и будутъ отвергать его даже въ томъ случаѣ, если бы оказалось (или, все равно, только казалось), что отъ него для общественности воспослѣдуетъ не бѣдствіе, а благо.

На этомъ пунктѣ сверхсоціальность морали выступаетъ съ такою же отчетливостью, какъ и ея автономія.

IV.

АВТОНОМІЯ ЛИЧНОСТИ И ЕДИНСТВО МОРАЛИ.

Было бы вопіющею ошибкою думать, что этотъ процессъ, неразрывно связанный съ психологическою эмансипаціей личности и прогрессомъ индивидуализма, можетъ привести — въ области морали — къ произволу, разноголосицѣ и анархіи. Не трудно убѣдиться въ противномъ: движеніе идетъ въ направленіи къ моральной дисциплинѣ и къ единству нравственнаго сознанія.

Скорѣе въ прошломъ, какъ въ отдаленномъ, такъ и въ сравнительно недалекомъ, найдемъ мы разноголосицу морали — по группамъ, т. е. по классамъ, сословіямъ, профессіямъ Единой морали не было: у господъ была своя мораль, у рабовъ — своя; мораль рыцарей отличалась отъ морали горожанъ и т. д. При кастовомъ строѣ формы нравственнаго сознанія рѣзко измѣняются по кастамъ. Въ отношеніи къ нравственнымъ понятіямъ, какъ и во многихъ другихъ, люди въ старину „говорили на разныхъ языкахъ". Только съ уничтоженіемъ соціальныхъ перегородокъ возникаетъ „общій языкъ" морали.

Освобожденіе личности и развитіе индивидуализма, это — путь, ведущій къ торжеству человѣчности. „Я — человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо" — вотъ лозунгъ психологически и морально автономной, свободной личности. Чтобы человѣкъ могъ въ другомъ человѣкѣ узнать „брата" и „ближняго", ему нужно сперва перешагнуть черезъ соціальныя загражденія всякаго рода и выбраться изъ своего муравейника на свѣтъ Божій. Прозябая въ муравейникѣ, онъ даже въ своемъ собратѣ цѣнитъ не столько человѣка,

сколько представителя своего званія и состоянія. Узка, эгоистична и негуманна всякая групповая мораль, — она же ведетъ и къ произволу въ отношеніи къ основнымъ требованіямъ нравственнаго сознанія. Если, напримѣръ, рабовладѣлецъ, убивъ или искалѣчивъ раба, и рабъ, убивъ господина, не чувствовали никакихъ угрызеній совѣсти, то это было, во-первыхъ, произвольнымъ, самочиннымъ ограниченіемъ основного моральнаго закона „не убій", а во-вторыхъ, при частомъ повтореніи подобныхъ фактовъ нравственнаго произвола, человѣкъ, въ концѣ концовъ, невольно усвоивалъ себѣ морально-анархическій принципъ: „при извѣстныхъ условіяхъ, все дозволено". Язвою деморализаціи человѣчество обязано въ значительной степени вліянію классовой морали.

Уравненіе въ правахъ и обязанностяхъ, успѣхи гражданской и политической свободы расчищаютъ дорогу морали общечеловѣческой и гуманной, основанной на сознаніи людьми своего человѣческаго достоинства. А для этого прежде всего надо быть личностью.

Мораль, отдѣлившись отъ права, идетъ, параллельно ему, въ одномъ и томъ же направленіи: право — къ равенству всѣхъ передъ закономъ, къ гражданской и политической свободѣ, — мораль — къ всечеловѣческому единству и къ индивидуальной автономіи.

Единство моральнаго сознанія есть коррелятъ единства правового сознанія. Если всѣ равны передъ закономъ и всѣ правомочны, за исключеніемъ опороченныхъ, то всѣ равны и передъ нравственнымъ, неписаннымъ, закономъ совѣсти и призваны осуществлять его велѣнія, за изъятіемъ, конечно, нравственныхъ уродовъ, лишенныхъ моральнаго чувства.

Какъ есть или долженъ быть единый для всѣхъ кодексъ права, такъ есть или долженъ быть единый для всѣхъ кодексъ морали, слагающійся изъ основныхъ, всѣмъ доступныхъ, требованій человѣческаго достоинства, справедливости и гуманности.

Все, что выше этихъ требованій, уже принадлежитъ къ области подвига и моральнаго творчества и, поэтому, не можетъ считаться общеобязательнымъ. На этомъ пунктѣ мораль перестаетъ сопутствовать праву, проявляясь какъ явленіе „сверхсоціальное". Не трудно видѣть, что это не нарушаетъ единства морали, ибо ея высшіе запросы и идеалы, съ соціальной точки зрѣнія представляющіеся утопичными, вовсе не являются отрицаніемъ ея основныхъ требованій, ея обще-

обязательныхъ нормъ. Какъ исключительныя дарованія или геніальность не служатъ укоромъ обыкновенному уму и не отвергаютъ правъ простого, здраваго смысла, такъ и моральное подвижничество, нравственная „святость" не упраздняютъ обыденной, общеобязательной морали и отнюдь не умаляютъ ея значенія и достоинства. Верхніе этажи зданія не упраздняютъ нижнихъ, куполъ воздвигается „не въ посрамленіе" фундаменту...

Общечеловѣческая мораль, создающаяся въ процессѣ эмансипаціи личности, остается единой и цѣльной. Оставляя въ сторонѣ прискорбные фактическіе уклоны, обусловленные различными причинами, мы скажемъ, что единая общечеловѣческая мораль таитъ въ себѣ потенціальную энергію, противодѣйствующую разноголосицѣ и анархіи и закрѣпляющую прочную и благую нравственную дисциплину, основанную не на авторитетѣ силъ, постороннихъ морали, а на „категорическомъ императивѣ" индивидуальной совѣсти.

V.

ПОДВИГЪ, ИДЕАЛЪ, „УТОПІЯ" ВЪ МОРАЛИ.

Евангельскую мораль („любите враговъ вашихъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ" и т. д.) принято считать утопическою. Я склоненъ думать, что такой взглядъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и основанъ на нѣкоторомъ недоразумѣніи. Это слишкомъ ужъ обывательскій взглядъ...

Ничего, въ собственномъ смыслѣ, утопическаго, т. е. недостижимаго и неосуществимаго, въ нравственномъ ученіи Евангелія нѣтъ: много разъ оно осуществлялось, проводилось въ жизнь цѣликомъ или частично, — въ эпоху первобытной, гонимой, церкви и въ послѣдующіе вѣка — отшельниками и святыми. Въ разныя времена, у народовъ христіанскихъ и нехристіанскихъ, появлялись люди и группы людей, воплощавшихъ въ жизнь мораль евангельскую или близкую къ ней. Достаточно вспомнить буддизмъ въ его первоначальномъ видѣ и такихъ „язычниковъ" античной древности, какъ напр., Эпиктетъ, который, конечно, не былъ одинокъ на своемъ поприщѣ стоическаго моральнаго творчества. Да и помимо всякихъ притязаній на подвижничество и святость, въ цивилизованномъ мірѣ всегда были, есть и будутъ просто добрые, незлобивые, незлопамятные люди, не склонные

мстить врагамъ и не отказывающіеся оказать, при случаѣ, услугу обидчику или противнику. Вообще, добрыхъ, или добродушныхъ людей на свѣтѣ не такъ ужъ мало... И Христосъ, выступая со своею истинно-геніальною моральною проповѣдью, обращался не столько къ исключительнымъ натурамъ, сколько къ „простымъ смертнымъ", къ „сѣрой толпѣ", и тамъ находилъ восторженныхъ и чуткихъ послѣдователей — изъ категоріи „чистыхъ сердцемъ и нищихъ духомъ". Не стоило бы и жить на свѣтѣ, если бы Нагорная проповѣдь была утопіей.

Тотъ несомнѣнный фактъ, что мораль самоотреченія аскетизма и любви къ ближнему и дальнему, кажущаяся утопическою, возникала и распространялась въ различныя эпохи, у разныхъ народовъ, при далеко не сходныхъ условіяхъ быта, служитъ, мнѣ кажется, нагляднымъ доказательствомъ закономѣрности высшихъ запросовъ нравственнаго сознанія, стремящагося подняться выше нормы и превратиться въ мораль не отъ міра сего.

Эта мораль, конечно, не можетъ стать общеобязательной, она сверхсоціальна, она — подвигъ и творчество. Но, на правахъ идеала, она предназначена для всѣхъ. Вполнѣ возможны различныя ступени приближенія къ этому идеалу, — и одного этого уже достаточно, чтобы признать его неутопичнымъ, хотя бы большинство людей навсегда осталось на низшихъ ступеняхъ.

Можно установить, какъ правило, что все, ведущее или только манящее человѣка впередъ и выше, не утопично — въ перспективѣ эволюціи человѣчества, которая безконечна. Истинно утопичнымъ слѣдуетъ признать все то, что толкаетъ людей назадъ и ниже уровня уже достигнутой человѣчности, какъ бы въ жизни и въ исторіи ни были многочисленны факты рецидива, упадка и вырожденія.

Мораль евангельская и всѣ другія, къ ней близкія, не могутъ осуществиться въ правовомъ сознаніи. Но это не значитъ, что имъ нѣтъ доступа къ сознанію моральному. Разъ мы признали закономѣрность обособленія морали отъ права, ея автономію и ея сверхсоціальность, — тѣмъ самымъ мы уже обязались принять закономѣрность и психологическую необходимость высшихъ запросовъ нравственнаго сознанія — до самыхъ вершинъ альтрюистической морали.

VI.

МОРАЛЬ И РАЗУМЪ.

На нашей планетѣ есть существа, повидимому, превосходящія человѣка въ соціальномъ строительствѣ; ихъ нужно искать въ мірѣ насѣкомыхъ, который, по выраженію покойнаго И. И. Мечникова, представляетъ такую странную аналогію міру человѣческому. У муравьевъ, термитовъ, пчелъ и др. соціологъ находитъ образцы высоко развитой, стройно организованной и чрезвычайно прочной общественности, въ сравненіи съ которой соціальный укладъ „дикарей“ и „варваровъ“ оказывается крайне отсталымъ и неустойчивымъ.

Приходится думать, что насѣкомыя, въ соціальномъ отношеніи, такъ опередили и посрамили человѣка именно потому, что у нихъ нѣтъ ничего человѣческаго, — нѣтъ ни разума, ни морали, ни, такъ называемой, свободной воли, а есть только инстинкты, на слѣпомъ дѣйствіи которыхъ нерушимо зиждется весь укладъ ихъ жизни. Соціальное заключено здѣсь въ предѣлахъ біологическаго и психо-физическаго. Настоящей, — обособленной психики въ мірѣ энтомологическомъ, повидимому, нѣтъ. Она зачинается только въ царствѣ теплокровныхъ позвоночныхъ, достигая у птицъ и у высшихъ млекопитающихъ нѣкотораго подобія человѣческой психики. И она обнаруживается здѣсь — какъ порядокъ явленій сверхпсихофизическихъ, сверхбіологическихъ, относясь къ порядку біологическому такъ, какъ въ мірѣ человѣческомъ сверхсоціальное относится къ соціальному.

Ни разума, ни морали, ни „свободной воли“ и тутъ еще нѣтъ, но уже есть рядъ чувствъ, возвышающихся надъ уровнемъ инстинкта, есть и начатки обобщенныхъ представленій, есть и процессы элементарнаго мышленія.

Передъ нами — всходы особаго порядка явленій, — психологическихъ въ собственномъ смыслѣ, выдѣлившихся изъ порядка біологическаго, какъ новое достиженіе міровой эволюціи.

Но зато сама общественность въ этомъ мірѣ либо остановилась на одной изъ низшихъ ступеней развитія, либо совсѣмъ разложилась, какъ это наблюдается у хищниковъ. Здѣсь нѣтъ и подобія той соціальной организованности и культурности, какою отличаются общества насѣкомыхъ. Со-

ціальный „строй“ позвоночныхъ — отъ рыбъ до обезъянъ — представляетъ собою „механическій“ аггрегатъ особей, сплоченныхъ силою біологическихъ инстинктовъ размноженія, питанія, защиты и борьбы за существованіе. Это — массовыя скопленія, стаи, стада, табуны, группы, гдѣ изрѣдка наблюдается выдѣленіе только двухъ соціальныхъ функцій: предводителя и стражи. У насѣкомыхъ находимъ другую картину: бытъ пчелъ, термитовъ, муравьевъ и т. д., это — настоящая культура, основанная на коллективномъ трудѣ, съ раздѣленіемъ функцій, съ соціальной дифференціацией, съ распредѣленіемъ общественныхъ ролей.

Дѣло представляется такъ, какъ будто позвоночнымъ пришлось начать свое соціальное поприще съ начала, съ формы механическаго аггрегата. Біологически позвоночныя выше и „совершеннѣе“ безпозвоночныхъ, отъ которыхъ они и произошли въ порядкѣ біологической эволюціи организмовъ, но соціально они гораздо ниже ихъ. И только у человѣка общественная жизнь достигла той ступени развитія, на которой изъ механическаго скопленія особей она превращается въ соціальную организацію и въ культуру.

Однако, и человѣчеству, подобно другимъ позвоночнымъ, пришлось начать свое соціальное поприще механическимъ аггрегатомъ особей, и въ теченіе долгихъ тысячелѣтій оно не выходило изъ этой первоначальной стадіи. Но въ ней уже заключались великія возможности дальнѣйшаго развитія — одновременно и параллельно на двухъ поприщахъ: соціально-культурномъ, на которомъ насѣкомыя упредили человѣка, и психологическомъ, гдѣ у него предшественниковъ не было.

Возникновеніе языка и, обусловленные имъ, начатки разума провели рѣзкую пограничную черту между міромъ человѣческимъ и міромъ животныхъ.

Языкъ и разумъ явились въ первобытномъ человѣческомъ стадѣ одновременно и творчески связующей, и творчески разлагающей силой. Языкъ, какъ органъ общенія и взаимнаго пониманія, объединялъ особи и содѣйствовалъ ихъ болѣе прочному сплоченію; начатки мышленія, заключенные въ языкѣ, ускорили процессъ соціальнаго и культурнаго строительства: достаточно вспомнить объ открытіи огня (т. е. способовъ его добыванія и его утилизаціи), о древнѣйшихъ орудіяхъ и жилищахъ, о начаткахъ религіознаго культа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти могучіе двига-

тели проявляли и другого рода воздѣйствіе — разлагающее и творящее: они, въ извѣстной мѣрѣ, исподоволь ограничивали слѣпую силу инстинктовъ и превращали функцію связанной, безотчетной воли въ новую, дотолѣ невѣдомую на землѣ функцію, такъ называемой, „свободной воли", направляемой работою мысли, т. е. силою представленій и зарождающихся понятій, ихъ сочетаніями и другими процессами первобытной „логики".

Это и былъ исходный пунктъ специфически человѣческаго порядка психическихъ явленій, природа которыхъ опредѣляется тремя терминами: разумъ, свобода воли, мораль.

Безъ разума нѣтъ свободы воли, безъ свободы воли нѣтъ морали, предполагающей сознательность поступковъ и отвѣтственность за нихъ.

Такимъ образомъ, разумъ и мораль связаны между собою узами генетическаго родства.

Не трудно видѣть, что даже въ своихъ зачаточныхъ формахъ и первыхъ — робкихъ — проявленіяхъ разумъ, „свободная" воля и мораль въ извѣстной мѣрѣ парализуютъ дѣйствіе инстинктовъ и затрудняютъ соціальную дрессировку. Въ механизмѣ общественныхъ отношеній они являются нѣкотораго рода тормазомъ, разлагающею силою, которая не оказалась фатальною и не вызвала анархію только потому, что на раннихъ ступеняхъ развитія, въ теченіе долгихъ тысячелѣтій, она не выходила изъ зачаточнаго состоянія, и вся психика человѣка, въ томъ числѣ и его „логика", была цѣликомъ соціальна. „Свобода воли", при слабости разума, едва-едва пробивалась сквозь толщу соціальныхъ инстинктовъ. Сама мораль была по преимуществу соціальна и не различалась отъ обычаевъ, нравовъ, правовыхъ нормъ и обрядовъ религіи. Только на сравнительно высокихъ ступеняхъ культуры, на переходѣ къ цивилизаціи, мы находимъ, да и то лишь спорадически, достаточно окрѣпшій разумъ, направляющій волю по-своему, вопреки внушеніямъ инстинктовъ, укоренившимся привычкамъ и стародавнимъ понятіямъ.

Относительная автономія разума, орудующаго своею логикою, для него психологически обязательною, постепенно прокладаетъ путь и относительной автономіи морали.

Если отъ этихъ начатковъ интеллектуальнаго и моральнаго развитія перейдемъ къ вѣкамъ расцвѣта цивилизаціи, то передъ нами развернется очень сложная и обильная про-

тиворѣчіями картина взаимоотношеній морали и разума. Рядъ фактовъ указываетъ на ихъ тѣсную связь и приводитъ къ выводу, что прогрессъ разума есть въ то же время и прогрессъ нравственнаго сознанія. Но рядъ другихъ фактовъ противорѣчитъ этому заключенію: мы видимъ людей большого ума и слабой этики, и наоборотъ. Такіе случаи, какъ, напримѣръ, Сократъ и Спиноза, совмѣщавшіе въ себѣ великую силу и разума, и морали, сравнительно рѣдки, и мы склонны видѣть въ нихъ лишь счастливое исключеніе изъ правила. Скорѣе противоположные случаи, какъ, напримѣръ, Сенека и Бэконъ, люди большого ума и довольно низменной этики, кажутся намъ „въ порядкѣ вещей". Наиболѣе легкій и потому широко-распространенный выводъ изъ наблюденій этого рода гласитъ, что пути разума и морали разошлись въ разныя стороны. Разумъ преслѣдуетъ свои цѣли, будто бы ничего общаго съ моралью не имѣющія, и на своемъ поприщѣ не считается съ нею. Мораль развивается, будто бы, независимо отъ разума, стремясь къ своимъ цѣлямъ, не сообразованнымъ съ дѣятельностью и откровеніями разума.

Но, мнѣ кажется, если всмотрѣться въ дѣло глубже и пристальнѣе, мы придемъ къ той идеѣ, что разумъ и мораль, генетически связанные между собою, не разошлись и на дальнѣйшихъ путяхъ своего развитія. Сократъ и Спиноза окажутся „правиломъ", а Сенека и Бэконъ — „исключеніемъ".

Прежде всего, не слѣдуетъ смѣшивать поведенія человѣка съ его моралью. Оно обусловливается цѣлымъ рядомъ причинъ и, смотря по обстоятельствамъ, можетъ не соотвѣтствовать моральному сознанію и оказаться либо выше, либо ниже его. Встрѣчаются люди, поступки которыхъ, къ счастью для нихъ и для человѣчества, не отражаютъ ихъ отсталыхъ или грубыхъ моральныхъ понятій. Встрѣчаются и другіе, у которыхъ нравственныя понятія значительно выше и лучше ихъ поведенія и образа жизни, — и этотъ разладъ служитъ для нихъ источникомъ нравственныхъ мукъ. Пусть мнѣ сперва докажутъ, что, напримѣръ, Сенека и Бэконъ этого разлада не чувствовали и никакихъ мукъ совѣсти не переживали, — и только тогда я готовъ буду признать, что случаи этого рода свидѣтельствуютъ о расхожденіи путей разума и морали.

Но, какъ извѣстно, встрѣчаются и болѣе вопіющія противорѣчія между этими двумя высшими функціями человѣческаго духа. Такъ, напримѣръ, человѣкъ одаренъ незаурядною силою мысли, проявляетъ живые умственные интересы,

съ успѣхомъ занимается наукой, искусствомъ, философіей и въ то же время обнаруживаетъ крайній эгоизмъ, предается ужасающему разврату и цинично исповѣдуетъ „мораль“ дикаря или изверга. Къ счастью для человѣчества, здѣсь передъ нами не только не „правило“, не „норма“, а тотъ рѣзкій уклонъ отъ нея, который переноситъ насъ изъ области психологіи въ область психіатріи. Это случаи патологическіе, отнюдь не опровергающіе тезиса о родствѣ и совмѣстной эволюціи разума и морали. Изъ нихъ явствуетъ лишь одно: разумъ и мораль стали функціями настолько самостоятельными, что одна изъ нихъ можетъ заболѣть или атрофироваться безъ замѣтнаго ущерба для другой. Но отсюда еще очень далеко до вывода о расхожденіи ихъ путей, или о ихъ всецѣломъ обособленіи. Къ тому же психіатры говорятъ намъ, что, при внимательномъ наблюденіи, логика морально-помѣшанныхъ оказывается далеко не безупречной, у нихъ въ умственной сферѣ замѣчаются разнаго рода странности и изъяны.

Когда мы настаиваемъ на психологическомъ родствѣ морали и разума и утверждаемъ, что они связаны также и совмѣстной прогрессивной эволюціей, то это вовсе не обязываетъ насъ наивно думать, что сколько тому или другому человѣку отпущено ума, столько у него и морали. Соотношенія, количественныя и качественныя, между умомъ и нравственностью, разнообразятся до безконечности отъ человѣка къ человѣку. Но если имѣть въ виду человѣчество въ его цѣломъ, въ его всемірно-историческомъ развитіи, то едва ли можно усомниться въ томъ, что прогрессъ разума есть въ то же время и прогрессъ морали.

Я склоненъ думать, что этотъ тезисъ можно было бы обосновать психологически — путемъ анализа психологіи и патологіи разума, съ одной стороны, и психологіи и патологіи морали — съ другой. Но эта задача слишкомъ трудна и сложна, чтобы я могъ включить ее въ рамки этого этюда, посвященнаго лишь изложенію нѣкоторыхъ мыслей о природѣ и прогрессѣ морали.

VII.

ИДЕАЛЪ ВСЕЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ МОРАЛИ.

Ничто такъ не раздѣляетъ людей, какъ несходство и антагонизмъ ихъ моральныхъ воззрѣній и чувствъ. При раз-

личіи основныхъ понятій о добрѣ и злѣ человѣческомъ устраняется возможность взаимнаго пониманія, уваженія и сотрудничества. И если бы мораль въ своемъ всемірно-историческомъ развитіи не направлялась въ сторону возможно большаго единообразія, — родъ человѣческій не могъ бы достичь культурнаго объединенія въ предѣлахъ націй и государствъ и равно невозможны были бы возникновеніе и успѣхи міровой цивилизаціи.

Мораль объединяется въ процессѣ ея обособленія отъ религіи, права, быта и т. д., о чемъ говорилъ я выше. На этомъ пути вырабатываются основныя начала нравственныхъ взаимоотношеній между людьми, независимо отъ различія вѣрованій, правовыхъ нормъ, интересовъ личныхъ, семейныхъ общественныхъ и т. д. У культурныхъ народовъ это началось уже въ отдаленной древности, но развитіе шло крайне медленно, — и на этомъ поприщѣ человѣчеству предстоитъ еще много труда, усилій, сомнѣній и разочарованій...

Суть дѣла сводится къ тому, чтобы человѣкъ въ своемъ „ближнемъ" видѣлъ такого же человѣка, какъ онъ самъ, и чтобы всѣ люди стали „ближними". Это далеко не такъ утопично, какъ можетъ казаться. Въ цивилизованномъ мірѣ уже достигнуто относительное единеніе въ сферѣ элементарныхъ правилъ нравственности, установилось понятіе „человѣческаго достоинства", не зависящаго ни отъ происхожденія человѣка, ни отъ его соціальнаго положенія, ни отъ званія, ни отъ личныхъ заслугъ и т. д. И это понятіе, по существу моральное, укрѣпляясь въ сознаніи людей, понемногу распространяется на весь родъ человѣческій силою демократизаціи культуры и всѣхъ благъ ея, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ. Основной принципъ новой морали, единой, демократической, всечеловѣческой, гласитъ такъ: „Руководись въ своихъ моральныхъ отношеніяхъ къ людямъ признаніемъ ихъ человѣческаго достоинства, а если, въ томъ или иномъ случаѣ, этого достоинства фактически не окажется, относись къ данному лицу такъ, какъ будто оно его имѣетъ или могло бы имѣть". Эта формула не заключаетъ въ себѣ чрезмѣрныхъ требованій — любви, подвига, святости. Она требуетъ отъ человѣка только гуманности и уваженія къ своему собственному человѣческому достоинству. Она говоритъ: „Ты цѣнишь въ себѣ присущее тебѣ человѣческое достоинство, — а посему знай или воображай, что такое самое человѣческое достоинство фактически или въ возможности присуще всѣмъ

и каждому; и если ты, въ своихъ отношеніяхъ къ данному лицу, нарушишь это правило, то тѣмъ самымъ нанесешь ущербъ и своему собственному человѣческому достоинству". Нельзя заставить меня любить гнуснаго предателя, разбойника, вора, нравственно помѣшаннаго и т. п., но, въ моихъ отношеніяхъ къ нимъ, я долженъ, уважая себя, руководиться не ихъ „моралью", а моею, основанною на началахъ гуманности и на сознаніи своего человѣческаго достоинства.

Идея — или фикція — человѣческаго достоинства, якобы всѣмъ, безъ исключенія, присущаго, есть одна изъ самыхъ благотворныхъ иллюзій. Она, по существу своему, моральна, и ею обезвреживается свойственное морали стремленіе къ излишнему ригоризму и суровой нетерпимости.

Новая — единая и всеобщая — мораль не ведетъ къ примиренію со зломъ, но она отрицаетъ аморальныя формы возмездія. Это одно изъ проявленій ея „сверхсоціальности". На этомъ пунктѣ она рѣшительно расходится съ правомъ и — начинаетъ понимать Христа и Евангеліе.

VIII.

АЛЬТРЮИЗМЪ.

Какъ и все „сверхсоціальное", идея, или фикція, человѣческаго достоинства, всѣмъ людямъ присущаго, имѣетъ чисто-соціальное происхожденіе: ея корни глубоко уходятъ въ толщу первобытной человѣческой общественности, въ которой, за отсутствіемъ индивидуальныхъ отличій особей и классовой дифференціаціи, всѣ были „равны" и „равноправны", а стадное чувство связывало всѣхъ въ солидарную, компактную группу, откуда и первобытный человѣческій „альтрюизмъ".

Этотъ „альтрюизмъ" не былъ „добродѣтелью" и моральной силы не имѣлъ. Обусловленный необходимостью защиты и борьбы за существованіе общими силами, онъ былъ явленіемъ біологическимъ и соціально-психическимъ, свойственнымъ всѣмъ соціальнымъ животнымъ и всѣмъ дикарямъ. И только на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры онъ преобразуется въ величину моральную, въ добродѣтель, которая, однако, въ теченіе многихъ вѣковъ, не идетъ дальше принципа любви къ „своимъ" (сородичамъ, друзьямъ, согражданамъ, единовѣрцамъ, соплеменникамъ и т. д.), не распространяясь на „чужихъ". И только въ буддизмѣ, въ христіанствѣ и въ

другихъ формахъ высшей морали онъ превращается въ идеалъ всечеловѣческой любви или гуманности.

Еще нѣсколько словъ по вопросу о происхожденіи альтрюизма. По наиболѣе распространенному воззрѣнію, его первоисточникъ скрывается въ психофизіологіи любви самки къ ея дѣтенышамъ; возникшія оттуда чувства семейной любви, прогрессируя и распространяясь за предѣлы тѣсной семейной группы, преобразовались, на извѣстной высотѣ культуры, въ болѣе широкія чувства привязанности и симпатіи, подводимыя подъ понятіе „альтрюизма“.

Изъ такой постановки вопроса отправлялись, въ своихъ изысканіяхъ и теоріяхъ морали, и Гюйо, и Сюзерлэндъ, и другіе.

Сколько могу судить, здѣсь, въ лучшемъ случаѣ, можно усматривать только одинъ, и при томъ далеко не главный, стимулъ въ ряду другихъ, приводившихъ нѣкогда къ развитію въ человѣчествѣ альтрюистическихъ чувствъ. Если бы этотъ стимулъ былъ единственнымъ или главнымъ, — онъ привелъ бы не къ альтрюизму, а къ семейному эгоизму, что и наблюдается въ дѣйствительности сплошь и рядомъ. Надо еще имѣть въ виду, что въ человѣчествѣ семья — явленіе не первичное, не та ячейка, изъ которой возникла человѣческая общественность. Давно опровергнуто старое воззрѣніе, по которому родъ представлялся въ видѣ огромной, разросшейся семьи съ чадами и домочадцами. Достаточно выяснилось уже, что родъ вовсе не былъ союзомъ родственниковъ по крови, и что семья, какъ единица, обособилась позже, въ процессѣ разложенія родовыхъ учрежденій, на переходѣ ихъ въ государственныя.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что человѣческое стадо существовало задолго до появленія семьи, и, слѣдовательно, стадный „альтрюизмъ“ („всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“), въ порядкѣ эволюціи, предшествовалъ возникновенію чувствъ „семейнаго альтрюизма“. Оттуда и давно замѣченное запозданіе семейной этики: она возникаетъ на сравнительно-развитыхъ ступеняхъ варварской культуры и долго колеблется между противорѣчивыми правилами и запретами, а дѣтоубійство еще встрѣчается у племенъ, перешедшихъ отъ родового быта къ начаткамъ государственности. По всему видно, что человѣчеству было, такъ сказать, легче развить культуру, основать государство, упорядочить общественный бытъ, чѣмъ создать мораль семьи и, въ извѣстной мѣрѣ, этически обуздать эгоизмъ влеченій и чувствъ, коренящихся въ физіологіи пола.

И до сихъ поръ еще, въ цивилизованномъ мірѣ, этика половыхъ отношеній далеко отстала отъ этики другихъ человѣческихъ отношеній. Въ этой — злополучной — сферѣ, а слѣдовательно, и въ тѣсно связанной съ ней семейной альтруистическія чувства на каждомъ шагу вытѣсняются эгоистическими. Вотъ почему всѣ системы высокой морали, основанныя на принципѣ альтруизма, такъ единодушно ополчаются противъ половой любви и семейнаго эгоизма и проповѣдуютъ аскетизмъ, воздержаніе и безбрачіе.

Не въ половой любви, не въ семейныхъ чувствахъ, не въ привязанности къ роднымъ по крови надлежитъ искать первоисточника человѣческаго альтруизма.

Зародышъ, или отправной пунктъ, альтруизма мы усматриваемъ въ первобытномъ стадномъ чувствѣ. Это чувство, надо думать, искони чрезвычайно крѣпкое и властное, постепенно преобразовывалось, въ процессѣ развитія общественности и культуры, въ такія добродѣтели, какъ гражданская доблесть, патріотизмъ, подчиненіе интересовъ личности требованіямъ общественной или государственной пользы, героизмъ и т. д. Выше этого уровня альтруизмъ подымается только въ сферѣ высшей этики, требующей распространенія альтруистическихъ чувствъ на весь родъ человѣческій. На этихъ высотахъ морали альтруизмъ по необходимости превращается — не въ утопію, а въ фикцію: ибо нѣтъ возможности любить всѣхъ, да едва ли есть и надобность. Но можно и должно относиться ко всѣмъ такъ, какъ если бы была возможность всѣхъ „любить".

Альтруизмъ противопоставляется эгоизму. Мораль, основанная на альтруизмѣ, предъявляетъ человѣку требованіе устранять изъ области нравственныхъ отношеній (а вовсе не всѣхъ, какія возникаютъ между людьми) чувства и соображенія эгоистическаго свойства. Это приводитъ насъ къ принципу, установленному Кантомъ и гласящему, что въ сферѣ морали человѣкъ человѣку не средство, а цѣль.

IX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Высшую, всечеловѣческую мораль человѣчество давно выработало и не перестаетъ ее разрабатывать. Но является ли эта мораль дѣйствующею силою, — способна ли она сокрушить силу зла и воплотиться въ жизнь?..

Вопросъ можетъ показаться наивнымъ...

Но, думается мнѣ, въ высокой степени знаменателенъ тотъ фактъ, что человѣчество, казалось бы, достаточно умудренное многовѣковымъ опытомъ исторической жизни и упражняющееся — тысячелѣтіями — въ созданіи безмѣрнаго человѣческаго зла, до сихъ поръ еще не отучилось ставить вотъ такіе „наивные" вопросы...

„Наивность" есть прирожденное достояніе всего „сверхсоціальнаго". Развѣ не были „наивны" Сократъ и Спиноза? А великіе мудрецы Русской земли — Н. И. Пироговъ, Л. Н. Толстой, И. И. Мечниковъ -- развѣ свободны они отъ упрека въ „наивности"?

Разъ мы признали, что „сверхсоціальное" въ разныхъ областяхъ, въ томъ числѣ и въ морали, есть закономѣрное созданіе человѣческой эволюціи, — тѣмъ самымъ мы признали его значеніе, его силу и возможность его вліянія на жизнь.

Чтобы вопросъ не казался столь наивнымъ, нужно только дать ему другую постановку.

Развивается ли человѣчество въ сферѣ процессовъ соціальныхъ въ тѣсномъ смыслѣ (экономическихъ, правовыхъ и др.) въ направленіи, соотвѣтствующемъ „наивнымъ" запросамъ разума и морали, — или же, наоборотъ, оно идетъ въ противоположную сторону?

Если бы послѣднее было фактически возможно, — „сверхсоціальное" вообще, а разумъ и мораль въ частности, не могли бы существовать: въ человѣческомъ муравейникѣ для нихъ не было бы мѣста.

Самый фактъ ихъ существованія и развитія свидѣтельствуетъ о томъ, что они также созданіе „міра сего", и міръ безъ нихъ обойтись не можетъ.

Становясь на эту раціональную, историческую точку зрѣнія, мы послѣдовательно приходимъ къ тому *эволюціонному оптимизму*, который, не отрицая человѣческаго зла и даже переоцѣнивая его силу, прозрѣваетъ въ будущемъ торжество *разума и морали*.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ВЕЧЕРА.

Въ полумракѣ комнаты старинной,
Гдѣ молчитъ торжественный рояль,
Мы втроемъ встрѣчаемъ вечеръ длинный,
Позабывъ, что гдѣ-то есть печаль...

Мы съ сестрой прижались, присмирѣли,
Въ дивной власти свѣтлаго окна.
Сквозь холодный сумракъ черной ели
Насъ ласкаетъ тихая луна.

Позабытъ пасьянсъ Наполеона,
И разсказъ струится безъ конца...
Такъ мила волосъ сѣдыхъ корона
И овалъ увядшаго лица!

И разсказъ тотъ чопорно спокоенъ,
Какъ старинный дѣдовскій хрусталь...
Такъ красивъ и симметрично строенъ,
И его нарушить какъ-то жаль...

Вечера... Они не повторятся...
Нѣтъ старушки ласково-родной,
Вечера теперь иные длятся
Подъ холодной сумрачной луной...

О. Лятковская.

ГИМНАЗИЧЕСКІЕ И СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ И. И. МЕЧНИКОВА[1]).

Прежде чѣмъ поселиться въ наслѣдственномъ имѣніи (сл. Ивановка, Купянскаго у., Харьк. губ.), отецъ И. И., по обычаю людей его круга, отдалъ дань военной службѣ. Какъ значится въ дѣлахъ харьковск. депутатскаго собранія[2]), полковникъ Илья Ивановичъ и жена его Эмилія прижили четырехъ сыновей Ивана, Льва, Николая, Илью и дочь Екатерину Илья родился 3 мая 1845 г. — послѣднимъ. Не разъ наблюдали, что великіе люди рѣдко бываютъ первенцами. Считаться ли тутъ съ физіологическими причинами (организмъ матери еще не приспособился), культурными (способнымъ младшимъ, подражая, легче развиваться въ условіяхъ начавшагося обученія старшихъ ихъ наставниками), или съ тѣми и другими вмѣстѣ — сказать пока трудно. О Мечниковѣ сохранилось извѣстіе, что на него оказалъ вліяніе репетиторъ старшаго брата Ивана, студентъ натуралистъ, увлеченный своей наукой. Изъ Ивана, однако, вышелъ юристъ. И онъ, какъ большинство въ роду Мечниковыхъ, умеръ рано, при томъ мучительно-болѣзненной смертью (она дала сюжетъ для повѣсти Л. Н. Толстого: „Смерть Ивана Ильича"). Илья также не мало хворалъ въ дѣтствѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, сотни ежегодно пропущенныхъ уроковъ въ гимназіи. Уже перейдя средній возрастъ жизни своихъ родныхъ, И. И. склоненъ былъ свое сравнительное долголѣтіе объяснять установленнымъ для себя режимомъ. Дошкольное развитіе Мечникова, какъ у большинства выдающихся людей, пошло быстрыми шагами; девяти-десятилѣтній мальчикъ смогъ поступить въ гимназію (2-ю харьковскую), минуя первый классъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія о

---

1) Замѣтки по архивнымъ даннымъ.

2) № 541, 31 окт. 1856 г.

занятіяхъ и успѣхахъ И И. съ IV класса. Они допускаютъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторыя любопытныя заключенія. Прежде всего, останавливаетъ вниманіе различная оцѣнка успѣховъ и поведенія юнаго гимназиста до VI класса. Отмѣтки успѣховъ пестрятъ, такъ называемыми, по школьному жаргону „пятерками". Графы поведенія заполнены четверками, критеріемъ, — согласно гимназическимъ традиціямъ, — довольно низкимъ. Ибо слѣдующая степень „тройка" — угроза, иногда замѣнительная кара „выведенія изъ учебнаго заведенія", о чемъ директоръ той же гимназіи не однократно предупреждалъ М. М. Ковалевскаго — младшаго сотоварища Мечникова[1]). Согласно педагогическимъ наблюденіямъ, такъ называемые, первые ученики отличнаго поведенія и отличныхъ успѣховъ, достигнутыхъ одною усидчивостью и трудоспособностью, не кандидаты въ люди, глубоко бороздящіе міровую культуру. Напротивъ, послѣдніе настолько легко учатся, насколько трудно поддаются школьной ферулѣ. Рѣзвый и живой переходный возрастъ не всегда позволяетъ имъ достигать высшей офиціальной оцѣнки. Затѣмъ, среди „отличныхъ" и, рѣже, „хорошихъ" успѣховъ за тотъ же періодъ по другимъ предметамъ, основа гимназическаго классицизма „латынь" сопровождается неизмѣнно знакомъ „удовлетворительно". Онъ же стоитъ, впрочемъ, уже чередуясь съ четверками, передъ близнецами-захребетниками тогдашнихъ гимназій — исторіей и географіей. Люди, отмѣченные даромъ исканія истины еще на школьной скамьѣ, часто не удовлетворяются преподаваніемъ науки, гдѣ требуемое усвоеніе словъ и понятій заслоняетъ реальное знаніе. Средній умъ механически и покорно заполняется этимъ балансомъ, а высшій, благодаря инстинкту, подсказывающему, что совершается медленное убійство способности къ творчеству и изслѣдованію, — пріобрѣтаетъ отвращеніе.

Пишущій эти строки получалъ классическое образованіе позднѣе, когда удобренное сильнѣе оно приносило махровые цвѣты. У него въ памяти директоръ гимназіи, совѣтовавшій ученикамъ „ввѣренной" гимназіи, посвящать свободное время „методическому" изученію латинскихъ и греческихъ словарей. Въ его воспоминаніи — носители тогдашняго клас-

[1]) Семьи обоихъ будущихъ ученыхъ, по зимамъ, жили въ Харьковѣ, недалеко другъ отъ друга: Ковалевскій съ матерью на углу Екатеринославской около сквера, Мечниковы — Ярославской.

сицизма, преимущественно чехи. Ихъ преподаванiе — сплошная забота о механическомъ изученiи языковъ — средства, возведеннаго въ цѣль.

Послѣ штудированiя томительныхъ исключенiй („подтверждавшихъ филологическiя правила“) педагоги переходили къ чтенiю авторовъ. Переводы наши корректировались довольно сложнымъ способомъ. Учитель-чехъ обыкновенно пользовался нѣмецкимъ изданiемъ классиковъ, гдѣ латинскiй или греческiй текстъ печатанъ на параллельныхъ, en regard, страницахъ съ нѣмецкимъ переводомъ. Соотвѣтствующее мѣсто переводилось имъ съ древняго на нѣмецкiй, съ нѣмецкаго на родной чешскiй (языкъ его мысли), съ чешскаго на русскiй. Я не буду приводить образцы переводовъ, до сего дня не забытые. Съ излишкомъ оправдывалась итальянская поговорка: tradutori—traditori. При такихъ условiяхъ, легко понять „значенiе“ для насъ extemporalia, т. е. переводовъ съ русскаго на древнiе, если текстъ для перевода создавался упомянутымъ способомъ, а „correctum“ производилось по подлиннику. Въ памяти и учитель географiи. Отвѣтчику приказывалось подойти къ географической картѣ и стать къ ней спиной. Затѣмъ отвѣчать: подъ какими широтой и долготой находились города. По исторiи онъ же удручалъ хронологiей.

Эти важные, глубоко интересные предметы обращали въ несносное тягло. И знанiя, прiобрѣтенныя по нимъ на сторонѣ, дома, въ кружкахъ для самообразованiя, часто расходились съ исторiей въ ея офицiальной транспонировкѣ. Они не могли подходить подъ офицiальное мѣрило.

Изъ любопытныхъ записокъ М. М. Ковалевскаго, ученика той же гимназiи, видно, что сознательная молодежь училась по книгамъ и въ кружкахъ. Знанiя, прiобрѣтенныя Мечниковымъ, такимъ образомъ, по исторiи были, повидимому, достаточно осмысленными. Это обнаруживаетъ выпускное сочиненiе, для поступленiя въ университетъ, сохранившееся среди гимназическихъ документовъ. — „О значенiи папской власти въ среднiе вѣка“. Оно сдѣлало бы честь и теперь не только абитурiенту гимназiи, но и студенту историко-филологическаго факультета.

Какъ это знанiе, такъ и любовь къ естественнымъ наукамъ культивировались — сказали мы выше — самообразовательной кооперацiей.

На Мечниковѣ и Ковалевскомъ, съ прекрасной дошколь-

ной подготовкой и внѣшкольной работой, отразилось вліяніе тогдашняго общественно-философскаго теченія. Русскіе общественные круги, послѣ крушенія нѣмецкой метафизики, обратились къ занятіямъ научной философіей, возобладавшей и на западѣ: во Франціи, Англіи и той же Германіи (Л. Фейербахъ). Въ Россіи оно связано съ именемъ Чернышевскаго и теоріей „антропологизма", затѣмъ Лаврова, ясно различавшаго контизмъ и позитивизмъ, и др. Оба товарища, старшій — Мечниковъ и младшій — Ковалевскій, съ юности до смерти остались вѣрны позитивизму и раціонализму; неизмѣнно отвращаясь отъ мистики и словесно-логическихъ построеній, они стали хозяевами одинъ въ біологіи, другой — въ соціологіи.

Научныя симпатіи Мечникова уже въ гимназіи имѣютъ нѣкоторые симптомы. Просматривая гимназическія вѣдомости, видишь, что по мѣрѣ приближенія къ концу стажа за Мечниковымъ устанавливается репутація отличнаго ученика. Всѣ отмѣтки выравниваются въ круглое пять — отмѣтки, до сихъ поръ сопровождавшія постоянно естественную исторію. Послѣдняя введена во всѣ гимназіи съ 1860 г. и въ предметы полнаго университетскаго пріемнаго испытанія. Во 2-й харьковской гимназіи она производилась и раньше. Кромѣ нея, Мечниковъ изучалъ, какъ особый предметъ, сельское хозяйство. Можно думать, что репутація отличнаго ученика воздѣйствовала на оцѣнку успѣховъ и по гуманитарнымъ наукамъ. При существующей понынѣ системѣ отмѣтокъ — этой praeambula gratiae чиновничьей табели о рангахъ, и теперь практикуются произвольныя надбавки и убавки по нѣкоторымъ предметамъ, сообразно общему впечатлѣнію. Такія прибавки и убавки имѣютъ мѣсто даже въ университетскихъ государственныхъ комиссіяхъ.

Резюмируя итоги успѣховъ Мечникова за гимназическій курсъ, офиціальный документъ гласилъ, что юноша, по степени своего умственнаго развитія, признанъ способнымъ къ университетскому образованію и награжденъ золотою медалью.

Однако, по правиламъ, для поступленія въ университетъ требовалось полное или сокращенное испытаніе. Правила, эти отражали на себѣ господство сословнаго строя. Будущій университантъ, если принадлежалъ къ духовному званію, долженъ былъ выхлопотать увольненіе отъ него, дававшееся Д. консисторіей; купеческіе сыновья отъ купеческихъ обществъ, лица податного сословія ни въ коемъ случаѣ не

освобождались отъ платы за ученіе и пр. Сокращенному испытанію подвергались окончившіе курсъ въ гимназіяхъ и дворянскихъ институтахъ съ аттестатомъ. На сокращенномъ испытаніи аспиранты физико-математическаго факультета должны были показать свои основательныя знанія по математикѣ, физикѣ, естественной исторіи, русскому и одному изъ новѣйшихъ языковъ.

Послѣдній факультетъ избралъ для себя Мечниковъ. Въ 1862 г., въ сентябрѣ, 22 числа, онъ подаетъ и. д. ректора Алек. И. Полюмбецкому соотвѣтствующее прошеніе.

Однако, въ число студентовъ харьковскаго университета онъ принимается безъ экзамена.

На представленіе объ этомъ попечителя учебнаго округа послѣдовало разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія.

17-лѣтній студентъ началъ изучать циклъ наукъ, привлекавшій тогда молодежь, при томъ въ количествѣ бо́льшемъ, чѣмъ другіе. Слѣдя за числомъ поступленій на различные факультеты, мы находимъ, что, напр., въ 1859 г. изъ 11 абитуріентовъ 2-й харьковской гимназіи на юридическій не поступило ни одного человѣка, на историко-филологическій 1, на медицинскій 3, остальные 7 на физико-математическій по разряду естественныхъ наукъ преимущественно.

Исключительное, по условіямъ, поступленіе въ университетъ явилось началомъ и исключительнаго прохожденія вънемъ курса. Въ 186²/₃ акад. году, на основаніи распоряженія министра народнаго просвѣщенія, Мечниковъ переводится на 2-й курсъ безъ экзаменовъ. Усиленно проработавъ въ теченіе двухъ лѣтъ, начинающій ученый подаетъ 2 мая 1864 г., ректору унив., Вл. Ак. Кочетову, на первый взглядъ, странное прошеніе: „Имѣя необходимость, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволиться изъ здѣшняго университета, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать зависящія отъ васъ распоряженія о выдачѣ мнѣ документовъ“.

Ректоръ помѣтилъ: „Выдать документы и исключить просителя“.

Поданное прошеніе находитъ объясненіе въ двухъ слѣдующихъ просьбахъ. Первая изъ нихъ датирована 9 марта 1864 г.

„Желая, гласитъ она, въ качествѣ вольнослушателя слушать лекціи въ здѣшнемъ университетѣ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство, уволивъ меня изъ университета, допустить къ слушанію лекцій четвертаго курса физико-мате-

матическаго факультета по разряду естественныхъ наукъ, прилагая при семъ удостовѣреніе, данное мнѣ гг. профессорами".

Профессора, лично знавшіе работы студента, охотно дали свое согласіе.

На прошеніи имѣются собственноручныя надписи: Н. Бекетова, профессора органической химіи, А. Черная — зоолога, Маслова, читавшаго сравнительную анатомію.

Но и это прошеніе — формальная уловка. Черезъ мѣсяцъ, 1864 г. 2 апр., новое прошеніе раскрываетъ конечную цѣль Мечникова, которой онъ легко достигаетъ. Онъ проситъ о разрѣшеніи держать окончательный университетскій экзаменъ по зоологіи, сравнительной анатоміи вмѣстѣ съ физіологіей, ботаникѣ, химіи, минералогіи и геологіи, физикѣ и физической географіи, сельскому хозяйству и французскому языку. Получивъ разрѣшеніе, Мечниковъ проводитъ испытаніе съ отмѣткой: „отлично". Но по богословію, церковной исторіи, технологіи — только хорошо.

Удостаивается полнаго одобренія и представленное имъ сочиненіе: „Изслѣдованіе фабриціи Сѣвернаго моря". На основаніи результатовъ экзамена совѣтъ университета, 19 дек. 1864 г., утвердилъ Мечникова въ степени кандидата физико-математическаго факультета по отдѣленію естественныхъ наукъ.

Такимъ образомъ, работу, предназначенную для средняго студента на 4 года, нашъ ученый продѣлалъ почти вдвое быстрѣе. Продуктивность же начавшаго самостоятельныя изслѣдованія студента также была исключительной.

Блестящій умъ, конечно, замѣченъ профессорами-руководителями. Согласно представленію факультета, совѣтъ университета ходатайствовалъ передъ министерствомъ о назначеніи Мечникову стипендіи для продолженія научнаго образованія за границей. И. И. хотѣлъ спеціализироваться въ зоологіи и сравнительной анатоміи. Изъ Петербурга послѣдовалъ отказъ. Министръ ссылался на недостатокъ средствъ, обѣщалъ исполнить просьбу совѣта, если „въ слѣдующемъ году будутъ ассигнованы достаточные къ тому денежные способы"[1].

Изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи документовъ не видно, явились ли эти „достаточные денежные способы" и помогли ли Мечникову.

Мы знаемъ только изъ тѣхъ же документовъ, что со-

---

[1]) № 10 332. 2 декабря 1864 г.

бираясь въ 1864 г. за границу, онъ хлопочетъ передъ ректоромъ харьковскаго университета о выдачѣ ему всѣхъ бумагъ, необходимыхъ для полученiя заграничнаго паспорта [1]).

Извѣстно, что въ этомъ же году онъ и уѣхалъ за границу, гдѣ началась и, къ сожалѣнiю, окончилась его научная работа, стяжавшая всемiрную славу его русскому имени.

Ар. Фатѣевъ.

1) Прошенiе Мечникова 2 мая 1864 г.

РОДНОЙ УГОЛЪ.

Безконечно поле... Безграничны дали...
Бѣлыя березы, хвоя да ольха...
Тихія озера, полныя печали...
Въ рощѣ стонъ свирѣли дѣда-пастуха.

Старая усадьба... Сѣрый домъ унылый...
Мельничныя сваи... Вербы надъ рѣкой.
Вензеля въ аллеяхъ... Чей-то обликъ милый...
Чей-то взглядъ, горящій страстною тоской.

О. Лятковская.

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. И. МЕЧНИКОВѢ.

Моя первая встрѣча съ Ильей Ильичемъ относится къ 1896 г., когда, вскорѣ по окончаніи гимназіи, я пыталась поступить на медицинскій факультетъ въ Парижѣ. Это былъ періодъ, когда во Франціи громко раздавался кличъ „La France aux Français", и иностранцы, оканчивающіе курсы французскихъ университетовъ, лишались права полученія государственныхъ дипломовъ, а новые принимались лишь крайне неохотно. Парижскія высшія школы, гдѣ наплывъ иностранцевъ, главнымъ образомъ, русскихъ, былъ особенно великъ, — совершенно закрыли для нихъ свои двери.

Я пришла къ Ильѣ Ильичу съ письмомъ отъ одного изъ его русскихъ друзей, который просилъ оказать мнѣ содѣйствіе для поступленія въ парижскій университетъ.

Робѣя и смущаясь, я передала Ильѣ Ильичу письмо и изложила суть моей просьбы. Очевидно замѣтивъ мое смущеніе, онъ сразу заговорилъ въ добродушномъ и ласковомъ тонѣ, пошутилъ по поводу моей крайней молодости, не вяжущейся съ солиднымъ званіемъ студентки, и сейчасъ же принялся за письмо декану медицинскаго факультета. Но, написавъ обращеніе, онъ добродушно сознался, что никакъ не могъ до сихъ поръ осилить всѣхъ тонкостей французскаго эпистолярнаго языка, и что лучше позвать на подмогу кого-либо изъ французовъ, работавшихъ въ сосѣднихъ комнатахъ.

Немедленно явился молодой французъ, замѣтно обрадовавшійся зову учителя и всей своей фигурой изображавшій безграничную почтительность.

Илья Ильичъ передалъ ему, въ чемъ дѣло, и поручилъ написать все это по-французски „какъ-нибудь повѣжливѣе". Милая простота его обращенія понемногу побѣдила мою робость, и я не могла не улыбаться, слушая, какъ Илья Ильичъ съ жаромъ отстаивалъ нѣкоторыя изъ выраженій своей редакціи.

— Но, Maître, — почтительно протестовалъ французъ, какъ

же вы хотите надписать „уважающій и преданный", когда вы занимаете положеніе выше, чѣмъ адресатъ?

— Почему же мнѣ не написать „уважающій", если я дѣйствительно уважаю его?—искренно удивлялся Илья Ильичъ, славянской натурѣ котораго были дѣйствительно чужды словесныя фіоритуры и точная дозировка въ проявленіи чувствъ.

Но ученикъ его энергично отстаивалъ формулу, болѣе подобающую, по его мнѣнію, соотносительному положенію Ильи Ильича и декана, и Илья Ильичъ, хотя и и не безъ протеста, уступилъ.

Я не разъ вспоминала эту сценку впослѣдствіи, когда мнѣ приходилось имѣть дѣло съ французскими „princes de la Science"—такой рѣзкій контрастъ представляло ихъ олимпійское величіе съ обаятельной простотой великаго ученаго, котораго намъ, русскимъ, такъ хотѣлось бы назвать „великимъ ученымъ земли русской".

Но первое письмо Ильи Ильича подѣйствовало не сразу — такъ сильно было желаніе факультета поставить плотину наплыву иностранцевъ. Правда, я еще не получала офиціальнаго отказа какъ многіе десятки другихъ, но не получала и утвердительнаго отвѣта.

Учебный годъ уже начался и, затерянная въ огромномъ Парижѣ, тоскуя по работѣ, я переживала тяжелые дни, полные неопредѣленности и неизвѣстности. Наконецъ, получаю повѣстку отъ декана.

Старый профессоръ встрѣчаетъ меня съ улыбающимся лицомъ.

— „Ну, что жъ, если профессоръ Мечниковъ не можетъ поѣхать съ вами въ Ліонъ, придется намъ принять васъ въ парижскую медицинскую школу.

Я смотрю на него съ недоумѣвающимъ видомъ, ничего не понимая.

Тогда деканъ протягиваетъ мнѣ письмо, написанное рукой Ильи Ильича. Оказывается, желая помочь мнѣ, Илья Ильичъ прибѣгъ къ героическому средству — написалъ декану, что, въ виду моей крайней молодости, онъ взялъ на себя „veiller sur moi" и не рѣшается отпустить меня въ Ліонъ или другой провинціальный университетскій городъ, куда онъ не могъ бы за мной послѣдовать.

Когда я стала горячо благодарить Илью Ильича за участіе, которое онъ во мнѣ принялъ, онъ только отмахнулся рукой. „Не за что, не за что, смотрите—учитесь хорошенько".

И полушутя, полусерьезно наказалъ мнѣ докладывать ему о результатахъ каждаго экзамена, что я неукоснительно выполняла въ теченіе 5 лѣтъ.

Будучи на четвертомъ курсѣ, я записалась на трехмѣсячный курсъ бактеріологіи въ Пастеровскомъ институтѣ. Лекторы составляли настоящее созвѣздіе свѣтилъ: Илья Ильичъ, проф. Roux, проф. Laveran и т. д.

Илья Ильичъ былъ любимымъ лекторомъ многочисленной и довольно таки требовательной аудиторіи, въ которой были представители двѣнадцати національностей (я какъ-то спеціально занялась этимъ подсчетомъ). Французы-студенты и молодые врачи называли его на своемъ argot школьниковъ съ ласковой фамильярностью „Père Metch" и бурно реагировали на шутливыя замѣчанія, которыми онъ умѣлъ оживлять лекціи о самыхъ сложныхъ предметахъ. Чрезвычайная яркость и простота изложенія, убѣжденный, часто страстный тонъ, оживленная жестикуляція какъ-то дѣлали простыми и понятными самыя мудреныя теоріи.

По-французски И. И. говорилъ вполнѣ свободно, но все же чувствовалось, что это не его родной языкъ, и что мыслитъ онъ по-русски. Иногда среди изложенія отъ него вдругъ ускользало какое-нибудь французское слово, и онъ съ добродушной досадой бросалъ въ воздухъ: „Да какъ же это по-французски?", на что мы, русскіе слушатели, хоромъ подавали нужную реплику.

По окончаніи курса я стала размышлять о своей будущей диссертаціи.

И. И. предложилъ мнѣ разработать одну тему изъ цикла интересовавшихъ его вопросовъ о самозащитѣ организма, и я съ жаромъ принялась за работу въ его лабораторіи. Здѣсь, подъ высокими сводами Пастеровскаго института, рядомъ съ комнатой, гдѣ назрѣвала мысль и творился трудъ генія, я впервые пережила восторги увлеченія чистой наукой. Чувствовалось, что все мелкое, житейское, злободневное оставалось за порогомъ этого дома, осѣненнаго именемъ Pasteur'a: здѣсь обитало только стремленіе къ истинѣ.

Временами И. И. заходилъ въ мою комнату, выслушивалъ мои планы и результаты опытовъ, смотрѣлъ препараты. Онъ слушалъ внимательно и съ интересомъ, изрѣдка вставляя вопросы и замѣчанія, и его одобрительная улыбка разсѣивала тревогу сомнѣній, столь знакомыхъ каждому при первой самостоятельной работѣ.

Иногда разговоръ заходилъ и на другія темы. И. И. любилъ незлобиво подтрунить надъ женской эмансипаціей и какъ-то даже увѣрялъ меня, что кроличиха въ его лабораторіи оставила безъ ухода (или даже, кажется, съѣла) выводокъ кроличатъ, чтобы имѣть возможность посвятить себя выспреннимъ задачамъ духа. Я съ жаромъ протестовала, доказывая, что женщины новой формаціи будутъ лучшими матерями, будутъ лучше и разумнѣе любить своихъ дѣтей, чѣмъ ихъ прабабушки. Но И. И. только посмѣивался, приговаривая: „Посмотримъ, какъ вы сумѣете заниматься и наукой, и дѣтьми".

Немедленно послѣ защиты диссертаціи, которую я, по-французскому обычаю посвященій, посвятила И. И., я пришла къ нему проститься, — я уѣзжала въ Россію. Его ласковая похвала была мнѣ безконечно дороже, чѣмъ офиціальная „mention honorable" факультета. Онъ сердечно простился со мной, настойчиво совѣтуя продолжать научную работу и ласково наказывая обратиться къ нему, если борьба за мѣсто подъ солнцемъ на родинѣ окажется слишкомъ трудной — брать тогда же рекомендательныя письма, какъ предлагалъ И. И., я не хотѣла, наивно полагая, что выкарабкаюсь собственными силами.

Вторично мнѣ пришлось встрѣтиться съ И. И. семь лѣтъ спустя, во время его всѣмъ памятнаго пребыванія въ Петербургѣ. Я работала тогда въ институтѣ экспериментальной медицины, который И. И. посѣтилъ въ первые же дни послѣ пріѣзда, обходя, въ сопровожденіи покойнаго В. В. Подвысоцкаго, всѣ лабораторіи. По окончаніи обхода, И. И. обратился ко мнѣ со своей милой, доброй улыбкой со словами: „А вѣдь намъ съ вами, Л. М., по старой дружбѣ надо еще повидаться и поговорить какъ слѣдуетъ", и тутъ же рѣшилъ, что непремѣнно пріѣдетъ ко мнѣ и посмотритъ на моего сына, которому тогда было 10 мѣсяцевъ. Дѣйствительно, несмотря на почти ежедневныя торжественныя собранія въ честь его, на множество дѣлъ, вызванныхъ взрывомъ чувствъ къ нему петербургскаго общества, И. И. нашелъ время сдержать свое обѣщаніе.

Встрѣтившись на юбилеѣ проф. Подвысоцкаго, мы оттуда поѣхали ко мнѣ.

Поднимаясь на четвертый этажъ, И. И. добродушно похвалился тѣмъ, что онъ, въ его годы, запыхался меньше, чѣмъ я. И это была правда — у него былъ такой бодрый и свѣжій

видъ, что какъ-то не думалось объ его годахъ, — и такъ вѣрилось, что еще долго силой своего знанія и могучаго духа онъ будетъ побѣждать старость и смерть...

И. И. обнаружилъ живой интересъ къ моему малюткѣ, и, похваливъ меня за его цвѣтущій видъ, шутливо припомнилъ нашъ парижскій разговоръ объ эмансипированной кроличихѣ, чистосердечно сознавшись, что была права я, а не онъ. Онъ взялъ крошку на руки и, вѣроятно, желая порадовать материнское сердце, составилъ ему гороскопъ. И я охотно напоминаю объ этомъ ребенку, разсказывая ему, что одинъ изъ величайшихъ людей современности стоялъ у его колыбели и благословилъ его на научный трудъ; и ребенокъ благоговѣйно чтитъ память того, кого на своемъ дѣтскомъ языкѣ онъ зоветъ „знаменитымъ дѣдушкой".

Затѣмъ разговоръ, естественно, перешелъ на тѣ научные вопросы, которые особенно живо интересовали И. И. и которымъ были посвящены мои послѣднія работы. Онъ спорилъ съ увлеченіемъ, какъ будто стараясь убѣдить цѣлую аудиторію, говорилъ о работахъ своихъ парижскихъ учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прибавилъ онъ съ ошеломляющей скромностью, „гораздо образованнѣе его самого". Эта изумительная простота и скромность глубоко жила въ его ясной и трезвой душѣ, которую нельзя было отуманить никакимъ ѳиміамомъ.

Я стала допытываться, какое впечатлѣніе произвели на него только что пережитыя оваціи. Я лично была горда и счастлива этими бурными выраженіями восторга по адресу любимаго учителя, и мнѣ хотѣлось услышать, что онъ доволенъ своимъ пріѣздомъ на родину.

— Вѣдь все-таки вамъ пріятны были эти оваціи? — спрашивала я.

— Конечно, пріятны, — добродушно согласился онъ, — но вѣдь я отъ нихъ не сталъ умнѣе. То, за что меня чествуютъ, я сдѣлалъ уже много лѣтъ тому назадъ, и никто въ Россіи меня не чествовалъ — напротивъ, меня считали фантазеромъ, да и вообще какъ-то не думали обо мнѣ. Ну, а теперь послѣ японской войны хочется утѣшиться мыслью, что у насъ вотъ свои русскіе таланты есть — вотъ за меня и схватились; это такъ понятно...

Я почти дословно привожу сказанное И. И.; и, хотя у иныхъ эти слова могутъ, пожалуй, вызвать чувство горечи, но, мнѣ кажется, что И. И. имѣлъ нравственное право такъ говорить. И у немногихъ, безъ сомнѣнія, хватило бы умѣнія

такъ объективно, безъ тѣни тщеславія и самолюбованія, отнестись къ прославленію собственной личности.

Это не значитъ, конечно, что И. И. не зналъ себѣ цѣны и не сознавалъ своей исключительной даровитости. Любопытно отмѣтить, что одаренность своей натуры онъ въ значительной степени приписывалъ смѣшенію въ его жилахъ крови двухъ расъ (мать его, какъ извѣстно, была еврейкой): смѣшанные браки, по его мнѣнію, улучшаютъ качество человѣческой расы.

Меня не мало порадовали въ этой бесѣдѣ мысли, высказанныя И. И. относительно женскаго движенія, къ которому онъ ранѣе относился съ добродушной ироніей. „Вы посмотрите, говорилъ онъ, какъ часто жены, которыя совсѣмъ не понимаютъ дѣятельности мужа, являются для мужчинъ тормазомъ, тянутъ ихъ книзу“. И онъ назвалъ нѣсколько именъ изъ міра науки и литературы. „Чѣмъ развитѣе будутъ женщины, тѣмъ лучше и для мужчинъ. Жена, которая понимаетъ работу мужа и дѣлитъ ее, это — сущій кладъ“...

Такой кладъ, какъ извѣстно, судьба даровала самому И. И. въ лицѣ незаурядной женщины, которая такъ заботливо и умѣло создала вокругъ него самую благопріятную атмосферу для труда его жизни.

Узнавъ, что И. И. собирается ѣхать къ Толстому, я высказала мысль о томъ, какъ должно быть интересно это столкновеніе двухъ философій.

— Ну, какой же Толстой философъ? — остановилъ меня И. И.

— Какъ художнику, ему нѣтъ равнаго... А философъ... нѣтъ, какой же онъ философъ? — повторилъ онъ.

Я не разспрашивала его о мотивахъ этой оцѣнки, которая, въ сущности, и не могла быть иной въ устахъ Мечникова: великій біологъ, предъ глазами котораго міръ живыхъ существъ развертывалъ картину непрестанной борьбы, логически не могъ признать философской системой отрицаніе борьбы; пытливый ученый, подмѣтившій въ великой лабораторіи природы многочисленные недочеты и ошибки творенія, неустанно искавшій и находившій способы устраненія ихъ, логически не могъ принять догмата о благой и непогрѣшимой творческой силѣ; апостолъ раціонализма не могъ признать философомъ апостола вѣры.

Когда И. И. собрался уходить, я поѣхала провожать его до дому. Уже простившись съ нимъ, я видѣла изъ окна трамвая сценку, воспоминаніе о которой и теперь меня трогаетъ.
Къ И. И. подошла какая-то старая бѣдно одѣтая женщина и, повидимому, стала разспрашивать его, какъ ей пройти на такую-то улицу. И. И., судя по тому, какъ онъ озирался по сторонамъ, разсматривалъ сквозь очки названіе улицы на доскѣ, потиралъ лобъ, и самъ хорошенько не зналъ, но все же не рѣшался оставить старуху въ затрудненіи. Онъ подошелъ къ сосѣдней улицѣ, посмотрѣлъ на ея названіе, потомъ къ улицѣ наискось и, очевидно, не найдя того, что нужно, энергичнымъ жестомъ взялъ зонтикъ подмышку и пошелъ на сосѣднюю площадь, спрашивать городового. Затѣмъ съ удовлетвореннымъ видомъ вернулся къ старухѣ, растолковалъ ей что-то и лишь тогда пошелъ своимъ путемъ.

Можетъ быть, это — мелочь, но все же — сколько я ни старалась представить себѣ въ этой сценкѣ на мѣстѣ И. И. французскихъ princes de la Science, нѣмецкихъ Geheimrath'овъ, русскихъ чиновныхъ профессоровъ, ничего не выходило. И мнѣ вспомнился афоризмъ Бетховена: „Нѣтъ болѣе вѣрнаго признака величія, какъ доброта" и слова Ролана: „Гдѣ нѣтъ великаго характера, тамъ нѣтъ великаго человѣка, ни великаго художника, ни великаго дѣятеля".

Отошедшій въ вѣчность учитель былъ истинно великъ — величіемъ творческаго ума и ясной мудрой любви къ жизни и къ людямъ. Если онъ и ненавидѣлъ кого-либо, то развѣ „торгашей во храмѣ" — тѣхъ, кто, прикрываясь стремленіемъ къ научной истинѣ, преслѣдовали мелкія личныя цѣли. Къ такимъ И. И. былъ безпощаденъ, для нихъ онъ находилъ слова бичующаго гнѣва и язвительной насмѣшки. Всѣ же, кто искренно любилъ науку, были его друзьями, и для нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ онъ былъ истиннымъ отцомъ.

Русское общество мало знало великаго русскаго мыслителя, для котораго не нашлось мѣста въ Россіи, который былъ на родинѣ лишь рѣдкимъ случайнымъ гостемъ. И даже урна съ дорогимъ прахомъ по праву принадлежитъ не родинѣ, которая была для него мачехой, а великой чужой странѣ, которая сумѣла разглядѣть черты генія, заботливо взлелѣяла его на благо всему человѣчеству и приняла его въ Пантеонъ безсмертныхъ.

Пусть же теперь русское общество, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, черпаетъ вѣру и бодрость въ сознаніи, что безсмертный мыслитель былъ все-таки сыномъ Россіи. Особенно теперь — когда міромъ какъ будто овладѣлъ демонъ разрушенія, и временами становится страшно за человѣка — мысль съ благодарностью и умиленіемъ останавливается на благородномъ образѣ великаго мудреца съ дѣтски-ясной улыбкой, всеобъемлющій умъ котораго неустанно работалъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать человѣчество счастливѣе и лучше. И отъ всего сердца хочется повторить слова Грубера: „Мечниковъ — больше чѣмъ выдающійся ученый, это чистый и добрый человѣкъ, воплощеніе лучшихъ сторонъ духа своего народа, истинное украшеніе человѣчества...“

Прив.-доц. **Л. Горовицъ-Власова.**

ВЪ ПАРИЖСКОМЪ ПАНСІОНѢ.

Нильса Коллета Вогта.

Въ пансіонѣ мадамъ Мишель обѣдаютъ. Столовая — круглая, тѣсная комната; въ ней мало свѣта, проникающаго сквозь окна изъ задняго двора, но зато много пыли отъ рваныхъ обоевъ и ковровъ; надъ буфетомъ виситъ одинокій портретъ Виктора Гюго.

Въ комнатѣ только одинъ ораторъ: хозяйка. Она говоритъ высокимъ голосомъ, при чемъ рѣзко размахиваетъ руками и кидаетъ быстрые, колючіе взгляды на слушателей. Она говоритъ о Жоресѣ, вождѣ соціалистовъ. И онъ продалъ будущее соціализма во Франціи за грязное золото! Такъ это всегда и бываетъ. Ce lâche-là!

Потомъ она переходитъ къ Рошфору, презирать котораго она научилась во время своего многолѣтняго пребыванія въ Новой Каледоніи, куда адвокаты Республики сослали ихъ обоихъ послѣ паденія Коммуны. Ce marquis-là! Она смѣется съ горькимъ наслажденіемъ, и въ то же время подозрительно смотритъ на своихъ гостей, въ числѣ которыхъ имѣются двѣ молоденькія норвежки, единственныя платныя у нея пансіонерки. Остальные — польскіе и армянскіе эмигранты, французскіе анархисты, бѣжавшіе русскіе заключенные.

На одномъ концѣ стола сидитъ monsieur Шарль. Отъ его большого горба падаетъ тѣнь. Онъ устремилъ свои взгляды на рослую дѣвушку съ роскошными формами, которую оттѣненные длинными рѣсницами бархатные глаза и таинственная улыбка, порхающая вокругъ широкаго, чувственнаго рта, дѣлаютъ странно красивой и привлекательной.

Ея улыбка фальшива и все-таки плѣнительна. Молчаливая, откинувшись на спинку стула, она слушаетъ и наблюдаетъ все кругомъ происходящее, и никто не знаетъ, что скрывается за ея улыбкой: уваженіе, или презрѣніе, одобреніе, или равнодушіе. Но при взглядѣ на нее кровь кипитъ, и нервы трепещутъ. И можетъ даже явиться желаніе увидѣть замирающей эту улыбку на ея изогну-

тыхъ, горячихъ губахъ, замыкающихъ рядъ зубовъ, созданныхъ для того, чтобы кусать живую плоть.

И вотъ, когда вы насытились кушаньями, мадамъ Мишель — допустимъ даже, что въ видѣ вознагражденія вы въ полслуха слушали ея страстные выпады и необоснованныя утвержденія — и винные пары еще бродятъ у васъ въ головѣ, вы предаетесь наслажденію созерцать эту загадочную, двусмысленную улыбку. Что думаетъ mademoiselle Жоржетъ объ убійствахъ въ Арменіи? Или о послѣднемъ указѣ Плеве? Интересно было бы установить, нравится ли m-elle Жоржетъ послѣдняя рѣчь Мильерана въ палатѣ? У женщинъ бываетъ иногда такое тонкое политическое чутье . . . Наконецъ, голосъ m-me Мишель, звучащій, какъ пожарный набатъ, прекращаетъ эту попытку къ ухаживанью у нея за столомъ. И лица у всѣхъ опять вытягиваются и принимаютъ неподвижное выраженіе, какъ это и полагается страдальцамъ за идею . . .

— Изъ-за сволочи!—отвѣтила мнѣ m-me Мишель, когда я однажды спросилъ, какъ это случилось, что Жоржетъ пользуется правомъ пріюта въ этомъ домѣ. — Буржуи, понимаете ли. Самодовольные, подлые рантье. У такой-то сволочи служила Жоржетъ. Ну, вотъ! И среди всей этой безстыдной роскоши, которую буржуазія позволяетъ себѣ еще, бѣдной Жоржетъ пришло однажды въ голову надѣть на себя соболье боа своей госпожи и прогуляться въ немъ по бульварамъ. Что можетъ быть естественнѣе? Но что же дѣлаетъ буржуазка? Да, какъ вы думаете, что она сдѣлала? Она выгнала Жоржетъ изъ дома и заявила о ней первому попавшемуся полицейскому. Тогда Жоржетъ, вся въ слезахъ, пришла ко мнѣ. «Я — соціалистка, — сказала она, — и требую защиты». И вотъ, съ тѣхъ поръ она здѣсь. Пусть только покажется полиція! Но они не посмѣютъ, я надѣюсь. Мы съ поліціей хорошо знаемъ другъ друга. Они меня остерегаются! Пусть придетъ полиція! — вскричала m-me Мишель, и глаза ея на сильномъ, словно изваянномъ изъ воли и обглоданныхъ фанатическими страстями лицѣ, потемнѣли, расширились и стали грозными.—Я и Жоржетъ, мы вмѣстѣ отправились къ буржуазной дамѣ, и я спросила ее, не годно, что ли, стало соболье боа послѣ того, какъ оно повисѣло недолго на шеѣ у бѣдной дѣвушки? Я сама — пролетарка по происхожденію. Я — дочь покрытаго сажей и копотью рабочаго. Я сама голодала и просила милостыню. Пусть они придутъ!

Я сидѣлъ, исподтишка разглядывалъ m-me Мишель, когда она кончила говорить, и думалъ:

«И наивны же вы, добрая женщина, несмотря на то, что вамъ исполнилось шестьдесятъ лѣтъ. И никогда ничему не научитесь!»

Потому что я-то знаю это. Никто лучше меня не знаетъ, сколькихъ бандитовъ обоего пола подобрала эта *дѣльная* m-me Мишель во всѣхъ водосточныхъ трубахъ Парижа. Не изъ преувеличенной нѣжности — потому что она вовсе не нѣжна — но потому, что она считаетъ своею задачею вербовать какъ можно больше борцовъ за общее дѣло, гдѣ бы она ихъ ни находила. Она была далека отъ того, чтобы апеллировать къ ихъ чувству справедливости, говорила она: «Чувствуйте и понимайте, какъ вы глупы! Въ этомъ колоссальномъ Парижѣ плѣсневѣютъ сапоги, которые вамъ нужны; платья, котораго вы не имѣете и которое вамъ нужно, чтобы прикрыть имъ ваши грязныя тѣла; они плѣсневѣютъ въ магазинахъ отъ залежалости. Съѣстные припасы, которыми можно было бы насытить тысячи людей, сгниваютъ ежедневно за недостаткомъ покупателей и выбрасываются собакамъ. Грабь! Воруй! Наслаждайся! Мы живемъ только одинъ разъ, и земля наша достаточно богата для того, чтобы прокормить насъ всѣхъ».

Но если кто-нибудь изъ ея бандитовъ, вслѣдствіе ли внезапно охватившаго его желанія покуралесить, упрямства, или забывчивости — вздумаетъ ей противорѣчить, осмѣлится утверждать, напримѣръ, что если все идетъ такимъ образомъ, то это потому, что люди, вслѣдствіе вложенныхъ въ нихъ задатковъ, сами создали окружающую ихъ среду, то она набрасывается на дерзкаго съ дурной необузданностью:

— Что? Вы мнѣ противорѣчите? Вы сомнѣваетесь? Вы?! У кого лохмотья на ногахъ и кто давно уже былъ бы въ моргѣ, если бы я не спасла его?! Убирайтесь, убирайтесь! Идите къ сытымъ и попросите буржуазію, чтобы она подѣлилась съ вами!

И задыхаясь отъ волненія, она обращается къ двумъ маленькимъ норвежскимъ барышнямъ, единственнымъ, честно платящимъ ей пансіонеркамъ, которыя раскачиваются каждая на своемъ стулѣ, какъ испуганныя птицы подъ грозовой тучей:

— Право, человѣческая глупость слишкомъ раздражаетъ мои нервы!

Идетъ проливной дождь. Можно себѣ представить, какъ пріятно ощущать капли дождя на лицѣ. И вотъ она трусить, окруженная двумя преданными ей и цѣлой волчьей стаей больныхъ отъ голода изо всѣхъ темныхъ угловъ Европы, направляясь въ рабочіе кварталы: С.-Антуанъ, Шарантонъ, или С.-Клу — все огромныя разстоянія — съ цѣлью прошипѣть рабочимъ нѣсколько ободряющихъ словъ, или показать имъ въ волшебномъ фонарѣ будущее, являющееся въ его освѣщеніи сіяющимъ счастьемъ днемъ.

Если бы только она могла вырвать съ корнемъ любовь, это свѣтлое или бездонное безуміе, затемняющее мозги и погашающее священный огонь, зажженный въ революціонныхъ умахъ! M-me Мишель ненавидѣла любовь, этого коршуна, клюющаго печень титана, убивающаго волю и — что хуже всего — уничтожающаго общественныя чувства.

О, она это видѣла достаточно часто!..

Но что касается Жоржетъ, этой дѣвушки изъ плоти и крови, съ чувственной улыбкой, то m-me Мишель должна была, наконецъ, понять, что тутъ нуженъ былъ мужчина. Быстрая въ своихъ рѣшеніяхъ, она, въ одно воскресенье, поѣхала въ окрестности Руана, откуда дѣвушка, по ея словамъ, была родомъ.

— Есть здѣсь кто-нибудь влюбленный въ Жоржетъ?—спросила она ея родителей.

— Да-а-а, — отвѣтилъ отецъ, старый дровосѣкъ, осторожно поглядывая на свою старуху. Онъ находилъ, что m-me Мишель немного торопится. — Говорятъ, что Шарль Мори въ свое время былъ къ ней неравнодушенъ.

— Кто онъ такой?

— Онъ маляръ.

— Онъ не пьетъ?

— Нѣтъ, онъ этимъ не занимается.

— Позовите его! — приказала m-me Мишель.

Въ комнату вошелъ, ковыляя, несчастный чахоточный съ горбомъ на спинѣ.

— Васъ зовутъ Шарль?

— Да.

— И вы любите Жоржетъ?

— Да-а-а!

— Прекрасно. Будьте готовы: черезъ часъ мы уѣзжаемъ, а черезъ мѣсяцъ вы будете съ нею обвѣнчаны.

И такъ велико было уваженіе, которое она сумѣла внушить своимъ властнымъ голосомъ и строгимъ лицомъ, что бѣдняга, не разсуждая, отправился съ нею въ этотъ «Чортовъ Парижъ», провожаемый косыми взглядами своихъ земляковъ.

... Но почему же улыбается Жоржетъ, когда взглядъ ея падаетъ на ея жениха, сидящаго у верхняго конца стола въ пансіонѣ m-me Мишель, въ то время, какъ голоса, визжащіе, дикіе, фальшивые скачутъ и сталкиваются другъ съ другомъ?

— Вы, конечно, тоже соціалистъ, monsieur Шарль? — благосклонно спрашиваетъ его хозяйка.

— Что прикажете, сударыня?

— Я спрашиваю: соціалистъ вы, или нѣтъ?

Гнѣвная жила уже вспухла на лбу у хозяйки.

— Шарль тоже, что и я, — отвѣчаетъ Жоржетъ и нѣжно киваетъ ему головою. — Не правда ли, Чарли?

Но что такое Жоржетъ, вотъ этого, именно, никто и не знаетъ. Ни рѣзня въ Арменіи, ни приказъ Плеве, ни послѣдняя рѣчь Мильерана не могли вызвать у нея выраженія сочувствія, или искру благороднаго негодованія.

Западочная дѣвушка! Почему ты улыбаешься, когда въ воскресенье, въ пять часовъ послѣ обѣда, надѣвши самые шикарные свои наряды: шляпу съ цвѣтами, лакированные башмаки, боа изъ бѣлыхъ перьевъ — роскошь, которую m-me Мишель переноситъ, потому что бѣдная Жоржетъ претерпѣла столько несправедливости, ты отправляешься, объ руку съ monsieur Шарлемъ туда, гдѣ гудитъ міровой городъ? И чему ухмыляются бандиты, когда черезъ часъ времени возвращается monsieur Шарль, блѣдный и одинокій.

— Гдѣ Жоржетъ? — спрашиваетъ m-me Мишель.

— Она ускользнула отъ меня.

Глаза его дико сверкаютъ; капли пота покрываютъ лобъ, и онъ съ болью хватается за грудь.

— Вы — идіотъ, monsieur Шарль!

Но когда Жоржетъ возвращается — это случается поздно вечеромъ—тогда бандиты обмѣниваются многозначительными улыбками, какъ старые фавны, хорошо знающіе всѣ тропинки въ лѣсу.

— Гдѣ я была? — отвѣчаетъ она наивно. — Да гуляла все время по Итальянскому бульвару, разыскивая monsieur Шарля.

Кожа ея стала глянцевитой, и изъ-за длинныхъ, черныхъ рѣсницъ сверкаютъ глаза порочною и полною темной тайны улыбкою.

И опьяненные этой улыбкой — тонкой и хитрой въ одно и то же время — бандиты чувствуютъ, что пора произвести на нее впечатлѣніе. Одинъ изъ нихъ садится къ піанино, остальные окружаютъ его и дребезжащими голосами поютъ они «Интернаціоналъ», эту Марсельезу послѣдняго дня, запрещенную третьей республикой точно такъ же, какъ торжественная пѣснь Руже де Лиля была запрещена монархіей. Звуки эти предвѣщаютъ революцію съ фанфарами и мечомъ.

Что! Она продолжаетъ улыбаться?

— Какія вы дѣти! — говоритъ, улыбаясь Жоржетъ. — Вы воображаете, что призваны перевернуть міръ, а не можете догадаться о томъ, что шевелится въ испорченномъ сердечкѣ дѣвушки.

Она стоитъ, прислонясь къ косяку двери, выставивъ грудь впередъ, упершись сильными руками въ бока.

Она улыбается. Она смѣется надъ ихъ чистой вѣрой и надъ ихъ грязными воротниками. Она смѣется надъ m-me Мишель, этимъ санкюлотомъ въ юбкѣ, поддерживающей свое и ихъ жалкое существованіе тѣмъ, что даетъ иностраннымъ тупицамъ уроки французскаго языка за два франка въ часъ, или заботится о будущности рода человѣческаго. Она смѣется надъ двумя горными норвежскими цвѣтками, надъ ихъ блѣдными красками и скромнымъ ароматомъ.

— Какія вы дѣти!

И пока бандиты, пораженные, созерцаютъ эту наглую улыбку, имъ кажется, будто имъ вѣетъ въ лицо огненное дыханіе того міра, гдѣ хлопаютъ пробки, гдѣ пѣнится шампанское, пробуждая наслажденіе жизнью, и гдѣ смѣющіяся нимфы устремляются въ полную ожиданія ночь . . .

Вѣдь жизнь такое кратковременное удовольствіе! Зачѣмъ жертвовать имъ для блага грядущихъ поколѣній?!

Публика чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ. Грязные воротники вызываютъ смущеніе. Какъ будто они недостаточно хороши для нея! Ничѣмъ не проймешь эту бѣсовскую Жоржетъ! Точно ударяешь по воздуху! Тяжелое настроеніе овладѣло всѣмъ обществомъ и поразсѣялось не скоро.

Однажды поздно ночью m-me Мишель, притащившаяся пѣшкомъ съ далекаго Сѣвернаго вокзала, гдѣ въ этотъ вечеръ было въ высшей степени оживленное и подмывающее собраніе, нашла у себя на столѣ лаконическую записку слѣдующаго содержанія:

«Merde! [1])

Жоржетъ».

* * *

Одинъ изъ моихъ друзей встрѣтилъ минувшимъ лѣтомъ mademoiselle Жоржетъ возлѣ одного большого, сомнительной репутаціи ресторана. По ней вовсе не видно было, чтобы она, изъ любви къ ближнему, отдала свою плоть на распятіе. Увидѣвши его, она благосклонно протянула ему кончики покрытыхъ брилліантами пальцевъ:

— Какъ поживаете?

[1]) Французское слово. Означаетъ: навозъ, грязь и еще хуже.

— А вы, сударыня?

— Превосходно. А какъ monsieur Шарль?

— Онъ умеръ.

— А m-me Мишель?

Но, произнеся имя m-me Мишель, она разразилась громкимъ хохотомъ, исходившимъ, казалось, дѣйствительно, изъ глубины ея сердца.

Съ норвежскаго пер. **Э. Вейнбаумъ.**

ПИСЬМО ИЗЪ МОЛДЕ.

(Октябрь 1906 г.)

Нильса Коллета Вогта.

Миновали ясные праздничные дни, и теперь безпрерывно льетъ дождь. Недѣлю за недѣлей. Безнадежно. И пока я, въ дурномъ расположенiи духа, гляжу сквозь заплаканное стекло моего окна на покрытый туманомъ фiордъ, съ его островками и шхерами, въ воображенiи моемъ возникаетъ картина за картиною. Дѣло было лѣтомъ: германская эскадра стояла на рейдѣ посреди фiорда, а кругомъ нея шныряли лодки, въ которыхъ обмахивались вѣерами красивыя одѣтыя въ свѣтлое дамы.

Если вѣрить слухамъ, то эти же самыя молодыя дамы послѣ того, какъ эскадра снялась съ якоря, шли въ траурной процессiи на кладбище и возложили на могилу, которая поглотила останки нѣмецкаго матроса, огромный вѣнокъ изъ незабудокъ, въ то время, какъ изъ глазъ ихъ капали слезы при воспоминанiи объ офицерахъ, ихъ кавалерахъ во время танцевъ.

И также лѣтомъ пришли къ намъ англiйскiя суда съ туристами, такiя неожиданно громадныя, что наши береговые пароходы казались рядомъ съ ними моторными лодками; они входили въ фiордъ, освѣщаемыя заходящимъ солнцемъ при звукахъ пѣсни: «Да, мы любимъ» [1]). Удивительно.

Мальчикомъ гулялъ здѣсь Бьернстьерне-Бьернсонъ. Здѣшняя природа пробудила въ немъ тѣ чувства, которыя, когда приспѣло время, подарили насъ отечественнымъ гимномъ. А теперь, въ влажныя, мягкiя iюльскiя ночи его играютъ оркестры иностранныхъ судовъ, скользя вдоль нашихъ зеленыхъ береговъ. Если горизонтъ чистъ, то Ромсдальскiя горы подымаютъ къ небу свои легкiя, крутыя, отдаленныя вершины. А вообще, въ чемъ разница

---

[1]) Нацiональная пѣснь норвежцевъ, соч. Бьернстьерне-Бьернсона.

Прим. переводчицы.

между нынѣшнимъ днемъ и тѣмъ, когда Бьернсонъ впервые увидѣлъ все это?

Передъ рядомъ модной постройки отелей стоитъ упитанный владѣлецъ и разглагольствуетъ на чистѣйшемъ христіанинскомъ нарѣчіи:

— Но, вѣдь, любоваться ими, это точно то же, что присутствовать при богослуженіи. — И хитро оглядываетъ толпу хорошо платящихъ туристовъ, которыми онъ окружилъ себя. Затѣмъ онъ вынимаетъ изъ рта сигару и описываетъ ею въ воздухѣ дугу отъ Шворты на востокъ до Опстадгорна на западѣ.

Мы всѣ сходимся въ томъ, что любимъ эту страну. Не меньше, чѣмъ владѣльцы отелей. Когда Бьернсонъ сочинялъ свою пѣсню, онъ былъ однимъ изъ немногихъ избранныхъ, убѣжденныхъ въ томъ, что они любятъ Норвегію. Онъ хотѣлъ и другихъ заставить полюбить свою страну — вотъ причина задушевности и мужественной силы его пѣсни.

Прекратился приливъ туристовъ — нѣтъ богослуженія!

Забытыя и покинутыя стоятъ теперь, съ окнами, закрытыми ставнями, всѣ ювелирныя лавчонки, откуда англійскія лэди увозили на память серебряныя, филигранной работы, вещицы. Господа владѣльцы отелей поворачиваются спиною къ горной цѣпи и глазѣютъ на свои пустые отели. Остался только нашъ старый, солидный другъ Ульрикъ Анжелло Вайнгольдъ. Неизмѣнный! «Набивка чучелъ всевозможныхъ звѣрей, старинныя и рѣдкія вещи», — пророческими буквами начертано на его вывѣскѣ.

Непріятное чувство овладѣвало всѣми нами каждый разъ, когда мы прочитывали эту вывѣску.

Барометръ показываетъ сегодня бурю; рѣзкія полосы дождя пересѣкаютъ воздухъ; въ ущельяхъ черно отъ непогоды, и со свистомъ обрушивается дождь на фіордъ. Слышится крикъ чаекъ. На фіордахъ валяются сломанныя вѣтки и большія, красивыя, мокрыя ягоды рябины. Въ лѣсу носятся въ воздухѣ тучи еловыхъ иглъ, а красно-сѣрый туманъ стелется по горнымъ вершинамъ.

Здѣсь, въ Молде мнѣ разсказывали, что такую именно погоду любилъ покойный амтманъ Александръ Килландъ. Онъ появлялся тогда въ желтомъ, изъ промасленной матеріи кафтанѣ, въ желтомъ зюдвестѣ [1]) и въ морскихъ сапогахъ. (Зимою — въ бараньемъ тулупѣ, мѣхомъ наружу.) Но когда погода прояснялась—

---

[1]) Буквально: юго-западъ; но здѣсь означаетъ огромную клеенчатую шляпу, которую носятъ въ дождь норвежскіе моряки.

Прим. переводчицы.

а случается въ этихъ краяхъ, что загорается солнце — внѣшность амтмана мѣняла цвѣта изо дня въ день, какъ облака, когда они склоняются къ закату. И когда онъ показывался на улицѣ, осторожно балансируя на маленькихъ, изящныхъ, обутыхъ въ лаковые башмаки ногахъ надъ голубыми лужами и шумящими ручьями — тогда останавливалось движеніе на улицахъ, прекращалась работа въ конторахъ, обѣдающіе вставали изъ-за стола, и приказчики забывали давать сдачу. Всѣхъ интересовалъ вопросъ: что надѣлъ амтманъ сегодня?

Взгляните! Вотъ торжественно движется стройная фигура, съ украшеннымъ серебромъ посохомъ въ рукѣ, по единственной улицѣ Молде; онъ любитъ роскошь и наслажденія; у него «air de grande toilettë», какъ у французскаго маркиза восемнадцатаго вѣка, для котораго жизнь была пріятной шуткой. Но въ глубинѣ души онъ правдивъ, серьезенъ и постоянно испытываетъ самого себя. И именно потому, что онъ въ полномъ согласіи съ самимъ собою, все существо его могло сіять такой расточительностью, такимъ весельемъ и свободою, что долго слѣдомъ за нимъ какъ бы виднѣлась свѣтящаяся полоса.

Какіе жилеты! И какіе головные уборы! Господь спаси васъ! Прямо изъ Парижа. А воротнички!

А въ Рождественскій вечеръ онъ надѣвалъ ярко-красный фракъ. Однажды нѣкій нахальный господинъ спросилъ амтмана Килланда:

— Вѣроятно, господинъ амтманъ отваживается выходить во всякую погоду, надѣясь на то, что на него снизойдетъ вдохновеніе?

— Я не жду, чтобы на меня спускалось вдохновеніе, — отвѣчалъ амтманъ, — но я самъ хочу спустить немного жиру.

Дѣло въ томъ, что съ годами онъ очень отяжелѣлъ. Когда обитатели Молде прочли въ газетахъ, что къ нимъ назначенъ амтманомъ поэтъ, они въ своемъ жалкомъ невѣжествѣ вообразили, что поэтъ — нѣчто въ родѣ воздушнаго духа. Но очень скоро выяснилось, что если Килландъ и былъ духомъ, то, во всякомъ случаѣ, не воздушнымъ. Онъ былъ гастрономъ и предъявлялъ большія требованія къ наслажденіямъ стола, и въ маленькомъ городкѣ, гдѣ публика привыкла довольствоваться двумя блюдами и стаканомъ краснаго вина къ жаркому да каплей марсалы къ дессерту, онъ ввелъ широкій и открытый образъ жизни, чему самъ подавалъ примѣръ, какъ и полагается начальствующему лицу въ провинціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что его нёбо обладало тончайшимъ вкусмъ. «У насъ буквально ноги дрожали, увѣряли меня

дамы, когда амтманъ только нюхалъ супъ». А отцы города еще сейчасъ хвастаютъ тѣмъ, что въ торжественныхъ случаяхъ Килландъ одобрялъ ихъ выборъ шампанскаго. Понятно само собой, что, такимъ образомъ, исчезли тѣ маленькія сбереженія, которыя семьи откладывали съ такимъ терпѣніемъ. Но что за бѣда? Не каждый день въ Молде получаетъ мѣсто амтмана старый поэтъ, въ которомъ чудеснымъ образомъ сочеталась плоть съ духомъ.

Были, конечно, такіе, которые улыбались про себя. Завистники и обиженные, вѣроятно, болтали. Но это было все. Надъ Килландомъ рѣдко смѣялись, потому что онъ позволялъ себѣ только то, что ему шло. А что не шло Александру Килланду? Бараній тулупъ былъ ему по меньшей мѣрѣ такъ же къ лицу, какъ панталоны до колѣнъ, шелковые чулки и красивый фракъ. И если сейчасъ непочтительная молодежь пожимаетъ плечами при напоминаніи о Килландѣ, то она при этомъ забываетъ, что при всѣхъ перемѣнахъ онъ сохранялъ свой гордый, независимый духъ, свою рыцарскую, открытую душу, способность чувствовать благородное негодованіе и пару ясныхъ, на все открытыхъ глазъ. У него была своя голова на плечахъ.

Но все-таки было странно, когда въ 1886 году мы преподнесли ему званіе почетнаго члена «Вольномыслящаго студенческаго союза», и онъ коротко и строго отвѣтилъ намъ, что долженъ запретить себѣ эту честь. Съ будущими чиновниками онъ не желаетъ, молъ, водить компанію. Вѣдь мы всѣ, конечно, погрязнемъ въ реакціи.

Такъ писалъ Килландъ.

Онъ безжалостно предалъ презрѣнію чиновничество и чиновниковъ; а мы, молодежь, привыкшіе видѣть въ Килландѣ ученика Серена Киркегора, столь же непоколебимаго въ своихъ принципахъ, какъ и учитель — мы не удивлялись.

Пять лѣтъ спустя онъ былъ бургомистромъ въ Ставангарѣ. Какъ онъ въ былые годы потѣшался надъ орденами! Если кто-либо забылъ это, то стоитъ только прочесть «Рабочій народъ», или «Якова», его послѣдній романъ, чтобы вспомнить. Еще черезъ пять лѣтъ онъ съ благодарностью принялъ орденъ св. Олафа. За административныя и литературныя заслуги. И онъ съ благоговѣніемъ носилъ свой крестъ. Даже мишура украшала Александра Килланда. Всеобщая молва гласитъ, что когда онъ, съ крестомъ св. Олафа на груди, съ треугольной шляпой и со шпагой, явился на засѣданіе среди крестьянъ, онъ дѣйствовалъ на нихъ потрясающимъ образомъ.

Правда, что онъ съ неудовольствіемъ и свысока — неодобри-

тельно взиралъ на соціальныя отношенія въ этомъ обществѣ. Но на верхи. Исключительно на верхи.

Разсказываютъ, что Бьернстьерне-Бьернсонъ обѣщалъ подарить городу Молде роскошный бюстъ Килланда, работы Северина Крейерса, если бы общество согласилось поставить цоколь на свой счетъ. И Бьернсонъ самъ въ ближайшее лѣто пріѣхалъ сюда и произнесъ торжественную рѣчь [1]). Но да позволено будетъ постороннему протестовать противъ этого.

Александръ Килландъ былъ своимъ въ Ставангерѣ, но отнюдь не въ Молде. Здѣсь онъ былъ только амтманомъ; а амтманы, какъ извѣстно, награждаются орденами при жизни, а не статуями послѣ смерти. Въ Ставангарѣ онъ жилъ, поэтъ своего города, поэтъ своей страны. Смѣлый, вдумчивый, новый. Развѣ не чувствуется соленый запахъ моря и ароматъ фіалокъ при чтеніи лирическихъ произведеній его молодости? А въ Молде ему было предназначено судьбою идти тою же дорогою, которою идетъ все облеченное плотью и увянуть точно такъ же, какъ увялъ на кладбищѣ огромный вѣнокъ изъ незабудокъ, потому что онъ не могъ сохраниться свѣжимъ въ осенній дождь, какъ чувства молодыхъ дѣвушекъ.

Но и здѣсь тянется за нимъ свѣтящаяся полоса. Одна дама разсказывала мнѣ, что каждое утро Килландъ просовывалъ голову въ дверь ея магазина и привѣтствовалъ ее:

— Добраго утра, милая барышня!

И это звучало такъ весело, такъ солнечно-одобряюще, что она выпрямляла спину и чувствовала себя счастливой.

А пріятельница ея утверждала, что когда Килландъ заговаривалъ съ нею, у него всегда было въ запасѣ мѣткое замѣчаніе, или шутливая мысль — слова превращались въ солнечные лучи и, играя, перескакивали съ предмета на предметъ.

Трогательно то, что, когда прекратилась его писательская дѣятельность, въ душѣ его осталась потребность изливаться въ письмахъ. Вмѣсто того, чтобы общаться изустно, что́ здѣсь, въ Молде, гдѣ разстоянія почти не существуетъ, естественно удобнѣе всего, онъ общался часто письменно. У многихъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ хранятся цѣлые вороха писемъ, исписанныхъ его изящнымъ, красивымъ почеркомъ. Получить письмо отъ него было праздникомъ. Пожалуй, онъ единственный писатель писемъ, ро-

---

[1]) Съ тѣхъ поръ поставленъ памятникъ въ Молде, въ паркѣ.
Прим. автора.

жденный въ нашей странѣ. Почему не издаютъ избранныхъ его писемъ? . .

Намедни, когда у насъ случилось нѣсколько часовъ ясной погоды, солнце закатилось въ ущельи фiорда. Это происходитъ регулярно дважды въ годъ: въ февралѣ и въ октябрѣ. Раскаленное и тяжелое, проскакиваетъ оно тамъ между Опстадгорномъ и Оттерегорномъ, являющими собою какъ бы ворота въ море, и грозитъ взорвать горные склоны, если они добровольно не раздвинутся.

Весною богъ солнца, блестящій и сверкающій, двигается на сѣверъ, все дальше на сѣверъ, въ теченіе долгихъ дней и короткихъ, беззвѣздныхъ ночей. Теперь, поздней осенью, онъ движется на югъ и уже вскорѣ послѣ обѣда исчезаетъ за горной цѣпью. Но каждый вечеръ, во всѣ мѣсяцы года, если ущелье фiорда не скрыто отъ глазъ туманомъ, что предсказываетъ непогоду, тамъ тѣснятся красивыя облака, какъ бы плавающіе хлопья ваты. И старый нѣмецъ, молодымъ пріѣхавшій сюда и оставшійся здѣсь на всю жизнь противъ своего желанія, указываетъ туда тростью и восклицаетъ: «Da liegt die Welt!»

«Da liegt die Welt!» — жалуется онъ.

Красное солнце въ воротахъ царства! . .

Разбившись на мелкія группы, стояли мы и созерцали, какъ солнце ущемлялось между двумя непоколебимыми каменными столбами, такъ что, казалось, дальше оно не проникнетъ. Потомъ оно кинуло продолжительный, мрачный и злой взглядъ, и въ кроваво-красный цвѣтъ окрасились фiорды и горы: шипя, погружало свѣтило свой лобъ въ зеркальную поверхность воды.

Въ маленькихъ затерявшихся обществахъ каждое событіе переживается, какъ тяжелый сюрпризъ, потому что оно приходитъ неожиданно и оставляетъ послѣ себя тоску. Меланхолической походкой, подъ покровомъ зонтиковъ, возвращались мы въ Молде, въ это чиновничье гнѣздо, которое всею своею видимостью слегка напоминаетъ очень маленькую нѣмецкую столицу, гдѣ когда-то былъ свой свѣтлѣйшій.

Милое, маленькое Молде! Когда недавно у меня украли тамъ совершенно новое зимнее пальто и я, по этому случаю, спросилъ у одной мѣстной уроженки, часто ли у нихъ случается, что воры и разбойники проникаютъ въ дома, она отвѣтила мнѣ съ сознаніемъ своего женскаго достоинства:

— Въ Молде воруютъ только у пріѣзжихъ!

Стоитъ основаться здѣсь!

Свѣтлѣйшій скончался, и на этихъ дняхъ «Самая жирная въ мірѣ женщина» замѣнила его. Чтобы взглянуть на нее, взрослые

платятъ 25 эре, дѣти — десять. Когда вы входите въ гимнастическій залъ, гдѣ она показывается въ туго обтянутомъ трико, вы невольно восклицаете: «О-о!» Самъ новый начальникъ одобряетъ, и тогда и мы смѣемъ высказаться.

А дождь все идетъ и идетъ. Недѣлю за недѣлей. Безнадежно.

Мы, гуляющіе по саду, особенно чувствуемъ это, и вдругъ намъ становится яснымъ, что мы представляемъ собраніе разнаго рода рѣдкихъ животныхъ, заслуживающихъ того, чтобы быть увѣковѣченными.

Поэтому мы и отворачиваемся въ сторону всякій разъ, когда проходимъ мимо заведенія Ульриха Анжелло Вайнюльда съ его чучелами всевозможныхъ звѣрей.

Съ норвежскаго пер. Э. **Вейнбаумъ**.

СВЯТАЯ ИКОНА ВЪ ЛУККѢ.

Легенда Сельмы Лагерлефъ.

Однажды въ давнія времена шли по главной улицѣ Палермо бѣдный земледѣлецъ и его жена. Женщина вела въ поводу осла, навьюченнаго двумя корзинами съ овощами, а мужчина шелъ сзади, опираясь на палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, и подбадривалъ тѣхъ, кто шелъ впереди.

По пути они увидѣли монаха, который на углу улицы держалъ проповѣдь. Его окружала большая толпа, и оттуда время отъ времени слышались взрывы смѣха.

— Дорогой мужъ мой, — сказала жена, — если ты согласенъ со мною, остановимся на минуточку и послушаемъ этого человѣка. Должно быть, это веселый малый, и я ничего не имѣю противъ того, чтобы закончить нашъ день веселымъ смѣхомъ.

— И я ничего не имѣю противъ этого, — сказалъ мужъ. — Работа вѣдь закончена на сегодня. Почему не доставить себѣ маленькаго развлеченія, въ особенности когда оно ничего не будетъ стоить?

Они протискались въ толпу, и когда они проникли уже такъ далеко впередъ, что могли различить черты лица оратора, они сильно удивились. Это, повидимому, не былъ балагуръ, какъ они сильно думали; онъ стоялъ впереди толпы и говорилъ съ высокоторжественнымъ выраженіемъ лица, что нисколько не препятствовало тому, чтобы всѣ, кто ни слушалъ его, покатывались со смѣху.

— Отчего, Господи Боже мой, это происходитъ? — удивилась старая женщина. — Вѣдь монахъ этотъ имѣетъ очень благочестивый видъ. Отчего же всѣ люди кругомъ такъ смѣются.

Одинъ изъ окружающихъ обратилъ вниманіе на вопросъ бѣдной женщины.

— Васъ не должно удивлять то, что мы смѣемся, — сказалъ онъ. — Монахъ этотъ изъ Лукки, въ Италіи, и онъ выпрашиваетъ деньги для святой иконы, которая находится тамъ въ одной изъ городскихъ церквей. Онъ увѣряетъ, что икона эта такъ могущественна,

что она возвращаетъ сторицею каждый принесенный ей даръ. Можно ли представить себѣ нѣчто болѣе смѣхотворное?

— Я только невѣжественный земледѣлецъ, — шепнулъ старикъ своей женѣ. — Можетъ быть, поэтому я не могу понять, почему они находятъ это такимъ смѣшнымъ.

Они продвинулись совсѣмъ близко и, наконецъ, могли услышать собственными ушами, какъ монахъ утверждалъ, что, если кто-нибудь желаетъ принести даръ, большой, или маленькій, святой иконѣ, находящейся въ соборѣ, въ г. Лукка, то онъ получитъ его обратно увеличеннымъ въ сто разъ.

Монахъ говорилъ очень серьезно, и выраженіе лица его внушало полное довѣріе, но его слушатели, эти дѣти города, принимали его слова за пустыя росказни; при каждомъ произносимомъ имъ словѣ смѣхъ раздавался все громче и громче, и веселость проявлялась все развязнѣе.

— Я совершенно не понимаю этихъ людей, — сказала бѣдная женщина. — Развѣ они не понимаютъ, что это замѣчательное предложеніе? Я бы желала имѣть хоть какую-нибудь собственность, чтобы я могла принести ее въ даръ этой иконѣ.

— Ты вполнѣ права, — поддержалъ ее мужъ. — Взгляни на монаха! Это — честный и почтенный человѣкъ, который знаетъ, что говоритъ. Если бы я былъ однимъ изъ этихъ богатыхъ горожанъ, я, не мѣшкая, отдалъ бы ему все свое состояніе, чтобы получить его обратно увеличеннымъ во сто разъ.

— Дорогой, милый мужъ мой, — вскричала жена, — въ самомъ дѣлѣ, сдѣлай то, что говоришь! Мы вовсе не такъ ужъ бѣдны! Вѣдь мы имѣемъ огородъ, домишко и стараго осла. Правда, если мы продадимъ все это, соберется немного денегъ; но подумай, если сумма увеличится во сто разъ? Тогда мы будемъ обезпечены хлѣбомъ до самой смерти.

— Ты прямо выхватила слова изъ моихъ устъ, — отвѣтилъ мужъ. — Мы вѣдь трудились и работали всю нашу жизнь и все-таки не разбогатѣли вслѣдствіе этого. Скоро придетъ времячко, когда мы не въ силахъ будемъ сами добывать себѣ пропитаніе. Мы не должны пропустить этого случая, такъ какъ можемъ обезпечить себѣ старость.

Рѣшеніе ихъ было принято. На слѣдующій же день они отправились къ сосѣду и спросили его, не хочетъ ли онъ купить ихъ домикъ, ихъ огородъ и ихъ стараго осла. Богатый крестьянинъ давно уже хотѣлъ пріобрѣсти маленькій клочекъ земли, прилегавшій къ его владѣніямъ, и очень обрадовался ихъ предложенію. Но раньше заключенія сдѣлки онъ пожелалъ, какъ и подобаетъ доброму сосѣду,

узнать, на что будетъ существовать старая чета, если состоится продажа ихъ собственности, и то, что онъ узналъ, чуть не разстроило всего дѣла.

— Правду сказать, — вскричалъ онъ, узнавши, какъ они намѣрены помѣстить свои деньги, — я давно хотѣлъ купить вашъ огородъ для того, чтобы проложить дорогу вокругъ всего моего участка; но я не могу взять на себя отвѣтственности, исполняя ваше желаніе, послѣ того, какъ я узналъ, какъ глупо вы намѣрены употребить вырученныя за продажу имущества деньги. Вы тридцать лѣтъ были моими сосѣдями, и я не хочу способствовать вашему несчастію.

Старички объяснили ему, что они слышали, какъ одинъ монахъ разсказывалъ, что святая икона въ Луккѣ имѣетъ власть вернуть ихъ состояніе сторицею.

— Почему не увеличеннымъ въ тысячу разъ? — сказалъ сосѣдъ. — Такъ говорятъ всѣ монахи по старой привычкѣ, вовсе не ожидая, что кто-нибудь приметъ ихъ слова серьезно.

Крестьянинъ пустилъ въ ходъ всѣ возраженія, какъ и долженъ поступить каждый честный человѣкъ въ подобномъ случаѣ. И только, когда старички дали ему понять, что они предложатъ свою недвижимость кому-нибудь другому изъ сосѣдей, онъ уступилъ имъ.

Онъ купилъ все ихъ имущество за тридцать флориновъ, которые онъ отсчиталъ изъ кожанаго мѣшка.

— Смотрите, — сказалъ онъ, — вотъ ваши деньги; но не вздумайте винить меня, когда деньги будутъ прожиты, и вамъ не останется другого выхода, какъ нищенство.

Дорогой сосѣдъ, — сказала старая женщина, — когда мы съ вами опять увидимся, у насъ будетъ во сто разъ больше флориновъ, чѣмъ сегодня. Зачѣмъ же намъ затруднять васъ, или кого-либо другого, выпрашивая милостыню?

Ну, — сказалъ, засмѣявшись, крестьянинъ, — вы—такіе сумашедшіе, что не стóитъ разумно говорить съ вами. Скажите мнѣ только, что вы намѣрены предпринять прежде всего?

— Что мы намѣрены предпринять! — вскричалъ старикъ. — Но, сосѣдъ, что же намъ дѣлать, какъ не отправиться съ нашимъ даромъ въ Лукку и не сложить его предъ святою иконою?

— Правду сказать вамъ, я думаю, что монахъ этотъ былъ колдунъ, который затуманитъ ваши мозги, — сказалъ, разсердившись, крестьянинъ. — Какъ вамъ можетъ придти въ голову, что образъ уплатитъ вамъ такъ аккуратно копейка въ копейку? Или почему вамъ будетъ оказана помощь такимъ чудеснымъ образомъ, именно вамъ, и никому другому? Я, напримѣръ, имѣю дочь, которая больна уже больше года. Если бы вы только знали, сколько я уже пожертво-

валъ денегъ ради ея выздоровленія Санта Розаліи въ Палермо и другимъ святымъ! Думаете ли вы, что мнѣ помогло? Нѣтъ, говорю я вамъ! Ни одинъ святой не пошевелилъ и пальцемъ ради ея выздоровленія. Она скоро покинетъ меня, и тогда кончатся для меня всѣ радости въ этой жизни.

Сказавши это, богачъ кивнулъ своимъ сосѣдямъ на прощанье головою и поспѣшилъ зайти въ свой домъ, такъ какъ онъ былъ близокъ къ тому, чтобы разрыдаться.

Оба бѣдняка постояли съ минутку и смотрѣли ему вслѣдъ.

— Правду говорятъ, что никто не можетъ быть застрахованъ отъ горя, — сказала женщина, осушая глаза.

— Напомни прежде всего, дорогой мужъ, чтобы мы попросили святую икону объяснить намъ, почему не исполняются мольбы нашего добраго сосѣда. Онъ — добрый человѣкъ и заслуживаетъ того, чтобы его любимое дитя осталось живымъ.

Старая чета сердечно простилась со своимъ вѣрнымъ осломъ; послѣ этого ничто уже не задерживало ихъ на родинѣ, и они пустились въ путь, въ Лукку. Такъ какъ они ни въ какомъ случаѣ не желали уменьшить сумму своихъ 30 флориновъ, то имъ пришлось весь путь идти пѣшкомъ; а для того, чтобы получать ночлегъ и пищу, имъ приходилось нищенствовать. Это было не легкое путешествіе, но все-таки они подвигались впередъ безъ особыхъ затрудненій, пока не пришли въ Мессину, гдѣ имъ пришлось разыскивать лодку для переправы черезъ проливъ, отдѣляющій Сицилію отъ материка. Когда они приблизились къ гавани, то замѣтили маленькую лодку, предназначенную для путешествующихъ пѣшкомъ и не имѣющихъ большой поклажи. Они намѣревались безъ дальнихъ околичностей сѣсть въ лодку, но ихъ остановилъ перевозчикъ, несчастный каторжникъ, крѣпкими цѣпями прикованный къ своей скамьѣ.

— Нѣтъ-нѣтъ, дорогіе единовѣрцы, — сказалъ онъ.—Ни одинъ изъ васъ не сядетъ въ лодку, не уплативъ раньше мнѣ полфлорина за переѣздъ.

Онъ вытянулся, какъ только могъ, на своей скамьѣ и кинулъ очень непривѣтливый взглядъ на набожныхъ путниковъ, такъ какъ они явились въ самое жаркое время дня, когда все отдыхаетъ, и когда онъ тоже имѣлъ по праву два часа отдыха.

— Другъ мой, — сказалъ старикъ, — я вижу, ты принимаешь насъ за нищихъ, которые хотятъ задаромъ воспользоваться твоей работой, но ты горько ошибаешься. Мы, напротивъ, направляемся въ Италію съ намѣреніемъ пристроить наши деньги, и когда будемъ возвращаться, то будемъ такъ богаты, что уплатимъ тебѣ десять

флориновъ, если ты пожелаешь, этотъ разъ только перевезти насъ даромъ, и ты раскаиваться не будешь.

Каторжникъ слегка покачалъ головою, взглянулъ на говорившаго изъ-подъ прищуренныхъ вѣкъ своихъ и опять удобно растянулся на скамьѣ.

— Да, похожи вы на такихъ, кто отдаетъ деньги въ ростъ! — сказалъ онъ.

— Клянусь тебѣ, — сказалъ бѣднякъ, — что у меня не менѣе тридцати флориновъ въ моемъ мѣшкѣ; но я не хочу ихъ трогать, потому что они предназначены Тому, Кто возвращаетъ сторицею все, что Ему даютъ. Поэтому ты можешь понять, что я не хочу уменьшить сумму и предпочитаю уплатить тебѣ на обратномъ пути.

Лодочникъ опять покачалъ головою, но заинтересовался немного.

— Кто это такой, кто уплачиваетъ сторицею? — спросилъ онъ.

— Кто же это можетъ быть другой, если не святая икона въ Луккѣ? — вскричалъ бѣднякъ.

Каторжникъ разсмѣялся горькимъ смѣхомъ.

— Я вамъ кое-что разскажу,—сказалъ онъ. — Конечно, я, по приказанію властей, требую по полфлорина отъ каждаго, кого я переправляю черезъ проливъ; но въ свободные часы я имѣю право перевозить и даромъ. Не благодарите меня только за это, потому что гораздо милосерднѣе было бы не возить васъ дальше; но у меня нѣтъ никакого желанія быть милосерднымъ, и поэтому вы пойдете въ Италію. Когда вы очутитесь по ту сторону пролива, то поймете, какъ васъ обманули.

Онъ знакомъ пригласилъ ихъ въ лодку. За все время переѣзда онъ не произнесъ ни слова, но когда они пристали къ итальянскому берегу въ Реджіо, онъ опять повелъ свою горькую рѣчь.

— Такъ какъ вы твердо вѣрите въ то, что икона поможетъ вамъ, то я вамъ скажу, что никто не молился такъ много, какъ я, прикованный къ весламъ. Я тоже заслуживаю помощи, потому что сижу здѣсь не за совершенное мною преступленіе, но вслѣдствіе несправедливаго приговора суда. Сильные неба должны вѣдь исправлять ошибки въ подобныхъ случаяхъ, но я что-то не замѣчаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ постарался бы сдѣлать хоть кое-что для меня.

Когда оба бѣдняка вышли изъ лодки и пустились въ путь вдоль берега, старушка сказала, что въ мірѣ гораздо больше горя и несчастія, чѣмъ она когда-либо предполагала.

— Да, — согласился ея мужъ, — на свѣтѣ масса несчастныхъ. Напомни, дорогая жена, чтобы мы не забыли спросить у могуществен-

наго образа, почему не исполняются мольбы этого человѣка, и почему онъ не освобожденъ отъ страданій.

И бѣдняки продолжали свой путь къ сѣверу и шли такимъ образомъ недѣли и мѣсяцы. Наконецъ, однажды вечеромъ приблизились они къ городу, про который имъ сказали, что это — Лукка.

— Дорогой мужъ мой, — сказала старушка, когда они вступали въ городскія ворота, — какъ я рада, что мы достигли цѣли нашего путешествія. Если ты согласенъ со мною, пойдемъ сейчасъ въ соборъ. Я не могу ни ѣсть, ни отдыхать, пока не увижу святой иконы.

— Ты совершенно права, — сказалъ мужъ. — Но если мы хотимъ еще сегодня передать нашъ даръ чудотворному образу, мы должны поторопиться; вѣдь уже такъ поздно, что скоро кончится вечерняя служба, и двери церквей будутъ закрыты.

Хотя путники были утомлены послѣ цѣлаго дня пути, тѣмъ не менѣе они прибавили шагу, и когда они подошли такъ близко, что увидѣли наружныя стѣны собора, они пустились бѣжать. Но тѣмъ не менѣе они опоздали. Когда они приблизились къ собору, церковный служка стоялъ уже на лѣстницѣ и всовывалъ кольцо съ церковными ключами себѣ за поясъ.

— Ахъ, господинъ причетникъ!—заговорила женщина, такъ какъ она первая подошла.—Неужели вы не сжалитесь надъ нами и не позволите намъ зайти въ церковь хоть на нѣсколько минутъ? Вы не знаете, сколько времени мы уже странствуемъ. Мы пришли изъ Палермо, чтобы принести даръ святой иконѣ, находящейся въ вашей церкви.

— Господинъ причетникъ,—вскричалъ старикъ, перебивая свою жену. — Мы не нищіе. Вотъ, видите вы кошелекъ? Въ немъ тридцать флориновъ, мы хотимъ подарить ихъ чудотворному образу, такъ какъ мы знаемъ, что онъ вернетъ ихъ намъ сторицею.

Они пришли въ такое возбужденіе, что схватили причетника за плащъ, желая удержать его. Но ихъ живость привела къ тому, что причетникъ принялъ ихъ за сумасшедшихъ.

— Что съ вами? — вскричалъ онъ. — Церковь сегодня уже не откроется. До завтрашняго утра не будетъ службы.

— Дорогой другъ, — сказала женщина, — мы не хотимъ слушать мессы. У насъ достаточно священниковъ и церквей въ Сициліи, такъ что для этого намъ не за чѣмъ было предпринимать такое далекое путешествіе. Мы пришли сюда съ тѣмъ, чтобы пожертвовать тридцать флориновъ вашей святой иконѣ, потому что мы знаемъ, что она сторицею возвращаетъ всякій принесенный ей даръ.

Бѣдная женщина говорила съ бóльшей увѣренностью, чѣмъ обыкновенно, потому что наконецъ-то они пришли въ такое мѣсто.

гдѣ, какъ она была увѣрена, она будетъ понята. Но причетникъ такъ же мало понялъ ее, какъ и всѣ другіе.

— Дорогой господинъ причетникъ,—продолжала женщина,—вы вѣдь лучше всякаго другого должны знать, какъ обстоитъ дѣло. Вѣдь изъ вашего города монахъ разсказывалъ у насъ въ Палермо о святой иконѣ.

— Увѣряю васъ, друзья мои, что я ничего не знаю, — сказалъ причетникъ. — Я ни слова не понимаю изъ того, что вы сказали. Лучше будетъ, если вы подробно разскажете мнѣ все, что касается этого дѣла. Вы выглядите умными и разсудительными людьми, а говорите такъ, какъ будто вы — сумасшедшіе.

Пока они разсказывали свою исторію, причетникъ думалъ про себя:

«Такъ какъ эти люди такъ настойчивы, что пришли изъ Палермо въ Лукку для того, чтобы отдать деньги святой иконѣ, то вѣдь ничего не поможетъ, если я запрещу имъ входъ въ церковь: они все равно не уйдутъ, пока я имъ не отопру дверей».

И онъ вынулъ изъ-за пояса ключи и приготовился отпереть церковную дверь; въ то же время онъ попытался въ послѣдній разъ разъяснить имъ ихъ заблужденіе:

— Ахъ, друзья мои, — сказалъ онъ, поворачивая въ замкѣ тяжелый ключъ. — Правда, въ этой церкви виситъ старая икона, изображающая Христа на крестѣ, но она ужасно запущена. Она виситъ, совершенно незамѣтная, на колоннѣ, и никто изъ посѣщающихъ храмъ не обращается къ ней съ молитвою. Могу поклясться вамъ въ томъ, что за тѣ двадцать пять лѣтъ, что я состою причетникомъ въ соборѣ, икона эта не совершила ни одного чуда.

Заявленіе это крайне удивило нашихъ стариковъ.

— Подумайте только, друзья мои, — продолжалъ причетникъ, — если бы этотъ образъ имѣлъ силу, которую вы ему приписываете, то онъ долженъ былъ бы по меньшей мѣрѣ помочь розовому кусту, растущему вотъ здѣсь, у церковной стѣны. Раньше для меня было величайшей радостью смотрѣть, какъ онъ покрывался цвѣтами. Кустъ этотъ украшалъ прекраснѣйшими розами цѣлый уголъ, далеко до башни; а теперь вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ пересталъ цвѣсти. Я его поливаю и ухаживаю за нимъ, какъ только могу, и выглядитъ онъ зеленымъ и свѣжимъ, такъ что я никакъ въ толкъ не возьму, почему я не вижу его въ его быломъ великолѣпіи.

Онъ глубоко вздохнулъ и казался такимъ огорченнымъ, что оба бѣдныхъ путника заявили ему, что какъ только они предстанутъ предъ св. иконою, они спросятъ ее, почему розовый кустъ пересталъ

цвѣсти. Но причетникъ не обратилъ никакого вниманія на ихъ обѣщанія.

— Поторапливайтесь,—сказалъ онъ, открывая дверь церкви.— Я постою здѣсь и подожду васъ. Икону совсѣмъ не трудно будетъ найти, потому что она виситъ на колонкѣ, близъ которой горитъ лампада.

Оба старичка были, конечно, крайне удивлены его словами, но вѣра ихъ нисколько не была поколеблена, и едва они замѣтили, что дверь открыта, какъ устремились въ церковь. Но войдя, они сейчасъ же остановились, такъ какъ въ этомъ старинномъ Божьемъ домѣ, въ которомъ было только немного узкихъ оконъ, царила полная тьма. Правда, вдали, противъ нихъ виднѣлся маленькій красный огонекъ, но они не знали, какъ приблизиться къ нему, не наталкиваясь по пути на колонны и гробницы. Старая женщина сдѣлала шагъ впередъ, но она чуть не упала, запнувшись о ступеньку, и испуганно отпрянула назадъ.

— Дорогой мужъ мой,—сказала она. — Это, въ самомъ дѣлѣ, незадача! Знать, что находишься въ двухъ шагахъ отъ святой иконы и не быть въ состояніи приблизиться къ ней!

— Повремени минуточку, пока глаза наши привыкнутъ къ темнотѣ, — прошепталъ старикъ. Проникнутый благоговѣніемъ къ святости мѣста онъ не рѣшался говорить громко.

Въ то же мгновеніе ему показалось, что маленькій красивый огонекъ, горѣвшій передъ ними въ церкви, раздѣлился надвое. Одна изъ этихъ половинокъ начала мелькать то тутъ, то тамъ, и всюду, гдѣ она ни появлялась, зажигались восковыя свѣчи: въ алтарѣ, въ люстрѣ, и мракъ быстро разсѣялся.

— Ахъ, дорогой мужъ мой, — сказала старая женщина, — видишь, тамъ, впереди насъ зажигаютъ свѣчи. Скоро уже не составитъ никакого труда найти святую икону.

— Дорогая жена, — отвѣтилъ старикъ, — причетникъ, какъ видишь, любезнѣе, чѣмъ намъ показалось. Онъ зашелъ въ ризницу и зажегъ свѣчи для того, чтобы намъ легко было найти дорогу.

— Не понимаю только, почему онъ такъ для насъ старается. Двухъ-трехъ свѣчей было бы достаточно. Но взгляни: онъ зажигаетъ свѣчи не только въ алтарѣ, но и въ боковыхъ капеллахъ, и въ люстрѣ.

Это, въ самомъ дѣлѣ, была правда: вся церковь сіяла огнями. Наши бѣдняки, между тѣмъ, такъ были заняты въ эту минуту мыслью о чудотворной иконѣ, что недолго удивлялись обилію горящихъ свѣчъ, а также тому, какимъ образомъ онѣ были зажжены.

— Можетъ быть, сегодня у нихъ престольный праздникъ, —

сказала женщина. — Во всякомъ случаѣ, я рада тому, что свѣчи зажжены. Я чувствую себя болѣе торжественно настроенною, когда въ церкви горитъ много свѣчъ. Знаешь, чего бы я еще желала? Я бы желала, чтобы здѣсь заигралъ органъ.

Едва она вымолвила это, какъ послышались слабые звуки съ той стороны, гдѣ стоялъ органъ.

— Нѣтъ, послушай только! — воскликнулъ старикъ. — Сегодня вечеромъ исполняются, кажется, всѣ твои желанія. И какъ славно играютъ въ этой церкви! Такой чудной музыки я ни разу не слышалъ даже въ соборѣ въ Палермо.

— Это такъ чудесно, что можно подумать, ангелъ играетъ, — сказала старушка. — Но ничего иного я и не ожидала отъ этой церкви. Теперь я бы еще желала, чтобы все пространство наполнилось благоуханіемъ, потому что я всегда представляю себѣ волны благовоній, когда нахожусь въ святомъ мѣстѣ.

Едва жена вымолвила это, какъ старый мужъ ея воскликнулъ съ удивленіемъ въ голосѣ:

— Вдыхали ли вы когда-нибудь такой чудный запахъ? Это — самый тонкій, самый пріятный, самый живительный ароматъ, который я когда-либо въ жизни обонялъ.

Они не видѣли никого, кто махалъ бы кадиломъ, ровно, какъ они не замѣтили органиста у органа; но они и не пытались изслѣдовать, откуда все это взялось. У нихъ была только одна-единственная мысль — о св. иконѣ. Они двинулись по направленію къ ней; но они медленно подымались вверхъ по главному ходу, потому что находили неприличнымъ выказывать торопливость. Когда они были приблизительно посерединѣ церкви, они остановились, такъ какъ кто-то шелъ имъ навстрѣчу по этому же ходу. То была прекрасная, высокаго роста женщина, одѣтая въ голубое платье и красный плащъ. На головѣ у нея была маленькая корона, усыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а на рукахъ и на шеѣ — богатыя украшенія. Она встрѣтила ихъ съ чрезвычайно привѣтливой улыбкой, съ какой хозяйка дома встрѣчаетъ уважаемыхъ и давно жданныхъ гостей, и спросила ихъ, что они такъ поздно ищутъ въ церкви.

— Всемилостивѣйшая царица, — сказала старая женщина радостнымъ голосомъ, такъ какъ ей казалось, что никогда раньше она не видала такого прекраснаго лица. — Мы пришли сюда, я и мой мужъ, для того, чтобы сложить нашъ даръ передъ святымъ Распятіемъ, которое виситъ на колоннѣ въ этой церкви.

Затѣмъ старушка начала, по своему обыкновенію, разсказъ обо всемъ случившемся, начиная съ того вечера, когда она услышала проповѣдь монаха на улицѣ въ Палермо и кончая ихъ встрѣчей съ

причетникомъ на паперти собора. Незнакомка все время очень милостиво смотрѣла на нее; но тѣмъ не менѣе старухѣ казалось, что по мѣрѣ того, какъ разсказъ подвигался впередъ, лицо ея принимало все болѣе озабоченное выраженіе.

— Ахъ, — сказала она, выслушавши разсказъ до конца, — я не могу вамъ сказать, исполнятся ли ваши надежды, но ожидаю всего худшаго. Очень рѣдко случается, чтобы Господь могъ исполнить то, что люди желаютъ. Ихъ муки вѣдь могутъ быть имъ ниспосланы, какъ наказаніе за какой-нибудь проступокъ. Взгляните, напр., на здѣшняго причетника, — продолжала она. — Онъ жалуется на то, что розовый кустъ, который ему особенно дорогъ, не приноситъ больше цвѣтовъ; но ему и въ голову не приходитъ, что это — напоминаніе ему самому. Уже много лѣтъ, какъ онъ совершенно запустилъ иконы и вовсе не заботится о томъ, чтобы возобновлять позолоту на ихъ вѣнцахъ, а также не исправляетъ поврежденій, которыя онѣ получаютъ во время многочисленныхъ процессій. Онъ находитъ жестокимъ то, что Богъ не помогаетъ ему въ этой его желанной радости; но вѣдь онъ легко могъ бы добиться этого самъ, если бы только понялъ, что ему нужно поливать розовый кустъ водою изъ другого болѣе чистаго источника, и тогда кустъ опять посвѣжѣлъ бы. Но еще раньше онъ долженъ былъ бы понять, что онъ, желая, чтобы Господь въ угоду ему украсилъ розами розовый кустъ, долженъ заботиться о томъ, чтобы изображенія Божьихъ угодниковъ, мужчинъ и женщинъ, къ которымъ онъ приставленъ стражемъ, являлись бы во всемъ ихъ великолѣпіи и блескѣ.

— Ахъ, да! — вздохнула старенькая чета. — Мы такъ и думали, что тутъ скрывается нѣчто подобное. Мы тоже, навѣрно, грѣшны, и еще больше, чѣмъ онъ. Но сюда мы пришли въ твердой вѣрѣ въ данное намъ обѣщаніе.

Стоявшая передъ ними прекрасная женщина слегка приподняла брови, но затѣмъ продолжала тѣмъ же мягкимъ голосомъ:

— Хорошее дѣло—твердая вѣра; но ея одной еще недостаточно для того, чтобы Господь внялъ вашимъ молитвамъ. Вѣдь вы легко можете пожелать что-нибудь во вредъ самимъ себѣ. Вотъ вы давеча разсказали мнѣ о несчастномъ каторжникѣ, который служитъ перевозчикомъ между Мессиной и Реджіе, — продолжала она. — Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ богатый купецъ, и кромѣ того, онъ — добрый человѣкъ, не причинявшій никому зла; но онъ слишкомъ предавался плотскимъ наслажденіямъ, могъ такимъ путемъ серьезно заболѣть и, вѣроятно, давно уже умеръ бы, если бы Богъ не послалъ ему его несчастія. Дѣло было такъ: воръ укралъ украшенный каменьями вѣнецъ съ иконы Божьей Матери въ соборѣ и, чтобы

избѣжать подозрѣнія, вытащилъ изъ вѣнца одинъ изъ драгоцѣнныхъ камней и всунулъ его въ карманъ богатому купцу. Камень этотъ былъ найденъ; купца обвинили въ покражѣ вѣнца съ образа Мадонны, и несмотря на всѣ его увѣренія въ невиновности, его осудили быть на вѣчныя времена прикованнымъ къ лодкѣ и перевозить путниковъ черезъ проливъ. Ничего не могло быть легче, какъ помочь ему, потому, что воръ закопалъ вѣнецъ въ углу церковнаго двора, да такъ его тамъ и оставилъ. Въ тотъ моментъ, какъ нашелся бы вѣнецъ, была бы доказана невинность купца. Но какъ можетъ Господь допустить, чтобы это свершилось раньше, чѣмъ онъ измѣнитъ свой образъ мыслей? Если бы онъ былъ спасенъ раньше, онъ предался бы прежней жизни и пошелъ бы навстрѣчу вѣрной гибели.

— Дорогая, всемилостивѣйшая госпожа, — сказалъ старикъ. — Мы очень рады, что именно по этой причинѣ человѣкъ этотъ долженъ страдать подъ тяжестью несправедливаго приговора. Мы и сами думали, что такъ именно должно было обстоять дѣло. Что касается насъ, то мы не знаемъ, къ добру, или къ злу поведетъ то, что мы себѣ желаемъ. Мы только постоянно помнимъ о данномъ намъ обѣщаніи, и это насъ поддерживаетъ.

Опять стоявшее передъ ними свѣтлое видѣніе приподняло одну бровь, какъ бы въ нетерпѣніи отъ ихъ упрямства; но затѣмъ незнакомка продолжала голосомъ, звучавшимъ все легче по мѣрѣ того, какъ она говорила:

— Конечно, хорошо, у кого твердая вѣра; но нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, чтобы только изъ-за этого Господь услышалъ ваши мольбы. Можетъ случиться такъ, что Онъ сперва захочетъ научить васъ быть довольными тѣмъ хорошимъ, что вамъ суждено. Кстати: теперь я думаю о вашемъ сосѣдѣ, богатомъ крестьянинѣ изъ-подъ Палермо, — продолжала она. — У него вѣдь, кромѣ той дочери, которая лежитъ больная, есть еще дочь; но она некрасива и дурно сложена, и поэтому онъ всегда скверно обращается съ нею. Она и умна, и работяща, и приноситъ своему отцу величайшую пользу. Ея страданія тронули Господа Бога, и Онъ наслалъ болѣзнь на ея сестру; и хотя легко было бы отъ нея избавиться, такъ какъ она происходитъ отъ отравленнаго гребня, проданнаго бѣдной дѣвушкѣ злою арабкою, она, можетъ быть, умретъ отъ этой болѣзни, если ея отецъ не научится любить одинаково обѣихъ своихъ дочерей. Больной стоило бы только перестать причесываться опаснымъ гребнемъ, какъ она мало-по-малу, выздоровѣла бы. Но это случится не раньше, чѣмъ ея отецъ научится цѣнить прекрасный даръ, данный ему Господомъ въ лицѣ его безобразной дочери.

— Чѣмъ дольше я слушаю ваши рѣчи, добрая, милостивая госпожа,—вскричала старушка,—тѣмъ больше я убѣждаюсь въ мудрости и справедливости Божіей. Часто, вѣроятно, мы, старики, забывали благодарить Его за всѣ Его благодѣянія, но, во всякомъ случаѣ, мы придерживаемся даннаго намъ обѣщанія.

Свѣтлая улыбка озарила при этихъ словахъ лицо благородной женщины, и она произнесла, знакомъ приглашая двухъ стариковъ слѣдовать за собою:

— Я васъ предостерегала, друзья мои; но я вижу, что невозможно заставить васъ отказаться отъ вашего намѣренія. Обдумайте еще разъ, какъ трудно добиться того, чтобы была выслушана ваша молитва раньше, чѣмъ вы отдадите ваши флорины.

Она повела ихъ, не ожидая отвѣта, къ одной изъ колоннъ и указала имъ вверхъ. Тамъ, почти подъ самой крышей, висѣлъ большой крестъ изъ темнаго дерева, и къ нему было прикрѣплено изваяніе Христа, такъ не похоже на всѣ остальныя Распятія, которыя имъ до нынѣ приходилось видѣть, что они обернулись къ своей путеводительницѣ, чтобы узнать, угадали ли они.

— Образъ этотъ очень древенъ и очень плохо содержится, — сказала она, — но, конечно, это есть изображеніе Моего Сына, распятаго Спасителя.

Оба старика были такъ поглощены созерцаніемъ св. образа, что въ эту минуту совсѣмъ не поняли всего значенія ея словъ:

— Дорогой мужъ мой, — прошептала старушка, — этотъ святой тамъ наверху почти пугаетъ меня своими широкими бровями и глубокими глазами. Мнѣ жутко, потому что онъ изображенъ безъ бороды. Я просто не узнаю его.

Они удивлялись также тому, что изображеніе Христа было одѣто въ короткую тунику изъ какой-то черной матеріи, и тому, что вокругъ тѣла у него былъ поясъ, а на ногахъ — деревянныя сандаліи. Кромѣ того, образъ былъ покрытъ густымъ слоемъ пыли и, навѣрно, онъ висѣлъ тамъ многіе годы въ теченіе которыхъ никто не заботился о томъ, чтобы подновить его.

— Вы, вѣроятно, чувствуете себя не совсѣмъ спокойно, — сказала ихъ путеводительница. — Вы, конечно, ожидали, что Тотъ могущественный, кто можетъ вамъ помочь, выглядитъ совсѣмъ иначе.

— Дорогая, милостивая царица,—сказалъ старичекъ,—мы объ этомъ совсѣмъ не думали. Мы счастливы, что не сразу могли узнать Его. Мы знаемъ, что то же было, когда Онъ ходилъ по землѣ, что у Него была незначительная внѣшность, и что люди не сразу поняли, что это былъ Сынъ Божій.

Вторично свѣтлая улыбка озарила лицо неизвѣстной женщины.

— Передайте Ему вашъ даръ, — сказала она.

Не говоря ни слова, старики опустились на колѣни и склонили головы къ каменному полу.

— О, Христосъ, сынъ Божій, — сказали они. — Пріими нашъ даръ и выслушай нашу мольбу. Воззри на тридцать флориновъ, которые мы выручили, когда продали нашъ огородъ, нашъ домишко и нашего стараго осла. Мы принесли сюда эти деньги прямо изъ Сициліи, потому что мы знаемъ, что Ты возвращаешь сторицею каждый поднесенный Тебѣ даръ. Не обмани нашей вѣры, но дай намъ столько, чтобы мы имѣли обезпеченную старость.

Сказавши это, старикъ отвязалъ отъ пояса мѣшокъ съ флоринами и высыпалъ ихъ у подножія колоны, на которой висѣлъ крестъ.

Они повторили еще разъ тѣ же слова, не подымая съ полу своихъ головъ, и вдругъ услышали легкій шорохъ надъ собою. Они взглянули вверхъ и увидѣли, что деревянное изображеніе Спасителя освободило одну руку и одну ногу изъ гвоздей, которыми конечности были проткнуты. Старушка крѣпко сжала руку своего мужа, но никто изъ нихъ не произнесъ ни слова. Сердца ихъ бились въ блаженномъ ожиданіи. Они были увѣрены болѣе, чѣмъ когда-либо, что молитва ихъ будетъ услышана.

Но изображеніе Христа уронило деревянную сандалію съ ноги прямо къ молящимся. Затѣмъ оно приняло свое обычное положеніе и смотрѣло съ креста внизъ съ тѣмъ же строгимъ и озабоченнымъ выраженіемъ лица, какъ и раньше.

Все это продолжалось одну секунду, и они бы не вѣрили собственнымъ глазамъ, что дѣйствительно такъ все произошло, если бы передъ ними на полу не лежала сандалія. Это была самая обыкновенная сандалія: деревянная подошва и кожаный ремешокъ. На ней не было ни каменьевъ, ни другихъ какихъ-либо украшеній: она не имѣла ровно никакой цѣны. Казалось, что благородная женщина, находившаяся еще около нихъ, замѣтила, что оба бѣдняка почувствовали себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ.

— Ахъ,—сказала она, — эта сандалія—плохое вознагражденіе за вашъ большой даръ. Но вѣдь еще не поздно исправить это: вы можете оставить сандалію тамъ, гдѣ она лежитъ, и взять обратно свои флорины.

Почти укоризненно взглянули на нее оба старика.
они.—Святой образъ далъ намъ, навѣрно, такъ много, какъ только могъ дать въ своей бѣдности. Онъ вѣдь совершилъ чудо для того,

чтобы подарить намъ сандалію. Она стоитъ, навѣрно, въ тысячу разъ больше, чѣмъ наши жалкіе флорины.

Какъ только они произнесли эти слова, лицо высокой женщины озарилось самой нѣжной улыбкой.

— Вы — вѣрные слуги моего Сына, — сказала она. — Никогда не можетъ быть обмануто довѣріе, которое вы къ Нему питаете. Богъ можетъ всегда исполнить невинныя желанія набожныхъ людей.

Когда она говорила, ее осіяло такимъ свѣтомъ и блескомъ, что странники принуждены были закрыть глаза. Когда они опять открыли ихъ, въ церкви царилъ мракъ; свѣчи были погашены; звуки органа не слышались больше, и сіяющая женщина, только что стоявшая передъ ними, исчезла.

Но они не успѣли удивиться этой перемѣнѣ, такъ какъ они и одной секунды не оставались одни: наружная дверь открылась, и причетникъ быстрыми шагами вошелъ въ церковь.

— Дорогіе, святые странники! — вскричалъ онъ. — Вотъ такъ, чудо! Я все видѣлъ. Я сидѣлъ на лѣстницѣ и ожидалъ васъ; но такъ какъ вы не приходили, то я поднялся и сталъ подглядывать въ замочную скважину. Я видѣлъ, какъ вы шли, окруженные неземнымъ сіяніемъ, и какъ святая Матерь Божія, которая всегда царитъ надъ алтаремъ вотъ здѣсь, впереди, сошла внизъ и шествовала рядомъ съ вами. Затѣмъ я увидѣлъ, какъ Распятый качнулся съ креста и подарилъ вамъ сандалію. Ахъ, вы должны сейчасъ же послѣдовать за мною къ епископу.

Всѣ вмѣстѣ отправились къ епископу, засѣдавшему въ залѣ капитула со своими капелланами.

Причетникъ доложилъ о случившемся. Оба старичка тоже разсказали, и, наконецъ, духовные отцы поняли, какое великое чудо свершилось.

Прежде всего епископъ подозвалъ къ себѣ своего казначея.

— Другъ мой, — сказалъ онъ, — я хочу заплатить три тысячи флориновъ за сандалію, такимъ чудеснымъ образомъ доставшуюся этимъ добрымъ людямъ, если только они захотятъ продать мнѣ ее. Я не хочу, чтобы эта сандалія исчезла изъ Лукки.

Когда деньги были отсчитаны и лежали на ладони у старика, епископъ продолжалъ:

— Раньше, чѣмъ вы покинете Лукку, я приглашаю васъ, чтобы вы присутствовали вмѣстѣ со всѣми нами при перенесеніи святого образа на его надлежащее мѣсто, надъ главнымъ алтаремъ; но затѣмъ вы должны поторопиться вернуться тою же дорогою обратно, а по пути будете разсказывать всѣмъ, кому слушать охота, обо всемъ, что вы здѣсь пережили. Я очень радъ тому, что, благодаря вамъ,

освободится отъ своихъ веселъ каторжникъ; что дочь вашего добраго сосѣда избавится отъ своей болѣзни и что нашъ причетникъ не преминетъ довести опять до цвѣтанія церковный розовый кустъ.

Онъ помолчалъ съ минутку, потомъ простеръ свои руки надъ головами обѣихъ стариковъ.

— Вы оба мудры, — сказалъ онъ; — а мы — неразумны. Кто изъ насъ не знаетъ, что Господь всемогущъ, и все-таки никто изъ насъ не рѣшается вполнѣ положиться на Него. Благодареніе Богу, давшему вамъ въ даръ эту вѣру. Это — величайшее изъ Его благодѣяній.

Съ шведскаго пер. **Э. Вейнбаумъ.**

ДВѢ СТОРОНЫ.

Поль и Викторъ Маргериттъ.

Господинъ Флюмонъ-Бюссьеръ только что вернулся изъ суда. Это былъ глубокій старикъ съ темнымъ цвѣтомъ лица, сѣдыми волосами, съ улыбкой живой и умной, со свѣтлыми глазами, острота и проницательность которыхъ внушали страхъ, такъ какъ они умѣли разоблачать всякую хитрость, распознать всякую ложь.

Онъ грѣлъ свои тонкія нервныя руки надъ пылающими углями въ высокомъ каминѣ, украшенномъ деревянною скульптурой. Углы кабинета темнѣли отъ наступающихъ сумерекъ. Это было ему пріятно. Послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ судѣ, г. Флюмонъ-Бюссьеръ любилъ передъ консультаціями, которыя онъ давалъ между пятью и семью часами, эту четверть часа, когда онъ отдыхалъ и приходилъ въ себя. Когда онъ возвращался домой въ своемъ купе, черезъ запотѣлыя окна котораго виднѣлись быстро смѣняющіеся фонари и движеніе толпы, его обыкновенно укачивало, и онъ дремалъ; будилъ его только сдерживаемый топотъ лошадей и глухой звукъ колесъ въ воротахъ его дома. Идя затѣмъ спокойнымъ шагомъ по широкой лѣстницѣ, онъ испытывалъ чувство успокаювающейся усталости послѣ многихъ часовъ усиленной работы, всегда одной и той же и вмѣстѣ съ тѣмъ такой разнообразной. Только въ своемъ рабочемъ кабинетѣ онъ находилъ настоящее наслажденіе, — быть, наконецъ, у себя дома и ощущать окружающую его пріятную атмосферу. Все, что связываетъ человѣка съ прошлымъ, все, что создаетъ настоящее, — все это онъ находилъ тамъ.

Тридцать лѣтъ труда и славы, вся благородная жизнь таланта и честности находились въ этой строгой комнатѣ, смягченной персидскимъ ковромъ и портьерами ржаваго цвѣта. Портретъ его дѣда, извѣстнаго ученаго юриста, принимавшаго дѣятельное участіе въ составленіи Кодекса Наполеона, портретъ его отца, знаменитаго адвоката, висѣли противъ портретовъ двухъ смѣющихся детей — теперь взрослыхъ, — его сына и дочери. Онъ чувствовалъ себя, между этими покойниками и этими полными жизни суще-

ствами, какъ бы таинственнымъ посредникомъ, живой связью своей расы.

Другой портретъ, стоящій на подставкѣ — трогательный символъ, окруженный всегда, точно алтарь, живыми свѣжими цвѣтами, напоминалъ старику лицо его жены, обожаемой подруги, которую онъ похоронилъ двадцать лѣтъ тому назадъ и память о которой стала для него культомъ. Онъ мысленно обращался къ ней, онъ особенно вспоминалъ ее въ эти минуты отдыха, когда имѣлъ возможность сосредоточиться.

Теперь онъ подумалъ и о замужней дочери, счастливой въ своемъ Анжуйскомъ замкѣ; о сынѣ — адвокатѣ, какъ и онъ. Господинъ Флмонъ-Бюссьеръ улыбнулся: Жанъ будетъ продолжать его профессію. Можно быть спокойнымъ — имя не исчезнетъ.

Уже года два-три, какъ онъ считаетъ, что обязанность свою онъ исполнилъ. Пришло время уходить и на покой. Большей части своихъ кліентовъ онъ отказалъ уже вести ихъ дѣла и подавалъ только совѣты.

Слуга принесъ лампы. Та, которую онъ поставилъ на письменный столъ, освѣтила кучу писемъ и визитныхъ карточекъ, что вернуло его къ дѣйствительности, къ профессіональной обязанности.

— Не спускайте сторъ, Анри.

Адвокатъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на небо, еще свѣтлое; верхушки темныхъ домовъ вырисовывались на лиловой мглѣ, которая темнѣла, замѣтно для глаза. Улицы, обрамленныя трепещущими нитями свѣта отъ газовыхъ рожковъ, были уже темны.

Темнота постепенно подымалась, поглощая за сѣро-зеленой Сеной декорацію садовъ и крышъ. Г-нъ Фломонъ-Бюссьеръ долго созерцалъ муравейникъ города въ этотъ часъ, когда работа кончена и тысячи, тысячи существъ со своими сложными интересами, перекрещиваясь во всѣхъ направленіяхъ въ лабиринтѣ улицъ, идутъ домой или разсыпаются по кофейнямъ. Сколько тамъ существъ, поглощенныхъ заботами, жаждой наживы, честолюбіемъ, страстью къ наслажденіямъ, или простой, тяжкой, суровой борьбой изъ-за куска насущнаго хлѣба. Сколько мыслей въ головахъ, сколько надеждъ, огорченій, алчныхъ желаній!

Онъ задумался о тѣхъ, которые въ продолженіе столькихъ годовъ, привыкнувши къ этой комнатѣ, приходили, съ довѣріемъ къ нему, искать его помощи. Сколько ихъ ждало въ пріемной, сколько входило въ этотъ рабочій тихій кабинетъ, склоняясь передъ нимъ, какъ передъ духовникомъ, и повѣряло этому знатоку, этому по-

кровителю, свои несчастья, крушенія своихъ жизней. Погибшія души, не признающія себя грабителями, замаскированный деспотизмъ, никому невѣдомые мученики, скрывавшіе жизненныя раны, люди, которыхъ всѣ считали самыми блестящими и счастливыми— онъ ихъ видѣлъ, слышалъ, осязалъ. Съ помощью горькихъ словъ, рыданій, лихорадочныхъ лепетаній, порывовъ, женщины и мужчины пріоткрывали передъ нимъ различныя маски скупости, горя, ревности, ненависти. Всѣ они, было ли ихъ дѣло справедливо, или нѣтъ, — вносили, при изложеніи его, стараніе быть искренними. Сколько нужно было ловкости, чутья, какое нужно было имѣть хладнокровіе и тонкую наблюдательность, чтобы раскрыть плутовство, разобрать правду въ лживыхъ словахъ, произносимыхъ съ увѣренностью, убѣдительнымъ тономъ. Постоянно онъ долженъ былъ держать себя на сторожѣ противъ слишкомъ высокаго самовосхваленія однихъ и приходить на помощь честной неловкости другихъ, выяснять изъ шумихи безполезныхъ словъ существенныя и бьющія въ глаза черты дѣла.

Онъ всегда смотрѣлъ на городъ, какъ на горнило страданій, въ которомъ борются энергіи, одна другую разрушающія, гдѣ кипятъ страсти и несокрушимое корыстолюбіе. Онъ задумывался надъ тѣмъ, до какой степени добро, зло, добродѣтели и порокъ относительны и зависятъ отъ обстоятельствъ, среды, случая. При его знаніи людей, онъ нисколько не обманывался на ихъ счетъ. Онъ зналъ, что они тщеславны до сумашествія, легковѣрны до глупости, упрямы до помраченія. Онъ ихъ зналъ скаредными, завистливыми, подлыми. Тѣмъ не менѣе вѣра его въ добро оставалась непоколебимою. Онъ встрѣчалъ, правда, рѣдкіе, очень рѣдкіе случаи преданности, скромныя, удивительныя самопожертвованія, нѣжныя чувства, которыя сумѣли восторжествовать при самыхъ ужасныхъ испытаніяхъ, и этого ему было достаточно, чтобы вѣрить въ благородство жизни и величіе обязанностей. Его философія поэтому была снисходительнѣе — вотъ и все.

Между тѣмъ, изъ среды этихъ прохожихъ, этихъ неопредѣленныхъ тѣней въ темныхъ улицахъ, о которыхъ онъ раздумывалъ сегодня, какъ вчера, какъ каждый вечеръ, одинъ, два — многіе приходили и звонили у его дверей. Онъ слышалъ отдаленное дребезжаніе звонка. Приходили еще и еще. Онъ обязанъ былъ передъ своими посѣтителями въ такой же мѣрѣ, какъ докторъ передъ своими больными. Онъ тѣмъ болѣе былъ обязанъ, что они были послѣдними и что черезъ нѣсколько недѣль — онъ это окончательно рѣшилъ — онъ распрощается съ этимъ кабинетомъ, котораго онъ былъ хозяиномъ и собственникомъ добрымъ и мир-

нымъ; онъ уѣдетъ жить по сосѣдству со своей дочерью въ Анжу, и тамъ единственное, что будетъ занимать его, это книги, оранжереи и фруктовый садъ.

Съ усиліемъ оторвался онъ отъ наслажденія пользоваться своей комнатой только для себя, прошелъ въ библіотеку, гдѣ старые порыжѣвшіе переплеты выставляли свои полинялые корешки, круто повернулъ ручку двери въ салонъ и показался на порогѣ, встряхнувъ своимъ рѣзкимъ появленіемъ неподвижное оцѣпенѣніе, въ которомъ находились его кліенты отъ напряженнаго ожиданія, гипнотизировавшаго ихъ. Лица у нихъ были похожи на восковыя фигуры.

Одинъ изъ нихъ, маленькій съ просѣдью и сгорбленный человѣкъ, сидѣвшій напротивъ дверей, подобравшись, въ неловкой позѣ, точно въ рѣшимости броситься впередъ прежде, чѣмъ кто-либо другой будетъ имѣть время опередить его, быстро всталъ. Г-нъ Флomонъ-Бюссьеръ отступилъ, чтобы дать ему мѣсто пройти. Подпрыгивающая походка, низкія плечи и наклонный затылокъ незнакомца, его костюмъ подозрительнаго изящества, его очень короткія панталоны, его пальто слишкомъ свѣтлаго цвѣта, тонкія вытянутыя черты лица, особенно же глаза со взглядомъ неопредѣленнымъ и затуманеннымъ произвели на адвоката неблагопріятное впечатлѣніе. При своемъ навыкѣ ставить вѣрный діагнозъ, который позволялъ ему, по выраженію лица, угадывать занятія людей, онъ рѣшилъ, что это какой-то несчастный спекулянтъ, по рожденію и воспитанію своему принадлежащій къ высшему кругу.

Онъ указалъ ему на кресло, очень освѣщенное, подъ лампой. И тотчасъ же — въ то время, когда онъ, чтобы имѣть возможность лучше наблюдать, по привычкѣ отодвинулъ свой стулъ и откинулъ свою голову въ тѣнь, — маленькій человѣкъ началъ говорить съ лихорадочной быстротой.

— Позвольте представиться: маркизъ де Вожеле, владѣлецъ большихъ рошгейскихъ заводовъ. Жена моя, сударь, изъ-за личныхъ интересовъ, исключительно изъ-за интересовъ, требуетъ полнаго развода. Я же, сударь, всѣми силами противлюсь этому. Я не могу примириться съ тѣмъ, чтобы пятнадцатилѣтнее дѣло рухнуло по капризу женщины, которая не желаетъ ни понять, ни поддержать меня, которая отказываетъ мнѣ въ матеріальной помощи и въ деньгахъ, которыя она должна мнѣ; да! которыя она должна мнѣ. Потому что, не имѣя дѣтей, что думаетъ она дѣлать съ этими тридцатью тысячами франковъ? Тридцать тысячъ франковъ ренты по три процента на сто, которые я имѣлъ наивность записать ей, женясь на ней.

Г-нъ Флюмонъ-Бюссьеръ остановилъ его:

— Прежде, чѣмъ слушать васъ, я долженъ предупредить васъ, что я не могу брать на себя обязанность вести ваше дѣло, потому что, по всей вѣроятности, пока оно поступитъ къ слушанію въ судѣ, я уже не буду здѣсь. Мой возрастъ и утомленіе требуютъ отдыха, который съ каждымъ днемъ дѣлается все настоятельнѣе.

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ маленькій человѣкъ, пораженный. — Какое несчастье! Я такъ надѣялся на васъ! Авторитетъ вашего таланта, ваша безупречная честность, дѣлающая изъ васъ защитника и спасителя несчастныхъ...

Г-нъ Флюмонъ-Бюссьеръ сдѣлалъ уклончивый, вѣжливый жестъ. Но маркизъ настаивалъ на томъ, чтобы онъ согласился, по крайней мѣрѣ, выслушать его. Дѣло его было такъ ясно, такъ справедливо! Онъ смилостивится и подастъ ему совѣтъ. Вся суть въ милліонѣ, въ этомъ несчастномъ милліонѣ! На какомъ основаніи жена его можетъ основывать свое требованіе? Сначала деньги принадлежали ему! Глаза его блестѣли, пальцы судорожно сжимались... И первое непріятное впечатлѣніе увеличивалось.

Его видимая скаредность заставляла подозрительно относиться ко всѣмъ его спутаннымъ объясненіямъ, которыя онъ давалъ тономъ дѣланной увѣренности, но которую опровергали его безпокойные взгляды. Онъ все возвращался къ пресловутому милліону. По временамъ видно было, что нить его мыслей ускользала отъ него, онъ начиналъ заикаться.

— Мнѣ бы хотѣлось привести въ порядокъ свой разсказъ. Мысли осаждаютъ меня. Я не знаю, съ чего начать. Мое положеніе, сударь, одно изъ самыхъ ужасныхъ. Семнадцать лѣтъ тому назадъ я женился на мадемуазель Тилльма, на имя которой, какъ я вамъ уже сказалъ, я записалъ одинъ милліонъ. Она не принесла мнѣ никакого приданаго. Оно мнѣ было и не нужно. Я былъ богатъ за двоихъ. Да, кромѣ того, богатство не составляетъ счастья, я знаю кое-что объ этомъ. Такъ вотъ въ чемъ дѣло: имѣнія, которыми я владѣю, чрезвычайно богаты желѣзной рудой, заключаютъ въ себѣ огромныя залежи. Теперь слава рошгейскихъ заводовъ уже извѣстна. Я возвращаюсь ко времени начала предпріятія: планы, изслѣдованія, постройки, покупка машинъ, устройство шахтъ... Съ самаго же начала жена моя, въ которой я долженъ былъ бы найти поддержку и преданность, показывала мнѣ только враждебность и презрѣніе. Я поступилъ не прилично своему званію, внушала она мнѣ, или же былъ мечтатель, сумасшедшій... Въ настоящее время я достигъ того, что построилъ два образцовыхъ зданія съ общежитіемъ для рабочихъ при самыхъ лучшихъ

санитарныхъ условіяхъ и удобствахъ, школу для дѣтей, пріютъ для стариковъ. Всѣ мои доходы уходили на улучшенія и развитіе заводовъ. Весь край преобразовывается, прогрессируетъ, благодаря мнѣ, и я этимъ горжусь. Преданность одного американскаго инженера, господина Стирса, который помогаетъ мнѣ своей опытностью, была для меня крайне драгоцѣнна. Еще одно усиліе, и мы достигнемъ цѣли. Мои заводы, чтобы дѣйствовать и улучшаться, требуютъ только небольшой жертвы; эксплоатація, подобная этой, вы, конечно, понимаете, поглощаетъ много денегъ. Мои земельные доходы изсякли, даже болѣе того — я заложилъ помѣстья. Я продалъ лѣса. Продать же родовыя земли, которыми владѣетъ моя фамилія въ продолженіе двухсотъ лѣтъ, — невозможно. Гдѣ найти денегъ? Моя жена имѣетъ милліонъ, который я отписалъ ей, подарилъ, женясь на ней. Она можетъ, она должна уступить мнѣ половину, четвертую часть! А вмѣсто того, чтобы согласиться на это, она требуетъ развода. Она хочетъ спасти свое состояніе отъ того, что она называетъ моимъ неблагоразуміемъ, безпорядочностью. Она справдывается не имѣющими никакого основанія обвиненіями. Какая это несправедливость, сударь, и какъ я страдалъ отъ этого! Не только въ моей гордости, но и въ моей любви! Женщина выдумываетъ, лжетъ! Когда я подумаю — этотъ милліонъ, этотъ глупый милліонъ подвинулъ бы мое предпріятіе, далъ бы возможность испробовать новые способы, усовершенствованныя машины. Это оживило бы жизнь края, который я уже преобразовалъ. И все это разбивается о неизлѣчимую слѣпоту, о хищный эгоизмъ. Мною овладѣваетъ отчаяніе, сударь: быть обманутымъ той, которая должна была бы быть моимъ вдохновеніемъ, моимъ убѣжищемъ въ минуты усталости и колебаній!

Онъ говорилъ о постоянныхъ упрекахъ, о горькихъ обидахъ и о своей работѣ, своихъ усиліяхъ, всегда имѣвшихъ успѣхъ, о своей глубокой надеждѣ на близкій тріумфъ. Г-нъ Флюмонъ-Бюссьеръ задавалъ ему вопросы, наблюдая его усталое лицо, его затуманенные, грустные глаза. Маркизъ сидѣлъ въ неловкой позѣ, ноги врозь. Его короткія панталоны поднялись выше ботинокъ.

При каждомъ вопросѣ адвоката, упорная мысль о милліонѣ преслѣдовала его, какъ навожденіе, и онъ повторялъ ее съ тѣмъ же блескомъ въ глазахъ и машинальнымъ движеніемъ пальцевъ, хватающихъ воздухъ.

«Это, конечно, человѣкъ со слабой волей, говорилъ себѣ старый практикъ, это человѣкъ упрямый, съ широкими замыслами при неумѣніи выполнить ихъ. Одинъ изъ тѣхъ спекулянтовъ, самолюбіе и тщеславіе которыхъ приводитъ къ разоренію. Не удовлетворяясь

своей гибелью, они не колеблются втягивать другихъ въ свое разореніе...»

Что-то, однако, удерживало его строгій приговоръ, что-то смягчало его сомнѣнія: какая-то доброта, искренность маленькаго человѣка; что-то такое, что трудно опредѣлить, мелькавшее на жалкомъ, блѣдномъ лицѣ, казалось говорило: «Не судите по внѣшности!»

— Боже мой,—сказалъ, наконецъ, г. Флемонъ-Бюссьеръ,—я очень сожалѣю, что не могу дать вамъ ожидаемаго вами отвѣта. Но, если бы я могъ (а я не могу) взять ваше дѣло въ свои руки, мнѣ было бы необходимо прежде всего изучить его, узнать васъ лучше. По моимъ правиламъ — и, конечно, вы не будете осуждать меня за это... я долженъ входить въ детали, стараться получить самое точное понятіе объ обстоятельствахъ, которыя разъясняютъ дѣло. Ваше дѣло, по моему мнѣнію по крайней мѣрѣ, нуждается въ очень многихъ разъясненіяхъ.

У маркиза вырвался жестъ отчаянія.

— Ахъ, сударь, вы не довѣряете мнѣ, я вижу: это невозможно, думаете вы, чтобы женщина, которой мужъ все принесъ — богатство, положеніе, уклонялась бы отъ обязанности помочь ему деньгами, которыя она имѣетъ отъ него же. Вы думаете, что есть обстоятельство, которое я скрываю отъ васъ, что жена моя требуетъ развода по причинѣ, которая не дѣлаетъ мнѣ чести? Это чистая ложь! и я заявляю вамъ объ этомъ!..

Флемонъ-Бюссьеръ всталъ. Ему были знакомы эти увѣренія и протесты, забѣгающіе впередъ, эта поспѣшность оправдываться, чѣмъ и выдаютъ себя неловкіе люди. Г-нъ Вожеле могъ быть, кромѣ всего прочнаго, и дурнымъ мужемъ, однимъ изъ тѣхъ мужчинъ, которыхъ преступная страсть, на старости, отрываетъ отъ семьи; и слѣдствіемъ этого является самый скверный развратъ. Кто можетъ поручиться, что милліонъ, — его милліонъ, къ которому онъ поминутно возвращается, предназначался, дѣйствительно, на то, что онъ говоритъ? И въ порывѣ недовѣрія, которое возбуждали въ немъ странности маркиза, его непривлекательное лицо, поношенное платье, онъ заподозрилъ и искренность этого лихорадочнаго голоса, внезапныхъ заиканій и преувеличенныхъ интонацій.

Тихонько, очень вѣжливо, но съ неумолимой мягкостью, онъ подвигалъ г. де Вожеле къ двери и повернулъ ручку. Маленькій человѣкъ, продолжая все еще настаивать на своемъ правѣ и путаясь въ неопредѣленныхъ изъявленіяхъ благодарности, долженъ былъ уйти.

— Я еще приду, сударь, — прошепталъ онъ умоляющимъ голосомъ. — Вы выслушаете меня, вы посовѣтуете мнѣ.

Дверь затворилась. Г-нъ Флюмонъ-Бюссьеръ слегка пожалъ плечами; потомъ снова пройдя библіотеку, онъ опять появился въ пріемной, ожидаемый всѣми его неподвижными кліентами. Пошло все по обыкновенію, своимъ чередомъ: жалобы, обвиненія, желаніе защититься, стараніе отомстить; а въ основаніи всего зависть, корысть, неразлучная со всякимъ чувствомъ, оскорбленное тщеславіе, которое не прощаетъ и не даетъ возможности уступить, понять, пожалѣть Завѣренія въ любви, похожія на прогорклый медъ, внезапныя признанія въ ненависти, похожей на лопнувшую желчь, упрямство, невѣроятная неуступчивость, невѣрящая въ добрые совѣты, не слушающая резоновъ: «Вы такъ думаете, сударь?» и тотчасъ же опять за свое. Сколько недоразумѣній, происходящихъ отъ неразумія! Никогда еще убожество душъ, охваченныхъ тщеславнымъ эгоизмомъ или гнѣвомъ, не представлялось ему такимъ жалкимъ. Онъ отпустилъ только что полковника въ отставкѣ, который собирался вести процессъ противъ родителей своей жены, — старый вояка отчеканивалъ слова громовымъ голосомъ; потомъ дама—остервенѣлая сутяга, которая хотѣла лишить наслѣдства своихъ дѣтей и внуковъ въ пользу «Материнской ассоціаціи для вскармливанія глухо-нѣмыхъ». — Въ пріемной осталась только одна высокая дама аристократическаго вида. Флюмонъ-Бюссьеръ пригласилъ ее въ кабинетъ.

— Сударь, — сказала она рѣшительнымъ тономъ, — я маркиза де Вожеле.

Онъ сдержалъ возгласъ изумленія и указалъ ей на стулъ. Она сѣла, шелестя шелкомъ. Держалась она прямо, обнаруживая гармоничную линію своего тѣла, одѣтаго въ каракулевую жакетку и атласное черное платье. У нея были прекрасные глаза, которые глядѣли прямо смѣлымъ взглядомъ, нѣсколько жесткимъ. Волосы ея были рыже-золотистаго крашенаго цвѣта подъ шляпой изъ бирюзоваго бархата, украшеннаго блестками. Ея удлиненный подбородокъ, выдающіяся скулы указывали на то, что она была женщиной съ энергіей; улыбка ея открывала удивительные зубы, красота которыхъ была обязана не столько природѣ, сколько постояннымъ заботамъ о нихъ дантиста; такъ же точно и цвѣтъ ея лица получалъ свою свѣжесть отъ скромнаго, легкаго, но весьма подозрительнаго притиранія. Повидимому, ей было лѣтъ тридцать восемь.

— Нашъ сосѣдъ по деревнѣ, сенаторъ Малюсъ, посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ вамъ за помощью въ моемъ незаслуженномъ несчастьѣ, которое обрушилось на меня...

Флюмонъ-Бюссьеръ остановилъ ее такимъ же отрицательнымъ и вѣжливымъ жестомъ, какъ и маркиза де Вожеле, и сразу отклонилъ ея просьбу. Но она настаивала тономъ огорченной правоты:

— Сначала выслушайте меня, сударь, и тогда вы увидите, не окажется ли мое дѣло однимъ изъ тѣхъ, которыя имѣютъ право на помощь такого таланта, какъ вашъ, и на защиту такого благороднаго сердца, какъ ваше. Мой мужъ разорилъ меня... Я принесла ему милліонъ, выходя за него замужъ...

— Милліонъ?—переспросилъ г. Флюмонъ-Бюссьеръ. И полузакрывъ глаза, что означало, что онъ что-то соображалъ, повторилъ: — Милліонъ, который вы принесли ему, выходя за него замужъ?.. У него не было своего состоянія?

— Были земли, сударь, земли, неимѣвшія большой цѣнности. И вотъ тутъ-то и проявилось безуміе этого человѣка. Онъ задумалъ эксплоатировать желѣзныя залежи, которыя находятся, какъ онъ воображаетъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я должна сказать вамъ, что г. де Вожеле совершенный невѣжда, лишенный способности разсуждать логически, человѣкъ безъ практическаго смысла; онъ не можетъ даже просто вести счета. Это рискованное предпріятіе поглотило все наше состояніе... большую часть, по крайней мѣрѣ! У насъ нѣтъ дѣтей, но мы въ такомъ возрастѣ, что могли бы имѣть ихъ. Давно уже я отказалась отъ этой сладостной и такой законной надежды. Рошгейскіе заводы поглощаютъ не только наши доходы съ имущества, но цѣлыя поля, луга и лѣса! Два помѣстья нужно было продать... Теперь, когда я въ будущемъ не вижу ничего другого, какъ только одинокую старость съ полнымъ разореніемъ, я обязана подумать о себѣ, я должна для пользы мужа требовать развода съ нимъ. Такимъ образомъ я спасу, по крайней мѣрѣ, свое состояніе; я спасу отъ погибели хоть нѣкоторые остатки. Настанетъ время, и г. Вожеле будетъ благодаренъ мнѣ за это, потому что тогда онъ вернется ко мнѣ — въ этомъ я увѣрена. Ахъ! сударь; ничего бы этого не случилось, если бы тутъ не замѣшался подлый человѣкъ, который водитъ его за носъ.

Здѣсь тонъ госпожи де Вожеле принялъ патетическій оттѣнокъ; она вынула изъ своего ридикюля маленькій тонкаго кружева носовой платокъ.

— Мой мужъ, несомнѣнно, прекратилъ бы свои затѣи вначалѣ, при первыхъ же неудачахъ въ изысканіяхъ и работахъ, къ которымъ онъ, дѣйствительно, не способенъ, но директоръ этихъ заведеній... какой-то американскій авантюристъ, нѣкій Стирсъ... пріобрѣлъ на него невѣроятное вліяніе. И къ его несчастью... великому несчастью (голосъ ея задрожалъ) у г. Стирса есть жена, очень красивая женщина. Оба вмѣстѣ, они умѣютъ пользоваться слабостью моего мужа. И они стремятся, чтобы еще и оставшіяся у меня деньги, мое собственное достояніе, ушли на безразсудныя спекуляціи,

чтобы не сказать на издержки, въ которыхъ нельзя признаваться. Въ концѣ концовъ, я возмутилась, и вы поймете меня, сударь!

Она приложила свой маленькій носовой платокъ къ глазамъ, совершенно сухимъ. Фломонъ-Бюссьеръ наблюдалъ ее молча. Казалось бы, искренность, симпатичный видъ, врожденное достоинство маркизы должны были бы побѣдить его сразу. Но, очевидно, кто-то изъ двухъ лжетъ. Онъ сопоставилъ въ своей памяти несчастный, неловкій видъ и протесты маленькаго человѣка со всѣмъ тѣмъ, что въ тонѣ, во взглядѣ, въ осанкѣ его жены привлекало и убѣждало. Видимо, г. де Вожеле лгалъ. Но адвокатъ вспомнилъ выраженіе доброты и простодушія, которыми дышало, вопреки всему, его непривлекательное лицо. А если онъ былъ искрененъ?! Сверхъ того, не было ли въ разсказахъ маркизы чего-то надменнаго, жестокаго, что могло указывать на неизлѣчимую посредственность низкой ревнивой души, неспособной возвыситься до пониманія трудовой и самоотверженной работы?

Онъ предложилъ ей еще нѣсколько вопросовъ, и подъ градомъ жалобъ, которыя она высказала вызывающимъ тономъ, громкимъ голосомъ съ суровымъ выраженіемъ глазъ, онъ почувствовалъ, что подозрѣнія его растутъ и подтверждаются. Она продолжала говорить искренно, ясно, подбирая слова, округляя фразы. Но въ этомъ голосѣ съ чистымъ тембромъ онъ почувствовалъ трещину, точно въ металлѣ, черезъ которую едва замѣтно прорывается ложь.

Когда она высказала все о своихъ огорченіяхъ, о своей боязни, своихъ требованіяхъ, онъ всталъ и провелъ ее. Какъ и ея мужъ, она, когда онъ открывалъ дверь, умоляла его:

— Я еще приду. Вы меня еще выслушаете, посовѣтуете.

Онъ поклонился ей, не отвѣтивъ. Она ушла, шурша шелками, держась прямо, прижавъ локти и оставляя за собой нѣжный запахъ геліотропа. Легкія перья на ея бирюзовой шляпѣ колыхались надъ густыми волосами, крашеными въ золотистый цвѣтъ.

Когда Фломонъ-Бюссьеръ остался одинъ, отъ удовольствія онъ похлопалъ нѣсколько разъ рукой объ руку, какъ это онъ всегда дѣлалъ, когда ему приходилось перебирать книги въ своей библіотекѣ. Онъ стряхивалъ такимъ способомъ пыль, оставшуюся на его рукахъ. Такимъ же жестомъ, повторяемымъ каждый вечеръ, онъ стряхивалъ навязчивость всѣхъ этихъ душъ, которыя оставляли ему частицу себя. Ему все мерещились жестикулирующіе маркизъ и маркиза де Вожеле. Теперь, когда маркиза ушла, онъ опять началъ сомнѣваться: гдѣ же правда, гдѣ ложь, гдѣ то и другое вмѣстѣ? Какъ разобраться въ этомъ? Во всемъ было противорѣчіе, разница въ чувствахъ, идеяхъ. И въ то же время съ обѣихъ сторонъ слышится

одинаковая непосредственная искренность. И эти два голоса, не согласные, не примиримые, продолжали звучать въ его ушахъ.

Онъ приблизился къ окну, гдѣ теперь было уже совершенно темно, хотя ясное небо было усѣяно звѣздами и, глядя на этотъ большой городъ, на этотъ мракъ, въ которомъ копошились люди, онъ съ грустью думалъ, какъ трудно рѣшать такія неразрѣшимыя загадки жизни. Рѣшать ихъ можетъ всякій, только при условіи суженія своего кругозора.

Онъ обернулся къ своему свѣтлому, теплому кабинету, и ему опять стало пріятно смотрѣть на портреты, старую мебель, переплеты и чувствовать себя дома, отдѣлавшись отъ всей этой путаницы корыстолюбія и злобности. И онъ замечтался о близкомъ отдыхѣ возлѣ дочери въ тихомъ домѣ съ большимъ садомъ, книгами, цвѣтами и фруктами.

Переводъ съ франц. Л. Д.

ВУДРОВЪ ВИЛЬСОНЪ.

I.

Томасъ Вудровъ Вильсонъ, докторъ философіи, докторъ литературы, докторъ юриспруденціи, профессоръ исторіи, политики, политической экономіи и юриспруденціи, — президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки. — Рѣдкое сочетаніе!

Столь же необычна и комбинація личныхъ качествъ нынѣшняго главы величайшей изъ всѣхъ республикъ. Его біографъ, Вильямъ-Байардъ Гэль такъ характеризуетъ его: „Вообразите представителя высшаго расцвѣта культуры, а затѣмъ прибавьте къ тому талантъ, тактъ, систематичность, настойчивость, глубокое пониманіе людей, юморъ, страстный интересъ къ дѣйствительности, любовь къ созидательной дѣятельности и инстинкты вождя — и вы получите нѣчто въ родѣ портрета этого замѣчательнаго человѣка“ [1].

Правда, біографы склонны къ идеализаціи. Но и враги нынѣшняго президента Соед. Штатовъ не будутъ отрицать, что мы имѣемъ въ его лицѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей нашего времени. Нелегко пріобрѣсти довѣріе американской демократіи человѣку, идущему своимъ собственнымъ путемъ — въ сторонѣ отъ торной, большой дороги, — руководящемуся своими собственными принципами независимо отъ партій и группъ, — пренебрегающему обычными средствами пріобрѣтенія славы и популярности. Вудрову Вильсону это удалось въ полной мѣрѣ. Едва ли есть въ настоящее время въ Сѣв. Америкѣ еще одинъ человѣкъ, который пользовался бы такимъ довѣріемъ, какъ этотъ „книжникъ“, имѣющій обо всемъ свои собственныя мысли, часто расходящіяся съ общепринятыми, но почти столь же часто принимаемыя очень и очень многими послѣ того какъ онъ ихъ высказалъ въ своей обычной простой и ясной формѣ. „Школьный учитель“ называютъ его иногда иронически. Дѣйствительно, онъ производитъ иногда такое впечатлѣніе; но его школа — великая американская демократія и учитъ онъ — государственной мудрости, — очень просто, очень элементарно, но съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

---

[1] Woodrow Wilson. The story of his Life. By William Boyand Hale.

Его американскій біографъ идетъ много дальше и называетъ его — пророкомъ, провозвѣстникомъ новой эры въ политической исторіи американской демократіи. „Невозможно слушать Вудрова Вильсона и видѣть, съ какимъ волненіемъ толпы серьезныхъ людей воспринимаютъ его слова, не чувствуя при этомъ, что являешься свидѣтелемъ начала политической революціи, и передъ тобой стоитъ ея пророкъ и вождь".

Это преувеличеніе. Вильсонъ отнюдь не революціонеръ; онъ ничего новаго не открывалъ и ничего новаго не предлагаетъ. Онъ напоминаетъ лишь забытыя слова. Послушаемъ, что онъ говоритъ американскому народу:

„Мы называемъ нашъ режимъ республиканскимъ и полагаемъ, что имѣемъ представительный образъ правленія. Это теорія. Но въ дѣйствительности мы не имѣемъ представительнаго образа правленія, а живемъ подъ управленіемъ партійныхъ боссовъ (профессіональныхъ политикановъ), рѣшающихъ на своихъ тайныхъ совѣщаніяхъ и ради своихъ частныхъ цѣлей, что намъ дать и чего намъ не давать. Первое, что намъ нужно сдѣлать — это возстановить представительный образъ правленія". — „Нужна не „революція", а „реставрація", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

„Знаете вы, господа, чего ждетъ американскій народъ? — говоритъ Вильсонъ въ другой разъ.—Онъ ждетъ упрощенія своей политики. Онъ видитъ, что наша политика полна секретныхъ сужденій и частныхъ соглашеній; и онъ не понимаетъ этого... Онъ оказался въ положеніи неорганизованной арміи, чувствующей, что дѣла идутъ плохо. Но гдѣ намъ соединиться? Какъ намъ организоваться? Гдѣ приказы? Кто командуетъ? Гдѣ находятся орудія управленія? Вотъ чего народъ ждетъ!"

Какъ видимъ, Вильсонъ говоритъ лишь объ извѣстныхъ, старыхъ порокахъ американской политики и требуетъ лишь оздоровленія политической атмосферы. И средства, предлагаемыя имъ, весьма простыя: реставрація демократіи, возвратъ къ народу.

Ни о чемъ Вильсонъ не говоритъ съ такимъ подъемомъ, съ такимъ воодушевленіемъ, какъ о демократіи, о порядкѣ. Можетъ быть, отчасти поэтому и народъ вѣритъ въ него.

Первый періодъ президентства Вильсона подходитъ къ концу. Въ ноябрѣ состоятся новые выборы. Много шансовъ, за то, что гласъ народа снова преодолѣетъ голоса политикановъ, и Вудровъ Вильсонъ останется во главѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но, если бы онъ и ушелъ изъ Бѣлаго Дома, онъ все же останется вождемъ американской демократіи, къ голосу котораго, вѣроятно, будутъ прислушиваться больше, чѣмъ къ какому-либо другому голосу, не исключая и голоса его счастливаго соперника на выборахъ. Необходимо поэтому и намъ поближе съ нимъ познакомиться. Особенно важно для насъ ближе узнать Вильсона въ настоящее время, когда вопросъ

о взаимныхъ отношеніяхъ между Америкой и Россіей, и вообще Европой составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ международной политики, и голосъ Вудрова Вильсона будетъ имѣть въ этомъ вопросѣ большой вѣсъ при всякихъ обстоятельствахъ. Вопросъ этотъ представляется теперь и для Америки и для Европы въ совершенно новомъ свѣтѣ, и Вильсонъ, новаторъ по природѣ, повидимому, весьма имъ заинтересованъ. Какъ по всѣмъ другимъ вопросамъ Вильсонъ подходилъ и къ этому вопросу медленно, шагъ за шагомъ, приводя временами въ отчаяніе своею медлительностью тѣхъ американцевъ, которые раньше его постигли все великое значеніе великой европейской войны не только для колыбели современной культуры, „старой“ Европы, но также для всего культурнаго міра, стараго и новаго. Но теперь Вудровъ Вильсонъ занимаетъ въ этомъ вопросѣ вполнѣ опредѣленную позицію, — позицію, совпадающую по существу съ точкою зрѣнія виконта Грея и съ официальной программой Entente cordiale. Я уже писалъ объ этомъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Вильсонъ, несомнѣнно, теперь принципіально на сторонѣ Entente, и по всей вѣроятности, будетъ поддерживать Entente и реально, какъ только онъ сочтетъ, что время для того наступило.

II.

Происхожденія Томасъ Вудровъ Вильсонъ, и по отцу и по матери, англійскаго. Мать (Жанетъ Вудровъ) прибыла въ Америку въ 1835 г., отецъ (Жозефъ Вильсонъ) родился въ Америкѣ сыномъ эмигранта изъ Ульстера, прибывшаго въ Филадельфію въ 1807 г. Кровь въ его жилахъ смѣшанная: шотландская и ирландская. Счастливая смѣсь: шотландская строгость и непреклонность въ отношеніи долга и обязанностей, и ирландская живость и жизнерадостность. Послѣднія черты проявлялись, особенно ярко въ дѣтствѣ и отрочествѣ Вудрова Вильсона; живость его была такъ велика, что онъ в с е г д а б ѣ г а л ъ; до 14 лѣтняго возраста онъ не зналъ другого способа „хожденія“. Затѣмъ взяла верхъ шотландская природа: въ коллэджѣ и университетѣ Вудровъ Вильсонъ былъ однимъ изъ самыхъ „солидныхъ“ юношей. Послѣ того уже „положеніе профессора, губернатора, президента обязывало Вильсона къ серьезности и солидности. И онъ умѣетъ быть серьезнымъ, какъ никто; при исполненіи обязанностей это самый серьезный изъ смертныхъ. Но ирландская кровь не заглохла въ немъ; на досугѣ, въ интимномъ кругу онъ неутомимо веселъ: говорунъ, пѣвунъ, острякъ и танцоръ. Еще теперь вспоминаютъ о великолѣпномъ кэкъ-вокѣ, протанцованномъ Вильсономъ въ бытность его губернаторомъ Нью-Джерси въ веселомъ обществѣ. Въ общемъ, однакожъ, укладъ его жизни скорѣе шотландскій.

Въ его родномъ домѣ атмосфера была серьезная: отецъ былъ пасторомъ и ученымъ теологомъ. Отъ отца же Вудровъ Вильсонъ

перенялъ любовь къ книгѣ. Отецъ началъ свою жизнь точно такъ же, какъ и дѣдъ, наборщикомъ, при этомъ пристрастился къ чтенію и, бросивъ дѣло своего отца, всецѣло посвятилъ себя наукѣ, занявъ со временемъ почетное положеніе въ теологическомъ мірѣ. Вудровъ Вильсонъ жадно набросился на книги съ перваго дня своего вступленія въ университетъ (Princeton College, затѣмъ University of Virginia). Поступилъ онъ въ коллэджъ 19-ти лѣтъ, въ 1875 г. (родился 28 декабря 1856 г.) и почти тотчасъ же проявилъ интересъ къ политическимъ проблемамъ. Онъ сталъ изучать политическую исторію, политическія теоріи и жизнь политическихъ дѣятелей. Въ то же время онъ старается развить свой ораторскій талантъ и свой стиль. Онъ много пишетъ и принимаетъ живое участіе въ клубныхъ дебатахъ. Онъ самъ основываетъ клубы для политическихъ дебатовъ, подъ названіемъ: „Либеральный клубъ дебатовъ", представлявшій собою подобіе англійскаго парламента, въ которомъ часть членовъ представляла собою правительство, обязанное сохранять довѣріе къ себѣ другихъ членовъ клуба или уйти въ отставку. Въ то же время онъ много пишетъ, и еще до выхода изъ коллэджа одну его статью принимаетъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ американскихъ журналовъ того времени, „International Review". Статья была напечатана въ августѣ 1879 г. и тотчасъ обратила на себя вниманіе. Она не потеряла интереса до настоящаго времени и въ переработанномъ видѣ много читается и теперь. Эта статья послужила основой извѣстной книги Вильсона о политическомъ режимѣ Соед. Штатовъ, вышедшей первымъ изданіемъ въ 1885 г. и выдержавшей до 1912 г. двадцать четыре изданія [1]).

Проблема, которой Вильсонъ заинтересовался въ годы студенчества, составляетъ и понынѣ одну изъ самыхъ коренныхъ проблемъ государственной жизни Соед. Штатовъ. Это характерно для Вильсона, для его чутья и проницательности. Стоитъ остановиться на этой первой статьѣ будущаго президента Соед. Штатовъ; она поучительна въ разныхъ отношеніяхъ.

Тема статьи — „Кабинетное правительство въ Соед. Штатахъ". Авторъ разсматриваетъ въ ней взаимоотношенія между исполнительной властью, законодательной властью и народной волей и приходитъ къ заключенію, что въ Соед. Штатахъ исполнительная власть фактически безотвѣтственна, законодательная власть безпринципна, а народная воля — безсильна. Основная причина этого печальнаго положенія лежитъ, по мнѣнію автора, не въ основныхъ законахъ Соед. Штатовъ, а въ политической практикѣ. Законодательной властью завладѣли парламентскіе комитеты, работающіе при закрытыхъ дверяхъ безъ живой связи съ народомъ и безъ руководящаго вліянія со стороны правительства, безъ широкихъ горизонтовъ, безъ твердыхъ принциповъ, безъ чувства истинной отвѣт-

[1]) Congressional Governement. A Study in American Politics.

ственности передъ народомъ и страной. Народъ это чувствуетъ и проникся глубокимъ недовѣріемъ къ своему парламенту; „Дошло до того, — говоритъ Вильсонъ, — что „мы привѣтствуемъ закрытіе парламента, какъ временное освобожденіе отъ опасности“... Но что дѣлать противъ этого зла? „Конгрессъ, — говоритъ Вильсонъ, — долженъ законодательствовать, какъ бы въ присутствіи всей страны, съ открытыми и свободными дебатами“.

Этой первой своей статьей Вильсонъ сразу опредѣлилъ свое призваніе. Отнынѣ всѣ его мысли и всѣ его мечты посвящены политикѣ. По окончаніи колледжа онъ поступаетъ на юридическій факультетъ, дѣлаетъ неудачный опытъ на юридическомъ поприщѣ въ качествѣ адвоката безъ кліентовъ и начинаетъ въ 1885 г. свою блестящую профессорскую карьеру. Онъ преподаетъ исторію, преподаетъ государственное право, политическую экономію, юриспруденцію, но въ центрѣ его вниманія всегда находятся политическія проблемы. Имъ онъ, главнымъ образомъ, посвящаетъ и свои книги, свои статьи и свои рѣчи. Популярность Вильсона быстро росла, и его со всѣхъ сторонъ приглашали для докладовъ при торжественныхъ случаяхъ. Онъ пріобрѣлъ репутацію одного изъ лучшихъ ораторовъ, хотя „краснорѣчіемъ“, въ собственномъ смыслѣ слова, не обладаетъ: стиль простой, безпретенціозный и голосъ только чистый и звонкій, безъ особой силы.

И въ качествѣ воспитателя, будучи „президентомъ“, т. е. ректоромъ или директоромъ знаменитаго колледжа въ Принстонѣ Вильсонъ съ особымъ вниманіемъ относился къ общественной сторонѣ своей задачи, вступивъ изъ-за этого въ борьбу съ своими сотоварищами, стоившую ему много силъ и окончившуюся его пораженіемъ.

Этотъ колледжъ считается въ Америкѣ однимъ изъ самыхъ „аристократическихъ“.

Плану переустройства колледжа, выработанному Вильсономъ, его противники противопоставили другой планъ, соотвѣтствовавшій ихъ стремленіямъ. И тотъ и другой планъ требовали для своего осуществленія большихъ затратъ. Когда одинъ магнатъ изъ Цинцинати предложилъ колледжу 500.000 долларовъ на условіяхъ, не вполнѣ соотвѣтствовавшихъ плану Вильсона, послѣдній потребовалъ отъ совѣта колледжа, чтобы онъ отказался отъ этого щедраго пожертвованія и совѣтъ удовлетворилъ это требованіе. Но, когда затѣмъ стали поступать новыя соблазнительныя предложенія и, наконецъ, другой магнатъ изъ Массачузета оставилъ въ распоряженіе противниковъ Вильсона наслѣдство въ три милліона долларовъ, товарищи Вильсона не устояли и покинули его. Тогда ему ничего не оставалось, какъ подать въ отставку.

III.

Въ этотъ самый моментъ Вильсону предложена была кандидатура въ губернаторы штата Нью Джерси. Онъ сталъ популяр-

нымъ человѣкомъ, и демократическая партія, положеніе которой въ то время было затруднительнымъ, задумала использовать эту популярность для своихъ цѣлей. Вильсонъ считался и считалъ себя самъ приверженцемъ демократической партіи, хотя эта партія въ Америкѣ далеко не оправдываетъ своего имени. Въ то время, это было въ 1910 г., во главѣ партіи стояли безпринципные „боссы", профессіональные политиканы, послушные вассалы финансовыхъ королей. Главнымъ боссомъ демократической партіи штата Джерси былъ нѣкто Смитъ, одинъ изъ худшихъ представителей своего сословія, съ весьма сомнительной репутаціей. Вильсонъ съ своими принципами былъ для него человѣкомъ другого міра; поддерживалъ же Смитъ его кандидатуру потому, что, какъ онъ самъ откровенно высказалъ на партійной конвенціи, нуженъ былъ кандидатъ, который могъ быть избраннымъ... Такого кандидата, помимо Вильсона, партія не имѣла. Штатъ почти сталъ доменой республиканской партіи, демократическіе боссы устали ждать своей очереди и рѣшились прибѣгнуть къ отчаянному средству: выставить Вильсона, явно „опаснаго" человѣка, но все же „товарища" по партіи. Они пошли на явный рискъ и — проиграли.

Вильсонъ уже во время избирательной кампаніи открыто высказывался противъ боссовъ. Онъ съ перваго момента занялъ независимую позицію, не только по отношенію къ боссамъ, но также по отношенію ко всей партіи. Въ рѣчи, произнесенной имъ передъ демократической конвенціей послѣ того какъ его кандидатура въ губернаторы была одобрена послѣдней (въ его отсутствіи, безъ малѣйшаго усилія съ его стороны), онъ заявилъ: „Я не искалъ этой кандидатуры. Я не принялъ на себя никакихъ обязательствъ и не далъ никакихъ обѣщаній... Если я буду избранъ, какъ я надѣюсь, я сохраню свободу служить вамъ съ полной независимостью взглядовъ". — Своей свободой Вильсонъ воспользовался въ такой мѣрѣ, что боссы были внѣ себя и стали ругать его на всѣхъ перекресткахъ. Но это не повредило Вильсону, не только вполнѣ оправдавшему въ качествѣ губернатора довѣріе своихъ избирателей, но пріобрѣвшему также симпатіи многихъ изъ своихъ противниковъ. Онъ провелъ рядъ реформъ, давно стоявшихъ въ программѣ демократической партіи, но служившихъ больше украшеніемъ избирательныхъ прокламацій, чѣмъ выраженіемъ дѣйствительныхъ намѣреній партійныхъ лидеровъ.

При этомъ своемъ первомъ выступленіи на поприщѣ государственной дѣятельности онъ руководствовался тѣми принципами, которые онъ тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, будучи еще студентомъ, отстаивалъ въ своей первой политической статьѣ въ „International Review". — Онъ принялъ на себя отвѣтственность и за исполнительную власть и за законодательство, стараясь въ то же время сблизить власть съ народомъ и увеличить вліяніе послѣдняго на первую. Губернаторство Вильсона было, по выраженію проф. Фор-

да, автора обстоятельнаго изслѣдованія о государственной дѣятельности Вильсона [1]), „какъ бы каналомъ, проведеннымъ черезъ болота": со всѣхъ сторонъ лучшія силы стекались въ этотъ каналъ, какъ живая вода, и поддерживали своею двигательною силою иниціативу Вильсона.

Главнѣйшія реформы, проведенныя Вильсономъ за короткое время его губернаторства (два года), были слѣдующія:

демократизація избирательной системы,

отвѣтственность работодателей за несчастные случаи съ ихъ рабочими,

реорганизація народной школы и пр.

Благодаря этимъ успѣхамъ въ качествѣ губернатора популярность Вильсона возросла до того, что повсюду стали говорить о немъ, какъ о желательномъ кандидатѣ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ. Образовались спеціальныя группы для пропаганды этой кандидатуры; первая въ Штатѣ Нью Джерси, затѣмъ также въ другихъ штатахъ. Главари демократической партіи, однакожъ, мало раздѣляли эти симпатіи къ Вильсону. „Боссы" теперь хорошо знали его, слишкомъ хорошо, и перспектива видѣть его во главѣ страны, понятно, мало прельщала ихъ. На съѣздѣ демократической партіи для выбора кандидата въ президенты образовалась сильная оппозиція противъ Вильсона. Потребовалось не менѣе сорока шести перебаллотировокъ, прежде чѣмъ кандидатура Вильсона добилась признанія; борьба продолжалась четыре дня. Но въ это время со всѣхъ концовъ страны поступали заявленія въ пользу кандидатуры Вильсона, и съѣздъ сдался.

Принимая кандидатуру главы государства, неисправимый Вудровъ Вильсонъ произнесъ рѣчь, которая должна была прозвучать въ ушахъ консервативныхъ членовъ демократической партіи (эта партія вообще считается въ Америкѣ правой), чуть ли не какъ призывъ къ революціи. — Онъ говорилъ о деморализаціи, овладѣвшей правящими сферами Соед. Штатовъ, о справедливомъ народномъ негодованіи, о необходимости коренныхъ перемѣнъ и т. под. Правда, онъ прибавилъ, что перемѣны могутъ быть осуществлены самымъ мирнымъ путемъ: „Намъ не нужно революціи, — сказалъ онъ, — не нужно возбуждающихъ переворотовъ; нужна лишь новая точка зрѣнія, новая система, новый духъ". Но едва ли это было достаточно успокоительно для консервативныхъ элементовъ партіи. Это, однакожъ, не помѣшало его избранію въ президенты; онъ былъ избранъ большинствомъ 435 выборщиковъ противъ 88, стоявшихъ за Рузвельта и 8 за Тафта (предшествовавшаго президента). Большую роль, впрочемъ, сыгралъ при этомъ расколъ въ республиканской партіи, имѣвшей на этихъ выборахъ двухъ кандидатовъ: Руз-

---

[1]) Woodrow Wilson. The man and his work. A biographical study by Henry Laner Ford, New-Iork. 1916.

вельта и Тафта. При избраніи выборщиковъ голоса раздѣлялись слѣдующимъ образомъ: Вильсонъ — 6.303.063 голоса, Рузвельтъ — 4.168.564 голоса, Тафтъ — 3.439.529 голосовъ.

IV.

4-го марта 1913 г.[1]) Томасъ Вудровъ Вильсонъ занялъ мѣсто президента Соединенныхъ Штатовъ. Его вступительная рѣчь была проникнута глубокимъ сознаніемъ великой отвѣтственности, принятой имъ на себя и связанныхъ съ этимъ обязанностей, и онъ просилъ поддержки въ великой задачѣ у „всѣхъ честныхъ людей, всѣхъ патріотовъ, всѣхъ стремящихся впередъ". Намѣченная имъ при этомъ законодательная программа касалась, главнымъ образомъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ: тарифъ, денежная система, поднятіе сельско-хозяйственной культуры, развитіе средствъ сообщеній, защита труда, гигіена и т. под., — чисто практическая, дѣловая программа. За работу онъ взялся немедленно, созвалъ парламентъ на 7-е апрѣля, хотя, слѣдуя обычаю, послѣдній долженъ былъ бы возобновить свои занятія лишь въ декабрѣ. Первая задача, которую Вильсонъ предложилъ конгрессу, была очень сложна и щекотлива: пересмотръ таможеннаго тарифа, съ которымъ такъ тѣсно связаны интересы плутократіи. Послѣдняя привыкла пользоваться рѣшающимъ вліяніемъ въ тарифныхъ вопросахъ и настойчиво домогалась того же и на этотъ разъ. Но Вильсонъ былъ на стражѣ и провелъ такой тарифъ, какой онъ считалъ полезнымъ для страны и ея промышленности. Радикальныхъ перемѣнъ онъ не хотѣлъ, считая ихъ въ этой области опасными, но онъ значительно смягчилъ покровительственную систему, съ цѣлью способствовать сосредоточенію промышленныхъ силъ въ тѣхъ отрасляхъ, къ которымъ страна наиболѣе приспособлена по своимъ естественнымъ условіямъ. 3-го октября того же года новый тарифъ уже сталъ закономъ, — необыкновенно скоро для такого сложнаго дѣла.

Вторымъ законодательнымъ актомъ, проведеннымъ Вильсономъ, была реформа денежной системы, — также очень сложная и спорная задача, выполненная Вильсономъ съ большимъ успѣхомъ. Затѣмъ Вильсонъ провелъ новыя мѣры противъ трестовъ; но опять очень осторожно, сдѣлавъ только одинъ шагъ впередъ, не болѣе.

Реформаторская дѣятельность Вильсона была прервана европейской катастрофой. Съ началомъ великой европейской войны внутренняя политика отодвинулась и въ Америкѣ на второй планъ, и вниманіе почти всецѣло сосредоточилось на иностранной политикѣ. Началась среди самихъ американцевъ борьба сторонниковъ Германіи со сторонниками Англіи и Франціи, возникли внѣшнія осложненія, въ связи съ англійской блокадой, германской подводной войной,

---

[1]) Даты повсюду новаго стиля.

фабрикаціей амуниціи для союзниковъ и попытками австро-германскихъ агентовъ воспрепятствовать этому. Страсти скоро разгорѣлись до того, что можно было опасаться чуть ли не чего-то въ родѣ внутренней войны.

Вильсонъ занялъ строго нейтральную позицію и настоятельно требовалъ того же отъ американскаго народа. 18-го августа 1914 г., черезъ двѣ недѣли послѣ начала войны, онъ обратился съ воззваніемъ въ этомъ духѣ къ американскому народу, говоря: „Всякій, кто искренно любитъ Америку, будетъ дѣйствовать и говорить въ духѣ истиннаго нейтралитета, т. е. въ духѣ безпартійности, корректности и добраго отношенія ко всѣмъ участникамъ". Мотивировалъ онъ это требованіе, во-первыхъ, интересами самой Америки, которые для американцевъ должны быть на первомъ мѣстѣ и которые могутъ сильно пострадать отъ неизбѣжныхъ, при другомъ отношеніи, внутреннихъ раздоровъ, — но также и долгомъ передъ народами Европы, которымъ Америка можетъ оказать большую услугу въ дѣлѣ возстановленія мира именно въ качествѣ безпартійнаго друга.

Этой точкѣ зрѣнія Вильсонъ остался вѣрнымъ до сегодняшняго дня. Нелегкое это было дѣло. Нападки сыпались на него изъ обоихъ лагерей; отрицали и принципіальную допустимость нейтралитета въ такой великой трагедіи, отрицали и искренность его, соотвѣтствіе его поступковъ этимъ принципамъ. Его собственный министръ по иностраннымъ дѣламъ, Брайянъ, выступилъ противъ него въ концѣ 1915-го года, обвиняя его въ несправедливомъ отношеніи къ Германіи, тогда какъ Рузвельтъ, наоборотъ, все время обвинялъ его въ противоположномъ. Точно такъ же и внѣ Америки Вильсонъ своей политикой нейтралитета, конечно, больше потерялъ симпатій, чѣмъ пріобрѣлъ ихъ; въ Германіи и въ Австріи на него смотрятъ почти какъ на врага, а въ союзныхъ странахъ его также не считаютъ другомъ. Трудна роль безпартійнаго въ разгарѣ партійной борьбы. Оцѣнить ее можно только къ концу борьбы.

Однакожъ, намъ нужно имѣть свое собственное мнѣніе объ иностранной политикѣ Вильсона, чтобы опредѣлить свое собственное отношеніе къ нему. Чего можемъ мы ожидать отъ него для международныхъ отношеній въ ближайшемъ и болѣе отдаленномъ будущемъ? Самъ Вильсонъ, повидимому, придаетъ большое значеніе роли Соединенныхъ Штатовъ въ будущихъ международныхъ отношеніяхъ. Въ упомянутомъ выше воззваніи къ американскому народу онъ говоритъ о своемъ народѣ, какъ „держащемъ себя наготовѣ играть роль безпартійнаго посредника, дающаго совѣты мира и согласія, не какъ заинтересованная страна, но какъ другъ". И еще раньше, тотчасъ послѣ начала войны, 5-го августа 1914 г., онъ обратился ко всѣмъ главамъ воюющихъ державъ съ слѣдующимъ посланіемъ:

„Какъ офиціальный глава одной изъ державъ, подписавшихъ Гаагскую конвенцію, я чувствую себя обязаннымъ и уполномочен-

нымъ, на основаніи III пункта этой конвенціи, сказать вамъ въ духѣ самой серьезной дружбы, что я буду привѣтствовать возможность дѣйствовать въ интересахъ европейскаго мира, будь это сейчасъ или въ какое-либо другое время, которое будетъ признано болѣе подходящимъ, дабы служить вамъ и всѣмъ заинтересованнымъ въ томъ духѣ, который будетъ для меня всегда источникомъ признательности и счастія".

Это предложеніе, какъ извѣстно, не имѣло до сихъ поръ никакихъ практическихъ послѣдствій, но оно осталось въ силѣ до сегодняшняго дня. Офиціально Вильсонъ не возобновлялъ его, но неофиціально онъ не разъ зондировалъ почву, посылая въ Европу личныхъ представителей для переговоровъ съ представителями воюющихъ державъ о возможныхъ условіяхъ мира. Онъ, повидимому, не перестаетъ о томъ думать. И едва ли могутъ быть какія-либо сомнѣнія въ чистотѣ побужденій, одушевляющихъ его при этомъ. Великая это миссія быть посредникомъ между величайшими народами міра въ этой гигантской борьбѣ и содѣйствовать обезпеченію мира и прогресса для всего человѣчества. Такая миссія могла бы соблазнить и самаго пылкаго честолюбца. Но и честолюбія, въ общепринятомъ смыслѣ слова, не чувствуется въ стремленіяхъ этого профессора, страстнаго любителя книги и тихой кабинетной работы, знающаго, какъ пріобрѣтается обыкновенно слава и честь, и какая имъ цѣна.

Но вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ великихъ державъ имѣетъ, конечно, большое политическое значеніе для самихъ Соединенныхъ Штатовъ. Это стало ясно во время настоящей войны. Не легко было соблюсти нейтралитетъ и при этой войнѣ; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ казалось, что вотъ-вотъ произойдетъ столкновеніе съ Германіей; не исключено это совершенно и въ настоящее время. Тѣмъ менѣе можно считать нейтралитетъ обезпеченнымъ для будущихъ временъ. Волей-неволей, слѣдовательно, Америка должна опредѣлить свое отношеніе къ европейской политикѣ. Два пути имѣетъ она передъ собою: путь торный, традиціонный, по которому шли до сихъ поръ всѣ другіе великіе народы, — путь борьбы за лучшее мѣсто подъ солнцемъ, — борьбы всѣми средствами, не исключая и военной силы, — тотъ путь, по которому пошли Германія и ея союзники.

Соблазнительныя перспективы открываются теперь для Соед. Штатовъ на этомъ пути: всѣ другія великія державы будутъ послѣ этой войны совершенно обезсилены, а Соед. Штаты полны силъ и жизненныхъ соковъ. Но Вильсонъ не соблазнился этими перспективами ни на одну минуту. Онъ избралъ другой путь, новый, трудный, можетъ быть — тернистый: путь права и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. На этомъ пути онъ ищетъ выхода изъ конфликтовъ съ другими народами американскаго континента, на томъ же пути онъ ищетъ соглашенія съ народами Европы.

Будущія взаимныя отношенія между народами Америки Вильсонъ предложилъ, въ меморандумѣ отъ 5-го января 1916 г., установить на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Соединенные Штаты и всѣ другія націи американскаго полушарія взаимно гарантируютъ другъ другу неприкосновенность своихъ территорій.

2) Всѣ націи соглашаются поддерживать республиканскую форму правленія.

3) Всѣ обязуются предоставить разрѣшеніе возникающихъ между ними конфликтовъ третейскому суду или дипломатическимъ переговорамъ и слѣдственнымъ коммиссіямъ.

Въ томъ же духѣ, повидимому, стремленія Вильсона по отношенію къ европейскимъ народамъ, кромѣ, конечно, внутренней формы правленія, которой онъ, понятно, касаться не намѣренъ. Въ сущности, онъ почти офиціально предложилъ нѣчто подобное народамъ Европы въ своей рѣчи на банкетѣ „Лиги борьбы за миръ", 27-го мая текущаго года. Въ этой рѣчи Вильсонъ прямо заявилъ, что европейская война слишкомъ глубоко затрагиваетъ интересы Америки, чтобы она могла долго оставаться въ положеніи индифферентнаго наблюдателя. „Чѣмъ болѣе война затягивается, — сказалъ онъ, — тѣмъ болѣе мы становимся заинтересованными въ томъ, чтобы ей былъ положенъ конецъ и чтобы міръ получилъ возможность возобновить свою нормальную жизнь. И когда этотъ конецъ наступитъ, мы столько же, сколько воюющія націи, будемъ заинтересованы въ томъ, чтобы миръ принялъ постоянный характеръ, чтобы неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ была снята съ насъ и чтобы въ дальнѣйшемъ война и миръ всегда считались общимъ интересомъ всего человѣчества".

Какъ видимъ, нейтралитетъ Вильсона весьма далекъ отъ индифферентизма, — по крайней мѣрѣ, сталъ такимъ на второй годъ войны. Теперь онъ твердо занялъ позицію общности международныхъ интересовъ. „Хотимъ ли мы того, или не хотимъ, — сказалъ онъ въ только что приведенной рѣчи, — но мы участники міровой жизни. Интересы всѣхъ націй суть вмѣстѣ съ тѣмъ и наши собственные интересы. То, что затрагиваетъ человѣчество, неизбѣжно становится нашимъ дѣломъ, точно такъ же, какъ дѣломъ народовъ Европы и Азіи". „Народы міра, — говоритъ президентъ Соед. Штатовъ, — стали сосѣдями другъ друга. Ихъ собственные интересы требуютъ, чтобы они понимали другъ друга. А для этого необходимо, чтобы они согласились дѣйствовать въ общемъ дѣлѣ совмѣстно и такъ, чтобы руководящимъ принципомъ была безпартійная справедливость".

Какъ голосъ изъ другого міра прозвучатъ эти слова для старой Европы. И дѣйствительно это новый міръ выходитъ на международную арену и предъявляетъ свои требованія, новыя, но

весьма опредѣленныя, конкретныя требованія. Вильсонъ формулировалъ ихъ въ своей рѣчи такимъ образомъ:

1) Каждый народъ имѣетъ право избрать себѣ суверенитетъ, подъ которымъ онъ желаетъ жить.

2) Малые народы имѣютъ право на такое же уваженіе ихъ суверенитета и ихъ территоріальной неприкосновенности, какое требуютъ для себя великія и сильныя націи.

3) Всѣ народы имѣютъ право быть свободными отъ всякаго нарушенія мира, вызваннаго нападеніемъ или неуваженіемъ къ народнымъ или національнымъ правамъ.

На этихъ условіяхъ, для этихъ цѣлей Вильсонъ выразилъ, отъ имени Соед. Штатовъ, готовность войти въ союзъ съ европейскими державами: „Соед. Штаты, — сказалъ онъ, — готовы стать участникомъ всякой ассоціаціи націй, имѣющей цѣлью осуществленіе этихъ задачъ и ихъ обезпеченіе противъ насилій".

V.

Какъ видимъ, программа нынѣшняго президента Соед. Штатовъ по иностранной политикѣ очень близка къ стремленіямъ передовой европейской демократіи. Послѣдняя имѣетъ теперь, слѣдовательно, на той сторонѣ Великаго океана цѣннаго союзника. Но какія силы имѣетъ этотъ союзникъ за собою? Хорошимъ словамъ, добрымъ намѣреніямъ въ наше время не придаютъ большой цѣны. Вѣра прусскихъ юнкеровъ, что „Богъ на сторонѣ сильныхъ батальоновъ", соблазнила многихъ и внѣ царства милитаризма. Мы всѣ стали большими скептиками. Но и наши американскіе друзья также скептики; янки, вѣдь, вообще не принадлежатъ къ расѣ наивныхъ энтузіастовъ. И они, конечно, не думаютъ ограничиваться въ борьбѣ съ милитаризмомъ добрыми словами и увѣщеваніями. Свою программную рѣчь по иностранной политикѣ Вильсонъ произнесъ не въ обществѣ сопротивленія злу, а — въ „Лигѣ борьбы за миръ", — борьбы всѣми доступными средствами, не исключая и военной силы. И Вильсонъ принялъ мѣры для того, чтобы эти средства были въ распоряженіи его страны, когда въ нихъ будетъ нужда. Соединенные Штаты будутъ имѣть скоро и флотъ и армію, съ которыми придется считаться тѣмъ, для которыхъ другіе доводы не убѣдительны.

При всемъ своемъ, по европейской терминологіи, „идеализмѣ" Вильсонъ очень практичный человѣкъ, знаетъ людей, ихъ хорошія а также и ихъ дурныя качества. И онъ умѣетъ говорить со всякимъ на „понятномъ" ему языкѣ. Какимъ тономъ заговорилъ онъ съ Германіей, когда увидѣлъ, что при овладѣвшей ею психологіи сабронированнаго кулака, на нее можно воздѣйствовать только самыми рѣшительными средствами! Едва ли за все время существованія Германской имперіи ея достоинству пришлось снести такой

ударъ, какъ тотъ, что былъ нанесенъ ей Вильсономъ въ спорѣ по вопросу о „подводной войнѣ“. Громко, публично, на весь міръ, въ торжественной обстановкѣ соединеннаго засѣданія обѣихъ палатъ Конгресса Вильсонъ крикнулъ Германіи свое Quos ego! и принудилъ ее къ полной капитуляціи, къ полному удовлетворенію всѣхъ его требованій. Упрекаютъ Вильсона въ томъ, что онъ раньше не проявилъ этой рѣшительности, крайне растягивая переговоры съ Германіей и обнаруживая долготерпѣніе, которое Германія, какъ и всѣ другіе, сочла признакомъ слабости. Можетъ быть, эти упреки справедливы, но не надо забывать, что задача Вильсона состояла въ томъ, чтобы добиться отъ Германіи соблюденія международныхъ законовъ безъ разрыва, который, вѣроятно, привелъ бы скоро къ военному столкновенію. Войны съ Германіей Вильсонъ, очевидно, не хотѣлъ. Намъ это, можетъ быть, было бы желательно, но Вильсонъ, естественно, руководствовался, главнымъ образомъ, желаніями американскаго народа, будучи, впрочемъ, въ то же время увѣреннымъ, что желанія американскаго народа не расходятся съ интересами другихъ народовъ. Наоборотъ, онъ считалъ себя и въ этомъ случаѣ защитникомъ общечеловѣческихъ интересовъ. Въ своемъ памятномъ обращеніи къ Конгрессу 19-го апрѣля 1916 г. передъ отправленіемъ Германіи своего ультиматума Вильсонъ заявилъ:

„Къ своему рѣшенію я пришелъ съ крайнимъ сожалѣніемъ; къ возможности предусмотрѣнныхъ актовъ (разрыва и пр.) всѣ серьезные американцы, я увѣренъ, относятся съ искреннимъ нерасположеніемъ. Но мы не можемъ забывать, что силою обстоятельствъ мы являемся какъ бы отвѣтственными выразителями правъ человѣчества и что мы не можемъ молча наблюдать, какъ эти права совершенно исчезаютъ въ водоворотѣ этой страшной войны“.

Громко звучитъ тутъ, какъ во всѣхъ выступленіяхъ Вильсона по вопросамъ международной политики, чувство долга передъ человѣчествомъ. Для Вильсона національный эгоизмъ, очевидно, не является альфой и омегой любви къ отечеству и народной гордости; онъ, наоборотъ, убѣжденъ, что народная гордость требуетъ справедливаго отношенія къ другимъ народамъ. Этимъ онъ руководствовался при разрѣшеніи конфликтовъ Соед. Штатовъ съ другими американскими странами (Мексика, Филиппины), этимъ же онъ, очевидно, намѣренъ руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ съ европейскими народами. Такое выступленіе Америки на міровую арену въ этотъ историческій моментъ, когда жажда справедливости въ международныхъ отношеніяхъ охватила весь культурный міръ, составляетъ событіе весьма многообѣщающее.

Въ отношеніи къ соціальнымъ проблемамъ едва ли много приходится ожидать отъ Вильсона. Въ этомъ отношеніи онъ скорѣе консервативенъ. Правда, этимъ лѣтомъ онъ въ конфликтѣ между

желѣзнодорожными магнатами и ихъ рабочей арміей вызвалъ противъ себя бурю негодованія со стороны крупной буржуазіи, обвинявшей его чуть ли не въ покушеніи на соціальную революцію. Рѣшительность, съ которой президентъ разрубилъ Гордіевъ узелъ, образовавшійся вслѣдствіе неуступчивости работодателей, конечно, необычна. Онъ провелъ главное требованіе рабочихъ, которое предприниматели упорно отказывались удовлетворить, — восьмичасовой рабочій день, — законодательнымъ путемъ, но тутъ Вильсонъ руководствовался не столько соціальными, сколько политическими и общегосударственными соображеніями. Допустить всеобщую стачку желѣзнодорожныхъ рабочихъ, значило бы подвергнуть всю экономическую жизнь страны тяжкому кризису и вызвать также, можетъ быть, крупныя политическія осложненія. Убѣдившись, что избѣжать кризисъ можно лишь въ случаѣ, если рабочимъ будетъ уступлено въ томъ пунктѣ ихъ требованій, который касался установленія восьмичасового рабочаго дня, Вильсонъ долго уговаривалъ работодателей уступить въ этомъ пунктѣ рабочимъ, но, наткнувшись на упорное сопротивленіе, имѣвшее также, вѣроятно, отчасти политическія, партійныя причины (крупная американская буржуазія принадлежитъ, большею частью, къ республиканской партіи), Вильсонъ прибѣгнулъ къ законодательству какъ къ ultima ratio. Предприниматели разсчитывали на другого рода ultima ratio — на военную силу, которую они, какъ и ихъ европейскіе собратья, продолжаютъ считать единственнымъ истинно-консервативнымъ средствомъ улаженія опасныхъ конфликтовъ. Съ этой точки зрѣнія Вильсонъ, можетъ быть, революціонеръ... Но по своимъ принципамъ онъ убѣжденный противникъ революціонныхъ перемѣнъ въ государственной жизни; уваженіе къ прошлому и неразрывную связь съ нимъ онъ считаетъ необходимымъ залогомъ нормальнаго развитія страны, а склонность нашего времени къ соціальнымъ экспериментамъ—дурнымъ послѣдствіемъ блестящихъ успѣховъ экспериментальныхъ наукъ.

„Естественныя науки,—сказалъ онъ въ одной рѣчи еще въ 1866 г., — вызвали въ насъ склонность къ экспериментамъ и презрѣніе къ прошлому. Онѣ сдѣлали насъ вѣрующими въ быстрыя улучшенія, въ панацею, во все новое...“ — Этой вѣры у Вильсона нѣтъ. Естественныхъ наукъ онъ, впрочемъ, также не любитъ: его образованіе было преимущественно гуманитарнымъ.

Въ общемъ, Вильсонъ такъ же далекъ отъ революціи, какъ отъ реакціи. Если бы потребовалось подвести его подъ одну изъ общепринятыхъ въ Европѣ формулъ, то его можно было бы, пожалуй, назвать оппортунистомъ, въ смыслѣ, что онъ, какъ выражается его біографъ, имѣетъ „большой респектъ передъ фактами“, т. е. считаетъ необходимымъ относиться съ большимъ вниманіемъ къ условіямъ времени и мѣста. Поэтому онъ очень отсталъ отъ европей-

ской демократіи въ отношеніи соціальныхъ вопросовъ, какъ, впрочемъ, вся американская демократія.

Въ политическихъ вопросахъ Вильсонъ занялъ бы и въ передовой европейской демократіи одно изъ первыхъ мѣстъ, — въ особенности въ вопросахъ, такъ называемой иностранной политики. Если онъ при предстоящихъ выборахъ снова будетъ избранъ президентомъ Соед. Штатовъ С. А., на что онъ имѣетъ много шансовъ, то онъ, несомнѣнно, окажетъ значительную поддержку стремленіямъ къ демократизаціи международной политики. Но и въ томъ случаѣ, если ему придется покинуть Бѣлый Домъ, его вліяніе въ этомъ отношеніи будетъ весьма цѣнно. Онъ и на обыкновенной каѳедрѣ будетъ, вѣроятно, властителемъ думъ американской демократіи, — со временемъ, можетъ быть, также — европейской демократіи [1]).

Нью-Іоркъ — Лондонъ,
сентябрь 1916 г.

Р. Бланкъ.

[1]) Съ тѣхъ поръ телеграфъ принесъ извѣстіе, что вторичное избраніе В. Вильсона президентомъ, судя по составу выборщиковъ, должно считаться обезпеченнымъ.

ВОПРОСЫ ТЫЛА И ИХЪ РАЗРѢШЕНІЕ ВЪ МИЛАНѢ.

(ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ.)

Земля итальянская невелика и необильна. И, однако, вопросы тыла получаютъ въ ней такое разрѣшеніе, которое было бы подъ стать многимъ богатымъ и обширнымъ государствамъ. Лучше и ярче всего проходитъ сложная работа по ихъ разрѣшенію въ Миланѣ, неофиціальной столицѣ Италіи. Этотъ городъ, лежащій въ центрѣ соединенія важнѣйшихъ національныхъ и важныхъ европейскихъ торговыхъ путей, выбираетъ изъ страны массу лицъ, находящихся въ расцвѣтѣ духовныхъ и физическихъ силъ. И поэтому-то онъ всегда беретъ на себя иниціативу въ дѣлѣ организаціи и стимулированія экономическихъ и духовныхъ силъ націи. Взялъ на себя Миланъ починъ и въ настоящій тяжелый періодъ жизни Италіи. Его работа тѣмъ болѣе интересна, что итальянская коммуна, — играющая большую роль въ жизни населенія, съ большимъ удѣльнымъ вѣсомъ трудовыхъ и демократическихъ элементовъ, чѣмъ государственный механизмъ, — гораздо болѣе опредѣленно пытается внести извѣстную организованность въ соціальный строй, чѣмъ органы центральной власти.

Въ этой „соціальной лабораторіи“ идетъ разнообразнѣйшая, кипучая работа, въ которой принимаютъ участіе, стянутые въ Миланъ, самые активные элементы итальянскаго населенія. Руководство въ этомъ отношеніи принадлежитъ муниципалитету. Вокругъ него группируются всѣ начинанія, отъ него исходятъ призывы къ странѣ и имъ даются директивы. И, по капризному совпаденію обстоятельствъ, роль верховнаго руководителя городскихъ, а слѣдомъ и національныхъ силъ, выпала на долю членовъ соціалистической партіи, которая объявила себя непримиримымъ противникомъ войны. Силою необходимости, подъ давленіемъ желѣзной логики событій — непримиримые въ теоріи революціонеры на практикѣ стали однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ въ дѣлѣ

укрѣпленія въ странѣ готовности вести борьбу. И они же вынуждены были пойти по пути самаго крайняго реформизма, весьма впрочемъ, характернаго для настоящей эпохи національныхъ и внутригосударственныхъ „embrassons-nous“. Теорія рѣзко разошлась съ практикой, принципіально многое потеряно, практически произведена и производится большая и очень нужная странѣ работа.

По приглашенію членовъ муниципалитета я детально ознакомился съ тѣмъ, что дѣлаетъ Миланъ для разрѣшенія вопросовъ тыла, — и думаю, что у маленькой Италіи многому можно поучиться нашей великой родинѣ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ передачѣ видѣннаго, попрошу читателя вдуматься въ нѣсколько небольшихъ цифровыхъ данныхъ. Только знакомство съ ними позволитъ какъ слѣдуетъ оцѣнить широту и размахъ миланской тыловой работы. Финансы итальянскихъ муниципалитетовъ скудны. Они покоятся, главнымъ образомъ, на обложеніи ввозимыхъ въ городъ съѣстныхъ продуктовъ и на добавочномъ налогѣ къ нѣкоторымъ правительственнымъ налогамъ. Эти два источника поступленій въ муниципальныя кассы составляютъ 50 съ лишнимъ процентовъ общей суммы поступленій,— и только они поддаются болѣе или мѣнѣе замѣтному увеличенію. Война сдѣлала ихъ еще болѣе скудными. Неизбѣжное разстройство, вызываемое войной, заставило широкіе слои населенія замѣтно уменьшить потребленіе, а правительственное обложеніе, очень большое и до войны, выросло настолько, что ростъ дополнительнаго коммунальнаго обложенія наталкивается на непреодолимыя препятствія, помимо предѣловъ, поставленныхъ ему государствомъ. Поэтому работу можно было начинать и развивать внѣ или почти внѣ надеждъ на коммунальные финансы. Ее сдѣлали возможной обильныя частныя пожертвованія, большое количество добровольцевъ-работниковъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, чуткій откликъ населенія на каждый новый призывъ, и наконецъ, большое число разнообразныхъ общественныхъ организацій, развивавшихся и окрѣпшихъ послѣ того, какъ въ Италіи воцарился свободный режимъ, „демократической монархіи“.

Однихъ только денежныхъ пожертвованій отъ частныхъ лицъ и только на гражданскую мобилизацію муниципалитетъ за полгода собралъ свыше шести милліоновъ лиръ. Одновременно свыше трехъ сотенъ тысячъ было собрано спеціально на помощь инвалидамъ, поступило около 150.000 теплыхъ костюмовъ для солдатъ, около 200 т. для больничныхъ библіотекъ — и, кромѣ того, безчисленное количество пожертвованій натурой — виллами, квартирами,

швейными машинами и т. д. Каждое начинаніе муниципалитета поднимало на ноги миланское населеніе, каждый призывъ получалъ немедленный и широкій откликъ, и только поэтому удалось блестяще отвѣтить на всѣ вопросы, поставленные войной въ тылу арміи.

Первымъ и самымъ сложнымъ вопросомъ былъ вопросъ объ оказаніи помощи безработнымъ и бѣженцамъ. Вспыхнувшій общеевропейскій конфликтъ временно парализовалъ народно-хозяйственную жизнь страны, и этотъ параличъ сильнѣе всего сказался на Миланѣ съ его интенсивною торгово-промышленною дѣятельностью. Свыше 14,6% рабочихъ были уволены въ теченіе перваго мѣсяца, оставшимся у станковъ рабочій день былъ уменьшенъ почти на половину. Недостатокъ заработка заставилъ искать работы и тѣхъ членовъ семьи, которые раньше жили на средства главы семейства. Рабочія книжки малолѣтнимъ, обычно выдававшіяся муниципалитетомъ около трехсотъ въ мѣсяцъ, увеличились числомъ до 1642 за тотъ же періодъ. Одновременно изъ Западной Европы, а потомъ и изъ Америки хлынули толпы бѣженцевъ, покидая въ паникѣ все, что было собрано тяжелымъ трудомъ: сбереженія, задержанныя мораторіумомъ, пожитки и даже заработную плату. Эта масса, голодная, потерявшая голову, нуждалась въ немедленной поддержкѣ и работѣ. Сотни и тысячи вагоновъ ежедневно выбрасывали бѣженцевъ въ Италію, на запасныхъ путяхъ образовывались цѣлые поселки. Правительство предоставило въ ихъ распоряженіе всѣ свободные вагоны. Ими заполняли и товарные поѣзда, и курьерскіе, и даже экспрессы. Достаточно вспомнить, что ежегодно изъ страны уходитъ на дальніе зароботки свыше 200 тысячъ въ Европу и 350 тысячъ въ обѣ Америки, чтобы составить себѣ понятіе о величинѣ этого людского потока. Онъ увеличился десятками тысячъ тѣхъ крестьянъ и рабочихъ, которые прочно обосновались за границей и теперь подъ вліяніемъ общей паники вернулись на родину. Изъ этой массы на долю Милана пришлось свыше полутораста тысячъ человѣкъ — ломбардцевъ, венеціанцевъ и отчасти романьоловъ. Моментъ былъ критическимъ. Но благодаря быстрой мобилизаціи общественныхъ силъ и привычкѣ къ общественной работѣ Миланъ съ честью вышелъ изъ тяжкаго положенія. На помощь муниципалитету немедленно пришли демократическое общество „Уманитарія“, клерикальное „Работа по оказанію помощи эмигрантамъ“ и рядъ болѣе мелкихъ организацій. И Милану удалось внести организованность въ массу, создавъ коллективную согласованность въ борьбѣ съ паникой и ея послѣдствіями.

Больше всего сдѣлала въ этомъ направленіи „Уманитарія“, — своего рода вольно-экономическое общество, выросшее на италья-

ской почвѣ. Эта общественная организація, всячески преслѣдовавшаяся реакціей 90-хъ гг., теперь представляетъ центръ многихъ работъ въ тылу арміи. На ея счастье и счастье народа означенныя преслѣдованія были послѣднимъ предсмертнымъ усиліемъ реакціи. За пятнадцать лѣтъ общество успѣло стать на ноги — и, какъ любятъ говорить миланцы, — „теперь жутко дѣлается при мысли, что этого общества могло не существовать". По мѣрѣ того, какъ я знакомился съ его дѣятельностью и изъ-за груды сырыхъ матеріаловъ и сухихъ цифръ вырисовывалась сѣть учрежденій, созданныхъ и поддерживаемыхъ „Уманитаріей", для меня становилось все яснѣе, почему жители Милана прониклись такимъ уваженіемъ къ этой организаціи. Изъ основной цѣли общества, какъ она была опредѣлена жертвователемъ Лорія, — изъ стремленія „поддерживать неимущихъ въ ихъ усиліяхъ стать на ноги", — выросли: касса помощи отъ безработицы, бюро труда, эмиграціонный секретаріатъ, профессіональныя школы, домъ труда, соціальный музей, агрономическій и аграрный отдѣлы, — каждый съ большими и сложными подраздѣленіями и огромнымъ вліяніемъ въ странѣ. Въ частности, большую помощь бѣженцамъ принесъ эмиграціонный отдѣлъ. „Наше общество, — говорилъ мнѣ профессоръ Пальяри, руководитель отдѣла, — организовало секретаріаты во многихъ пунктахъ Италіи и за границей: въ Швейцаріи, Франціи, Германіи и Австро-Венгріи, привлекая къ работѣ мѣстныя общественныя организаціи и профессіональные союзы. Секретаріаты взяли на себя юридическую помощь эмигрантамъ, сообщеніе свѣдѣній о странахъ иммиграціи, основаніе школъ, пріютовъ, дешевыхъ столовыхъ, обмѣнъ денегъ на пограничныхъ пунктахъ и, наконецъ, поддержку на мѣстѣ всѣми имѣющимися въ распоряженіи средствами. Спеціальные инспектора объединяютъ эту сѣть секретаріатовъ, входятъ въ сношеніе съ консульскими властями, съ мѣстными административными органами, координируютъ ихъ дѣятельность. Какъ только вспыхнула паника, всѣ силы отдѣла были мобилизованы. Инспектора выѣхали за границу, взявъ на себя руководство толпами бѣгущихъ. Они направляли бѣженцевъ, устраивали удешевленные проѣзды, временныя помѣщенія, столовыя, больнички. Они же вмѣстѣ съ секретаріатами стали посредниками между эмигрантами и работодателями, сберегательными кассами и т. д. Они ликвидировали ихъ предпріятія, сдавали на храненіе пожитки, спасая все, что можно было спасти. Значительная часть бѣженцевъ либо прошла черезъ Миланъ, либо осѣла въ немъ. И тутъ уже началась совмѣстная съ муниципалитетомъ работа. Былъ открытъ рядъ пріютовъ для проѣзжающихъ, столовыхъ и т. д. Представители муниципалитета и общества направляли

бѣженцевъ на родину, не оставляя ихъ и тамъ, подыскивая и организуя работы, устраивая по соглашенію съ коммунами помѣщенія питательные пункты и т. д. Благодаря десятилѣтнему тѣсному контакту съ рабочей массой, живущей за границей, безпорядочное бѣгство сравнительно скоро было введено въ границы.

Рядомъ съ „Уманитаріей" и опять таки въ согласіи съ муниципалитетомъ работала католическая „Работа по оказанію помощи эмигрантамъ", существующая съ цѣлью поддерживать уходящихъ на дальніе заработки. Эта организація привлекла къ работѣ католическое духовенство. Ея 55 заграничныхъ секцій провели черезъ свои пріюты свыше 230.000 человѣкъ, выдавая обѣды 84.000. Ея агенты, спеціализировавшіеся на розыскахъ багажа, хлопотахъ о пониженіи проѣздной платы и т. п., — немедленно овладѣли идущей за ними массой. Были мобилизованы больнички, питательные пункты, пріюты, при чемъ вся работа велась въ согласіи съ работой „Уманитарія".

Въ виду этого на долю муниципалитета пришлось относительно небольшое число бѣженцевъ. Въ своихъ помѣщеніяхъ для эмигрантовъ коммуна содержала за весь годовой періодъ около 23.000 человѣкъ и оказывала длительную помощь квартирами, пищей и деньгами всего 2,5 тысячъ, главнымъ образомъ, бѣженцамъ изъ австрійскихъ итальянцевъ.

Однако, по доставкѣ бѣженцевъ на мѣста и въ частности въ Миланъ, они сливались съ толпой безработныхъ, — и здѣсь начинался второй періодъ дѣятельности, много болѣе сложный, чѣмъ первый.

Первой заботой муниципалитета было поддержаніе безработнаго ѣдой, кровомъ и деньгами, а потомъ уже выступало на сцену подыскиваніе ему работы. Муниципалитетъ началъ прежде всего съ организаціи „экономическихъ кухонь". Я посѣтилъ нѣкоторыя изъ нихъ, расположенныя на периферіи города. Чистыя помѣщенія, крѣпкій мясной супъ, мясное блюдо, молоко для дѣтей, и, конечно, хлѣбъ, которому очень должны позавидовать жители центральныхъ имперій. Обѣды и ужины выдаются по билетамъ муниципалитета съ обозначеніемъ срока выдачи. Всѣхъ кухонь въ настоящее время осталось 20. Въ среднемъ, каждая изъ нихъ выдаетъ 1200 обѣдовъ и ужиновъ. Въ настоящій моментъ ихъ работа значительно упала. Кормятся, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, преимущественно старики, либо такъ или иначе потерявшіе способность къ работѣ. Были моменты, когда дѣятельность этихъ кухонь во много разъ превышала настоящую. Это происходило въ первые мѣсяцы европейской войны. Потомъ число нуждающихся пало. Въ декабрѣ 1914 г. число уволенныхъ рабочихъ равнялось уже не 14 съ лишнимъ процентовъ, а

8,9%, — т. е. всего 10 тысячамъ человѣкъ. Число рабочихъ часовъ на фабрикахъ Милана значительно повысилось и разнилось отъ нормальнаго всего на 27%. Среди служащихъ и чиновниковъ безработица упала до 7%. Объявленіе же войны Австріи сразу улучшило положеніе рабочаго рынка. Съ одной стороны, начались призывы въ войска, постепенно забиравшіе рабочихъ: въ индустріи транспортной ушло подъ оружіе около 11%, въ строительной столько же, среди служащихъ 20%. Съ другой стороны, подряды на военное вѣдомство начинаютъ расти и соотвѣтственно увеличивается дѣятельность фабрикъ и заводовъ. Эти двѣ причины замѣтно ослабляютъ безработицу, что вскорѣ отразилось и на дѣятельности учрежденій, боровшихся съ нею. Тѣмъ не менѣе, экономическимъ кухнямъ, повидимому, все жъ таки предстоитъ еще долгая жизнь.

Въ дальнѣйшей борьбѣ съ безработицей муниципалитетъ такъ же, какъ и въ дѣлѣ помощи бѣженцамъ, оперся на уже существующія организаціи. Вопросъ о безработицѣ, одинъ изъ наиболѣе сложныхъ вопросовъ соціальной политики современности, не явился новымъ вопросомъ, какъ не были новостью и различныя мѣры борьбы съ нею. Налицо имѣлась касса помощи безработнымъ, основанная „Уманитаріей“ и организованная по системѣ Ганда. Эта касса, объединяющая „Уманитарію“ съ „Камерой труда“ и рядомъ профессіональныхъ организацій, была образована въ 1905 году и дала блестящіе результаты. Коммуна асигновала крупную сумму въ распоряженіе кассы, и, отказавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ объединенія работы, въ пособіяхъ различнымъ мелкимъ организаціямъ, до тѣхъ поръ державшимся въ сторонѣ изъ-за принципіальныхъ несогласій съ соціалистической „Камерой труда“. Но, отказывая въ самостоятельной поддержкѣ этимъ организаціямъ, муниципалитетъ и „Уманитарія“ открыли имъ свободный доступъ въ общую кассу. Этой же кассѣ муниципалитетъ поручилъ выдачу муниципальныхъ пособій тѣмъ, кто, — будь онъ рабочій, чиновникъ, мелкій лавочникъ или представитель свободныхъ профессій, можетъ доказать, что имѣлъ постоянный заработокъ до августа 1914 года, т. е. до начала общеевропейской войны.

Муниципалитетъ Милана не создалъ и спеціальныхъ „нейтральныхъ“ бюро труда, а предпочелъ уже существующія, опять же употребляя всѣ усилія для объединенія ихъ въ одно цѣлое. Къ его услугамъ было прекрасно организованное бюро труда, составленное по особому соглашенію между „Уманитаріей“ и „Камерой труда“ — съ двумя отдѣленіями: бюро федеральной камеры чиновниковъ и крестьянское бюро. Муниципалитетъ выдалъ пособія первому бюро, а также и второму, когда оно вошло въ союзъ съ первымъ. Крестьянскому бюро — въ виду спеціальнаго характера его работы, было

выдано особое пособіе, но при условіи соглашенія съ общегородскимъ бюро. Что же касается синдикалистскихъ и клерикальныхъ бюро, то муниципалитетъ предложилъ имъ войти въ общегородское, ограничившись пособіемъ синдикалистамъ на ихъ партійную работу. Численное соотношеніе этихъ организацій таково: съ одной стороны — 24.000 членовъ „Камеры труда" и 5000 чиновниковъ, съ другой стороны — 7000 синдикалистовъ и 1500 рабочихъ католиковъ.

Интересно отмѣтить, что муниципалитетъ, идя по стопамъ „Уманитаріи", принялъ спеціальныя мѣры противъ наплыва въ Миланъ безработныхъ изъ провинціи. „Уманитарія" — по соглашенію съ различными благотворительными обществами, владѣющими земельными имуществами, организовала въ провинціи рядъ коллективныхъ арендъ на ихъ земляхъ. Муниципалитетъ, въ свою очередь, обратился ко всѣмъ провинціальнымъ коммунамъ съ просьбой выяснить число безработныхъ и средства для предоставленія имъ заработка въ предѣлахъ коммуны. Во время обслѣдованія выяснилась возможность передвиженія ряда безработныхъ въ нѣкоторыя коммуны, нуждающіяся въ рабочихъ рукахъ. Часть безработныхъ была направлена въ земледѣльческую колонію „Уманитаріи", спеціально основанную съ цѣлью предоставленія временныхъ занятій безработнымъ. По почину „Уманитаріи" и при участіи муниципалитета былъ организованъ съѣздъ, такъ называемыхъ, семейныхъ крестьянскихъ кружковъ, — нѣчто въ родѣ крестьянскихъ клубовъ, на которомъ было постановлено производить еженедѣльныя отчисленія въ пользу безработныхъ и семей запасныхъ.

При выдачѣ пособій кассами — опять таки по иниціативѣ „Уманитаріи" — была принята крайне интересная мѣра, замѣтно повліявшая на сокращеніе безработицы. Это общество имѣетъ рядъ прекрасно поставленныхъ профессіональныхъ школъ для поднятія уровня знаній взрослыхъ рабочихъ это: школа электротехническая, школа прикладного искусства, чертежная, женская для шитья и кройки, сапожная, школы для наборщиковъ, корректоровъ, литографовъ, фото-механическая, переплетная и т. д. И вотъ, какъ говорилъ мнѣ директоръ „Уманитаріи", профессоръ Озимо, — было поставлено за правило, по соглашенію съ муниципалитетомъ, что пособія безработной молодежи выдаются только при условіи посѣщенія ими профессіональныхъ школъ. Въ результатѣ за истекшій годъ рядъ второсортныхъ работниковъ вышелъ изъ этихъ школъ съ значительно повышенными знаніями и быстро устроился на заводахъ, какъ въ Миланѣ, такъ и за его предѣлами.

Повліяли на уменьшеніе безработицы и отчасти на улучшеніе

условій женскаго труда и мастерскія, устроенныя муниципалитетомъ и „Уманитаріей“ для пріема заказовъ на военное вѣдомство. Возникли онѣ въ микроскопическихъ размѣрахъ съ цѣлью дать заработокъ нуждающимся женщинамъ семействъ запасныхъ и попутно уменьшить эксплотацію ихъ поставщиками на интендантство. Сначала было устроено нѣсколько мастерскихъ для шитья и кройки солдатскаго обмундированія. Помѣщенія были пожертвованы домовладѣльцами, машины рядомъ обществъ — въ томъ числѣ, компаніей Зингеръ. Работа пошла успѣшно, тѣмъ болѣе, что во главѣ мастерскихъ были поставлены рабочіе, извѣстные своею дѣятельностью въ профессіональномъ движеніи. Я посѣтилъ нѣсколько мастерскихъ. Работа происходитъ въ огромныхъ, свѣтлыхъ, чистыхъ залахъ и продолжается отъ 8 до 9 часовъ. Заработокъ противъ прежняго повысился на 75—100%. Завѣдующій мастерскими, извѣстный профессіональный дѣятель, рабочій Крочэ указывалъ мнѣ на то, что большинство зарабатываетъ отъ 4 до 5 лиръ. Кромѣ того, приглашенные опытные работники, обучая служащихъ, поднимаютъ ихъ производительность и умѣніе. Муниципалитетъ озаботился также выкупомъ изъ ломбарда нѣсколькихъ сотенъ машинъ, заложенныхъ нуждающимися швейками, и посадилъ ихъ владѣлицъ за работу, чѣмъ онъ спасъ рядъ семей отъ нужды. Примѣръ муниципалитета не остался безъ подражанія. Открыли подобныя же мастерскія „Женское общество распространенія культуры“ и рядъ другихъ организацій. Теперь онѣ объединились въ одно большое, руководимое муниципалитетомъ предпріятіе, которое взяло уже крупные подряды и установило оплату, удовлетворяющую требованія профессіональныхъ союзовъ. По всѣмъ видимостямъ, создастся крупное муниципальное дѣло, которое доставитъ муниципалитету дополнительный доходъ, крайне нужный при настоящемъ тяжеломъ положеніи, созданномъ ростомъ налогового обложенія и сокращеніемъ платежныхъ силъ населенія.

Это начинаніе обѣщаетъ еще большее развитіе. На сентябрьскомъ съѣздѣ представителей провинціальныхъ комитетовъ гражданской мобилизаціи синдикатомъ коммунъ было постановлено организовать сѣть мастерскихъ, руководимыхъ миланскимъ муниципалитетомъ и „Уманитаріей“, и было выработано обращеніе къ правительству съ требованіемъ выступить на помощь этому дѣлу, устраняющему много вреда, приносимаго посредниками рабочимъ и государству.

Въ результатѣ всей этой сложной работы, дополненной „Національнымъ кооперативнымъ комитетомъ“, организовавшимъ рядъ работъ на военное вѣдомство въ производительныхъ кооперативахъ и въ мастерскихъ типа муниципальнаго, — безработица сильно пала

Въ послѣдній мѣсяцъ изъ 1250 заявленій, поданныхъ въ бюро труда, было удовлетворено 1153.

Не съ такой быстротой, какъ вопросъ о бѣженцахъ и безработныхъ, но во много болѣе тяжелой формѣ сталъ передъ муниципалитетомъ вопросъ о борьбѣ съ непомѣрнымъ вздорожаніемъ жизни. Вообще обострившись въ странѣ, этотъ вопросъ особенно рѣзко сталъ въ Миланѣ, гдѣ фабрикантамъ сталъ грозить угольный голодъ, а населенію опасность сидѣть въ нетопленныхъ квартирахъ безъ хлѣба и мяса. Италія значительную часть своего потребленія закупаетъ на заграничныхъ рынкахъ, и вздорожаніе морского транспорта, усиленныя закупки Франціи, Англіи и отчасти нейтральныхъ странъ, сильно ударили по населенію. Достаточно вспомнить, что изъ 10,5 милліоновъ квинталовъ топлива 10 милліоновъ получалось изъ-за границы, чтобы понять размѣры угольнаго голода, начавшаго грозить странѣ. Италія уже до войны ввозила 162.000 головъ рогатаго скота и почти 150.000 квинталовъ свѣжаго мяса. Теперь ей понадобилось на 40.000 головъ больше въ мѣсяцъ, въ силу увеличенія войскового потребленія. И цѣны сразу сдѣлали головокружительный скачекъ, особенно сказавшійся на Миланѣ. Онѣ поднялись на всѣ съѣстные припасы по сравненію съ прошлымъ годомъ на 24,6%, причемъ мясо поднялось на 57%, масло на 31%, рисъ на 10%, и т. д.

Муниципалитетъ въ этой борьбѣ былъ поставленъ въ особо благопріятныя условія, ибо нашелъ поддержку въ крупныхъ потребительныхъ обществахъ, выросшихъ и окрѣпшихъ въ Миланѣ несмотря на крайне устарѣлое законодательство, благопіятствующее только развитію трудовыхъ кооперативовъ. Къ услугамъ муниципалитета были такіе гиганты, какъ „Unione Cooperativa“ съ 13 милліоннымъ оборотомъ, какъ „Cooperativa Ferroviaria subburbana“ съ 4,5 милліонами, какъ кооперативъ служащихъ съ 2.000.000 и почтово-телеграфный съ 1.000.000 оборота. Кромѣ того, въ Миланѣ работалъ оптовый кооперативный складъ съ оборотомъ въ 3,5 милл., федерація потребительныхъ обществъ и, наконецъ, „Національный союзъ кооперативовъ“. Этотъ послѣдній въ началѣ войны сорганизовалъ „Національный кооперативный комитетъ“, одной изъ задачъ котораго было планомѣрное развитіе кооперативно-муниципальной борьбы съ вздорожаніемъ жизни.

Первымъ актомъ муниципалитета были крупныя закупки зерна, ибо полученнаго отъ правительства было далеко недостаточно. Все зерно, пріобрѣтаемое муниципалитетомъ въ Южной Америкѣ, поступаетъ въ законтрактованныя имъ мельницы, а затѣмъ въ городскія пекарни. Для обезпеченія населенія дешевымъ и здоровымъ хлѣбомъ муниципалитетъ вошелъ въ соглашеніе съ федера-

ціей потребительныхъ обществъ. Эта федерація объединила 8 кооперативныхъ хлѣбопекаренъ, арендовала 103 частныхъ и начала широкое производство хлѣба. Почти вся коммунальная мука поступаетъ въ завѣдываніе федераціи. Она снабжаетъ всей необходимой для производства мукой свои 111 пекаренъ и выдаетъ 445 частнымъ пекарнямъ по своей цѣнѣ 40% муки, нужной имъ для производства. За это частныя пекарни обязуются подчиняться ряду выработанныхъ муниципалитетомъ правилъ и его контролю. Муниципалитетъ опредѣляетъ продажную цѣну хлѣба, требуетъ выполненія ряда гигіеническихъ мѣръ и соблюденія тарифовъ, выработанныхъ профессіональнымъ союзомъ хлѣбопековъ-рабочихъ. Для наблюденія за пекарнями назначено 5 инспекторовъ, взятыхъ изъ рабочихъ хлѣбопековъ, выдвинувшихся своею дѣятельностью въ профессіональномъ движеніи.

На этомъ не остановилась работа муниципалитета въ дѣлѣ обезпеченія городского населенія достаточнымъ запасомъ хлѣба. Въ октябрѣ 1915 г. городской совѣтъ окончательно принялъ проектъ постройки муниципальныхъ амбаровъ, мельницы и пекаренъ. Этотъ проектъ встрѣтилъ отчаянную оппозицію консервативной части избирателей, тѣмъ не менѣе всѣ данныя за то, что городъ выйдетъ побѣдителемъ, и что ему удастся довести до конца начатое дѣло.

Въ борьбѣ съ угрожающимъ угольнымъ голодомъ муниципалитетъ пошелъ рука объ руку съ „Національнымъ кооперативнымъ комитетомъ“, возникшимъ съ цѣлью предоставить въ распоряженіе государства всю рабочую силу, собранную въ кооперативахъ труда, и доставить вмѣстѣ съ тѣмъ рабочимъ кооператорамъ часть заказовъ, дѣлаемыхъ государствомъ. Эта организація, охватившая кооперативы съ 150 милліоннымъ производствомъ и торговымъ оборотомъ въ 170 милліоновъ, не остановилась на работѣ для военнаго вѣдомства, но пошла и на защиту потребителя. Миланскій муниципалитетъ первый вошелъ съ нею въ соглашеніе для ряда крупныхъ закупокъ. Верньянини, предсѣдатель комитета, такъ опредѣлилъ мнѣ работу въ этомъ направленіи: „Мы должны покупать, покупать, и покупать въ возможно большемъ количествѣ и возможно дешевле. Вотъ, въ сущности, разрѣшеніе задачи. Совмѣстно съ муниципалитетомъ мы произвели крупную закупку угля въ Англіи, куда ѣздилъ нашъ представитель. Этотъ уголь мы сможемъ продавать въ Миланѣ на 40% ниже его рыночной стоимости. Кромѣ угля мы сдѣлали первую попытку такой же закупки мяса, пріобрѣтши находящуюся на пути въ Италію партію венецуэльскихъ быковъ въ 150 головъ съ гарантіей доставки ихъ въ Геную. Несмотря на продажу мяса значительно ниже рыночной стоимости, мы получимъ около 118 лиръ чистой прибыли на ка-

ждомъ быкѣ. При дальнѣйшихъ покупкахъ пониженіе цѣны будетъ еще значительнѣе. Мы не думаемъ ограничиваться Миланомъ и разослали циркуляры во всѣ итальянскія коммуны и потребительныя общества съ предложеніемъ выяснить степень нужды въ углѣ, мясѣ и т. д. и вступить въ соглашеніе съ комитетомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что далеко не всѣ коммуны будутъ въ состояніи затратить необходимыя деньги, и поэтому мы предприняли рядъ шаговъ въ Римѣ, настаивая на вмѣшательствѣ центральной власти въ борьбу съ вздорожаніемъ жизни. На нашу точку зрѣнія стала и „Центральная кооперативная комиссія“ при министерствѣ торговли и промышленности. Эта комиссія на послѣднемъ засѣданіи вынесла слѣдующее постановленіе: „Центральная кооператнвная комиссія“, подчеркивая важность работы, которую могли бы произвести кооперативы въ защиту потребителя, и указывая на невозможность раціональной борьбы съ коалиціей частныхъ спекулянтовъ изъ-за недостатка въ денежныхъ средствахъ, находитъ необходимымъ, чтобы правительство начало оптовыя закупки предметовъ первой необходимости, подобно тому, какъ оно сдѣлало это въ отношеніи хлѣба. Одновременно собраніе миланскихъ кооперативовъ обратилось къ правительству съ предложеніемъ приступить къ оптовымъ закупкамъ товаровъ, которые должны поступать въ распоряженіе коммунъ и коперативовъ для борьбы съ эксцессами частныхъ спекулянтовъ. Разосланные комитетомъ и муципалитетомъ циркуляры уже изъ многихъ мѣстъ вернулись съ постановленіями о присоединеніи къ нашей работѣ“.

Этимъ не ограничилась плодотворная работа, предпринятая муниципалитетомъ совмѣстно съ кооперативными организаціями. Зерно, уголь, мясо — продукты, не требующіе сложной организаціи для оптовыхъ закупокъ. Но для другихъ продуктовъ вопросъ сложнѣе, и муниципалитету было выгодно использовать и въ отношеніи ихъ существующія спеціализировавшіяся на этомъ организаціи. Такъ муниципалитетъ вошелъ въ соглашеніе съ самымъ крупнымъ потребительнымъ обществомъ: „Unione Cooperativa“. Муниципалитетъ представляетъ обществу крупный кредитъ. На эти деньги общество закупаетъ указанные муниципалитетомъ товары и продаетъ ихъ по цѣнамъ, установленнымъ по соглашенію съ муниципалитетомъ. Кромѣ того, общество беретъ на себя продажу муниципальнаго угля и мяса, — и выступаетъ посредникомъ между муниципалитетомъ и другими потребительными обществами, продавая имъ по оптовой цѣнѣ необходимые товары. Для болѣе успѣшной борьбы съ частной спекуляціей всѣ кооперативные товары контролируются въ муниципальныхъ лабораторіяхъ и будутъ снабжаться спеціальнымъ клеймомъ, гарантирующимъ доброкачественность товара.

Муниципалитетъ — принудительная организація, и потребительныя общества — организаціи добровольныя, — становятся на путь выполненія интернаціональной кооперативной программы: закупокъ у непосредственныхъ производителей, и продажи ихъ потребителямъ, избѣгая посредниковъ, тяжелымъ бременемъ ложащихся на потребителя.

Кромѣ этой сложной борьбы съ вздорожаніемъ муниципалитетъ предпринялъ и рядъ спеціальныхъ мѣръ. Особое отдѣленіе занялось пропагандой разведенія кроликовъ. Раздаются брошюры о раціональномъ питаніи, брошюры о кушаньяхъ изъ кроличьяго мяса, рекомендуются фирмы, поставляющія здоровыхъ производителей, и, наконецъ, устроенъ образцовый питомникъ. Успѣхъ этой работы очень великъ. За годъ разведеніе кроликовъ сдѣлало такіе успѣхи, что Миланъ имѣетъ большое количество этого дешеваго и питательнаго мяса. Далѣе спеціальная комиссія выработала образцовый договоръ для найма квартиръ, и для проведенія его въ жизни организуется лига квартиронанимателей, объединившая уже большое число жителей города.

Муниципально-кооперативная работа косвенно сыграла большую роль въ жизни города, поднявъ дѣятельность потребительныхъ обществъ. Финансовая поддержка позволила „Unione Cooperativa" значительно расширить операціи, а продажа муниципальныхъ продуктовъ привлекла къ нимъ покупателей и на другіе товары. „Unione Cooperativa" совершенно справился съ затрудненіями, возникшими нѣсколько лѣтъ назадъ во время борьбы съ колоссальными капиталистическими предпріятіями. Діаграммы продажъ поражаютъ скачкомъ вверхъ по сравненію съ предыдущими годами. Магазины общества полны разнообразныхъ товаровъ, и завѣдующій складами, видимо, наслаждался невиданнымъ обиліемъ, показывая мнѣ отдѣленіе за отдѣленіемъ. Косвенно отозвалась муниципальная помощь и на другихъ потребительныхъ обществахъ. Въ желѣзнодорожномъ и почтово-телеграфномъ кооперативахъ завѣдующіе отмѣчали усиленный ростъ числа продажъ благодаря возможности не затрачивать капиталъ на оптовыя закупки, ибо по оптовымъ цѣнамъ они получаютъ почти все нужное отъ „Unione Cooperativa". Освобождающійся капиталъ идетъ на расширеніе дѣла. Въ консорціумѣ оптовыхъ продажъ, все время своего существованія боровшемся съ постоянною опасностью краха, мнѣ съ большимъ удолетвореніемъ указывали на удвоившееся почти число продажъ по сравненію съ прошлымъ годомъ. Число это за полгода дошло до 2,5 милліоновъ, цифры небывалой въ жизни общества.

Вся эта многообразная дѣятельность сдѣлала Миланъ самымъ дешевымъ городомъ Италіи. Его руководители вмѣстѣ съ кооперативными дѣятелями надѣются и съ полнымъ основаніемъ, что имъ удастся объединить большую часть городовъ и потребительныхъ обществъ Италіи и полнымъ ходомъ повести дѣло организаціи потребительнаго механизма.

На ряду съ этими основными проблемами на долю муниципалитета выпало еще много другихъ, меньшихъ по величинѣ, но въ достаточной степени сложныхъ и трудныхъ. Когда хлынули толпы бѣженцевъ, начали выбрасываться рабочіе изъ заводовъ и фабрикъ, а затѣмъ стали уходить „на фронтъ“ солдаты, передъ муниципалитетомъ и обществомъ сталъ вопросъ о призрѣніи дѣтей. И здѣсь, какъ и въ предыдущей работѣ, Миланъ смогъ найти поддержку въ рядѣ многочисленныхъ и блестяще поставленныхъ институтовъ. Городъ недаромъ слыветъ „щедрымъ“, миланца не спроста итальянскій народъ охарактеризовалъ, какъ человѣка, который со стами лиръ въ карманѣ жертвуетъ, какъ тысячникъ. Но этихъ институтовъ было далеко не достаточно, и пришлось заново создать рядъ новыхъ для сохраненія странѣ нужнаго ей молодого поколѣнія. И общество живо отозвалось на призывъ муниципалитета. Вновь созданные пріюты поражаютъ роскошью, любовью, вложенною въ нихъ жителями „не-офиціальной столицы“ Италіи. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, пожертвованный городу негоціантомъ Франкэти. Представьте себѣ роскошную барскую виллу съ паркомъ. Мраморныя лѣстницы ведутъ въ большія, полныя свѣта комнаты, всюду много воздуха, чистоты, уюта. Предусмотрѣны всѣ мелочи. Въ спальняхъ у каждаго ребенка свой шкапчикъ для ночного бѣлья. Носильнаго бѣлья много и изъ очень хорошаго матеріала. Ванныя комнаты, больничка, кухни, залы для игръ, дѣтскія развлеченія въ саду, — такова внѣшняя картина пріюта. У дѣтишекъ довольный видъ, какой бываетъ у дѣтей, хорошо питаемыхъ и управляемыхъ умѣлой, любящей рукой. Прямо не вѣрится, что большинство изъ нихъ, оборванныя и изголодавшіяся, были взяты изъ городскихъ подвальныхъ помѣщеній. Это частью дѣти солдатъ-вдовцовъ, частью дѣти тѣхъ семей, гдѣ уходъ на „фронтъ“ кормильца сдѣлалъ невозможнымъ содержаніе семьи. Всѣ расходы на пріютъ на все время войны взяты на себя жертвователемъ. Городу остается только руководить ходомъ дѣлъ и представлять счета для уплаты.

Менѣе роскошны, но такъ же хорошо поставлены пріюты, существовавшіе еще до войны, нынѣ приспособленные къ нуждамъ военнаго времени. Таковъ институтъ ассоціаціи защиты покинутыхъ дѣтей, сейчасъ переполненный дѣтьми солдатъ и бѣженцевъ. До

войны онъ содержался исключительно на средства группы интеллигентовъ, въ настоящее время коммуна вноситъ значительную сумму, получивъ право верховнаго руководства. Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ пріютѣ, большое вниманіе обращено на гигіеничность обстановки, на физическое развитіе, но режимъ нѣсколько строже въ силу того, что раньше приходилось имѣть дѣло съ дѣтьми, испорченными обстановкой. Сейчасъ въ немъ царитъ смѣшеніе языковъ, ибо среди дѣтей бѣженцевъ имѣются говорящія только по-нѣмецки, только по-чешски, и имъ предстоитъ еще выучиться родному языку.

Для малолѣтнихъ и грудныхъ дѣтей приспособленъ колоссальный пріютъ для внѣбрачныхъ дѣтей, воспитывающій уже свыше 4000 младенцевъ. Сюда принимаютъ теперь всѣхъ желающихъ нуждающихся солдатокъ съ грудными дѣтьми.

Есть, наконецъ, еще третій типъ временныхъ пріютовъ, — ясли, разсѣянныя по всему городу, въ которыя принимаютъ дѣтей до семилѣтняго возраста ежедневно съ утра до семи часовъ вечера. Здѣсь дѣти получаютъ три раза въ день пищу, имѣются ванныя, сады съ играми, спальни для послѣобѣденнаго отдыха. Эти ясли, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, дѣтскія гнѣзда, разсчитаны каждое на 20 дѣтей, управляются двумя волонтерками каждое и постоянно снабжаются пожертвованіями въ видѣ теплаго платья, бисквитовъ, шоколада и т. д. Въ этихъ гнѣздахъ особенно чувствуется традиціонная любовь итальянца къ дѣтямъ, — завѣдующія барышни пользуются большою любовью населенія, какъ ведущія трудное, но почетное дѣло. Дѣти неохотно возвращаются домой, въ чемъ мнѣ пришлось лично неоднократно убѣждаться.

Всѣ слабые здоровьемъ воспитанники пріютовъ въ теченіи лѣта поочередно отправляются на климатическія станціи — въ виллы, пожертвованныя городу, главнымъ образомъ, мѣстной аристократіей. Сверхъ всего этого, муниципалитетомъ предпринята организація цѣлой серіи спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Организуется „Дѣтскій Домъ“ для дѣтей отъ 3 до 6-лѣтняго возраста, устраивается „Школа домашняго хозяйства“ для дѣвочекъ отъ 12 лѣтъ, открываются профессіональныя и земледѣльческія школы. При существующихъ школахъ организуютъ курсы пѣнія, музыки, рисованія, огородной работы, учреждается рядъ стипендій для отдачи наиболѣе способныхъ воспитанниковъ въ среднеучебныя заведенія. И, наконецъ, на пожертвованіе одного частнаго лица начата постройкой агрономическая школа для подготовки спеціалистовъ: огородниковъ, садовниковъ, винодѣловъ и т. д.

Какъ видите, военные, уходя „на фронтъ“, могутъ быть спо-

койны за своихъ дѣтей. И это тѣмъ болѣе, что Миланъ распространяетъ свои заботы и на больныхъ дѣтей. Дѣти, больныя туберкулезомъ, отдаются въ особый санаторій, дѣти рахитики — въ институтъ для рахитиковъ, составляющій гордость Милана.

Означенный институтъ возникъ ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ на средства извѣстнаго въ свое время хирурга Пини. Въ настоящее время онъ выросъ въ грандіозное учрежденіе и стоитъ на одномъ уровнѣ съ лучшими учрежденіями этого рода въ Европѣ, включая въ себя не только лѣчебницу, но и медицинскую школу съ блестящими традиціями и огромнымъ ученымъ архивомъ.

Работа института поставлена очень широко. Въ амбулаторной больницѣ за годъ принимается свыше трехъ съ половиной тысячъ паціентовъ, въ хирургической за то же время совершается около 2000 операцій. Это отдѣленіе имѣетъ 90 безплатныхъ и 50 платныхъ коекъ съ особыми отдѣленіями для дѣтей, мужчинъ и женщинъ. Въ профилактическую секцію поступаютъ больные, уродливости организма которыхъ могутъ быть остановлены въ своемъ развитіи благодаря перемѣнѣ обстановки. Свѣтъ, воздухъ, движеніе, раціональная гимназистка и хорошее питаніе — вотъ главныя мѣры борьбы съ болѣзнями въ этомъ отдѣлѣ института. Спеціальная секція физической терапіи располагаетъ кабинетами: кинотерапическимъ, массажа, элекротерапіи, термотерапіи и гидротерапіи. Выздоравливающія дѣти отправляются въ особыя колонія, предварительно проведя нѣкоторое время въ павильонѣ для выздоравливающихъ. И, наконецъ, самый интересный отдѣлъ — это школа труда. Цѣль этой школы тройная: во-первыхъ, она старается уменьшить или компенсировать при помощи ортопедіи физическіе недостатки паціента. Въ этихъ видахъ при школѣ устроены операціонный отдѣлъ, гимнастическія залы и ортопедическая мастерская, приготовляющая протезы примѣнительно къ нуждамъ каждаго паціента.

Ослабивъ по возможности послѣдствія физическихъ недостатковъ, школа приступаетъ ко второму періоду работы: воспитанникъ получаетъ общее образованіе. Особенно трудна эта работа съ взрослыми, долгіе годы проведшими въ вынужденной бездѣятельности. Необходимо воспитывать характеръ, упражнять волю, разбудить жажду жизни и дѣятельности. Школа, индивидуализируя воспитаніе, достигаетъ и здѣсь поразительныхъ результатовъ. А затѣмъ уже начинается третій и послѣдній періодъ работы — профессіональное воспитаніе. Паціенты проявляютъ обычно необыкновенную энергію. И люди съ одной рукой, часто не вполнѣ нормальной, люди вовсе безъ рукъ становятся отличными чертежниками, стенографами,

переписчиками. Вы можете увидѣть въ школахъ института паціентовъ пишущихъ, чертящихъ ртомъ, ногами. Умѣлое примѣненіе протезовъ съ предварительнымъ операціоннымъ приспособленіемъ паціента зачастую приводитъ къ оживленію раньше парализованныхъ членовъ.

Эта школа съ ея колоссальнымъ опытомъ и средствами теперь при поддержкѣ муниципалитета и пожертвованій открыла при себѣ спеціальный пріютъ-школу для солдатъ инвалидовъ. Сейчасъ въ немъ имѣется сто коекъ, скоро открываются палаты на такое же количество. Вокругъ пріюта устраивается рядъ небольшихъ фермъ, гдѣ будутъ помѣщены инвалиды, посвящающіе себя земледѣльческой работѣ. Для земледѣльцевъ-инвалидовъ отведено 200.000 кв. метровъ земли. При пріютѣ организуется особая ортопедическая мастерская. „Уманитарія" предоставила въ его распоряженіе свои профессіональныя школы. Новая школа далека отъ того, чтобы походить на обычныя больницы. На средства, собранныя миланцами, строится „Домъ солдата" съ театромъ, концертными залами, играми и т. д.

Для солдатъ, ослѣпшихъ на войнѣ, устроено особое отдѣленіе при институтѣ для слѣпорожденныхъ, гдѣ они будутъ обучаться различнымъ ремесламъ въ особыхъ профессіональныхъ школахъ, а при желаніи будутъ оставляться при мастерскихъ института, уплачивающихъ среднему работнику при полномъ содержаніи около 35 лиръ въ мѣсяцъ.

И наконецъ, для солдатъ, потерявшихъ только одну руку, группой миланцевъ строится особая школа съ мастерскими, гдѣ ихъ будутъ обучать работамъ, выполнимымъ либо индивидуально, либо совмѣстно съ другимъ инвалидомъ. При школѣ устраивается и магазинъ для продажи сработаннаго въ ея мастерскихъ.

Помощь, какъ воинамъ, такъ и ихъ семьямъ, поставлена вообще блестяще. Особый отдѣлъ выдаетъ денежныя пособія въ дополненіе къ правительственнымъ. Другой заботится объ охранѣ экономическихъ интересовъ ушедшихъ „на фронтъ". Эта работа крайне разнообразна. Отдѣлъ выплачиваетъ за ушедшихъ преміи по страхованію жизни и имущества, поддерживаетъ ихъ предпріятія: лавочки, мастерскія, выдаетъ субсидіи на продолженіе дѣла семьями. Онъ выступаетъ посредникомъ между ними и домовладѣльцами. Многимъ семьямъ призванныхъ на военную службу грозило и грозитъ очутиться на улицѣ за неплатежъ квартирной платы. Отдѣлу удается добиваться согласія на частичную отсрочку долга, частью онъ уплачиваетъ извѣстную долю квартирной платы самъ, иногда послѣ объясненій отдѣла домохозяева и вовсе прощаютъ

долгъ, и зарегистрированы случаи даже выдачи пособій квартирантамъ со стороны домовладѣльцевъ. Въ общемъ, отдѣлу удалось сократить платежи за квартиры на 15%. Семьямъ солдатъ, продолжающимъ занимать большія квартиры изъ-за мебели или недостатка мелкихъ помѣщеній, отдѣлъ помогалъ, взявъ на безплатное храненіе мебель, подыскивалъ квартиры, выдавалъ пособія на отъѣздъ къ родственникамъ. Онъ же оказывалъ и юридическую помощь, добивался отсрочки платежей по векселямъ, устраивалъ нотаріальныя дѣла и т. д. Расходы отдѣла относительно невелики, такъ какъ адвокатская, нотаріальная и иныя работы исполняются безплатно рядомъ добровольцевъ.

Отдѣлъ моральной поддержки выздоравливающихъ, разбитый на рядъ подотдѣловъ, собираетъ и разсылаетъ библіотеки въ военные госпитали, высылаетъ отдѣльныя книги по запросамъ раненыхъ, организуетъ спектакли, чтенія, лекціи, посылаетъ своихъ членовъ въ больницы для оказанія разнообразныхъ услугъ солдатамъ — писанія писемъ и т. д. Имъ собрано свыше 200.000 томовъ, организованъ, такъ называемый, подарокъ солдату. Въ спеціальныхъ магазинахъ приготовляются посылки, содержащія табакъ, письменныя принадлежности, мыло, сахаръ, смѣна бѣлья, марки и т. д. Каждый желающій, уплативъ 2,5 лиръ и давъ адресъ, черезъ самое короткое время получаетъ извѣщеніе объ изготовленіи пакета. Миланцы жертвуютъ грошами и большими суммами на посылки на фронтъ, гдѣ онѣ распредѣляются военными властями. Въ пакетъ обычно вкладывается адресъ жертвователя, чтобы солдатъ лично могъ отблагодарить его и подтвердить, какъ кстати такія пожертвованія въ альпійскихъ горахъ.

Отдѣлъ экстренной помощи занимается случаями, не подходящими подъ обычныя рамки. Сюда входитъ помощь родственникамъ солдатъ и даже постороннимъ лицамъ, не состоящимъ въ родствѣ съ ними, если они пользовались поддержкой призваннаго, онъ выдаетъ путевыя деньги семьямъ для поѣздки на родину, въ госпитали и т. д. Очень интересенъ, наконецъ, такъ называемый, санитарный отдѣлъ. Его программа: немедленно отзываться на всѣ нужды санитарной помощи, вызванныя военнымъ временемъ. Сюда входитъ медицинская помощь бѣженцамъ, дезинфекція, помощь семьямъ призывныхъ всякаго рода, начиная съ акушерской и кончая медицинскимъ регулярнымъ осмотромъ. Этотъ же отдѣлъ заботится объ удаленіи изъ рядовъ солдатъ, больныхъ чахоткой, часто попадающихъ въ нихъ по недосмотру или по трудности діагноза во время медицинскихъ осмотровъ въ воинскихъ присутствіяхъ.

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль послѣ мобилизаціи всѣ чахоточные, прибывшіе въ миланскій гарнизонъ или въ войска, временно останавливавшіяся въ Миланѣ, были удалены и отдѣлены отъ солдатъ. Санитарный отдѣлъ озаботился открытіемъ ряда спеціальныхъ больницъ для заразныхъ больныхъ, организовалъ перевозъ раненыхъ, ведетъ наблюденіе за всѣми больницами Милана. Кромѣ того, онъ взялъ на себя дѣло снабженія войска теплой одеждой, главнымъ образомъ, мѣховыми и шерстяными вещами, выработавъ рядъ спеціальныхъ костюмовъ, въ зависимости отъ рода службы. Въ огромной мастерской всѣ пожертвованные мѣха перерабатываются и отправляются на передовыя позиціи. Работа эта ведется исключительно на частныя пожертвованія. Въ послѣднее время начинаютъ поступать пожертвованія изъ-за границы, и часто приходятъ большія партіи. Такъ, напримѣръ, во время моего осмотра мастерской было получено 15.000 бараньихъ шкуръ, присланныхъ однимъ аргентинскимъ итальянцемъ.

Всѣ эти отдѣлы постепенно превращаются въ національные комитеты, присоединяя къ себѣ, въ качествѣ подотдѣловъ, существующія въ другихъ городахъ аналогичныя учрежденія.

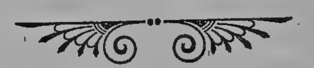
Сказаннымъ далеко не исчерпывается вся работа миланскихъ соціалистовъ, стоящихъ во главѣ управленія городомъ, не исчерпывается и руководящая роль ихъ въ странѣ. Но и приведенныя данныя достаточно говорятъ объ интенсивности и разнообразіи ихъ дѣятельности. Само собою разумѣется, работу, продѣлываемую городомъ, нельзя приписывать однимъ соціалистамъ. Мы видѣли, что вокругъ нихъ сплотились всѣ политическія партіи, всѣ классы общества, ибо общественное значеніе этой работы, за нѣкоторыми исключеніями, очевидно для всѣхъ. И это сплоченіе самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ политической мысли вокругъ миланской муниципальной работы приводитъ къ интереснѣйшему результату. Отсталость финансовой коммунальной системы, скудость муниципальныхъ финансовъ сильно даетъ себя знать на каждомъ шагу, — и неизбѣжно растетъ число сторонниковъ коренной реформы налогового обложенія. Въ особенности теперь, когда эти недостатки обложенія чувствуются всѣми особенно сильно, работа миланскаго соціалистическаго муниципалитета подготовляетъ почву для коренного пересмотра городской финансовой системы и воплощенія въ жизнь тѣхъ desiderata, которыя уже второй десятокъ лѣтъ выставляются лучшими знатоками муниципальной жизни страны.

Дѣятельность миланскаго соціалистическаго муниципалитета подвергалась и подвергается критикѣ со стороны многихъ соціали-

стическихъ дѣятелей. Они подчеркиваютъ, что муниципальному совѣту Милана пришлось пойти по пути самаго крайняго сотрудничества вплоть до клерикаловъ. Со стороны правыхъ, въ свою очередь, раздаются голоса противъ политики, грозящей нарушеніемъ сильныхъ частныхъ интересовъ. Но и тѣ и другіе признаютъ большую практическую важность сдѣланной работы, которой Миланъ и его городской совѣтъ еще разъ оправдали гордое наименованіе его „сердцемъ и мозгомъ“ страны.

Г. Христіанъ.

8 декабря н. ст. 1915 г.
Италія.

НОВОЕ ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПРОДОВОЛЬСТВІИ.

Три четверти года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ сдѣлалъ для „Вѣстника Европы“ обзоръ германскаго продовольствія. Намѣчавшаяся тогда эволюція успѣла уже развернуться, и на очередь стали новые принципы. Измѣнились и фактическій уровень питанія и организація продовольственнаго дѣла. Не было, правда, рѣзкаго и внезапнаго разрыва съ прошлымъ, развитіе шло преемственно, но при подведеніи итоговъ общая картина оказывается существенно измѣнившейся. Только, что законченная организація продовольственнаго дѣла на третій годъ войны даетъ случай подвести эти итоги и намѣтить дальнѣйшіе этапы. Такъ какъ обстоятельства заставили Германію пойти въ продовольственномъ вопросѣ дальше другихъ странъ, то „новыя слова“ въ этомъ дѣлѣ должны быть кстати тамъ, гдѣ лишь недавно взялись серьезно за регулированіе продовольствія, повторяя, къ сожалѣнію, тѣ ошибки и промахи, тѣ мѣропріятія, которыя въ самой Германіи уже признаны несостоятельными или недостаточными и замѣняются другими. Начнемъ съ фактическаго положенія, что и въ какомъ количествѣ ѣдятъ теперь нѣмцы, затѣмъ перейдемъ къ перемѣнамъ въ организаціи и поднятымъ въ связи съ этимъ въ Германіи вопросомъ. Въ этомъ году нѣмецкія власти не дѣлаютъ уже такого секрета изъ продовольственной статистики, — привыкли за три года, — потому всѣ цифры взяты исключительно изъ офиціальныхъ публикацій государства и мѣстныхъ самоуправленій.

I.

Главнымъ продуктомъ питанія остается мука. На этотъ разъ Германія предоставлена исключительно своимъ силамъ. Во второй годъ войны было ввезено изъ Румыніи 1.400 тыс. тоннъ всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ (въ среднемъ по 48 фунтовъ на жителя въ годъ, помощь не малая, — но сюда включены и кормовые хлѣба). Процессъ уменьшенія ввоза въ Германію продовольственныхъ хлѣ-

бовъ начался, впрочемъ, еще до войны. Ростъ внутренняго производства ржи и пшеницы обгонялъ приростъ населенія, потому все меньше нужды было въ иностранномъ хлѣбѣ. Если взять вмѣстѣ рожь и пшеницу и муку ржаную и пшеничную (и перевести муку въ зерно по обычнымъ нормамъ), то весь перевѣсъ ввоза въ Германію надъ вывозомъ составлялъ:

въ 1901 г.	2.730	тыс. тоннъ.
„ 1905 „	2.124	„ „
„ 1909 „	1.453	„ „
„ 1913 „	800	„ „

За 12 лѣтъ Германія стала независимой отъ заграницы на 2 м. т. (120 милл. пуд., около 70 фунтовъ на жителя), хотя населеніе увеличилось за эти годы почти ровно на 10 милл. чел. Интересный образчикъ, какъ ростъ индустріализаціи не сопровождается усиленіемъ продовольственной зависимости отъ заграницы. Количество занимающихся земледѣліемъ лицъ въ Германіи за этотъ періодъ не выросло (даже незначительно убавилось) — улучшилась только техника. При такомъ ходѣ вещей страна обошлась бы, вѣроятно, въ 1917 г. безъ иностраннаго хлѣба и безъ войны. Война ухудшила постановку производства и урожайность, но оставила необходимость довольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. Если взять вмѣстѣ 4 главныхъ зерновыхъ хлѣба, — рожь, пшеницу, овесъ и ячмень — то весь сборъ ихъ составилъ въ Германіи въ послѣднемъ мирномъ 1913 году $30^1/_2$ милл. тоннъ, въ первомъ военномъ сел.-хоз. 1914 г., только $26^1/_2$ милл. тоннъ, затѣмъ въ 1915 г. даже всего лишь $21^1/_2$ милл. тоннъ, и, наконецъ, въ текущемъ 1916 г. нѣсколько больше — около 25 милл., т. (по офиц. сообщенію отъ 28 августа). Если принять во вниманіе отсутствіе въ третьемъ году румынскаго ввоза, то все улучшеніе сравнительно со вторымъ годомъ составляетъ лишь около 3 милл. тоннъ; общій же итогъ остается, попрежнему, значительно ниже мирнаго уровня (а въ 1913 г., какъ указано, имѣлся къ тому еще перевѣсъ ввоза ржи и пшеницы надъ вывозомъ почти въ 1 милл. т.). Потому поднять снабженіе мукой всего населенія оказалось невозможнымъ, постановленіемъ отъ 29 авг. н. ст. увеличенъ только дневной раціонъ муки (съ 1 октября н. ст. на годъ впередъ) для всѣхъ дѣтей обоего пола съ 12 по 17 лѣтъ и въ той же мѣрѣ для большинства наемныхъ рабочихъ, занятыхъ физическимъ трудомъ. Повышенный раціонъ составляетъ 250 граммовъ въ день; все же остальное населеніе будетъ получать по 200 граммовъ. Къ пользующимся усиленнымъ раціономъ отнесены всѣ рабочіе и работницы въ сельскомъ хозяйствѣ и лѣсномъ дѣлѣ, въ горной промышленности, рабочіе

строительные, транспортные (включая носильщиковъ и т. д.), рабочіе по дереву, кузнецы и другіе разряды металлистовъ, кожевенники, кочегары, истопники и т. д. Число ихъ составляетъ сейчасъ до 8 милл.; дѣтей же съ 12 по 17 лѣтъ числится 8450 тыс. чел. Принимая во вниманіе все наличное (кромѣ военныхъ) населеніе (59.600 тыс. чел.) получаемъ на теоретическаго „средняго" немобилизованнаго жителя 217 гр. муки въ день. Сверхъ того небольшое количество муки отпускается „Имперскимъ зерновымъ учрежденіемъ" на изготовленіе разныхъ товаровъ изъ тѣста. Съ апрѣля тек. года всѣ товары изъ тѣста монополизованы такимъ порядкомъ: фабриканты получаютъ муку отъ „Имперскаго зернового учрежденія" только черезъ особую организацію (Verband deutscher Teigwarenfabrikanten), изготовляютъ произведенія только предписаннаго „Имперскимъ зерновымъ учрежденіемъ" типа и сдаютъ всѣ издѣлія этому же „Учрежденію". Оно распредѣляетъ ихъ между мѣстными самоуправленіями сообразно числу жителей города или уѣзда (Kommunalverband). Съ этимъ добавленіемъ фактическое среднее потребленіе муки составляетъ въ третьемъ году войны 220 гр. въ день на среднюю душу (къ этой мукѣ припекается еще затѣмъ 15% картофельной муки).

II.

Лучшій прошлогодняго урожай позволилъ понизить цѣны не только на муку (и хлѣбъ), но и на всякаго рода крупу, а недостатокъ другихъ предметовъ продовольствія побудилъ канцлера распорядиться увеличить количество зерна, предназначеннаго для переработки въ крупу. Крупа изъ пшеницы монополизована въ рукахъ „Имперскаго зернового учрежденія" (и розничная цѣна на нее для всей имперіи понижена съ 15 сентября н. ст. съ 45 пфенн. до 28 пфенн. за нѣм. фунтъ, т. е. на треть). Крупа изъ ячменя монополизована въ рукахъ „Имперскаго ячменнаго общества" (Reichsgerstengesellschaft, — которое учреждено постановленіемъ 10 августа н. ст. тек. года и вѣдаетъ также ячменемъ, отдѣляемымъ для производства пива и для питанія людей, тогда какъ ячмень для скота оставленъ въ вѣдѣніи „Имперскаго кормовыхъ средствъ учрежденія", Reichsfuttermittelstelle). Цѣна ячменной крупы съ 15 сентября тек. г. понижена съ 40 пфенн. на 30 пфенн. за нѣм. фунтъ въ розничной продажѣ повсемѣстно. Равнымъ образомъ, понижена цѣна на овсяную крупу, монополизованную въ рукахъ „Центра по заготовкѣ продовольствія войскамъ" (тоже казенное учрежденіе тоже подчиняется, какъ и всѣ выше упомянутыя, „Имперскому продовольственному вѣдомству"). Всѣ эти произведенія распредѣляются указанными цент-

рами между мѣстными самоуправленіями сообразно числу жителей каждаго города и уѣзда. Законъ 15 сентября н. ст. тек. года секвеструетъ во всемъ государствѣ и распредѣляетъ подобнымъ же образомъ также просо и гречиху. Въ газетномъ интервью канцлеръ сообщилъ, что контингентъ производства всѣхъ этихъ издѣлій изъ овса, ячменя и т. д. поднятъ уже выше мирнаго уровня и будетъ поднятъ еще по окончаніи техническаго приспособленія къ расширенному производству. Въ мирное время, согласно изслѣдованію Эльцбахера, потребленіе людьми проса, гречихи и перечисленныхъ крупъ (не считая ячменя для пива) составляло около 13,3 гр. въ день на душу, стало быть, теперь надо принять не менѣе 15 граммовъ. Карточки на крупу начинаютъ вводиться съ конца октября.

Тутъ же можно замѣтить, что стручковыхъ растеній, вслѣдствіе исчезновенія ввоза изъ-за границы и большой потребности арміи, на немобилизованное населеніе приходится всего по 21 гр. въ день на душу. Стручковыя секвестрованы и монополизованы въ особомъ „Имперскомъ стручковомъ учрежденіи“ (Reichshülsenfrüchtenstelle), созданномъ тоже нынѣшнею осенью. Такъ какъ при повсемѣстномъ распредѣленіи пришлось бы слишкомъ мало на душу, то стручковыя распредѣляются только по городамъ и промышленнымъ районамъ, такъ что половина населенія имѣетъ больше указанной „средней“ нормы, а другая — ничего. Это лишь слабая компенсація горожанамъ за предоставленіе сельско-хозяйственному населенію возможности больше ѣсть картофеля, чѣмъ государство гарантируетъ покупающимъ его.

III.

Послѣ хлѣба важнѣйшей составной частью нѣмецкаго питанія является теперь картофель. Весь сборъ его составилъ въ 1913 г. — 54 милл. тоннъ, въ 1914 г. — 45,6 милл. т., въ 1915 г. — 54,0 милл. т., а въ нынѣшнемъ 1916 г. понизился до уровня ниже 48 милл. т. (въ рейхстагѣ Бароцкій заявилъ 12 октября н. ст., что статистика включаетъ нѣкоторое количество „бумажнаго картофеля“). Пониженіе сбора отразится на прокормѣ скота; картофельный дефицитъ сгладитъ отчасти тотъ плюсъ, какой могъ бы получиться вслѣдствіе лучшаго урожая ячменя и т. д. (травы тоже уродились теперь лучше прошлогодняго, когда онѣ дали всего 30 милл. тоннъ — на 6 милл. т. меньше, чѣмъ въ 1914 г.). Надо замѣтить, что худшій сборъ получился несмотря на приличную погоду и увеличеніе посѣва (въ 1914 г. всего 3.386 тыс. гектаровъ, въ 1915 г. уже 3.572 тыс. гектаровъ, въ 1916 г. почти столько же), — здѣсь сказывается просто паденіе техники хозяйства подъ вліяніемъ войны. На питаніи людей умень-

шеніе картофельнаго сбора не отразится, такъ какъ людямъ (считая армію и считая также припекъ къ зерновой мукѣ) требуется на годъ всего около 18 милл. т., остальное идетъ скоту, на посѣвы, крахмалъ и т. д. До раціонированія картофеля потребленіе его было весьма неравномѣрнымъ и падало по мѣрѣ повышенія зажиточности. Напр., въ концѣ апрѣля текущ. года городъ Берлинъ произвелъ обслѣдованіе средняго дневного потребленія картофеля на душу населенія въ семьяхъ разнаго достатка. Результаты получились такіе:

семьи	дневное потребленіе	
высшихъ служащихъ	332	грамма
среднихъ служащихъ	426	„
мастеровъ на фабрикахъ	501	„
обученныхъ (квалифиц.) рабочихъ	603	„
необученныхъ (черно-)рабочихъ	993	„

Позже картофель сталъ играть бóльшую роль, по мѣрѣ истощенія продовольственныхъ продуктовъ животнаго происхожденія. Съ 17 октября н. ст. установлены однородные обязательные раціоны во всей Германіи: для „самозаботящихся“ по 750 граммовъ въ день, для „тяжело работающихъ“ (физическихъ рабочихъ, см. выше) по тысячѣ граммовъ, и для всѣхъ прочихъ по 500 гр. въ день на душу (въ мирное время въ среднемъ потреблялось по 500 гр. въ день). Для зажиточныхъ правительство собирается, впрочемъ, его понизить. Вмѣстѣ съ припекомъ къ хлѣбу это даетъ 646 граммовъ картофеля въ день на человѣка. Руководство дѣломъ въ общегосударственномъ масштабѣ принадлежитъ „Имперскому картофельному учрежденію“ (Reichskartoffelstelle). Каждое окружное мѣстное самоуправленіе (Kommunalverband, „союзъ мѣстныхъ самоуправленій“ — вся Германія раздѣлена на 982 такія территоріальныя единицы) обязано заготовить количество картофеля, необходимое согласно указанному раціону для питанія населенія его района съ 16 августа н. ст. 1916 г. до 15 августа н. ст. 1917 г. Для заготовки при надобности примѣняется секвестръ сначала картофеля, произведеннаго въ данномъ округѣ, а потомъ — въ другихъ. Для послѣдней цѣли учреждены „областныя картофельныя учрежденія“, переводящія продуктъ изъ избыточныхъ районовъ въ дефицитные. Между областями посредничаетъ „Имперское учрежденіе“. Въ отличіе отъ второго года войны съ самаго начала, такимъ образомъ, заготовляется и откладывается нужное для людей количество. То же относится къ картофельнымъ препаратамъ: мукѣ, крахмалу и т. д. (что монополизовано въ особомъ Trockenkartoffelverwertungsgesellschaft, поставляющемъ всѣмъ коммунамъ картофельную муку для припека въ хлѣбъ).

IV.

Сахаръ играетъ роль почти столь же важную, какъ картофель. Такъ какъ въ мирное время треть нѣмецкаго сахара вывозилась за границу, то, согласно желанію правительства, площадь свекловичныхъ посѣвовъ была сокращена въ 1915 г. на 32%, сравнительно съ 1914 г. (вмѣсто того сѣяли картофель, текстильныя растенія и т. д.). Теперь въ виду недостатка другихъ видовъ продовольствія администрація дала другой лозунгъ, и въ 1916 г. свекловичные посѣвы увеличились на 11%. Сборъ даетъ возможность приготовить 1700 тыс. тоннъ сырого сахара, что равно 1530 тыс. т. сахара въ потребляемой людьми формѣ (въ предшествовавшемъ 1915 г. только 1360 тыс. т. потребляемаго сахара, а въ 1914 г. — 2060 тыс. т.). Считая щедрое снабженіе арміи сахаромъ, оказывается, въ третьемъ году потребленіе сахара немобилизованнымъ населеніемъ не сможетъ быть доведено до мирнаго уровня (51 граммъ въ день на душу).

Сахаръ секвестрованъ и раціонированъ въ Германіи съ начала мая тек. года. Созданное для этого „Имперское сахарное учрежденіе" (Reichszuckerstelle) получаетъ для передачи мѣстнымъ самоуправленіямъ сахаръ отъ „Распредѣлительнаго центра сырого сахара". Этотъ „центръ", съ другой стороны, указываетъ заводчикамъ, сколько они должны сдавать сахара „сахарно-распредѣлительному центру нѣмецкой индустріи по производству сладостей" (искусств. медъ, варенье, засахар. фрукты и т. д.). Мѣстныя самоуправленія выдаютъ населенію сахаръ по карточкамъ, во-первыхъ, для непосредственнаго потребленія. Этотъ раціонъ законъ опредѣлилъ въ 1 килограммъ въ мѣсяцъ на душу. До полученія сахара изъ свекловичнаго урожая 1916 г. городамъ разрѣшалось назначать разные раціоны въ разное время, смотря по доставкѣ въ тотъ или иной пунктъ отъ монопольнаго учрежденія. Напр., въ Берлинѣ этотъ раціонъ съ мая по октябрь колебался отъ 1300 гр. до 750 гр., но въ среднемъ совпадаетъ съ нормой.

Во-вторыхъ, сахаръ выдается для заготовки впрокъ разныхъ консервовъ (фрукты). Выдается какъ населенію непосредственно, такъ и фабрикамъ („индустрія по производству сладостей"), причемъ продукты фабричнаго производства подвергаются регламентаціи въ смыслѣ цѣнъ и въ смыслѣ порядка распредѣленія между жителями (объ учрежденныхъ для этого центрахъ будетъ рѣчь въ главѣ объ овощахъ и фруктахъ). Въ итогѣ, слѣдовательно, долженъ распредѣлиться среди населенія сравнительно равномѣрно и сахаръ, назначенный на консервированье, что должно дать не менѣе 400 гр.

въ мѣсяцъ на душу [1]). Въ общемъ получается дневное потребленіе сахара въ 47 гр. („Vorwärts“ отъ 3 октября н. ст. указываетъ по неизвѣстнымъ мнѣ источникамъ 375 гр. на душу въ недѣлю, т. е. нѣсколько больше).

Между прочимъ, сокращеніе производства сахара сравнительно съ мирнымъ временемъ принудило правительство заявить, что не остается большихъ запасовъ для постановки въ широкомъ масштабѣ производства „искусственнаго бѣлка“, на что прежде возлагалось столько надеждъ. Дѣло ограничилось приспособленіемъ семи, правда крупныхъ, фабрикъ. Къ тому же выяснилось, что благодаря горькому привкусу „воздушные“ (усвояющіе азотъ изъ воздуха) бѣлковые дрожжевые грибки не годятся для людей. Ихъ перерабатываютъ въ кормъ для скота и снабжаютъ этимъ кормомъ 300 тысячъ коровъ. Для людей допущенъ зато сахаринъ. Постановленіемъ канцлера отъ 25 апрѣля н. ст. производство сахарина монополизовано на двухъ фабрикахъ. Въ августѣ 1916 г. распредѣленіе сахарина раціонировано для всей имперіи (черезъ мѣстныя самоуправленія), чтобы освободить больше настоящаго сахара для консервированія фруктовъ. Но въ смыслѣ питанія это чисто вкусовое вещество учитывать не приходится.

V.

Овощи (кромѣ стручковыхъ и картофеля) и плоды (кромѣ привозныхъ фруктовъ) составляютъ около 6% всѣхъ продовольственныхъ запасовъ Германіи на третій годъ войны. Еще въ февралѣ тек. года правительство созвало съѣздъ заинтересованныхъ лицъ, который основалъ центральную организацію въ составѣ 2-хъ представителей производителей, 2-хъ отъ консервной индустріи, 2-хъ отъ торговцевъ и одного эксперта („Kriegsgemüsebau-Verwertungsgesellschaft). Этому центру предоставлено было руководить расширеніемъ посѣвовъ овощей, регулировать сбытъ мѣстнымъ самоуправленіямъ, арміи и частнымъ лицамъ, снабжать производителей удобреніемъ, сѣменами, рабочими силами. Принадлежность къ этому обществу не была еще обязательной, хотя оно поддерживалось го-

---

[1]) Принудительное раціонированіе „сладостей“ въ общеимперскомъ масштабѣ пока не введено. Онѣ лишь распредѣляются разными „центрами“ по городамъ и уѣздамъ сообразно населенію, а затѣмъ мѣстныя самоуправленія могутъ ввести карточки или оставить обмѣнъ въ предѣлахъ своего района свободнымъ. Съ конца сентября началось введеніе карточекъ по городамъ (напримѣръ „мармелада“, — особый сортъ варенья, — назначается часто по 250 грам. на душу въ недѣлю), а зимой ожидается общеимперское раціонированье.

сударствомъ матеріально. Затѣмъ 17 мая н. ст. союзный совѣтъ учредилъ казенное „Reichsstelle für Gemüse und Obst". После разныхъ подготовительныхъ работъ это „Имперское овощно-фруктовое учрежденіе" принудительно синдицировало къ началу октября прежде всего всѣ отрасли перерабатывающей овощи и плоды индустріи. Былъ созданъ рядъ находящихся подъ государственнымъ контролемъ (вѣрнѣе, управленіемъ) монопольныхъ синдикатовъ: „Kriegsgesellschaft für Obstaft conserven und Marmeladen" (для варенья, мусовъ и консервировки фруктовъ), „Kr. ges. f. Sauerkraut" (для кислой капусты), Kr. ges. f. Dörrgemüse" (сушеныя овощи), „Rübensaftgesellsch" (свекла) и т. д. Были изданы оптовыя и розничныя общеимперскія таксы на готовыя издѣлія (включая „искусственный медъ" и другіе суррогаты) и опредѣлены разрѣшенные къ производству виды продуктовъ. Для обезпеченія соотвѣтствующаго плану объема заготовокъ былъ проведенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ секвестръ сырыхъ плодовъ у оптовыхъ торговцевъ, производителей и на деревьяхъ сразу, напр. для яблокъ, сливъ и др. (офиціально мотивировано необходимостью парализовать „сильно возросшую покупательную охоту зажиточныхъ слоевъ"). Сбытъ готовыхъ издѣлій (и секвестрованныхъ сырыхъ продуктовъ) можетъ происходить лишь съ разрѣшенія соотвѣтственнаго „Kriegsgesellschaft". Контроль надъ распредѣленіемъ, охраняющимъ интересы малозажиточныхъ классовъ, предоставленъ мѣстнымъ самоуправленіямъ (въ иныхъ мѣстахъ вводятся карточки, въ иныхъ просто къ каждой лавкѣ приписываются опредѣленные потребители, — Kundenliste, — и она снабжается соотвѣтственнымъ количествомъ товара и т. п.). Въ результатѣ синдицированія подъ государственнымъ контролемъ розничныя цѣны понижены довольно существенно. Напр. для кислой капусты съ 1 октября н. ст. назначено во всей имперіи 16 пфенн. за нѣм. фунтъ вмѣсто прежнихъ 25 пфенн., для яблокъ отъ $4^3/_4$ до $6^1/_2$ коп. за русск. фунтъ, смотря по сорту (съ 13 октября н. ст.) и т. п. Вообще принудительное синдицированіе съ постановкой синдиката подъ руководящій государственный или общественный (смотря по району дѣятельности) контроль стало однимъ изъ любимыхъ методовъ нѣмецкой власти. Въ августѣ опубликованъ соединенный циркуляръ прусскихъ министровъ торговли, промышленности, сельскаго хозяйства и внутреннихъ дѣлъ, приглашающій администрацію подѣйствовать на мѣстныя самоуправленія, чтобы тѣ незамедлительно воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ принудительно синдицировать подъ городскимъ контролемъ всѣхъ розничныхъ торговцевъ каждаго города (по цехамъ: зеленщиковъ, бакалейщиковъ и т. д.). При этомъ оговорено право потребительныхъ кооперативовъ не входить въ такіе синдикаты и все же получать отъ города (и го-

сударства) количество продуктовъ, соотвѣтствующее числу членовъ кооператива. Въ общемъ, Германія имѣетъ на душу на третій годъ войны не менѣе 90% овощей и 75% плодовъ, сравнительно съ мирнымъ временемъ, что даетъ 138 калоріи на средняго человѣка въ день (скорѣе даже болѣе: привозъ овощей изъ-за границы и въ мирное время не составлялъ десятой части внутренняго производства, теперь же онъ исчезъ не всецѣло, а посѣвы значительно возросли; туземныхъ плодовъ тоже производится обычно болѣе $^3/_4$).

Здѣсь же умѣстно сказать нѣсколько словъ о колоніальныхъ растеніяхъ: рисѣ, кофе, чаѣ и др. Мы оставляемъ ихъ внѣ учета вслѣдствіе полнаго почти отсутствія. Для производства суррогатовъ (изъ листьевъ нѣкоторыхъ деревьевъ, изъ цикорія, бобовъ, ячменя и т. д.) правительство образовало двѣ монопольныя организаціи: „Kriegskakaogesellsch" и „Kriegsausschuss für Kaffe, Tee und Ersatzmittel". Сбытъ раціонированъ, установлены таксы, къ суррогатамъ подмѣшивается небольшой процентъ оставшагося въ странѣ (и секвестрованнаго) продукта, и въ зависимости отъ процента примѣси варьируютъ цѣны.

VI.

Благодаря ограничительному контингентированію производства пива и водки и отчисленіямъ на армію, немобилизованное населеніе получаетъ теперь лишь шестую часть того количества алкогольныхъ напитковъ, какое приходилось на „среднюю" душу въ мирное время [1]). Въ этой области слѣдуетъ отмѣтить лишь водочную монополію, введенную союзнымъ совѣтомъ закономъ 15 апрѣля н. ст. 1916 г. Высшее управленіе монополіей сосредоточено въ казенномъ „Имперскомъ водочномъ учрежденіи" (Reichsbranntweinstelle), подчиненномъ канцлеру. При этомъ учрежденіи состоитъ „совѣтъ" изъ представителей правительства, заводчиковъ, уксусныхъ фабрикъ, химической индустріи, дестилляціонныхъ заводовъ и прочихъ заинтересованныхъ круговъ. Совѣтъ долженъ быть созываемъ предъ рѣшеніемъ всякаго важнаго вопроса, особенно объ объемѣ производства, о цѣляхъ и объемѣ сбыта (для потребленія людьми, для освѣщенія, для приведенія въ движеніе моторовъ и т. д.), о способахъ проведенія разныхъ ограниченій и о цѣнахъ, какъ покупныхъ (отъ производителей), такъ и продажныхъ (потребителямъ). Исполнительнымъ и технически руководящимъ органомъ признается „Spirituszentrale" (синди

[1]) Въ мирное время алкогольные напитки давали 183 калор. на душу въ день, изъ нихъ 20 каллор. привозные изъ-за границы. Теперь привоза нѣтъ, пиво ограничено съ октября 1916 г. четвертью мирнаго производства, водка еще болѣе.

катъ спиртовыхъ заводчиковъ, объединявшій до войны заводы съ 90% всего германскаго производства). Разумѣется, этотъ центръ подчиненъ указанному казенному учрежденію. Владѣльцы сохраняютъ право собственности на свои заводы, но обязаны все производство продавать по предписаннымъ имъ цѣнамъ исключительно „спиртовому центру“, — въ томъ числѣ и не принадлежавшіе доселѣ къ синдикату (имъ дается право войти въ него). Какихъ-нибудь отчисленій въ казну пока не установлено, но ввести ихъ возможно въ любой моментъ, что и произойдетъ, вѣроятно, послѣ войны.

Дополнительно слѣдуетъ упомянуть еще объ одной монополіи, уже чисто казенной. Въ концѣ августа офиціально объявлено, что имперское правительство купило шведскіе патенты для производства спирта изъ дерева и возводитъ на казенный счетъ въ Германіи 14 большихъ заводовъ. Они будутъ готовы въ декабрѣ текущаго года и будутъ поставлять треть всего спирта, какой Германія употребляла для техническихъ цѣлей въ мирное время. Тѣмъ самымъ освободится для людского питанія часть матеріаловъ (картофель), какіе обычно шли на изготовленіе спирта.

VII.

Недостатокъ корма сказывается сокращеніемъ скотоводства, а оно вызываетъ сильное уменьшеніе снабженія людей мясомъ, масломъ, молокомъ. Въ мирное время свиньи доставляли странѣ почти три четверти мяса. Вотъ итоги общеимперскихъ переписей свиней:

1 декабря	н. ст. 1914 г.	25.340	тыс. штукъ.
15 апрѣля	„ 1915 „	16.570	„
1 октября	„ 1915 „	19.240	„
15 апрѣля	„ 1916 „	13.304	„
1 сентября	„ 1916 „	17.220	„

Послѣ паденія въ первую военную зиму свиноводство никогда не достигало уже прежняго уровня. Оно понижается каждую зиму и повышается каждое лѣто (въ мирное время эти колебанія не имѣли мѣста). Лѣтомъ текущаго года повышеніе не меньше прошлогодняго, а пониженіе предстоящей зимой будетъ, если и не такимъ, какъ въ первую военную зиму, то хотя бы какъ во вторую. Къ преддверію лѣта будущаго года въ Германіи должно остаться не болѣе 12 милл. свиней, менѣе половины мирнаго состава. Какъ видно изъ распредѣленія по возрастамъ, понизился и средній вѣсъ „средней“ свиньи.

Рогатый скотъ важенъ, главнымъ образомъ, какъ поставщикъ масла и молока и какъ рабочая сила въ земледѣліи (въ виду широкой реквизиціи лошадей для арміи). Въ виду сокращенія корма

приблизительно на треть (такая часть всей массы кормовыхъ средствъ для скота, считая по качеству, ввозилась обычно изъ-за границы) можно было либо сократить рогатый скотъ на треть и остальныхъ кормить нормально, либо поддерживать по возможности численность скота на счетъ пониженія качества каждаго экземпляра (уменьшеніе вѣса, удоя). Германское правительство избрало послѣдній путь, защищая его въ печати соображеніемъ, что истощенный скотъ легко быстро откормить послѣ войны; если же уничтожить треть, то на возстановленіе понадобятся годы. Итоги послѣдней переписи 1 сентября н. ст. только что опубликованы для всей Германіи. Съ прежде опубликованными данными получаемъ такую таблицу численности рогатаго скота Германіи по переписямъ военнаго времени:

1 декабря н. ст.	1914 г.	21.817	тыс. головъ.
1 октября "	1915 "	21.000	"
15 апрѣля "	1916 "	19.923	"
1 сентября "	1916 "	20.339	"

Въ томъ числѣ счетъ молочныхъ коровъ уменьшился за эти почти два года съ 10.600 тыс. головъ до 9300 тыс. гол. (почти на восьмую часть), а средній ежедневный удой каждой коровы считается уменьшившимся съ 7 литровъ передъ войной до $4^1/_2$—5 литровъ въ настоящее время. Да и это количество скота и этотъ удой поддерживаются лишь самыми энергичными усиліями по умноженію и правильному распредѣленію корма. Не менѣе 5 центральныхъ организацій заняты этимъ дѣломъ. Во главѣ стоятъ извѣстные уже читателямъ „Имперское учрежденіе кормовыхъ средствъ“ (Reichsfuttermittelstelle) и „Союзъ снабженія сельскихъ хозяевъ“, получившій нѣкоторыя монопольно-административныя полномочія подъ надзоромъ названнаго учрежденія. Затѣмъ подъ контролемъ послѣдняго же созданы еще „Kriegsausschuss für Ersatzfutter“ (перерабатываетъ въ кормъ листья нѣкоторыхъ деревьевъ, нѣкоторые виды тростника, сердцевину нѣкоторыхъ деревьевъ и т. д.). „Kriegsstrohgesellschaft“ (изготовляетъ, между прочимъ, „соломенную муку“: солома и сѣно тоже секвестрованы и распредѣляются централизованно), „Kriegsküchenabfällegesellsch.“ (всѣ города съ населеніемъ отъ 40 тысячъ обязаны собирать кухонные отбросы изъ всѣхъ квартиръ). Упоминавшееся производство „кормовыхъ минеральныхъ воздушныхъ бѣлковыхъ дрожжей“ монополизовано по распоряженію правительства подъ техническимъ руководствомъ „Spirituszentrale“ (всѣ перечисленныя организаціи подчинены „Имп. продов. вѣдомству“). Наконецъ, ради прокорма наибольшаго количества скота нарушено даже право частной собственности не только на продукты земли, но и на распоряженіе самою землею. Въ прошломъ году были устро-

ены „свиные пансіоны“ въ казенныхъ и общественныхъ лѣсахъ (около 7 милл. гектаровъ). Въ текущемъ году союзный совѣтъ предписалъ 13 апрѣля н. ст. „даже противъ воли владѣльцевъ“ открыть и всѣ частновладѣльческіе лѣса (тоже около 7 милл. гектаровъ) всѣмъ коммунамъ и частнымъ лицамъ для пастьбы тамъ до осени, при томъ не только свиней, но и рогатаго скота (съ возведеніемъ при надобности загоновъ и хлѣвовъ). Сверхъ того, разрѣшено собирать въ чужихъ лѣсахъ „всякій кормовой матеріалъ для свиней и рогатаго скота“, хотя бы противъ воли владѣльцевъ, но по установленной таксѣ.

Однако, всѣ эти мѣры могли поддержать скотоводство только на указываемомъ переписями уровнѣ. Въ утѣшеніе правительственный органъ еще 13 марта такъ доказывалъ нераціональность содержанія большого количества свиней подобными доводами. На содержаніе обычнаго количества свиней въ теченіе года требуется 880 тыс. тоннъ бѣлка (а для 68 милл. людей 1658 тыс. тоннъ). Между тѣмъ въ видѣ продуктовъ свиноводства населеніе усваиваетъ лишь 244 тыс. тоннъ бѣлка (больше восьмой части всего своего бѣлковаго питанія), а 636 тыс. тоннъ пропадаетъ. Правительство забывало только прибавить, что обычно свиньи питаются несъѣдобными для людей матеріалами, такъ что о „потерѣ бѣлковъ въ пользу свиней“, при нормальномъ порядкѣ не можетъ быть рѣчи. Подобныя утѣшенія не могли, разумѣется, помочь, тѣмъ болѣе, что подъ вліяніемъ недостатка скота потребленіе мяса и молочныхъ продуктовъ сдѣлалось очень неравномѣрнымъ не только между отдѣльными классами населенія, но и между разными частями странъ. Напр., въ Баваріи съ 17 апрѣля н. ст. 1916 г. дѣйствовала „мясная карточка“ на 800 граммъ мяса въ недѣлю на душу, затѣмъ на 760 и на 540 гр. (въ Вюртембергѣ на 640 гр.), въ то время какъ въ Берлинѣ по расчетамъ мѣстнаго магистрата не выходило даже 200 гр. Требованіе принудительнаго равномѣрнаго распредѣленія во всей странѣ мяса и всѣхъ продуктовъ скотоводства становилось все настойчивѣе, и съ текущаго октября проведено, наконецъ, въ жизнь.

VIII.

Организація принудительнаго равномѣрнаго распредѣленія мяса во всей странѣ представляется гораздо болѣе сложнымъ дѣломъ, чѣмъ централизованное распредѣленіе муки и хлѣба. Если въ хлѣбномъ дѣлѣ признавалось достаточнымъ разъ въ году секвестровать урожай зерна, то въ мясномъ предстояло раньше всего „секвестровать торговлю скотомъ“, систематически ведущуюся и

опредѣляющую, сколько именно и какіе экземпляры скота попадають подъ ножъ мясника. Съ этого и было начато путемъ принудительнаго синдицированія (и частью устраненія) всей торговли скотомъ (Viehandelsverbände), дѣйствующіе и до сихъ поръ и увѣнчанные съ 15 февраля н. ст. центральнымъ такимъ же синдикатомъ для Пруссіи, указаніямъ котораго обязаны подчиняться всѣ прусскіе областные синдикаты (баварскій, вюртембергскій и др., сохраняли независимость до послѣдовавшаго затѣмъ преодолѣнія „аграрнаго сепаратизма"). Въ каждой прусской провинціи (соотвѣтствуетъ русскому генералъ-губернаторству) дѣйствуетъ по синдикату. Обязательными членами его состоятъ всѣ учрежденія и лица, занимавшіяся до войны профессіонально покупкой скота въ данной провинціи у производителей и получившіе отъ правленія синдиката разрѣшеніе на продолженіе этого занятія. Иначе сказать, правленію синдиката дается возможность вполнѣ устранить оптовыхъ (и розничныхъ) торговцевъ, что, дѣйствительно, осуществлено въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Добровольными членами могутъ быть также мясники, поскольку они покупали обычно скотъ прямо отъ производителей. Кто не состоитъ членомъ синдиката, не имѣетъ права покупать скотъ (съ разрѣшенія синдиката одинъ сельскій хозяинъ можетъ купить у другого упряжное животное или на племя). Розничные торговцы, мясники и всѣ учрежденія (мѣстныя самоуправленія, армія) могутъ покупать животныхъ только у синдиката, который устанавливаетъ также обязательныя цѣны на скотъ. Все это относится какъ къ рогатому скоту, такъ и къ свиньямъ и овцамъ. Правленіе каждаго синдиката состоитъ, во-первыхъ, изъ предсѣдателя и помощника, являющихся государственными чиновниками. Во-вторыхъ, изъ выборныхъ членовъ, половина которыхъ избирается мѣстной торговой палатой изъ числа торговцевъ скотомъ, а другая половина — сельско-хозяйственной палатой изъ числа сельскихъ хозяевъ. При правленіи состоитъ „совѣтъ" для обсужденія основныхъ вопросовъ; въ немъ 12 членовъ, изъ нихъ 6 избираетъ созываемое разъ въ годъ для этого собраніе членовъ синдиката, трехъ — городскія самоуправленія провинціи и трехъ — сельско-хозяйственная палата. Роль „членовъ", такимъ образомъ, довольно скромная даже тамъ, гдѣ правленіе не взяло всецѣло торговлю скотомъ въ свои руки. Напр., правленіе синдиката Западной Пруссіи (Данцигъ) воспретило всѣмъ членамъ синдиката покупать и продавать скотъ (производители вообще имѣютъ право продавать только синдикату или указаннымъ имъ лицамъ). Вся провинція раздѣлена съ 14 марта н. ст. на „закупочные округа", въ каждомъ округѣ по агенту правленія синдиката съ нѣсколькими подчинен-

ными ему субъ-агентами. Но и въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ правленія разрѣшили всѣмъ или нѣкоторымъ членамъ синдикатовъ продолжать заниматься торговлей, — они обязаны подчиняться указаніямъ синдиката относительно направленія сбыта и порядка закупки.

Послѣ приведенія въ порядокъ техники обмѣна скотомъ (путемъ созданія скототорговой монополіи) предстояло создать учрежденіе, которое опредѣляло бы, какимъ содержаніемъ должна быть наполнена новая организація. Союзный совѣтъ утвердилъ съ этою цѣлью 27 марта н. ст. „Reichsfleischstelle" („Имперское мясное учрежденіе"). Правленіе состоитъ изъ назначаемыхъ канцлеромъ чиновниковъ, но опредѣляющее значеніе имѣетъ „совѣтъ" изъ 33 членовъ; при разногласіяхъ между совѣтомъ и правленіемъ дѣло рѣшаетъ высшее учрежденіе Германской имперіи — союзный совѣтъ. Совѣтъ „Имперскаго мясного учрежденія" состоитъ изъ предсѣдателя его же правленія, 4-хъ представителей прусскаго правительства, двухъ баварскаго, по одному еще отъ 9 правительствъ составныхъ государствъ Германіи, три представителя отъ прусскаго центральнаго скототорговаго синдиката, по одному отъ баварскаго, баденскаго и вюртембергскаго мясныхъ центровъ, отъ союза городовъ, отъ совѣта съѣздовъ торговцевъ (Handelstag), отъ центральной германской сельско-хозяйственной палаты, наконецъ, еще по два представителя отъ сельскаго хозяйства, торговли скотомъ, цеха мясниковъ и потребителей. Совѣтъ рѣшаетъ вопросы о размѣрахъ потребности гражданскаго населенія въ мясѣ, о количествѣ подлежащаго убою скота въ каждой провинціи какъ для мѣстнаго населенія, такъ и для арміи, наконецъ, о передвижкахъ скота изъ провинціи въ провинцію въ живомъ или убитомъ состояніи. За убой скота безъ надлежащаго разрѣшенія и распоряженія убитое животное конфискуется безъ вознагражденія въ пользу мѣстнаго самоуправленія (сверхъ другихъ наказаній). Мѣстныя самоуправленія обязаны регулировать потребленіе мяса въ своихъ районахъ въ смыслѣ количества и цѣнъ, въ зависимости отъ предоставляемаго имъ количества скота и его цѣнъ. Въ понятіе мяса включаются также всѣ мясные консервы, всякія колбасы, копченые товары, сало и т. д.

Выше указанъ съ особой подробностью составъ „совѣта", ибо онъ поясняетъ степень засилья аграріевъ (представители прусскаго, баварскаго и т. п. мѣстныхъ правительствъ тоже являются представителями ихъ интересовъ, да и скототорговые синдикаты, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, тоже находятся въ крупной мѣрѣ въ ихъ рукахъ). Такъ какъ аграріи заинтересованы въ де-

зорганизаціи снабженія, повышающей цѣны, но не уменьшающей размѣры сбыта (вмѣсто равномѣрнаго распредѣленія продуктъ осѣдаетъ въ болѣе богатыхъ рукахъ), то они и не сдѣлали надлежащаго употребленія изъ созданной организаціи. Выяснилось съ непрекаемой ясностью, что мало создать организацію, обезпечивающую возможность правильнаго снабженія, но надо еще вырвать вліяніе у своекорыстно-заинтересованныхъ группъ и обезпечить превращеніе отвлеченной возможности въ фактическую принудительность. Подъ вліяніемъ организованнаго давленія потребителей союзный совѣтъ началъ предпринимать соотвѣтственные шаги. Сначала создано было „Имперское продовольственное вѣдомство", которому подчинена „Reichsfleischstelle", что ослабляло аграрные шансы на дальнѣйшее использованіе своего въ ней засилья. Потомъ 17 августа н. ст. союзный совѣтъ особымъ закономъ передалъ канцлеру полномочія по регулированію мясного потребленія, принадлежавшія еще мѣстнымъ правительствамъ (особенно отмѣчалась въ печати систематическая служба аграрнымъ интересамъ со стороны прусскаго правительства). Наконецъ, со 2 октября н. ст. вошелъ въ силу изданный тѣмъ временемъ законъ о повсемѣстномъ равномѣрномъ принудительномъ распредѣленіи мяса. Организація „Имперскаго мясного учрежденія" и „скототорговыхъ синдикатовъ" наполнилась общественно-полезнымъ учрежденіемъ.

IX.

Со 2 октября н. ст. каждое лицо старше шести лѣтъ получаетъ по 250 граммовъ мяса въ недѣлю (пять восьмыхъ русскаго фунта). Дѣти до шести лѣтъ получаютъ половину. Мясныя карточки выдаются мѣстными самоуправленіями такимъ же порядкомъ, какъ и хлѣбныя. Въ регулированіе включено мясо рогатаго скота, свиней, овецъ, козъ, кроликовъ и куръ. Вмѣсто каждыхъ 250 граммовъ мяса съ вросшими въ него костями разрѣшается получать 200 граммовъ такого же мяса безъ костей или ветчины, копченой колбасы, языка, сала и животнаго жира, либо 500 граммовъ свѣжей колбасы, мясныхъ консервовъ (со включеніемъ вѣса жестянки) и т. п. Всѣ роды мясныхъ товаровъ можно получать вездѣ только по карточкѣ, даже бутерброды въ автоматахъ, для чего мясная карточка раздѣлена на много мелкихъ дѣленій (между прочимъ, какъ сообщили газеты, — неофиціально, — производство колбасы фактически почти монополизовано правительственнымъ „Zentraleinkaufsgesellsch.", о которомъ будетъ еще рѣчь). Мясная карточка, выданная въ какомъ-либо городѣ, дѣйствительна во всей имперіи, —

выгодное отличіе отъ хлѣбной монополіи, которая первоначально разорвала страну на тысячу изолированныхъ потребительныхъ округовъ. Съ деньгами и „карточкой“ въ карманѣ берлинецъ никакими силами не могъ получить хлѣба въ Шарлоттенбургѣ. Позже объединился „въ хлѣбномъ отношеніи“ не только весь берлинскій районъ, но вся Пруссія со всей Саксоніей, съ одной стороны, и вся Саксонія съ Баваріей, Баденомъ, Эльзасъ-Лотарингіей, Вюртембергомъ и Зигмарингеномъ — съ другой. Съ осени 1916 г. для путешествующихъ введена „имперская хлѣбная карточка“.

Владѣльцамъ скота, содержащимъ его въ своемъ хозяйствѣ не менѣе шести недѣль, разрѣшается убивать его для потребленія въ собственной семьѣ (но не для постороннихъ) съ тѣмъ, что только половина вѣса засчитывается имъ въ мясную карточку. Проще говоря, всѣ сельскіе хозяева, крестьяне и всѣ зажиточные люди, которые могутъ покупать себѣ куръ или кроликовъ и содержать ихъ шесть недѣль, — могутъ получать мяса вдвое болѣе, чѣмъ остальное не сельско-хозяйственное населеніе (каждая курица старше полугода засчитывается въ 400 граммовъ, моложе полугода — въ 200). Это не единственная льгота аграрной и богатой части населенія. Второй такой льготой является полное исключеніе изъ регулированія гусей, утокъ, зайцевъ и прочей дичи, какъ летающей, такъ и бѣгающей (однако, охотнику, кормящему себя лично подстрѣливаемой дичью, она все же засчитывается на половину въ мясную карточку, — совсѣмъ свободно достается она только покупающему ее кругу потребителей). Правда, если бы распредѣлить все это между всѣми, то на душу пришлось бы всего 5 калорій въ день (тогда какъ нынѣшній раціонъ мяса даетъ 121 калорію). Но если вспомнить, что къ зажиточнымъ (имѣющимъ болѣе 101 руб. дохода въ мѣсяцъ) принадлежитъ въ Германіи всего восьмая часть населенія, то сосредоточеніе въ столовыхъ этой восьмой части всѣхъ зайцевъ, дичи, гусей и утокъ означаетъ для нея лишнихъ 40 калорій въ день или повышеніе средняго мясного раціона на треть. Такимъ образомъ, если въ распредѣленіи муки вѣсы наклонены въ пользу малоимущей массы, то въ случаѣ съ мясомъ имѣетъ мѣсто обратное. Во всякомъ случаѣ, сдѣланъ крупный шагъ впередъ сравнительно съ прежнимъ, фактически почти полнымъ исключеніемъ малоимущихъ отъ мясного потребленія.

Если куры попали въ мясное регулированіе, то ихъ яйца удостоились 31 августа н. ст. особаго „Reichsverteilungsstelle“, которое затѣмъ съ 1 октября н. ст. ввело равномѣрное распредѣленіе яицъ по

карточкамъ во всей имперіи. При этомъ владѣльцамъ куръ разрѣшается неограниченное личное потребленіе приносимыхъ ихъ курами яицъ, но продавать ихъ они могутъ только агентамъ яичнаго центра. Яйца распредѣляются черезъ мѣстныя самоуправленія по цѣнѣ 32 пфенн. за штуку (15 коп., — для сравненія можно прибавить, что общеимперская розничная такса на сахаръ составляетъ всего 34 пфенн. за $1^1/_4$ русск. фунта, т. е. за количество, по вѣсу вдесятеро больше, чѣмъ одно яйцо). На душу назначено всего по одному яйцу въ десять дней. Если засчитать усиленное потребленіе владѣльцами куръ, то теоретическая наличность составитъ не менѣе штуки въ недѣлю на человѣка. Такое крайнее уменьшеніе объясняется тремя причинами. Половина мирнаго потребленія яицъ ввозилась изъ-за границы, чего теперь нѣтъ. Куры, какъ утверждаютъ, меньше несутся по недостатку корма. Наконецъ, количество домашней птицы сильно сократилось подъ вліяніемъ войны. По переписи 1 октября н. ст. 1915 г., насчитано только 75 милл. штукъ противъ 83 милл. передъ войной, уменьшеніе на 9%. Итоги нынѣшней переписи птицъ еще не опубликованы, но по оцѣнкѣ экспертовъ паденіе птицеводства не замедлилось, такъ что теперь не хватаетъ уже около 20%. Какъ и въ случаѣ съ хлѣбомъ, селедками и др. продуктами, нѣкоторые города не ограничились предписанной имъ карточной системой, но пошли дальше (опираясь на ноябрьскій законъ 1915 г., разрѣшающій каждому мѣстному самоуправленію монополизовать любую отрасль торговли предметами массоваго потребленія, какую оно найдетъ нужнымъ, — если она не монополизована раньше государствомъ). Вмѣсто передачи получаемыхъ отъ имперскаго центра яицъ розничнымъ торговцамъ для продажи по карточкамъ города, — напр., Лихтенбергъ подъ Берлиномъ, — открываютъ свои лавки, принимая прежнихъ торговцевъ приказчиками на городскую службу.

X.

Рыба не пользовалась въ Германіи до войны особой популярностью. Недостатокъ другихъ видовъ продовольствія побудилъ приналечь на рыбу. Еще въ началѣ 1915 г. правительствомъ учреждено „Центральное закупочное общество“ (Zentraleinkaufsgesellsch.) съ цѣлью объединенія заграничныхъ покупокъ продовольствія для нуждъ нѣмецкихъ городовъ (основной капиталъ 50 милл. мар.). Доставка рыбы стала однимъ изъ главныхъ его занятій. Съ осени 1915 г. города лишены права закупать продовольствіе за границей непосредственно и могутъ получать его только отъ Центральнаго закупочнаго обще-

ства въ правленіе котораго введенъ зато представитель общегерманскаго союза городовъ (проф. Штейнъ изъ Франкфурта). По сообщенію проф. Штейна ежемѣсячный оборотъ „Центральнаго закупочнаго общества“ уже въ декабрѣ 1915 г. достигъ 70 милл. мар. Оно имѣло до 300 складовъ, — отъ Константинополя до Бельгіи, — и занимало 1300 служащихъ въ Берлинѣ и столько же въ отдѣленіяхъ (сверхъ рабочихъ). Къ веснѣ 1916 г. дѣйствовало уже 10 областныхъ центровъ, образованныхъ по его указаніямъ городскими самоуправленіями. Монополизованные въ рукахъ общества продукты (рисъ, почти вся колбаса, иностранный сыръ, селедки, съ 30 сентября н. ст. 1916 г. также всѣ рыбные консервы, копченыя, маринованныя и всякія иностранныя рыбы, кромѣ привозимыхъ свѣжими, и пр.) передаются имъ областнымъ центрамъ для раздѣла между мѣстными самоуправленіями по особому „распредѣлительному ключу“, утвержденному правительствомъ (и по установленнымъ таксамъ). Тѣмъ самымъ гарантируется равномѣрность рыбнаго потребленія повсюду, потому по берлинскимъ даннымъ можно судить объ объемѣ его вообще. Магистратъ города Берлина за послѣдній отчетный годъ продалъ почти ровно 600 тыс. пудовъ селедокъ и всего 30 тыс. пуд. другихъ морскихъ рыбъ. При среднемъ населеніи за годъ въ 1800 тыс. чел. это даетъ около 16 граммовъ въ день на человѣка (свыше четверти русск. фунта въ недѣлю на душу). Что до туземной прѣсноводной рыбы (карповъ и т. д.), то съ сентября тек. года она секвестрована, и торговля ею монополизована въ рукахъ спеціально учрежденнаго принудительнаго синдиката подъ государственнымъ надзоромъ (Kr. ges. für Teichfischverwertung). Сбытъ долженъ происходить черезъ мѣстныя самоуправленія по предписаннымъ свыше цѣнамъ. Стоитъ замѣтить, что какъ „Центральное закупочное общество“, такъ и всѣ „военныя общества“ обязаны работать съ соблюденіемъ купеческихъ принциповъ, т. е. безъ убытка (но размѣръ прибыли ограниченъ 4%-ной оплатой капитала; при наличности избытка онъ поступаетъ въ казну на общеполезныя цѣли).

XI.

О потребленіи въ Германіи въ мирное время сала, коровьяго и всякихъ растительныхъ маслъ, поскольку рѣчь идетъ о малоимущемъ большинствѣ населенія, можно судить по бюджетному обслѣдованію имп. статист. вѣдомства 1907 г. Оно охватило 852 типичныхъ семьи со среднимъ доходомъ въ 2165 мар. въ годъ на семью и съ почти 4 тыс. лицъ. Оказывается, они потребляли въ среднемъ на душу еженедѣльно 137 граммовъ коровьяго масла и 95 гр. маргарина, растительныхъ маслъ и сала, въ общемъ 232 гр. (рѣчь

идетъ почти сплошь о горожанахъ). Благодаря сокращенію числа молочныхъ коровъ, уменьшенію удоя (ср. выше) и привоза изъ за границы въ Германію должно имѣться лишь около половины прежняго количества всѣхъ этихъ жировъ. Масляная карта была введена впервые закономъ 8 декабря н. ст. 1915 г., но безъ всеобщаго секвестра масла, и только для крупныхъ городовъ, поскольку имъ удастся закупить его. Законъ 6 января н. ст. 1916 г. съ позднѣйшими дополненіями воспретилъ употреблять коровье и растительное масло, маргаринъ, сало и всѣ виды животныхъ жировъ для техническихъ цѣлей (изготовленіе мыла, маслянныхъ красокъ и т. д.). Въ виду получившейся пестроты масляныхъ раціоновъ канцлеръ сосредоточилъ затѣмъ закупку масла для городовъ въ рукахъ упоминавшагося „Центральнаго закупочнаго общества" и ввелъ съ 5 марта н. ст. 1916 г. однообразный раціонъ для всѣхъ городовъ: дѣтямъ не достигшимъ, 2 лѣтъ ничего, дѣтямъ отъ 2 до 14 лѣтъ по 62,5 грамма и всѣмъ лицамъ съ 14 лѣтъ по 125 гр. масла въ недѣлю. Почти одновременно изданъ законъ объ обязательной сдачѣ всего сала и внутренняго жира отъ убиваемыхъ не для личнаго потребленія овецъ и рогатаго скота особому „Военному комитету для растительныхъ и животныхъ маслъ и жировъ" (нѣмцы остаются вѣрными традиціи длинныхъ названій). Этотъ комитетъ распредѣляетъ все получаемое между салотопнями для переработки въ маргаринъ и монополизируетъ затѣмъ маргаринъ въ своихъ рукахъ. Законъ о монополіи маргарина изданъ 5 іюня н. ст.: маргаринъ распредѣляется между мѣстными самоуправленіями сообразно особому „ключу", въ соотвѣтствіи съ ключемъ (скалой) маслянаго распредѣленія. Между тѣмъ отдѣльные города и даже государства въ дополненіе къ маслянымъ стали вводить обязательные раціоны и для другихъ жировъ: сала, растительныхъ маслъ. Создалась крайняя неравномѣрность. Если взять все вмѣстѣ, то въ маѣ, напр., дрезденцы получали по 218 граммовъ въ недѣлю, берлинцы по 125, баденцы только по 93 и т. д. Тогда 8 іюня н. ст. введена вмѣсто прежней масляной новая „общежировая" карточка, включавшая сразу масло коровье и растительное, сало и маргаринъ. Кто покупалъ больше масла, могъ купить уже меньше всего остального и наоборотъ — въ предѣлахъ указаннаго въ карточкѣ количества граммовъ (это правило сохранено и всѣмъ позднѣйшимъ законодательствамъ). Обязательное регулированіе было распространено при этомъ на всѣ города отъ пяти тыс. жителей, но обязательнаго секвестра масла не было еще проведено. Владѣльцы коровъ были обязаны только и впредь поставлять молоко въ маслобойни въ томъ же объемѣ. Но только секвестръ всего производства масла и распространеніе принудительнаго

регулированія и на деревни могли обезпечить правильность снабженія не сельско-хозяйственнаго населенія (составляющаго въ Германіи почти три-четверти жителей). Только 20 іюля н. ст. союзный совѣтъ рѣшился утвердить законъ о секвестрѣ и всеобщемъ регулированіи, при чемъ еженедѣльный „общежировой" раціонъ установленъ былъ всего въ 90 граммовъ въ недѣлю на душу (и для дѣтей) и, дѣйствительно, все время съ тѣхъ поръ соблюдается. Такимъ образомъ, нынѣшнее потребленіе немобилизованнаго жителя составляетъ лишь около 40% того, что потребляло въ 1907 г. малоимущее большинство населенія. Установленный раціонъ явно меньше того количества масла и пр., какое производится теперь въ Германіи (приблизительно на 25 гр. въ недѣлю на душу). Разница объясняется, во-первыхъ, нормальнымъ жировымъ питаніемъ арміи, что отнимаетъ у каждаго жителя не менѣе 15 граммовъ въ недѣлю, во-вторыхъ, допущенными закономъ 20 іюля н. ст. поблажками въ пользу сельско-хозяйственнаго населенія.

Законъ 20 іюля все производимое въ маслобойняхъ масло секвеструетъ въ пользу союзовъ мѣстныхъ самоуправленій (Kommunalverband). Мѣстное самоуправленіе распредѣляетъ масло (и получаемые отъ центральныхъ учрежденій маргаринъ, растительныя масла и пр.) между жителями по 90 гр. на душу въ недѣлю, а избытки передаетъ (черезъ областныя и окружныя „распредѣлительныя мѣста") въ „Имперское учрежденіе продовольственныхъ жировъ" (Reichsstelle für Speisefette). Это учрежденіе (организованное по образу мясного и зернового центровъ) снабжаетъ затѣмъ дефицитные районы и армію. Но маслобойнями признаются только такія предпріятія и хозяйства, которыя перерабатываютъ ежедневно не менѣе 50 литровъ молока. Поэтому владѣльцы коровъ, сбивающіе масло дома, могутъ потреблять его больше. Въ связи съ этимъ газеты сообщаютъ теперь объ усиленномъ сбытѣ ручныхъ домашнихъ маслобоекъ (раньше крестьяне сдавали обычно все молоко въ свои кооперативныя маслобойни). Правда, законъ разрѣшаетъ мѣстнымъ самоуправленіямъ запрещать продавать масло, сбитое не на подчиненной секвестру маслобойнѣ, и даже вообще производить масло въ частныхъ хозяйствахъ. Владѣльцы коровъ могутъ быть также обязаны сдавать все молоко (или сливки и сметану) въ подлежащія секвестру маслобойни, при томъ не только мѣстными самоуправленіями, но и окружными и областными „распредѣлительными мѣстами" и имперскимъ учрежденіемъ. Однако, пока не слышно, чтобы эти предусмотрѣнныя закономъ возможности превратились въ широкомъ масштабѣ въ дѣйствительность. Зато всѣ утверждаютъ, что сельское населеніе гораздо обильнѣе городского

снабжено масломъ. Въ самомъ дѣлѣ, сравнительно съ числомъ коровъ, минимальнымъ удоемъ, потребленіемъ арміи и т. д. все же не хватаетъ не менѣе 10 гр. на душу въ недѣлю. Такъ какъ сел.-хоз. населеніе составляетъ лишь около четверти жителей, то это означаетъ для аграрнаго населенія увеличеніе жирового раціона приблизительно на половину (на 40 гр. масла).

Какъ упомянуто, въ раціонъ включены и растительныя масла. Для увеличенія ихъ сбора примѣняются самыя разнообразныя мѣры, начиная отъ общеимперскаго сбора подсолнечнаго сѣмени (по 45 пфенн. за кг. въ пользу „Воен. комит. раст. и жив. маслъ и жир.“) и кончая секвестромъ въ Гессенѣ всего урожая волошскихъ орѣховъ — весь сборъ будетъ переработанъ въ растительное масло (зак. 27 сент. н. ст.), введеніемъ монополіи на переработку костей и общеимперскимъ сборомъ буковыхъ шишекъ.

XII.

Общеимперское регулированіе потребленія молока утверждено въ окончательномъ видѣ только 3 октября н. ст. Руководящимъ учрежденіемъ признана та же „Reichsstelle für Speisefette“, что и для масла и жировъ. Въ понятіе молока включены также сливки, сметана и всевозможныя переработки молока: кефиръ, конденсированное молоко и т. д. Все это включено въ молочную карточку. Органами распредѣленія служатъ мѣстныя самоуправленія. Владѣльцамъ коровъ предоставлены столь же широкія льготы для потребленія членами ихъ семействъ и хозяйствъ, какъ въ случаѣ съ масломъ. Если масла (съ прочими жирами) разрѣшается этой части населенія потреблять до 180 граммовъ на душу въ недѣлю (докладъ рейхстагу № 403 отъ 26 сент. н. ст.) вмѣсто установленныхъ для всѣхъ остальныхъ 90 гр., то для молока усиленное потребленіе его аграрнымъ населеніемъ подымаетъ среднюю общегосударственную норму не менѣе чѣмъ на 20%. Для остального населенія установлены такіе раціоны. Дѣти до конца 6 лѣтъ, беременныя послѣдніе 3 мѣсяца передъ родами и больные взрослые, во всякомъ случаѣ, получаютъ неснятое молоко (Vollmilch). Число больныхъ ограничивается 2% населенія, и они получаютъ не свыше литра въ день (въ среднемъ принимается полъ-литра), беременныя—по $^3/_4$ литра (въ виду уменьшенія рождаемости женщинъ въ состояніи послѣднихъ 3 мѣсяцевъ беременности имѣется всегда всего 300 тыс., т. е. 1200 родильницъ въ годъ). Дѣти до 2 лѣтъ, во всякомъ случаѣ, получаютъ по литру (1 литръ молока = 1031 граммовъ, т. е. $2^1/_2$ русск. фунта). Дѣтямъ до 4 лѣтъ раціонъ можетъ понижаться до $^3/_4$ литра и дѣтямъ до 6 лѣтъ — даже до $^1/_2$ литра (въ среднемъ для пер-

выхъ шести лѣтъ жизни не менѣе $^3/_4$ литра). Далѣе дѣтямъ отъ начала седьмого года до конца четырнадцатаго неснятое молоко будетъ выдаваться только въ зависимости отъ количества, какое останется за удовлетвореніемъ аграрнаго населенія, перечисленныхъ выше разрядовъ и маслобойнаго производства. Въ среднемъ, эта группа дѣтей будетъ получать не менѣе четверти литра, но зато ей будутъ уменьшать раціонъ масла на 40% питательности молока. За каждый литръ молока будутъ отсчитывать 28 граммовъ изъ „общежировой“ (масляной) карточки, такъ что при учетѣ питанія надо считать только 60% питательности (по калоріямъ) доставляемаго этой группѣ дѣтей молока. Лица старше 14 лѣтъ вообще не будутъ получать неснятого молока (поскольку не принадлежатъ къ хозяйствамъ владѣльцевъ коровъ). Принимая во вниманіе все это, численность каждой группы и всего населенія, получаемъ для „неаграрнаго“ населенія ровно 200 гр. неснятого молока въ день на отвлеченную „среднюю“ душу (для аграрнаго — 360 гр., для всѣхъ немобилизованныхъ въ среднемъ — 240 гр.). Между тѣмъ среднее потребленіе неснятого молока составляло въ Германіи до войны около 400 гр. въ день на душу, а спеціально для малозажиточнаго населенія (съ доходомъ до 100 руб. въ мѣсяцъ), какъ показываетъ упомянутое имперское бюджетное изслѣдованіе 1907 г., — все же еще 340 гр. (соотвѣтственно зажиточные, составлявшіе восьмую часть населенія, получали около четырехъ пятыхъ литра въ день на человѣка).

Законъ 3 октября н. ст. запретилъ кормить неснятымъ молокомъ поросятъ и телятъ старше шести недѣль, продавать сметану и сливки, употреблять неснятое молоко для изготовленія сладостей и шоколада (вообще разрѣшено приготовлять не свыше четверти произведеннаго въ первый годъ войны) и для всякихъ промышленныхъ и техническихъ цѣлей. На это пойдетъ только снятое молоко, использованное уже для приготовленія масла. Законъ разрѣшаетъ взрослымъ пить только снятое молоко и предоставляетъ мѣстнымъ самоуправленіямъ ввести карточки и на него. Въ мирное время снятого молока выпивалось людьми мало, и если теперь и это количество уменьшится на 40%, какъ неснятое, то питательный эффектъ выразится всего въ 14 калоріяхъ въ день на душу (40 граммовъ).

XIII.

При подведеніи итоговъ германскихъ продовольственныхъ ресурсовъ приходится прежде всего отличать отвлеченный „средній“ итогъ для всей немобилизованной части націи отъ фактическихъ

„среднихъ“ для аграрной и неаграрной ея части. Первая величина показываетъ, сколько есть въ странѣ продовольствія послѣ удовлетворенія потребностей арміи, вторая — какъ оно распредѣляется между сельско-хозяйственнымъ и прочимъ населеніемъ. Первая величина, слѣдовательно, имѣетъ не только „бумажный“ интересъ, но показываетъ объективную наличность продовольствія, распредѣленіе которой между разными частями населенія опредѣляется тѣмъ же соотношеніемъ общественныхъ силъ. Эти соображенія оправдываютъ вычисленіемъ такихъ „мнимыхъ величинъ“, какъ, напр., средне „душевое“ потребленіе молока, когда фактически однѣ „души“, — дѣтскія, — дѣйствительно пьютъ его въ разныхъ количествахъ, а другія, — души взрослыхъ, — вовсе не получаютъ.

Во вторую очередь ниже приведены итоги раціоновъ для разныхъ возрастныхъ и соціальныхъ группъ „неаграрнаго“ населенія, какъ эти раціоны и группы установлены германскимъ продовольственнымъ законодательствомъ. Ограничиваюсь подробнымъ расчлененіемъ по отношенію только къ неаграрному населенію по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, здѣсь возможна наибольшая подробность и точность учета, ибо именно для городского и внѣгородского неаграрнаго населенія раціонированіе проведено наиболѣе полно и сопровождается наибольшимъ контролемъ. Во-вторыхъ, это имѣетъ интересъ для сравненія съ итогами питанія горожанъ въ Россіи. Въ-третьихъ, къ неаграрному населенію принадлежатъ три четверти жителей Германіи (76%). Подъ „аграрнымъ населеніемъ“ понимаю при этомъ, согласно нѣмецкому продовольственному законодательству, исключительно тѣхъ, кто производитъ въ своемъ хозяйствѣ сырые продовольственные матеріалы (помѣщики, крестьяне) и кому предоставлено самому отдѣлять для себя изъ всего производимаго нужную ему для питанія часть — въ предѣлахъ установленныхъ закономъ рамокъ. Такихъ лицъ нѣмецкій законъ называетъ „Selbstversorger“ (самоснабжающій, самозаботящійся) и къ числу ихъ относитъ не только владѣльца и членовъ его семьи, но также всѣхъ тѣхъ служащихъ въ хозяйствѣ (съ ихъ семьями), которые обычно получаютъ продовольствіе натурой. Въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи къ этому разряду относится не только домашняя прислуга, но и большинство сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ. Этимъ объясняется крупное число „самозаботящихся“. По свѣдѣніямъ „Имперскаго зернового центра“ (Reichsgetreidestelle) немобилизованное населеніе распадается такъ. Почти 30%, именно 17,2 милл. чел., живутъ въ районахъ мѣстныхъ самоуправленій, цѣликомъ получающихъ зерно и муку отъ „Имперскаго зернового центра“ (крупные и средніе города). Затѣмъ, менѣе половины, именно 28 милл. чел., живутъ на

территоріи тѣхъ союзовъ мѣстныхъ самоуправленій (Kommunalverbände), которые могутъ изъ мѣстнаго производства (послѣ его секвестра) удовлетворить установленными раціонами всѣхъ жителей, и еще сдаютъ избытки „Имперскому зерновому центру“ (рѣчь идетъ объ мѣстностяхъ съ расположенными въ нихъ мелкими городами и мѣстечками). Наконецъ, во всѣхъ районахъ вмѣстѣ проживаютъ еще невключенные въ предыдущія цифры „Selbstversorger“, числомъ 14,4 милл. чел. или какъ разъ 24% всего немобилизованнаго населенія (плѣнные содержатся военнымъ вѣдомствомъ; ихъ питаніе покрывается изъ заготовокъ для арміи, они не включены въ немобилизованное населеніе).

Какъ упоминалось, всѣмъ „самозаботящимся“ предоставлено лучше питаться, чѣмъ прочему населенію. Напр. для живущаго раціонами населенія выше указано среднее дневное потребленіе муки въ 220 гр. на душу. А „самозаботящимся“ законъ разрѣшаетъ оставлять себѣ для этого по 9 килогр. зерна на душу въ мѣсяцъ, что при установленномъ процентѣ вымола даетъ 240 гр. муки въ день (это повышаетъ отвлеченную „среднюю“ для всѣхъ немобилизованныхъ до 225 гр. въ день вмѣсто 220 гр.). Выше приведены раціоны картофеля — „самозаботящіеся“ ѣдятъ его свыше чѣмъ на четверть больше горожанъ. Рыба направляется, правда, почти цѣликомъ въ города, но зато Selbstversorger'амъ, т. е. аграрному населенію законъ предоставляетъ описанныя уже льготы въ снабженіи масломъ, молокомъ и мясомъ.

Благодаря дальнѣйшимъ успѣхамъ статистики и раціонированію исчисленія теперь представляются точнѣе сдѣланныхъ для времени до войны коллективнымъ сборникомъ подъ редакціей Эльцбахера (появился въ декабрѣ 1914 г.) и затѣмъ для середины второго года войны („Вѣстникъ Европы“, мартъ, 1916 г.). Но и ошибки прежнихъ вычисленій, судя по всему, не были въ общемъ велики, такъ что въ цѣломъ имѣемъ довольно надежную картину учета постепеннаго паденія продовольственныхъ рессурсовъ. Ниже приведены будутъ факты, относящіеся къ переспективамъ продовольствія въ дальнѣйшемъ (т. е. послѣ третьяго годы войны). Какъ помнитъ читатель, питательность пищи измѣряютъ калоріями, единицами энергіи, какую она создаетъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, сводятъ къ качественному единству и возможности количественнаго учета всѣ разнообразные конкретные виды продовольствія. Во избѣжаніе загроможденія цифрами, ниже приводятся данныя, уже переведенныя въ калоріи. Только для общей средней, показывающей величину „средняго“ дневного продовольствія всего немобилизованнаго населенія Германіи, приведу также учетъ распредѣленія

„средняго“ дневного раціона на бѣлки, жиры и углеводы (сумма полезнаго усвоенія которыхъ и даетъ дневное количество потребляемыхъ калорій). Это то количество, какое каждый житель Германіи получалъ бы при совершенно равномѣрномъ распредѣленіи, если бы не было разницы въ раціонахъ между горожанами и „самозаботящимися“, между дѣтьми и взрослыми между зажиточными и мало имущими.

	Мирное время.	Третій годъ войны.
Бѣлковъ	92,9 грам.	57,0 грам.
Жировъ	106,0 „	39,0 „
Углеводовъ	530,5 „	373,0 „
Сумма калорій . . .	3642 калор.	2125 калор.

Постепенное пониженіе продовольственнаго уровня можетъ быть представлено въ такой сжатой формѣ: на „среднюю“ душу приходилось въ мирномъ 1913 г., по Эльцбахеру, 3642 калор. въ день, въ срединѣ второго года войны — по 2852 калор. („В. Е.“, мартъ) и на весь третій годъ ея имѣется по 2125 калор. Въ относительныхъ числахъ: 100—78—60. Иначе сказать, продовольственные рессурсы нѣмецкаго народа (сверхъ арміи) составляютъ теперь лишь три пятыхъ мирнаго уровня. Правда, главная масса населенія (семь восьмыхъ) имѣла въ мирное время лишь по три тыс. кал., остальное цѣликомъ потреблялось или уничтожалось зажиточной частью народа, питавшейся гораздо лучше малоимущихъ. Затѣмъ, мало знать уклоненіе отъ привычнаго уровня, надо опредѣлить еще степень неизбѣжности физіологическаго недоѣданія, т. е. питанія ниже той нормы, какая признается наукой, необходимой для сохраненія населеніемъ нормальной работоспособности. Питаніе женщины опредѣляется въ девять десятыхъ питанія мужчины, питаніе „средняго“ ребенка обоего пола до 14 лѣтъ — въ половину питанія мужчины, а питаніе подростковъ приравнивается питанію взрослыхъ. Для взрослаго мужчины, занятаго физической работой, по наиболѣе авторитетнымъ вычисленіямъ Рубнера, сдѣланнымъ до войны, принимается потребность въ 2868 кал. при средней физической работѣ и 3362 кал. — при тяжелой. Для взрослаго мужчины интеллигентныхъ профессій — только 2445 кал. На этомъ основаніи для всѣхъ достигшихъ 15 лѣтъ мужчинъ малоимущей части населенія (7/8 жителей Германіи) принимаемъ 3120 кал. въ день; а для мужчинъ зажиточной части — норму лицъ интеллигентныхъ профессій. Зная составъ населенія въ каждое данное время, можно высчитать физіологическую норму для теоретическаго „средняго человѣка“. Во время войны мѣнялось соотношеніе въ населеніи возрастныхъ и половыхъ группъ вслѣдствіе выбытія въ армію мужчинъ. Потому средняя физіологическая норма постепенно понижа-

лась. Она составляла въ Германіи въ мирномъ 1913 году 2441 кал. въ день, въ срединѣ второго года войны — 2381 кал. и въ третьемъ году ея — 2301 калорію. Иначе сказать, въ мирное время все населеніе Германіи имѣло бы возможность (при равномѣрномъ распредѣленіи) питаться наполовину лучше физіологическаго минимума, необходимаго для сохраненія нормальной работоспособности и здоровья. Оно, дѣйствительно, питалось гораздо лучше жителей ряда европейскихъ странъ, какъ это давно установлено бюджетными обслѣдованіями мирнаго времени. Въ срединѣ второго года войны при равномѣрномъ распредѣленіи все еще оставался бы нѣкоторый избытокъ надъ физіологическимъ минимумомъ, — но не было какъ разъ всеобщаго равномѣрнаго распредѣленія, были только его серьезные зачатки [1]). Теперь, наконецъ, равномѣрность достигнута уже въ гораздо болѣе крупной мѣрѣ, — но недоѣданіе стало объективно неизбѣжнымъ. Даже при идеальной равномѣрности „средняя физіологическая норма" составила бы для немобилизованнаго населенія въ третьемъ году войны всего 2125 кал. вмѣсто требующихся 2301 кал., т. е. почти на восемь проц. меньше. Объективныя границы нѣмецкаго „голода", такимъ образомъ, довольно скромны, все зависитъ отъ правильности распредѣленія, въ частности — отъ устраненія поблажекъ „самозаботящемуся" аграрному населенію.

Въ интересахъ сравненія, любопытно привести данныя новѣйшаго русскаго бюджетнаго изслѣдованія (А. Стопани. Нефтепромышленный рабочій. Баку. 1916). Бюджетная перепись произведена подъ руководствомъ А. Стопани въ 1910 г., въ условіяхъ мирнаго времени. По климатическимъ условіямъ, въ Баку меньше должно уходить на теплое платье и топливо, да и заработокъ бакинскаго рабочаго русской національности (большею частью металлисты) выше средняго фабрично-заводскаго заработка въ Россіи. Для сравненія привожу еще (нѣсколько устарѣлыя) данныя о питаніи низшей группы крестьянъ Можайскаго уѣзда, Московской губ. (всѣ крестьяне были разбиты на двѣ группы — цит. по изданію костромского земства „Питаніе крестьянъ", 191?). Всѣ данныя относятся къ взрослому мужчинѣ. Для Баку А. Стопани приводитъ составъ средней семьи учтенныхъ рабочихъ русской національности, такъ что можно вычислить „среднюю фактическую норму" для

---

[1]) Въ концѣ статьи „Аграріи и дороговизна" („Вѣст. Евр.", мартъ) имѣется досадная опечатка, ясная, впрочемъ, изъ контекста. Напечатано, что народомъ „достигнуто изъ улучшенія продовольствія, сколько можно было объективно достигнуть". Слѣдуетъ: „достигнуто 40% изъ улучшенія" и т. д.

рабочаго населенія даннаго возрастнаго и полового состава. Дневнойраціонъ взрослаго мужчины:

	Калорій.
Бак. русск. раб. съ доход. до 500 руб.	2846
Бак. русск. раб. съ доход. отъ 500 до 700 руб. . . .	3015
Крестьян. Мож. у., Москов. губ. низш. разр.	2650
Бак. русск. раб. съ доход. отъ 700 до 900 руб. . . .	3247

„Средняя фактическая норма“ для бакинскихъ русскихъ съ доходомъ до 500 руб., если разсчитать на всѣхъ членовъ семьи (на жену $^9/_{10}$, на каждаго изъ двухъ дѣтей по $^1/_2$ раціона мужчины), оказывается равной 2064 калоріямъ; для семьи русскаго рабочаго съ доходомъ до 700 р. (58 руб. въ мѣсяцъ) получаемъ 2186 кал. Между тѣмъ, въ Германіи при вполнѣ равномѣрномъ распредѣленіи средняя фактическая норма можетъ составлять теперь, какъ приведено выше, 2125 калорій. Иначе сказать, немобилизованное нѣмецкое населеніе теперь, въ третьемъ году войны, имѣетъ объективную возможность питаться такъ, какъ питалось въ мирное время населеніе бакинскихъ рабочихъ русской національности, зарабатывавшихъ около 50 руб. въ мѣсяцъ. Рабочихъ съ такимъ заработкомъ было въ Россіи до войны не такъ ужъ много. И ихъ „средняя фактическая норма“ была ниже того минимума, который имъ слѣдовалъ „физіологически“ для поддержанія нормальной трудоспособности и здоровья. Потому заболѣваемость и смертность среди нихъ были выше, а продолжительность жизни меньше, чѣмъ въ Германіи. Но они все же существовали и работали. Въ Германіи теперь фактическая норма тоже неминуемо должна быть ниже полагающейся „физіологической“. Потому тамъ повысилась за время войны заболѣваемость и смертность немобилизованнаго населенія, какъ бы стремясь догнать русскій довоенный уровень въ этомъ отношеніи, и нѣсколько уменьшился средній вѣсъ жителей (см. ниже). Но они могутъ существовать и работать въ такой мѣрѣ, въ какой могли это до войны бакинскій русскій рабочій съ доходомъ до 700 руб. въ годъ и менѣе имущая половина крестьянъ Можайскаго уѣзда, Московской губ. вмѣстѣ съ ихъ семьями.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что сильнѣе всего упало жировое питаніе: вмѣсто мирныхъ 106 граммовъ имѣется теперь только 39 на „среднюю“ душу въ день. Жировое питаніе уменьшилось почти втрое. Должно быть, въ связи со слухами о подобномъ положеніи встрѣчаются теперь порой разныя невѣроятные легенды. Въ дѣйствительности уменьшившіеся втрое, умалившіеся до 39 грам. на „среднюю“ душу въ день жировые рессурсы все же превышаютъ то жировое питаніе, какимъ пользовались у насъ даже до

войны рабочіе и значительная часть крестьянъ. На взрослаго мужчину приходилось въ день въ бакинскихъ рабочихъ семьяхъ русской національности въ 1910 г.:

Съ доходомъ.	Жировъ.
до 500 руб.	20 граммовъ.
отъ 500 „ 700 „	27 „
„ 700 „ 900 „	29 „

У крестьянъ Можайскаго у., Москов. губ. — 28 гр. (у бѣдной половины). У крестьянъ Верейскаго у., Москов. губ., тоже у бѣдной группы, — 30 граммовъ (а въ рабочей семьѣ въ городѣ Москвѣ, по Эрисману, еще меньше). Въ сравненіи съ этимъ нынѣшніе нѣмецкіе 39 гр. представляются въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ если ихъ сравнивать только съ нѣмецкимъ же мирнымъ уровнемъ въ 106 гр. Обращаетъ зато на себя вниманіе другое явленіе: нынѣшніе продовольственные ресурсы Германіи меньше даже того, что обезпечивалось въ мирное время однимъ ея собственнымъ производствомъ, совершенно не считая привоза изъ-за границы и той части туземнаго продовольствія (мяса, молока и т. д.), какая производилась на основѣ иностранныхъ матеріаловъ (кормъ для скота и т. д.). Изъ средняго дневного мирнаго раціона въ 3,642⁰ калорій производилась внутри страны на основѣ туземныхъ матеріаловъ 2925 кал. или почти ровно 80% всей ѣды (Эльцбахеръ). Для середины второго года войны мы имѣли 2852 кал. („Вѣстн. Евр.“, мартъ). Теперь оказывается 2125 кал.; учетъ потребленія арміи и плѣнныхъ повысилъ бы послѣднюю цифру на нѣсколько сотъ калорій, ибо солдату полагается значительно высшій раціонъ. Но и за всѣмъ тѣмъ оказалось бы, что Германія имѣетъ теперь продовольствія по крайней мѣрѣ на восьмую часть меньше того, что производила сама на основѣ туземныхъ матеріаловъ въ мирное время (сверхъ того отсутствуетъ почти весь ввозъ). Погода была сравнительно благопріятной — уменьшеніе приходится отнести на счетъ созданнаго войной пониженія уровня хозяйства, паденія производительныхъ силъ страны.

XIV.

Нынѣшній „средній“ нѣмецкій дневной душевой раціонъ мы сравнимъ сначала съ такимъ же раціономъ мирнаго времени (1913 г. по Эльцбахеру), а затѣмъ укажемъ отличіе „аграрнаго раціона“ („самозаботящихся“) отъ раціона прочихъ трехъ четвертей населенія (все въ калоріяхъ).

Названіе продуктовъ	Мирное время	Третій годъ войны
Мука, картоф., стручк., крупа	1.916	1.244
Мясные продукты	585	157
Молочные, растит. масла, какао	560	295
Сахаръ	195	185
Алкогольные напитки	173	29
Овощи и плоды	167	138
Яйца	26	10
Рыба (и неучт. въ трет году)	20	17
	3642	2125

Нѣсколько мелкихъ продуктовъ остались неучтенными для третьяго года (козье молоко, какао, заграничный шоколадъ, привозная битая птица, сыръ швейцарскій и голландскій и т. д.). Ихъ такъ мало, что принимаемъ, вѣроятно, съ преуменьшеніемъ, всего 7 калорій для всѣхъ вмѣстѣ (на рыбу въ третьемъ году приходится только 10 кал.). Всѣ подобные немонополизованные, нераціонированные и нетаксированные заграничные продукты почти цѣликомъ поступаютъ зажиточной части горожанъ. О туземномъ сырѣ (тощемъ, ибо производство жирныхъ сыровъ запрещено союзнымъ совѣтомъ) правительственное разслѣдованіе показало, что онъ потребляется теперь исключительно зажиточными людьми, массами получающимъ его въ почтовыхъ посылкахъ изъ деревни.

Приведенная таблица даетъ представленіе объ общемъ уменьшеніи продовольственныхъ рессурсовъ въ странѣ для немобилизованнаго населенія и представляетъ собой величину вполнѣ отвлеченную, для теоретической „средней“ души. Гораздо больше жизненнаго содержанія получится, если разложить „средній общегерманскій“ душевой раціонъ на двѣ основныя составныя его части: средній душевой раціонъ „аграрнаго“ населенія („самозаботящихся“ производителей, 24% всѣхъ жителей) и средній душевой раціонъ прочаго „неаграрнаго“ населенія (потребителей чистой воды, 76% всѣхъ жителей). Противоположность между производителями и потребителями выступаетъ здѣсь въ яркой формѣ: германскіе производители не только наживаются на счетъ потребителей, но и ѣдятъ лучше ихъ. Поучительная иллюстрація къ театральному провозглашенію императоромъ всеобщаго равенства съ высоты дворцоваго балкона („знаю только нѣмцевъ“). Алкогольные напитки оказалось невозможнымъ распредѣлить между городомъ и деревней, ибо ключъ распредѣленія не опубликованъ, пришлось ограничиться среднимъ выводомъ изъ контингентированія, а объ овощахъ и плодахъ можно замѣтить, что болѣе сильное потребленіе пива и т. д. въ городахъ покрывается, вѣроятно, болѣе обильнымъ потребленіемъ овощей и плодовъ въ деревнѣ, чѣмъ принять на основаніи частныхъ раз-

счетовъ о распредѣленіи ихъ потребленія между городомъ и деревней. Съ этими оговорками средній дневной душевой раціонъ составляетъ въ Германіи въ третьемъ году войны у аграрныхъ 24% жителей — 2500 калорій, у прочихъ 76% жителей — 2000 калорій.

Иначе сказать, аграрное населеніе питается на четверть лучше прочаго. Дѣйствительная разница можетъ быть еще больше. Ибо для „прочихъ" трехъ четвертей населенія имѣемъ дѣло, главнымъ образомъ, съ точными раціонами, проходящими центральныя учрежденія и мѣстныя самоуправленія — больше горожанину, вообще, чистому потребителю и неоткуда теперь достать пищи. Другое дѣло производитель (аграрная четверть): или онъ соблюдаетъ предписанныя „самозаботящимся" рамки, боясь тюрьмы, или не соблюдаетъ, разсчитывая укрыться отъ контроля. Во всякомъ случаѣ, ясно, аграрное населеніе питается въ Германіи выше „физіологическаго минимума" (составляющаго теперь, какъ указано, 2301 калорію въ день на среднюю душу). Наоборотъ, большинство населенія, именно три четверти его, имѣютъ въ среднемъ уже только 2000 кал. въ день, меньше физіологическаго минимума на 301 кал. или болѣе чѣмъ на восьмую часть. Но и это большинство народа, — все не сельско-хозяйственное населеніе, въ свою очередь, распадается на разныя возрастныя и соціальныя группы. Германское продовольственное законодательство даетъ возможность опредѣлить величину дневного раціона для каждой изъ этихъ группъ отдѣльно и вскрыть, такимъ образомъ, „соціальную физіологію" войны, опредѣлить, на кого же въ конечномъ счетѣ падаютъ продовольственныя тяготы, возложенныя на Германію войной, каково ихъ значеніе для будущаго (вліяніе на работоспособность и на дѣтей) и для настоящаго (попытка принудить правящіе классы Германіи къ уступчивости возложеніемъ на нихъ продовольственныхъ лишеній путемъ лишенія Германіи ввозившейся раньше изъ-за границы части пищи).

XV.

Во избѣжаніе загроможденія цифрами, ограничусь приведеніемъ только конечнаго итога: сколько калорій содержитъ дневной раціонъ каждой изъ шести группъ, на какія разбиваю все не сельско-хозяйственное населеніе страны (76% немобилизованныхъ жителей) въ согласіи съ продовольственнымъ законодательствомъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже не съ отвлеченными „средними" душами, то общенаціональными, то „аграрными" или неаграрными, — а съ конкретной дѣйствительностью, съ фактическими раціонами, какіе получаютъ люди такого-то возраста и такого-то соціальнаго положенія. Поло-

вину почти населенія составляютъ дѣти до 17 лѣтъ, ихъ разбиваемъ на три группы: до 6 лѣтъ, отъ 6 до 12 лѣтъ и отъ 12 по 17 лѣтъ включительно (подростки). Затѣмъ, взрослое населеніе (съ 18 лѣтъ) распадается на двѣ части: тяжело работающіе (т. е. большая часть физическихъ рабочихъ) и неработающіе или легко работающіе. Все это относится къ малоимущимъ жителямъ, составляющимъ семь восьмыхъ населенія. Шестую группу составляютъ зажиточные, въ свою очередь, разбивающіеся по возрастамъ на тѣ же группы (у нихъ недостаетъ только тяжело работающихъ физически по отсутствію таковыхъ).

Вычисляя, сколько калорій приходится въ день на душу каждой группы, получаемъ такую таблицу:

	Малоимущіе	Зажиточные
Дѣти до 6 лѣтъ	2148	2628
Дѣти отъ 6 до 12 лѣтъ	1874	2354
Подростки 12—17 лѣтъ	1881	2361
Взрослые не тяжело раб. . . .	1778	2258
Тяжелоработ. взрослые	2325	—

Разница между соотвѣтственными группами малоимущихъ и зажиточныхъ (480 кал.) создается нераціонированными продуктами (овощи, сыръ, птица, дичь, разные мелкіе „неучтенные" продукты), потому невозможно точно распредѣлить ее между возрастами и приходится для всѣхъ зажиточныхъ принять одну среднюю величину. Для сравненія отношенія, въ какихъ стоитъ фактическое потребленіе къ необходимому физіологически минимуму, выведемъ среднія для всѣхъ дѣтей и для всѣхъ взрослыхъ, какъ для малоимущей, такъ и для зажиточной группы (принимая во вниманіе число лицъ каждаго разряда), а также средній фактическій раціонъ для каждой изъ этихъ двухъ группъ населенія въ цѣломъ — и сравнимъ со средней физіологической нормой для каждой группы въ ея цѣломъ въ отдѣльности (физіол. норма для дѣтей одинакова, разница должна быть лишь въ питаніи взрослыхъ, потому суммарная физіологическая нормы зажиточныхъ и малоимущихъ гораздо меньше отличаются одна отъ другой, чѣмъ при сравненіи физіологически обязательныхъ нормъ для однихъ мужчинъ.

	Малоимущіе	Зажиточные
Дѣти и подростки	1970	2450
Взрослые	1934	2258
Всѣ вмѣстѣ	1951	2348
Физіолог. норма	2352	1934

Иначе сказать, все малоимущее населеніе въ общемъ получаетъ на 17% меньше, чѣмъ ему необходимо, а зажиточные по-

лучаютъ, наоборотъ, на 213%, больше, чѣмъ съ нихъ было бы достаточно при ихъ образѣ жизни, если бы ограничить ихъ физіологическимъ минимумомъ. Такимъ образомъ, и на третій годъ войны въ Германіи не установлена еще полная дѣйствительная равномѣрность питанія, принимающая во вниманіе только потребность въ немъ и наличность запасовъ. Все еще зажиточные имѣютъ серьезныя преимущества, а аграрное населеніе („самозаботящіеся") получаютъ еще больше неаграрныхъ зажиточныхъ (по 2500 калорій въ день первые и по 2340 вторые). За вычетомъ этихъ двухъ группъ все остальное населеніе — около 71% всѣхъ жителей — довольствуется лишь 1951 калоріями въ день на душу. Между тѣмъ, если бы всѣ рѣшительно раздѣлить поровну между всѣми, безъ поблажекъ аграріямъ и зажиточнымъ, то на душу пришлось бы по 2125 калорій. Наоборотъ, если бы все зажиточное населеніе въ городѣ и деревнѣ питалось, какъ въ мирное время (см. „Вѣст. Евр"., мартъ), то остальнымъ семи восьмыхъ населенія осталось бы только по 1257 кал. въ день на душу. Иначе сказать, установленное на третій годъ войны регулированіе доставило малоимущимъ уже 80% всего мыслимаго улучшенія питанія (по сравненію съ отсутствіемъ регулированія, когда зажиточные благодаря возможности дороже платить, сосредоточивали бы въ своихъ столовыхъ обычный для нихъ мирный раціонъ, а остальное населеніе должно было бы довольствоваться остаткомъ). Между тѣмъ, въ серединѣ второго года войны, благодаря достигнутой къ тому времени степени регулированія, малоимущіе достигли только 40% того улучшенія своего питанія, какое мыслимо было въ то время. Этой разницей — 40% и 80% — измѣряется соціальный прогрессъ германской продовольственной организаціи въ третьемъ году войны по сравненію съ серединой второго. Можно думать, что къ концу третьяго года будутъ достигнуты всѣ 100%, т. е. идеально-равномѣрное распредѣленіе, ибо и теперь уже начались разговоры о принудительномъ раціонированіи послѣднихъ не подвергнутыхъ ему еще продуктовъ. Баварскій мин. внутр. дѣлъ заявилъ 7 октября н. ст. о подготовляющемся введеніи „имперской сырной карты"; въ бюджетной комиссіи рейхстага во второй половинѣ октября н. ст. поднятъ вопросъ объ „имперской овощной картѣ" и т. д. Въ абсолютныхъ цифрахъ движеніе среднихъ фактическихъ дневныхъ душевыхъ раціоновъ представляется въ Германіи приблизительно такимъ (въ калоріяхъ и безъ мобилизованныхъ):

	Малоимущіе.	Зажиточные.	Все населеніе.
Мирный 1913 г.	3000	8400	3642
Половина 2-го года войны.	2424	6048	2858
Третій годъ войны . . .	1951	2348	2125

Если принять во вниманіе аграрное населеніе, то средняя величина окажется въ третьемъ году нѣсколько выше и для малоимущихъ и для зажиточныхъ. Нельзя сказать, чтобы для питанія зажиточныхъ слоевъ Германіи война проходила совершенно безслѣдно: ихъ питаніе сократилось на двѣ трети съ лишнимъ. Но изъ покупавшагося ими въ мирное время такая крупная часть выбрасывалась въ видѣ отбросовъ, остатковъ и т. п., и само питаніе было настолько избыточно обильно, что эта часть населенія и теперь не испытываетъ никакихъ дѣйствительныхъ лишеній, питается все еще выше обязательнаго для нея физіологическаго минимума. Такимъ образомъ, на трудящуюся, малоимущую массу переложили главное бремя продовольственнаго дефицита правящіе зажиточные классы Германіи. Эта масса получаетъ теперь едва двѣ трети того, что она привыкла получать въ мирное время, и на шестую часть меньше того, что ей физіологически необходимо для сохраненія нормальной трудоспособности и здоровья. Давленіе ея недовольства заставляетъ правящіе классы, правда, все болѣе и болѣе уменьшать разницу между своимъ и ея питаніемъ. За первые полтора года войны она завоевала двѣ пятыхъ, за послѣдующій годъ еще двѣ пятыхъ этой разницы и, возможно, добьется затѣмъ полнаго ея устраненія. Но даже при совершенномъ равенствѣ питанія (2125 кал. на среднюю душу) зажиточная восьмая часть населенія все же получала бы еще больше, чѣмъ съ нея достаточно согласно ея образу жизни и возрастному составу (1.934 кал.). Даже дальнѣйшее паденіе внутренняго производства продовольствія еще на 10% не причинило бы этой группѣ физіологическаго дефицита, а только свело бы питаніе ея и аграрнаго населенія къ тому уровню, на какомъ уже теперь стоитъ питаніе семи десятыхъ народа. Для работающаго физически народа этотъ уровень малъ, но для высшихъ 12% населенія достаточенъ. Отсюда отчасти объясняется то „спокойствіе патріотическаго героизма“, съ какимъ относятся къ блокадѣ зажиточные круги нѣмецкаго населенія. Они ея „не боятся“ и согласны „выдерживать“ (durchhalten) еще хоть рядъ лѣтъ — ибо она поражаетъ не ихъ, а трудящееся населеніе. При томъ поражаетъ не въ такой степени, чтобы сдѣлать жизнь немыслимой вслѣдствіе голода, а лишаетъ „только“ шестой части физіологическаго *минимума*, необходимаго для поддержанія *нормальной* работоспособности и *нормальнаго* здоровья.

XVI.

Уже при поверхностномъ просмотрѣ приведенныхъ выше таблицъ бросается въ глаза (если отвлечься отъ группы тяжело рабо-

тающихъ) правильное пониженіе дневныхъ раціоновъ отъ юныхъ возрастныхъ группъ къ болѣе взрослымъ. Кто моложе, на того больше выдается ѣды. Отчасти это сдѣлано для сохраненія будущаго и надежды націи — ея дѣтей. Отчасти нѣкоторые продукты, какъ, напр., картофель, выдаются на всѣхъ, даже на завѣдомо непотребляющихъ ихъ грудныхъ дѣтей, просто, чтобы поощрить многосемейныхъ, чтобы наличность въ семьѣ дѣтей считалась не проклятіемъ, а благословеніемъ, чтобы женщины не боялись рожать дѣтей, чтобы родители имѣли возможность повышать свое питаніе насчетъ ненужныхъ дѣтямъ избытковъ, напр., того же картофеля. Мы видѣли, что благодаря этой чертѣ нѣмецкой продовольственной политики на всѣхъ дѣтей и подростковъ малоимущаго неаграрнаго населенія приходится по 1970 калорій въ среднемъ на душу въ день (до 17 лѣтъ). Между тѣмъ физіологическая норма не требуетъ болѣе 1500 калорій для всѣхъ дѣтей моложе 15 лѣтъ взятыхъ вмѣстѣ. Слѣдовательно, можно считать безъ особой ошибки, что фактическій дневной раціонъ каждаго взрослаго возрастаетъ, благодаря такому внутрисемейному перераспредѣленію приблизительно на 400 калорій.

Подобное планомѣрное распредѣленіе ѣды между дѣтьми и взрослыми дѣлаетъ понятнымъ то удивительное явленіе, что смертность дѣтей понизилась въ Германіи за время войны и относительно и абсолютно. Въ этомъ отношеніи Германія является единственнымъ исключеніемъ среди всѣхъ воюющихъ странъ. Когда выяснился недостатокъ продовольствія, взрослое населеніе сознательно рѣшило принести себя въ жертву и усугубить недостатокъ для себя, лишь бы спасти дѣтей. Въ итогѣ, хотя уменьшилась рождаемость дѣтей (въ 1915 г. родилось только 75% нормальнаго количества, въ первую половину 1916 г. даже только 62%), но еще больше уменьшилась смертность грудныхъ младенцевъ, а равно смертность всѣхъ дѣтей до 15 лѣтъ. Между тѣмъ смертность всего населенія возросла: за 1915 г. она составила 19% противъ 15,8% послѣдняго мирнаго 1913 г. (сообщеніе Гельфферриха въ октябрьской сессіи рейхстага), т. е. увеличилась на 20%; слѣдовательно, смертность спеціально взрослаго населенія возросла еще больше. Для Берлина за первую половину 1916 г. сравнительно съ послѣднимъ мирнымъ 1913 г. имѣемъ для всѣхъ дѣтей до 15 лѣтъ вмѣстѣ уменьшеніе относительной смертности на 18,7% (абсолютно уменьшилась еще значительнѣе), а для всѣхъ взрослыхъ отъ 15 лѣтъ и старше, наоборотъ, увеличеніе смертности со 125 чел. до 167 чел. на каждыя десять тысячъ чел., т. е. на одну треть. Въ такой же приблизительно пропорціи повысилась заболѣваемость

взрослаго населенія. Офиціальный „Reichsarbeitsblatt“ ежемѣсячно приводитъ число больныхъ изъ числа всѣхъ членовъ аккуратно отчитывающейся части больничныхъ кассъ. Эти ежемѣсячные отчеты рѣдко охватываютъ меньше 10 милліоновъ рабочихъ и работницъ съ 16 лѣтъ. Предъ войной, на 1 іюля 1914 г., больныхъ состояло 8,5%. Постепенно повышаясь, по послѣднему отчету на 1 сентября н. ст. 1916 г. эта величина дошла уже до 12,15% — увеличеніе заболѣваемости взрослыхъ болѣе чѣмъ на двѣ пятыхъ. Наконецъ, подобный же результатъ дали осмотры и взвѣшиванія дѣтей городскихъ школъ, произведенные мѣстными самоуправленіями по просьбѣ правительства въ разныхъ частяхъ страны, съ одной стороны, — и съ другой — итоги наблюденія врачей надъ взрослымъ населеніемъ. Средній вѣсъ дѣтей не уменьшился и увеличеніе роста въ сантиметрахъ не замедлилось сравнительно съ мирнымъ временемъ. Наоборотъ, относительно взрослыхъ „Vorwärts“ сообщаетъ, напр., отъ 20 сент. н. ст. для Берлина о среднемъ пониженіи вѣса взрослыхъ на семь килограммовъ (почти полпуда) сравнительно съ вѣсомъ тѣхъ же лицъ въ мирное время — по массовымъ наблюденіямъ врачей. Большей частью, говорятъ врачи, произошло пока лишь удаленіе избыточнаго вѣса (сведеніе жира до размѣровъ, поддерживаемыхъ наличнымъ жировымъ питаніемъ и т. п.). „Пострадавшіе“ не жалуются обычно на пониженіе умственной или физической трудоспособности, но обезпокоены самымъ фактомъ столь замѣтнаго пониженія вѣса. Обычный рецептъ врачей — ждать конца войны и пока избѣгать лишнихъ движеній, безъ которыхъ можно обойтись (спортъ, прогулки и т. д.).

Изъ сказаннаго можно сдѣлать выводъ, что тяжесть продовольственной блокады, обрушилась, главнымъ, образомъ, на взрослое малоимущее населеніе. Когда подрастутъ теперешнія дѣти, Германія можетъ имѣть здоровое населеніе. Но въ переходные годы работоспособность населенія будетъ подорвана, у одной части взрослыхъ — трехлѣтнимъ пребываніемъ въ окопахъ, у другой — принятіемъ на себя всей тяжести продовольственной блокады, уменьшеніемъ вѣса и сопротивляемости организма (ростъ заболѣваемости), сокращеніемъ средней продолжительности жизни (ростъ смертности). Правда, и нынѣшній уровень нѣмецкой заболѣваемости и особенно смертности значительно ниже того, какой наблюдался въ Россіи даже въ мирное время (русская смертность въ 1909 г. безъ мертворожд. — 289 чел. на каждыя 10 тыс. жителей, а германская въ 1913 г. — 150 чел.). Имѣетъ значеніе и начавшееся абсолютное уменьшеніе населеніе — результатъ перевѣса смертности надъ рождаемостью. Благодаря этому даже при подрастаніи пока еще

юнаго поколѣнія запасъ личныхъ силъ Германіи нѣсколько лѣтъ не будетъ расти. Въ Германіи считаются къ тому же съ возможностью возникновенія послѣ войны эмиграціи за море, бѣгства наиболѣе подвижной части населенія отъ понизившагося уровня быта, отъ высокихъ налоговъ, отъ всего бремени, какое оставитъ война.

Но важнѣе всѣхъ этихъ будущихъ проблемъ — вопросъ о томъ, насколько сможетъ Германія обезпечить себѣ продовольствіе въ дальнѣйшемъ, на случай продолженія войны на четвертый годъ. Ибо если таяніе продовольственныхъ рессурсовъ продолжится тѣмъ же темпомъ, что первые три года, то не спасетъ никакая организація. Уменьшеніе „средняго" раціона для „средняго" человѣка (кромѣ мобилизованныхъ) составило во второмъ году войны сравнительно съ мирнымъ временемъ 784 калоріи, а въ третьемъ году еще дополнительно 733 калоріи. Правда, почти половина этого уменьшенія приходится на исчезновеніе привоза заграничнаго продовольствія (737 кал.) и нѣсколько болѣе половины остальной части — на усиленное потребленіе арміей. Если учесть это, то внутреннее производство пищи уменьшилось пока въ Германіи едва на восьмую часть (оно составляло до войны 2925 калор. на душу въ день). Но дальнѣйшее такое уменьшеніе сдѣлало бы положеніе уже въ высшей степени труднымъ, оно свело бы продовольственные рессурсы до 1800 калорій въ день на средняго человѣка вмѣсто наличныхъ теперь 2125 и вмѣсто 1951, получаемыхъ теперь малоимущимъ большинствомъ населенія. По общему признанію вопросъ о размѣрахъ туземнаго производства продовольствія зависитъ теперь въ Германіи отъ наличности рабочихъ рукъ. Другіе факторы сравнительно неподвижны. Живымъ инвентаремъ служитъ теперь, главнымъ образомъ, рогатый скотъ, и наличнаго корма, какъ показали повторныя переписи, хватаетъ для поддержанія приблизительнаго равновѣсія въ его составѣ. Мертвый инвентарь уже во второмъ году войны почти пересталъ возобновляться, и Гельфферихъ заявилъ недавно въ рейхстагѣ, что впредь почти вся производимая сталь будетъ идти на военныя нужды. Съ искусственнымъ удобреніемъ въ извѣстной мѣрѣ дѣло налажено, и измѣненій не ждутъ ни въ какую сторону. Климатическія вліянія въ Германіи обычно сказываются не особенно сильными колебаніями урожая, да и въ этомъ отношеніи послѣдніе годы были въ общемъ ниже средняго, такъ что еще дальнѣйшій „климатическій" прыжокъ внизъ считается мало вѣроятнымъ. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ рабочихъ рукахъ.

Въ текущемъ году принималось уже довольно много экстренныхъ мѣръ. Такъ, союзный совѣтъ издалъ законъ о пріостановкѣ

построекъ, даже такихъ зданій, какъ народныя школы, лишь бы освободить болѣе людей для сел.-хоз. работъ. Кое-гдѣ женъ мобилизованныхъ заставляли копать картошку и свеклу подъ угрозой лишить пособія при несогласіи (пока такія принудительныя работы имѣли мѣсто лишь въ немногихъ округахъ). Крайне широко практиковалась система отпусковъ на полевыя работы не только изъ резерва, но и изъ дѣйствующей арміи. Въ каждой деревнѣ должны были быть составлены списки, сколько не хватаетъ рабочихъ послѣ командировки туда всѣхъ безработныхъ изъ города и плѣнныхъ. Ландратъ долженъ былъ телеграфировать эти свѣдѣнія (и такія же свѣдѣнія отъ помѣщиковъ) начальнику военнаго округа, который высылалъ резервистовъ, а при недостаткѣ выписывалъ по телеграфу же изъ арміи солдатъ (лѣтняя пассивность Гинденбурга на восточномъ фронтѣ, быть можетъ, стоитъ въ связи съ этими массовыми отпусками). Наконецъ, плѣнныхъ сняли съ работъ по орошенію, осушенію и т. п. мелioраціямъ и перевели въ сельское хозяйство; правительство мотивировало это предъ рейхстагомъ соображеніемъ, что сейчасъ умѣстнѣе думать о старательномъ использованіи уже имѣющейся культурной площади, чѣмъ заботиться о ея расширеніи (все же за первые два года войны плѣнные превратили въ культурную землю около полумилліона гектаровъ пустырей, заболоченныхъ и т. п. мѣстъ).

Но массовые отпуски солдатъ могутъ примѣняться лишь въ краткіе промежутки особой настоятельности въ добавочныхъ силахъ — время сѣва, особенно время уборки хлѣбовъ. Да и вообще, сверхъ добавочныхъ сезонныхъ рабочихъ германскому сельскому хозяйству необходимъ нѣкоторый постоянный контингентъ, безъ наличности котораго оно не можетъ существовать. Сверхъ временно отпускаемыхъ съ фронта и изъ резервовъ солдатъ въ странѣ долженъ дѣйствовать при данномъ уровнѣ техники извѣстный минимумъ рабочихъ силъ. Какъ показываетъ необычайная устойчивость суммы числа занятыхъ лицъ за послѣдній періодъ, такой „минимумъ хозяйственнаго сжатія“ для Германіи уже приблизительно опредѣлился. Вопросъ идетъ, слѣдовательно, о возможности поддерживать численный составъ работающихъ и впредь на томъ же уровнѣ — и одновременно пополнять непрерывную убыль людей въ арміи. На первый взглядъ это кажется своего рода подобіемъ задачи найти квадратуру круга. Однако военный министръ заявилъ недавно въ бюджетной комиссіи рейхстага, что послѣ первыхъ двухъ лѣтъ войны Германія можетъ выдержать, если надо, вторые два года не только въ военномъ отношеніи, но и хозяйственно. Читателю любопытно будетъ остановиться вкратцѣ на данныхъ о рабо-

чихъ силахъ, которыя имѣются въ этомъ отношеніи — это единственное средство къ тому же для отвѣта, есть ли у Германіи шансы и на четвертый годъ обезпечить себѣ продовольствіе хотя бы въ нынѣшнемъ размѣрѣ.

XVII.

Передъ войной въ Германіи считалось около 12.800 тыс. мужчинъ и около 5800 тыс. женщинъ, занимавшихся какимъ бы то ни было наемнымъ трудомъ, отъ горничныхъ до рудокоповъ. Въ это число не включены только высшіе торгово-промышленные, конторскіе, техническіе и иные служащіе, получавшіе свыше $2^1/_2$ тыс. марокъ жалованья въ годъ (такихъ считалось 840 тыс. чел.). Изъ 18.600 тыс. чел., составлявшихъ въ своей совокупности то, что обычно именуется германскимъ пролетаріатомъ, были застрахованы въ больничныхъ кассахъ всѣ лица съ 16 лѣтъ (съ 1 янв. 1914 г. обязательное страхованіе отъ болѣзней распространено въ Германіи и на сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и на домашнюю прислугу, словомъ, на всѣхъ, кто еще не подлежалъ ему, а годомъ раньше обязательное страхованіе стало функціонировать и для торгово-промышленныхъ, конторскихъ и т. п. служащихъ). Статистика больничныхъ кассъ, ежемѣсячно публикуемая въ офиціальномъ „Reichsarbeitsblatt“, позволяетъ судить о колебаніяхъ въ числѣ занятыхъ въ Германіи наемнымъ трудомъ лицъ какъ за послѣднее полугодіе передъ войной, такъ и во все время войны. Къ сожалѣнію, не всѣ кассы отчитываются аккуратно, а только обнимающія свыше двухъ третей пролетаріата. Неаккуратность доставки отчетовъ распространяется на всѣ отрасли хозяйства и труда, такъ что свѣдѣнія напр. 6742 кассъ, занимавшихъ въ мирное время почти 13 милл. рабочихъ обоего пола, должны быть достаточно показательны. Правильная статистика была возстановлена черезъ пару мѣсяцевъ послѣ начала войны и съ тѣхъ поръ свѣдѣнія публикуются регулярно. Изъ членовъ упомянутыхъ 6742 кассъ передъ войной мужчинъ было 8431 тыс. и женщинъ 4541 тыс. Принимая довоенныя величины за сто, получаемъ такую таблицу.

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
1 іюля н. ст. 1914 г.	100	100	100
1 ноября н. ст. 1914 г.	72	85	76,6
1 января н. ст. 1915 г.	73	90	78,96
1 декабря н. ст. 1915 г.	64	103,5	77,9
1 сентября н. ст. 1916 г.	63,5	110,5	79,8

Внутри всего пролетаріата мѣняется соотношеніе между женщинами и мужчинами, но общая численность его, сжавшись сна-

чала подъ вліяніемъ войны, поддерживается затѣмъ все время на уровнѣ приблизительно четырехъ пятыхъ мирной численности (если не считать военноплѣнныхъ — не подлежащихъ страхованію отъ болѣзней: о нихъ ниже). Обращаетъ на себя вниманіе малый сравнительно приростъ женскаго труда, какъ бы противорѣчащій общепринятымъ представленіямъ на этотъ счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если для всѣхъ женщинъ измѣненія таковы, какъ для четырехъ пятыхъ ихъ, охваченныхъ упомянутыми 6742 больн. кассами, — а нѣтъ основаній думать иначе, — то весь приростъ ихъ за первые 25 мѣсяцевъ войны долженъ составлять всего 610 тыс. чел., а весь женскій пролетаріатъ на сент. н. ст. 1916 г. исчисляется всего въ 6410 тыс. чел. Но количество занимающихся наемной работой всякаго рода женщинъ росло въ Германіи послѣдніе годы въ такой прогрессіи, что и безъ войны возросло бы за 25 мѣсяцевъ на 400 тысячъ. Значитъ, дополнительный, такъ сказать сверхсмѣтный, притокъ женскихъ рабочихъ рукъ составляетъ всего 200 тыс. Имперское вѣдомство труда заинтересовалось вопросомъ, почему факты противорѣчатъ видимости. Оказывается, внутри самаго женскаго труда произошло большое перераспредѣленіе, и это создаетъ въ обществѣ представленіе о крупномъ увеличеніи количества женскаго труда. Измѣнилось лишь его качество: женщины въ большомъ числѣ бросили такія специфически „женскія" занятія, какъ служба домашней прислугой, и размѣстились въ лучше оплачиваемыхъ „мужскихъ" занятіяхъ: на военныхъ заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. — сверхъ того ткачихи и прядильщицы стали сел.-хоз. работницами и ходятъ за скотомъ, модистки и бѣлошвейки стали кондукторами трамваевъ и т. п.

Если въ случаѣ съ женскимъ трудомъ на первый взглядъ слишкомъ малымъ кажется ростъ, то мужской трудъ обращаетъ вниманіе медленностью таянія и почти полнымъ прекращеніемъ его въ послѣдніе три четверти года. Между тѣмъ послѣ того какъ въ первый же мѣсяцъ войны въ дополненіе къ арміи мирнаго состава было мобилизовано еще свыше 4-хъ милліоновъ человѣкъ, — дополнительныя мобилизаціи идутъ все время, почти не ослабѣвая и довольно равномѣрно, въ среднемъ по 200 тыс. чел. ежемѣсячно. Въ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи предъ открытіемъ рейхстага 28 сентября н. ст. правительство заявило, какъ извѣстно, что вмѣстѣ съ активной арміей и флотомъ всего мобилизовано было до тѣхъ поръ 15 % къ населенію мирнаго состава. Это даетъ 10.200 тыс. чел., а такъ какъ армія и флотъ мирнаго состава насчитывали 880 тыс. чел. („Ежег. Герм. Имп.", 1915), то собственно мобилизовано изъ гражданскаго населенія 9300 тыс. чел. (изъ нихъ около 4800 тыс.

въ августѣ н. ст. 1914 г. и затѣмъ постепенно еще 5 милл. въ дальнѣйшіе два года). Разумѣется, далеко не всѣ они взяты изъ наемныхъ рабочихъ [1]). Во-первыхъ, моложе 17 лѣтъ и старше 60 лѣтъ добровольцы встрѣчаются только какъ рѣдкое исключеніе. А изъ 12.800 тыс. мужчинъ рабочихъ на лицъ въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ приходилось предъ войной только 11.310 тыс. чел. Во-вторыхъ, если не считать иностранныхъ подданныхъ, арестантовъ, идіотовъ, умалишенныхъ, полныхъ калѣкъ и если принять во вниманіе естественное движеніе населенія за первые 7 мѣсяцевъ 1914 г., то къ моменту объявленія войны (1 августа н. ст.) въ Германіи имѣлось какъ разъ 17 милліоновъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Такъ какъ рабочихъ изъ нихъ 11,3 милл., то на прочихъ („буржуазія“, включая высшихъ служащихъ) приходится 5700 тыс. чел. и такъ какъ извѣстно возрастное подраздѣленіе рабочихъ и всего мужского населенія, то легко найти его для мужской „буржуазіи“ въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Среди нея оказывается пожилыхъ людей относительно больше, потому мобилизація должна была затронуть рабочихъ и прочихъ мужчинъ не вполнѣ пропорціонально ихъ численности. Именно на рабочихъ должно было прійтись около 6,3 милл., а на прочихъ 3 милл. чел. Остается еще присчитать юношей, достигшихъ 17 лѣтъ за первые 25 мѣсяцевъ войны и вычесть пожилыхъ людей, перешагнувшихъ за это время 60 лѣтъ, а также тѣхъ, кто долженъ былъ умереть изъ немо-

[1]) Конечно, не всѣ 10,2 милл. стоятъ до сихъ поръ подъ ружьемъ. Нѣмецкое правительство публикуетъ каждыя двѣ недѣли у А. Тиле въ Лейпцигѣ сводку всѣхъ потерь убитыми, плѣнными, умершими отъ болѣзней, тяжело и легко ранеными (издается для членовъ рейхстага; періодическая печать Германіи не должна воспроизводить этихъ сводокъ, но печатные экземпляры ихъ находятся въ обращеніи и даже попадаютъ въ Скандинавію). Если по этимъ сводкамъ отбросить попавшихъ въ плѣнъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и отсчитать тѣхъ, кто долженъ былъ умереть естественнымъ путемъ согласно проценту нормальной смертности мужчинъ даннаго возраста, то уже останется только 8400 тыс., изъ которыхъ надо отбросить еще до 1400 тыс. оставшихся въ живыхъ тяжело раненыхъ, отпускаемыхъ обычно домой или совсѣмъ или на безсрочную поправку. Слѣдовательно, фактически мобилизовано сейчасъ лишь около 7 милл. чел. Изъ нихъ надо отбросить флотъ, затѣмъ нѣсколько сотъ тысячъ на постоянно мѣняющееся населеніе лазаретовъ и нѣсколько сотъ тысячъ постоянно подготовляемыхъ къ вступленію въ настоящую армію и пока обучаемыхъ внутри страны рекрутъ. Остается около 6 милл., изъ нихъ четверть приходится на Armierungssoldaten (очень развитыя въ нѣмецкой арміи военно-рабочія команды). На дѣйствующую армію на всѣхъ фронтахъ приходится не болѣе 4$^1/_2$ милл. чел. — иначе сказать, Германія только поддерживаетъ свою армію на томъ уровнѣ, какого достигла уже лѣтомъ 1915 г., вовсе ея затѣмъ не увеличивая.

билизованныхъ естественнымъ путемъ (сколько изъ всѣхъ подрастающихъ юношей дѣлается рабочими, извѣстно изъ отчетовъ по страхованію рабочихъ; остальные пополняютъ составъ внѣрабочаго мужского населенія). Произведя эти нехитрые ариѳметическіе подсчеты, для которыхъ имѣются всѣ данныя, и вычтя изъ каждой группы ея мобилизованныхъ, получаемъ, что къ 1 сентября н. ст. 1917 г. въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ должно было бы имѣться налицо немобилизованныхъ мужчинъ:

рабочихъ. . . . . 5.750 тыс. чел.
прочихъ . . . . . 2.850 „ „

А между тѣмъ, судя по отчетамъ больничныхъ кассъ, обнимающихъ двѣ трети всего мужского пролетаріата страны, и при распространеніи свидѣтельствуемыхъ ими отношеній и на остальную треть, — противъ чего, какъ упомянуто, нѣтъ никакихъ соображеній, — въ дѣйствительности на 1 сентября н. ст. 1916 г. въ Германіи оказывается налицо 6850 тыс. немобилизованныхъ рабочихъ мужского пола въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Откуда они взялись? Они перетекли за время войны въ пролетаріатъ — единодушно свидѣтельствуетъ вся нѣмецкая пресса, изъ обширнаго слоя разоряемыхъ войной „маленькихъ людей“, какъ ихъ называютъ въ Германіи. Владѣльцы безчисленныхъ мелкихъ предпріятій и лавочекъ принуждены были проститься со своей самостоятельностью — часто очень невеселой и лишь иллюзорной, — и заняться наемнымъ трудомъ. Однихъ толкнулъ на это недостатокъ матеріаловъ для производства (въ Германіи числилось однихъ очень мелкихъ портновскихъ предпріятій до полумилліона, а о положеніи съ тканями сообщалось подробно въ корр. „Организов. пониженіе культуры“); другихъ вытолкнула въ ряды рабочихъ политика разныхъ монопольныхъ центровъ, часто неизбѣжная по техническимъ и общественнымъ соображеніямъ (неиспользованіе многихъ тысячъ мелкихъ мельницъ, закрытіе около десяти тысячъ булочныхъ, переводъ въ муниципальное вѣдѣніе разныхъ отраслей торговли и т. д.), иногда же руководимая еще своекорыстными соображеніями крупныхъ фирмъ, получившихъ преобладаніе въ разныхъ Kriegsgesellschaft'ахъ; третьи, наконецъ, лишены возможности продолжать ихъ маленькое самостоятельное дѣло сокращеніемъ покупательной способности обслуживавшихъ ими широкихъ круговъ малоимущаго населенія (сюда относятся, напр., многочисленные кафэ, — которые, кстати, именуются теперь въ Германіи „цикорнями“, Zichorienhaus, ибо настоящаго кофе давно нѣтъ).

Въ итогѣ за 25 мѣсяцевъ изъ немобилизованнаго нерабочаго мужского населенія въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ превратилось

въ рабочихъ почти 40% (1,1 милл. изъ 2,8 милл.), благодаря чему радикально измѣнилось соотношеніе между рабочимъ и нерабочимъ мужскимъ населеніемъ этого возраста. До войны первое относилось ко второму какъ два къ единицѣ (11,3 милл. раб. и 5,7 милл. прочихъ). Теперь оно относится почти какъ четыре къ единицѣ (6,8 милл. раб. и 1,7 милл. проч.). Надо полагать, когда вернутся домой уцѣлѣвшіе мобилизованные, и изъ нихъ значительная часть не сможетъ возобновить самостоятельныхъ очень маленькихъ ремесленныхъ или торговыхъ предпріятій, порой также крестьянскихъ. Вѣдь если принуждены были обратиться въ агентовъ чужой воли [1]) даже немобилизованные, то насколько труднѣе было продержаться собственному предпріятію мобилизованныхъ „маленькихъ людей", всецѣло оставленному на попеченіе неопытной въ руководствѣ дѣломъ жены или родственницы, живущей преимущественно на казенное и городское „солдаткино" пособіе. Послѣдствія этой перемѣны въ измѣненіи соотношенія частей среди взрослаго мужского населенія скажутся въ Германіи черезъ нѣкоторое время послѣ войны и въ политической области. Вѣдь, въ концѣ концовъ, изъ всего народа, поскольку онъ вообще имѣетъ вліяніе на направленіе политики, наибольшее значеніе имѣетъ пока взрослое мужское населеніе, и въ Германіи имѣется къ тому же налицо воспитательное воздѣйствіе всеобщаго избирательнаго права въ рейхстагѣ (изъ мужчинъ старше 60 лѣтъ въ Германіи приходится на занятыхъ наемнымъ трудомъ 460 тыс. чел. и на прочихъ 1760 тыс.).

Каково бы, однако, ни было значеніе этой перемѣны для будущаго — пока именно она сдѣлала возможнымъ сначала замедленіе, а потомъ почти полную пріостановку таянія численности мужского пролетаріата несмотря на продолжающіяся мобилизаціи. Въ 1915 г. война не дала еще такъ тяжело себѣ знать нѣмецкому „маленькому человѣку", какъ въ 1916 г. Массовое переливаніе въ пролетаріатъ изъ „прочихъ" наступаетъ только въ послѣднемъ году, и только въ немъ перестаетъ почти падать въ больничныхъ кассахъ численность мужчинъ. Отчеты о возрастномъ составѣ свидѣтельствуютъ, что сравнительно съ довоеннымъ временемъ почти не измѣнилось число занятыхъ наемнымъ трудомъ стариковъ (выше 60 лѣтъ) и дѣтей 16 лѣтъ. Если подобно этому не измѣнилось и число дѣтей 14 и 15 лѣтъ, то наемнымъ трудомъ сейчасъ занято около полутора милліоновъ стариковъ и дѣтей моложе 17 лѣтъ.

[1]) Иногда въ самомъ помѣщеніи прежняго самостоятельнаго предпріятія, напр. при открытіи городомъ собственныхъ яичныхъ, овощныхъ и иныхъ лавокъ и при наймѣ въ приказчики прежнихъ владѣльцевъ самостоятельныхъ овощныхъ и пр. лавочекъ.

Для полнаго учета мужского труда остаются еще военноплѣнные. Изъ весенняго доклада замѣстителя канцлера рейхстагу (кстати, эти доклады, — ихъ уже десять, — продаются свободно, высылаются книжными магазинами за границу), видно, что въ сельскомъ хозяйствѣ, горномъ дѣлѣ и прочихъ отрасляхъ труда занято въ Германіи лишь менѣе двухъ третей плѣнныхъ, приблизительно около 1070 тыс. чел. Конечно, трудъ ихъ можетъ быть названъ „наемнымъ" только съ сатирическимъ привкусомъ — имъ платятъ гораздо меньше туземныхъ наемныхъ рабочихъ, да и работа ихъ подневольная, а не по „свободному договору". Но такъ какъ они замѣщаютъ именно мобилизованныхъ наемныхъ рабочихъ, то присчитаемъ для полноты учета наличныхъ мужскихъ рабочихъ силъ, наличнаго пролетаріата — и этотъ суррогатъ его. Имѣемъ такую таблицу о составѣ мужского пролетаріата въ Германіи на 1 сентября н. ст. 1916 г.:

дѣтей и стариковъ	1500 тыс. чел.
рабочихъ отъ 17 до 60 лѣтъ	6850 „ „
в.-плѣнныхъ	1070 „ „

А всего 9429 тыс. чел. или на 26,3% меньше численности мужского пролетаріата передъ войной. Такъ какъ женщинъ—работницъ стало больше на 10,5% и число ихъ во всѣхъ отрасляхъ труда составляетъ теперь 6410 тыс. чел., то вся совокупность рабочихъ силъ по численности лишь на 15% ниже мирнаго уровня (15,8 милл. чел. противъ 18,6 милл.). Спрашивается, какъ военный министръ Германской имперіи хочетъ поддержать эту численность безъ умаленія, еще два года продолжая обычныя дополнительныя мобилизаціи И имѣя при этомъ еще въ виду, что придется замѣщать не только мобилизуемыхъ наемныхъ рабочихъ, но и крестьянъ? До сихъ поръ послѣднее могло совершаться силами женской половины деревни, но теперь эти рессурсы приходятъ къ концу — почему и начинаютъ то тамъ, то здѣсь, пока еще, правда, въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ, проявляться попытки привлечь къ обязательному сел.-хоз. труду и горожанокъ, женъ мобилизованныхъ горожанъ (хотя бы на короткій срокъ — копать картофель).

Численность аграрнаго населенія не растетъ въ Германіи въ послѣднія десятилѣтія, даже медленно понижается (съ 1895 по 1907 г. на 4,4%). Потому для примѣрной иллюстраціи можно воспользоваться подробными данными переписи 1907 г. — преуменьшенія не будетъ. Тогда въ сельскомъ хозяйствѣ (включая скотоводство, садоводство, огородничество, рыбную ловлю, лѣсное хозяйство) было занято 2172 тыс. мужчинъ въ качествѣ хозяевъ и при нихъ 1052 тыс. мужчинъ въ качествѣ помогающихъ родителямъ членовъ семействъ

отъ 14 лѣтъ (сверхъ того, почти 2 милл. наемныхъ рабочихъ-мужчинъ, но они учтены уже выше въ составѣ пролетаріата). Но лицъ въ возрастѣ 27—60 лѣтъ приходилось въ общемъ 2680 тыс. мужчинъ, изъ нихъ до 1 сентября н. ст. 1916 г. должно быть мобилизовано около 1300 тыс. чел. (ибо всего мужского населенія отъ 17 до 60 лѣтъ было предъ войной 17 милл., сверхъ арміи мирнаго состава, иностранцевъ, арестантовъ, умалишенныхъ, слѣпыхъ и т. п., да вступило въ этотъ возрастъ за 25 мѣс. еще полтора милл., а мобилизовано въ дополненіе къ арміи мирнаго состава всего 9300 тыс., какъ разъ около половины). Замѣстить ихъ можно было прежде всего тѣми женскими членами ихъ семействъ въ возрастѣ 17—60 лѣтъ, которые до того не принимали участія въ хозяйствѣ. Во главѣ сельскохозяйственныхъ предпріятій въ 1907 г. стояло 328 тыс. женщинъ, да изъ женскихъ членовъ семействъ старше 14 лѣтъ помогали родителямъ и мужьямъ 2841 тыс. чел. Сверхъ того, было 1796 тыс. женскихъ членовъ семействъ старше 14 лѣтъ, не помогавшихъ въ хозяйствѣ (и 136 тыс. мужскихъ старше 14 лѣтъ), изъ нихъ около 1070 тыс. въ возрастѣ отъ 17—60 лѣтъ. Послѣднія замѣнили четыре пятыхъ мобилизованныхъ сел.-хоз. производителей, а остальная пятая могла быть замѣнена трудомъ вчетверо большаго по количеству числа „четверть-работниковъ“ (мальчиковъ и дѣвочекъ 14—16 лѣтъ и пр.; сверхъ того имѣлось 5701 тыс. дѣтей обоего пола младше 14 лѣтъ). Такимъ образомъ, два года войны должны были совершенно исчерпать „внутренніе женскіе резервы“ самого нѣмецкаго крестьянства [1]) Дальнѣйшее таяніе состава мужского крестьянскаго населенія вслѣдствіе дополнительныхъ мобилизацій должно возмѣщаться въ Германіи притокомъ женщинъ уже изъ города (или плѣнныхъ и городскихъ мужчинъ, которые замѣщались бы въ городѣ женщинами). Если среди трудившихся въ германскомъ сельскомъ хозяйствѣ (кромѣ почти 2 милл. наемн. мужчинъ и $1^1/_2$ милл. наемн. женщинъ) до войны на одного мужчину приходилась приблизительно одна женщина, то теперь на каждыхъ двухъ мужчинъ приходится уже почти до пяти женщинъ. Въ крестьянскомъ

[1]) Часть мобилизованныхъ мужскихъ рабочихъ силъ была просто съэкономлена въ земледѣльческомъ производственномъ процессѣ благодаря закону 31 марта 1915 г. Этотъ законъ передалъ мѣстнымъ самоуправленіямъ обработку тѣхъ участковъ, собственники которыхъ не могутъ или не хотятъ обезпечить для этого надлежащее количество рабочихъ силъ. Централизація многихъ крестьянскихъ участковъ въ управленіи одного мѣстнаго самоуправленія позволила ему обойтись меньшимъ количествомъ рабочихъ, чѣмъ какое требовалось въ мирное время, когда приложеніе труда каждаго владѣльца было замкнуто границами его владѣнія. Упомянутый законъ продленъ пока до 1918 г.

хозяйствѣ Германіи женщина играетъ теперь роль гораздо болѣе крупную (около 79% всѣхъ рабочихъ силъ), чѣмъ во всемъ наемномъ пролетаріатѣ въ его совокупности, включая плѣнныхъ (404% женщинъ на 1 сент. н. ст. 1916 г.).

XVIII.

Теперь мы имѣемъ всѣ предпосылки для сужденія о размѣрахъ передвижки въ рабочихъ силахъ, какая потребовалась бы для объясненія расчета германскаго военнаго министра о веденіи войны полныхъ четыре года безъ обязательнаго банкротства въ „бюджетѣ рабочихъ силъ“ — основномъ и самомъ важномъ бюджетѣ страны. Состояніе на 1 сентября н. ст. 1916 г. изображено выше. До конца четырехъ лѣтъ остается 23 мѣсяца, въ теченіе которыхъ пришлось бы мобилизовать еще до 4600 тыс. мужчинъ въ возрастѣ 17—60 лѣтъ (предполагая, что нѣмцы не пожелали бы сократить армію умаленіемъ фронта, отходомъ къ линіямъ Вислы и Мааса, но продолжали бы поддерживать армію въ нынѣшнемъ составѣ). Такъ какъ изъ всѣхъ остающихся немобилизованными мужчинъ 17—60 лѣтъ (неиностранцевъ, неумалишенныхъ и т. д.) четыре пятыхъ приходится на наемныхъ рабочихъ, то изъ ихъ состава пришлось бы взять въ армію до 3700 тыс. чел. Принимая во вниманіе подрастающихъ, умирающихъ и старѣющихся за 23 мѣсяца, получили бы естественный ростъ мужского пролетаріата на 640 тыс. чел. Значитъ, если не будетъ новаго притока плѣнныхъ, то для замѣщенія дефицита въ пролетаріатѣ пришлось бы поставить на работу 3060 тыс. сейчасъ не работающихъ по найму или въ собственномъ производствѣ женщинъ. Къ этому надо прибавить дефицитъ въ крестьянствѣ, еще около пятой части этой величины (ибо мужское крестьянское немобилизованное населеніе 17—60 лѣтъ составляетъ сейчасъ, какъ выше приведено, величину, равную приблизительно пятой части немобилизованнаго мужского пролетаріата того же возраста). Всего, такимъ образомъ, къ концу четвертаго года пришлось бы отвлечь отъ домашняго очага, отъ дѣтей и изъ собственной кухни, еще около 3670 тыс. женщинъ. Только тогда Германія имѣла бы возможность производить очередныя сел.-хоз. работы, поддерживать движеніе поѣздовъ, добычу угля и т. д. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ на женскій трудъ приходилось бы тогда уже почти четыре пятыхъ всѣхъ его рабочихъ силъ (да и въ замѣтной части оно было бы фактически уже не крестьянскимъ, а муниципальнымъ), а въ пролетаріатѣ доля женщинъ достигла бы 59%, т. е. того уровня, на какомъ уже теперь стоитъ въ крестьянствѣ (было бы 9470 тыс.

наемныхъ работницъ, 5290 тыс. наемныхъ рабочихъ и 1070 тыс. плѣнныхъ, а всего тѣ же 15.830 тыс., что и теперь). Болѣе тяжелыя изъ выполняемыхъ пролетаріатомъ работъ (добыча угля и т. д.) лежали бы на $6^1/_3$ милл. мужчинъ, туземныхъ и плѣнныхъ, а остальное дѣлалось бы $9^1/_2$ милл. женщинъ.

Спрашивается, откуда нѣмцы разсчитываютъ взять $3^2/_3$ милл. женщинъ въ возрастѣ 17—60 лѣтъ, которыя до сихъ поръ не были заняты ни наемной работой, ни въ предпріятіи собственномъ, своего мужа или иныхъ своихъ родственниковъ? Такихъ женщинъ, начиная съ 14 лѣтъ, перепись 1907 г. насчитала 10,2 милл. чел., а съ приростомъ населенія ихъ должно быть не менѣе 11 милл. Изъ этого числа надо отбросить 1800 тыс. женскихъ членовъ крестьянскихъ семей, которыя уже привлечены къ дѣлу, затѣмъ 200 тыс. женщинъ, привлеченныхъ отъ домашняго очага въ активный женскій пролетаріатъ сверхъ нормальнаго его прироста (см. гл. XVII). далѣе свыше милліона неработающихъ дѣвочекъ 14—16 лѣтъ и почти два милл. неработающихъ женщинъ старше 60 лѣтъ. Остается въ качествѣ источника для пополненія мужского дефицита всего 5 милл. женщинъ въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Три четверти этого запаса пришлось бы поставить на работу, чтобы пополнить дефицитъ въ пролетаріатѣ и крестьянствѣ, какой создали бы дополнительныя мобилизаціи въ Германіи въ третьемъ и четвертомъ году войны. Верхняя десятая часть женщинъ принадлежитъ къ состоятельнымъ классамъ, и эта часть согласно распространенному тамъ мнѣнію мало пригодна для работъ въ производствѣ, развѣ что для замѣщенія горничныхъ и прислуги при центральныхъ кухняхъ т. п. Тѣмъ большая доля должна быть привлечена къ производительному труду женщинъ изъ народа. Понятна отсюда мысль о „всеобщей женской трудовой повинности“ въ параллель ко всеобщей воинской мужчинъ.

Понятно отсюда значеніе двухъ и отчасти уже осуществляемыхъ мѣропріятій. Одно — центральныя кухни, замѣняющія изготовленіе пищи на дому полученіемъ ея въ готовомъ видѣ въ столовыхъ городскихъ самоуправленій. Въ широкомъ стилѣ организація такихъ кухонь начата только теперь. Пока правительство еще не сдѣлало ее обязательной, но лишь рекомендовало городамъ приняться за дѣло энергичнѣе. Магистратъ Берлина (безъ предмѣстій) разсчитываетъ уже нынѣшней зимой довести количество ежедневно выдаваемыхъ порцій до шестисотъ тысячъ (т. е. для трети населенія). Нѣкоторыя городскія самоуправленія (Бременъ и др.) уже успѣли довести организацію центральныхъ кухонь почти до такого объема. Вообще же и предсѣдатель „Имп. продов. вѣдомства“ Бароцкій

и печать высказываются въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ „достаточной“ продолжительности войны придется перейти къ системѣ общеобязательныхъ центральныхъ кухонь. Тѣмъ самымъ женщина освободится отъ этой части домашней работы (с.-д. ставятъ условіемъ обязательность полученія пищи изъ центральныхъ кухонь и для зажиточныхъ классовъ, иначе не соглашаются на запрещеніе домашняго приготовленія пищи и малоимущимъ; изъ-за этого условія, — подразумѣвающаго полное устраненіе продовольственныхъ поблажекъ зажиточнымъ, — не состоялось предполагавшееся уже нынѣшней осенью объявленіе центральныхъ кухонь обязательными для всѣхъ, получающихъ казенное пособіе по случаю мобилизаціи мужа или отца).

Для привлеченія милліоновъ женщинъ къ производительному труду сверхъ разрѣшенія вопроса о кухнѣ требуется еще рѣшеніе вопроса о присмотрѣ за маленькими дѣтьми. Правительство взялось за совѣщанія по этому пункту уже съ весны 1916 г., подготовляя и здѣсь централизованно-планомѣрный подходъ къ дѣлу, чтобы въ надлежащій моментъ нужная организація могла возникать гладко и по мѣрѣ надобности. Программа рѣшенія вопроса опубликована въ докладѣ замѣстителя канцлера рейхстагу отъ 12 марта 1916 г. за № 225 на стр. 69: „для перевода (на фабрики) этихъ рабочихъ силъ требуется:

а) своевременно и основательно подучить ихъ,

б) облегчить временное оставленіе квартиръ: 1) Путемъ увеличенія возможности помѣщенія дѣтей (ясли, пункты призрѣнія и пр.); 2) Путемъ введенія на фабрикахъ смѣнъ продолжительностью въ половину рабочаго дня, чтобы сдѣлать возможнымъ оставленіе дѣтей хоть на нѣсколько часовъ; 3) Путемъ устройства безупречныхъ помѣщеній для пришлыхъ работницъ.

Докладъ указываетъ, что на эту тему происходятъ совѣщанія представителей военнаго вѣдомства, гражданской администраціи и рабочихъ организацій (въ первую очередь дѣло шло о рабочихъ и особенно работницахъ домашней промышленности, гдѣ освободилось много рабочихъ силъ въ связи съ недостаткомъ сырыхъ матеріаловъ).

Таковы, слѣдовательно, отношенія, ожиданія и мѣропріятія въ области подготовки обезпеченія страны рабочими силами. Тѣмъ самымъ дается отвѣтъ на вопросъ, насколько мыслимо еще два года поддержать производство вообще и въ частности продовольственное, производя въ то же время въ неуменьшающемся размѣрѣ дополнительныя мобилизаціи.

Стокгольмъ. **М. Лурье.**

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ.

Василій Ивановичъ Семевскій родился 25 декабря 1848 г. въ небогатой дворянской семьѣ въ г. Полоцкѣ. Родители его рано умерли, и В. И., будучи младшимъ изъ пяти братьевъ, остался на попеченіи старшаго брата, Михаила Ивановича, извѣстнаго впослѣдствіи редактора-издателя „Русской Старины“, и сестры своей, Софьи Ивановны, впослѣдствіи вышедшей замужъ за Лыкошина. Сестрѣ этой онъ обязанъ и своимъ первоначальнымъ обученіемъ. Въ 1859 г., на одиннадцатомъ году отъ роду, В. И. былъ помѣщенъ во 2-й петербургскій кадетскій корпусъ, откуда старшій братъ перевелъ его, по его просьбѣ, въ 1863 г. въ I петербургскую классическую гимназію, гдѣ В. И. и кончилъ курсъ въ 1866 г. съ золотой медалью. Уже въ гимназіи онъ проявлялъ большой интересъ къ историческимъ изслѣдованіямъ и зачитывался, по его собственнымъ словамъ, сочиненіями Костомарова, который уже тогда былъ для В. И. идеаломъ историка. Однако, по выходѣ изъ гимназіи, юный Семевскій вступилъ не на историко-филологическій факультетъ, а въ медико-хирургическую академію, „желая дополнить свое образованіе изученіемъ естественныхъ наукъ“. Здѣсь сказалось, конечно, то отношеніе къ естествознанію, которое въ то время съ особенною силою овладѣло умами молодежи подъ вліяніемъ Писарева. Въ академіи въ это время читали лекціи такіе превосходные профессора, какъ Груберъ, Зининъ и Сѣченовъ. Василій Ивановичъ исправно ихъ слушалъ, исправно посѣщалъ анатомическій театръ и лабораторіи и сдавалъ успѣшно курсовые экзамены, но все же въ академіи не удержался. Черезъ два года, слѣдуя своему коренному влеченію, онъ перешелъ въ петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, который не блисталъ въ то время особенно выдающимися представителями исторической науки, за исключеніемъ развѣ одного К. Н. Бестужева-Рюмина, читавшаго русскую исторію. Блестяще окончивъ курсъ черезъ четыре года (въ 1872 г.), Семевскій оставленъ былъ при университетѣ, не-

смотря на то, что во время прохожденія университетскаго курса ему случилось навлечь на себя неудовольствіе университетскаго начальства своимъ участіемъ въ студенческой делегаціи, выразившей нежеланіе слушать лекціи одного изъ тогдашнихъ ученыхъ педантовъ, молодого еще тогда проф. Замысловскаго. Эту исторію молодому Семевскому впослѣдствіи припомнили, когда начались у него, на почвѣ политическихъ разномыслій, болѣе существенныя столкновенія съ его патрономъ Бестужевымъ-Рюминымъ, при каѳедрѣ котораго онъ былъ оставленъ.

Личная жизнь молодого студента не легко въ это время складывалась. Хотя братъ его не отказывалъ ему въ средствахъ существованія, но у брата этого былъ настолько тяжелый характеръ, что В. И. не могъ съ нимъ ужиться и, уйдя отъ него, принужденъ былъ рано стать на свои собственныя ноги, снискивая себѣ пропитаніе дурно оплачивавшимися уроками и постоянно живя пополамъ съ нуждой. Къ этому времени окончательно сложилось его міросозерцаніе прямолинейнаго народника начала 70-хъ гг., какимъ онъ и остался потомъ въ сущности на всю жизнь. Къ этому же времени онъ выработалъ себѣ и тотъ суровый и строго размѣренный личный режимъ, которому потомъ такъ же неизмѣнно слѣдовалъ въ жизни. Сознаніе неоплатности долга интеллегенціи народу легло въ основу его существованія: необходимо было такъ устроить свою жизнь, чтобы принести, на избранномъ для себя поприщѣ дѣятельности, всю ту пользу народу, какую онъ могъ принести по своимъ силамъ. Исходя изъ этого основного принципа, В. И. усвоилъ себѣ своеобразныя правила гигіены, направленныя къ тому, чтобы развить и сохранить наибольшую трудоспособность, и эти правила соблюдалъ потомъ, по свидѣтельству его близкихъ, всю жизнь неотступно. Рано вставалъ, умѣренно питался, не позволялъ себѣ никакихъ развлеченій. Изъ этой своеобразной гигіены исключено было совершенно понятіе о полномъ отдыхѣ: отдыхъ замѣнялся перемѣной занятій, которыя располагались такимъ образомъ, чтобы, когда голова наиболѣе свѣжа, давать ей занятія, требующія наибольшаго напряженія; когда же она устанетъ, замѣнять ихъ болѣе легкими, напр., корректурою, писаніемъ писемъ, въ которыхъ В. И. былъ всегда очень аккуратенъ, и т. п. Впослѣдствіи, даже принимая посѣтителей въ назначенные для этого часы, В. И. не оставался совершенно празднымъ: разговаривая, онъ разрѣзалъ новыя книги, или дѣлалъ что-нибудь аналогичное этому.

Научныя заданія Василія Ивановича съ самаго начала его научной дѣятельности сложились довольно опредѣленно. Подъ вліяніемъ своего народническаго направленія, В. И. рѣшилъ посвятить

себя изученію исторіи крестьянъ въ Россіи, избравъ при этомъ своею спеціальностью вѣкъ Екатерины, какъ такую эпоху, когда крѣпостное право достигло своего апогея и когда въ обществѣ впервые началась и борьба съ нимъ. Въ то время исторія крестьянъ была разработана очень еще недостаточно, при томъ почти исключительно въ юридическомъ отношеніи, хозяйственныя же условія крестьянскаго быта и развитія крѣпостныхъ отношеній почти совершенно не были затронуты изслѣдованіемъ. Во главѣ существовавшихъ тогда работъ, посвященныхъ исторіи крестьянъ, стояла извѣстная книга проф. Бѣляева „Крестьяне на Руси", основанная почти исключительно на юридическихъ документахъ; на ряду съ ней имѣлось нѣсколько спеціальныхъ статей, основанныхъ на данныхъ лѣтописей и немногихъ изученныхъ тогда государственныхъ актовъ. Статьи эти принадлежали Погодину, Костомарову, К. Аксакову, Чичерину, Побѣдоносцеву, Кавелину, Вешнякову. Всѣ онѣ почти совсѣмъ не касались исторіи хозяйственнаго быта и хозяйственныхъ отношеній, обусловившихъ какъ происхожденіе, такъ и развитіе крѣпостного права и помѣщичьяго крѣпостного хозяйства въ Россіи. Самый вопросъ о происхожденіи крѣпостного права представлялся еще нерѣшеннымъ и спорнымъ. Царствованіе же Екатерины — эпоха, когда крѣпостныя отношенія въ Россіи оформились окончательно, — почти совсѣмъ не было затронуто историческими изслѣдованіями внутренней народной жизни, хотя русское историческое общество и начало уже тогда публикованіе „матеріаловъ Екатерининской комиссіи уложенія" подъ руководствомъ покойнаго Д. В. Полѣнова. Къ изученію народной жизни этой эпохи и рѣшилъ направить всѣ свои усилія молодой начинающій ученый, не пренебрегая въ то же время подробнымъ и внимательнымъ изученіемъ какъ русской исторической литературы, такъ и трудовъ иностранныхъ историковъ, направленныхъ на изслѣдованіе народной жизни въ другихъ странахъ.

Съ 1874 г. начинаютъ уже появляться и первые печатные результаты этой работы: сперва въ „Русской Старинѣ", основанной въ 1870 г. братомъ В. И., потомъ въ „Вѣстникѣ Европы", „Отечественныхъ Запискахъ", „Древней и Новой Россіи" и „Русской Мысли". Почти десять лѣтъ усидчиваго, кропотливаго труда, преимущественно въ тиши московскихъ архивовъ, употребилъ Вас. Ив. на изученіе положенія крестьянъ и крестьянскаго вопроса при Екатеринѣ, прежде чѣмъ рѣшился свести результаты этой огромной работы въ объемистомъ первомъ томѣ „Исторіи крестьянъ при Екатеринѣ", изданномъ въ свѣтъ въ 1881 г. и явившемся его магистерской диссертаціей. Появленію въ свѣтъ этой книги пред-

шествовала замѣчательная статья въ „Русской Мысли“, напечатанная В. И. въ этомъ журналѣ въ моментъ исполнившейся двадцатилѣтней годовщины со времени отмѣны крѣпостнаго права въ Россіи. Статья эта носила заглавіе: „Не пора ли написать исторію крестьянъ въ Россіи?“ Въ ней давался обстоятельный обзоръ всѣхъ имѣвшихся налицо подготовительныхъ работъ для осуществленія такой задачи, давался и отчетъ самого автора о его собственныхъ научныхъ работахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ излагались и его взгляды на задачи современнаго русскаго историка, — взгляды, которымъ онъ остался вѣренъ и впослѣдствіи и которыми опредѣлилась и вся его дальнѣйшая ученая работа и дѣятельность. Наконецъ статья эта являлась своего рода манифестомъ или воззваніемъ, обращеннымъ молодымъ, но уже достаточно опытнымъ историкомъ русской народной жизни къ другимъ молодымъ начинающимъ научнымъ силамъ, выходящимъ на арену русской исторической науки. Часть этой статьи была включена затѣмъ В. И. во введеніе къ его книгѣ и вызвала противъ него большое неудовольствіе его патрона К. Н. Бестужева-Рюмина, поставившаго условіемъ допущенія его къ защитѣ дессертаціи исключеніе этой части введенія изъ его книги. Такимъ образомъ статья эта во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ особаго нашего вниманія.

Въ началѣ этой статьи В. И. доказывалъ, что въ наше время основной задачей историка должно являться не изученіе и изображеніе внѣшнихъ фактовъ — войнъ, дипломатическихъ сношеній, біографій выдающихся правителей и вождей, — а изслѣдованіе и воспроизведеніе исторіи внутренней народной жизни, отъ развитія которой зависятъ и внѣшніе факты государственной жизни и международныхъ сношеній. Указывая, что въ новѣйшее время въ исторіографіи всѣхъ странъ замѣчается сознаніе этой необходимости, В. И. Семевскій отмѣчалъ, однакоже, что поворотъ этотъ проявляется пока, главнымъ образомъ, въ различныхъ историческихъ монографіяхъ, но еще почти не касается общихъ трудовъ по исторіи отдѣльныхъ странъ. Отмѣчая стремленіе отдѣльныхъ историковъ къ изученію исторіи культуры, онъ указывалъ, что въ этомъ отношеніи все же главнымъ предметомъ изученія является исторія умственнаго развитія, а не исторія хозяйственнаго быта, которая составляетъ основу народной жизни. Изученіе этой основы народной жизни, по его мнѣнію, и должно сдѣлаться въ будущемъ основной задачей историковъ. При этомъ В. И. старался показать на нѣсколькихъ примѣрахъ новѣйшей русской исторіи, какую огромную практическую важность имѣетъ изученіе этой стороны народной жизни. По его мнѣнію, недостачнымъ знакомствомъ съ исторіей хозяйственной жизни кре-

стьянъ объясняются въ значительной мѣрѣ и тѣ недочеты крестьянской реформы въ Россіи, которые къ началу 80-хъ гг. сказались уже достаточно ясно. Тутъ онъ коснулся и того неоплатнаго долга передъ народомъ, который лежитъ на интеллигенціи, вспоенной и вскормленной на народныя средства, — долга, въ уплатѣ котораго можетъ и долженъ, по мнѣнію В. И., принимать посильное участіе и каждый сознательно относящійся къ требованіямъ жизни историкъ. Высказывая, такимъ образомъ, типическое міросозерцаніе народника 70-хъ гг., В. И. попутно протестовалъ въ этой части своей статьи и противъ увлеченія различными политическими теоріями въ ущербъ гораздо болѣе важнымъ требованіямъ соціальнаго характера. Здѣсь выраженъ былъ также весьма характерный для тогдашняго народника взглядъ на второстепенное значеніе политическихъ реформъ съ точки зрѣнія интересовъ народныхъ массъ въ сравненіи съ болѣе глубокими соціальными преобразованіями.

Давъ затѣмъ краткій, но содержательный обзоръ существовавшей въ то время литературы по исторіи крестьянъ въ Россіи, В. И. пришелъ къ выводу, что, несмотря на довольно значительный списокъ именъ, богатство литературы по исторіи крестьянъ въ Россіи оказывается, въ сущности, призрачнымъ. Онъ указывалъ, что если сдѣлать сводъ всего изслѣдованнаго, то все же отнюдь нельзя будетъ составить сколько-нибудь полную исторію крестьянъ въ Россіи: жизнь народа оказывалась слишкомъ мало изученной во всѣхъ этихъ работахъ въ экономическомъ и бытовомъ отношенія. Что касается изданныхъ сырыхъ матеріаловъ для изученія народной жизни, то въ этомъ отношеніи повезло гораздо больше до-петровской эпохѣ, нежели послѣдующему времени. Особенно скуднымъ оказывался запасъ собранныхъ данныхъ для освѣщенія исторіи крестьянъ въ XVIII и XIX вѣкахъ. Указавъ на тѣ данныя, которыя опубликованы по этой части въ тогдашнихъ историческихъ и нѣкоторыхъ общихъ журналахъ и отмѣтивъ важность появившихся тогда трехъ первыхъ томовъ матеріаловъ екатерининской комиссіи, изданныхъ подъ редакціей Полѣнова, а также такихъ мемуаровъ, какъ записки Болотова и Добрынина и жизнеописаніе гр. Сиверса, составленное Блумомъ, В. И. признавалъ недостаточность этого матеріала для выясненія исторіи крестьянъ въ XVIII в. Онъ жаловался, что въ историческихъ изслѣдованіяхъ и изученіяхъ замѣчается излишнее стремленіе къ центру и изученію центральной, государственной жизни въ ущербъ провинціальной и на недостаточность мѣстныхъ изслѣдованій.

Основными источниками для изученія исторіи крестьянства и выясненія развитія хозяйственной жизни страны В. И. считалъ такіе

архивные матеріалы, какъ писцовыя книги XVI и XVII столѣтій, тогда еще очень мало изученныя, какъ данныя генеральнаго межеванія, въ особенности, такъ наз., „экономическія примѣчанія", и какъ „Румянцевская опись" Малороссіи XVIII вѣка. Указывая на нетронутыя почти изслѣдованіями сокровища московскихъ и провинціальныхъ архивовъ, В. И. призывалъ молодыхъ русскихъ историковъ посвятить свои силы на изученіе этихъ матеріаловъ, обѣщая имъ тутъ, на основаніи личнаго опыта, богатую жатву. Обращаясь затѣмъ къ поставленному въ заголовкѣ статьи вопросу, В. И. заявлялъ, что при тогдашнемъ состояніи разработки основныхъ матеріаловъ и источниковъ, написать научно-разработанную исторію крестьянъ въ Россіи являлось въ тотъ моментъ дѣломъ, во всякомъ случаѣ, непосильнымъ для одного человѣка. Онъ полагалъ, что для подготовки и завершенія этой задачи необходимъ настойчивый трудъ, по крайней мѣрѣ, десятка ученыхъ въ теченіе 10—15 лѣтъ. Поэтому-то онъ и выражалъ пожеланіе, чтобы рядъ молодыхъ начинающихъ ученыхъ посвятилъ сполна свои силы на изслѣдованіе прежде всего архивныхъ данныхъ для освѣщенія въ особенности эпохъ XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ. „И тогда, — заявлялъ В. И., — если настоящая исторія крестьянъ еще и не будетъ сполна написана, — то будетъ, по крайней мѣрѣ, собранъ достаточный и достаточно надежный для этого матеріалъ. А тогда, — продолжалъ онъ, — будьте увѣрены, — явятся ученые съ художественнымъ талантомъ Костомарова, которые, не становясь чернорабочими, не зарываясь на многіе годы въ архивы, какъ поневолѣ приходится дѣлать теперь, сольютъ результаты предшествующихъ трудовъ въ одно цѣлое, соединятъ детали, которыя въ свое время были нужны для правильнаго общаго вывода, и дадутъ намъ художественную исторію русскаго мужика". Тогда можно будетъ дать и для самого народа общедоступную и на научныхъ данныхъ основанную его исторію.

Таковъ былъ тотъ, можно сказать, подвижническій и, какъ онъ выражался, чернорабочій трудъ, на который звалъ В. И. молодыхъ русскихъ ученыхъ. Самъ онъ уже давно избралъ эту дорогу и въ теченіе 10 лѣтъ выполнилъ на ней значительный этапъ, избравъ для себя детальное изученіе по архивнымъ даннымъ исторіи крестьянъ во второй половинѣ XVIII в. „Важность этого періода въ жизни народа, — писалъ В. И. въ той же статьѣ, — не подлежитъ сомнѣнію: относительно крестьянъ крѣпостныхъ — окончательное закрѣпленіе власти помѣщиковъ, напротивъ, для принадлежавшихъ духовенству — освобожденіе отъ ига барщинныхъ и иныхъ повинностей въ пользу монастырей, нѣкоторыхъ церквей, архіереевъ и синода и причисленіе этихъ крестьянъ къ государственнымъ, для

дворцовыхъ — окончательный переходъ отъ барщинной системы къ оброчной, т. е. другими словами тоже почти уравненіе съ казеннымъ земледѣльческимъ населеніемъ; среди горнозаводскихъ — обширное волненіе и постепенное, но медленное улучшеніе ихъ быта, подготовившее освобожденіе ихъ отъ обязательныхъ работъ при Александрѣ I; для казенныхъ крестьянъ (черносошныхъ и однодворцевъ) — участіе черезъ своихъ депутатовъ въ законодательной комиссіи. Наконецъ, цѣлый рядъ войнъ, страшно увеличившихъ тяжесть податей, но, съ другой стороны, открывшій новый благодатный край для колонизаціи, и, наконецъ, все это освѣщено заревомъ Пугачевскаго пожара — это ли не интересный и важный сюжетъ для историческаго изслѣдованія". Таковы были мотивы его многолѣтней работы. Онъ давалъ тутъ же и планъ своего труда, который предполагалъ уже тогда раздѣлить на три тома. Онъ предполагалъ изучить каждый изъ перечисленныхъ разрядовъ крестьянъ отдѣльно, при томъ исключительно въ коренныхъ великорусскихъ губерніяхъ и Сибири, отказываясь отъ изслѣдованія исторіи крестьянъ въ Малороссіи и въ Западномъ краѣ, такъ какъ историческая судьба ихъ здѣсь была совершенно иная. Затѣмъ, за изученіемъ всѣхъ разрядовъ великороссійскихъ крестьянъ въ частности, у него долженъ былъ слѣдовать общій обзоръ ихъ экономическаго и домашняго быта. Здѣсь предполагалось прежде всего разсмотрѣть, такъ сказать, „активъ крестьянскаго бюджета", т. е. подробно изучить народные промыслы, разсмотрѣть всевозможные заработки, размѣры и формы заработной платы въ связи съ цѣнами на хлѣбъ и др. жизненные припасы. Затѣмъ изучить „пассивъ крестьянской экономіи", т. е. подати и повинности. Затѣмъ предполагалось сгруппировать многочисленныя для второй половины XVIII в. данныя о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, семейной жизни, увеселеніяхъ, нравственномъ и умственномъ уровнѣ народа, а также и его общественныхъ, общинныхъ и религіозныхъ отношеніяхъ. Наконецъ, здѣсь же предполагалось изобразить и участіе крестьянъ въ Пугачевщинѣ. Подобный же планъ, по мнѣнію В. И., могъ бы быть принятъ и для исторіи крестьянъ въ Малороссіи. Далѣе сообщались въ статьѣ нѣкоторыя методологическія указанія и соображенія о возможномъ раздѣленіи труда по изслѣдованію исторіи крестьянъ разныхъ разрядовъ и въ разныя эпохи между отдѣльными изслѣдователями и, наконецъ, давалась общая характеристика того архивнаго матеріала, который уже изученъ былъ самимъ авторомъ въ трехъ важнѣйшихъ московскихъ архивахъ, а именно: въ архивѣ министерства юстиціи, гдѣ для изученія однихъ только сенатскихъ дѣлъ екатерининскаго царствованія изслѣдователю приходилось, чтобы только оріентироваться въ этихъ

дѣлахъ, пересмотрѣть нѣсколько десятковъ рукописныхъ описей, изъ которыхъ каждая составляетъ толстый томъ in folio; затѣмъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сверхъ разныхъ собраній государственныхъ актовъ, жалованныхъ грамотъ и т. п. имѣется еще важный семейный архивъ одного изъ вельможъ екатерининскаго времени, кн. А. М. Голицына; наконецъ, въ межевомъ архивѣ, гдѣ хранились дѣла генеральнаго межеванія — тѣ самыя „экономическія примѣчанія", которыя являются самыми цѣнными документами, опредѣлявшими хозяйственное устройство помѣщичьихъ имѣній и помѣщичьихъ крестьянъ и которыя В. И. считалъ особенно важнымъ источникомъ для изученія положенія крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ. Наконецъ, въ статьѣ давался бѣглый обзоръ содержанія и нѣкоторыхъ петербургскихъ архивовъ, изъ числа которыхъ авторъ успѣлъ къ тому времени основательно поработать въ сенатскомъ архивѣ, въ архивѣ II отдѣленія и въ архивѣ вольно-экономическаго общества, а также въ нѣкоторыхъ архивахъ министерства государственныхъ имуществъ. Въ примѣчаніи В. И. сообщалъ списокъ наиболѣе важныхъ петербургскихъ и провинціальныхъ архивовъ, въ которыхъ по его соображеніямъ могли быть важные матеріалы для исторіи крестьянъ, но гдѣ онъ лично тогда еще не успѣлъ поработать.

Указывая въ послѣднихъ строкахъ статьи, что онъ посвящаетъ ее молодымъ изслѣдователямъ русской исторіи, авторъ писалъ: „Мы не скрыли того, что работа по этому предмету (т. е. по исторіи крестьянъ) въ настоящее время очень трудна и вовсе не эффектна, но надѣемся, что намъ удалось высказать нѣсколько вѣскихъ соображеній въ пользу необходимости такихъ трудовъ".

Въ этой статьѣ вполнѣ обрисовались уже взгляды В. И. на задачи исторической науки. В. И., какъ видно изъ этой статьи, не интересовался, такъ называемыми, по нынѣшней терминологіи номотетическими задачами исторіи и основной смыслъ труда историка видѣлъ въ осуществленіи задачъ чисто идіографическихъ. Съ необыкновенною скромностью смотря на свой кропотливый и въ высшей степени добросовѣстный трудъ изслѣдователя сырыхъ матеріаловъ исторіи, какъ на трудъ чернорабочій и подготовительный, онъ считалъ, что все назначеніе подобныхъ подготовительныхъ трудовъ заключается въ томъ, чтобы, расчистивъ дебри и выяснивъ добросовѣстнымъ критическимъ изслѣдованіемъ разобранныхъ сырыхъ матеріаловъ (главнымъ образомъ архивныхъ) положеніе народной жизни и народнаго хозяйства въ ту или иную эпоху, дать возможность, въ концѣ концовъ, историку, обладающему особымъ художественнымъ дарованіемъ („талантомъ Костомарова"), свести

всѣ эти разрозненныя изслѣдованія въ общую картину исторіи народной жизни. Дать такую картину, основанную на строго научно-провѣренныхъ данныхъ, онъ считалъ, повидимому, высшимъ назначеніемъ историка высшаго порядка — историка-художника. Себя онъ къ числу такихъ не причислялъ и задачей всей своей жизни поставилъ разработку сырыхъ историческихъ матеріаловъ, освѣщающихъ ту или иную эпоху народной и общественной жизни.

Въ теченіе послѣдующихъ 35 лѣтъ В. И. далъ русской исторической наукѣ рядъ весьма цѣнныхъ, — а по полнотѣ и добросовѣстности разработки собранныхъ въ нихъ историческихъ данныхъ можно сказать классическихъ — монографій, изъ которыхъ каждая представляла объемистый томъ или даже, чаще, два объемистыхъ тома весьма обстоятельнаго изслѣдованія: по исторіи крестьянъ при Екатеринѣ, по исторіи крестьянскаго вопроса, по исторіи рабочихъ на золотыхъ промыслахъ и по исторіи общественнаго движенія или идеологіи русской интеллигенціи (декабристовъ и петрашевцевъ). Каждая изъ этихъ монографій основана на изученіи огромнаго сырого, архивнаго матеріала, но несмотря на то, что самъ изслѣдователь считалъ своею задачею лишь подготовительную и даже какъ бы подчиненную функцію въ той общей задачѣ, которую онъ ставилъ исторической русской наукѣ, каждая его монографія отнюдь не была простымъ извлеченіемъ или подборомъ наиболѣе существенныхъ данныхъ по изученію той или иной категоріи историческихъ явленій. Каждая изъ нихъ являлась законченнымъ произведеніемъ, дающимъ прекрасно разработанную и полную картину жизни извѣстной эпохи, несмотря на то, что авторъ не чувствовалъ въ себѣ, какъ онъ говорилъ, того художественнаго дара, который присущъ такимъ историкамъ-художникамъ, какъ Костомаровъ, или какъ Макколей, и несмотря на то, что такого художественнаго дара у него дѣйствительно не было. Одинъ изъ современныхъ русскихъ историковъ, П. Н. Милюковъ выразился недавно въ мастерскомъ этюдѣ, посвященномъ памяти В. И. Семевскаго, что монографіи его не читались, а изучались. Это выраженіе можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что работы В. И., являясь цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку, оставались недоступными болѣе широкой читающей публикѣ. Но такое заключеніе было бы вовсе не вѣрно, потому что, если капитальныя монографіи В. И. Семевскаго и были не подъ силу по своему объему рядовому читателю, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ онѣ, написанныя вполнѣ доступнымъ и простымъ литературнымъ языкомъ, прежде чѣмъ появиться въ сведенномъ окончательно видѣ въ формѣ объемистыхъ томовъ, проведены были, въ видѣ длиннаго ряда журнальныхъ статей или историче-

скихъ очерковъ, черезъ наиболѣе распространенные и наиболѣе читаемые общіе литературные или популярно-историческіе журналы. И такимъ образомъ, совершенно правъ былъ тотъ же писатель, когда онъ сказалъ въ началѣ своего этюда, что покойный В. И. „умеръ, какъ жилъ за серьезной работой, посвященной просвѣтленію русскаго общественнаго сознанія". И дѣйствительно, каждая изъ послѣдующихъ работъ В. И., служа разработкѣ основныхъ проблемъ исторіи русскаго народа, въ то же время предназначалась и къ непосредственному просвѣтленію русскаго общественнаго сознанія, къ непосредственному воздѣйствію на болѣе или менѣе обширный кругъ образованныхъ русскихъ читателей.

I томъ „Исторіи крестьянъ при Екатеринѣ" появился въ концѣ 1881 г. Онъ печатался въ ученыхъ запискахъ филологическаго факультета петербургскаго университета, въ качествѣ диссертаціи на степень магистра русской исторіи. Во введеніи къ этому тому была перепечатана въ значительной своей части та статья В. И., которую мы только что изложили. Происходило это вскорѣ послѣ 1 марта 1881 г., когда въ обществѣ, испуганномъ катастрофой, началась замѣтная реакція. Поэтому и К. Н. Бестужеву-Рюмину, оцѣнкѣ котораго подлежала въ первую очередь печатаемая магистерская диссертація, показались совершенно недопустимыми тѣ упреки крестьянской реформѣ, которые были сдѣланы въ этой статьѣ и которые въ настоящее время едва ли кѣмъ-либо могутъ серьезно оспариваться. Но тогда эти упреки показались Бестужеву-Рюмину затрагивающими память почившаго императора, главнымъ дѣломъ котораго считалась крестьянская реформа. Онъ предложилъ В. И. Семевскому исключить эту главу введенія, грозя, что въ противномъ случаѣ не допуститъ его къ защитѣ представленной диссертаціи. Когда же В. И., возражая Бестужеву, сказалъ, что тотъ хочетъ такимъ образомъ ввести въ науку „офиціальную ложь по случаю траура", то Бестужевъ-Рюминъ настолько разсердился, что, дѣйствительно-наотрѣзъ отказался допустить Семевскаго къ защитѣ диссертаціи въ петербургскомъ университетѣ. И когда В. И. рѣшилъ защищать свою диссертацію въ московскомъ университетѣ, то Бестужевъ-Рюминъ пытался уговорить и тамошнихъ профессоровъ (въ частности Н. А. Попова) отвергнуть ее и въ Москвѣ. Однако московскіе профессора отнеслись къ дѣлу иначе, диссертація была принята и послѣ интереснаго и содержательнаго диспута, въ которомъ активное участіе принялъ В. О. Ключевскій, В. И. былъ признанъ магистромъ русской исторіи.

Нападки Бестужева-Рюмина этимъ, однако, не ограничились, и онъ попытался не допустить В.И. Семевскаго уже, послѣ признанія

его магистромъ, къ чтенію лекцій въ петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента; ему удалось даже настоять на этомъ въ засѣданіи филологическаго факультета, но дѣло, по требованію В. И., было перенесено въ совѣтъ, и здѣсь, благодаря возраженіямъ Сергѣевича и Андреевскаго, домогательства Бестужева-Рюмина были отвергнуты, и молодой историкъ допущенъ былъ къ чтенію лекцій.

Въ I томѣ „Крестьяне при Екатеринѣ“ изложена была въ 13 главахъ I части этого тома исторія помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ. Здѣсь выяснена была численность крѣпостныхъ крестьянъ, территоріальное распространеніе крѣпостного права въ великорусскихъ губерніяхъ, положеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ и численное соотношеніе тѣхъ и другихъ, а равно и количество земли, которымъ они пользовались, и повинности, которыя они отбывали въ пользу помѣщика, при чемъ положеніе ихъ было сопоставлено съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ во Франціи, Германіи, Польшѣ, Остзейскомъ краѣ и Малороссіи. Затѣмъ изслѣдована была поземельная община и общинные порядки у крѣпостныхъ крестьянъ, а равно и вліяніе помѣщиковъ на мірское землепользованіе. Изслѣдовано было положеніе различныхъ категорій дворовыхъ; переселеніе крестьянъ, продажа крѣпостныхъ съ землей и безъ земли; наказанія, какимъ крѣпостные крестьяне подвергались, и неистовства и злоупотребленія помѣщиковъ, а также мѣры, которыя противъ такихъ злоупотребленій принимались правительствомъ. Далѣе изслѣдована была помѣщичья администрація въ различныхъ ея проявленіяхъ, степень культурнаго вліянія помѣщиковъ, вмѣшательство помѣщиковъ въ семейный бытъ крѣпостныхъ и возникшій на почвѣ этихъ отношеній помѣщичій развратъ; затѣмъ имущественныя отношенія крѣпостныхъ крестьянъ по закону и на практикѣ; повинности крѣпостныхъ въ пользу государства, положеніе вольноотпущенныхъ. Далѣе были разсмотрѣны: побѣги крѣпостныхъ, отношеніе къ бѣглымъ законодательства и политика Екатерины по отношенію къ бѣглымъ въ связи съ ея колонизаціонной политикой; наконецъ убійства помѣщиковъ и волненія крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Екатерины (за исключеніемъ Пугачевщины, которая должна была составить предметъ особаго изслѣдованія).

Пять главъ 2-й части этого тома посвящены были исторіи поссессіонныхъ крестьянъ, при чемъ выяснено было происхожденіе отдѣльныхъ категорій этой группы крестьянъ, ихъ численность и ихъ правовое и экономическое положеніе, ихъ зависимость отъ фабрикантовъ. Затѣмъ отдѣльно разсмотрѣна исторія борьбы за свои права казенныхъ мастеровыхъ; положеніе поссессіонныхъ кре-

стьянъ на уральскихъ заводахъ; положеніе ихъ на суконныхъ фабрикахъ и, наконецъ, положеніе рабочихъ на поссессіонныхъ фабрикахъ въ первые годы XIX вѣка на основаніи данныхъ, собранныхъ мануфактуръ-коллегіей уже послѣ смерти Екатерины, при внукѣ ея Александрѣ въ 1803 г.

Уже изъ одного бѣлаго перечня содержанія этого тома видно, насколько полная картина положенія крѣпостныхъ и поссессіонныхъ крестьянъ при Екатеринѣ была дана обстоятельнымъ изслѣдованіемъ В. И. Семевскаго.

По окончаніи этого тома В. И. не приступилъ тотчасъ же къ продолженію этого главнаго своего труда. Второй томъ его, посвященный столь же подробному изслѣдованію исторіи многочисленныхъ категорій государственныхъ крестьянъ, изданъ былъ лишь черезъ 20 лѣтъ послѣ перваго тома — въ 1901 г.

Восьмидесятые годы В. И. отчасти посвятилъ чтенію лекцій, въ петербургскомъ университетѣ, главнымъ образомъ, по „исторіи крестьянскаго вопроса въ связи съ исторіей внутренняго быта Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.“, отчасти разработкѣ исторіи крестьянскаго вопроса по архивнымъ даннымъ. Лекціи В. И. сразу же привлекли массу слушателей, при чемъ его слушали студенты всѣхъ факультетовъ. Однако вознегодовавшій на него Бестужевъ-Рюминъ не унимался въ своихъ преслѣдованіяхъ, которыя охотно поддерживались и другими реакціонно-настроенными профессорами филологическаго факультета, такъ что, въ концѣ концовъ, ректоръ Андреевскій вынужденъ былъ посовѣтовать въ 1884 г. молодому приватъ-доценту хотя на время пріостановить свой курсъ. Но когда въ томъ же году самъ Бестужевъ-Рюминъ ушелъ изъ университета, курсъ Семевскаго былъ возобновленъ, но, къ сожалѣнію, ненадолго, ибо, послѣ введенія въ петербургскомъ университетѣ новаго устава 1884 г., тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ рѣшилъ окончательно воспретить ему чтеніе лекцій въ университетѣ, что и состоялось въ 1886 году. Въ теченіе кратковременнаго періода академической дѣятельности В. И. дважды возникала для него возможность получить каѳедру въ провинціальныхъ университетахъ. Но оба раза кандидатура его потерпѣла неудачу. Въ первый разъ она была выставлена въ 1882 г. въ харьковскомъ университетѣ, но тамъ она встрѣтила возраженіе со стороны проф. В. Б. Антоновича, который противопоставилъ кандидатурѣ В. И. Семевскаго кандидатуру своего ученика Д. И. Багалѣя, отстаивая его, какъ знатока мѣстной украинской исторіи, особенно важной для харьковскаго университета. Эти соображенія признаны были правильными и самимъ В. И. Второй разъ кандидатура В. И.

выставлена была въ слѣдующемъ году въ новороссійскомъ университетѣ, гдѣ противъ нея ополчились мѣстныя реакціонныя силы, главнымъ образомъ, въ лицѣ профессоровъ Кочубинскаго и Кудрявцева, которымъ и удалось восторжествовать въ совѣтѣ, хотя факультетъ и выбралъ В. И. большинствомъ голосовъ.

Послѣ насильственнаго прекращенія его лекцій въ петербургскомъ университетѣ, В. И. оставалось сосредоточить свою научно-преподавательскую работу въ своемъ собственномъ кабинетѣ, что онъ и сдѣлалъ. Дѣятельность эта продолжалась затѣмъ почти до конца жизни В. И. и достигла особенно крупныхъ размѣровъ въ 90-е годы. Цѣлый рядъ молодыхъ слушателей и учениковъ обоего пола воспользовался не только его глубокими научными познаніями, но и его задушевными взглядами на запросы современной народной и государственной жизни.

Что касается исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи, то начало этой работы В. И. относится, собственно, къ концу 70-хъ гг., такъ какъ исторія крестьянскаго вопроса въ XVIII в., какъ до Екатерины, та и при Екатеринѣ, была имъ разработана параллельно съ матеріалами, положенными въ основу I тома его исторіи крестьянъ при Екатеринѣ, и рядъ статей на эту тему былъ имъ напечатанъ еще въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1878 г. Статьи эти въ нѣсколько переработанномъ и расширенномъ видѣ составили потомъ первую часть перваго тома новаго его труда, изданнаго въ двухъ большихъ томахъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1888 году и представленнаго имъ тогда же въ московскій университетъ въ качествѣ докторской диссертаціи. Исторію крестьянскаго вопроса В. И. понималъ, какъ характеристику отношенія законодательства, общества и литературы къ вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Соотвѣтственно этому, ему предстояло изучить исторію всѣхъ правительственныхъ начинаній и мѣропріятій въ этой области, исторію отдѣльныхъ случаевъ общественнаго и частнаго почина въ дѣлѣ улучшенія положенія крестьянъ и, наконецъ, всю литературу XVIII и XIX вв., такъ или иначе затрагивавшую этотъ вопросъ.

Свою грандіозную задачу В. И. выполнилъ, можно сказать, исчерпывающимъ образомъ. При этомъ опять таки въ значительной мѣрѣ этотъ трудъ его былъ основанъ на использованіи массы неизданныхъ источниковъ, хранящихся въ архивахъ. Сверхъ того, Василію Ивановичу пришлось воспользоваться значительнымъ печатнымъ матеріаломъ мемуаровъ и монографій. Наконецъ, ему пришлось детально изучить массу литературнаго матеріала, содержащагося въ русскихъ журналахъ, а также въ старинныхъ брошюрахъ,

трактатахъ и различнаго рода изданіяхъ, выходившихъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Полноту изученія этой огромной литературы нельзя не признать поразительной. Въ результатѣ, въ I томѣ этого сочиненія Семевскій далъ подробное обозрѣніе какъ правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію крѣпостного права Петромъ, Екатериной, Павломъ и Александромъ I, такъ и взглядовъ частныхъ лицъ на крѣпостное право и необходимость полной его отмѣны или болѣе или менѣе существеннаго ограниченія. Здѣсь впервые русское общество познакомилось въ стройномъ и послѣдовательномъ изложеніи съ освободительными стремленіями извѣстнаго друга царевны Софьи кн. В. В. Голицына, съ либеральными мечтаніями Екатерины, съ сужденіями отдѣльныхъ членовъ знаменитой комиссіи уложенія, съ мнѣніями, представленными по почину Екатерины въ вольно-экономическое общество въ 1765 г., съ взглядами различныхъ сподвижниковъ Екатерины на крестьянскій вопросъ, съ сужденіями по крестьянскому вопросу въ тогдашней литературѣ. Тутъ же изложенъ былъ ходъ дѣла по прикрѣпленію при Екатеринѣ малороссійскихъ посполитыхъ казаковъ и освѣщено значеніе пугачевщины въ исторіи крестьянскаго вопроса. Въ результатѣ, дано было и общее заключеніе о роли царствованія Екатерины въ крѣпостномъ вопросѣ. Столь же основательно изложены и разобраны во 2-й части этого тома всѣ проекты и мѣры по крестьянскому вопросу Павловскаго и Александровскаго царствованій, а также и сужденія тогдашней литературы и отношеніе къ крестьянскому вопросу различныхъ членовъ тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ и отдѣльныхъ выдающихся государственныхъ людей того времени и, наконецъ, подведены итоги всей дѣятельности императора Александра по крестьянскому вопросу.

Второй томъ далъ еще болѣе новаго, прекрасно разработаннаго и освѣщеннаго матеріала, нежели первый. Онъ цѣликомъ посвященъ эпохѣ Николая I, исторіи многочисленныхъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, чрезвычайно подробно описанныхъ, оцѣнкѣ взглядовъ и дѣйствій самого императора Николая и окружавшихъ его лицъ, исторіи новыхъ общественныхъ и литературныхъ теченій того времени, въ связи съ новыми настроеніями, возникшими въ сороковыхъ годахъ въ средѣ самого дворянства нѣкоторыхъ губерній.

Здѣсь же изложена и исторія многочисленныхъ крестьянскихъ волненій, происходившихъ въ царствованіе Николая и не оставшихся, въ свою очередь, безъ вліянія на настроеніе правительства и дворянства; наконецъ здѣсь указана роль заграничной русской литературы, особенно въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія.

Разъ начавъ изученіе исторіи крестьянскаго вопроса и вліянія на его развитіе общества и литературы, В. И. не могъ не заинтересоваться общимъ ходомъ общественнаго движенія въ Россіи, развитіемъ въ ней тѣхъ освободительныхъ идей и настроеній, въ прямой связи съ которыми находилось и отношеніе различныхъ общественныхъ группъ къ крестьянскому вопросу. Отсюда естественный переходъ къ изученію исторіи общественнаго движенія и той идеологіи передовыхъ группъ и кружковъ русской интеллигенціи, которые готовы были такъ или иначе бороться противъ крѣпостного права и крѣпостного режима и вообще за права и интересы народа.

Однако, прежде чѣмъ вплотную приняться за изученіе этой новой сферы явленій, В. И предстояло разрѣшить двѣ другія задачи. Съ одной стороны, ему сдѣлано было, еще во время чтенія имъ лекцій въ петербургскомъ университетѣ, однимъ изъ его слушателей, И. М. Сибиряковымъ, уроженцемъ Сибири и богатымъ золотопромышленникомъ, предложеніе взять на себя составленіе исторіи пріисковыхъ рабочихъ въ Сибири, при чемъ на осуществленіе соотвѣтствующихъ изслѣдованій И. М. Сибиряковъ давалъ достаточныя денежныя средства. Предложеніе это показалось В. И. достаточно интереснымъ, чтобы имъ заняться, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ, что для исторіи рабочаго класса въ Россіи сдѣлано еще меньше, нежели для исторіи крестьянъ. Онъ рѣшился принять это предложеніе съ условіемъ, что приступитъ къ исполненію этой задачи послѣ напечатанія своего изслѣдованія по исторіи крестьянскаго вопроса. Съ другой стороны, онъ самъ давно чувствовалъ необходимость продвинуть далѣе свою основную задачу — исторію крестьянъ при Екатеринѣ и приступить къ составленію 2-го тома этой монографіи. Исполненію этихъ двухъ заданій и были посвящены у него девяностые годы.

Для изслѣдованія исторіи пріисковыхъ рабочихъ В. И. обратился сперва къ соотвѣтствующимъ столичнымъ архивамъ: но когда онъ приступилъ было, на основаніи собранныхъ въ этихъ архивахъ данныхъ, къ составленію предположенной монографіи, то скоро убѣдился, что имѣющихся у него матеріаловъ недостаточно для исчерпывающаго изложенія исторіи пріисковыхъ рабочихъ. Оказалось, что въ изслѣдованныхъ архивахъ недостаточно данныхъ для исторіи быта и экономическаго положенія этихъ рабочихъ. Для пополненія этихъ данныхъ В. И. рѣшился предпринять поѣздку въ отдаленнѣйшія мѣста Западной и Восточной Сибири, чтобы въ мѣстныхъ сибирскихъ архивахъ получить интересующія его свѣдѣнія, а вмѣстѣ и непосредственно познакомиться съ бытомъ и условіями

работъ прiисковыхъ рабочихъ. На средства, данныя ему Сибиряковымъ, онъ объѣхалъ въ теченіе $6^1/_2$ мѣсяцевъ въ 1891 г. не только тѣ города Сибири, въ которыхъ находились интересующіе его архивы областныхъ и горныхъ управленій, но добрался до архивовъ уѣздныхъ и горныхъ полицейскихъ управленій и даже волостныхъ правленій и прiисковыхъ конторъ и не успокоился, пока не собралъ достаточный, по его мнѣнію, матеріалъ, который онъ и отправлялъ цѣлыми тюками изъ Сибири въ Петербургъ. Въ концѣ концовъ, онъ собралъ данныя изъ цѣлыхъ 32 архивовъ, разработка которыхъ потребовала затѣмъ нѣсколькихъ лѣтъ новаго упорнаго труда. Въ результатѣ, изслѣдованіе его, давшее обстоятельную монографію по исторіи сибирской золотопромышленности и быта прiисковыхъ рабочихъ, составило два объемистыхъ тома, которые и были изданы въ 1898 году.

Покончивъ съ этой работой, въ сущности выходившей за предѣлы предначертаннаго имъ себѣ круга работъ, В. И. обратился къ окончательному составленію II тома исторіи крестьянъ при Екатеринѣ, включивъ въ нее, какъ уже упомянуто было ранѣе, полную исторію всѣхъ разнообразныхъ категорій государственныхъ крестьянъ при Екатеринѣ. Работа эта была выполнена имъ согласно первоначально предположенной имъ программѣ, уже очерченной нами. По объему томъ этотъ оказался еще болѣе толстымъ, нежели I томъ его труда. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ 1901 году. Вслѣдъ за тѣмъ потребовалось новое изданіе I тома, къ тому времени распроданнаго, и поэтому, вслѣдъ за изданіемъ II тома, В. И. и приступилъ къ переработкѣ перваго тома и дополненію его новыми матеріалами, мало измѣнившими основное его содержаніе, но порядочно обогатившими его новыми цѣнными данными. Томъ этотъ вышелъ въ свѣтъ въ 1903 г.

Только послѣ того В. И. рѣшился приступить къ давно манившей его работѣ по изслѣдованію на основаніи архивныхъ данныхъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ, исторіи декабристовъ. Какъ разъ въ 1903 г. ему удалось получить разрѣшеніе на пользованіе матеріалами этого архива, къ чему онъ и не замедлилъ обратиться. Архивъ этотъ заключаетъ болѣе 500 дѣлъ о декабристахъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ весьма объемисты. Тѣмъ не менѣе В. И. не ограничился и въ этомъ случаѣ данными одного этого архива. Много цѣнныхъ дополненій онъ нашелъ вскорѣ въ извѣстномъ архивѣ Тургеневыхъ, поступившемъ въ 1906 г. въ Академію Наукъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ архивахъ. Съ 1905 г. начали появляться въ печати отдѣльныя изслѣдованія и статьи В. И., относящіяся частью къ отдѣльнымъ декабристамъ, частью

и къ исторіи идей Александрова царствованія, въ особенности идей Сперанскаго, декабристовъ-масоновъ и Николая Тургенева, а также крестьянскаго вопроса въ обществахъ декабристовъ. Библіографія этихъ статей, разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ, указана въ предисловіи къ главному труду В. И. о декабристахъ. Трудъ этотъ появился въ 1909 г. подъ заглавіемъ „Политическія и общественныя идеи декабристовъ". Во введеніи къ нему данъ обстоятельный обзоръ проектовъ преобразованія политическаго строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX в. Затѣмъ въ рядѣ обширныхъ главъ дана характеристика нашего политическато и общественнаго строя и правительственной дѣятельности при императорѣ Александрѣ; подробно изслѣдованы источники вольномыслія декабристовъ въ условіяхъ ихъ образованія, во вліяніи на нихъ непосредственнаго знакомства съ Европой, въ томъ чтеніи книгъ, относительно котораго можно было собрать опредѣленныя свѣдѣнія, наконецъ, во вліяніи на нихъ различныхъ современныхъ имъ событій; затѣмъ данъ подробный очеркъ масонской дѣятельности и масонскихъ связей членовъ тайныхъ обществъ и вліянія на нихъ европейскихъ карбонаріевъ. Далѣе изложены проекты образованія тайныхъ обществъ М. Ѳ. Орлова и гр Дмитріева-Мамонова и затѣмъ изложена исторія союза спасенія и союза благоденствія. Затѣмъ изложены весьма обстоятельно и подробно конституціонные проекты Никиты Муравьева, Батенькова и Пестеля и взгляды членовъ общества соединенныхъ славянъ. Далѣе, въ рядѣ главъ изложены предположенія декабристовъ, касающіяся судебной реформы, реформированія военнаго строя, свободы печати и крестьянскаго вопроса. Наконецъ, въ заключительной главѣ вновь сопоставлены и разобраны политическіе взгляды наиболѣе выдающихся членовъ тайныхъ обществъ и дана общая оцѣнка, какъ этимъ взглядамъ, такъ и тому вліянію, какое они могли имѣть на политическое развитіе русскаго общества.

Съ выводами автора и оцѣнкою тѣхъ или иныхъ взглядовъ можно, конечно, соглашаться или не соглашаться, и здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробную ихъ критику. Но нельзя не признать полной объективности и точности въ изложеніи этихъ взглядовъ и потому нельзя не согласиться съ выраженнымъ уже въ литературѣ мнѣніемъ, что и этотъ трудъ В. И. Семевскаго надолго останется первостепеннымъ и надежнымъ пособіемъ для лицъ, приступающихъ къ изученію исторіи политическихъ и соціальныхъ идей въ Россіи.

Посвятивъ столько времени и силъ на изученіе исторіи идей декабристовъ, В. И. не остановился на этомъ и въ послѣдніе годы своей жизни далъ еще два изслѣдованія по исторіи общественныхъ

идей въ русскомъ обществѣ. Это небольшое по объему, но весьма содержательное изслѣдованіе „Кирилло-Мееодіевское общество 1846—47 гг.“, помѣщенное въ двухъ книжкахъ „Русскаго Богатства“ за 1911 г. (№№ 5 и 6), и весьма значительныя по объему, но еще не сведенныя въ одно цѣлое, его статьи о Петрашевскомъ и петрашевцахъ, печатавшіяся въ послѣдніе годы въ редактировавшемся имъ самимъ, вмѣстѣ съ С. П. Мельгуновымъ, журналѣ „Голосъ Минувшаго“. Статьи эти, вмѣстѣ съ помѣщенными въ разное время въ разныхъ другихъ изданіяхъ очерками и статьями на ту же тему, вѣроятно, были бы въ непродолжительномъ времени сведены въ одно цѣлое самимъ В. И., если бы неожиданная и совершенно внезапная смерть не прекратила его плодотворной научной работы въ самый моментъ ея совершенія.

Остался не написаннымъ и третій томъ основного его труда — исторіи крестьянъ при Екатеринѣ, хотя отдѣльныя части его, въ видѣ нѣсколькихъ напечатанныхъ статей, давно уже имѣются въ наличности.

Хотя В. И. дожилъ до преклоннаго возраста, онъ не собирался такъ скоро встрѣтить смерть. Близкіе его мнѣ говорили, что, никогда почти не хворая и ведя строгій размѣренный образъ жизни, онъ полагалъ, что проживетъ еще достаточно времени, чтобы закончить всѣ принятые имъ на себя труды. Я слышалъ, что въ оставшихся послѣ него многочисленныхъ папкахъ имѣется много ненапечатанныхъ записей, замѣтокъ и другихъ собранныхъ имъ матеріаловъ, внимательной разборки и разработки которыхъ надо желать въ интересахъ русской исторической науки. Многія, частью напечатанныя, частью и ненапечатанныя, свои статьи онъ самъ приготовлялъ, какъ слышно, къ изданію. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы это его намѣреніе получило осуществленіе.

Во всякомъ случаѣ, о немъ болѣе, чѣмъ о комъ бы то ни было изъ современныхъ ему тружениковъ и созидателей исторіи, можно сказать, что онъ сдѣлалъ довольно — больше, чѣмъ обыкновенно можетъ придтись на долю одного, хотя бы и въ высшей степени трудоспособнаго человѣка.

Начало его трудовъ относится къ настолько уже отдаленному отъ насъ времени, и вся сумма его работъ при этомъ настолько объединена единствомъ цѣли и научныхъ пріемовъ работы, что мы не можемъ сказать, что для нихъ не наступила еще пора общей объективной оцѣнки. Но разумѣется, такая оцѣнка не можетъ быть сдѣлана въ краткомъ обзорѣ, подобномъ настоящему. Здѣсь же мы можемъ сказать то, въ чемъ мы убѣждены уже давно, — что значеніе работъ В. И. для русской исторической науки весьма

велико и что работы его надолго останутся въ ней однимъ изъ краеугольныхъ камней или, лучше сказать, устоевъ, къ которымъ долго еще придется пристраиваться каждому историку русской народной жизни въ научныхъ своихъ построеніяхъ.

Но этимъ его заслуги передъ русской исторіей не ограничиваются. Несомнѣнно, та его статья о задачахъ русской исторической науки, которую онъ напечаталъ 35 лѣтъ тому назадъ и въ которой заключено было такое искреннее воззваніе къ молодымъ начинающимъ историкамъ, возымѣла свое дѣйствіе, а можетъ быть еще болѣе, чѣмъ эта статья, возымѣлъ свое дѣйствіе личный примѣръ этого подвижника исторической науки и важность опубликованныхъ имъ результатовъ его изслѣдованій. Охота къ подобнымъ изслѣдованіямъ росла въ послѣдующіе годы довольно быстро. Писцовыя книги и другіе архивные матеріалы, скрывавшіе въ себѣ данныя о судьбахъ русскаго крестьянства въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, привлекли къ себѣ вниманіе ряда талантливыхъ изслѣдователей, и съ легкой руки В. И. Семевскаго теперь мы имѣемъ рядъ превосходныхъ монографій, посвященныхъ исторіи экономическихъ отношеній и народнаго быта въ эти вѣка.

Образъ В. И. остался бы, однако, далеко не законченнымъ, если бы мы представили его себѣ только, какъ замѣчательнаго историка и упустили бы изъ вида его непосредственное участіе въ современной общественной и политической жизни, къ событіямъ которой онъ далеко не оставался равнодушнымъ. Отзывчивость его въ этомъ отношеніи прежде всего выражалась въ той широкой поддержкѣ и нравственной, въ видѣ личнаго участія, и въ видѣ непосредственныхъ хлопотъ и ходатайствъ за многочисленныхъ участниковъ и участницъ того освободительнаго движенія, которое развивалось въ Россіи съ начала 60-хъ гг. и до революціи 1905 г., а затѣмъ и послѣ того, когда вновь наступили времена тусклой реакціи. Въ этомъ отношеніи В. И. всегда готовъ былъ, бросивъ свои обычныя занятія, бѣгать по департаментамъ и вліятельнымъ лицамъ, съ которыми его случайно сталкивала судьба, готовъ былъ жертвовать единственнымъ, принадлежавшимъ ему сокровищемъ, своей библіотекой, посылая изъ нея какія угодно цѣнныя и рѣдкія книги въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, съ явной опасностью эти книги утратить. Въ 1905 г., когда выпущены были долголѣтніе узники Шлиссельбургской крѣпости и образовался комитетъ для ихъ поддержки, В. И. сдѣлался душой этого комитета, принимая живѣйшее участіе въ составленіи и редактированіи Шлиссельбургскаго сборника, и даже самыя засѣданія Шлиссельбургскаго комитета, кажется, чаще всего происходили у него на квартирѣ.

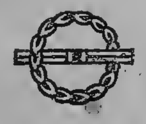
Въ январѣ 1905 г., когда происходила памятная гапоновская исторія, В. И. участвовалъ въ томъ собраніи передовой петербургской интеллигенціи, которая собралась въ редакціи „Сына Отечества“ 8 января и лихорадочно обсуждала мѣры къ предотвращенію кровопролитнаго побоища, которое, для всѣхъ очевидно, должно было послѣдовать на другой день. Василій Ивановичъ былъ избранъ тогда собравшимися въ число тѣхъ 12-ти членовъ депутаціи, которая отправлена была къ властямъ предержащимъ (гр. Витте и кн. Святополкъ-Мирскому) съ цѣлью убѣдить ихъ не примѣнять военныхъ мѣръ противъ рабочихъ, намѣревавшихся, въ видѣ мирной процессіи, идти на дворцовую площадь, чтобы представить свои ходатайства лично государю. Миссія этой депутаціи, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ, а сами депутаты, принятые по недоразумѣнію за членовъ импровизированнаго „временнаго правительства“, попали въ Петропавловскую крѣпость, въ которой, такимъ образомъ, пришлось провести двѣ недѣли и В. И. Семевскому.

Въ концѣ 1905 г., когда появились, послѣ манифеста 17 октября, открытыя политическія партіи, В. И. явился однимъ изъ учредителей партіи соціалистовъ-народниковъ, въ которой онъ затѣмъ и состоялъ членомъ ея центральнаго комитета.

Изъ числа общественныхъ учрежденій неполитическаго характера В. И. участвовалъ въ Литературномъ фондѣ и одно время состоялъ и въ его комитетѣ. Близкое участіе онъ принималъ также въ 90-хъ гг. въ союзѣ писателей вплоть до его закрытія въ 1901 г. и состоялъ въ немъ членомъ писательскаго суда чести.

Имя В. И. пользовалось всеобщимъ уваженіемъ и, кажется, никто даже изъ самыхъ крайнихъ его противниковъ, никогда не рѣшился бы отвергать безусловную чистоту и высокій нравственный авторитетъ этого безусловно-честнаго человѣка.

А. Корниловъ.

С. Н. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ.

I.

Творчество г. Сергѣева-Ценскаго крайне своеобразно, и прямымъ слѣдствіемъ этого является одно, на первый взглядъ косвенное, обстоятельство. А именно: на судьбѣ этого писателя, какъ на фонѣ, чрезвычайно характерно вырисовывается психологическій обликъ современнаго читателя.

О послѣднемъ можно сказать, что онъ еще не забылъ Сергѣева-Ценскаго; но если спросить рядового читателя, что же именно помнитъ онъ объ этомъ писателѣ, то, обнаружится, помнитъ онъ, что въ расказѣ „Береговое" у кого-то лицо похоже на улицу, у кого-то — на колокольный звонъ и еще не мало чудачествъ въ томъ же родѣ. „Береговое" самая популярная вещь Сергѣева-Ценскаго, ее если не всѣ читали, то всѣ про нее слыхали, шутили по поводу нея, улыбались. Сравнительно немногіе знакомы съ послѣдующимъ творчествомъ этого писателя, и ужъ совсѣмъ мало кто читаетъ и помнитъ то, что предшествовало „Береговому" — добрую половину всего, написаннаго Ценскимъ.

Но и пресловутое „Береговое" испытало судьбу не совсѣмъ обычную. Въ самомъ дѣлѣ: у этой вещи нѣтъ ни враговъ, ни друзей. Кого она раздражала? Кого умиляла? Кто со страстью нападалъ на нее или защищалъ отъ нападеній? Всего больше вниманія удѣлили ей благодушные пародисты въ родѣ О. Л. Д'Ора, которымъ она дала обильный матеріалъ для острословія. А между тѣмъ — такова ли судьба вещей съ прихотливымъ чудачествомъ, съ литературными вывертками, новыми пріемами?

Достаточно привести примѣръ нашего футуризма, подчасъ нечленораздѣльные звуки котораго, въ родѣ „дыл, бур, шил", вызывали ожесточенную полемику, доклады, дебаты, чуть не потасовки между сторонниками этихъ „дыл, бур" и противниками, чтобы согласиться съ тѣмъ, что ничего подобнаго не довелось пережить „Береговому".

И это — не случайно, это характерно. Какъ любители лите-

ратурныхъ скандаловъ, такъ и тѣ, кто болѣетъ ими — невольно, безсознательно обошли и своимъ одобреніемъ и своимъ возмущеніемъ „Береговое“, столь обильное чудачествами, капризными выходками, стилистическими изломами.

И вышло это, конечно, не случайно. Читатели и критика почувствовали, что скандально ликовать здѣсь было бы равно неумѣстно, какъ и возмущаться, что „Береговое“ — явленіе иного порядка, чѣмъ тѣ произведенія, которыя кажутся для шума и трескотни исключительно и созданными.

Вѣдь большинство изъ послѣднихъ, дѣйствительно, и созданы для него, созданы намѣренно. Я не хочу сказать, что ихъ прямая цѣль — скандалъ (хотя есть и такія), но дѣло въ томъ, что и, въ лучшемъ случаѣ, они представляютъ собою не что иное, какъ литературный боевой снарядъ, какъ вызовъ литературному обществу, читателю или писателю. Достаточно вообразить себѣ человѣка, который наединѣ съ собою и исключительно для себя записываетъ на бумагѣ „дыр, бур, шир“, или „облако въ штанахъ“, или „дохлая луна“, или давнее „о, закрой свои блѣдныя ноги“, и т. д. и т. д., чтобы тотчасъ и ясно понять полную психологическую невозможность этого. Нѣтъ, въ лучшемъ или въ худшемъ смыслѣ, но эти вещи всегда создаются съ мыслью (не оставляющей ни на минуту) о публикѣ. И если одинъ изъ такихъ авторовъ удовлетворено заявляетъ: „я повсеградно оэкраненъ, я повсесердно утвержденъ“, то — правъ онъ или ошибается, — но мечтаютъ о томъ же всѣ рѣшительно писатели этого типа.

Въ этомъ-то и заключается основная разница между указанными произведеніями и „Береговымъ“. Оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ вещей, весьма немногочисленныхъ, которыя создаются всецѣло для себя, безъ тѣни заботы о тѣхъ, кто будетъ читать это произведеніе. Внимательно вчитавшись въ „Береговое“, вы сразу замѣчаете, что элементъ вызова, вызова литературнаго, въ немъ обсолютно отсутствуетъ. Удачно это произведеніе или неудачно — это вопросъ иного порядка, и его мы позднѣе коснемся; здѣсь же намъ важно отмѣтить, что черта, проведенная читателемъ между Ценскимъ съ его „Береговымъ“ и обычнымъ типомъ творца „новыхъ словъ“ и пріемовъ, — проведена психологически закономѣрно и правильно. Онъ не похожъ на нихъ, онъ похожъ только на самого себя.

И если бы читатель пошелъ дальше своего вѣрнаго инстинкта, если бы онъ провѣрилъ его анализомъ, если бы онъ сопоставилъ „Береговое“ съ остальнымъ литературнымъ капиталомъ Ценскаго, — тогда онъ понялъ бы и свою правоту инстинктивной оцѣнки и ея недостаточность. Ибо „Береговое“ у Ценскаго — только эпизодъ

изъ его эволюціи, эпизодъ характерный, но далеко не самый важный и не самый интересный. Темныя, туманныя стороны этой вещи заслонили отъ читателя и весь предыдущій и весь послѣдующій путь замѣчательнаго художника... Вотъ почему мы въ правѣ также сказать, что пристрастіе современнаго читателя ко всяческой новизнѣ не отличается особенной глубиной. Новизны „Берегового“ хватило лишь на то, чтобы вызвать усмѣшку читателя, но даже не побудило провѣрить и осмыслить собственную, инстинктивно вѣрную (хотя только обще-отрицательную) оцѣнку. Современному читателю „нужны“ (не „до зарѣзу“, впрочемъ, — такъ, слегка) вызовы писателя, эксцессы, но не новое по существу. Не такой читатель, однако, нуженъ для писателей типа Сергѣева-Ценскаго. И въ этомъ простая причина того, что въ годину быстрыхъ и шумныхъ успѣховъ людей съ дарованіемъ крошечнымъ, а то и близкимъ къ нулю, въ относительномъ забвеніи обрѣтается такой сильный, крупный и оригинальный художникъ, какъ Сергѣевъ-Ценскій.

II.

Обнаружилась его незаурядная сила въ послѣднемъ періодѣ его творчества, а если сосредоточить вниманіе исключительно на эстетической цѣнности этого писателя, то было бы достаточно ограничиться V и VI томами его произведеній, какъ самыми значительными въ этомъ смыслѣ. Но это значило бы упростить предметъ до убогости, ибо если и всякій значительный художникъ не умѣщается цѣликомъ на одной лишь эстетической плоскости, то о Ценскомъ приходится сказать, что, понятыя узко, эстетическія рамки захватываютъ даже не самую характерную часть его творческой личности. Онъ — чрезвычайно органическій художникъ, и потому просто даже нельзя выдѣлить ту или иную сторону его творчества; если за „плоды“ и принять его разсказы послѣдняго періода, все равно мы не познаемъ всего ихъ значенія, не вернувшись къ общему стволу, къ корнямъ, изъ которыхъ плоды эти вышли.

Творческій путь Сергѣева-Ценскаго — весь обусловленъ въ въ своемъ направленіи опредѣленной цѣлью. Это — характерная для русскаго писателя цѣль, — смыслъ жизни, — и характерный для него же путь — исканіе смысла. Порой даже кажется, что если бы передъ нимъ не стояла эта влекущая цѣль — не было бы и потребности въ самомъ творчествѣ; что передъ нами — явленіе художника, котораго на путь творчества толкнула не потребность или желаніе высказать свой внутренній міръ, но потребность прояснить послѣдній, оформить и разобраться въ немъ для себя самого.

Въ этой догадкѣ насъ укрѣпляетъ общій характеръ пройденнаго авторомъ пути, но и также начало послѣдняго. Оно было необычайно мрачно, и такъ понятно естественное желаніе преодолѣть его угрюмость. Первый томъ разсказовъ Ценскаго — крайне унылая, гнетущая книга. Въ него, впрочемъ, не вошла маленькая вещица „Полубогъ", повидимому, самое раннее изъ печатныхъ произведеній Ценскаго, помѣченное 1898 годомъ и помѣщенное въ концѣ послѣдняго тома его разсказовъ, какъ бы въ видѣ вѣхи, отмѣчающей начало его пути. И характерно, что этотъ „Полубогъ" изъ VI тома совершенно сливается со всѣмъ содержаніемъ I. Полубогъ — это Демадъ, изгнанникъ изъ Аѳинъ, сложившій чудесныя гордыя пѣсни о сильномъ человѣкѣ. Но когда юноши, увлеченные этими пѣснями, захотѣли взглянуть на самого Демада, рисуя въ своемъ воображеніи могучаго полубога, предъ ними предсталъ „дряхлый калѣка... Голова его сѣрѣла остатками спутанныхъ всклоченныхъ волосъ. Черными костлявыми руками сосредоточенно и жадно искалъ онъ въ изорванной туникѣ паразитовъ". Таковъ полубогъ, и ему соотвѣтствуютъ просто люди, не столько внѣшностью своею, сколько общимъ ничтожествомъ. Фонъ, и смыслъ, и содержаніе первоначальныхъ разсказовъ Ценскаго — это сплошной мракъ, безсмыслица, коварство, зло, тупость, нелѣпость. Нѣтъ разсказа безъ чьей-либо гибели; жизнь людей — отвратительна, направляетъ ее нелѣпый случай, вглядѣвшись въ который можно обнаружить злую власть какой-то скрыто-сознательной и предательской Судьбы.

Жила швейка, прозябала, а потомъ полюбила приказчика изъ магазина, повеселѣла, счастье мелькнуло передъ ней. Но дозналась жена приказчика, явилась, искалѣчила швейку, вырвала всѣ волосы изъ головы, и швейка въ мученіяхъ умерла.

Жилъ „дохлый", „дряхлый" Никишка постоянно повторявшій — „умру я скоро", жилъ при родителяхъ, веселыхъ, здоровыхъ и крѣпкихъ мужикахъ. Пришла къ нимъ въ праздникъ дочка — также крѣпкая и веселая, и привела съ собою жениха, здороваго парня. Отправились всѣ въ лѣсъ погулять. Потомъ дохлый Никишка остался на берегу рѣчки, а четверо веселыхъ и здоровыхъ сѣли въ лодку и поплыли на другой берегъ, но, по неосторожности, черпнули бортами, и всѣ четверо пошли ко дну. Остался одинъ дохлый Никишка, со своимъ „умру я скоро" себѣ и другимъ въ тягость.

Живетъ помѣщикъ, человѣкъ твердый, сильный, разсуждающій такъ: „Не должно быть ни судьбы, ни случая, никакой этой ерунды не должно быть, — все должно быть ясно! Есть слѣдствіе, зна-

читъ, должна быть причина, и больше ничего"... Вотъ судьба этого человѣка. У него было двое дѣтей, и оба они одновременно заболѣли дифтеритомъ. Въ земской больницѣ оказалось прививочной сыворотки только на одного, и отецъ назначилъ привить болѣе слабому мальчику, въ надеждѣ, что болѣе крѣпкій какъ-нибудь справится. Но онъ умеръ. Выздоровѣвшаго хилаго мальчика увозятъ на Ривьеру, тамъ онъ умираетъ, а жена сходитъ съ ума. „Въ душѣ его (помѣщика) заколыхался животный страхъ передъ чѣмъ-то большимъ и всесильнымъ, имя которому на человѣческомъ языкѣ — „жестокость". Оно встало предъ нимъ, ледяное и гладкое, и погребло подъ собою то, что онъ называлъ раньше „справедливостью", „причиной", „долгомъ" и другими, теперь лишенными значенія словами".

Поселилась въ Крыму семья изъ Москвы — отецъ, мать, сынъ мальчикъ. Родители дрожатъ надъ ребенкомъ, съ унылымъ педантизмомъ оберегаютъ его отъ мнимыхъ опасностей, отъ простуды, дурной пищи и т. д., и мальчикъ растетъ, какъ въ теплицѣ. Разъ ночью онъ услышалъ музыку, доносившуюся изъ городского сада, въ которомъ игралъ оркестръ. Онъ тихонько лѣзетъ на окно, усаживается и слушаетъ, отецъ же, полагая, что въ комнату проникъ воръ, стрѣляетъ въ сына изъ револьвера. Мальчикъ не убитъ, но безнадежно искалѣченъ на всю жизнь.

Таковы вкратцѣ фабулы разсказовъ Сергѣева-Ценскаго перваго періода. Жизнь представляется ему угрюмой, злой, безотрадной. „Мнѣ почудилось вдругъ, — пишетъ онъ въ разсказѣ о гибели швейки, полюбившей приказчика, — что среди этихъ домовъ, и толпы, и шума я въ тундрѣ, въ холодной, леденящей, огромной тундрѣ, похожей на гробъ, обитый глазетомъ. И всѣ они, эти люди, только кружатся по ней въ безпокойномъ вихрѣ, выхода ищутъ, а выхода нѣтъ, и кругомъ пустыня безъ конца и края, и холодъ, и снѣгъ, и не видно солнца, а сѣрое небо давитъ, какъ склепъ, и оттого такъ тяжело жить въ тундрѣ, и оттого ее убили". Видъ людей, человѣческой недифференцированной толпы, наводитъ на него глубокое уныніе. „Люди спереди, люди сзади, люди съ боковъ, молчаливый застывшій каскадъ людей, — это былъ только символъ безысходности, символъ цѣлой жизни, такъ какъ цѣлую жизнь никуда нельзя уйти отъ людей: люди рождаютъ, люди убиваютъ, люди хоронятъ". Этотъ субъективный мракъ такъ густъ, что, попадая въ сферу его, окрашиваются въ безнадежные цвѣта самыя, казалось бы, невинныя, не мрачныя явленія: „Снизу изъ города, отъ котораго оставались видными только задумчивые красные огоньки и кое-гдѣ дымящіяся передъ ними бѣлыя стѣны, вдругъ взвивался

кверху, какъ большая слѣпая птица, чей-то страшный, надорванный голосъ; онъ метался, точно вырвался изъ глубины и, чуя погоню, карабкался на скалы и обрывался, онъ былъ острый и пугливый, и слышно было, что его ковали вѣка въ темнотѣ, прежде чѣмъ влили въ эти тѣсныя ноты и отучили отъ запаха солнца и шопота цвѣтовъ". — Читатель по этому описанію можетъ предположить что-либо, дѣйствительно, потрясающее, какіе-либо вопли мучениковъ, томимыхъ въ подземельѣ страшныхи пытками... Дѣло обстоитъ, однако, и благополучнѣе и много поэтичнѣе: „Это татарскій мулла пѣлъ на минаретѣ вечернюю молитву"... Ясно, что предъ нами субъективное, опредѣленно пессимистическое преломленіе впечатлѣній, выраженное въ самой безотрадной, почти болѣзненной формѣ.

III.

Указанное настроеніе прочно владѣетъ душою автора въ продолженіе многихъ лѣтъ, становясь все болѣе мрачнымъ и болѣзненнымъ. Во II томѣ помѣщена единственная пьеса Сергѣева-Ценскаго, подъ заглавіемъ „Смерть", на всемъ протяженіи которой умираетъ человѣкъ съ гипертрофированнымъ сердцемъ, при чемъ, съ обычнымъ подчеркиваніемъ нелѣпостей судьбы, слагающихся въ злую преднамѣренность, прежде чѣмъ умереть больному, погибаютъ случайной, безсмысленной смертью его жизнерадостные и здоровые братъ и сестра. Здѣсь говорится о томъ, что „вся жизнь чудо наоборотъ", что „людей нѣтъ... Есть одинъ человѣкъ... И величайшая роскошь жизни — двое... Отальное фонъ... декорація"... Апогея этотъ мракъ достигаетъ въ третьемъ томѣ, въ романѣ „Поручикъ Бабаевъ", вещи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нестерпимо тяжелой, безконечно унылой, трудно читаемой. Достаточно отмѣтить, что герою романа запахъ весенней прѣли, „такой сложной и такой живой", приводитъ на память трупы, гніющіе въ подвалѣ... Когда томящемуся одиночествомъ герою является лучъ взаимнаго пониманія, онъ отвергаетъ его. „Отъ старой, брошенной было и опять властно вошедшей въ него пустоты, насмѣшливо кривившей въ немъ губы, Бабаевъ уже не могъ оторваться. И страшно было даже самому себѣ сознаться въ томъ, что съ нею можетъ быть лучше. Это была привычная, хорошая, старая пустота, должно быть, та же самая, которая раскинулась между звѣздами и движетъ и колышетъ безконечность. — Какъ только сойдутся двое, — говоритъ Бабаевъ, — такъ и начинается ложь!.. Это... можетъ быть, и не страшно вовсе, а такъ и должно быть, какъ всегда было; гдѣ двое — тамъ ложь... А гдѣ милліонъ вмѣстѣ, — тамъ-то какая

ложь! Въ милліонъ разъ больше? И умрутъ рядомъ, и все-таки не поймутъ"... И вся жизнь Бабаева слагается изъ длиннаго ряда поступковъ не то что безсмысленныхъ, но, такъ сказать, антисмысленныхъ, поступковъ на зло смыслу. То и дѣло Бабаевъ, признавъ что-нибудь, придя къ какому-либо заключенію, желанію, непремѣнно поступаетъ какъ разъ наоборотъ, словно издѣваясь и надъ собою и надъ всякимъ смысломъ, надъ собственной своею жалостью и даже брезгливостью, превращая цѣпь своихъ дней въ сплошной нелѣпый, жестокій и болѣзненный кошмаръ.

Если теперь обратиться къ вопросу, въ чемъ коренится этотъ мрачный взглядъ на жизнь и эта тоска, охватывающая поголовно всѣхъ героевъ Ценскаго, являющихся носителями его авторской лирики, то при нѣкоторомъ вниманіи къ повторяющимся въ его разсказахъ жалобамъ, и особенно при сопоставленіи ихъ съ нѣкоторыми данными позднѣйшаго творчества — обнаружится весьма любопытное явленіе, которое, впрочемъ, не заключаетъ въ себѣ чего-либо небывалаго или внутренне противорѣчиваго для людей вдумчивыхъ. А именно, намъ представляются два источника, повидимому, имѣющіе мало общаго между собою, питающіе авторскій пессимизмъ, при чемъ одинъ изъ нихъ имѣетъ характеръ чисто реальный и опредѣленный, другой — таинственно-мистическій.

Начнемъ со второго, — онъ болѣе часто встрѣчается какъ стимулъ пессимистическаго настроенія и потому порою принимается даже за единственно присущій самому явленію, за его единственно законную причину. Это — представленіе о какомъ-то тайномъ и темномъ зломъ началѣ, лежащемъ въ основѣ жизни и невидимо направляющемъ судьбу людей. Какое-то слѣпое зло толкаетъ Бабаева на жестокости, столь же безсмысленныя, сколько ему самому тягостныя. Оно же вложило въ человѣка неистребимую потребность искать въ жизни смысла, но не дало ему возможности найти его. „Смысла хочу! — изступленно восклицаетъ въ душѣ Бабаевъ, взирая на творящуюся кругомъ безсмыслицу. — Смысла, будь вы всѣ прокляты! Гдѣ смыслъ?!.. Почему облака, какъ горы жемчуга, когда на землѣ трупы? Почему есть еще вопросъ: „почему?"... когда нѣтъ и не будетъ на него отвѣта?.." Но если страшно отсутствіе смысла, то и смыслъ не менѣе страшенъ, ибо и въ немъ чуется злое: недаромъ, когда предъ однимъ изъ героевъ встаетъ призракъ его погибающихъ до рожденія невыношенными дѣтей, то онъ, проясняясь и приближаясь, дѣлается, наконецъ, „томительно страшнымъ, какъ всякій смыслъ". Другой герой замѣчаетъ: „Человѣкъ — это развѣ не страшно?" „Это мы вѣдь просто привыкли къ землѣ, — говоритъ кто-то въ томъ же разсказѣ, — по-

тому и живемъ. Ну, а попробуй только, появись на землѣ кто-нибудь, кто побольше человѣка... Умеръ бы онъ съ тоски въ одночасье, — и больше ничего", — отъ тоски, порожденной именно этими злыми тайнами земли. „Ты говоришь такъ просто и здраво, — замѣчаетъ героиня „Берегового", — такъ сказалъ бы всякій... Это страшно". „Мы, — говоритъ герой того же разсказа, — двое маленькихъ-маленькихъ. Чьи-то челюсти все жуютъ... Мы не живемъ, должно быть... Мы просто сухое сѣно для этихъ челюстей, а живетъ что-то другое. Земля создана такъ, что на ней нельзя строить".

Количество такихъ указаній и намековъ на злую тайну, на пугающую мистику жизни можно было бы значительно увеличить. Читатель могъ замѣтить, что они разнообразны, во-первыхъ, и отвлеченны — во-вторыхъ. Страшно отсутствіе смысла, но страшенъ и смыслъ; страшна пустота, одиночество, но и человѣкъ страшенъ. Почему? — авторъ обычно не объясняетъ, и это — характерная черта первой половины его творческаго пути. Читатель вѣритъ въ то, что героямъ Ценскаго, дѣйствительно, страшно, а не то что они стараются лишь въ этомъ увѣрить, не столько потому, чтобы этотъ страхъ сообщался самому читателю, сколько потому, что онъ чувствуетъ общую искренность и автора и его героевъ. Другими словами — это не слѣдствіе художественной убѣдительности, а простое довѣріе.

Само собою разумѣется, что авторъ долженъ былъ чувствовать эту неубѣдительность злой мистики, на силѣ которой построено большинство разсказовъ его первой поры. И вотъ онъ попытался перейти отъ простыхъ заявленій о существованіи темнаго злого начала или, въ лучшемъ случаѣ, отъ указанія на результаты дѣйствія послѣдняго — къ пріему болѣе законному въ художественномъ творчествѣ — къ образному воплощенію самого злого начала. Такими попытками и являются двѣ большія его повѣсти, — почти весь IV томъ разсказовъ, „Лѣсная топь" и „Печаль полей". Обѣ эти вещи, являясь переходнымъ этапомъ творческой эволюціи Сергѣева-Ценскаго, посвящены изображенію темной мистики не только въ формѣ результатовъ ея таинственнаго воздѣйствія на жизнь, но ея самой, какъ таковой. Лѣсъ и поля, въ изображеніи Ценскаго, таятъ въ себѣ, не въ нѣдрахъ своихъ, а въ самомъ существѣ, мистическое начало, злое и пугающее (особенно въ „Лѣсной топи", — въ „Печали полей" уже намѣчается просвѣтъ). И здѣсь очень многое осталось за предѣлами воплощенія, но это уже простая неудача автора, или фатальная невыполнимость заданія. Онъ не удовлетворился и этимъ, пошелъ далѣе по пути конкретнаго вопло-

щенія пугающихъ тайнъ, плодомъ чего явилась большая повѣсть „Движенія“, произведеніе чрезвычайно интересное для познанія эволюціи Ценскаго.

Философія этой повѣсти выражена авторомъ въ самомъ ея началѣ. „Мы только думаемъ, — замѣчаетъ онъ, — что ость въ насъ что-то сложное, сложное до того, что неизвѣстно, какъ и на что рѣшиться, — но это ложь. Подо всѣмъ наноснымъ сложнымъ лежитъ въ насъ что-то простое, чужое намъ, и оно насъ увѣренно ведетъ. Оно пасетъ насъ, и куда бы ни разбрелись наши желанія, пользуясь его сномъ, настанетъ такой моментъ, когда оно проснется, оглядитъ, какъ далеко расползлись они, привычно соберетъ ихъ въ кучу и поведетъ, куда знаетъ“.

Въ „Движеніяхъ“ и изображено это чужое намъ простое, которое ведетъ человѣка, куда знаетъ. Воплощено оно въ образы и явленія различные, но родственные, объединенные общимъ признакомъ: тупой и безмолвной косностью. Антонъ Антонычъ, герой повѣсти, весь энергія и движеніе. Но это лишь до тѣхъ поръ, покуда дремлетъ „простое, чужое намъ...“ — Однако, вотъ оно проснулось, и методически начинаетъ воздвигать барьеры предъ кипучимъ Антономъ Антонычемъ. То это какой-то молчаливый странный человѣкъ, продавшій ему имѣніе Анненсгофъ. То это самое имѣніе, — какая-то пучина лѣсного безмолвія, тумана и холодности. То это грузный, налитой, бездушный Веденяпинъ, подстраивающій поджогъ такъ, что подозрѣніе падаетъ на Антона Антоныча. То это молчаливый врачъ, то какой-то восточнаго типа человѣкъ, посрамляющій Антона Антоныча въ шахматной игрѣ. Взятое въ отдѣльности — все это и обычно и не страшно; въ цѣломъ — это какая-то молчаливая враждебная рать, дѣйствующая по уговору... И вотъ — энергія Антона Антоныча изсякаетъ, „движенія“ останавливаются, онъ умираетъ.

Наконецъ, и въ послѣднемъ, VI томѣ, разсказъ „Медвѣженокъ“ посвященъ тому же мотиву. Здѣсь гибель приходитъ къ милому, безпечному жизнелюбцу полковнику Алпатову, и приноситъ ее выкормленный имъ медвѣженокъ, внезапно появляющійся во время инспекторскаго смотра передъ суровымъ генераломъ, обрушивающимся всѣмъ гнѣвомъ на добродушнаго Алпатова.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что идея о недобромъ мистическомъ началѣ жизни проходитъ черезъ всѣ — хронологически — произведенія Ценскаго, отъ перваго тома до послѣдняго. Есть, однако, громадная разница между ея выраженіемъ въ первыхъ трехъ книжкахъ, въ четвертой и затѣмъ въ двухъ послѣднихъ. Въ первыхъ книжкахъ зло возвышается и господствуетъ гдѣ-то надъ жизнью,

не показываясь никому на глаза. Люди гибнутъ и страдаютъ, точно поражаемые невидимой молніей. Въ романѣ „Поручикъ Бабаевъ“ герой все время поступаетъ какъ разъ обратно своему желанію, точно повинуясь чьему-то издѣвательскому велѣнію. Въ „Лѣсной топи“ и „Печали полей“ зло вплетено въ самую ткань жизни, не отдѣляясь отъ послѣдней, но смѣшиваясь съ нею въ какое-то неразложимое цѣлое. Въ „Движеніяхъ“ и „Медвѣженкѣ“ образъ зла доведенъ уже до полной ясности; оно попрежнему владычествуетъ надъ людьми, но мы видимъ его лицо.

И вотъ оказывается, что всего сильнѣе заражаетъ читателя этотъ мистическій страхъ не въ первыхъ и не въ послѣднихъ томахъ, а въ „Лѣсной топи“ и „Печали полей“. Это, очевидно, происходитъ въ силу того, что полуясность, полуразборчивость — всего пригоднѣе для выраженія самой природы неяснаго мистическаго страха и ужаса. Авторъ какъ бы подсказываетъ читателю въ первыхъ своихъ разсказахъ, что его Бабаевъ совершаетъ безсмысленныя жестокости, что никчемные живутъ, а здоровые и веселые гибнутъ, что антидифтеритной сыворотки не хватаетъ, что отецъ стрѣляетъ ночью въ мальчика — не случайно, не отъ небрежности, не отъ болѣзненности натуры, а какъ-то закономѣрно, подчиняясь велѣнію невиднаго зла. Однако „читатель“, скептикъ по самой природѣ своей, не видя зла, не вѣритъ, что это все оно хозяйничаетъ, и склоненъ случай объяснить случайностью, небрежность — жестокостью, и мистическій страхъ не заражаетъ его.

Съ другой стороны, и въ „Движеніяхъ“, и „Медвѣженкѣ“ вѣра въ мистическое „простое, чужое намъ“ далеко не цѣликомъ передается читателю именно потому, что образы зла — опредѣленно и ясно воплощены. Какъ ни мастерски сгруппированно въ „Движеніяхъ“ это молчаливое, властное, костное „простое, чужое намъ“ — мы невольно склонны по-своему обращаться съ этими образами, въ Веденяпинѣ видѣть все-таки не Мефистофеля, а негодяя — поджигателя, а смерть Антона Антоныча приписывать не хвойнымъ лѣсамъ Анненсгофа, а болѣзни — раку, появленіе которой обусловливается все-таки не коснымъ молчаніемъ, не тишиной, не поджогами. Равнымъ образомъ и въ „Медвѣженкѣ“ халатность и упущенія Алпатова слишкомъ очевидны, гнѣвъ инспектирующаго генерала слишкомъ понятенъ, и слишкомъ соблазнительна простая скептическая мысль, что если бы все у Алпатова велось въ полку исправно, то и появленіе медвѣженка, символизирующаго собою лѣсную звѣриную тайну, — не разсердило бы генерала, и смотръ кончился бы благополучно для Алпатова и всей его семьи. Воплощая недоброе мистическое начало, авторъ и разоблачилъ его.

Иное дѣло въ „Лѣсной топи“ и „Печали полей“. Эти повѣсти достаточно реальны, чтобы читатель почувствовалъ самое зло, но послѣднее не столь ужъ воплощено, чтобы ясно его увидѣть, а, увидѣвъ, протереть глаза и облегченно вздохнуть во слѣдъ разсѣявшемуся призраку... Повидимому, существуетъ все-таки внутреннее сродство между опредѣленнымъ психологическимъ мотивомъ и соотвѣтственнымъ стилемъ для его выраженія.

IV.

Совершенно иного рода второй источникъ авторскаго пессимизма, — до такой степени иного рода, что, повторяю, сначала не видишь между обоими источниками ничего родственнаго, другъ на друга вліяющаго. Этотъ второй источникъ — экономическіе, соціальные, національные и тому подобные реальные эффекты русской и вообще человѣческой жизни. Нищенское существованіе швейки, которую убила ревнивая жена приказчика, является въ разсказѣ отнюдь не случайнымъ или второстепеннымъ обстоятельствомъ. Да и общій недобрый фонъ разсказа сильно (и наивно — это первый разсказъ пятаго тома) окрашенъ въ мрачные тона гражданской неудовлетворенности. „По улицамъ и въ домахъ расползались, точно испаренія, чисто-людскіе, долгими усиліями созданные интересы, и каждый, въ огромной массѣ кишащаго люда, желалъ имѣть милліонъ и чинъ дѣйствительнаго статскаго. Если не достигалъ, то терзался и мучился, если достигалъ, то стремился къ десяти милліонамъ и къ чину дѣйствительнаго тайнаго“.

Въ разсказѣ „Садъ“ герой Шевардинъ приходитъ въ отчаянье отъ созерцанія нищихъ крестьянъ, окруженныхъ богатѣйшими угодіями майората какого-то графа, изрѣдка пріѣзжающаго сюда поохотиться... „Вся земля вокругъ, — пишетъ Шевардинъ къ пріятелю, — могла бы быть однимъ роскошнымъ садомъ, могла бы, но этого нѣтъ. Нѣтъ школъ, нѣтъ больницъ, нѣтъ красоты, нѣтъ смысла, одно сплошное „нѣтъ“, вся жизнь одно живое отрицаніе, воплощенное въ нелѣпыя избы, въ хмельной чадъ, въ кусокъ чернаго хлѣба, изъ котораго можно ковать ядра для пушекъ“. „Главное, молчатъ люди, — и это меня душитъ, и хочется мнѣ рявкнуть во весь голосъ съ какой-нибудь высокой точки, ну хоть съ монастырской часовни на горѣ: — Да сколько же еще, — сто лѣтъ, — тысячу лѣтъ, вы будете молчать, проклятые?“ Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ о Шевардинѣ: „тѣснилъ его душу недоумѣнный тупой вопросъ: кто это, огромный и могущій, такъ устроилъ жизнь, что отвелъ человѣку слишкомъ мало „можно“ и слишкомъ много

„нельзя", и почему человѣкъ этому повѣрилъ и возвелъ это въ культъ, какъ „святыню". Шевардинъ кончаетъ тѣмъ, что стрѣляетъ изъ ружья въ графа и убиваетъ его.

Въ романѣ „Поручикъ Бабаевъ" герой его возвращается въ городъ послѣ подавленія аграрнаго бунта, везя въ поѣздѣ арестованныхъ мужиковъ. „Я васъ билъ, — говорилъ Бабаевъ, — да билъ! Я изъ васъ искру хотѣлъ выбить, какъ изъ кремня огниво, и не выбилъ искры, землеѣды, мѣшки мякинные!.. Когда я собаку свою бью, она мнѣ руки кусаетъ, и я ее уважаю за это: самолюбиваго звѣря я уважаю, а скота — нѣтъ... У скотовъ нѣтъ души, — паръ!.. Это вамъ попы наврали, что у васъ душа! Нѣтъ у васъ души: черви съѣли!.."

Когда внимательно вчитаешься въ эти и подобныя страницы ихъ много разсѣяно въ первыхъ трехъ книжкахъ разсказовъ) и когда прослѣдишь за тѣмъ значеніемъ, какое въ жизни героевъ Ценскаго получаютъ эти пароксизмы отчаянія отъ созерцанія рабской жизни, полнаго отсутствія гордости, человѣческаго достоинства, — тогда только невольно задумываешься надъ вопросомъ: а нѣтъ ли связи между этими источниками пессимизма автора и его героевъ, между фактами реальнаго — соціальнаго и національнаго — зла и идеей злого мистическаго начала въ жизни? Вспомнимъ протестующее и горестное недоумѣніе Бабаева: „Почему облака, какъ горы жемчуга, когда на землѣ труппы (убитыхъ)?" Вспомнимъ, что этому вопросу непосредственно предшествуетъ такой общій вопросъ, какъ „гдѣ смыслъ?", а непосредственно слѣдуетъ за нимъ такое утвержденіе ужъ чисто отвлеченнаго зла: „Почему есть еще вопросъ: „почему?", когда нѣтъ и не будетъ на него отвѣта?.." Обратите вниманіе на то, какъ выражаетъ свое отчаянье Шевардинъ: „нѣтъ школъ, нѣтъ больницъ, нѣтъ красоты, нѣтъ смысла, — одно сплошное нѣтъ". Вы видите, что здѣсь поставленъ знакъ равенства между конкретнымъ, обыденнымъ зломъ, невѣжествомъ, рабствомъ, уродствомъ — и чисто философскимъ пессимистическимъ обобщеніемъ: „нѣтъ смысла, — одно сплошное нѣтъ".

Удивительнаго въ этомъ нѣтъ, конечно, ничего. Если и существуетъ философскій пессимизмъ въ чистомъ видѣ, безотносительно къ фактамъ жизни, то и несравненно чаще и психологически естественнѣе тотъ эмпирическій пессимизмъ, который лишь обобщаетъ, порой даже безсознательно, конкретное и временное зло земной жизни, возводя его на степень зла мірового, внѣвременнаго и безотносительнаго.

Въ высшей степени характерной для творчества Сергѣева

Ценскаго чертой является рѣзко выраженное его стремленіе къ стройному міровоззрѣнію. Отсюда его тяготѣніе къ широкимъ композиціямъ, отсюда же тотъ отпечатокъ широкой мысли, какимъ отмѣчены даже и его небольшіе художественные эпизоды, которые у другого художника, менѣе склоннаго къ обобщенію, непремѣнно свелись бы къ эпизоду, этой преобладающей формѣ современнаго творчества.

Само собою разумѣется, что Ценскій болѣе, чѣмъ кто-либо другой, долженъ былъ склониться и къ философскому обобщенію эмпирическаго зла. И надобно полагать, что этотъ процессъ частью былъ въ немъ безсознательнымъ стремленіемъ, стимулированнымъ прирожденной склонностью, но частью былъ совершенно сознателенъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ и приведенныя выше сопоставленія, гдѣ частное стоитъ рядомъ и внутренно связано съ общимъ, но еще болѣе тѣ позднѣйшія произведенія этого автора, гдѣ подобнаго рода сопоставленія сдѣланы по волѣ автора самими героями его и при томъ въ формѣ столь ясной, что не остается мѣста для какихъ бы то ни было сомнѣній въ ихъ объективномъ смыслѣ и субъективномъ значеніи. Таковы два разсказа Ценскаго, относящіяся къ послѣднему періоду его творчества: „Приставъ Дерябинъ" и „Наклонная Елена". На этихъ вещахъ намъ предстоитъ остановиться подробнѣе.

„Приставъ Дерябинъ" — одно изъ самыхъ значительныхъ и сильныхъ произведеній художественной литературы за послѣднее десятилѣтіе. Къ сожалѣнію, онъ обратилъ на себя мало вниманія, какъ со стороны читателей, такъ и критики, между тѣмъ какъ это для послѣднихъ годовъ русской жизни — произведеніе чрезвычайно характеристичное, положительно злободневное, полное національно-психологическаго значенія. Импрессіонистическая манера, въ которой оно написано, лишаетъ, къ сожалѣнію, возможности передать болѣе или менѣе точно и полно его содержаніе.

Прапорщикъ Кашневъ (дѣло происходитъ во время русско-японской войны) получаетъ нарядъ явиться ночью со взводомъ въ полицейскую часть на дежурство, въ помощь полиціи, по случаю призыва новобранцевъ, обычнаго въ такихъ случаяхъ пьянства и могущихъ произойти безпорядковъ. Идя въ часть, Кашневъ вспоминаетъ, что въ этотъ день случилось „что-то пріятное". А именно: присутствуя въ ротной казармѣ на ученіи, онъ запротестовалъ, когда капитанъ Абрамовъ сталъ наносить побои людямъ. Удивленный капитанъ тутъ же задаетъ вопросъ послѣдовательно каждому изъ четырехъ побитыхъ рядовыхъ — билъ ли онъ его, и трое тутъ же отрицаютъ, отвѣчаютъ: „Никакъ нѣтъ". Кашневъ не вѣритъ себѣ,

ему и подумать страшно, что произойдетъ въ его душѣ, если отречется и четвертый, но четвертый, пожилой мужикъ Лыкошинъ, отвѣчаетъ твердо: „Били, такъ точно“ — „и потомъ стало какъ-то легко въ казармѣ“, отмѣчаетъ авторъ.

Съ этимъ чувствомъ Кашневъ и является въ полицейскую часть, гдѣ знакомится съ приставомъ Дерябинымъ.

Трудно передать ту выразительность, ту чисто скульптурную выпуклость, съ какими изображена эта громадная, размашистая, яркая, анархическая фигура пристава. Безпрестанно переходя отъ офиціальной сухости къ дружеской фамильярности, отъ звѣрской жестокости къ истерическому умиленію, отъ гнѣва къ нѣжности, отъ изступленнаго вранья, въ которомъ проглядываетъ какая-то правда, къ правдѣ, которая пропитана ложью, этотъ хаотическій, кошмарный приставъ проводитъ ночь въ разговорахъ съ Кашневымъ, въ разныхъ полууголовныхъ экскурсіяхъ, и на утро Кашневъ разстается съ нимъ, обогащенный какимъ-то новымъ и нужнымъ ему знаніемъ, особенно нужнымъ послѣ давешней исторіи въ казармѣ.

Послѣ двухъ словъ бесѣды за ужиномъ, выпивъ съ Кашневымъ „на ты“, Дерябинъ, замѣтивъ университетскій значекъ на груди Кашнева, съ самымъ искреннимъ страданіемъ умоляетъ снять его: — „Не могу я этого видѣть, — сними! Вынести этого не могу!... И точно не офицеръ даже, а какой-то переодѣтый нѣмецъ, чортъ его дери!... Спрячь, Митя! Вѣдь тебѣ это ровно ничего не стоитъ, а мнѣ... а меня это... по рукамъ-ногамъ вяжетъ, бѣситъ!“ — страдальчески выкрикнулъ Дерябинъ и отвернулся.

Что же такъ смущаетъ Дерябина? Повидимому, университетскій значекъ ассоціируется въ его представленіи съ ненавистнымъ образомъ „демократа“, съ которымъ онъ такъ жестоко борется, — еще наканунѣ въ него при обыскѣ стрѣлялъ какой-то студентъ, но промахнулся. „Демократовъ этихъ я ненавижу!... Своей службы въ полиціи не стыжусь, нѣтъ! А демократа, — я его знаю! Вполнѣ-съ!... Онъ — Корноухій (Дерябинъ хитро завернулъ пальцемъ правое ухо), у него что ни зубъ, то щербина, оба глаза косятъ... хрромой!... ррваной, черезъ день страдаетъ... регулярно, чортъ его дери! Онъ, когда изъ маузера въ упоръ въ стѣнку стрѣляетъ, и то норовитъ не попасть... фактъ!... Этого студента я... ты меня извини... примялъ немного... и не то, чтобы я это... въ пылу битвы, а такъ, — ужъ очень мерзко стало: изъ такого револьвера не попасть въ двухъ шагахъ... что я? копейка? — чортъ его дери! Суется въ волки, а хвостъ поросячій!...“

Я привелъ лишь нѣсколько штриховъ изъ сочной характеристики „демократа“ въ изображеніи Дерябина, но ихъ вполнѣ доста-

точно, чтобы понять, за что именно онъ ихъ презираетъ: они не представляютъ собою внушительной силы. Не идеи и принципы „демократовъ" возмущаютъ пристава, но исключительно безпомощная слабость въ ихъ отстаиваніи. „Митя, — восклицаетъ онъ, — вотъ крещусь и божусь, — въ случаѣ насчетъ свободы если, — я въ первыхъ рядахъ пойду! Дай только съ кѣмъ идти, — и пойду, опереться чтобъ было на что-нибудь, — и конецъ, пойду! Потому что и мнѣ, хоть я и приставъ, нужно, чтобы было что уважать!.. И „отречемся отъ стараго міра" — это я-то громче всѣхъ пѣть буду: — у меня жъ го-лосъ! (крикнулъ такъ, что звякнули окна)".

Мы ясно видимъ, такимъ образомъ, что „демократовъ" Дерябинъ презираетъ за слабость, въ то же время ища силы, на которую онъ могъ бы „опереться". Естественно возникаетъ вопросъ — почему бы Дерябину не опереться на силу нравственную? Но въ томъ-то и дѣло, что ея не существуетъ для Дерябина. Для него вообще не существуетъ отвлеченныхъ вещей и понятій. Свобода для него тогда свобода, когда она командуетъ, честность и правда — когда онѣ командуютъ; когда же онѣ подчиняются началамъ противоположнымъ, то это не свобода, не правда, не честность, а жалкая болтовня, покушеніе съ негодными средствами, — „суется въ волки, а хвостъ поросячій". Вдобавокъ натура Дерябина не различаетъ оттѣнковъ и постепенности: если правда не настолько воплощена, чтобы все было ею проникнуто, — онъ ея вовсе не замѣтитъ. „Воръ на ворѣ, мошенникъ на мошенникѣ... — характеризуетъ онъ окружающую жизнь. — Всѣ — воры! Всякій — воръ! Честнымъ у насъ еще никто не умеръ, — чуда такого не было, — фактъ!... Ты — честный? Ты пока еще такъ себѣ, молочко... Еще не жилъ; поживи-ка, — украдешь. За часъ до смерти, если случая не было, послѣднюю портянку у денщика украдешь, — такъ и знай! Такъ съ портянкой въ головахъ и помрешь, — фактъ, я вамъ говорю!" Весь міръ представляется Дерябину гигантскимъ грабителемъ и воромъ, а себя онъ видитъ „осужденнымъ" разыскивать краденое и дурно, по глупости, припрятанное. „Куда сила идетъ? На кого? Я тебѣ перечту сейчасъ по пальцамъ, а ты слушай. Сила идетъ на воровъ, на мошенниковъ, на мерзавцевъ, на прохвостовъ, на шваль, на цыганъ, на... на образа-подобія человѣческаго не имѣющихъ, на грабителей, на сволочь неисчерпаемую, — двѣнадцатый палецъ, — на уличаемыхъ, на предателей, на бродягъ, на лѣвыхъ, но и на правыхъ также, на пропойцъ, на укрывателей, на всякаго вообще, который прячетъ, чортъ его дери!.. Да, вѣдь, нѣтъ его, фактъ, нигдѣ его нѣтъ, человѣка, которому пря-

тать нечего. Прячь, — всѣ киты здѣсь: тутъ тебѣ и соціологія, и генеалогія, и геральдика, и восточный вопросъ!...“

Итакъ, нуждающійся въ томъ, чтобы что-либо уважать, приставъ Дерябинъ не можетъ уважать ни нравственной силы настоящаго, потому что не видитъ ея, ни побѣды ея въ будущемъ, потому что она обидно слаба для этого. Что же остается ему уважать, что можетъ ему импонировать? Остается исключительно голая физическая сила. „Другъ! — восклицаетъ онъ, — да чтобы быть русскимъ человѣкомъ, — колоссальное здоровье для этого надо имѣть!... А такъ какъ Дерябинъ чудовищно-силенъ, то весь запасъ своего уваженія онъ и направляетъ внутрь себя, внѣ себя не уважая никого и ничего. Правда, онъ смутно чувствуетъ, что и надъ нимъ все-таки господствуютъ какія-то порой непонятныя ему, силы, и онъ отдаетъ имъ нѣкоторую дань. Избивая и калѣча неповинныхъ людей, онъ считаетъ это своимъ „дѣломъ“, въ которое если и можетъ кто вмѣшаться, такъ развѣ... полицеймейстеръ и губернаторъ. А побивъ людей, онъ становится на колѣни передъ образами и читаетъ молитву ко сну отходящихъ. — „Я, братъ, ничего въ жизни не понимаю, и потому молюсь“, и тотчасъ, окончивъ молитву, отправляется въ кордегардію вновь избивать невинныхъ людей. „Я ихъ прощупаю, здѣшнихъ ребятъ!“ — объявляетъ онъ „съ тою же металлической брезгливостью въ голосѣ, какая была у Абрамова“, когда онъ въ казармѣ раздавалъ толчки тоже ни въ чемъ не повиннымъ людямъ... И въ результатѣ — горькая жалоба этого истерическаго богатыря: „Митя! Если бъ ты зналъ, какъ мнѣ моя служба опротивѣла! Ахъ, чортъ же ее дери, если бы зналъ только!“

И вотъ, съ замѣчательной психологической закономѣрностью, смыкается начало разсказа съ концомъ. „Только теперь, когда говорилъ Дерябинъ, всѣмъ тѣломъ понялъ Кашневъ, что если бы не Лыкошинъ, одинъ только онъ, старый, съ бородою въ комьяхъ, державшій винтовку, какъ вилы, *если бы онъ одинъ невзначай не удержалъ въ себѣ человѣка*, — *ушелъ бы и изъ него человѣкъ*“. Лишь на минуту представивъ послѣднее, Кашневъ чувствуетъ себя нравственно опустошеннымъ, ему мерещится, что Абрамовъ бьетъ его самого, брезгливо спрашивая при этомъ: „Я тебя сбилъ?“, а онъ, какъ и другіе, отрекается. И какъ только онъ это представилъ, такъ сразу почувствовалъ, что „единое, что возникло въ немъ вдругъ теперь неопровержимо, какъ вѣра, была сила, простая, прочная, бычья сила“, вѣра пристава Дерябина. И онъ, почти восторженно, обращается къ сумбурному приставу: „Ты правъ, Ваня!... И что ты за свободой пойдешь, — этому вѣрю! Вѣрю! Потому что какъ же иначе? — Вѣришь? — Вѣрю,

потому что... украли душу, ограбили, и у этихъ, у ограбившихъ, нужно ее обратно... украсть, — подсказалъ Дерябинъ. — Украсть, — повторилъ Кашневъ, — иначе некого уважать и не за что".

„Приставъ Дерябинъ" — это русскій національный разсказъ о человѣческомъ достоинствѣ, о его значеніи, о нравственномъ опустошеніи, которое производитъ отсутствіе такого достоинства, о страшномъ, ужасномъ въ полномъ смыслѣ слова, міросозерцаніи, построенномъ на голой физической силѣ, и преклоненіи передъ нею. Примѣненіе образа Дерябина къ явленіямъ и фактамъ русской жизни — къ ихъ объясненію и познанію — необычайно велико, и я думаю, что Дерябинъ станетъ со временемъ такимъ же классическимъ литературнымъ типомъ, какъ и тѣ, безъ которыхъ не обходится наша обиходная рѣчь, какъ Обломовъ, Фамусовъ, Ноздревъ и т. п.

Однако, какъ ни интересенъ этотъ вопросъ объ объективномъ значеніи образа Дерябина, намъ отъ него надобно отвлечься въ сторону того вопроса, ради котораго здѣсь и приведено содержаніе разсказа, вопроса о субъективномъ значеніи философіи разсказа, о томъ, какъ конкретное, частное зло претворяется у Ценскаго въ философскую проблему зла. Мнѣ кажется, что смыслъ чувствъ, пережитыхъ Кашневымъ, утверждаетъ такое претвореніе съ полной неопровержимостью, — вспомните, какъ „человѣкъ", нравственная цѣнность его — висѣли на волоскѣ въ душѣ Кашнева и были спасены такимъ типично частнымъ явленіемъ, какъ нѣсколько словъ солдата Лыкошина. Это Лыкошинъ держитъ въ своихъ рукахъ душу Кашнева и рѣшаетъ вопросъ — быть ли ему пессимистомъ или оптимистомъ, принять или отвергнуть смыслъ жизни. Здѣсь несомнѣнна связь между зломъ соціально-національнымъ и идеей злого начала въ жизни.

IV.

„Наклонная Елена" — разсказъ на тему объ утвержденіи и отрицаніи жизни, какъ таковой, типичный для Ценскаго разсказъ о томъ, какъ складывается у человѣка міровоззрѣніе.

Молодой инженеръ Матіецъ рѣшилъ покончить счеты съ жизнью, назначивъ себѣ опредѣленный день и часъ для исполненія этого рѣшенія. Но какъ разъ передъ самымъ этимъ моментомъ на него дѣлаетъ нападеніе и избиваетъ до потери сознанія рабочій Божокъ, наканунѣ уволенный съ работы за грубость. Оправившись отъ послѣдствій побоевъ, инженеръ Матіецъ отказывается отъ мысли о самоубійствѣ и принимаетъ твердое рѣшеніе жить и трудиться.

Вотъ — скелетъ разсказа. Читатель уже изъ этой краткой передачи могъ замѣтить, что фабула его не можетъ быть признана абсолютно новой. Разсказы и повѣсти (или эпизоды въ нихъ), гдѣ близкій къ гибели герой получаетъ спасительный толчекъ „со стороны“ — даже довольно часты. Вспомнимъ хотя бы „Ночь“ Вс. Гаршина, гдѣ колокольный звонъ, вызвавъ по ассоціаціи рядъ свѣтлыхъ образовъ въ душѣ человѣка, собирающагося убить себя, заставляетъ его отказаться отъ мысли о самоубійствѣ. Вспомнимъ также князя Нехлюдова изъ „Воскресенія“, воскресеніе котораго къ новой жизни произошло, когда онъ, случайно раскрывъ Евангеліе, случайно находитъ въ немъ для себя утѣшеніе и возрождающую силу...

Однако — сходство мотивовъ здѣсь самое отдаленное, сравненіе „Наклонной Елены“ съ двумя указанными произведеніями гораздо рельефнѣе обнаруживаетъ характерное между ними различіе, чѣмъ сходство.

Что привело Матійца къ мысли о самоубійствѣ? Отчасти неудача въ любви, но болѣе всего — безысходно мрачная жизнь, которая его окружала на угольномъ рудникѣ, гдѣ онъ служилъ, которой и онъ былъ участникъ. „Въ сущности это ужасно! — писалъ онъ къ матери. — Несчастнѣе этихъ людей (рабочихъ на шахтѣ) я не могу себѣ представить. Они живутъ какъ-то, но просто въ силу человѣческой живучести... И я, какъ инженеръ, принужденъ ихъ давить, не считаться съ ними, какъ съ людьми, выжимать изъ нихъ соки“... А потомъ въ шахтѣ „Наклонная Елена“ случилось несчастіе: завалило двухъ человѣкъ... Откопали ихъ уже мертвыми. Матійцу предстоялъ судъ, „но онъ осудилъ себя раньше суда“. Жизнь опостылѣла ему, онъ какъ бы раздвоился и одно существо въ немъ какъ бы говорило другому существу: „Ну, что Саша? Плохи твои дѣла... Дрянь ты“... „Но это было минутное, — замѣчаетъ авторъ, — вслѣдъ за этимъ являлась вдругъ странная гордость отъ сознанія, что мѣра всѣхъ вещей въ мірѣ все-таки онъ самъ и что это не жизнью вытѣсняется онъ, а жизнь до самыхъ глубинъ своихъ осуждена имъ. Эта жизнь вся до конца представлялась ясной, при всей запутанности своей — очень простой, нелѣпой по своей сущности, и казалось, что нѣтъ такого вопроса въ ней, котораго нельзя было бы рѣшить сразу, однимъ нажимомъ мысли, потому что разрѣшающее все въ жизни было уже окончательно найдено: смерть“.

За день до срока, назначеннаго для самоубійства, когда Матіецъ въ послѣдній разъ осматриваетъ шахту, его грубо оскорбляетъ „коногонъ“, рабочій Божокъ, чрезвычайно сильное, какое-то перво-

бытное существо, нѣчто среднее между человѣкомъ и гориллой. И хотя, какъ мы видѣли, „разрѣшающее все въ жизни“ было уже найдено Матійцемъ, онъ не можетъ не реагировать на полученную обиду... „Чѣмъ можетъ оскорбить меня это животное? — съ изумленіемъ спрашиваетъ онъ самого себя—ничѣмъ, вѣдь, ничѣмъ!.. Теперь ничѣмъ“... И тутъ же: „Отчего же такъ хочется выбить ему зубы медвѣжьи?“ Хотѣлось до боли, и рука туго сжималась, дрожа крупно въ локтѣ“.

Матіецъ отдаетъ распоряженіе разсчитать Божка, а самъ продолжаетъ выполнять все, что полагалось по обдуманному плану самоубійства: отправляется въ Ростовъ (при чемъ берётъ отъ другого инженера порученіе — уплатить по роспискѣ какому-то Мирзоянцу 540 рублей). Въ дорогѣ все кажется ему противнымъ, вызываетъ брезгливость. При видѣ дамы съ золотымъ зубомъ, онъ вспоминаетъ дѣвушку, которую неудачно любилъ: „Вотъ и у Лили лѣтъ черезъ пять появится вдругъ такой же зубъ... Какой ужасъ!... Появится, и любуйся имъ цѣлую жизнь... Какой ужасъ!“ О другой, некрасивой дамѣ съ двумя дѣтьми онъ думаетъ: „Какъ ты смѣешь имѣть дѣтей!“ „Все, что попадаетъ въ человѣческій мозгъ, — разсуждаетъ онъ, — становится легче именно настолько, сколько вѣситъ вытѣсненный имъ мозгъ... Земной шаръ, напримѣръ, изученъ достаточно, и насколько онъ изученъ, настолько же онъ и усохъ... и такъ во всемъ“...

Въ Ростовѣ онъ заходитъ въ клубъ и здѣсь проигрываетъ 800 рублей, всѣ свои сбереженія, которыя онъ имѣлъ намѣреніе отослать передъ смертью матери. Это его почти не задѣваетъ; покидая клубъ, онъ высокомѣрно думаетъ по адресу остающихся игроковъ: „когда кто-нибудь проигрывается почти въ пухъ, онъ тутъ же начинаетъ выигрывать снова, и такъ конца этому нѣтъ, глупѣйшая вѣчность, а тамъ, куда онъ уйдетъ, дуетъ милый и свѣжій вѣтеръ и открывается вѣчно какая-то всеобъемлющая мысль“. Встрѣтясь вечеромъ въ саду съ какою-то женщиной, которую кто-то обидѣлъ и довелъ до скандала, онъ уводитъ ее къ себѣ въ гостиницу. Здѣсь ночью она похищаетъ у Матійца изъ кармана 540 рублей, приготовленныя для Мирзоянца... „Хоть и казню себя сегодня, — размышляетъ Матіецъ, — все же... нехорошо“... „Матіецъ видѣлъ, что что-то останется неоправданнымъ послѣ его смерти, что сегодня онъ уже менѣе свободенъ, чѣмъ былъ вчера“.

Начинается упорная борьба между прочно сложившимся стремленіемъ покончить съ жизнью и между этими мелочными фактами, которые жизнь неожиданно выдвинула изъ своихъ нѣдръ и которыми пытается прикрѣпить къ себѣ уходящаго отъ нея Матійца

„То странное чувство, которое онъ испытывалъ и раньше, какъ будто не у него, Матійца, украли 540 руб., а онъ самъ, до этихъ поръ щепетильно честный, укралъ ихъ у Безотчетова (инженера, которому деньги принадлежали), все какъ-то росло теперь, хоть онъ и не хотѣлъ этого. Была даже мысль написать Олѣ (сестрѣ), чтобы она какъ-нибудь по частямъ уплатила за него долгъ послѣ его смерти. Но чѣмъ больше думалъ, тѣмъ меньше понималъ въ этомъ, и потомъ никакъ уже не могъ отыскать, чьи же, собственно, эти деньги — 540 рублей? Безотчетова ли, или темныхъ шахтеровъ, которыхъ онъ штрафовалъ безбожно, получая за экономность преміи, или принадлежатъ онѣ невѣдомымъ бельгійцамъ (владѣльцамъ рудника), или многознаемому голодному русскому мужику, или по праву присвоены онѣ проституткой Полей, у которой двое малютокъ, которыхъ надо кормить (а хоть бы и не было малютокъ, все равно). Получалась какая-то безсмыслица, распылилось прочное понятіе: собственность, возникло множество лицъ, которыя вчера и сегодня промелькнули передъ Матійцемъ, и всѣ теперь говорили: „Деньги эти — наши... мои!"

Матіецъ, однако, не сдается: „Вы меня къ стѣночкѣ приперли, — говоритъ онъ кому-то насмѣшливо, — вздумали раздавить какою-то своей тошной чепухой, а въ стѣночкѣ есть все-таки щель... Вотъ обернусь сейчасъ маленькимъ, какъ мышь, и уйду"... На часахъ безъ двадцати минутъ одиннадцать — Матіецъ назначилъ застрѣлиться ровно въ одиннадцать — револьверъ у него въ рукѣ... Трудно сказать, застрѣлился ли бы онъ послѣ этихъ двадцати минутъ, кто осилилъ бы — инерція смертнаго рѣшенія или „тошная чепуха" жизни? Какъ бы тамъ ни было, жизнь внезапно и грубо выставляетъ въ свою пользу новый и рѣзкій, грубый аргументъ, казалось бы по началу, что аргументъ именно для жизни убійственный: въ окно лѣзетъ коногонъ Божокъ съ намѣреніемъ убить инженера, отомстить за расчетъ съ работы: „смерть не бѣлая, не желанная, не своя, а вотъ она смерть, — черная, грязная, уродливая, страшная... чужая". Божокъ потянулся къ оброненному Матійцемъ револьверу, „а въ это время быстро схватившій вѣнскій стулъ Матіецъ ударилъ его по головѣ и шеѣ сидѣньемъ такъ, что подломилась ножка".

Матіецъ отчаянно борется и остается, благодаря этому, живъ: подоспѣвшіе на крики люди отняли у Божка изувѣченнаго инженера, и когда нѣкоторое время спустя онъ очнулся, окруженный озабоченными людьми, то первыя слова его были: „Спасибо вамъ!" ...

Вотъ отрывки изъ письма къ матери инженера Матійца, которое онъ написалъ, едва лишь только оправился настолько, чтобы

ходить по комнатѣ: „Никогда этого не бывало со мною раньше, чтобы я смотрѣлъ на трубы, на груды угля, на шаткія эстокады, на все кругомъ, что изъ моего окна видно, и чувствовалъ радость, а теперь чувствую. Раньше я служилъ чужому дѣлу, но только теперь я начну считать это дѣло своимъ и работать... Мнѣ нужно было переболѣть, чтобы полюбить, — просто нужно было какое-то посвященіе въ рыцари труда, и посвящать явился ко мнѣ тотъ, кто имѣлъ на это безспорное право. Правда, пріемы у него жестокіе, но жизнь не дала ему другихъ. Можетъ быть, я что-нибудь и потеряю въ „человѣкѣ", котораго создали бѣлоручки-вздыхатели, зато во мнѣ выигралъ „работникъ", зато единственная поэзія, въ которую я вѣрю теперь, это поэзія труда, грубаго-грубѣйшаго земного труда, который все исцѣляетъ и все освѣщаетъ... Запиши на память нѣсколько странную, на первый взглядъ, фамилію: Божокъ, и когда будешь вспоминать ее, вспоминай съ благодарностью: человѣку съ этой странной фамиліей я обязанъ чрезвычайно многимъ, чтобы не сказать „всѣмъ", потому что пребываніе на землѣ нужно искупить такъ же, какъ и рожденіе на землю. И вотъ я смотрю на небо, — оно мое, смотрю на трубы, онѣ тоже мои... Онѣ дымятъ, но дымятъ онѣ по-рабочему, — бодро и дружно, и дымъ этотъ для меня теперь не закоптитъ и не испортитъ неба... А юность прощай!..."

Возвратимся къ сдѣланному выше сравненію „Наклонной Елены" съ „Ночью" Гаршина и возрожденіемъ князя Нехлюдова въ „Воскресеніи". Откуда приходитъ спасеніе къ героямъ этихъ двухъ произведеній? Въ полномъ смыслѣ слова — со стороны. Грубо выражаясь, матеріалъ спасенія абсолютно чужероденъ тому матеріалу, броженіе котораго обусловливаетъ гибель человѣка. Здѣсь колокольный звонъ и опредѣленная страница, на которой раскрылось Евангеліе, суть то „лѣкарство", которое авторъ въ критическую минуту прописываетъ больному.

Совершенно противоположнаго смысла разрѣшающійся финалъ въ „Наклонной Еленѣ". Онъ напоминаетъ уже иной характеръ исцѣленія больного организма, — характеръ, описанный Мечниковымъ: организмъ, пораженный ядомъ, изъ себя же выдѣляетъ и противоядіе; фагоциты бросаются на бациллъ и уничтожаютъ ихъ болѣзнетворное вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, — какъ грубо и прозаично исцѣляющее Матійца лѣкарство! Какъ однородно оно, въ смыслѣ происхожденія, поразившему его яду! Грубая брань этой обезьяны Божка, порученіе уплатить деньги по распискѣ, похищеніе денегъ проституткой въ номерѣ гостиницы, ожесточенная драка съ Божкомъ, — какъ далеко все это отъ колокольнаго звона, отъ боже-

ственныхъ словъ Евангелія, отъ сладкихъ воспоминаній дѣтства. Это взято изъ той же грубой жизни, откуда подкралась было къ Матійцу и гибель.

Но быть можетъ, въ этомъ и заключается секретъ глубоко жизненнаго и бодраго впечатлѣнія, которое производитъ повѣсть Ценскаго. Это — подлинное утвержденіе жизни, со всѣмъ ея „фламандской школы пестрымъ соромъ“, съ ея реальной убѣдительностью, съ ея жестокими ударами, которые то сковываютъ цѣпи на человѣкѣ, то разбиваютъ ихъ. Колокольный звонъ, мы чувствуемъ, могъ бы и не раздаться въ нужный моментъ; Евангеліе могло раскрыться на другой страницѣ. Можно, конечно, сказать, что Матійца могла не обокрасть проститутка, могъ не побить Божокъ. Но это будетъ поверхностное возраженіе, ибо въ этихъ послѣднихъ эпизодахъ нѣтъ ничего случайнаго (въ противоположность первымъ); они, какъ слѣдствія, обязательны для насъ точно въ такой же мѣрѣ, какъ обязательно и рѣшеніе Матійца покончить съ собой, ихъ психологическая закономѣрность вытекаетъ изъ того же источника, какъ и это рѣшеніе.

Я такъ подробно останавливаюсь на этомъ вопросѣ по той причинѣ, что характеръ исцѣленія души Матійца, а не самое исцѣленіе, какъ таковое, составляетъ корень авторскаго замысла, кидающій яркій свѣтъ и на всю эволюцію его творчества. Обыкновенный человѣкъ, поставленный въ обыкновенныя условія, приходитъ къ мрачнымъ мыслямъ, въ которыхъ точно нѣтъ ничего необыкновеннаго, и затѣмъ избавляется отъ нихъ путемъ, то же самымъ обыкновеннымъ, — вотъ схема замысла повѣсти. Въ самомъ началѣ ея авторъ замѣчаетъ, что „можетъ быть, великій человѣкъ рождается съ возможностью стать когда-нибудь самоубійцей какъ на всякой ногѣ можно набить мозоль, — дайте только тѣсную обувь“.

Нужно ли пояснять значеніе подчеркнутыхъ словъ, столь кратко и просто ставящихъ вѣнецъ пессимистическаго міроощущенія — самоуничтоженіе — на степень простого слѣдствія „тѣсной обуви“, опредѣленной, конкретной жизненной обстановки? Съ большей опредѣленностью нельзя подчеркнуть связь между частнымъ и общимъ, самымъ общимъ, ибо Ценскій утверждаетъ эту зависимость именно для всякаго человѣка.

Къ сказанному надобно добавить, что здѣсь же налицо и другой излюбленный мотивъ Ценскаго: мотивъ угнетаемаго человѣческаго достоинства, мстящаго такъ или иначе за себя. Если на Матійца напали мрачныя мысли, то вѣдь потому, главнымъ образомъ, что окружали его люди, которые жили лишь „въ силу человѣческой

живучести“, съ которыми не считаются, какъ съ людьми. И недаромъ Божокъ, а не кто другой, приноситъ Матійцу исцѣленіе: это онъ, самъ того не сознавая, возстаетъ противъ пригнетенія своей человѣческой личности и грубо оскорбляетъ инженера, который представляетъ ту тяжесть, которая Божка гнететъ.

VII.

Мы можемъ теперь подвести нѣкоторые итоги. Двѣ линіи авторскаго пессимизма прошли передъ нами, обнаруживая каждая свои послѣдовательныя измѣненія и свою родственную связь. И линія реалистическая, т. е. та, гдѣ пессимизмъ питается конкретными фактами экономическаго, соціальнаго, національнаго порядка, мѣняется на своемъ протяженіи строго опредѣленнымъ образомъ. Сначала — „Тундра“, — полная безысходность; зло царитъ — и никто не протестуетъ; швейку убиваютъ, и всѣ считаютъ это правильнымъ. Далѣе, въ разсказѣ „Садъ“, то же безпросвѣтное угнетеніе, та же покорность и безропотность угнетенныхъ, но со стороны является мститель, который, однако, мститъ безсмысленно, какъ попало. Это приблизительно соотвѣтствуетъ „лучу свѣта въ темномъ царствѣ“, хотя лучъ этотъ — зловѣщъ, не радуетъ, не обѣщаетъ, а лишь подчеркиваетъ тьму... Еще далѣе, въ „Бабаевѣ“, мы видимъ уже вполнѣ созрѣвшую, сознанную и страстную жажду человѣческаго достоинства; и „Бабаевъ“ производитъ впечатлѣніе наиболѣе безысходное именно потому, что противорѣчіе между злыми фактами и до остроты созрѣвшей жаждой автора найти свѣтъ въ жизни — доходитъ въ этомъ романѣ до своего критическаго предѣла. Самъ же по себѣ романъ все-таки не чуждъ просвѣта: тутъ уже есть протестъ иного порядка, чѣмъ безсмысленный актъ Шевардина. Бабаевъ „искру хотѣлъ выбить, какъ изъ кремня огниво“, и если не выбилъ ея изъ мужиковъ, то въ другомъ случаѣ, когда онъ высѣкаетъ искру тѣми же пріемами изъ городской толпы, искра, дѣйствительно, получается: „тонкая дѣвочка бѣжала ему навстрѣчу. Дѣвочка съ робкой косою, въ коричневомъ платьѣ“... Она стрѣляетъ въ Бабаева, ее тутъ же убиваютъ. Это тоже ужасно и ненужно, но все-таки это уже борьба... Въ „Приставѣ Дерябинѣ“ человѣческое достоинство спасено Лыкошинымъ. Въ „Наклонной Еленѣ“, какъ мы сейчасъ видѣли, на протестъ подымается уже даже не простой мужикъ, какъ Лыкошинъ, а полуживотное Божокъ, въ которомъ то, что Ценскому особенно, повидимому, дорого въ человѣческой стихіи — собственное достоинство, все-таки оказывается налицо.

И въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ это наблюдалось съ

мистической струей авторскаго пессимизма, здѣсь также мы видимъ, какъ источникъ этотъ изсякаетъ, по мѣрѣ того какъ приближается къ творчеству Ценскаго послѣднихъ годовъ. „Приставъ Дерябинъ“ — произведеніе довольно жестокое, но отнюдь уже не пессимистическое; „Наклонная Елена“ уже категорически утверждающая жизнь повѣсть, бодрая и свѣтлая.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, право говорить уже не о смягченіи авторскаго пессимизма, но объ его исчезновеніи. Это — очень рѣдкое и очень интересное явленіе. Оно бываетъ рѣдко потому, что сплошь да рядомъ „тѣсный башмакъ“, о которомъ упоминаетъ Ценскій, т. е., причины, которыя обусловливаютъ пессимизмъ того или иного писателя, не такого свойства, чтобы отъ нихъ можно было избавиться внутреннимъ усиліемъ, если помощь не приходитъ со стороны внѣшнихъ условій. У насъ въ литературѣ такой приросшій къ ногѣ „тѣсный башмакъ“ носили многіе (Лермонтовъ, Тургеневъ, Гаршинъ, въ наши дни — Сологубъ). Это тѣ писатели, которые безсознательно несутъ въ себѣ отрицательную презумпцію для жизни. Ихъ надобно отличать отъ писателей, которые столь же безсознательно несутъ въ себѣ презумпцію положительную. Изъ числа послѣднихъ бываютъ такіе, которымъ дано благо съ юныхъ дней видѣть предъ собою жизнь оправданною и въ общемъ итогѣ — свѣтлою (Пушкинъ, въ наши дни — Короленко); но бываютъ и такіе, которые, чувствуя свѣтлое ядро жизни, не видятъ его и должны мучительно добираться до него, долгими усиліями совлекая съ свѣтлаго ядра сѣрую, шершавую, скучную шелуху, грязныя отребья жизни. Таковъ былъ Достоевскій, въ значительной степени — Чеховъ, особенно чистый примѣръ такого писателя — Сергѣевъ-Ценскій. Пессимизмъ такихъ писателей, какъ онъ, особенно порою кидается въ глаза своею напряженной остротою, между тѣмъ, какъ послѣдняя — прямое слѣдствіе внутренняго безсознательнаго напряженія — переработать въ себѣ и извергнуть изъ себя мучительныя впечатлѣнія, заслоняющія радость жизни. Это тотъ благодѣтельный пароксизмъ съ рѣзко выраженными признаками болѣзни, за которымъ часто слѣдуетъ кризисъ и быстрое выздоровленіе, въ противоположность тому тихому, невинному, скрытому болѣзненному началу, которое, едва проявляясь, незамѣтно подтачиваетъ и губитъ организмъ.

Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ разсказовъ („Вѣрю“) герой, потерпѣвъ жизненное крушеніе, размышляетъ, глядя на мальчика, своего сына: „Я смотрю на него и вѣрю, что, когда я умру, онъ будетъ жить — не такъ жить, какъ прожилъ я, тускло и слѣпо, не такъ жить, какъ живутъ около меня тысячи людей, а такъ, какъ будутъ жить будущіе люди. Я смотрю на него и вѣрю: мы были

животными, — онъ будетъ человѣкомъ, мы были каторжниками, прикованными къ тачкамъ, — онъ будетъ свободенъ. Жизни нѣлѣпыхъ случайностей и ненужныхъ смертей долженъ быть конецъ — я вѣрю... Вѣрю! Вѣрю!"

Здѣсь проведена рѣзкая черта между жизнью настоящей, которая сплошь нелѣпа, и жизнью въ будущемъ, которая будетъ прекрасна. Но само собою разумѣется, что въ субъективной психологіи такому разграниченію ничто не соотвѣтствуетъ, что если у человѣка есть вѣра въ прекрасное будущее, то, во-первыхъ, она безсознательно опирается на что либо не нелѣпое и въ настоящемъ, во-вторыхъ, она указываетъ на способность воспринимать свѣтлое, какъ свѣтлое — что само по себѣ исключаетъ пессимизмъ, какъ нѣчто абсолютное, ибо сама эта способность исключена изъ пессимизма.

Такое раздѣленіе — не болѣе какъ форма страстнаго желанія познать прекрасное въ настоящемъ, съ безсознательной вѣрой, что это возможно, что прекрасное — реальность.

И продѣланная Ценскимъ эволюція является, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ доведеніемъ до сознанія безсознательнаго утвержденія жизни.

Какъ и въ мистической струѣ его пессимизма, разоблаченной и потерявшей большую часть своей устрашающей силы, какъ только она выкристаллизировалась въ болѣе конкретныя формы, точно такъ же и съ „предметной" струей его пессимизма. Факты, и явленія, и люди — были одно сплошное зло до тѣхъ поръ, покуда все то было слито въ какую-то недифференцированную массу, толпившуюся въ воображеніи писателя. И все это стало свѣтлѣть и проясняться, какъ только авторъ принялся дифференцировать и разлагать сложное зло на составныя части. Самое простое названіе этого процесса — авторъ сдѣлался внимательнѣе; онъ пристальнѣе вглядѣлся въ „толпу" мужиковъ — и изъ нея выдѣлился Лыкошинъ; онъ ближе вглядѣлся въ полуживотное лицо Божка — и оттуда проглянула глубоко человѣчная черта.

Художникъ субъективный и глубоко-искренній, онъ самымъ характернымъ образомъ отразилъ этотъ процессъ и въ своихъ темахъ и въ своемъ стилѣ. Онъ былъ туманенъ и „вычуренъ" не умышленно, не для того, чтобы говорить не то, что онъ чувствовалъ и переживалъ (самая частая и характерная для послѣдняго времени причина появленія туманныхъ и вычурныхъ произведеній), но, какъ разъ наоборотъ, потому что хотѣлъ сказать точь-въ-точь то самое и такъ, что и какъ чувствовалъ, потому что добивался полной адэкватности для выраженія своихъ мыслей и чувствъ. Если

внимательно вчитаться въ пресловутое „Береговое" и въ еще болѣе туманныя, почти совершенно уже недоступныя ясному пониманію многія страницы „Бабаева" (напримѣръ, вся глава „Безстѣнное"), то мы ясно почувствуемъ, что авторъ здѣсь пытался говорить во-первыхъ, только одну правду, во-вторыхъ — всю правду. „Все ея тѣло, пишетъ онъ въ „Береговомъ", — было какой-то шелестящій притаившійся смѣхъ, и лицо у нея стало, какъ заросшая кустами калитка въ вечернемъ саду, которую запирали сейчасъ изнутри, еще не заперли, еще звякалъ ключъ о замокъ, и вишнями пахло".

Надобно удержать въ себѣ усмѣшку при чтеніи этихъ строкъ, потому что въ нихъ есть субъективная правда. Разумѣется, автору было бы не трудно подыскать „менѣе экзотическій" образъ для сравненія съ лицомъ героини, но явился ему именно этотъ, и потому-то онъ имъ воспользовался. Онъ легко могъ бы смягчить его экзотичность, „упростить", но это было бы не вся правда, и онъ воздержался отъ этого. Объективные результаты его литературной честности вышли неудачны — „Береговое", „Безстѣнное" не вознаграждаютъ читателя за его вниманіе, они остаются туманны, но субъективное отношеніе автора къ творчеству — безупречно, и единственный упрекъ, котораго онъ заслуживаетъ, это, быть можетъ, въ томъ, что онъ не воздержался отъ печатанія вещи, субъективность которой приближаетъ ее болѣе къ личнымъ документамъ, чѣмъ къ произведеніямъ для общаго чтенія.

И „Береговое" и „Безстѣнное" и кое-что еще — отражаютъ именно хаотическій и туманный внутренній міръ художника въ пору ихъ писанія. Это было тогда, когда позади дождя подавляющихъ злыхъ фактовъ онъ пытался уловить ликъ мистическаго зла. Періоду воплощенія послѣдняго какъ разъ соотвѣтствуетъ и періодъ постояннаго *проясненія* стиля: а постепенному просвѣтленію взгляда на жизнь точно такъ же соотвѣтствуетъ и *просвѣтленіе* самаго стиля. Плотная неразборчивая масса недифференцированнаго зла въ „Лѣсной топи" и „Печали полей" изображена какой-то общей краской неуловимаго тона; контуры расплываются, образы какъ-то слиты въ нѣчто цѣлое.

Сравните это съ произведеніями послѣдняго періода, — какая яркость, выпуклость, рельефность, какое богатство красокъ, запаховъ, ощущеній, и какъ все это заразительно живо и убѣдительно! Взгляните на этихъ пассажировъ яхты „Титанія" въ этюдѣ „Улыбки": „Въ потокахъ солнца и запаховъ круглятся лица: сливочно-бѣлыя, мягкія, чуть веснущатыя, но еще не успѣвшіе загорѣть у дѣвицъ-московокъ; прожженныя до костей, просушенныя, какъ вобла, дуб-

леныя, складчатыя у татаръ; вздутыя, пылающе-красныя, съ облупившейся на носу кожей у купцовъ; оливковое, гладкое, широкоскулое у студента-караима; кофейное, съ синимъ лоскомъ отъ небольшой смоляной бороды и пота у перса, и разнокалиберныя, волосатыя, оплывшія, разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ у кучки русскихъ рабочихъ"... „Я смотрю на Тимофеевы глаза, пишетъ Ценскій, — усы и щеки, на колючій широкій подбородокъ, на низковатый морщинистый лобъ, вижу, какъ все это движется, живетъ, вкладывается цѣликомъ въ каждое его слово, и какъ-то становится все страшно внимательнымъ въ моей душѣ, точно я никогда не видалъ, какъ смѣются и говорятъ люди; и слова его для меня не слова: я ихъ осязаю, вижу, и, боясь какъ бы не порвалось ихъ цвѣтное кружево, я говорю"...

Авторъ сталъ „страшно внимательнымъ" къ жизни — въ этомъ секретъ и его внутренняго преображенія, и соотвѣтствующаго послѣднему роста, и расцвѣта его художественнаго дарованія. Онъ точно тысячью глазъ всматривается въ жизнь, тысячью ушей прислушивается, тысячами пальцевъ осязаетъ. Лишь тотъ, какъ авторъ настоящей статьи, кто близко долгое время стоялъ къ технической и бытовой сторонѣ горнаго дѣла, можетъ въ достаточной степени оцѣнить удивительную точность, съ какою этотъ не спеціалистъ описалъ въ „Наклонной Еленѣ" шахту, горныя работы, рудничный бытъ и отпечатокъ, который онъ налагаетъ на людей. Сколько мнѣ ни приходилось читать разсказовъ, посвященныхъ тому же быту, ни одинъ изъ нихъ не былъ свободенъ отъ котораго-нибудь изъ двухъ грѣховъ: либо прямого искаженія дѣйствительности (съ характернымъ для профана сгущеніемъ красокъ и выдвиганіемъ несущественныхъ мелочей), либо щеголянія ненужными техническими подробностями, которыя фигурируютъ не потому, чтобы онѣ что-либо объясняли читателю, а потому лишь, что съ ними автору случилось познакомиться. Въ „Наклонной Еленѣ" есть все, что надо, и ничего сверхъ того, что надо, — полная свобода въ обращеніи съ техническимъ словаремъ, съ элементами характернаго быта, точно авторъ выросъ въ немъ. Жизнь, проясненная, кристаллизованная и дифференцированная авторомъ, освободила его отъ тягостнаго чувства безнадежности, и художникъ отблагодарилъ ей вдумчивымъ, точнымъ и любовнымъ ея изображеніемъ.

VIII.

Сергѣевъ-Ценскій измѣнилъ бы своей потребности доводить до сознанія органическіе процессы души, если бы не изобразилъ тѣхъ

элементовъ, какъ таковыхъ, изъ которыхъ сложился его собственный процессъ примиренія съ жизнью и оправданія ея. Эти элементы суть, съ одной стороны: удаленность отъ жизни, съ другой стороны — внимательная любовь къ ней, которая только и можетъ избавить человѣка отъ тягостнаго ощущенія удаленности отъ жизни. Въ разсказахъ „Нѣдра", „Небо", „Наклонная Елена" и „Ближній" авторъ, изображая и враждебную отчужденность и эту внимательную любовь къ жизни, описываетъ уже самый процессъ нравственнаго перерожденія, подчиненія одного элемента другому.

Любопытно сравнить „Нѣдра" съ тѣми разсказами Ценскаго, дѣ, по волѣ насмѣшливой судьбы, выживаютъ хилые и ненужные, а нелѣпо гибнутъ жизнерадостные и добрые. Въ „Нѣдрахъ" тихо угасаетъ 95-лѣтняя бабушка, возлѣ которой попеременно дежуритъ ея многочисленное потомство. Бабушка уже давно ничего не говоритъ, только дышитъ. Но въ ночь, когда дежуритъ младшая правнучка Варенька, бабушка кладетъ ей на голову руку, гладитъ ласково и называетъ по имени. Потомъ опять тихо засыпаетъ, а правнучка, поколебавшись, лѣзетъ черезъ окно въ садъ, оттуда на улицу и отправляется погулять съ влюбленнымъ въ нее гимназистомъ. Потомъ возвращается. Старушка тихо спитъ, крѣпко засыпаетъ и нагулявшаяся Варенька, а когда просыпается, мертвая прабабушка уже лежитъ на столѣ... „У нея такой спокойный видъ отдыхающей по праву: дождалась, когда послѣднюю правнучку, самую младшую озарила весенняя любовь... дождалась и умерла".

Изображено это такъ, что читатель какъ бы чувствуетъ это подчиненіе самой смерти закону любви. Когда Варенька любуется съ гимназистомъ красотою лунной ночи, авторъ озаряетъ ихъ созерцаніе особеннымъ, глубокимъ смысломъ. „Эти пристальныя къ жизни тихія минуты, если сбылись онѣ, ихъ нужно беречь, какъ пасхальныя свѣчи — онѣ рѣдки. Онѣ приходятъ изъ нѣдръ жизни и все преображаютъ, неизвѣстно какъ: и темную дубовую Хлѣбинину рощу, и жуткость рѣки, и выпьи крики, которые въ другое время пугаютъ. И чужое тепло рядомъ незамѣтно такъ и просто становится твоимъ тепломъ, и даже странно какъ-то думать о немъ, что оно чужое".

Выпьи крики пугаютъ, когда нѣтъ любви. Любовь дѣлаетъ чужое своимъ, — такова философія разсказа.

Въ разсказѣ „Небо" человѣкъ, котораго зовутъ Леней и которому „ровно два года пять мѣсяцевъ", упорно и систематически и при томъ вполнѣ успѣшно искореняетъ изъ жизни зло и жестокость. Дѣлаетъ это онъ очень просто и всегда однимъ пріемомъ: кричитъ „не надо!" Дядя Черный, со снисходительностью взрослаго и съ

отсутствіемъ внутренняго, любовнаго, а потому и понимающаго вниманія, разсказываетъ по просьбѣ Лени сказочку. Для пущаго эффекта онъ ее драматизируетъ, но вздумаетъ ли онъ разрѣзать козочкѣ животъ, или затравить волками дѣвушку, или заставитъ лисичку выгнать на морозъ зайчатъ, — Леня начинаетъ плакать и категорически заявляетъ: „не надо". Леню ведутъ въ циркъ, а тамъ онъ видитъ, какъ бьютъ по щекѣ клоуна Франца, но тутъ Леня опять вмѣшивается, топаетъ въ гнѣвѣ ноженками и, при общемъ безмолвіи, пронзительно кричитъ на весь циркъ: „Не надо! Ай, не надо!" „И странно, — замѣчаетъ авторъ. — Синія стѣны публики съ окнами лицъ зашевелились. Почему-то стало видно многихъ, неясныхъ раньше. Это Леня прыснулъ въ „толпу живой водой протестующей любви, и безличная масса сразу выдѣлила изъ своей среды „людей", присоединяющихъ и свои голоса къ протестующему гнѣвному голоску Лени..."

Далѣе у автора слѣдуетъ замѣчательная страница, полная и глубокаго общаго и частнаго субъективнаго значенія. Дядя Черный ѣдетъ въ поѣздѣ. „Было душно и мутно кругомъ, но дядя Черный не замѣчалъ этого такъ остро, какъ бывало всегда. Везъ съ собою что-то радостное, какъ пасхальный звонъ, и чѣмъ больше всматривался въ него, уйдя вглубь глазами, тѣмъ больше видѣлъ что это — Леня. Мальчикъ этотъ заслонилъ все, что зналъ раньше о жизни дядя Черный. Онъ какъ-то вплотную вошелъ въ одинокую, всему на свѣтѣ чужую душу, и съ нимъ, какъ съ забытой молитвой, какъ съ чудотворными мощами, какъ съ иконой, воскрешающей мертвыхъ, стало легко, умиленно и звучно. Христосъ и Будда, и всѣ правдолюбцы разныхъ временъ, — оказалось, что въ этой дѣтской и рѣяли неслышно ихъ тѣни. Они уже жили въ Ленѣ, — сто вѣковъ человѣческой мысли, — смотрѣли сквозь его глаза съ длинными рѣсницами и вскрикивали отъ чужой боли: „Не надо"... Въ тихихъ комнаткахъ набухала и когда-нибудь вся цѣликомъ упадетъ въ жизнь та капля любви, которой такъ не хватаетъ жизни, и когда упадетъ, — станетъ тихо, радостно и тепло... Въ какую-то молитву къ Ленѣ складывались мысли: „Леня! Пройдетъ двадцать лѣтъ. Дядя Черный станетъ сѣдымъ и старымъ. Что, если услышитъ онъ вдругъ, что сталъ ты среди жизни испуганный, оглянулся кругомъ и крикнулъ громко на всю жизнь, — какъ тогда на весь циркъ: „Не надо!.." Да вѣдь это слово пророковъ, проклинаемыхъ и распинаемыхъ на крестахъ, это слово безумцевъ, — но это святое слово. И развѣ земля придумала его? Нѣтъ, оно упало когда-то съ неба и живетъ, — въ загонѣ, въ отрепьяхъ, но живетъ, скорбя, и глядитъ всевидящими глазами. Леня! Что, если

ты сохранишь его въ себѣ и вырастешь съ нимъ вмѣстѣ? Не бойся, что, услышавши тебя, надъ тобой разсмѣются! Знай, что ты носишь небо, — самое лучшее, что есть на землѣ... И развѣ не навсегда оледенѣетъ земля, если отнять отъ нея небо?..“ Такъ молился будущему дядя Черный. Онъ смотрѣлъ въ темныя и сырыя, закутанныя въ дождь поля, и на глазахъ у него тяжелѣли слезы“.

Это „не надо!“, такое, казалось бы, безсильное предъ лицомъ мірового зла, оказывается въ представленіи автора всемогущимъ и всепобѣждающимъ, потому что оно есть символъ той любовной энергіи, лучи которой разрываютъ свинцовую пелену холодной созерцательности, заслоняющей отъ глазъ самое нужное и цѣнное, что есть въ жизни и въ человѣкѣ. Созерцаніе безъ любви — это нравственная слѣпота или, точнѣе, — это обманчивое видѣніе, при которомъ познается лишь призракъ жизни и при томъ — злой призракъ. И порой одной искры любви достаточно, чтобы разсѣять его и увидѣть подлинный міръ человѣка.

На эту тему и написанъ замѣчательный разсказъ „Ближній“. Департаментскій чиновникъ Чекаловъ, не отдохнувшій въ Крыму и лишь разстроившій пищевареніе, возвращается въ столицу. Онъ раздраженъ, и въ вагонѣ „всѣ, кто сидѣлъ внизу, казались чрезвычайно противны“. Удивительно тонко и многозначительно замѣчаніе автора, что „если бы Чекаловъ былъ художникъ, можетъ быть, онъ бы и любовался этимъ низкимъ, длиннымъ, синимъ набухшимъ облакомъ, напримѣръ, и ждалъ: а какъ оно пойдетъ дальше? А какой приметъ тонъ“... Если бы былъ художникъ, другими словами, если бы созерцалъ съ любовью, а не съ безразличіемъ... Но онъ не художникъ, и ему „съ этими клочками полей въ окнѣ скучно было, какъ съ китайцами: всѣ — нѣмые, всѣ — съ косицами; всѣ — на одно лицо. По своей удобной петербургской квартирѣ онъ тосковалъ и въ Крыму: человѣку за лампу и ванную онъ все-таки больше былъ признателенъ, чѣмъ Богу за солнце и море“. Конечно, и онъ не чуждъ эстетики, онъ коллекціонируетъ. Прежде онъ увлекался мѣхами, „но мѣха надоѣли, и трудно было съ ними. Потомъ онъ увлекся старинными камнями, которыхъ не портила моль, и которые говорили о серьезности и прихотливомъ вкусѣ. Теперь его занимали перстни и набалдашники палокъ. Конверты для писемъ онъ покупалъ какіе-то ужъ очень необычайной выдѣлки и, написавъ письмо и надушивъ его, долго думалъ надъ тѣмъ, какъ наклеить марку, чтобы вышло не по-казенному въ правомъ или лѣвомъ углу и не по-мѣщански на заклейкѣ, а на какомъ-нибудь совсѣмъ неожиданномъ мѣстѣ“.

Судя по всему этому, можно ужъ представить себѣ, какъ крѣпко возненавидѣлъ онъ старика-пассажира изъ кавказскихъ горцевъ, съ золотымъ Георгіемъ на груди, т. е. офицера изъ рядовыхъ, невоспитаннаго, навязчиваго, вульгарнаго, безцеремоннаго. Чекаловъ смотритъ на него „съ особой брезгливостью. Все въ немъ было ему противно: и его неопрятная шинель, и облѣзлая папаха, и нанковыя шаровары, и желтые, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ нечищенные сапоги; и широкій крѣпкій рубчатый ноготь съ черной каемкой на большомъ шишковатомъ пальцѣ правой руки“. Но всего болѣе противна ему все-таки эта навязчивость стараго осетина, манера заговаривать съ незнакомыми, навязываться съ угощеніемъ и тому подобныя нарушенія петроградской корректности... За дорогу кавказецъ такъ успѣлъ надоѣсть Чекалову, что когда осетинъ, выйдя въ Вышнемъ-Волочкѣ набрать въ чайникъ кипятку, не возвращается къ моменту отхода поѣзда, Чекаловъ доволенъ и злорадствуетъ. Это, кажется, первый разъ за всю дорогу, что Чекаловъ чему-либо порадовался... Однако, его радость непродолжительна: поѣздъ, едва тронувшись, внезапно останавливается, раздаются крики, что человѣка задавило, и Чекаловъ сразу чувствуетъ, что это — его кавказецъ. „И сердце такъ больно вдругъ дернулось, какъ поѣздъ, и сжалось въ кулачекъ. И сразу представилъ онъ ясно не чьи-то, а такіе знакомые сѣрые, широкіе, старые глаза“... и все, что такъ недавно казалось ему нестерпимо противнымъ въ старомъ человѣкѣ... Онъ торопится взглянуть на него, и когда стоящій возлѣ тѣла станціонный жандармъ заявляетъ, что нельзя открыть тѣло, „Чекаловъ удивился: — Нельзя? Какъ такъ нельзя?.. Мнѣ? — И показалось такъ естественно это, — спросить: — Кому же можно, если мнѣ нельзя? — Онъ хотѣлъ бы добавить, что изъ всѣхъ людей здѣсь около тѣла и въ поѣздѣ, и на станціи, и кругомъ — только онъ одинъ зналъ старика, зналъ о немъ такъ много: какъ онъ говорилъ, ѣлъ яблоки, или сыръ, или щи, какъ хотѣлъ, чтобы всѣ спали, какъ показывалъ кинжалъ, какъ развязывалъ чемоданъ, вынималъ чайникъ, какъ спрашивалъ (у Чекалова же, въ Вышнемъ-Волочкѣ): „Можно успѣть?“ (кипятку набрать, — на что Чекаловъ угрюмо и брезгливо бросилъ въ отвѣтъ: — вы, пріятель, вездѣ успѣете...) и какіе у него были при этомъ глаза“ ... Изъ враждебнаго и дальняго, какимъ былъ для Чекалова этотъ старикъ всего нѣсколько минутъ назадъ, онъ вдругъ сталъ „ближнимъ“, почти роднымъ, но предъ Чекаловымъ лежалъ уже только трупъ этого ближняго, и, потерявъ сознаніе, онъ грузно валится рядомъ съ тѣломъ старика, котораго онъ запоздало полюбилъ.

Если принять во вниманіе, что самъ по себѣ старикъ-осетинъ

ничего особеннаго собою не представляетъ, что единственная цѣнность его, которую могъ и долженъ былъ полюбить Чекаловъ — это то, что онъ человѣкъ и уже, стало быть, по тому одному и „ближній“, — если все это сообразить, то станетъ ясно, что это — противоположный полюсъ того взгляда на жизнь, при которомъ, какъ мы это видѣли, „людей нѣтъ. Есть одинъ человѣкъ... И величайшая роскошь жизни — двое... Остальное фонъ... декорація“... Въ разсказѣ „Ближній“ утверждается, что не одинъ есть, а всѣ есть, и ни одинъ не есть фонъ или декорація. Въ „Медвѣженкѣ“, написанномъ въ поздній періодъ творчества, авторъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что „человѣкъ появляется на свѣтъ отъ двухъ боязней: отъ боязни пустоты въ себѣ — вѣчная женская боязнь, и отъ боязни пустоты вокругъ себя — вѣчная боязнь мужская“. Это мудро сказано, и въ этомъ сопоставленіи есть внутренняя связь, ибо избавленіе отъ пустоты и внутренней и вокругъ себя происходитъ, въ сущности, однимъ путемъ — путемъ творческой любви, которая создаетъ человѣка не только внутри человѣка, но и вокругъ него заселяетъ безграничную пустоту. Инженеръ Матіецъ больше принадлежалъ смерти, чѣмъ жизни, когда смотрѣлъ брезгливо на все, что его окружало; жизнь вернулась къ нему вмѣстѣ со способностью быть внимательнымъ, съ умѣніемъ разглядѣть человѣка и въ звѣроподобномъ Божкѣ. Чекаловъ живетъ въ пустынѣ, ибо мѣха, набалдашники и камеи — бездушны. И, быть можетъ, первый живой поселенецъ въ мертвой пустынѣ его души — это изувѣченный трупъ осетина... Съ другой стороны, если это начало возрожденія души Чекалова, а не мимолетный эпизодъ, — тогда трудно даже представить себѣ границу, которая могла бы отдѣлить мертвое отъ живого въ его ощущеніи, ибо тогда все живо ибо тогда онъ превращается въ „художника“, который все одухотворяетъ... Въ прелестной сказочкѣ „Четыре подковы“ женщина даритъ на счастье подкову сначала вѣтренному юношѣ, будущему моряку, затѣмъ молодому, довольному ученому, третью — молодому купцу, а четвертую — поэту. И лишь эта четвертая подкова, которую поэтъ оправилъ въ серебро и повѣсилъ надъ столомъ, дѣйствительно принесла ему счастье, потому что онъ сумѣлъ и въ ней почерпнуть вдохновеніе для творчества: „И подкова принесла ему счастье, такъ какъ есть оно въ длинныхъ воспоминаніяхъ о мимолетномъ, въ шорохѣ падающихъ листьевъ и вечернемъ небѣ, то зеленомъ, то палевомъ, то лиловомъ, почти человѣчески страдающемъ передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ погаснуть и слиться съ землей“. И пробужденіе поэта въ „Чекаловѣ“ къ тому, собственно, и сводится, что отъ безстрастнаго взиранія на страдающаго

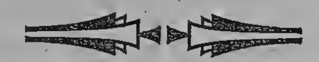
человѣка, какъ на далекое чуждое небо, переходишь къ одухотворенію даже самаго неба, „почти по-человѣчески страдающаго", не говоря уже о подлинныхъ страданіяхъ „ближняго".

Читатель, быть можетъ, замѣтилъ, что чего-либо исключительно новаго нѣтъ ни въ быломъ пессимизмѣ, ни въ преодолѣвшемъ его оптимизмѣ Сергѣева-Ценскаго. Идея о творческой любви, побѣждающей зло — одна изъ самыхъ старыхъ идей нравственности, къ которой непрестанно возвращается человѣчество, и простое милліонъ первое провозглашеніе ея Сергѣевымъ-Ценскимъ не составляло бы ни заслуги его, ни интереса. Это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, какъ, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и значеніе и захватывающая прелесть новизны сочиненій этого писателя. Противорѣчіе это разрѣшается тѣмъ, что старая идея получила у него новое и совершенно оригинальное, свѣжее воплощеніе, которое какъ бы обновляетъ и самую идею. Мы воспринимаемъ изъ его разсказовъ не отвлеченную идею, но живой образъ, который по-своему, а стало быть и не такъ, какъ милліоны милліоновъ до него — ее изжилъ и прочувствовалъ.

Это — во-первыхъ. А во-вторыхъ, читая эти разсказы, мы неизмѣнно находимся подъ обаяніемъ необыкновенной и рѣдкой искренности и жадности, съ какими авторъ ищетъ свою правду Мы чувствуемъ, что она дѣйствительно вопросъ жизни для него, что всѣ эти повѣсти и разсказы, удачные и неудачные, яркіе и тусклые — что всѣ они даже не повѣствованіе объ этихъ поискахъ правды, но сами и составляютъ эти поиски, что не для читателя, а для себя писалъ ихъ художникъ, въ процессѣ воплощенія оформляя и для себя самого, проясняя и познавая тѣ смутные образы правды, безъ которыхъ жизнь лишена смысла. И эта субъективная окраска во много разъ усиливаетъ заражающее дѣйствіе той объективной правды, той нравственной идеи, которую искалъ и нашелъ авторъ, ибо въ органическомъ характерѣ этого процесса заключена та же высшая человѣческая правда, какъ и въ самой идеѣ, какъ таковой. „Есть какая-то на землѣ своя солнечная правда, — замѣчаетъ авторъ въ одномъ изъ прекрасныхъ своихъ позднихъ разсказовъ. — „Нетерпѣливое солнце" — человѣку этого не дано знать, человѣкъ только чувствуетъ это смутно, когда вдругъ возьметъ да повѣритъ сказкѣ о томъ, напримѣръ, что никогда не разлюбитъ, никогда не состарится, никогда не умретъ". Сергѣевъ-Ценскій смѣлымъ и труднымъ путемъ дошелъ до познанія этой сказочной солнечной правды, ею обвѣяны его разсказы и черезъ нихъ она пере-

дается и читателю. Сильный самъ по себѣ художественный даръ этого писателя покоится на очень высокомъ пьедесталѣ субъективнаго правдоискательства и это во много разъ повышаетъ его значеніе. Сергѣевъ-Ценскій уже много далъ, но еще больше, вѣроятно, дастъ въ будущемъ. Это, быть можетъ, самая большая наша надежда въ современной русской литературѣ, на холодноватомъ фонѣ которой, на фонѣ этихъ исканій по преимуществу новаго стиля — онъ рѣзко и крупно выдѣляется своимъ исканіемъ правды.

А. Дерманъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Значеніе, достигнутое Государственной Думой. — Прогрессивный блокъ и его обвинители. — Обструкція въ засѣданіи 19 ноября. — Декларація новаго предсѣдателя совѣта министровъ. — Рѣчи В. М. Пуришкевича и гр. В. А. Бобринскаго. — Запросы о генералѣ Курловѣ. — Ушедшіе и оставшіеся министры.

Никогда, послѣ незабвенныхъ дней первой Думы, открытіе законодательной сессіи не ожидалось съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; никогда засѣданія Думы не возбуждали такого страстнаго интереса — и никогда до широкихъ круговъ общества не доходили столь слабые и неполные ихъ отголоски. Совершилось нѣчто небывалое: вопреки ясному смыслу закона, вопреки твердо установившейся практикѣ, думскія пренія — да отчасти и пренія Государственнаго Совѣта — подверглись цензурѣ, быстро перешедшей отъ отдѣльныхъ сокращеній и смягченій къ устраненію цѣлыхъ рѣчей, къ уничтоженію гласности для цѣлыхъ засѣданій. Въ газетныхъ отчетахъ о засѣданіи 4 ноября нашли мѣсто, напримѣръ, почти однѣ только рѣчи министровъ (военнаго и морского). Возможнымъ оказалось то, чего не предусматривало даже учрежденіе законосовѣщательной Думы. Остались подъ спудомъ не только личныя мнѣнія депутатовъ, но и коллективныя заявленія фракцій. Само собою разумѣется, что сказанное при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи многочисленной публики, не могло не получить значительной огласки; но столь же несомнѣнно и то, что извѣстія, распространяемыя окольными путями, не могутъ дать полной и вѣрной картины происходившаго въ дѣйствительности. Попытка скрыть истину, при такихъ условіяхъ, не только не достигаетъ цѣли: она приводитъ къ прямо противоположнымъ результатамъ. Исправить допущенную ошибку не поздно еще и теперь. Такія засѣданія, какими отмѣчены дни 1, 3 и 4 ноября, должны быть достояніемъ не только исторіи, но и текущей жизни.

До какой степени безплодна политика замалчиванія словъ, когда вопіетъ дѣло — объ этомъ съ достаточною ясностью говоритъ общій смыслъ недавнихъ событій. Если понадобилось запрещать

цѣликомъ рѣчи октябристовъ и прогрессивныхъ націоналистовъ, если, въ концѣ концовъ, ту же судьбу пришлось испытать даже рѣчи лидера крайнихъ правыхъ (вѣроятно, потому, что требованіями полемики въ нее были включены отголоски рѣчей другого лагеря), то уже это одно свидѣтельствуетъ о чрезвычайно высокомъ подъемѣ оппозиціонной волны, о проникновеніи ея даже въ самыя тихія, даже въ стоячія воды. Наибольшую важность, съ этой точки зрѣнія, имѣетъ veto, наложенное на декларацію прогрессивнаго блока, который и теперь, несмотря на уходъ прогрессистовъ, обнимаетъ собою большинство Думы. Не удивительно, что съ самаго образованія блока онъ является объектомъ ожесточенной вражды, смѣшанной со страхомъ.

Чѣмъ была четвертая Дума до осени 1915 года? Раздробленная на множество ничѣмъ не связанныхъ между собою фракцій, съ сравнительно сильною (численно) и довольно единодушною правою, съ колеблющимся и неустойчивымъ центромъ, она не только не могла служить противовѣсомъ министерству, но не представляла въ его глазахъ такой величины, съ которою стоило бы серьезно считаться. Въ ней не было даже зачатковъ большинства, сколько-нибудь надежнаго и прочнаго; не отражалось въ ней настроеніе сколько-нибудь многочисленной части общества, тѣмъ болѣе — народа. Первородные недостатки, присущіе ей какъ созданію указа 3 іюня и избирательной вакханаліи 1912-го года, конечно, не устранены, да и неустранимы; но острота ихъ значительно уменьшилась, когда группами, до тѣхъ поръ враждебными другъ другу, была найдена общая, на время, почва дѣятельности. Дума стала опредѣленнымъ цѣлымъ; голосъ ея сталъ голосомъ народнаго представительства — представительства крайне несовершеннаго, но въ данный моментъ единственнаго и потому имѣющаго безспорное право на вниманіе. Совершенно понятно, что именно съ этихъ поръ на голосъ Думы стали откликаться общественныя организаціи, и возобновленіе сессіи стало яркимъ моментомъ среди сѣрыхъ политическихъ будней. И чѣмъ меньше правыя группы блока могли быть заподозрѣны въ „подрываніи основъ", въ оппозиціи ради оппозиціи, тѣмъ выше былъ удѣльный вѣсъ поддерживаемыхъ ими рѣшеній, тѣмъ неизбѣжнѣе терялъ силу одинъ изъ обычныхъ реакціонныхъ „отводовъ". Точки соприкосновенія думскій прогрессивный блокъ съ самаго начала нашелъ и въ Государственномъ Совѣтѣ; не исключена возможность, что и здѣсь на сторонѣ движенія окажется большинство. Изолированность правыхъ, оторванность ихъ отъ теченій, съ каждымъ днемъ пріобрѣтающихъ все больше сознательности и силы, сдѣлается поразительно очевидной, когда подъ старо-

бюрократическими и „общедворянскими“ тенденціями не останется почвы даже въ верхней палатѣ. И теперь уже трудно оправдывать неподвижность власти невѣдѣніемъ или непониманіемъ того, что происходитъ въ странѣ; тогда это будетъ совершенно невозможно.

Предметомъ нападеній прогрессивный блокъ служитъ не только справа. Изъ обвиненій, идущихъ слѣва, одни основываются на глубокомъ различіи между фракціями, образовавшими блокъ — различіи, исключающемъ, будто бы, возможность достиженія какихъ бы то ни было реальныхъ результатовъ. Конечно, разнохарактерность состава — слабая сторона всѣхъ коалицій; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы неизбѣжно безплоднымъ было всякое временное единеніе обычно расходящихся между собою партій. Все дѣло въ томъ, лежитъ ли въ основаніи союза общая всѣмъ его членамъ цѣль, достижимая въ ближайшемъ будущемъ и достаточно важная, чтобы отодвинуть на второй планъ, впредь до ея достиженія, всѣ остальныя. Обречены на неудачу тѣ междупартійныя соглашенія, которыя построены на общности антипатій, на узкихъ расчетахъ, или имѣютъ въ виду продолжительную совмѣстную работу слишкомъ разнородныхъ силъ. Подводнымъ камнемъ, о который разбилась во Франціи извѣстная коалиція 1838-го года, оказалось преобладаніе личнаго элемента надъ принципіальнымъ: формула le roi règne, mais ne gouverne pas, была только вывѣской, за которой скрывалась другая: ôte-toi de là que je m'y mette. И когда палъ общій врагъ (Моле), краткосрочные друзья (Гизо, Тьеръ, Одилонъ-Барро) перестали быть друзьями; зданіе, построенное на пескѣ, рухнуло само собою. Другая знаменитая коалиція — Фокса и Норта, въ Англіи 1783-го года, — пала подъ бременемъ слишкомъ явной противоположности между ея вождями: составить министерство они могли, но самый фактъ раздѣленія власти между столь недавними и столь ожесточенными противниками глубоко возмутилъ общественную совѣсть. Совершенно иною оказалась судьба парламентскаго блока, проведшаго во Франціи до сихъ поръ дѣйствующій основной законъ 1875-го года. Блокъ поставилъ себѣ только одну задачу, ясную, простую и сразу осуществимую: положить начало прочному порядку, обезпечивающему нормальное развитіе народной жизни. Какъ только это удалось, союзъ пересталъ существовать, и каждая изъ примкнувшихъ къ нему политическихъ партій пошла дальше своей особой дорогой. Аналогичной является задача нашего прогрессивнаго блока. Онъ стремится къ созданію условій, необходимыхъ для правильнаго функціонированія новаго государственнаго строя. Въ достиженіи этой цѣли заинтересованы всѣ, кромѣ закоренѣлыхъ сторонниковъ отжившей

старины. Когда будетъ укрѣплена политическая свобода, каждая партія будетъ пользоваться ею по-своему, и въ поводахъ къ борьбѣ не окажется недостатка; но это будетъ борьба на равныхъ условіяхъ, борьба легальная, мирная, не встрѣчающая на своемъ пути наиболѣе раздражающихъ, наиболѣе опасныхъ препятствій. Когда будетъ осуществлено все, включенное въ программу прогрессивнаго блока, это будетъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ не для однѣхъ лишь партій, къ нему принадлежавшихъ.

Прогрессивному блоку ставится, далѣе, въ вину недостаточно твердый тонъ его требованій, недостаточно рѣшительный выборъ средствъ для ихъ проведенія. Первое изъ этихъ обвиненій привело, повидимому, къ выходу прогрессистовъ изъ состава прогрессивнаго блока. О степени основательности его судить трудно, въ виду цензурнаго запрета на текстъ декларацiи блока, прочитанной въ засѣданіи 1 ноября; но не свидѣтельствуетъ ли самый запретъ, что особенной мягкостью декларація блока не отличалась? Если она испытала ту же судьбу, какъ и прочитанная 3 ноября декларація прогрессистовъ, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что большой разницы не было между ними ни по формѣ, ни по существу? Не ясно ли изъ всего того, что доходило съ тѣхъ поръ до всеобщаго свѣдѣнія, что остріе обѣихъ декларацій было одинаково направлено не только противъ отдѣльныхъ министровъ, но и противъ всего министерства, какъ не пользующагося общественнымъ довѣріемъ? И можно ли признать достаточнымъ поводомъ къ сецессіи, въ критическую минуту, разногласіе, вызванное только способомъ выраженій? Значеніе блока зависитъ, въ значительной степени, отъ числа образующихъ его фракцій. Чрезвычайно характерно было именно то, что онъ объединилъ въ себѣ всѣ думскія фракціи, кромѣ самыхъ правыхъ и самыхъ лѣвыхъ [1]); теперь для его враговъ является возможность упражнять свое остроуміе на тему: „прогрессивный блокъ безъ прогрессистовъ“. На самомъ дѣлѣ, однако, связь между прогрессистами и блокомъ расторгнута только внѣшнимъ образомъ; отъ программы блока, опредѣляющей его задачи и его сущность, прогрессисты не отказались, и пока ей не измѣняетъ блокъ, онъ можетъ попрежнему разсчитывать на голоса формально отдѣлившейся отъ него фракціи.

Вопросъ о выборѣ средствъ трудно поставить во всей его полнотѣ не только потому, что покрыта цензурной тайной послѣдняя

---

[1]) Не принадлежатъ къ нему формально, такъ называемыя, національныя фракціи, въ программѣ которыхъ общеполитическіе вопросы занимаютъ не первое мѣсто; но это не исключаетъ возможность тѣснаго общенія между ними и блокомъ.

декларація блока, но и потому, что не оглашены во всеобщее свѣдѣніе рѣчи лѣвыхъ противниковъ блока [1]). Приходится ограничиться нѣсколькими отдѣльными замѣчаніями. Въ настоящую минуту возможность говорить, если не во всеуслышаніе, какъ бы слѣдовало по закону, то все же при открытыхъ дверяхъ и при томъ съ увѣренностью, что сказанное дойдетъ до тѣхъ, кого оно непосредственно касается, — существуетъ въ Россіи только для законодательныхъ собраній или, правильнѣе, только для Государственной Думы; (Государственный Совѣтъ и своимъ составомъ, и своимъ устройствомъ поставленъ въ существенно другія условія.) Роспускъ Госуд. Думы, пока не освобождена отъ непріятеля вся русская земля, означалъ бы водвореніе глубокаго молчанія — или производство выборовъ при такой обстановкѣ, которая могла бы оказаться еще хуже знакомой избирателямъ по опыту 1912-го года. Пока длится такое положеніе дѣлъ, четвертая Дума, какою мы ее видимъ теперь, настоятельно нужна Россіи. Отъ нея нельзя требовать исполненія непосильныхъ для нея задачъ, нельзя ожидать, чтобы она перестала быть сама собою. Не слѣдуетъ мѣшать ей быть на время — на короткое время — средоточіемъ и органомъ стремленій, широко распространенныхъ по лицу всей страны, и именно теперь нуждающихся въ соотвѣтственно широкомъ и полномъ освѣщеніи. Обязательна для Думы вѣрность дорогѣ, на которую она вступила, обязательна рѣшимость идти по ней до конца, неуклонно прибѣгая къ средствамъ, повелительно указываемымъ самою цѣлью. Такъ, повидимому, и ставится вопросъ прогрессивнымъ блокомъ... Эти строки написаны наканунѣ возобновленія сессіи. Можно надѣяться, что оно принесетъ съ собою возстановленіе законнаго порядка опубликованія отчетовъ о засѣданіяхъ Думы. Наравнѣ съ Думой право на гласность ея преній принадлежитъ всему русскому народу.

Выраженная выше надежда оправдалась: отчетъ о засѣданіи 19-го ноября появился въ газетахъ безъ тѣхъ „бѣлыхъ мѣстъ“, которыя скрыли отъ широкой публики и изъяли изъ обсужденія въ печати большую часть рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіяхъ 1-го, 3-го и 4-го ноября. Есть, къ сожалѣнію, пропуски, но ихъ сравнительно немного. И какъ только ослабѣлъ цензурный гнетъ, такъ

[1]) Затрудняя вообще критическій разборъ сталкивающихся между собою мнѣній, цензурные запреты ограничиваютъ область свободнаго обсужденія важнѣйшихъ очередныхъ вопросовъ; честная полемика возможна только при равенствѣ условій.

стало ясно, ослѣпительно ясно, что значитъ, въ настоящую минуту, наличность Думы, какъ единственнаго мѣста, гдѣ можетъ раздаться свободный голосъ, гдѣ можетъ раскрыться, если не во всей полнотѣ, то въ главныхъ чертахъ современное положеніе Россіи. Этимъ однимъ обнаруживается нецѣлесообразность всѣхъ преградъ, противопоставляемыхъ нормальному ходу занятій Думы, кѣмъ бы онѣ ни воздвигались. Въ такое время, какое теперь переживаетъ Россія, нужны не крики, не возгласы негодованія, хотя бы глубокаго и искренняго; нужны ярко освѣщенные и твердо подчеркнутые факты, устраняющіе всякое сомнѣніе въ невозможности идти дальше по гибельной дорогѣ. Вотъ почему нельзя не пожалѣть о попыткѣ, обструкціи, сдѣланной въ засѣданіи 19 ноября, на крайней лѣвой сторонѣ Думы. Дѣло первостепенной важности, предпринятое Думой, можетъ быть ведено все дальше и дальше только путемъ обоснованныхъ заявленій, путемъ раскрытія того, что было, и указанія на то, что предстоитъ впереди, а не путемъ безформеннаго шума, производимаго, вдобавокъ, небольшой группой депутатовъ. Самыя рѣзкія, самыя оскорбительныя восклицанія безсильны въ сравненіи съ достаточно мотивированнымъ обвиненіемъ, хотя бы и облеченнымъ въ сдержанную форму. Единственное возможное оправданіе обструкціи — явное нарушеніе безспорнаго права, принадлежащаго отдѣльному лицу или цѣлой политической группѣ; если противъ него нельзя реагировать нормальными средствами, естественнымъ, хотя, можетъ быть, и безцѣльнымъ является отвѣтное нарушеніе порядка. Въ засѣданіи 19-го ноября, до возникновенія шума, ни коллективныя, ни личныя права крайнихъ лѣвыхъ никакому нарушенію не подвергались. Насильственнаго перерыва занятій никакое законодательное собраніе допустить не можетъ; продолженіе засѣданія было необходимо — необходимо, слѣдовательно, было приступить къ выслушанію рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ, на произнесеніе которой онъ былъ уполномоченъ закономъ. Возстановить тишину, въ виду нежеланія крайнихъ лѣвыхъ подчиниться требованію предсѣдателя, можно было только удаленіемъ шумѣвшихъ депутатовъ. Но едва ли можно отрицать, что рѣшеніе Думы, въ томъ видѣ, въ какомъ оно состоялось, явилось, говоря языкомъ криминалистовъ, превышеніемъ необходимой обороны. Цѣль была бы вполнѣ достигнута удаленіемъ нарушителей порядка, т. е. исключеніемъ ихъ на одно засѣданіе; дальнѣйшее усиленіе дисциплинарной мѣры получило характеръ наказанія, для котораго въ данномъ случаѣ не было достаточнаго повода. Образъ дѣйствій крайнихъ лѣвыхъ былъ также своего рода „превышеніемъ права“; его слѣдовало остановить, но не слѣдовало дѣлать

объектомъ кары. И что еще важнѣе: исключеніе семи депутатовъ на восемь и одного — на десять засѣданій надолго оставляетъ двѣ лѣвыя фракціи Думы безъ ихъ обычныхъ ораторовъ въ такое при томъ время, когда не должна быть обрекаема на безмолвіе ни одна группа депутатовъ. Не слѣдуетъ забывать, что каждая такая группа имѣетъ за собою сторонниковъ въ странѣ — сторонниковъ, о числѣ и значеніи которыхъ нельзя судить по тому, какъ они представлены въ Думѣ. Для Думы, какъ и для всей Россіи, наступили критическіе дни; свободно и полно должны выразиться всѣ существующіе въ ея средѣ взгляды.

Декларацію главы правительства нельзя назвать шагомъ впередъ къ разрѣшенію тяготѣющаго надъ Россіей политическаго кризиса. Повторяя давно извѣстныя формулы, А. Ф. Треповъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Программа правительства въ теченіе войны, по его словамъ, „можетъ быть только одна — побѣда, побѣда во что бы то ни стало, полная и совершенная“. Безспорно, побѣда надъ врагомъ должна быть главною цѣлью правительства; но отсюда еще не слѣдуетъ, что этимъ исчерпывается его программа. Въ программу должны входить средства достиженія побѣды. Что эти средства — не только военнаго характера, что они обнимаютъ собою не только заготовленіе всего нужнаго для военнаго дѣла — это признаетъ самъ предсѣдатель совѣта министровъ. Онъ указываетъ, напримѣръ, на необходимость теперь же увеличить число учебныхъ заведеній, создать, законодательнымъ путемъ, широкую почву для народнаго образованія, призвать къ жизни мелкую земскую единицу, провести городскую реформу, расширить кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій. Очень хорошо, что этимъ признаніемъ кладется конецъ столько разъ повторявшейся офиціальной ссылкѣ на несовмѣстимость войны и внутреннихъ преобразованій; но во что же обращается, затѣмъ, сведеніе правительственной программы къ одной побѣдѣ? Не ясно ли, что именно для полной и скорой побѣды необходимо многое, достигаемое не на заводахъ и не въ арсеналахъ — и до сихъ поръ не только не достигнутое, но даже не поставленное на очередь? А между тѣмъ, значительная часть этого многаго зависитъ всецѣло отъ правительственной власти. А. Ф. Треповъ заимствовалъ изъ программы прогрессивнаго блока нѣкоторыя законодательныя мѣры (вѣроятно, впрочемъ, понимаемыя имъ совсѣмъ иначе, чѣмъ онѣ представляются блоку); но онъ обошелъ молчаніемъ другую, не менѣе существенную часть этой программы. Достаточно вспомнить, что она считаетъ необходимымъ рѣшительное измѣненіе пріемовъ управленія, основывающихся на недовѣріи къ общественной самодѣя-

тельности, возстановленіе малорусской и рабочей печати, прекращеніе преслѣдованія рабочихъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ нелегализованной партіи, примирительную политику въ финляндскомъ вопросѣ, вступленіе на путь отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ; она высказывается за прекращеніе, въ путяхъ монаршаго милосердія, уголовныхъ дѣлъ чисто-политическаго характера, за возстановленіе утраченныхъ, по политическимъ мотивамъ, правъ и полномочій; она говоритъ о возвращеніи высланныхъ въ административномъ порядкѣ по дѣламъ политическаго и религіознаго характера. Всѣ эти пункты программы прогрессивнаго блока сводятся къ созданію объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны. Вотъ уже слишкомъ годъ, какъ именно въ этомъ большинство Думы — и вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ общественныхъ организацій, выражающихъ широко распространенное общественное настроеніе, — видитъ единственный путь къ лучшему будущему.

Есть ли въ декларацiи А. Ф. Трепова хотя бы отдаленный намекъ на то, что новый кабинетъ сознаетъ всю глубокую важность взаимнаго довѣрія страны и власти? На этотъ вопросъ возможенъ только отрицательный отвѣтъ. Недостатокъ единства въ дѣятельности правительства, составъ котораго измѣнился весьма мало, признаетъ самъ предсѣдатель совѣта министровъ. „Въ переживаемое нами время, — говоритъ А. Ф. Треповъ, — особенно рѣзко сказываются послѣдствія недостаточно согласованной дѣятельности или несоотвѣтствія принимаемыхъ мѣръ и системъ условіямъ дѣйствительности“. Это несоотвѣтствіе проявилось особенно рѣзко въ продовольственномъ вопросѣ; „помимо естественной тяготы, установленный въ этомъ дѣлѣ распорядокъ страдаетъ крупными недостатками“. И что же предполагается сдѣлать, чтобы устранить эти недостатки? „Пересмотрѣть прежнія рѣшенія и создать болѣе совершенную организацію дѣла, дающую бо́льшій просторъ самодѣятельности торговаго оборота“. Другими словами, слѣдуетъ, въ самую тяжелую минуту, приступить къ ломкѣ сдѣланнаго и вступить на совершенно новую дорогу, намѣченную министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но вѣдь дѣйствовавшая до сихъ поръ система была одобрена кабинетомъ? Можно ли ожидать, что имъ единогласно будетъ одобрена и единодушно проведена новая, существенно различная система? Обезпечено ли хоть первое условіе успѣха власти — единство дѣйствій? А между тѣмъ, одного объединенія министровъ еще мало, весьма мало; нужно еще объединеніе ихъ съ общественными силами. А. Ф. Треповъ отдаетъ справедливость „выдающемуся почину земствъ, городовъ, общественныхъ обганизацій и частныхъ лицъ“; онъ „при-

вѣтствуетъ ихъ дѣятельность, обѣщаетъ пойти навстрѣчу соотвѣтственному ея развитію. Не вѣдь всѣ знаютъ, какъ кабинетъ Б. В. Штюрмера, прямымъ продолженіемъ котораго служитъ кабинетъ А. Ф. Трепова, относился къ личной и общественной иниціативѣ; всѣ помнятъ недавнее изданіе дышащихъ недовѣріемъ правилъ о собраніяхъ, недавніе отказы въ разрѣшеніи съѣздовъ. Призывъ законодательныхъ учрежденій къ совмѣстной работѣ съ министерствомъ не разъ слышался и раньше; повторенный въ деклараціи А. Ф. Трепова онъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ нѣчто новое, потому что идетъ изъ того же источника и раздается при едва измѣнившихся условіяхъ. Нѣтъ больше у власти Б. В. Штюрмера, но попрежнему стоитъ у власти бывшій его кабинетъ. И совершенно понятно, что декларація А. Ф. Трепова прозвучала безслѣдно, не встрѣтивъ отклика въ рѣчахъ, произнесенныхъ, вслѣдъ за нею, въ утреннемъ засѣданіи 19 ноября.

В. М. Пуришкевичъ, до войны бывшій крайнимъ изъ крайнихъ правыхъ, измѣнившійся, до извѣстной степени, благодаря активной, усердной дѣятельности на фронтѣ, но остававшійся въ рядахъ своей прежней фракціи, вышелъ изъ нея только наканунѣ возобновленія сессіи и только потому, что она не дала ему полномочія говорить отъ ея имени. И теперь, впрочемъ, онъ называетъ себя — конечно, не безъ основанія, — правымъ, даже „самымъ правымъ“. Ему тяжело было выступить въ той роли, которую онъ счелъ долгомъ на себя взять. Никто не можетъ приписать ему тѣхъ побочныхъ побужденій, которыми враги свободнаго слова такъ охотно объясняютъ образъ дѣйствій противниковъ правительства. И что же? Его рѣчь оказалась настоящимъ обвинительнымъ актомъ. Направленная противъ кабинета Б. В. Штюрмера, она бьетъ всей своей тяжестью по кабинету А. Ф. Трепова, большинство котораго было вполнѣ солидарно съ ушедшимъ премьеромъ. „Правительство, — воскликнулъ В. М. Пуришкевичъ, — до сихъ поръ болѣе чѣмъ кто-либо другой, убивало патріотизмъ народа“. Министерство, въ которомъ замѣстителемъ предсѣдателя былъ А. Ф. Треповъ, обратило цензуру въ одинъ изъ „бичей русской жизни“. Оно оказывалось „въ параличѣ“, когда надобно было бороться съ „мародерами тыла“; оно, въ лицѣ своихъ органовъ, препятствовало выясненію сдѣланнаго и дѣлаемаго союзниками Россіи въ борьбѣ противъ общаго врага[1]). Источникъ зла В. М. Пуришкевичъ видитъ въ тѣхъ темныхъ силахъ, въ тѣхъ влія-

---

[1]) Чрезвычайно характерны слова, сказанныя В. М. Пуришкевичу Б. В. Штюрмеромъ: „Надо нѣсколько сократить аппетиты нашихъ союзниковъ, потому что они слишкомъ много отъ насъ требуютъ“.

ніяхъ, „которыя двигаютъ на мѣста тѣхъ или другихъ лицъ и заставляютъ взлетать на высокіе посты людей, которые не могутъ ихъ занимать“. Ораторъ назвалъ нѣсколько именъ, но въ дальнѣйшемъ развитіи этой темы два раза былъ остановленъ — что нельзя не назвать страннымъ — предсѣдателемъ Думы. Съ особенною силой В. М. Пуришкевичъ нападалъ на А. Д. Протопопова. Другой ораторъ, гр. В. А. Бобринскій, посвятилъ послѣднему почти всю свою рѣчь. Одинъ изъ самыхъ консервативныхъ членовъ второй Думы, одинъ изъ вождей образовавшейся въ третьей Думѣ партіи націоналистовъ, гр. Бобринскій, вмѣстѣ съ другими „прогрессивными націоналистами“, примкнулъ къ прогрессивному блоку, но не порвалъ съ своими прежними вѣрованіями; для него до сихъ поръ окружено ореоломъ имя П. А. Столыпина. И что же? Онъ удостовѣряетъ, что въ послѣдніе годы „Госуд. Дума не находила правительства, внушающаго довѣріе и уваженіе“. Правительство, по его крылатому выраженію, „объединено только раздорами между собой“, и уже поэтому совмѣстная работа съ нимъ невозможна. „Сегодня, — продолжалъ гр. Бобринскій, — предсѣдатель совѣта министровъ говорилъ о патріотическомъ почпнѣ общественныхъ организацій, а министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ одному изъ депутатовъ, что краеугольный камень его программы — борьба съ этими организаціями. Не менѣе поразителенъ другой фактъ, сообщенный гр. Бобринскимъ: въ то самое время, какъ уполномоченный министерства земледѣлія въ Самарской губерніи, Башкировъ, согласно съ предписаніемъ министерства, усиливаетъ свою дѣятельность по закупкѣ хлѣба, министръ внутреннихъ дѣлъ привлекаетъ его и его сочленовъ по президіуму Самарскаго военно-промышленнаго комитета къ суду... за разрѣшеніе рабочимъ собраться для избранія изъ своей среды восьми членовъ комитета (!). „Нѣтъ человѣка во всей Россіи, — воскликнулъ гр. Бобринскій, — который сумѣлъ бы въ два мѣсяца вызвать къ себѣ такое недовѣріе и такую ненависть, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ!“

Заключеніе рѣчи гр. Бобринскаго было посвящено отношенію А. Д. Протопопова къ генералу Курлову. Еще болѣе подробному обсужденію эта тема подверглась въ вечернемъ засѣданіи того же дня, когда были поставлены на очередь два вызванные ею запроса. Въ присутственныя мѣста — между прочимъ, и въ Сенатъ, — стали поступать бумаги, подписанныя генераломъ Курловымъ „за министра внутреннихъ дѣлъ“. Такъ какъ сноситься въ этой формѣ съ сенатомъ въ правѣ только товарищи министра, а назначеніе ген. Курлова на эту должность распубликовано не было, то сенатъ не принялъ къ своему разсмотрѣнію неправильно дошедшую до него

бумагу. Это послужило формальнымъ основаніемъ запросовъ, обращенныхъ (трудовой группой и прогрессивнымъ блокомъ) къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи: къ первому — о томъ, приняты ли мѣры къ возстановленію законнаго порядка, ко второму — о томъ, привлечены ли къ отвѣтственности должностныя лица, виновныя въ нарушеніи порядка. Само собою разумѣется, что обсужденіе запросовъ вышло далеко за предѣлы ихъ формальнаго содержанія. Передъ Думой, взволнованной и возмущенной, прошла вся прежняя дѣятельность генерала Курлова. Депутатъ Русановъ указалъ на то, что въ качествѣ начальника главнаго тюремнаго управленія г. Курловъ ввелъ въ тюрьмахъ палочный режимъ, голодовки и другіе инквизиторскіе пріемы; депутатъ Аджемовъ говорилъ о роли г. Курлова въ Кіевѣ, въ 1911 г., и напомнилъ, какъ далеко расходился съ нимъ, семь лѣтъ тому назадъ, пригласившій его теперь къ себѣ въ помощники А. Д. Протопоповъ; депутатъ князь Мансыревъ характеризовалъ дѣятельность г. Курлова въ Ригѣ, во время войны; депутатъ Годневъ далъ исчерпывающій анализъ юридической стороны вопроса. Лишь нѣсколько словъ сказалъ бывшій товарищъ А. Д. Протопопова по фракціи, гр. Д. П. Капнистъ 2-й, но впечатлѣніе, которое они произвели, не могло не быть чрезвычайно сильнымъ. „Къ запросу, — сказалъ гр. Капнистъ, — я присоединяю вопросъ, обращенный къ министру внутреннихъ дѣлъ: какъ называется поступокъ человѣка, который далъ честное слово и его не исполнилъ? Меньше мѣсяца тому назадъ, въ присутствіи тринадцати членовъ Госуд. Думы, министръ внутреннихъ дѣлъ Протоповъ далъ мнѣ слово, что его имя фальшиво связывается съ именами Бѣлецкаго и Курлова и что Курловъ назначенія не получитъ“... Госуд. Дума признала оба запроса спѣшными и приняла ихъ единогласно. Принять сторону министра внутреннихъ дѣлъ не рѣшились, слѣдовательно, даже новые его друзья — крайніе правые.

Таковъ итогъ двухъ думскихъ засѣданій, происходившихъ въ теченіе одного и того же дня 19-го ноября. Не говорилъ еще ни одинъ представитель оппозиціонныхъ партій, — а между тѣмъ выяснилось уже вполнѣ, что призывъ А. Ф. Трепова къ совмѣстной работѣ встрѣтитъ сочувствіе развѣ только со стороны крайнихъ правыхъ и правыхъ націоналистовъ, существенно ослабленныхъ, при томъ, выходомъ В. М. Пуришкевича изъ состава фракціи, въ которую онъ вносилъ по временамъ что-то похожее на искренность, на готовность видѣть и сказать правду. Понятно, что бывшимъ его товарищамъ не хочется терять сочлена, столь мало похожаго на остальныхъ. Предсѣдатель фракціи г. Левашевъ, обратился отъ ея имени къ В. М. Пуришкевичу съ просьбою еще разъ взвѣсить свое рѣше-

ніе, такъ какъ выходъ его изъ фракціи теперь, „когда объединеніе правыхъ особенно необходимо для сохраненія государственности“, можетъ произвести „нежелательное впечатлѣніе“. Позволительно сомнѣваться въ успѣхѣ этого ходатайства. „Соображенія ваши о необходимости указать на разстройство и непорядки въ тылу, — сказано въ письмѣ г. Левашева, — вызвали многочисленныя возраженія, что и привело къ избранію другого фракціоннаго оратора“. Итакъ, правые просто не хотятъ, чтобы страна знала правду. Можетъ ли идти рука объ руку съ ними тотъ, кто считаетъ раскрытіе правды своимъ гражданскимъ долгомъ?

Выходъ В. М. Пуришкевича изъ фракціи правыхъ — не единственный симптомъ, указывающій на близость крушенія политическаго и всякаго другого обскурантизма; есть и другіе, гораздо болѣе важные. Среда крайнихъ правыхъ была до сихъ поръ единственною, изъ которой пополнялись ряды высшей бюрократіи. Въ послѣднее время быстро накопляются факты, свидѣтельствующіе о неспособности этой среды къ исполненію возлагаемой на нее задачи. При той необычайно и небывало быстрой смѣнѣ министровъ, которая происходила съ лѣта 1915 по осень 1916 года (Б. В. Штюрмеръ былъ за это время шестнадцатымъ, гр. А. А. Бобринскій — семнадцатымъ уволеннымъ министромъ), на первый планъ выдвигались люди различныхъ возрастовъ, различныхъ положеній, различныхъ карьеръ; соединительнымъ звеномъ между ними служила только предполагаемая ихъ принадлежность къ одной и той же политической группѣ. Разсадникомъ министровъ служило, отчасти, старшее бюрократическое поколѣніе, достигшее высокихъ постовъ еще въ эпоху расцвѣта прежняго режима. Къ нему принадлежалъ, наравнѣ съ своимъ предшественникомъ (И. Л. Горемыкинымъ), недавній премьеръ, Б. В. Штюрмеръ, одинъ изъ сподвижниковъ В. К. Плеве, выдвинувшійся въ періодъ наиболѣе полнаго торжества, такъ называемыхъ, охранительныхъ началъ. Весьма скоро оказалось, что именно то, чему онъ въ свое время былъ обязанъ своимъ успѣхомъ, сократило теперь пребываніе его на вершинѣ власти. Съ гласностью, хотя бы и ограниченною, съ свободой рѣчи, хотя бы сдавленной, съ требованіями, вытекающими изъ вынужденной близости къ „гнилому Западу“, справиться было не такъ легко, какъ съ безправнымъ земствомъ и безправною печатью. И, не рискуя впасть въ ошибку, можно утверждать, что та же судьба постигла бы „остальныхъ изъ стаи славныхъ“, которыхъ еще можно найти въ Государственномъ Совѣтѣ, если бы имъ удалось занять мѣсто въ „объединенномъ кабинетѣ“... Другую категорію избранниковъ составляютъ бюрократы средняго возраста, поднявшіеся на верхъ

іерархической лѣстницы при обновленномъ государственномъ строѣ, но сохранившіе и при немъ раньше пріобрѣтенные взгляды и привычки. Менѣе, можетъ быть, прямолинейные, они не принесли съ собою ни желанія, ни умѣнья приспособиться къ новымъ требованіямъ жизни и, въ лучшемъ случаѣ, прошли мало замѣченными, не возбудивъ своимъ уходомъ ни радости, ни сожалѣнія (бывшій оберъ-прокуроръ св. синода Волжинъ, бывшій министръ юстиціи, потомъ внутреннихъ дѣлъ А. А. Хвостовъ). Къ третьей категоріи можно отнести тѣхъ высоко, по выраженію В. М. Пуришкевича, взлетѣвшихъ людей, которые не проходили, шагъ за шагомъ, чиновничью карьеру и потому считали себя по преимуществу общественными дѣятелями („общественными дѣятелями" въ кавычкахъ, хотя званіе губернскаго предводителя дворянства, въ сущности, немногимъ отличается отъ должности, и служба по выборамъ является, сплошь и рядомъ, переходомъ къ государственной службѣ. У князя Щербатова, А. Н. Наумова, А. Д. Самарина не было, повидимому, недостатка въ хорошихъ намѣреніяхъ, у двухъ первыхъ не было и наклона въ крайнюю правую сторону; но и при болѣе продолжительной дѣятельности имъ едва ли удалось бы внести въ свои вѣдомства духъ преобразованій. Они были слишкомъ близки къ теченіямъ, господствующимъ въ „общедворянской" сферѣ. Сходный съ ними по пройденному пути, гр. А. А. Бобринскій рѣзко отличается отъ нихъ по своей политической позиціи; онъ не только принадлежитъ къ крайнимъ правымъ, но считался, да считается, вѣроятно, и теперь однимъ изъ ихъ вождей и вдохновителей. Чѣмъ же онъ ознаменовалъ свою кратковременную бытность у власти, въ качествѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ и министра земледѣлія? Сначала — полною солидарностью съ министромъ внутреннихъ дѣлъ (Б. В. Штюрмеромъ), потомъ — не столько рѣшительнымъ, сколько упорнымъ противодѣйствіемъ твердымъ цѣнамъ и фактической отмѣной только что, при его участіи, проведенныхъ правилъ. Ему не удалось ни охранить интересы аграріевъ, въ той мѣрѣ, въ какой они этого хотѣли, ни положить конецъ постояннымъ колебаніямъ въ направленіи продовольственнаго дѣла... Особое мѣсто между эфемерными министрами послѣдняго времени занимаетъ А. Н. Хвостовъ, бюрократъ по первому, губернаторскому періоду своей карьеры, „общественный дѣятель" по второму, открывшему для него доступъ къ власти. Щедрый на обѣщанія, именно для него неисполнимыя, онъ оказался безсильнымъ въ области государственнаго управленія. Не къ этой области, сколько извѣстно, относилось и дѣло, послужившее причиной его паденія... Къ числу „общественныхъ дѣятелей", ставшихъ „правыми" министрами,

принадлежитъ, наконецъ, А. Д. Протопоповъ. До своего назначенія онъ числился октябристомъ, т. е. въ нѣкоторой мѣрѣ свободномыслящимъ, но, прикоснувшись къ власти, моментально заявилъ, что у него нѣтъ другой программы, кромѣ той, которую провозгласитъ предсѣдатель совѣта министровъ (Б. В. Штюрмеръ). Прозелиты обычно оказываются болѣе ревностными, чѣмъ издавна вѣрущіе; такъ было и въ данномъ случаѣ. До какихъ предѣловъ дошло, послѣ назначенія А. Д. Протопопова, примѣненіе цензуры — это показали громадные пробѣлы въ отчетахъ о засѣданіяхъ 1-го, 3-го и 4-го ноября. Въ рѣчи В. М. Пуришкевича приведены два сентябрьскіе циркуляра, запрещавшіе газетамъ говорить о перемѣщеніяхъ въ министерской средѣ, т. е. прямо шедшіе въ разрѣзъ съ закономъ. Рѣчь графа Бобринскаго освѣтила отношеніе А. Д. Протопопова къ общественнымъ организаціямъ. Созывъ съѣздовъ встрѣчалъ при немъ такія же препятствія, какъ при его предшественникахъ... После этого опыта немыслимо сомнѣніе въ существованіи заколдованнаго круга, изъ котораго нѣтъ выхода при господствѣ крайнихъ правыхъ. Безсильные создать что-нибудь прочное, они передаютъ свое безсиліе присоединяющимся къ нимъ извнѣ. Не выдерживаютъ испытанія ни старо-, ни неореакціонеры, — ни борцы, ни примирители. Только этимъ и можно объяснить непрекращающуюся, вотъ уже скоро полтора года, смѣну министровъ. И нѣтъ основанія думать, чтобы поиски въ той же средѣ могли привести къ другому результату.

Выше перечислены тѣ крайніе-правые, которые были, за послѣднее время, мимолетными гостями въ кабинетѣ. Въ его составъ входятъ до сихъ поръ другіе представители той же партіи, въ томъ числѣ такіе видные, какъ министръ юстиціи А. А. Макаровъ. Въ лѣтописяхъ нашего недавняго прошлаго онъ оставилъ глубокій слѣдъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Не забыто его отношеніе къ ленской трагедіи 1912 года, выразившееся въ знаменитыхъ словахъ: „такъ было, такъ будетъ“; не забыта и роль его во время думскихъ выборовъ того же года, когда онъ, вмѣстѣ съ В. К. Саблеромъ, исчерпалъ до дна всѣ виды и формы избирательнаго гнета, возможные при дѣйствіи положенія 3 іюня... Если оставить въ сторонѣ руководителей такихъ спеціальныхъ вѣдомствъ, какъ военное и военно-морское, а также временно завѣдующихъ министерствами иностранныхъ дѣлъ и земледѣлія, то придется признать, что внѣ заколдованнаго круга стоитъ только одинъ министръ народнаго просвѣщенія, вся дѣятельность котораго служитъ живымъ протестомъ противъ излюбленнаго его коллегами тезиса о несовмѣстимости преобразовательной работы съ обстоятельствами военнаго времени.

И отношеніе Госуд. Думы къ графу П. Н. Игнатьеву настолько же своеобразно, какъ и отношеніе ея къ министрамъ военному и морскому. Выступленіе генерала Шуваева и адмирала Григоровича въ засѣданіи 4 ноября — одинъ изъ тѣхъ симптомовъ, о которыхъ сказано выше. Поставленные лицомъ къ лицу съ требованіями войны, они не могли, въ критическую минуту, не отдѣлиться отъ тѣхъ, кто молчалъ и налагалъ молчаніе на другихъ: они явились въ Думу, откуда ушли 1 ноября и куда не возвращались ихъ товарищи по кабинету. Что означало ихъ появленіе въ Думѣ — это особенно ясно показали слова адмирала Григоровича: „Я считаю своимъ священнымъ долгомъ открыто и откровенно сказать, что ваша многолѣтняя и постоянная поддержка въ государственной оборонѣ и частыя указанія на эту оборону даютъ мнѣ и на этотъ разъ право обратиться къ вамъ и всемѣрно поддержать военнаго министра, что государственная оборона повелительно требуетъ нашей совмѣстной съ вами дружной работы“. Эти слова не только предрѣшаютъ будущее: они служатъ признаніемъ прошедшаго, обезоруживающимъ крайнихъ правыхъ въ ихъ попыткахъ возложить на Думу отвѣтственность за прошлогоднія военныя неудачи.

Увольненіе Б. В. Штюрмера идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ взглядомъ, который до сихъ поръ такъ настойчиво проповѣдывала рептильная печать и такъ упорно старались проводить въ жизнь вожди крайнихъ правыхъ: взглядомъ, отрицающимъ возможность „уступокъ“, какъ противорѣчащихъ достоинству власти. Практическое торжество этого взгляда возможно только до тѣхъ поръ, пока остается неизвѣстной или искусно скрытой правда. Какъ ни далекъ отъ совершенства нашъ новый государственный строй, онъ затрудняетъ торжество тьмы и все больше и больше способствуетъ распространенію свѣта: а при извѣстныхъ условіяхъ видѣть — значитъ дѣйствовать согласно съ увидѣннымъ. Послѣ первыхъ ноябрьскихъ дней сохраненіе власти въ рукахъ г. Штюрмера стало невозможнымъ. Невозможнымъ, послѣ засѣданія 19 ноября должно оказаться многое другое.

P. S. 22-е ноября оказалось днемъ не менѣе знаменательнымъ, чѣмъ 19-е. Госуд. Дума приняла, очень значительнымъ большинствомъ голосовъ, формулу перехода, предложенную прогрессивнымъ блокомъ. Этою формулой Дума заявляетъ: „1) вліяніе темныхъ безотвѣтственныхъ силъ должно быть устранено; 2) Госуд. Дума попрежнему будетъ стремиться всѣми доступными ей законными способами къ тому, чтобы былъ образованъ кабинетъ, объединенный

одинаковымъ пониманіемъ задачъ переживаемаго времени, готовый въ своей дѣятельности опереться на Госуд. Думу и провести въ жизнь програму ея большинства". Значеніе этой формулы — знаменующей, какъ и слѣдовало ожидать, полное единодушіе, полную устойчивость блока и еще разъ обнаруживающей существенно важную его роль въ кризисѣ, переживаемомъ Россію, — усиливается тѣмъ, что принятію ея предшествовало выступленіе предсѣдателя совѣта министровъ. Онъ заявилъ, что декларація кабинета не является послѣдствіемъ какихъ-либо уступокъ, компромиссовъ или опасеній; Дума отвѣтила ему, что объ уступкахъ съ ея стороны точно также не можетъ быть и рѣчи.

Совершенно новую картину представилъ собою 22-го ноября Госуд. Совѣтъ. Министерство впервые встрѣтило въ немъ не поддержку и одобреніе, а осужденіе, различное въ степени, но по существу общее всѣмъ группамъ, кромѣ крайнихъ правыхъ (рѣчь ихъ представителя, И. Г. Щегловитова, была совершенно блѣдна и безцвѣтна). Отъ имени праваго центра (нейдгардтцевъ) говорилъ В. И. Карповъ — говорилъ языкомъ, совершенно несвойственнымъ ему и его фракціи. „Мы видимъ передъ собою, — воскликнулъ онъ, — все тѣ же прежнія, давно знакомыя намъ, отдѣльно другъ отъ друга стоящія вѣдомства, и въ числѣ ихъ министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго поставленъ Протопоповъ, въ короткое время проявившій черты, несоотвѣтствующія занимаемому имъ положенію и нетерпимыя на этомъ высокомъ мѣстѣ". Противъ злоупотребленія статьею 87-ю говорилъ не только А. Ѳ. Кони (отъ имени безпартійныхъ), но и И. Г. Щегловитовъ (!). Совершенно оппозиціоннымъ характеромъ отличалась рѣчь, сказанная отъ имени земцевъ кн. А. Д. Голицынымъ и вызвавшая знаки одобренія, чрезвычайно рѣдкіе въ верхней палатѣ. Онъ прямо заявилъ, что не надѣется на перемѣну къ лучшему при новомъ кабинетѣ, потому что „система назначенія правительства осталась старая, а стало быть остались и всѣ грѣхи, которые сопутствовали правительствамъ стараго состава... Только правительство, въ которомъ главою будетъ назначено лицо съ неотъемлемымъ правомъ приглашать въ свой кабинетъ пользующихся довѣріемъ и сочувствіемъ страны министровъ, только такое правительство дастъ намъ залогъ свободы отъ тлетворнаго вліянія закулисныхъ вліяній и грязи темныхъ силъ, дастъ намъ, наконецъ, возможность не только вѣрить ему и надѣяться, но и полюбить его". Въ томъ же духѣ говорилъ престарѣлый Н. С. Таганцевъ, голосъ котораго слышался до сихъ поръ въ Госуд. Совѣтѣ рѣдко, преимущественно по вопросамъ юридическаго характера. Въ тылу, по его словамъ, „чувствуется нѣчто страшное, происходитъ борьба стра-

стей, торжество наживы плотоядныхъ, властолюбивыхъ темныхъ силъ... Господа, отечество въ опасности". Произошло, такимъ образомъ, знаменательное сближеніе обоихъ центровъ съ еще недавно изолированной и малочисленной лѣвой группой Госуд. Совѣта, ораторами которой въ засѣданіи 22-го ноября явились Д. Д. Гриммъ и кн. Е. Н. Трубецкой. Позволительно ожидать, что формула, на которой остановится въ засѣданіи 26-го числа Госуд. Совѣтъ, окажется близкой къ формулѣ думскаго прогрессивнаго блока.

Своего рода признакомъ времени служитъ и скандалъ, произведенный деп. Марковымъ 2-мъ въ засѣданіи 22-го ноября. Площадныя ругательства, произносимыя въ публичномъ засѣданіи законодательной палаты и направляемыя не только противъ ея предсѣдателя, но противъ нея in corpore (такъ объяснилъ свои слова самъ г. Марковъ) — доказательство полнѣйшаго безсилія, безнадежнѣйшее testimonium paupertatis. И подъ этимъ удостовѣреніемъ расписались и ближайшіе товарищи г. Маркова, не только не протестовавшіе противъ его поступка, но демонстративно удалившіеся изъ Думы въ моментъ голосованія. Нужно отдать справедливость рядовымъ правымъ: нѣкоторые изъ нихъ (деп. Тарасовъ и еще четверо крестьянъ) вышли изъ фракціи. За ними, повидимому, собираются послѣдовать нѣкоторые священники. Почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ партіи, на совѣсти которой лежитъ рядъ тягчайшихъ грѣховъ передъ Россіей. И вмѣстѣ съ партіей колеблется положеніе кабинета, только въ ней, въ послѣднее время, находившаго точку опоры. Негодованіе, смѣшанное съ презрѣніемъ — вотъ то чувство, которымъ все больше и больше опредѣляется отношеніе широкихъ круговъ общества къ крайней правой и къ ея союзу съ темными безотвѣтственными силами, упомянутыми въ формулѣ прогрессивнаго блока.

P. P. S. Совершилось то, чего еще весьма недавно никакъ нельзя было ожидать: Государственный Совѣтъ принялъ, въ засѣданіи 26-го ноября, слѣдующую формулу перехода:

Признавая, что въ переживаемый Россіей историческій часъ благо родины повелительно требуетъ напряженія всей мощи народной для окончательной побѣды надъ врагомъ и дружнаго сотрудничества правительства съ законодательными учрежденіями и что для обезпеченія такой согласованной работы необходимо, во-первыхъ, — рѣшительное устраненіе вліянія на дѣла государственныя скрытыхъ безотвѣтственныхъ силъ и, во-вторыхъ, образованіе работоспособнаго правительства, дѣйствительно сплоченнаго и объединеннаго

опредѣленной программой, опирающагося на довѣріе и сочувствіе страны и, тѣмъ самымъ, способнаго къ совмѣстной съ законодательными учрежденіями дѣятельности, Госуд. Совѣтъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ". Первая часть этой формулы принята большинствомъ 105 голосовъ противъ 23, вторая — большинствомъ 94 голосовъ противъ 34. Прогрессивный блокъ объединилъ въ себѣ, такимъ образомъ, значительное большинство обѣихъ палатъ; рухнула главная твердыня крайнихъ правыхъ. Не можетъ быть больше никакого сомнѣнія въ томъ, какимъ настроеніемъ проникнута мыслящая Россія.

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Францъ-Іосифъ и его дѣятельность. — Печальные итоги его царствованія. — Русско-австрійскія отношенія при Францѣ-Іосифѣ. — Живучесть Австро-Венгріи и современныя событія. — Общее политическое положеніе въ Европѣ. — Ходъ „операцій“ на Балканахъ и въ другихъ мѣстахъ. — Внѣшняя политика въ Государственной Думѣ.

Одинъ изъ главныхъ виновниковъ настоящей войны, императоръ Францъ-Іосифъ, сошелъ, наконецъ, со сцены, 8 ноября, на 87 году жизни, послѣ необыкновенно продолжительнаго царствованія. Вступивъ на престолъ восемнадцатилѣтнимъ юношей въ бурные революціонные дни 1848 года, онъ въ теченіе шестидесяти восьми лѣтъ былъ полновластнымъ руководителемъ судебъ могущественной имперіи, которую оставилъ теперь въ разгарѣ тяжелаго кроваваго кризиса. Ограниченный по уму, проникнутый традиціоннымъ духомъ честолюбія и высокомѣрія Габсбургскаго дома, онъ въ силу историческихъ случайностей призванъ былъ играть роль, къ которой вовсе не былъ приспособленъ по своимъ личнымъ качествамъ и достоинствамъ. Онъ получилъ имперію по наслѣдству отъ своего дяди, слабоумнаго Фердинанда I, вынужденнаго отказаться отъ престола 2 декабря 1848 года, и послѣ такого же вынужденнаго отказа своего отца, ближайшаго законнаго наслѣдника, котораго собственная жена, Софья баварская, признала недостойнымъ высокаго званія монарха. Въ этой семьѣ дегенератовъ, отличавшейся вообще своею живучестью и плодовитостью, Францъ-Іосифъ оказался наиболѣе нормальнымъ и уравновѣшеннымъ. Его жизнь и дѣятельность тѣснѣйшимъ образомъ сплелась съ исторіею Австро-Венгріи, и онъ сдѣлался какъ бы олицетвореніемъ пестрой монархіи, соединяющей въ одно цѣлое различныя народности, для которыхъ единственнымъ и основнымъ связующимъ звеномъ является династія.

Какъ правитель, Францъ-Іосифъ никогда не имѣлъ опредѣленныхъ руководящихъ идей и не вдохновлялся никакими нравственными принципами; онъ легко соблазнялся воинственными планами и предпріятіями, обѣщавшими увеличить престижъ династіи, но

легко мирился также съ неудачами и безропотно подчинялся самымъ тяжкимъ ударамъ судьбы. Престижъ династіи былъ для него высшимъ закономъ политики; на всѣ государственные и политическіе вопросы онъ смотрѣлъ подъ династическимъ угломъ зрѣнія. Недаромъ Австро-Венгрію принято называть имперіею Габсбурговъ: династія, дѣйствительно, опредѣляетъ сущность того искусственнаго политическаго зданія, которое устраивалось и поддерживалось ради интересовъ и престижа данной исторической фамиліи и связаннаго съ нею правящаго класса. Изъ Австріи исходили поэтому всѣ ученія и формулы чисто-династической государственности, ставившія власть на недосягаемую высоту и низводившія народы на степень обязательно-покорнаго человѣческаго стада. Изъ Австріи вышла система Меттерниха, послужившая источникомъ и образцомъ политической мудрости для значительной части монархической Европы; вѣнскій кабинетъ сдѣлался оплотомъ реакціи на континентѣ и пользовался огромнымъ авторитетомъ при дворахъ великихъ европейскихъ державъ. Вліяніемъ Меттерниха и его преемниковъ направлялась внутренняя политика въ Пруссіи и Россіи, гдѣ подавленіе живыхъ общественныхъ и народныхъ силъ во имя мнимой борьбы съ революціею признавалось важнѣйшей задачей правительствъ.

Извѣстно, съ какимъ самоотверженіемъ русскія силы и средства тратились для пользы австрійской монархіи при императорѣ Николаѣ I, въ ущербъ жизненнымъ интересамъ Россіи, единственно лишь изъ уваженія къ авторитету и престижу фамиліи Габсбурговъ. До чего доходила готовность тогдашней офиціальной Россіи безкорыстно служить австрійскимъ союзникамъ по реакціи, можно видѣть изъ такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ, какъ присоединеніе вольнаго города Кракова къ австрійскимъ владѣніямъ въ 1846 году по иниціативѣ русскаго правительства, безъ всякихъ условій и ограниченій, даже съ прямымъ отказомъ отъ требованія не превращать этого города въ укрѣпленный пунктъ, направленный противъ Россіи. Францъ-Іосифъ унаслѣдовалъ эти необыкновенно выгодныя односторонныя отношенія съ Россіею и принималъ ея самоотверженныя услуги, какъ нѣчто должное. Когда Николай I посылалъ русскія войска для усмиренія Венгріи, онъ не пожелалъ даже допустить, чтобы расходы по содержанію этихъ войскъ падали на австрійскую казну, и настоялъ на правѣ русскаго государственнаго казначейства употреблять скудныя народныя средства на поддержаніе могущества и единства австрійской державы. Эта убійственная для Россіи внѣшняя политика называлась въ то время рыцарски-великодушною, но ея реальные результаты дали себя знать въ эпоху крымской войны, когда Австрія „удивила міръ своею неблагодарностью“.

Западно-европейское общественное мнѣніе безусловно одобряло эту австрійскую неблагодарность, ибо вражда къ Россіи была повсюду чрезвычайно популярна, именно за ея служеніе чужимъ реакціоннымъ династіямъ. Однако, наша дипломатія не охладѣла въ своихъ чувствахъ къ вѣнскому кабинету и продолжала обнаруживать и въ позднѣйшіе годы особую слабость къ Австріи. Значительное охлажденіе послѣдовало только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ по поводу австрійскаго заступничества за возставшихъ поляковъ; Пруссія воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и заключила съ Россіею конвенцію 1863 года, которая положила начало тѣсному взаимному сближенію обѣихъ державъ на почвѣ польскаго вопроса. Бисмаркъ сумѣлъ придать этому сближенію характеръ прочнаго союза, спасительнаго для Пруссіи въ періоды войнъ 1866 и 1870—71 годовъ. Образовавшійся впослѣдствіи союзъ трехъ императоровъ, при участіи Франца-Іосифа, просуществовалъ до русско-турецкой войны; наша дипломатія надѣялась еще разрѣшить возникшія балканскія затрудненія совмѣстно съ Австро-Венгріею и при ея помощи, но, по обыкновенію, обманулась въ своихъ расчетахъ. Боснія и Герцеговина, изъ-за освобожденія которыхъ началась война съ Турціею, были заранѣе отданы въ жертву австрійцамъ, подъ видомъ оккупаціи, въ силу рейхштадтскаго соглашенія 1876 года; но это предательство не обезпечило намъ поддержки и содѣйствія вѣнскаго кабинета на берлинскомъ конгрессѣ. Съ октября 1879 года утвердился тотъ союзъ двухъ центральныхъ имперій, который путемъ постоянныхъ вооруженій подготовилъ катастрофу міровой войны. Несмотря на всѣ испытанныя разочарованія, наше дипломатическое вѣдомство упорно не отставало отъ довѣрчивыхъ родственныхъ связей съ нѣмецкими династіями и дѣлало существенныя уступки австрійскому вліянію на ближнемъ Востокѣ. Попытка возраженія противъ произвольной односторонней аннексіи Босніи и Герцеговины въ 1908 году вызвала уже прямую угрозу со стороны Германіи, и русская дипломатія вновь подчинилась австрійскимъ указаніямъ и постаралась ввести свою балканскую политику въ австрійское русло: она приняла дѣятельное участіе, безъ достаточной къ тому надобности, въ цѣломъ рядѣ актовъ, явно враждебныхъ южному славянству, — въ созданіи особаго албанскаго государства съ нѣмецкимъ княземъ во главѣ, въ отобраніи у Черногоріи крѣпости Скутари въ пользу Албаніи, въ закрытіи доступа Сербіи къ Адріатическому морю, и, наконецъ, въ допущеніи неправильныхъ сербскихъ притязаній на болгарскую часть Македоніи — притязаній, приведшихъ къ уничтоженію балканскаго союза и къ несправедливому бухарестскому миру 28 іюля

1913 года. Россія не успѣла еще окончательно избавиться отъ прежнихъ иллюзій относительно династической дружбы Германіи и Австро-Венгріи, когда назрѣвалъ страшный кризисъ, разрѣшившійся войною.

Францъ-Іосифъ началъ свое царствованіе кровавою борьбою съ своими „собственными" народами — нѣмцами, стремившимися къ конституціи, чехами, мечтавшими объ автономіи, и мадьярами, домогавшимися національной независимости. Справившись съ Венгріею при помощи славянъ и русскихъ онъ жестокими мѣрами подавилъ австрійское конституціонное движеніе и отрекся отъ торжественныхъ либеральныхъ обѣщаній 1849 года. Въ имперіи установилась суровая система бюрократическаго абсолютизма, подъ руководствомъ Шварценберга и Баха. Борьба съ подвластными народностями во имя государственнаго единства и авторитета составляла главное содержаніе правительственной дѣятельности въ продолженіе всего царствованія Франца-Іосифа. Австрія была постоянною и сильнѣйшею преградою на пути національныхъ стремленій въ Европѣ; она безпощадно угнетала и преслѣдовала итальянскихъ патріотовъ въ Ломбардіи и Венеціи, противодѣйствовала всѣми силами попыткамъ національнаго объединенія Италіи и вступила ради этого въ войну 1859 года, окончившуюся пораженіемъ при Сольферино и потерею Ломбардіи по мирному соглашенію въ Виллафранкѣ. Она неуклонно боролась противъ національнаго объединительнаго движенія въ Германіи, ссорилась на этой почвѣ съ Пруссіею и, наконецъ, вытѣснена была ею изъ германскаго союза послѣ битвы при Садовой въ 1866 году. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ неудачъ произошло постепенное преобразованіе государственнаго строя Австріи въ либеральномъ духѣ. Венгрія добилась самостоятельнаго управленія, и въ имперіи водворился дуализмъ, который удовлетворилъ двѣ народности — нѣмцевъ и мадьяръ, подчинивъ имъ всѣ остальныя.

Если не считать поляковъ, получившихъ мѣстную автономію въ Галиціи, то въ общемъ положеніе славянства, несомнѣнно, ухудшилось съ установленіемъ дуализма. Чехи поставлены были въ зависимость отъ нѣмцевъ, хорваты, словаки, сербы отданы въ опеку мадьярамъ. Нѣмцы старались онѣмечить славянъ, венгерцы— мадьяризировать ихъ. Крупныя славянскія народности имѣли все-таки свои мѣстные сеймы; прочія національности — румыны, итальянцы — были политически безправны, въ качествѣ инородцевъ. Борьба національностей обострилась внутри обѣихъ половинъ имперіи; внутренніе политическіе кризисы становились хроническими, парламентская жизнь оказывалась по временамъ невозможною, вслѣдствіе непримиримыхъ національныхъ конфликтовъ, но тѣмъ

не менѣе внѣшняя политика монархіи оставалась цѣльною, опредѣленною и агрессивною, направляя свои усилія къ пріобрѣтенію и расширенію австрійскаго вліянія и владычества на Балканскомъ полуостровѣ, при дѣятельной поддержкѣ Германіи.

Францъ-Іосифъ принималъ большое личное участіе въ обостреніи всякихъ антагонизмовъ, какъ внутри имперіи, такъ и внѣ ея; своимъ упорствомъ въ мелочахъ онъ часто разстраивалъ возможныя соглашенія и бралъ на себя отвѣтственность за событія, которыя подвергали опасности самое существованіе монархіи. Въ 1859 году онъ ускорилъ войну съ Италіею, пославъ ей ультиматумъ безъ вѣдома своего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Буоля; въ 1866 году онъ предписалъ главнокомандующему Бенедеку дать пруссакамъ генеральное сраженіе, въ отвѣтъ на его телеграмму, въ которой указывалось на неблагопріятную обстановку, вынуждающую рѣшиться на отступленіе для лучшаго сосредоточенія силъ; лойяльный Бенедекъ, исполнивъ императорскій приказъ, проигралъ битву при Садовой и до конца жизни сохранялъ въ тайнѣ истинную причину своей неудачи. Францъ-Іосифъ проводилъ свою личную политику въ сношеніяхъ съ балканскими государствами, возбуждая соперничество и вражду между ихъ правителями, и онъ былъ, несомнѣнно, иниціаторомъ послѣдняго нападенія на Сербію, которое должно было вызвать европейскую войну. Онъ началъ свое царствованіе кровопролитіемъ и окончилъ самымъ страшнымъ предпріятіемъ, какое когда-либо обрушивалось на человѣчество.

Недобрую память оставилъ онъ по себѣ въ исторіи. Несчастья, выпадавшія на его долю въ личной и семейной жизни, не оказывали замѣтнаго вліянія на его міросозерцаніе, характеръ и образъ дѣйствій. Сынъ и наслѣдникъ его, Рудольфъ, былъ убитъ или покончилъ съ собою въ загадочной романической исторіи съ красавицей Вечера въ 1889 году; жена его, императрица Елизавета, погибла отъ руки какого-то полоумнаго анархиста въ Женевѣ въ 1898 году; второй наслѣдникъ, Францъ-Фердинандъ, и его супруга, герцогиня Гогенбергъ, пали жертвами заговора въ Сараевѣ, въ іюнѣ 1914 года. Францъ-Іосифъ стойко переносилъ эти удары и оставался все тѣмъ же суровымъ оберегателемъ традицій Габсбургскаго дома; отдѣльные члены многочисленной императорской фамиліи формально отказывались отъ привилегій своего рожденія и переходили въ скромную частную жизнь, подъ новыми именами, лишь бы избавиться отъ его тяжелой ферулы. Этотъ престарѣлый монархъ съ умственнымъ кругозоромъ хорошо воспитаннаго фельдфебеля обладалъ безспорно и нѣкоторыми личными достоинствами: привѣтливый и доступный въ обращеніи, онъ любилъ показываться въ публикѣ и пользовался

широкою популярностью въ народѣ; фигура его была близко знакома населенію повсюду, гдѣ онъ проживалъ, и вызывала въ массахъ чувство трогательной „лойяльности“. Даже тѣ національности, которыя наибольше страдали отъ его правительственной системы, относились къ нему съ почтительною преданностью.

Новый австрійскій императоръ и венгерскій король, сынъ племянника Франца-Іосифа, эрцгерцога Оттона, 29-лѣтній Карлъ-Францъ-Іосифъ, принявшій на тронѣ имя Карла I, представляетъ собою, по имѣющимся свѣдѣніямъ, довольно безцвѣтную личность, и при немъ тѣсный союзъ съ Германіею едва ли сохранитъ тѣ условія и формы внутренняго равноправія, которыя считались еще обязательными при Францѣ-Іосифѣ. Вильгельмъ II, по старой памяти, склонялся предъ личнымъ авторитетомъ австрійскаго императора, а молодой преемникъ послѣдняго является горячимъ поклонникомъ Вильгельма и его генераловъ, готовымъ вполнѣ довольствоваться ролью „блестящаго адъютанта“ Гогенцоллерновъ, послушнаго исполнителя ихъ предначертаній. Германія получитъ теперь возможность основательно прикрѣпить къ себѣ Австро-Венгрію, и обѣ центральныя имперіи могутъ соединиться въ одну огромную силу, которая въ рукахъ предпріимчивыхъ германскихъ правителей будетъ служить постоянною угрозою общему миру Европы.

Благодаря этой тѣсной связи съ Германіею, Австро-Венгрія обнаруживаетъ замѣчательную живучесть: нѣсколько разъ за истекшіе два года ея арміи признавались совершенно разбитыми, ея силы и средства казались исчерпанными, и румынскій походъ въ Трансильванію долженъ былъ нанести монархіи послѣдній ударъ; въ газетахъ серьезно обсуждались уже проекты раздѣла ея территоріи, — а потомъ опять подвигаются впередъ какія-то австрійскія арміи, и черезъ нѣкоторое время Австро-Венгрія оказывается въ томъ же положеніи, въ какомъ была раньше, до провозглашеннаго разгрома. Вмѣшательство Румыніи много разъ объявлялось роковымъ для имперіи Габсбурговъ; союзники долго и настойчиво убѣждали Румынію сдѣлать этотъ спасительный шагъ, занять Трансильванію и освободить мѣстное румынское населеніе отъ мадьярскаго ига, и наконецъ убѣдили — а нѣсколько недѣль спустя, исполнивъ настоятельный совѣтъ союзниковъ, Румынія вынуждена была позаботиться о защитѣ собственной территоріи и сама подверглась безпощадному непріятельскому нашествію; . . . .

. . . .

. . . . Враги съ трехъ сторонъ наступали на Австро-Венгрію . . . .

. . . .

. . . . Сами по себѣ австрійцы не могли бы такъ успѣшно отбиваться отъ многочисленныхъ и сильныхъ противниковъ . . . . но вмѣстѣ съ германцами и подъ руководствомъ германскихъ полководцевъ они достигаютъ . . . . существенныхъ . . . . результатовъ. Ясное сознаніе этого факта, неоднократно провѣреннаго и подтвержденнаго на опытѣ, все болѣе распространяется и крѣпнетъ въ Австро-Венгріи, и оно заставляетъ ее твердо держаться того тѣснаго единенія съ Германіею, которое столько разъ выручало монархію изъ бѣды.

Новый императоръ Карлъ I съ гордостью заявилъ при своемъ вступленіи на престолъ, что онъ принялъ наслѣдіе Габсбурговъ „въ непотускнѣвшемъ блескѣ“. По внѣшнимъ признакамъ, состояніе имперіи представляется какъ будто удовлетворительнымъ и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ блестящимъ: въ данный моментъ австрійскія войска занимаютъ значительную часть Балканскаго полуострова, Черногорія и Сербія находятся всецѣло подъ австрійскою властью, австрійцы распоряжаютзя въ нѣсколькихъ русско-польскихъ губерніяхъ, и только въ Буковинѣ и въ нѣкоторой части восточной Галиціи стоятъ враждебныя имъ военныя силы. Быть можетъ, это положеніе дѣлъ весьма непрочно и недолговѣчно, но оно пока рисуется австрійскимъ патріотамъ въ благопріятномъ видѣ. Съ точки зрѣнія поклонниковъ завоевательной политики самая ужасная и разорительная война можетъ способствовать блеску монархіи, ибо ужасы и разореніе чувствуются только народами, а слава эфемерныхъ выгодъ и пріобрѣтеній достается правителямъ.

Что касается внутренняго состоянія Австро-Венгріи, то оно мало утѣшительно, и даже упорнѣйшіе австрійскіе оптимисты не находятъ въ немъ никакого блеска. Австрійскій парламентъ ни разу не собирался за все время войны, такъ какъ нельзя было достигнуть соглашенія съ чехами, когда виднѣйшіе чешскіе депутаты отдавались подъ судъ за руссофильство, равносильное будто бы государственой измѣнѣ. Всеобщее избирательное право, введенное въ 1907 году, не приносило пользы населенію, за отсутствіемъ парламентской дѣятельности. Право собраній фактически упразднялось мѣрами администраціи; свобода печати допускалась только въ извѣстныхъ предѣлахъ, и эти предѣлы были особенно стѣснительны для оппозиціонныхъ и соціалистическихъ газетъ. Одинъ изъ передовыхъ участниковъ рабочей журналистики, сынъ извѣстнаго депутата Виктора Адлера, Фридрихъ Адлеръ, рѣшилъ, что главный

виновникъ всѣхъ этихъ стѣсненій — министръ-президентъ, графъ Карлъ Штюргкъ, и что надо устранить его во что бы то ни стало Онъ задумалъ убить его и исполнилъ свое намѣреніе 21 (8) октября, въ одномъ изъ вѣнскихъ ресторановъ. Политическія убійства давно уже вышли изъ моды въ Австріи, и поступокъ Адлера объясняется скорѣе его личнымъ душевнымъ разстройствомъ, чѣмъ какими-либо серьезными политическими мотивами. Графъ Штюргкъ принадлежалъ къ категоріи сановниковъ-администраторовъ, не претендующихъ вовсе на званіе государственныхъ людей; онъ вышелъ изъ среды помѣстнаго дворянства и былъ такимъ же убѣжденнымъ представителемъ нѣмецкой національности и культуры, какъ и его товарищи по кабинету. Преемникомъ его назначенъ старый австрійскій бюрократъ, бывшій уже министромъ-президентомъ въ 1900—1904 годахъ, фонъ-Керберъ, также сторонникъ нѣмецкаго преобладанія надъ другими народностями. Симптомовъ поворота внутренней политики Австро-Венгріи въ пользу дѣйствительнаго равноправія національностей пока еще не видно.

Перемѣна царствованія въ Австро-Венгріи, несомнѣнно, улучшаетъ и усиливаетъ положеніе Германіи, обезпечивъ передачу въ ея руки всей полноты власти надъ военными силами обѣихъ имперій. Единство политическаго руководства и военнаго командованія не будетъ уже подвергаться никакимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ послѣ того какъ сошла со сцены авторитетная личность монарха, съ волею и капризами котораго долженъ былъ постоянно считаться Вильгельмъ II. Отнынѣ германскіе полководцы могутъ свободно распоряжаться всѣми вооруженными силами и средствами своихъ союзниковъ, направляя эти силы и средства къ одной опредѣленной цѣли. Это единство дѣйствій составляетъ огромное преимущество Германіи передъ державами согласія, которыя уже въ силу своего географическаго положенія вынуждены дѣйствовать разрозненно . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Англо-французскія войска съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали совмѣстно въ сѣверной Франціи и освободили Верденъ, но не могли помѣшать противнику сознательно убрать значительную часть своихъ силъ съ французскаго фронта, чтобы сосредоточить ихъ въ болѣе важномъ мѣстѣ, ... Румыніи. Нѣмцы нашли для себя выгоднымъ отказаться отъ Вердена и пожертвовать нѣсколькими километрами или даже десятками километровъ на Соммѣ, чтобы взамѣнъ занять румынскую территорію, — и они

методично, съ твердою увѣренностью, исполняли свой планъ . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Насколько важно было для Германіи захватить Румынію, можно судить по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и соображеніямъ, изложеннымъ въ одной изъ статей ноябрьской книжки „Fortnightly Review", содержаніе которой приведено въ газетѣ „Рѣчь":

„Не жажда мести, — говорится въ этой статьѣ, — побудила германцевъ навалиться всею тяжестью на Румынію, а нужда въ хлѣбѣ, скотѣ и сырьѣ. Далеко не всѣмъ извѣстно, что еще недавно Румынія по вывозу пшеницы занимала третье мѣсто послѣ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ послѣдніе годы конкурентами ея на міровомъ рынкѣ выступили Аргентина и Канада. Однако, Румынія продолжаетъ вывозить приблизительно столько же пшеницы, какъ Канада. Слѣдовательно, въ Румыніи Германія нашла бы свою Канаду. Германцы, конечно, не преминули бы реквизировать огромные запасы зерна и муки, собранные въ Румыніи за время войны. Мѣстное населеніе было бы переведено на половинный раціонъ, и все остальное ушло бы въ Германію. Кромѣ зерна, Румынія богата всякаго рода скотомъ. Изъ ея рессурсовъ Германія могла бы съ избыткомъ удовлетворить свою потребность въ мясѣ и шерсти, а также въ лошадяхъ. Германія и Австрія испытываютъ острый недостатокъ нефти и нефтяныхъ продуктовъ. Между тѣмъ Румынія является однимъ изъ крупнѣйшихъ производителей и экспортеровъ нефти. Румынскія копи доставили бы центральнымъ имперіямъ значительное количество мѣди, никкеля и т. д. Словомъ, гибель Румыніи была бы величайшимъ бѣдствіемъ для союзниковъ. Овладѣвъ Румыніей, центральныя державы фактически свели бы къ нулю дѣйствіе англійской блокады, и сила ихъ сопротивленія возросла бы чрезвычайно".

„Не меньшее значеніе имѣло бы пораженіе Румыніи и съ точки зрѣнія стратегической. Завоеваніе Сербіи отдало въ руки Германіи только одну желѣзнодорожную линію на Константинополь. Съ завоеваніемъ Румыніи прибавилось бы еще три такихъ линіи. Кромѣ того, въ распоряженіи Германіи оказалось бы все теченіе Дуная отъ истоковъ до устья, и эта гигантская водная артерія была бы широко использована для перевозки войскъ и всевозможныхъ грузовъ. Дунай соединенъ каналомъ съ Эльбой. По Эльбѣ и Дунаю германцы могли бы пустить цѣлую флотилію подводныхъ лодокъ въ Черное море. Центральныя державы вынуждены сейчасъ держать крупныя силы вдоль сѣверныхъ и южныхъ границъ Румыніи. Въ случаѣ

разгрома румынской арміи, большая часть этихъ силъ освобождается, и германцамъ остается оборонять лишь сравнительно короткую пограничную полосу между Румыніей и Россіей. Легко понять, какъ измѣнились бы вслѣдствіе этого условія веденія войны на Балканахъ. Союзники лишились бы поддержки 700-тысячной румынской арміи; силы центральныхъ державъ, благодаря сокращенію фронта и улучшенію транспорта, значительно увеличились бы. Планъ наступленія отъ Салоникъ пришлось бы, вѣроятно, оставить навсегда. Если таковы были бы отрицательныя для союзниковъ послѣдствія пораженія Румыніи, то столь же огромны были бы, очевидно, и положительные результаты ея успѣшной обороны. Центральное положеніе Румыніи дѣлаетъ изъ нея превосходную базу для операцій по внутреннимъ линіямъ противъ Австро-Венгріи и Болгаріи. Вотъ почему борьба на румынскомъ театрѣ является рѣшающимъ моментомъ войны. Пораженіе германцевъ на румынскомъ фронтѣ было бы для нихъ еще болѣе тяжелымъ моральнымъ ударомъ, чѣмъ даже неудача подъ Верденомъ, и въ то же время матеріальной катастрофой“ [1])

Въ то время какъ рѣшается судьба страны, имѣющей такое громадное значеніе для обѣихъ воюющихъ сторонъ, союзныя войска, собранныя въ Салоникахъ, ... вступили въ предѣлы сербской Македоніи и заняли городъ Монастырь или Битолію, вытѣснивъ оттуда болгаръ. Этотъ успѣхъ, быть можетъ, самъ по себѣ очень важенъ, но онъ не имѣетъ никакой связи съ дѣйствіями германо-болгарскихъ армій противъ Румыніи и не можетъ повліять на ходъ этихъ дѣйствій, ... Одновременно съ походомъ въ Македонію, союзники предприняли рядъ крутыхъ мѣръ противъ Греціи . . . . греки стали оказывать державамъ покровительницамъ вооруженное сопротивленіе; требованіе высылки враждебныхъ дипломатическихъ представителей изъ Аѳинъ было исполнено, но домогательство выдачи оружія и военнаго снаряженія возбудило уже . . . . протесты и вызвало стрѣльбу въ союзные отряды моряковъ, высадившихся въ Пиреѣ. . . . .

---

[1]) См. „Рѣчь“, отъ 9 ноября.

. . . .

Греческій кризисъ принялъ вообще направленіе, которое нельзя считать цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія интересовъ союзныхъ державъ. Вождь греческой оппозиціи, Венизелосъ, организовалъ временное правительство, съ цѣлью добиться осуществленія своей патріотической программы, и можно было думать, что онъ имѣетъ въ виду привлечь на свою сторону большинство греческаго народа и оказать надлежащее давленіе на короля Константина, который, въ концѣ концовъ, поставленъ былъ бы передъ дилеммой — или подчиниться общественному мнѣнію или отречься отъ престола. Однако, Венизелосъ пошелъ по другому пути. Прежде всего, онъ ослабилъ свою позицію, покинувъ національную почву, гдѣ онъ могъ бы свободно дѣйствовать на одномъ изъ греческихъ острововъ, подъ охраной — въ случаѣ надобности — союзнаго флота; между тѣмъ онъ выбралъ своею резиденціею городъ Салоники, занятый иноземными войсками, и этимъ навлекъ на себя обвиненіе . . . .
. . . . Нѣкоторая часть греческихъ войскъ присоединилась къ Венизелосу и вошла въ составъ союзныхъ армій, состоящихъ подъ общимъ начальствомъ генерала Саррайля, но большинство вооруженныхъ силъ страны осталось на родинѣ и фактически сохранило вѣрность королю, что создаетъ готовую почву для междоусобія. Венизелосъ сдѣлалъ еще дальнѣйшій шагъ, ...
. . . . в качествѣ главы временнаго греческаго правительства, онъ объявилъ войну Германіи и Болгаріи. . . . .
. . . . Отъ чьего имени могъ онъ объявить войну? Не отъ имени Греціи, которая имѣетъ еще свое законное правительство, свои парламентскія партіи, своихъ министровъ и депутатовъ. Онъ могъ бы объявить войну отъ имени временнаго правительства только въ томъ случаѣ, если бы послѣднее фактически замѣнило собою правительство короля Константина и было бы въ той или другой формѣ признано греческимъ народомъ и парламентомъ; въ данномъ же случаѣ онъ дѣйствовалъ, въ сущности, отъ имени частной организаціи, примкнувшей къ иностранному экспедиціонному корпусу . . . .
. . . . Конечно, Венизелосъ принялъ свое . . . . рѣшеніе въ расчетѣ на то, что присоединившимся къ нему военнымъ отрядамъ

придется участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ болгаро-германцевъ . . . .

. . . .

Чрезмѣрное обостреніе греческаго кризиса отчасти также объясняется, вѣроятно, недостаткомъ согласованности въ дѣйствіяхъ союзныхъ кабинетовъ, при несомнѣнной солидарности ихъ интересовъ. Тотъ же недостатокъ сказывается и въ частыхъ повтореніяхъ и подтвержденіяхъ неизмѣнной рѣшимости дѣйствовать и бороться сообща до достиженія окончательной побѣды, — какъ будто скрытые недоброжелатели могутъ надѣяться посѣять гдѣ-нибудь раздоръ или возбудить недовѣріе и колебаніе между участниками общаго дѣла. Офиціальныя опроверженія непріязненныхъ слуховъ ничего не прибавятъ въ установившейся твердой увѣренности, основанной не только на безспорныхъ фактахъ и формальныхъ обязательствахъ, но и на сознаваемой всѣми общности жизненныхъ политическихъ потребностей и стремленій. Даже если бы въ какой-нибудь странѣ нашелся министръ иностранныхъ дѣлъ, который по неопытности или непониманію усомнился бы въ этой солидарности интересовъ и цѣлей союзниковъ въ настоящей войнѣ, онъ былъ бы безсиленъ поколебать общую вѣру и неминуемо отрекся бы отъ своихъ сомнѣній.

Бываютъ иногда иминистры иностранныхъ дѣлъ, некомпетентные въ области дипломатіи и неосторожные въ своихъ поступкахъ; объ одномъ изъ такихъ министровъ говорилъ П. Н. Милюковъ въ Государственной Думѣ, 1 ноября, и хотя обличительная рѣчь его осталась недоступною широкой публикѣ, но уже одного указанія, попавшаго въ печать, болѣе чѣмъ достаточно для подтвержденія всѣхъ выводовъ почтеннаго депутата. Оказывается, что глава дипломатическаго вѣдомства сознательно принялъ къ себѣ на службу, въ качествѣ

довѣреннаго личнаго секретаря, хорошо извѣстнаго ему по департаменту полиціи бывшаго агента германскаго посольства, уличеннаго незадолго до войны въ попыткѣ подкупить одну изъ русскихъ газетъ по порученію графа Пурталеса, — человѣка завѣдомо продажнаго, бравшаго, по собственному сознанію, взятки не только для себя, ... И такому господину были открыты всѣ дипломатическія тайны, — ибо министръ иностранныхъ дѣлъ желалъ именно его имѣть при себѣ въ крайне деликатной должности, требующей исключительнаго довѣрія. Если этотъ фактъ вѣренъ, то неосторожность министра граничила уже съ преступностью, — хотя бы самъ онъ былъ проникнутъ самыми невинными намѣреніями.

Теперь становится понятнымъ, откуда берутся слухи, которые приходится періодически опровергать министерству иностранныхъ дѣлъ. Личный секретарь министра, бывшій агентъ графа Пурталеса и сотрудникъ департамента полиціи, начнетъ сообщать по секрету имѣющіяся у него будто бы свѣдѣнія о проектахъ сепаратнаго мира, и отъ имени того же министра, при которомъ состоитъ этотъ замѣчательный личный секретарь, разсылается слѣдующая циркулярная телеграмма русскимъ представителямъ при союзныхъ державахъ, отъ 3 (16) ноября:

„Распространенные за послѣднее время печатью нѣкоторыхъ странъ слухи о секретныхъ переговорахъ, которые будто бы ведутся между Россіей и Германіей, о заключеніи сепаратнаго мира, не могутъ, въ виду ихъ настойчивости, быть обойдены молчаніемъ со стороны русскаго правительства. Императорское правительство считаетъ долгомъ заявить самымъ категорическимъ образомъ, что эти нелѣпые слухи играютъ лишь въ руку враждебнымъ государствамъ. Россія сохранитъ неприкосновеннымъ тѣсное единеніе, связующее ее съ ея доблестными союзниками, и, далекая отъ мысли о заключеніи сепаратнаго мира, будетъ биться рука объ руку съ ними противъ общаго врага, безъ малѣйшаго колебанія, до часа конечной побѣды. Никакіе враждебные происки не окажутся въ состояніи поколебать неизмѣнное рѣшеніе России. Вамъ поручается дать вышеизложенному самую широкую огласку и довести содержаніе настоящей телеграммы до свѣдѣнія правительства, при которомъ вы аккредитованы“.

Кромѣ невѣрныхъ или непріятныхъ слуховъ, которые легко опровергнуть, бываютъ и непріятные факты, противъ которыхъ можно протестовать, но съ которыми такъ или иначе надо считаться. По польскому вопросу напечатано въ газетахъ слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Германское и Австро-Венгерское правительства, пользуясь временнымъ занятіемъ ихъ войсками части Русской государственной территоріи, провозгласили отдѣленіе польскихъ областей отъ Россійской Имперіи и образованіе изъ нихъ самостоятельнаго государства. При этомъ наши враги имѣютъ очевидною цѣлью произвести въ русской Польшѣ рекрутскій наборъ для пополненія своихъ армій.

„Императорское правительство усматриваетъ въ этомъ актѣ Германіи и Австро-Венгріи новое грубое нарушеніе нашими врагами основныхъ началъ международнаго права, воспрещающихъ принуждать населеніе временно занятыхъ военною силою областей къ поднятію оружія противъ собственнаго отечества. Оно признаетъ сказанный актъ недѣйствительнымъ.

„По существу польскаго вопроса Россія, съ начала войны, уже дважды сказала свое слово. Въ ея намѣренія входитъ образованіе цѣлокупной Польши, изъ всѣхъ польскихъ земель, съ предоставленіемъ ей, по завершеніи войны, права свободнаго строенія своей національной, культурной и хозяйственной жизни, на началахъ автономіи, подъ державнымъ скипетромъ Государей Россійскихъ и при сохраненіи единой государственности. Это рѣшеніе нашего Августѣйшаго Государя остается непреклоннымъ".

Въ то же время нашимъ дипломатическимъ представителямъ за границей поручено передать правительствамъ иностранныхъ державъ слѣдующій протестъ:

„Вопреки международному праву, германскія и австро-венгерскія военныя власти въ Варшавѣ и Люблинѣ объявили, что русскія губерніи Польши образуютъ впредь отдѣльное государство.

„Императорское россійское правительство протестуетъ противъ этого акта, являющагося новымъ нарушеніемъ международныхъ договоровъ, торжественно утвержденныхъ Германіею и Австро-Венгріею, и заявляетъ, что губерніи Царства Польскаго составляютъ попрежнему часть Россійской Имперіи и что ихъ жители связаны присягой на вѣрность, которую они принесли Его Императорскому Величеству".

Наконецъ, въ газетахъ появилось еще одно офиціальное сообщеніе по тому же польскому вопросу:

„По полученнымъ въ Петроградѣ свѣдѣніямъ, германскія власти приступили 10 (23) сего ноября къ принудительному набору въ войска русско-подданныхъ поляковъ, какъ на оккупированной ими территоріи Царства Польскаго, такъ и въ предѣлахъ Германіи, куда, подъ видомъ рабочихъ, выселена часть мужского населенія нашей Польши.

„Еще ранѣе сего, австрійскія власти принуждали нашихъ поляковъ, продлежащихъ службѣ въ русской арміи, поступать въ жандармерію, которая составляетъ часть австрійскихъ войскъ.

„Въ виду этого, министерство иностранныхъ дѣлъ обратилось къ испанскому правительству съ просьбой о предписаніи испанскимъ посламъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ запросить германское и австро-венгерское правительства, насколько помянутыя свѣдѣнія являются достовѣрными и, въ утвердительномъ случаѣ, передать отъ имени россійскаго правительства протестъ съ указаніемъ, что Россія считаетъ русско-подданныхъ поляковъ попрежнему связанными вѣрноподданнической присягой и возлагаетъ на германское и австро-венгерское правительства всю отвѣтственность за принятыя ими противорѣчащія международному праву мѣры, касающіяся Царства Польскаго и, въ частности, за привлеченіе населенія Царства Польскаго къ службѣ въ войскахъ и къ принудительнымъ работамъ".

Вопросы иностранной политики были затронуты и въ правительственной деклараціи, прочитанной 19 ноября въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ. Правительство, въ лицѣ новаго предсѣдателя совѣта министровъ, вновь заявило, что Россія, принявъ „дерзкій вызовъ" „дерзновенныхъ враговъ", не положитъ оружія до полной побѣды, „до сокрушенія на вѣкъ германскаго засилья и насилья", что „преждевременнаго мира, а тѣмъ болѣе мира, заключеннаго отдѣльно отъ нашихъ союзниковъ, не будетъ никогда", что „мощь врага надорвана, и часъ желаннаго возмездія все близится, но нужны еще огромныя усилія, чтобы окончательно сломить его", и что „насъ ждетъ борьба, исходъ которой предрѣшенъ". Предсѣдатель совѣта министровъ обѣщаетъ, отъ имени правительства, „отвоевать" занятую еще непріятелемъ часть нашей территоріи, „вернуть Царство Польское" и, сверхъ того, „вырвать отъ враговъ исконныя зарубежныя польскія земли", чтобы „возсоздать свободную Польшу, въ этнографическихъ ея границахъ и въ неразрывномъ единеніи съ Россіею". Между прочимъ, глава правительства призналъ своевременнымъ, въ виду настоящаго положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, сообщить для общаго свѣдѣнія, что заключенное нами въ 1915 году съ Англіею и Франціею соглашеніе, къ которому потомъ присоединилась и Италія, окончательно устанавливаетъ право Россіи на проливы и Константинополь" и что „Россія, получивъ въ свое державное обладаніе свободный выходъ въ Средиземное море, предоставитъ свободу плаванія румынскому флагу, не впервые развѣвающемуся въ бояхъ рядомъ съ русскими знаменами". Эти заключительныя слова о предоставленіи румынамъ свободы плаванія черезъ Босфоръ и Дарданеллы должны, очевидно, служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Румыніи въ ея нынѣшней тяжелой борьбѣ съ германскимъ нашествіемъ.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

С. П. Сингалевичъ. Среднешкольное и университетское преподаванiе исторiи. (Глава изъ методики исторiи.) 2-е дополн. изд. Казань, 1916. Ц. 40 коп.

За послѣднее время вопросъ о преподавательской работѣ въ средней школѣ вообще очень энергично обсуждается на страницахъ спеціальной педагогической прессы, что уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о той неудовлетворенности, которую вызываетъ укладъ нашей школьной жизни. Но еще энергичнѣе необходимость реформъ школы въ смыслѣ общаго уклада и отдѣльныхъ частностей подчеркивается на педагогическихъ съѣздахъ (напр. въ Кіевѣ и въ Казани въ 1916 году).

Не остается безъ обсужденія, въ частности, и вопросъ о преподаваніи исторіи въ средней школѣ, и по брошюркѣ С. П. Сингалевича мы можемъ прослѣдить за тѣми теченіями, которыя обнаруживались въ этомъ вопросѣ.

Дѣло въ томъ, что уже въ концѣ XIX ст. вопросъ о преподаваніи исторіи принялъ новую фазу, уклонившись отъ того противоположенія исторіи — науки исторіи — учебному предмету, которое раньше господствовало.

Долго по этому вопросу въ педагогическихъ кругахъ велись оживленные дебаты, въ результатѣ которыхъ стало преобладать стремленіе преподавать исторію въ средней школѣ на основаніяхъ серьезныхъ научныхъ данныхъ.

Въ связи съ этимъ, конечно, стали указывать на то, что „основная цѣль преподаванія исторіи должна быть одинакова въ школахъ всѣхъ типовъ, начиная съ высшей и кончая низшей“ (курсивъ С. П. Сингалевича)...

Какъ бы откликомъ на теоретическое обсужденіе вопроса появились и обновленные учебники, построенные на основаніи добытыхъ наукою данныхъ, и среди нихъ первымъ появился учебникъ проф. Виноградова, который доказывалъ, что „надо отказаться отъ мысли, будто учебникъ долженъ снискать расположеніе учениковъ

внѣшней, анекдотической занимательностью" и согласиться съ тѣмъ, что только научно построенный учебникъ можетъ содѣйствовать историческому образованію учащихся.

Послѣ появленія учебника проф. Виноградова слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ „научныхъ" учебниковъ, дающихъ серьезный матеріалъ учащимся.

Такимъ образомъ, за послѣднія 20 лѣтъ можно сказать укоренилась въ педагогическихъ кругахъ мысль о томъ, чтобы преподаваемая въ средней школѣ исторія, главнымъ образомъ, „давала учащимся то же, что и курсы исторіи въ высшей школѣ".

И вотъ сводкѣ этого процесса, который привелъ теперь, кажется, къ окончательному рѣшенію вопроса, прив.-доц. С. П. Сингалевичъ и посвятилъ первую часть своей брошюрки (стр. 3—11), тогда какъ вторая часть (стр. 11—23) касается также не менѣе интереснаго вопроса объ отличіи среднешкольнаго и университетскаго преподаванія исторіи.

Главнѣйшія особенности того и другого преподаванія С. П. Сингалевичъ сводитъ къ четыремъ пунктамъ.

Прежде всего авторъ останавливается на томъ, что построеніе курсовъ въ средней школѣ носитъ догматическій характеръ, т. е. не имѣетъ въ виду останавливаться на разсмотрѣніи тѣхъ или иныхъ разнорѣчивыхъ научныхъ гипотезъ, тогда какъ университетское преподаваніе исторіи можно назвать генетическимъ, т. е. такимъ, при которомъ производится анализъ какъ первоисточниковъ, такъ и выдвинутыхъ научныхъ толкованій.

На ряду съ этимъ передача историческаго матеріала въ томъ и другомъ случаѣ различна. Въ то время, какъ въ университетѣ господствуетъ лекціонная система передачи матеріала, въ средней школѣ, строго говоря, такой системы существовать не можетъ: здѣсь приходится преподавателю выбирать цѣлый рядъ пріемовъ, такъ что всю систему передачи матеріала можно назвать въ средней школѣ смѣшанной.

Наиболѣе, однако, интересно различіе въ составленіи курсовъ по исторіи. По мнѣнію автора, главной цѣлью курсовъ тамъ и здѣсь должно быть усвоеніе, уясненіе сущности историческаго процесса той или иной эпохи. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ необходимости изучать всю массу историческихъ фактовъ. Съ такимъ расчетомъ и строятся курсы въ высшей школѣ, тогда какъ въ курсахъ средней школы главнѣйшее вниманіе отведено именно заучиванію только фактическаго матеріала. Авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на стр. 18 настаиваетъ на томъ, что „необходимо точно установить для средней школы minimum обязательнаго

историческаго матеріала, съ которымъ преподавать на урокахъ, необходимо вычеркнуть изъ нашихъ учебниковъ всякія детальныя и мелочныя сообщенія..., необходимо проникнуться мыслью, что и въ средней школѣ цѣлью изученія исторіи является не только накопленіе единичныхъ, конкретныхъ фактовъ..., а извѣстный синтезъ ихъ, могущій привести учащихся къ пониманію основныхъ проявленій исторической жизни (курсивъ С. П. Сингалевича).

Что же касается объема и содержанія курса, то курсъ исторіи въ высшей школѣ, конечно, шире и больше. Въ виду этого авторъ считаетъ наиболѣе удобнымъ (изъ чисто-педагогическихъ соображеній), за основное въ курсахъ исторіи средней школы брать политическую исторію.

Какъ на послѣдній пунктъ отличія авторъ указываетъ на вопросъ о приспособленіи курсовъ къ пониманію учащихся, отмѣчая что такое приспособленіе можетъ наблюдаться лишь въ средней школѣ, а въ высшей школѣ педагогическія соображенія при построеніи курсовъ не принимаются въ расчетъ.

Таково содержаніе только что вышедшей вторымъ изданіемъ брошюрки С. П. Сингалевича, и уже изъ вышесказаннаго ясно, что она имѣетъ безусловно большой интересъ съ точки зрѣнія педагогической. Еще больше подкрѣпляютъ этотъ интересъ ссылки на соотвѣтствующую научную литературу по тѣмъ или инымъ методическимъ вопросамъ преподаванія исторіи.

Книжка издана очень опрятно и читается легко.

В. Смолинъ.

Сочиненія Михаила Николаевича Лонгинова. Томъ первый [1850—1859]. Съ портретомъ. Москва. Изданіе Л. Э. Бухгейма. 1915. Цѣна 4 р. 50 коп.

М. Н. Лонгиновъ, извѣстный писатель-библіографъ и историкъ литературы, очень оригинальная фигура прошлаго. Близкій другъ старшей редакціи „Современника“ пятидесятыхъ годовъ, пріятель Тургенева, Некрасова, Дружинина и др., авторъ скабрезнаго „Попа“ (въ которомъ грѣшенъ, повидимому, и Тургеневъ), кончилъ, въ качествѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, мрачнымъ обскурантизмомъ и гоненіями на печать. Но знатокъ прошлаго русской литературы и общественности, онъ оставилъ обширное литературное наслѣдство и довольно объемистые труды и тучи мелкихъ замѣтокъ, разсѣянныхъ по журналамъ и газетамъ. Какъ спра-

ведливо указываетъ издатель въ предисловіи, большая часть статей и замѣтокъ Лонгинова понынѣ сохраняетъ значеніе, „хотя бы по одному тому, что авторъ успѣлъ собрать и закрѣпить на бумагѣ и въ печати массу біографическихъ, родословныхъ, историческихъ, литературныхъ свѣдѣній и матеріаловъ, дошедшихъ до него еще отъ XVIII вѣка по преданію, черезъ тѣхъ старцевъ, литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, которые въ 1850—60-хъ гг. доживали свой вѣкъ въ Москвѣ“. Компетентенъ отзывъ о Лонгиновѣ въ этомъ отношеніи человѣка, хранившаго также множество подобныхъ преданій и традицій, князя П. А. Вяземскаго; „Вы — отецъ и командиръ всей пишущей грамотной и полуграмотной братіи нашей, какъ строевой и наличной, такъ и безсрочно-отпускной и инвалидной. Вы не только начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, живой и нынѣшней, но и мертвой, вчерашней, третьягоднишней и едва ли не допотопной. Трудолюбивый, неутомимый изыскатель по Русской части біографической и библіографической — вы все прочуяли, перевѣдали, пересмотрѣли, до всего добрались и продолжаете добираться. Отъ вашихъ истинно цензорскихъ, то есть сотенныхъ аргусовыхъ глазъ ничто печатное донынѣ и чуть ли не все писанное не ускользнуло. Всевѣдѣніе и память ваша изумительны!..“ Первый томъ отлично печатаемаго изданія обнимаетъ статьи за 1850—1858—9 гг. Эти безчисленныя замѣтки библіографическаго характера иногда блещутъ неожиданнымъ одушевленіемъ. Поразительна, напримѣръ, для того, кто знаетъ финалъ дѣятельности Лонгинова, его восторженная статья о Бѣлинскомъ, по поводу выхода перваго тома его сочиненій... Все изданіе разсчитано на пять томовъ, при чемъ въ пятый войдетъ вновь пересмотрѣнное второе изданіе извѣстной монографіи Лонгинова „Новиковъ и московскіе мартинисты“. Редакція и примѣчанія, принадлежащія П. К. Симони, пополняютъ лонгиновскіе матеріалы многочисленными библіографическими дополненіями. Спеціалисты исторіи литературы не могутъ не быть чрезвычайно благодарны г. Бухгейму за это изданіе, тѣмъ болѣе, что по своему характеру оно не можетъ, конечно, разсчитывать на рыночный успѣхъ.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушескаго, проф. М. М. Ковалевскаго, академика Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова. Томъ II. Пгр. 1916 г. Стр. 348.

Съ большимъ промежуткомъ, черезъ два года послѣ перваго тома, появился второй томъ собранія монографій, посвященныхъ

украинской народности. Первый томъ, отчетъ о которомъ своевременно былъ данъ въ нашемъ журналѣ, заключалъ въ себѣ очеркъ украинской исторіи, принадлежащій перу извѣстнаго украинскаго ученаго и общественнаго дѣятеля, проф. Грушевскаго, — и составленный имъ же очеркъ исторіи научной работы, связанной съ украинскимъ національнымъ движеніемъ и направленной на всестороннее изслѣдованіе Украины и ея населенія. Продолженіе этой научной работы именно и является задачею изданія „Украинскій народъ“, и во второмъ его томѣ мы находимъ уже цѣлый рядъ статей по разнымъ отраслямъ украиновѣдѣнія, а именно: очеркъ географіи Украины (С. Рудницкаго), статистика украинскаго населенія (А. Русова), Галиція и Буковина (В. Охримовича), Угорская Русь (С. Томашевскаго), антропологическія особенности и этнографическія особенности украинскаго народа (Ѳ. Волкова), обычное право украинскаго народа (Т. Ефименко), очеркъ исторіи украинскаго языка (А. Шахматова). Неравноцѣнныя по своему объему и научному значенію статьи эти, въ своей совокупности, удачно выполняютъ намѣченную спеціальную задачу, а нѣкоторыя изъ нихъ являются крупнымъ вкладомъ и въ общую науку.

Географическій очеркъ г. Рудницкаго не представляетъ, конечно, интереса новизны для русскаго читателя, особенно въ частяхъ, относящихся къ территоріи Европейской Россіи, но онъ отвѣчаетъ общему плану изданія, включая въ себѣ, въ сжатомъ изложеніи, характеристику естественныхъ условій и, отчасти, экономическихъ отношеній въ рамкахъ области, занимаемой украинскимъ населеніемъ. Дополненіемъ къ очерку г. Рудницкаго являются статьи гг. Охримовича и Томашевскаго, съ болѣе подробными данными касательно западныхъ вѣтвей украинской народности, въ предѣлахъ Австро-Венгріи.

Статистическое изслѣдованіе, принадлежащее перу уже покойнаго теперь А. Русова, посвящено обстоятельной разработкѣ данныхъ всероссійской переписи 1897 г. въ отношеніи населенія Европейской Россіи, показавшаго своимъ роднымъ языкомъ — украинскій. Почти два десятка лѣтъ, протекшихъ со времени переписи, лишаютъ, конечно, приведенныя въ статьѣ Русова цифры абсолютнаго значенія, но его выводы, несомнѣнно, сохраняютъ въ значительной степени свою силу и теперь, такъ какъ бытовыя условія и внутреннія отношенія на украинской территоріи не могли за этотъ промежутокъ подвергнуться кореннымъ измѣненіямъ. А выводы эти очень важны для оцѣнки условій жизни народныхъ массъ на Украинѣ и ихъ культурнаго уровня. Такъ, напр., при распредѣленіи населенія имперіи по народностямъ и занятіямъ, оказыва-

ется, что украинцы попадаютъ въ группу народностей съ исключительнымъ преобладаніемъ земледѣлія (87,5%), рѣзко отличаясь этимъ отъ родственныхъ народностей — великорусской (70,3% земледѣльцевъ) и польской (61,4% земледѣльцевъ), для которыхъ въ значительно большей степени доступны иныя формы примѣненія труда. Еще ярче рисуютъ неблагопріятное положеніе украинцевъ въ ряду другихъ народностей приводимыя Русовымъ цифры грамотности; здѣсь оказывается, что процентъ грамотныхъ для всего населенія имперіи составляетъ 29,3% мужчинъ и 13,0% женщинъ тогда какъ украинцы насчитываютъ всего 23,3% грамотныхъ мужчинъ и 3,9% грамотныхъ женщинъ. Этого рода данныя являются достаточнымъ обоснованіемъ требованій національзаціи народной школы на Украинѣ, которыя такъ долго и настойчиво, но пока безуспѣшно, заявляются украинскими общественными дѣятелями.

Большую половину разсматриваемой книги занимаютъ работы проф. Волкова по антропологіи и этнографіи украинской народности. Первая изъ этихъ работъ—антропологическій очеркъ—представляетъ совершенно новую обработку предмета, по даннымъ антропометрическихъ измѣреній, произведенныхъ проф. Волковымъ и его учениками надъ тысячами жителей различныхъ частей украинской территоріи. Сведенные въ рядъ таблицъ подсчеты проф. Волкова даютъ антропологамъ новый солидный фундаментъ для дальнѣйшихъ обслѣдованій украинскаго этническаго типа. Съ своей стороны, авторъ въ заключительной части статьи приводитъ общую характеристику этого типа и тѣ гипотетическіе выводы, какіе можно сдѣлать при настоящемъ состояніи науки, объ отношеніи украинской народности къ другимъ славянскимъ племенамъ: именно онъ устанавливаетъ антропологическое сходство украинцевъ съ южными и западными славянами и большую расовую чистоту ихъ сравнительно съ сѣверными вѣтвями русскаго племени.

Въ обширной статьѣ „Этнографическія особенности украинскаго народа" находимъ обильный и въ значительной степени новый матеріалъ для характеристики быта и внѣшней культуры украинскаго населенія, съ любопытными историческими и археологическими параллелями. Строго слѣдуя въ своемъ изложеніи методу сравнительной этнографіи, проф. Волковъ даетъ систематическое описаніе промысловъ на Украинѣ, народной техники украинцевъ, ихъ національной пищи, одежды, вѣрованій, обрядовъ и эмпирическихъ научныхъ познаній.

Заключительные выводы проф. Волкова весьма интересны по своимъ сближеніямъ, подкрѣпляя и углубляя соображенія, высказанныя авторомъ въ антропологическомъ очеркѣ.

Обѣ статьи проф. Волкова иллюстрированы рисунками, фотографическими снимками и картограммами.

Статья г. Ефименко, въ отличіе отъ другихъ статей сборника, носитъ характеръ бѣглаго журнальнаго очерка, останавливаясь лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся, чертахъ обычнаго права украинцевъ, частью связанныхъ древне-русскимъ правомъ, частью выросшихъ на почвѣ бытового уклада старой казацкой Украины; но и этотъ обильный и довольно случайный матеріалъ, приводимый авторомъ, достаточно ярко характеризуетъ особенности правовыхъ воззрѣній украинской народности и индивидуалистическую основу ея своеобразной національной психологіи.

Заканчиваетъ книгу очеркъ акад. Шахматова, посвященный схемѣ историческаго развитія украинскаго языка, въ связи съ общей гипотезой о ходѣ образованія русскихъ нарѣчій, разработанной авторомъ въ послѣдніе годы. Статья этого неутомимаго изслѣдователя глубинъ русскаго языка читается съ такимъ же интересомъ, какъ и всѣ его работы, въ которыхъ онъ популяризуетъ результаты своихъ изысканій и построенныя на нихъ сложныя и тонкія соображенія о событіяхъ доисторическихъ временъ.

По своей внѣшности, второй томъ изданія „Украинскій народъ" не уступаетъ первому, — та же прекрасная бумага, изящная печать и хорошее исполненіе иллюстрацій.

На заглавномъ листѣ книги отмѣчены крупныя утраты, понесенныя редакціоннымъ комитетомъ изданія, въ лицѣ скончавшихся М. М. Ковалевскаго и Ѳ. Е. Корша. Нужно надѣяться, что эти потери не помѣшаютъ комитету закончить свое цѣнное и солидное предпріятіе, — которое, къ тому же, такъ отвѣчаетъ интересамъ момента, властно выдвинувшаго судьбы украинскаго народа на видное мѣсто...

П. Стебницкій.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга двадцать первая (XXI). Москва. XXVIII + 592 стр. Ц. 4 р.

Московскій архивъ министерства юстиціи въ 20-й книгѣ „Описанія" закончилъ дѣла Разряда. Обѣщая съ 24-й книги издавать уже начатое описаніе бумагъ правительствующаго сената, архивъ одновременно приступилъ къ послѣдовательному описанію хранящейся въ немъ литовской метрики. Настоящая книга и является первымъ томомъ этой серіи; слѣдующія двѣ книги, 22—23, будутъ продолженіемъ настоящаго описанія.

Въ введеніи данъ краткій историческій очеркъ литовской метрики и помѣщены свѣдѣнія о работахъ по описанію ея съ краткимъ обозрѣніемъ содержанія вошедшихъ въ этотъ томъ книгъ.

Подъ именемъ литовской метрики разумѣется государственный архивъ Великаго Княжества Литовскаго, перевезенный послѣ взятія Суворовымъ Варшавы въ 1794 г. въ Петроградъ, съ присоединеніемъ къ нему тѣхъ документовъ польской метрики, которые касаются русскихъ областей, отошедшихъ къ Россіи при раздѣлѣ Польши.

Въ Петроградѣ метрика была помѣщена сначала при III департаментѣ сената, съ выдѣленіемъ документовъ дипломатическихъ, которые были помѣщены въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Для приданія большаго порядка документамъ метрики, а также и въ видахъ облегченія пользованія ею, въ XIX вѣкѣ дважды принимались за описаніе дѣлъ метрики. Въ первый разъ въ 1803—1805 гг. эту работу совершала особо учрежденная экспедиція, подъ названіемъ „Метрика присоединенныхъ провинцій“, со Стефаномъ Козелломъ во главѣ. Во второй разъ надъ приведеніемъ метрики въ порядокъ трудилась спеціальная комиссія въ 1835 году. Созданіе комиссіи имѣло цѣлью, между прочимъ, пресѣчь злоупотребленія метрикой со стороны разныхъ авантюристовъ, стремившихся путемъ подлоговъ въ метрикѣ добиться признанія за собой шляхетскихъ правъ, — что было особенно развито въ періодъ послѣ 1805 года. Комиссія заново пересмотрѣла всѣ книги, перенумеровала, прошнуровала и снабдила ихъ печатями и особыми записями количества листовъ. Дѣла, не переплетенныя ранѣе и хранившіяся въ связкахъ, были переплетены и образовали собой отдѣлъ „Новыя книги“.

Въ 1887 г. литовская метрика изъ III департамента правительствующаго сената была переведена на храненіе въ московскій архивъ министерства юстиціи.

За время пребыванія литовской метрики въ Петроградѣ были составлены описи ея дѣламъ и документамъ по разнымъ случаямъ. Изъ этихъ описательныхъ работъ слѣдуетъ отмѣтить особенно работы уже упомянутой экспедиціи 1803 г., составившей двѣ „Генеральныя описи“: книгамъ записей литовскихъ и книгамъ судныхъ дѣлъ. Но всѣ эти труды по описанію книгъ литовской метрики оказались, въ концѣ концовъ, крайне неудовлетворительными: описи страдаютъ неполнотой, неточностью, отсутствіемъ какого-либо указателя. Въ виду всего этого, а также и вслѣдствіе огромной научно-исторической важности метрическихъ матеріаловъ, московскій архивъ министерства юстиціи рѣшилъ приступить къ новому описанію всѣхъ книгъ литовской метрики и поручилъ это дѣло III от-

дѣленію архива, въ завѣдыванiи котораго находятся дѣла метрики, и которое и ранѣе уже работало надъ частнымъ описаніемъ ея. Первоначально имѣлось въ виду ограничиться лишь рукописнымъ описаніемъ для потребностей архива, и только потомъ, по мѣрѣ накопленія описательнаго матеріала и по новомъ коренномъ пересмотрѣ системы описанія, состоялось рѣшеніе издать его въ архивномъ органѣ.

Архивъ началъ свое описаніе литовской метрики съ книгъ записей, какъ наиболѣе важнаго въ практическо-юридическомъ отношеніи отдѣла. Въ настоящемъ томѣ помѣщено описаніе части 5 и слѣдующихъ по порядку книгъ Записей до 12 книги включительно. Что касается первыхъ четырехъ книгъ Записей и первой части пятой, то описанія ихъ нѣтъ здѣсь по слѣдующимъ причинамъ 1-я и 2-я книги записей литовскихъ, тождественныя по содержанію своему, заключаютъ въ себѣ не документы, а лишь описаніе документовъ, обнимающихъ періодъ времени съ 1380 по 1570 годъ, — и этимъ существеннымъ образомъ отличаются отъ другихъ книгъ Записей. Въ виду того, однако, что подлинные документы, описанные въ 1 и 2 книгахъ Записей, въ большинствѣ случаевъ безвозвратно исчезли для науки, и опись ихъ, по этой причинѣ, пріобрѣтаетъ значеніе первоисточника, издатели настоящей книги напечатали, въ качествѣ приложенія, цѣликомъ текстъ первой книги, а изъ второй взяли варіанты. Третья, четвертая и первая часть пятой книги опущены въ настоящемъ изданіи по той причинѣ, что онѣ уже изданы Императорской Археографической Комиссіей въ XXVII томѣ „Русской Исторической Библіотеки“.

Время, къ которому относятся описанные документы литовской метрики, падаетъ на древнѣйшій періодъ литовской исторіи — на конецъ XV в. и первую четверть XVI. По содержанію своему это по преимуществу княжескія и королевскія грамоты, привилегіи и подтвержденія разнымъ лицамъ и учрежденіямъ по разнымъ случаямъ, расположенныя безъ системы. Тутъ есть листы на имѣнія и распоряженія о размѣрахъ мыта, листы на корчмы и привилеи городамъ на магдебургское право, документы, касающіеся обороны страны и мѣстнаго управленія, долговая росписка короля кредитору и т. п. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ приводятся, между прочимъ, и списки московскихъ плѣнниковъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что въ этихъ книгахъ, помимо характернаго для всей вообще метрики матеріала по внутренней исторіи государства, встрѣчается не мало и дипломатическихъ документовъ („посольства“, „докончанья“ и др. акты).

Для удобства пользованія описаніемъ къ книгѣ приложены че-

тыре указателя: личный — къ описанію, географическій — къ приложенію и географическій — къ приложенію.

Работы по приготовленію къ печати изданнаго описанія литовской метрики велись, подъ руководствомъ управляющаго архивомъ проф. Д. В. Цвѣтаева, начальникомъ III отдѣленія архива С. К. Шамбинаго и дѣлопроизводителемъ Н. Г. Бережковымъ.

Научно-историческій интересъ къ прошлому нашей западной окраины, никогда вообще не остывавшій въ русскомъ образованномъ обществѣ и съ особенной силой оживившійся въ связи съ событіями настоящей великой войны и поднятыми ею національно-политическими проблемами на этой окраинѣ, дѣлаетъ очевидной, безъ лишнихъ комментаріевъ, ту огромную пользу, какую могутъ извлечь русская историческая наука и русское общество изъ описанія литовской метрики. Архивъ, издавая это описаніе со всею тщательностью и даже изяществомъ, на превосходной бумагѣ, и облегчая для интересующихся литовско-русской исторіей доступъ и пользованіе своими сокровищами, обѣщаетъ, на ряду съ описаніемъ метрики издавать въ другомъ своемъ органѣ „Сборникѣ московскаго архива министерства юстиціи“ и самые документы ея, которые архивъ найдетъ особенно важными или интересными. Между прочимъ, уже готовятся къ печати документы литовско русскаго государства въ его отношеніяхъ къ Крыму.

Горячо привѣтствуя добрый починъ начатаго архивомъ многотруднаго и полезнаго дѣла, пожелаемъ отъ души ему также успѣшно продолжать его и благополучно довести до конца.

С. Н—въ.

Письма къ библіографу С. И. Пономареву. Съ 1 гравюрой и 14 иллюстраціями. Москва, изд. Л. Э. Бухгейма. 1915. Стр. CV + + 230. Цѣна 5 р.

Книга содержитъ письма къ С. И. Пономареву, извѣстному въ свое время писателю-библіографу, редактировавшему посмертное изданіе сочиненій Некрасова, отъ слѣдующихъ лицъ: И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярскаго, О. М. Бодянскаго, кн. П. А. Вяземскаго, В. П. Гаевскаго, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисѣева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованскаго. Всѣ письма касаются библіографическихъ занятій Пономарева, но иногда въ нихъ находимъ также интересныя черточки для литературной исторіи своего времени и для характеристики авторовъ писемъ.

Вотъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ, затронутыхъ письмами: М. М. Стасюлевичъ напоминаетъ о комедіи, принадлежавшей князю В. Мещерскому и нѣкогда читанной у кн. Вяземскаго. Слушать ее былъ приглашенъ и Стасюлевичъ. Называлась она „Десять лѣтъ изъ жизни редактора журнала“. По сообщенію Стасюлевича: „тамъ была выставлена въ глупой, но злой карикатурѣ редакція „Современника“ съ Некрасовымъ во главѣ, и въ редакціи, при поднятіи занавѣса, торжествуютъ апраксинскій пожаръ и соболѣзнуютъ о томъ, что не сгорѣлъ Гостиный дворъ и т. д. — на эту тему. Однимъ словомъ, редакція изображена въ видѣ вертепа. Гостями на этомъ литературномъ вечерѣ были — наслѣдникъ и герцогиня Евгенія Максиміліановна Лейхтенбергская... Послѣ чтенія 1-го акта я ушелъ совсѣмъ, и старикъ (Вяземскій) на слѣдующій день поднялся ко мнѣ въ 9 часовъ утра, чтобы извиниться за непріятность, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, пригласивъ на такое нелѣпое чтеніе... Въ то время много говорили объ этомъ вечерѣ и серьезно обвиняли Вяземскаго въ намѣреніи уронить либеральную печать въ глазахъ цесаревича“. — Библіографъ П. А. Ефремовъ разсказываетъ о своихъ тревогахъ по поводу затѣянныхъ имъ изданій сочиненій Радищева и Рылѣева: „Лонгиновъ по старой давней дружбѣ, сдѣлавшись президентомъ цензуры, ладитъ меня, по знакомству, подъ окружный судъ за печатанье Радищева и Рылѣева, котораго изданіе, мною оканчиваемое, даже обѣщалъ остановить безъ суда по Высочайшему повелѣнію. Вотъ и считайте на друзей“... (20 марта, 1872 г.). — И. С. Аксаковъ излагаетъ въ 1881 г. свое любопытное profession de foi (при изданіи своей „Руси“): „Изданіе газеты предпринялъ я единственно съ цѣлью б о р ь б ы. Ея задача бороться съ ложнымъ политическимъ либерализмомъ современнаго общества, съ антинаціональнымъ матеріалистическимъ направленіемъ, заполонившимъ всю, такъ называемую, „интеллигенцію“. Кругомъ насъ въ „культурной“ средѣ общественной, кишатъ революціонно-отрицательные элементы. Поэтому газета поневолѣ становится трибуной, на которой не совсѣмъ-то мѣсто досужимъ воспоминаніямъ о прекрасномъ старомъ мирномъ времени, гдѣ самые жгучіе вопросы были интересы мысли, науки и искусства. Людямъ револьвера и динамита приходится держать рѣчи совсѣмъ иного свойства. Не прошло полутора мѣсяца по полученіи вашей рукописи, какъ нагрянуло событіе 1 марта. Тутъ, конечно, было не до нея, — все отодвинулось на задній планъ“... Въ концѣ этого же письма Аксаковъ даетъ нѣсколько строкъ воспоминаній о похоронахъ Гоголя.

Въ тридцати письмахъ къ Пономареву князя П. А. Вяземскаго разсѣяны черточки, характеризующія настроенія послѣднихъ лѣтъ

жизни этого умнаго и остроумнаго человѣка, изъ аристократической дали наблюдавшаго, въ качествѣ хранителя традиціи тридцатыхъ годовъ, литературную суету новаго времени. Пономареву, собиравшему подробныя свѣдѣнія о литературной дѣятельности кн. Вяземскаго (впослѣдствіе они были напечатаны Академіей Наукъ), онъ пишетъ 15 марта 1869 г. „Погодите, можетъ быть, лѣтъ черезъ 50, когда черви объѣдятъ меня до косточки, меня отыщутъ и помянутъ словомъ безпристрастнымъ и мнѣ подобающимъ. Я не самохвалъ, но знаю, что я имѣю свое время и мѣсто въ русской литературѣ, имѣлъ въ ней голосъ и значеніе. Было время, когда говорили печатно, что я остроумнѣйшій русскій писатель — съ тѣхъ поръ я ли поглупѣлъ, или другіе стали больно умны, но дѣло вовсе перемѣнилось.

Теперь въ ходу, теперь въ чести
Другіе люди и новинки.
А мы? Мы на живомъ пути
Чего-то прошлаго поминки.
Что жъ дѣлать? Каждому свой день.
Напрасны жалобы и пени:
Иные всходятъ на ступень,
Другіе сходятъ со ступени.

„Вотъ что сказалъ я въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ стихотвореній. И вотъ моя откровенная исповѣдь. Дай вамъ Богъ здравія и благоденствія. Черезъ 50 лѣтъ вспомните мои слова, пишите тогда повсемѣстные циркуляры, выкопайте меня изъ гроба и канонизируйте меня, какъ и сколько угодно. А если хотите узнать всю подноготную современной литературы, прочтите брошюрку Антоновича: „Матеріалы для характеристики современной русской литературы“. Вотъ исповѣдь и доносъ самые назидательные“ (брошюра Антоновича — довольно извѣстный памфлетъ противъ Некрасова и Елисѣева). Послѣднія письма кн. Вяземскаго очень брюзгливы. „Всѣ связи мои съ журналами порваны, — читаемъ въ одномъ изъ нихъ, — даже съ благочестивымъ и нѣсколько мнѣ родственнымъ „Гражданиномъ“. Всѣ наши журналы, болѣе или менѣе, мнѣ опротивѣли и огадились“... Въ другомъ письмѣ (незадолго до смерти) читаемъ: „Для меня нынѣшняя литературщина не существуетъ... Богъ сдѣлалъ меня не злоязычнымъ, а махонько остроязычнымъ: вотъ я и острю. А вы хотите, чтобы я урѣзалъ себѣ языкъ. Вишь, какую Бироновщину вздумали вы... На старости нечего жизнь исправлять: не исправишь. Прошедшаго не воротишь, прошедшаго не уничтожишь. О будущемъ, о судѣ потомства мало думаю, на настоящее плюю. Вотъ и вся сказка недолга. Я ужъ не отъ міра сего. Русскому, и въ моемъ положеніи, жить въ Гомбургѣ не есть

жить: это то же, что покойникъ въ гробу: онъ еще не похороненъ, онъ еще на землѣ, а не подъ землею, но все же уже трупъ. А Воейковъ говаривалъ: съ мертвыми церемониться нечего: ими хоть заборъ городи"...

Письмамъ, собраннымъ въ книгѣ, предпосланы матеріалы для біографіи С. И. Пономарева и списокъ его работъ, составленные Л. И. Радченкомъ. Примѣчанія къ письмамъ составлены издателемъ Л. Э. Бухгеймомъ и даютъ много полезныхъ справокъ и поясненій. Перепечатаны здѣсь, между прочимъ, забытая газетная замѣтка А. Н. Пыпина о книгѣ Булича „Сумароковъ и современная ему критика", и шуточная юношеская поэма Н. В. Гербеля 1844 года. Прекрасно отпечатанная, съ отлично исполненными иллюстраціями, эта „любительская" книга издана только въ количествѣ 300 экземпляровъ; она не будетъ обойдена занимающимися исторіей новой русской литературы.

Ч. В—скій.

М. М. Кацнельсонъ. Приготовленіе синтетическихъ химико-фармацевтическихъ препаратовъ. Практическія работы для химиковъ, медиковъ и фармацевтовъ. Подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. А. Е. Чичибабина. Съ приложеніемъ описанія приготовленія нѣкоторыхъ фитохимическихъ препаратовъ и съ 69 рис. въ текстѣ. Москва, 1915, стр. 376. Ц. 1 р. 75 к.

Измѣнившіяся за время военныхъ дѣйствій экономическія условія внесли небывалое оживленіе въ химическую промышленность Россіи. Съ самаго начала войны, благодаря обнаружившемуся недостатку въ медикаментахъ, цѣлый рядъ общественныхъ организацій и частныхъ лицъ выступили на борьбу съ „медикаментнымъ голодомъ". Въ настоящее время нѣкоторыя производства настолько расширены, основано множество новыхъ, что остро ощущавшійся недостатокъ въ нѣкоторыхъ веществахъ и препаратахъ можно считать въ значительной мѣрѣ устраненнымъ. Большую услугу въ этомъ вопросѣ оказали странѣ ученыя общества, лабораторіи высшихъ учебныхъ заведеній и проч. учрежденія. Редакторъ разсматриваемаго труда, проф. А. Е. Чичибабинъ, явился однимъ изъ первыхъ піонеровъ этого движенія. Основанный имъ въ Москвѣ комитетъ по приготовленію фармацевтическихъ препаратовъ развилъ весьма широкую дѣятельность. Вопросы полученія іода изъ водорослей Бѣлаго моря, полученіе хлороформа изъ спирта, переработка опіума на алколоиды и проч. — всѣ эти задачи были поставлены проф. А. Е. Чичибабинымъ въ лабораторіяхъ Имп. техническаго училища въ Москвѣ еще осенью 1914 года. Одно изъ самыхъ главныхъ препятствій,

встрѣтившихся при этихъ работахъ, заключалось въ отсутствіи у насъ химиковъ, знакомыхъ съ методами полученія фармацевтическихъ препаратовъ. Постановка нашего химическаго образованія — даже высшаго — отличается отъ таковой же въ Западной Европѣ своей энциклопедичностью. Если просмотрѣть объявленія, помѣщаемыя, напр., въ „Chemiker-Zeitung" о химической работѣ, то сразу бросится въ глаза слѣдующее: „Химикъ, проработавшій 10 лѣтъ на содовомъ заводѣ, ищетъ мѣста на такомъ же заводѣ" или „техникъ, знакомый съ производствомъ анилиновыхъ красокъ, желаетъ получить мѣсто на красочномъ же заводѣ", и т. д. У насъ же не рѣдкость встрѣтить химика, который, въ теченіе 10—15 лѣтъ своей работы перемѣнилъ нѣсколько спеціальностей химическаго характера. Недостатокъ мѣстъ приложенія своего спеціальнаго труда и невозможность, подчасъ, спеціализироваться въ избранной области вліяютъ на постановку преподаванія химіи въ высшей школѣ, — химическое образованіе должно у насъ быть общимъ, безъ всякой узкой спеціализаціи.

Теперь, когда мы столкнулись съ необходимостью основать цѣлый рядъ новыхъ производствъ и появилась нужда въ узкихъ спеціалистахъ — въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и спеціальныхъ обществахъ поднятъ вопросъ объ измѣненіи программъ изученія химіи, основаніи отдѣльныхъ факультетовъ и проч. Въ частности, нѣкоторыя учебныя заведенія уже открыли спеціальныя фармацевтическія отдѣленія, напр., психо-неврологическій институтъ.

Отсутствіе спеціальной учебной литературы на русскомъ языкѣ по изготовленію фармацевтическихъ препаратовъ побудило автора разсматриваемой книги составить руководство по этому вопросу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, справочникъ для небольшихъ лабораторій, не располагающихъ библіотеками спеціальнаго характера. По расположенію матеріала, книга М. Кацнельсона можетъ вполнѣ замѣнить обычныя руководства по изготовленію органическихъ препаратовъ — Гаттермана, Генле и др. Въ общей части описано полученіе исходныхъ и промежуточныхъ препаратовъ, обычно входящихъ въ органическую практику въ университетахъ, и попутно изложены общіе методы органическаго анализа, очищенія техническихъ препаратовъ и проч. Вторая, спеціальная, часть содержитъ описаніе способовъ полученія фармацевтическихъ препаратовъ — веронела, сальварсана, фенацетина и проч. Такимъ образомъ, пользуясь этой книгой, студентъ знакомится вообще съ техникой изготовленія препаратовъ и въ то же время можетъ изучить спеціальные методы фармацевтической химіи. При каждомъ препаратѣ сообщается подробная литература по данному вопросу. Какъ видно изъ предисловія, большин-

ство изъ приведенныхъ способовъ провѣрено въ лабораторіяхъ технического училища, но, къ сожалѣнію, такіе провѣренные способы ничѣмъ не отмѣчены. Равнымъ образомъ, не указано, какіе изъ приводимыхъ методовъ относятся къ числу лабораторныхъ и какіе примѣняются въ фабрично-заводскомъ производствѣ.

Несмотря на эти незначительные — чисто редакціоннаго характера — недостатки, разсматриваемая книга должна быть отнесена къ числу въ высшей степени цѣнныхъ пріобрѣтеній нашей спеціальной литературы за послѣднее время. Своевременность выхода ея въ свѣтъ, полнота содержанія и удачный подборъ матеріала — все это, несомнѣнно, будетъ способствовать распространенію этой полезной книги, которой остается пожелать оказать свое вліяніе на подготовку будущихъ спеціалистовъ и тѣмъ способствовать развитію отечественной фармацевтической промышленности.

Н. Сумъ.

Б. Авиловъ. Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. (Вліяніе войны, возможныя послѣдствія ея для народнаго хозяйства и проблема будущаго.) Стр. 86. Ц. 65 к. Петроградъ, 1916.

Вопросъ о вліяніи войны на народное хозяйство и соотвѣтственно о будущей народно-хозяйственной конъюнктурѣ принадлежитъ въ настоящее время къ числу самыхъ важныхъ. Онъ требуетъ всесторонняго освѣщенія. Съ этой точки зрѣнія можно было бы привѣтствовать и небольшую книжку Б. Авилова. Но съ оговорками.

Подходя къ поставленной темѣ, авторъ полагаетъ, что необходимо предварительно разсмотрѣть недавнее прошлое народнаго хозяйства, затѣмъ вліяніе войны на него и послѣ этого уже говорить о возможномъ будущемъ, предполагая для объективности, что соціально-политическія условія страны, въ общемъ, останутся прежнія. Методъ совершенно правильный. Но правильность метода еще не гарантируетъ правильное примѣненіе его. Это мы видимъ отчасти и здѣсь.

Вмѣсто того, чтобы дать хотя бы и краткую, но ясную и стройную картину того состоянія, въ какомъ наше народное хозяйство очутилось ко времени начала войны, авторъ даетъ краткій и совершенно случайный очеркъ колебанія, главнымъ образомъ, конъюнктуры металлургической промышленности, стремясь все время показать, что русско-японская война создала длительный застой нашей промышленной жизни. Однако, эта мысль, хотя бы она и была правильна, въ сочиненіи автора никакой доказательной роли, кромѣ роли единичной и случайной иллюстраціи, не играетъ.

Затѣмъ авторъ показываетъ, что настоящая война ведетъ къ необыкновенному истребленію капиталовъ, къ пониженію народныхъ покупательныхъ силъ и народнаго потребленія, соотвѣтственно къ сжатію экономическаго оборота, къ необыкновенной государственной задолженности и наводненію рынка бумажными деньгами. Отсюда и будущее народнаго хозяйства рисуется автору какъ періодъ длительно-пониженной конъюнктуры.

Намъ кажется, что поскольку мы сознательно не принимаемъ во вниманіе возможныя измѣненія соціально-политической обстановки и вліянія этихъ измѣненій на экономическую жизнь будущаго, авторъ въ выводахъ въ общемъ правъ. Его анализъ въ данныхъ частяхъ обстоятельнѣе, хотя и не теряетъ характера нѣкоторой случайности.

Но едва ли не основной дефектъ работы Б. Авилова, дефектъ, съ научной точки зрѣнія принципіально-важный и состоящій въ томъ, что въ то время, какъ предметомъ изслѣдованія (а соотвѣтственно и предвидѣнія) автора является народное хозяйство, какъ цѣлое, его фактическій анализъ, если не считать случайныхъ замѣчаній, проходитъ совершенно мимо сельскаго хозяйства. Авторъ оправдывается тѣмъ, что „эта тема слишкомъ обширна и потребовала бы особаго изслѣдованія“. Это правда. Но она не касается существа дѣла. То, что сельское хозяйство и его состояніе есть могущественный факторъ будущаго, что, игнорируя, его, необходимо соотвѣтственно ограничивать свои заданія и выводы, — это остается.

Такимъ образомъ, хотя авторъ и не лишенъ чутья къ явленіямъ экономической жизни, хотя отдѣльныя мѣста и выводы его книги интересны, въ цѣломъ и съ точки зрѣнія систематическаго изслѣдованія она производитъ невыгодное впечатлѣніе. Авторъ взялъ слишкомъ большой вопросъ, чтобы основательно и глубоко изучить его на нѣсколькихъ страницахъ при помощи нѣкоторыхъ цифръ. Скорѣй его книгу нужно разсматривать какъ рядъ публицистическихъ статей. Въ качествѣ таковой она будетъ не безполезна для широкаго круга читателей.

Н. Кондратьевъ.

И. В. Михайловъ. Война и наше денежное обращеніе. (Война и экономическая жизнь, изд. Всероссійскаго земскаго союза подъ общ. ред. проф. П. Б. Струве, вып. II, стр. 48, діаграммъ 11. Ц. 60 к.)

„Факты и цифры“ — такъ гласитъ подзаголовокъ настоящей работы. Имъ вполнѣ опредѣляется характеръ ея содержанія. Это довольно яркое и систематичное изображеніе нашего денежнаго

обращенія за время войны. Авторъ рисуетъ вліяніе войны на денежный рынокъ, разбираетъ вопросъ о финансированіи войны и прослѣживаетъ измѣненіе строя денежнаго обращенія подъ вліяніемъ сокращенія кредитныхъ сдѣлокъ и наводненія каналовъ обращенія бумажными деньгами.

Свою задачу авторъ выполняетъ тщательно. Онъ пользуется богатыми цифровыми данными и различными діаграммами. Его изложеніе наглядно и, какъ правило, просто. Однако, намъ кажется, что, сопоставляя, въ частности, ряды стоимости иностранной валюты, количества кредитныхъ билетовъ и сальдо нашего торговаго баланса, авторъ напрасно усложнилъ вопросъ своимъ пріемомъ „трехъ таблицъ" (см. стр. 44—47). Тотъ же выводъ, какой получилъ онъ, можно было получить и съ помощью простой діаграммы.

Теоретическій анализъ вопросовъ денежнаго обращенія и освѣщеніе ихъ при помощи новыхъ фактовъ, какъ выходящіе за предѣлы заданія работы, въ ней отсутствуютъ.

Но какъ систематическую сводку данныхъ — работу смѣло можно рекомендовать вниманію интересующихся вопросами денежнаго обращенія.

Н. Кондратьевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Петръ Рыссъ. Италія. Москва, 1916. Стр. 239. Ц. 1 р. 50 к.

Политическіе и соціальные этюды, собранные въ книгѣ г. Рысса, заключаютъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній объ общественной и парламентской жизни современной Италіи и объ ея наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ. Книга распадается на двѣ части: въ первой говорится о соціалистическомъ движеніи, о политическихъ и парламентскихъ партіяхъ, о реформѣ избирательнаго права, объ эмиграціи, о государственномъ страхованіи жизни, о мотивахъ участія Италіи въ міровой войнѣ; вторая часть даетъ краткія характеристики цѣлаго ряда лицъ, игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль въ новѣйшей итальянской исторіи, — начиная съ Маццини и кончая барономъ Соннино. Повидимому, авторъ хорошо знакомъ съ политическою литературою и журналистикою Италіи, и читатель найдетъ въ его книгѣ, между прочимъ, не мало поучительныхъ данныхъ объ эволюціи новѣйшаго итальянскаго соціализма.

К. Тахтаревъ. Соціологія, какъ наука. Петроградъ, 1916. Стр. 81. Ц. 1 р.

Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ признанія, что соціологія, какъ наука, еще не существуетъ. „Наука, извѣстная подъ названіемъ соціологіи, — говоритъ онъ — еще не установлена. Общепринятой системы соціологіи не существуетъ. Соціологія многими понимается различно". Нѣтъ даже точнаго опредѣленія задачъ и содержанія этой науки. „Подобному положенію дѣла, — заявляетъ г. Тахтаревъ, — долженъ быть положенъ предѣлъ. Послѣ первой главы оказывается уже, что автору удалось благополучно разрѣшить основной вопросъ, отъ котораго зависитъ существованіе соціологіи, какъ науки, вопросъ о закономѣрности общественныхъ явленій, и, слѣдовательно, соціологія можетъ уже существовать. Послѣ третьей главы авторъ съ удовлетвореніемъ признаетъ, что опредѣленіе и содержаніе соціологіи вполнѣ установлены. „Соціологія, — объясняетъ онъ, — есть совершенно особая наука о закономѣрности общественной жизни", имѣетъ свои опредѣленныя задачи и „пользуется соотвѣтствующими пріемами научнаго изслѣдованія". Авторъ ограничивается въ своей книжкѣ бѣглымъ обзоромъ мнѣній нѣкоторыхъ старыхъ писателей по соціологіи и совершенно не касается новѣйшей литературы предмета. Книжка, написанная вообще популярно, составляетъ введеніе въ курсъ соціологіи, читанный въ психо-неврологическомъ институтѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ Лесгафта.

А. А. Корниловъ. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка. Историческій очеркъ съ тремя картами. Петроградъ, 1916. Стр. 93. Ц. 80 к.

Весьма содержательная и интересная книжка А. А. Корнилова составилась изъ статей, напечатанныхъ имъ въ „Русской Мысли" за 1915 г., когда польскій вопросъ не имѣлъ еще такого остраго и жгучаго характера, какъ въ настоящее время. Самый печальный для насъ періодъ русско-польскихъ отношеній — періодъ безплодной, раздражающей и оскорбительной для національнаго чувства поляковъ обрусительной политики — обрисованъ авторомъ въ

краткихъ, но ясныхъ чертахъ. Мѣстные представители власти, склонявшіеся къ болѣе мягкимъ примирительнымъ мѣрамъ, не встрѣчали сочувствія и поддержки со стороны петербургской бюрократіи; такъ продолжалось до извѣстнаго августовскаго воззванія, съ котораго, какъ думаетъ авторъ, „начинается новая эра въ отношеніяхъ русской власти къ польскому вопросу, — эра, къ которой относятся, безъ сомнѣнія, съ полной симпатіей широкіе круги русскаго общества". Къ сожалѣнію, центральныя бюрократическія вѣдомства вовсе не расположены способствовать осуществленію „новой эры", и послѣдняя до сихъ поръ не выходитъ изъ области неопредѣленныхъ добрыхъ намѣреній.

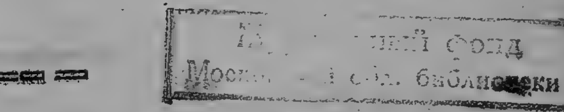
Въ Прибалтійскомъ краѣ. Эсты и латыши, ихъ исторія и бытъ. Сборникъ статей подъ ред. проф. М. А. Рейснера. Москва, 1916. Стр. 285. Ц. 1 р. 50 к.

Изданіе этого сборника предпринято группою латышскихъ и эстонскихъ дѣятелей съ цѣлью ознакомленія русскаго общества съ исторіею, условіями быта, національными стремленіями и интересами народностей, о которыхъ до послѣдняго времени существовали у насъ совершенно превратныя свѣдѣнія. Книга содержитъ въ себѣ, какъ выражаются сами издатели, „мрачную повѣсть о жизни и страданіяхъ прибалтійскихъ туземцевъ", угнетаемыхъ нѣмецкими баронами и ихъ русскими покровителями и приспѣшниками. Въ сборникѣ помѣщены статьи: проф. М. А. Рейснера о „нѣмцахъ и прибалтійской культурѣ", Р. Эліасера о „роли дворянъ въ мѣстномъ самоуправленіи" остзейскихъ губерній, Э. Дубосарскаго о „судѣ присяжныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ", К. Ландера о „развитіи аграрнаго строя Литвіи и Эстоніи" и о „латышской интеллигенціи и ея соціальныхъ стремленіяхъ", П. Семенова объ эстахъ, П. Рубеля о соціально-политическихъ стремленіяхъ эстонской интеллигенціи, И. Лапина объ экономическихъ и культурныхъ успѣхахъ латышскаго народа, Senex'а о латышской народной школѣ, С. Золотарева — „Десять лѣтъ въ прибалтійской школѣ", проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ — воспоминанія по поводу вопроса о равноправіи, и Скуеренъ — географическо-статистическій очеркъ Прибалтійскаго края.

Ллойдъ-Джорджъ. Рѣчи, произнесенныя во время войны. Петроградъ, 1916. Стр. 211. Ц. 1 р. 50 к.

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и энергичныхъ дѣятелей современной Англіи, Ллойдъ-Джорджъ, вышелъ изъ среды адвокатовъ и выдвинулся, главнымъ образомъ, своимъ ораторскимъ талантомъ. Во многихъ отношеніяхъ, — по силѣ своего краснорѣчія, по горячности темперамента, по своей необыкновенной энергіи и настойчивости, по умѣнью привлекать людей и руководить ихъ дѣйствіями, — онъ напоминаетъ Гамбетту. Пламенный патріотизмъ соединяется въ немъ съ широтою политическаго кругозора, и всѣ его взгляды проникнуты истинно-демократическимъ пониманіемъ задачъ государства и его органовъ. Рѣчи его не имѣютъ ничего общаго съ безсодержательнымъ фразерствомъ, которымъ щеголяютъ патріоты нѣкоторыхъ другихъ странъ, и книга прочтется съ интересомъ всѣми, кто пожелаетъ вникнуть въ дѣловую британскую психологію войны.

Л. С.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Азбукинъ, В. И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ. Орелъ, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.
Апостоловъ, Н. Карамзинъ, какъ романистъ-историкъ. Пгр., 1916 г.
Астровъ, С. Свѣтлый путь. Лирика.
Богдановъ, А. Подъ ласковымъ солнцемъ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
Випперъ, Р. Проф. Древній востокъ и эгейская культура. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гольдинъ, Н. Паденіе сословно-земскаго строя въ русской монархіи. Харьковъ, 1916 г. Ц. 2 р.
Кагаровъ, Е., проф. Основныя идеи античной науки. Харьковъ, 1916 г.
Карѣевъ, Н. Исторія Зап. Европы въ началѣ XX в. Ч. I. Пгр., 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.
Клингинъ, П. Посредническія и залоговыя операціи. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.
Коровинъ, Е. Мой уголокъ. Стих. Москва, 1916 г. Ц. 1 р.
Коутнякъ, І. Подъ игомъ Габсбурговъ. Нижній Новгородъ. 1916 г. Ц. 65 к.
Крагъ, Томъ. Исторія одного одинокаго. Ром. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
Кузьмичевъ, Е. Изъ тьмы. Стих. Москва, 1917 г. Ц. 2 р.
Ладыженскій, М. Невидимыя волны. Пов. Пгр., 1916 г. Ц. 3 р.
Лаккъ, У. Дж. Приключеніе Аристида Пюжоля, Ром. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.
Некрасовъ, П. Средняя школа, математика и научная подготовка учителей, Пгр., 1916 г.
Окуловъ, А. На Амылѣ рѣкѣ. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
Орканъ, В. Любовь и голодъ, переводъ съ польск. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
Раймистъ, Я. д-ръ. Наслѣдственныя состоянія. Ихъ происхожденіе и лѣченіе. Одесса, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
Розенбахъ, Ж. Агонія городовъ. Москва, 1917 г. Ц. 1 р.
Слезкинъ, Ю. Господинъ въ цилиндрѣ, Разск. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.
Тимковскій, Н. Дворянская берлога. Ром. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
Толстой, Ал., гр. Искры. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ундсетъ, Зиг. Викинги. Ром. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
Уральскій, Пав. Мгновенное и вѣчное. Стих. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.
Хирьяковъ, А. Десять лѣтъ трудовой группы. Пгр., 1916 г. Ц. 15 к.
Ховинъ, В. Не угодно ли-съ?! Силуэтъ В. В. Розанова. Пгр., 1916 г. Ц. 60 к.
Гюлистанъ, Альманахъ. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 10 к.
Поэзія Арменіи. Подъ ред. В. Брюсова. Москва, 1916 г. Ц. 5 р.

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій,

Ред.: Д. Д. Гриммъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

